АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

III

ОБЪЕДИНЕННОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ★ 1936 ★ ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АКАД. **Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ**

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

12 руб. 75 к., пер. 1 р. 50 к.

ОБЪЕДИНЕННОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ★ 1936 ★ ЛЕНИНГРАД

ЭО-10-5-4
Прот. ТЕК 53 от 13/VII 1936 г.

Редактор издательства ***А. Б. Маркин***
Технический редактор ***К. М. Шевелев***

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Непременный секретарь акад. ***Н. П. Горбунов***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуском настоящего тома, посвященного разнообразным вопросам социалистического строительства, заканчивается первая серия общего издания моих работ, первоначально задуманная в размере пяти томов.

В первом томе мы сосредоточились на вопросах электроэнергетики. Центральным звеном этого первого тома были те работы автора, которые связаны с планом Гоэлро. Во втором томе, посвященном проблемам планирования, такую центральную роль естественным образом играли материалы, связанные с подготовкой первой пятилетки, и выступления автора по самому плану этой пятилетки. Третий том является как бы дополнением первых двух томов, причем наряду с вопросами электроэнергетики и разнообразными вопросами народнохозяйственного планирования мы отвели значительное место и вопросам культурного строительства и характеристике тех близких нам и ушедших от нас товарищей, встречи и общение с которыми были глубоко волнующими в жизни самого автора. Конечно, в этом последнем разделе особенно широкое место заняли наши воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.

В третьем томе весь материал расположен также в хронологическом порядке. Такое расположение, несмотря на получающуюся пестроту изложения, имеет свое удобство: читателю легче проследить воздействие обстановки на автора и подметить важнейшие тенденции в истории роста нашей социалистической стройки.

Какой же вывод нам бы хотелось подчеркнуть с особой силой в итоге обзора тех материалов, каковые публикуются в настоящем томе?

Припомним пророческие слова К. Маркса:

«Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранить и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители, рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставя его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же

остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе». [1]

В этих положениях нашего первоучителя, по сути дела, даны прямые указания для основной периодизации всей истории нашего хозяйственного строительства, нашей борьбы за социализм. Известно, что коммунизм пришел в мир не для того, чтобы ограничиться философскими обобщениями порядков этого мира, а для того, чтобы преобразовать самый мир. Социалистический план, следовательно, по самому существу должен быть целевым планом. Однако поскольку мы живем еще в царстве необходимости, целевые ставки нашего плана на каждом этапе определяются с учетом осваиваемых нами материальных возможностей.

На первых порах, как видим, приходится ограничиться только некоторым общим контролем «обмена веществ с природой», стремясь отвоевать для ассоциированных производителей условия, «наиболее достойные и адэкватные их человеческой природе». Другими словами, для того, чтобы хозяйственный план был проникнут здоровым реализмом, надо определить *самую меру возможности действенного общественного контроля* всего механизма производства и воспроизводства материальных ценностей. Задача упрощается по мере роста производительных сил, сопровождающегося неуклонным и последовательным разрывом многочисленных цепей необходимости. Таким образом мера общественного контроля производственного процесса сводится к нащупыванию и освоению решающих показателей роста производительных сил общества. Процесс таких исканий отнюдь нелегок.

Нам думается, что публикуемые нами материалы, относящиеся к значительной исторической полосе таких исканий, имеют прежде всего ценность с этой точки зрения постольку, поскольку они выясняют большой пройденный путь и отправные позиции нашей дальнейшей работы и облегчают нашей смене ее движение вперед.

Мы видим, что по заданию нашей партии и нашего правительства выработка государственного плана народного хозяйства должна была вестись так, чтобы базой такого плана была определенно *научная база*. Однако немедленно мы были вынуждены ограничить абсолютное значение такой базы. Мы говорили, что наряду с научными обобщениями необходимо учесть всю данную обстановку труда и весь фактический производственный опыт миллионов наших трудящихся. Трудность такого учета заключалась в том, что обстоятельства этого общественного труда мы должны были охватить не в его статическом состоянии, а в его движении. Это движение было связано не только с учетом того обстоятельства, что из всех материальных производительных сил величайшей силой является сам человек, но и с тем обстоятельством, что «социализированный человек» является производительной силой другого, высшего порядка, чем человек, связанный цепями эксплоатации. Именно отсюда нарастают ударные темпы наших планов и те большевистские «чудеса» их осуществления, которые недоступны пониманию апологетов капиталистических порядков. Наука такого сложного учета и для нас была нелегкой наукой.

Не следует забывать, что целый ряд лет, связанных с первыми этапами планирования, мы шли под знаком огромных материальных нужд и, следовательно, находились под давлением острейшей необходимости. Для умников старого мира было совершенно непонятно, каким это образом, находясь в когтях такой нужды, мы могли развертывать построение всего нашего хо-

[1] К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. 2-я, изд. 3-е, ГИЗ. 1929 г., стр. 291.

зяйства на базе крупной машинной промышленности, на базе высокой электроэнергетики, которая, казалось бы, по плечу лишь высокоразвитым в индустриальном отношении странам. Эти умники, следившие за статьями нашего пассива, были слепы к статьям нашего актива, к тем запасам новой энергии, которые связаны с новым общественным укладом и могучей силой ленинско-сталинского руководства нашей большевистской партии.

Для того чтобы подойти к ставке на «силу человека», мы должны были предварительно позаботиться о вооружении этого человека. Нашим наиболее широким технико-экономическим обобщением на этом пути была апелляция к базе электрификации, в которой мы видим наиболее яркого выразителя царства крупной машинной индустрии XX века. Отсюда — известный техницизм наших планов и та преобладающая роль, которую наша техническая интеллигенция играла в плановом активе, занятом непосредственно составлением плановых документов. Отсюда исключительно внимательное отношение к вопросам техники и технического изобретательства со стороны В. И. Ленина, отмечаемое в настоящем томе специальной статьей «Ленин и техника».

Однако и в этом направлении путь оказался более сложным и трудным, чем это нам представлялось в первых наметках плана Гоэлро. От первых электроэнергетических наметок этого плана до нынешней мощной передовой в мировом смысле индустриальной основы нашей страны, в развертывании которой мы столь многим обязаны зоркому глазу и несокрушимой воле великого вождя нашей партии т. Сталина, — огромная дистанция. Целый ряд статей в наших трудах иллюстрирует наши достижения в этом направлении. Этой же теме посвящен и наш обзор десяти лет планирования, вызвавший такую злобную критику со стороны заштатного профессора — эмигранта Бруцкуса — на страницах берлинской печати. И, тем не менее, стоит только провести сопоставление количественных и качественных заданий по трем нашим основным планам, по плану Гоэлро и по планам первой и второй пятилеток, чтобы немедленно видеть во всех этих огромных всемирно-исторических завоеваниях лишь первоначальный этап, видеть, что это лишь начало наших побед, которое в дальнейшем будет резко перекрыто еще более величественными достижениями.

Неуклонно и последовательно мы все ближе и ближе подходим к непосредственным ставкам на «силу человека», к овладению теми высотами, которые непосредственно командуют нашим культурным уровнем.

Статьи этого тома, посвященные вопросам культуры, мы помещаем здесь прежде всего с той целью, чтобы документировать скромность наших первоначальных отправных заданий на путях этой новой великой борьбы. Можем ли мы сомневаться, что и на этих путях мы быстрейшим образом ликвидируем остатки нашей исторической отсталости и перейдем от вопросов количества к вопросам качества?

В настоящем сборнике мы не без некоторых колебаний поместили наш доклад о «ножницах». С нашей нынешней точки зрения самая эта тема является устаревшей, и тот арсенал фактов, которым мы оперировали при его трактовке, весьма ограничен. Тем не менее, мы воспроизводим эту статью потому, что она чрезвычайно характерна для первого этапа восстановительной полосы нашего хозяйства. Нам кажется, что весь ход наших рассуждений «о ножницах» показателен для той зависимости, которая тяготела над нами в силу преобладающего веса в нашем тогдашнем хозяйстве еще «не поднятой целины» нашего крестьянского мелкобуржуазного массива. Эти трудности наших первых этапов по-своему подчеркивают многозначительность социальной и технической реконструкции нашего хозяйства. Здесь невольно вспоминаются ведущие указания т. Сталина о несокрушимости твердынь страны пролетарской диктатуры, демонстрировавшей миру победо-

носность строительной творческой энергии революционного пролетариата и покончившей в пределах шестой части земного шара с гибельным влиянием капиталистической стихии кризисов.

Прочно ли закреплена эта наша всемирно-историческая победа? Вспомним, какое значение в свое время придавал В. И. Ленин нерушимости боевого союза рабочих и крестьян в условиях советского государства. На наших глазах под твердым водительством т. Сталина завершается закрепление основной социалистической цитадели нашего сельского хозяйства, мощной сети колхозов, обрамленных все более и более крепнущими организациями государственных совхозов. Отсюда целый ряд необозримых по своей мощности и по своему разнообразию последствий по всему полю нашей дальнейшей борьбы за социалистический строй. Здесь именно лежит ключ для уразумения таких смелых и решающих задач второй сталинской пятилетки, какими являются ее ставки на построение бесклассового социалистического общества и завершение технической реконструкции.

На этой базе нового города и новой деревни становится возможным тот сомкнутый строй миллионов наших трудящихся, для которого самый труд является «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства». На этой базе мы можем по-новому ставить и очередные задачи нашей электроэнергетики и всю серию вопросов, связанных с новейшей техникой и с накопленным миром богатым запасом научных знаний, впервые получающих в условиях развернутой и крепнущей на наших глазах советской демократии небывалые предпосылки для своего могучего расцвета.

На этой базе растет и крепнет непобедимая коммунистическая партия нашей страны, растет и крепнет Союз советских социалистических республик, мир победносной пролетарской диктатуры.

Таким путем, через ряд труднейших этапов, мы все ближе и ближе приближаемся к таким ключам материального изобилия и культурного расцвета, открыв которые, мы сокрушим последние цепи необходимости и в наших планах прежде всего будем выдвигать целевые ставки на «силу человека».

Заря свободной, светлой и радостной жизни уже разгорается над нашей социалистической родиной. Но грядущие счастливые поколения не должны забывать о трудностях пройденного пути. Это будет подбадривать и вооружевлять их в борьбе за новые и новые победы. Пройденный нами великий путь борьбы и трудов за подготовку этих побед пусть послужит уроком и для других отрядов всемирной армии пролетариата, которым предстоит в лучших исторических условиях, опираясь на опыт первой в мире республики советов, итти вперед по тем же испытанным великим ленинско-сталинским вехам.

Редакционная работа по подготовке к печати материалов настоящего тома проведена тт. Э. И. Квирингом, А. И. Бердниковым и И. Я. Браславским. Выражаю им свою глубокую признательность за проделанную ими работу.

Г. Кржижановский

ВОПРОСЫ РАЙОНИРОВАНИЯ[1]

На тему об экономических районах России существует обширная литература, насчитывающая за собой давность многих десятилетий. Тем не менее, мы продолжаем наблюдать опасливое отношение к тем выводам, которые сами собой напрашиваются при изучении этой литературы. Это совпадает с наступившей полосой практического строительства, когда каждый шаг непосредственных достижений кажется нам высшим благом. Однако во избежание пороков узкого практицизма приходится и в этой области умело связывать программу-максимум с программой-минимум, перспективный план строительства с очередными хозяйственно-административными задачами.

Если в России прошлого все творчество новых хозяйственных и административных образований шло преимущественно стихийным порядком, то совершенно иным путем это творчество развивается после величайшего социально-политического переворота в нашей стране. Четкость, организованность и планомерность в деле государственного строительства являются у нас первейшей заповедью. А в этом строительстве вопросы, связанные с хозяйственно-административным делением республики, законно начинают играть все большую и большую роль.

Мы живем в стране, охватывающей почти $^1/_6$ часть земной суши. Она простирается от северного полярного круга до субтропических местностей юга и от громадной сухопутной границы центра европейского материка до азиатских прибрежий Тихого океана. Попробуйте при решении любого хозяйственного вопроса оперировать языком средних цифр, разнесенных на весь этот громадный массив, и вы немедленно рискуете зайти впуник. Проследите историю прошлого и вы ясно увидите, что то или иное районирование России ставилось в порядок дня в более или менее определенно выраженной форме, как только дело подходило вплотную к решению крупной государственно-хозяйственной задачи.

Не останавливаясь на справках из далекого прошлого, напомним, что борьба с кризисом топлива в период войны немедленно привела к разделению России на определенные топливные районы; транспортный кризис поставил вопрос о железнодорожных округах, первые же попытки урегулировать хлебную торговлю немедленно заставили проектировать разбивку страны на определенные «хлебные» районы и т. д.

Любая крупная отрасль нашего хозяйства еще продолжает находиться в состоянии неуравновешенности: старые связи порваны, новые — еще в процессе образования. Мы продолжаем держать экзамен по курсу новой экономической политики, оперируем средствами вольного рынка, выражаем наши подсчеты языком денежного хозяйства.

---

[1] Статья была опубликована в «Экономической жизни» № 245, 1922 г. наряду с другими статьями, посвященными частным вопросам районирования.

Тем не менее, общий наш курс попрежнему тверд — на освоение дальнейших стадий обобществления. И уже первые опыты наших трестов и синдикатов показывают положительные стороны новой экономической политики и несостоятельность голой стихии товарно-денежного хозяйства.

Проблема общегосударственного хозяйственного плана с высот теории спускается на землю, необходимость его корректирующего значения становится ясной самым заядлым «практикам» из рядов наших хозяйственников.

Удачное сочетание гибких форм государственного хозяйства по продуманному и испытанному плану с дальнейшим раскрепощением из-под непосредственной опеки государственных центров тех подразделений экономики, которые и не под силу нашим фактическим ресурсам, практически означает выигрыш драгоценного времени революционной эпохи. А в этом — главный ключ успеха в непрекращающейся борьбе старых и новых форм жизни.

Но опыт Государственной общеплановой комиссии свидетельствует, что очередной необходимый сдвиг в нашей плановой работе может быть дан лишь новым разделением труда между центром и местами. А это невозможно без радикального разрешения вопросов об индивидуальных особенностях и функциях наших основных экономических районов.

Продолжающийся кризис нашей экономики создает совершенно специфическую обстановку при обсуждении текущих вопросов нашей хозяйственной практики. Почти любая крупная хозяйственная задача, относится ли она к области транспорта, промышленности, сельского хозяйства или к статьям нашего финансового бюджета, помимо нашей воли заставляет восходить от частного к общему и повсюду наталкиваться на все более и более жесткую необходимость продуманного и удобопроверяемого общего плана всего хозяйства. В этой стадии наших работ нам необходимо в кратчайший срок опереться на самодеятельность наших основных экономических районов, создать и в области плановой работы встречное движение на местах, облегчить, ускорить и усовершенствовать весь наш аппарат связи с работниками мест. Все это, взятое в целом, вновь и вновь возвращает нас к вопросам районирования, властно требующим своего быстрейшего разрешения.

Совершенно очевидно, что наше хозяйственное строительство не может мириться с тем обветшалым покроем областей, губерний, уездов и волостей, который остался нам по наследству от старого режима. И подобно тому, как революционные эпохи в истории США и во Франции ознаменовались созданием определенной новой конфигурации штатов и департаментов, так — и с тем большим основанием — и Октябрьская революция ребром ставит перед нами вопрос об основных экономических районах и новом разделении территории страны на трехчленной основе: экономический район, округ и районная волость. Если этот очередной вопрос не будет разрешен планомерно с учетом тенденций будущего, он будет разрешен стихийно с возможным перевесом пережитков прошлого.

На территории бывшей Российской империи, без отделившихся западных окраин и не считая Закавказья и Дальневосточной республики, было 64 губернии и области в составе 567 уездов с 10 622 волостями. Теперь на той же территории 93 губернии и области в составе 701 уезда с 15 064 волостями, т. е. мы имеем увеличение на 29 губерний и областей, на 134 уезда и на 4 442 волости. Мы констатируем, таким образом, продолжающийся процесс молекулярного дробления, стихийную деформацию отживших свое время старых административно-хозяйственных подразделений страны. Таким же полустихийным порядком на этом контуре начинают обрисовываться те немногие экономические районы, которые функционируют в настоящее время в качестве полуоформленных организаций. А между тем, первая попытка

разбить всю территорию России на 110 «районов-пространств» была сделана К. И. Арсеньевым в 1818 г., т. е. более чем 100 лет тому назад[1].

Еще в феврале 1920 г. Президиум ВЦИК образовал административную комиссию, возложив на нее и общую разработку принципов районирования и образование новых административно-хозяйственных единиц. Однако эта двухсторонняя задача не разрешена и поныне.

Не является ли все же некоторым коррективом в нашей борьбе с громадными пространствами страны и административной неурядицей создание тех дружественных и союзных республик, которые построены в нашей федерации по национальному признаку? Совершенно очевидно, однако, что в рабоче-крестьянских республиках национально-политические вопросы не должны и не могут затушевывать основных проблем нашего хозяйственного строительства.

В опубликованных ранее[2] и помещаемых ниже статьях сотрудников Госплана[3] читатель найдет и конкретный план новых экономических районов РСФСР и научную мотивировку того метода, который привел к этому плану. При осуществлении этого проекта мы будем иметь во всей стране 21 область, 140—150 округов и около 3 000 районных волостей, что уже само по себе даст значительную экономию сил и средств за счет упразднения 28 губерний, 701 уезда и свыше 12 тыс. волостей. Однако центр тяжести отнюдь не в этой экономии, а в том сдвиге, который при разумном районировании получит весь энергетический фронт страны.

Подобно тому как при отстаивании наших основных экономических позиций мы должны были сосредоточить наше внимание на защите определенных командных высот, совершенно так же проект экономических районов направляет наши силы на те «высоты», которые выявляет нам районирование в своих территориальных подразделениях. Каждый из проектируемых экономических районов является своего рода «высотой» именно потому, что он позволяет легко и удобно обозреть значительный горизонт непосредственно примыкающего и включенного в него поля наших хозяйственных работ.

Каждый из районов является самостоятельной энергетической величиной, экономящей расходование сил и средств, отметающей второстепенное от насущного, ставящей перед местами очевидные, ясные, доступные цели, предохраняющей их работу от провинциального измельчания и намечающей общую правильную дорогу в плодотворной, но трудной работе всего хозяйственного коллектива по единому общегосударственному хозяйственному плану.

---

[1] К. И. Арсеньев, известный географ и статистик (1789—1865), проф. Петербургского университета. Имеется в виду его работа «Начертание статистики Российского государства» (1818—1819 гг.).

[2] См. «Экономическое районирование России». Доклад Госплана III Сессии ВЦИК. Изд. ВЦИК, Москва, 1922 г.

[3] Они печатались в том же номере «Экономической жизни», что и настоящая статья.

ТЕХНИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ НАШЕГО ХОЗЯЙСТВА[1]

I.

У каждого из вас, вероятно, имеется отчетливое сознание чрезвычайной значительности того хозяйственного периода, который переживает наша страна. Несомненно, что так или иначе мы все глубже входим в фазу положительного строительства и притом в такой обстановке, которая до сих пор не имела себе равных во всей мировой истории.

Мы отнюдь не можем сказать, что полоса бурь и натиска уже осталась позади нас. Наша хозяйственная действительность еще охвачена бурной динамикой. Также неустойчива и вся мировая конъюнктура. При таких условиях, конечно, трудно заниматься подведением итогов и разбираться в той перспективе нашего хозяйственного строительства, которая лишь намечается в начальных контурах и результируется как производная из большого количества переменных величин.

Поэтому не приходится удивляться, что обозреватели нашей хозяйственной жизни по-разному оценивают статистические итоги важнейших хозяйственных факторов и резко разбиваются на две группы: так называемых оптимистов и пессимистов. Постараемся, однако, не следовать их примеру и, опираясь на силу того оружия, которое дается нам нашей технической теорией и практикой, ограничить наш анализ выделением таких моментов, в которых не может быть сожительства двух взаимно исключающих точек зрения.

Несомненно, что наша новая экономическая политика развивается в формах денежного хозяйства. Несомненно, что с проведением ее в жизнь конкретизировалась и вместе с тем усложнилась задача всех наших хозорганов, а также органов регулирующих и планирующих, обязанных отныне тщательно учитывать явления и процессы в области рыночных отношений. В частности, и Госплану приходится от декады к декаде опубликовывать пестрые столбцы цифр, характеризующих всероссийский товарный индекс [2].

По объективной логике вещей финансовой секции Госплана приходится играть все более и более доминирующую роль среди других секций; мы загружаемся работами бюджетного характера; очередными задачами являются исследования торгового оборота, плановый контроль и наблюдение над действиями банковских организаций; валютные курсы, разумеется, также при-

---

[1] Доклад на Первом съезде инженеров, состоявшемся в Москве 16—22 декабря 1922 г.

[2] Всероссийский товарный индекс Госплана, или оптовый товарный индекс, начал составляться с 1 августа 1922 г. по ценам 72 товаров, собираемым в 50 городах, где велась оптовая торговля. С декабря 1926 г. составление индекса товарных цен перешло в ЦСУ.

влекают наше внимание подобно бюллетеням, характеризующим состояние доллара в капиталистических столицах.

Однако не скрою от вас, что с моей точки зрения те основные величины, которые получаются в итоге наблюдений хозяйственного процесса при специальном технико-экономическом анализе его, я считаю решающими величинами первого порядка. И лишь опираясь на директивы, проистекающие из такого анализа, наши статистики и экономисты могут нащупать правильный путь в своей практической деятельности.

Присмотримся к любым хозяйственно-конъюнктурным диаграммам, печатающимся на страницах виднейших экономических органов мировой литературы. Невольно бросается в глаза довольно ощутительная разница в том многочисленном комплексе кривых, которыми тот или иной автор или учреждение пробует характеризовать сложную динамику современной хозяйственной жизни. Уже одно это обстоятельство показывает все несовершенство обычных методов исследовательского аппарата.

Мы прекрасно знаем, что пытливая техническая мысль находит свое успокоение лишь тогда, когда она подмечает в сложном комплексе наблюдаемых явлений ясный и простой математический закон. Немудрено поэтому, что в головах статистиков и экономистов уже давно наметились линии некоторых обобщающих кривых. Однако крах денежного хозяйства, ограниченность потенций финансового капитализма, выявляющаяся перед нами в послевоенной мировой конъюнктуре, делают попытки в этом направлении, по крайней мере, на ближайшее время, совершенно безнадежными.

Нас, техников, поэтому не может удивить тот любопытный факт, что когда председатель Общества содействия электрификации в США Теодор Двайт размышлял над проблемой экономического районирования США и старался выделить такие индексы, которые наиболее надежно характеризовали бы *хозяйственную активность* того или иного района, он забраковал обычные американские индексы. Своим авторитетом он свидетельствует, что для такой страны, как США, заливаемой электричеством от одного берега океана до другого, самым надежным и простым является индекс потребления электрической энергии.

Ясно, что при современном положении нашего силового хозяйства нам не приходится пользоваться упрощенным методом Двайта. Но электрическая энергия есть лишь наиболее широко обобщающее начало энергетической стороны хозяйства. Поэтому мы пойдем по тому же пути, по которому шел Двайт, если сумеем правильно выделить те немногие индексы-показатели, которые характеризуют энергетику, — а следовательно, и хозяйственную активность нашей страны в наших специфических условиях, — и надлежащим образом сконцентрировать на них наше внимание.

Зададимся вопросом, каковы в самом деле, с нашей точки зрения, те элементы, которые непосредственно предрешают эффективность того или иного трудового процесса? Несомненно, что нам прежде всего придется ознакомиться с размерами той живой силы, которая находится в данном случае в нашем распоряжении, и с тем средним уровнем производственной техники, которую мы можем признать в качестве типовой. Идя в нашем анализе далее, мы прежде всего должны будем выделить и поставить рядом с живой рабочей силой наши ресурсы по механизации человеческого труда. Активность этих ресурсов в свою очередь предрешается масштабами доступного для нас использования той тепловой и двигательной энергии, которую мы черпаем из запасов природы.

Вслед за тем нам придется произвести оценку возможностей снабжения сырьем и необходимыми материалами и квалифицировать так или иначе те элементы технического оборудования, которые играют посредническую роль между живым трудом и сырыми материалами производства. Наш круг иссле-

дований закончится, если мы подойдем к оценке организационной сторон технического процесса, ибо не сами по себе перечисленные выше элементы производства предрешают его эффективность, а то или другое сочетание их, т. е. именно организационная сторона. К сожалению, наша статистика недостаточно приемлет такого рода канву, и во многих случаях нам придется итти окольным путем.

II.

Нас прежде всего и более всего, конечно, интересует вопрос, закончилась или заканчивается полоса послевоенной разрухи и можем ли мы с уверенностью утверждать, что при дальнейшей мирной передышке самый тяжелый период испытаний уже остался за нами?

Конечно, для того чтобы оценить те сдвиги, которые мы наблюдаем в наших основных хозяйственных областях, нам нужно учесть и размер тех жертв, которые мы принесли за право самостоятельного строительства нашей жизни. Памятуя нашу схему, мы остановимся в этой оценке прежде всего на потерях в рабочей силе.

По данным т. Струмилина, которые нужно считать значительно преуменьшенными, потери за 3½ года империалистической войны убитыми и умершими составляют 964 тыс. чел. и инвалидами 2 064 тыс. чел. Отбрасывая убыль на так называемую нормальную смертность, мы получим цифру убитых и умерших в 840 тыс. чел., а инвалидов — 1 941 500 чел. Инвалидность в среднем соответствует 41% потери работоспособности. Таким образом цифра инвалидов может быть сведена к 796 тыс. потерянных полных работников. В таком случае число потерянных рабочих лет за 3½ года империалистической войны с большим приближением может быть принято в 50 млн. рабочих лет. Затем, если принять во внимание, что в течение тех же лет было мобилизовано и находилось ежегодно под ружьем 10 млн. чел., отвлеченных от производительного труда, то мы получим потерю в 35 млн. рабочих лет. Итак, по данным Струмилина мы имеем за империалистическую войну общий итог в виде 85 млн. рабочих лет, безвозвратно потерянных для труда.

Другой исследователь, Свечин, оценивает этот итог в 75 млн. рабочих лет. Однако и та и другая цифра далеко не исчерпывает наших потерь за эту войну. Если учесть добавочные потери от усиленной смертности и от понижения рождаемости, то мы получим новую цифру примерно в 65 млн. рабочих лет.

По весьма преуменьшенным данным потери нашей Красной армии за время до 1 марта 1920 г. исчисляются т. Струмилиным цифрой около 20—21 млн. рабочих лет. Но за время гражданской войны самые существенные потери мы понесли от тех преждевременных смертей, которые обусловливались суммарными причинами вражеской блокады и длительного военного истощения всех производственных ресурсов, усугубляемого специфической обстановкой гражданской войны. Эти потери примерно исчисляются в 115 млн. рабочих лет. Убыль недорожденными за тот же период около 78 млн. рабочих лет. Суммируйте эти итоги и вы подойдете к колоссальной цифре около 350 млн. рабочих лет.

В настоящее время историки не спорят, что дважды — в эпоху Марнской битвы и Брусиловского наступления — костями русских солдат была обеспечена победа Антанты. В благодарность за такого рода услугу та же Антанта подготовила нам ко времени Генуэзской конференции круглый шейлоковский счет своих денежных претензий по нашим старым обязательствам в размере около 7 млрд. золотых рублей. Специальная Комиссия СНК, материал которой я использовал в вышеприведенных цифрах потерянных рабочих лет, с величайшей осторожностью проанализировала расчеты наших авторов,

отбросила те счета, которые мы могли бы предъявить по строгой логике народнохозяйственного расчета, и с очевидностью доказала, что в переводе на денежный язык наш минимальнейший счет по этой статье потерь в трудовых ресурсах выражается в 33,3 млрд. золотых рублей.

Я полагаю, что эти общие справки будут все же достаточны для реальной оценки глубины той пропасти, в которую нас сбросила жестокая рука войны. К сожалению, я здесь не имею времени более подробно задерживать ваше внимание на том конкретном материале о необходимых для нас капитальных вложениях, который разрабатывался у нас в Госплане, когда мы подготовляли материалы для Генуэзской и Гаагской конференций. Скажу только, что, когда в Гааге наши эксперты мотивировали рядом деловых сметных документов необходимость в ближайшее время займа в размере 3—5 млрд. золотых рублей, иностранные эксперты единогласно подтвердили чрезвычайную осторожность в расчете этого минимума. Тем не менее, обстоятельства складываются таким образом, что временно фактор иностранного займа приходится поставить за скобки и сосредоточить всю силу анализа при выяснении хозяйственных перспектив почти исключительно на наших собственных ресурсах.

На ближайшее десятилетие решающее значение для нас будет иметь судьба основного хозяйственного фактора — нашей живой рабочей силы. Присмотримся поближе к его наличному составу и к тем сдвигам, которые получаются в результате войн. Вот какие данные приводит т. Струмилин в своей статье «Наши трудовые ресурсы и перспективы» (см. Бюллетень Госплана, вып. II, 1932 г., стр. 34—35).

«В энергетическом балансе народного хозяйства России пар и электричество занимали доныне более чем скромное место. Даже в фабрично-заводской промышленности здесь приходилось в 1918 г. на одного работника не свыше 1,16 *л. с.* установленной мощности, тогда как, например, в Великобритании уже в 1907 г. этот коэфициент достигал 1,55, в США в 1921 г. — даже 3,7 *л. с.* на одного работника, т. е. стоял в три раза выше русского уровня.

К этому еще следует добавить, что в США один индустриальный рабочник приходится ныне в среднем на 25 жителей, а в России — едва на 50 и более. Что же касается преобладающего в России сельского хозяйства, то в нем применение пара и электричества до сих пор и вовсе не играло никакой роли. Тем большую роль, на ближайшие, по крайней мере, годы, призвана в нем играть простая мускульная сила неквалифицированного человеческого труда.

Каковы же трудовые ресурсы России?

До мировой войны 1914 г. они были очень велики. Из 166 млн. душ населения бывшей царской империи в ее довоенных границах на трудоспособные возраста, от 16 до 50 лет, падало свыше 77 млн. При этом по вполне точным статистическим данным чистая продукция среднего русского рабочего в промышленности и транспорте составляла 635 руб. в год, а в сельском хозяйстве — не менее 300 руб. В среднем для тех и других видов труда можно принять цифру в 370 руб. Таким образом общая производительная способность всей этой громадной армии в 77 млн. душ составляла не менее 27 500 млн. руб. в год».

Как ни велики наши военные потери, все же эти цифры поучительны в том отношении, что они наглядно показывают, как реализовалась бы победа Октябрьской революции в том случае, если бы одновременно с ней совпал аналогичный перелом в жизни трудящихся всего мира. Не подлежит сомнению, что в таком случае с непосредственными интересами европейского пролетариата совпадала бы необходимость быстрейшего форсирования работоспособности трудового населения России, ибо этот путь был бы путем ми-

нимальных затрат для преодоления кризиса в сырье и продовольственных продуктах для всего мира.

Но быть может послевоенные потери нашей трудовой армии так велики, что и в этом направлении мы понесли уже ничем невознаградимые потери? Чтобы ответить на этот вопрос, последуем в нашем анализе далее. Как раз к концу гражданской войны были опубликованы данные переписи 1920 г., которые позволяют нам на десятки лет вперед взглянуть в наше будущее.

Возьмем Советскую Россию в ее нынешних границах и обратимся к движению ее народонаселения по возрастным группам (фиг. 1). Внешний контур пусть изображает нормальную численность соответствующих возрастов к 1920 г. в том случае, если бы фактически имели место законы, подмеченные статистикой для довоенного периода. Внутренний контур пусть представит наличное число душ тех же возрастов по данным переписи 28 августа 1920 г. Расхождение между той и другой кривой мы должны будем отметить в виде черных провалов, ибо они изображают безвозвратные потери в населении за время войны и блокады. Общий итог всех потерь вследствие войны и блокады оказывается равным 21 млн. душ из 154 млн., или 13,7%. Но особенно сильно пораженными войной оказываются наиболее ценные группы трудоспособного населения и наиболее юные возрасты.

«Таким образом общие итоги потерь в рабочей силе, — пишет Струмилин, — достигают 18,7 млн. душ из 71,3 млн. населения трудоспособных возрастов. Иными словами, производительная способность рабочей силы, которую для Советской России даже и в нынешних суженных ее границах пришлось бы оценить не ниже 26,4 млрд. руб. в год, понизилась в результате войны и блокады, по крайней мере, на 6,9 млрд. руб., или на 26%»[1].

Но та же фигура показывает нам одну чрезвычайно любопытную особенность. Оказывается, что возрастная группа от 5 до 15 лет по своей фактической наличности не только не представляет убыли по сравнению с теоретической кривой, но даже превосходит ее своими пиками. Выходит так, что как будто бы провал в соседних группах облегчил борьбу за существование для целого десятка юных возрастов подрастающей рабочей молодежи. Кадры этой молодежи ежегодно вливаются в состав наиболее трудоспособного населения в размере около 1,5 млн. чел. История нам дает десятилетний срок для надлежащего использования этого благоприятного момента. Затем в нашем народном балансе вступит в силу своей отрицательной реализацией тот черный провал в пяти детских возрастах, повернуть острие которого не в нашей власти.

«Замедление в приросте детей не кончается с прекращением войны, но вследствие резкого сокращения родительской группы продолжает сказываться на общем приросте населения в течение целых десятилетий... Общие потери в населении с 21,2 млн. душ для 1920 г. поднимаются к 1931 г. до 32,5 млн., а к 1941 г. — даже до 42,3 млн. Но с трудоспособным населением дело обстоит несколько иначе. Первое десятилетие, пока трудоспособная группа пополняется за счет детей в возрасте 5—15 лет, наименее задетых войной, размер потерь в работниках не только не возрастает, а даже сокращается как в относительных, так и в абсолютных цифрах...»[2].

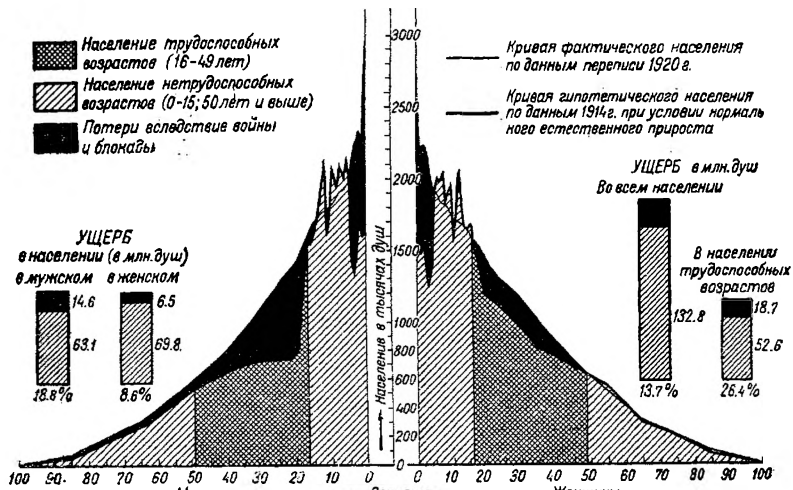
Вследствие этой причины соотношение между работниками и едоками в десятилетие от 1920 до 1931 г. и от 1931 до 1941 г. изменяется в диа-

---

[1] С. Г. Струмилин, Наши трудовые ресурсы и перспективы. См. «Хозяйственное строительство» (Бюллетень Госплана), вып. II, июнь 1922, стр. 35—36.

[2] «Хозяйственное строительство», Бюллетени Госплана, вып. II, июнь 1922, стр. 41, 42. Действительность опрокинула все эти расчеты. К концу первой пятилетки (1932 г.) общая численность населения СССР составила 165,7 млн. чел. (107,5% от 1928 г. и 119,0% к 1913 г.); городское население возросло с 27,6 млн. чел. в 1928 г. до 38,7 млн. чел. в 1932 г. (рост на 40,2%)

метрально противоположных направлениях. В 1920 г. на 100 душ населения или едоков приходилось 43 работника. К 1931 г. работники уже составят 50,4% едоков. За следующее десятилетие это соотношение спустится до 46,8%. Иными словами, на одного работника указанного возраста приходилось в 1920 г. 2,3 едока, в 1931 г. придется менее двух едоков, а в 1941 г. снова 2,14 едоков[1]. Мы можем констатировать, что довоенной продукции в размере 370 руб. на одного работника в год соответствовала затрата около 120 руб. в год на душу населения. Таков был довоенный уровень жизни трудящихся.

Фиг. 1. Возрастные кривые населения РСФСР для 1920 г.

В дальнейшем мы увидим, что хотя и с величайшими трудностями, но все же мы подвигаемся вперед в этом направлении, причем, конечно, особенно трудны первые шаги начального организационного периода нашего нового хозяйственного строя. Само собой разумеется, что такие удары, которые были нанесены нашему хозяйству неурожаем 1921 г., особенно губительно действуют на темп наших восстановительных работ; однако не следует переоценивать значения юго-восточной катастрофы.

В настоящее время мы можем дать уже более точную справку относительно сдвигов в численности сельского населения в засушливом районе в 1921—1922 гг. В суммарных цифрах мы имеем такую картину:

1921 г.	1922 г.	Убыль за голодный год	
тысячи душ		тысячи душ	проценты
10 050	9 011	1 039	10,4

Мы видим, что как ни велика эта миллионная убыль, она все же не составляет и 20-й доли наших военных потерь, тем более, что часть этой потери обусловливается переселенческой волной.

[1] «Хозяйственное строительство», Бюллетени Госплана, вып. II, 1922, стр. 43.

Если мы выделим на армию, на непроизводительные занятия и на учащихся группу в 5—6 млн. лиц рабочего возраста, 4,4 млн. инвалидов и примем в расчет нормальный коэфициент рождаемости и смертности, то немедленно окажется, что при довоенном уровне производительности труда при самой скромной оценке наши трудовые ресурсы дают нам возможность валовой продукции в десятках миллиардов рублей ежегодно со значительным превышением минимальных потребностей населения. Это превышение доходов по расчетам Струмилина колеблется в пределах от 2 млрд. до 6 млрд. руб., что прекрасно учитывается и нашими противниками, когда они оценивают потенциальные возможности нашего советского рынка.

Приведенные данные вместе с тем наглядно показывают, почему в ближайшее десятилетие мы должны будем напрячь все усилия для подъема нашей промышленной техники, расширения и рационализации в применении естественных сил природы, почему так важно для нашего народного хозяйства подвинуться возможно далее вперед в том хозяйственном строительстве, которое намечено нашим планом электрификации. Лишь напряжением сил в этом направлении мы можем справиться с теми дефицитами в возрастном составе наших трудящихся, который начнет себя давать знать уже в начале 1930-х годов.

Вместе с тем я полагаю, что останусь на почве учета действительно реальных возможностей, если обращу ваше внимание еще на один могущественный фактор.

В свое время В. И. Ленин предсказывал, что уничтожение феодального режима царской России неизбежно повлечет за собой американский размах освоения наших окраин. В самом деле, по мощности и многоразличности наших природных ресурсов, по их сочетаниям в единый территориальный громадный комплекс, по тому значению, которое может играть в нашем производстве внутренний рынок, по тем пропорциям, которые могут быть намечены в соотношениях между нашим сельским хозяйством и промышленностью, мы во многих отношениях имеем потенциальные возможности, аналогичные американским.

Колоссальный прирост рабочего населения Америки обусловливался не только обстоятельствами рождаемости и смертности в этой стране, но и громадным приливом эмигрантов. В свое время кризис феодального мира Европы и грубый примитив капиталистических методов ее первоначального накопления гнал на далекий запад одну волну за другой из рядов того «избыточного» населения, которое создавалось в этом процессе. В свое время это были наиболее энергичные и предприимчивые люди, которые создавали благополучие американского колосса.

В настоящее время волны европейской реакции, принимающей отвратительные формы фашизма, чрезвычайно форсируют тот возможный прилив к нам европейского пролетариата, для которого Страна советов становится все более и более притягательным маяком. Не подлежит никакому сомнению, что, чем больше будет укрепляться наша хозяйственная база, тем сильнее будет возрастать эта тяга, которая может превзойти все наши расчеты. Но это уже тема для специального доклада, в котором можно было бы фактическими справками показать наличность такой большой тяги к нам в настоящее время.

Резюмирую: несмотря на колоссальность понесенных нами потерь, мы все же располагаем такого рода трудовой армией, которая занимает по своей численности одно из первенствующих мест в трудовом населении мира.

Цифры довоенной продукции свидетельствуют о крайне низких жизненных потребностях нашего трудящегося населения и о нашей крайней расточительности в использовании живого труда. При таких условиях те громадные трудовые потери, которые мы понесли в наличном составе этой армии, могут быть сравнительно легко возмещены уже первыми элементарными шагами по общей рационализации нашего труда. Тот революционный подъем, тот подъем гражданского самосознания, которые являются неминуемыми следствиями неслыханного в мировой истории социального переворота, вместе с тем служат чрезвычайно благоприятной почвой для планомерного подъема квалификации нашего народного труда.

В ближайшее десятилетие должны благоприятно сказаться те соотношения между рабочим населением и едоками, которые обусловливаются охарактеризованным выше послевоенным изменением численности возрастных групп населения. Умелое разрешение проблемы механизации труда и использование природной энергии становятся для нас принудительным законом. Вместе с тем мы должны будем озаботиться умелым использованием и возможно широким включением в состав нашей трудовой армии эмиграции пролетарского Запада.

Ограниченность наших надежд в смысле услуг иностранного капитала для быстрого обновления нашего основного производственного капитала естественным образом переносит центр тяжести вопроса об эффективном использовании живой силы труда в сторону проблем технико-организационного характера. Но в этом отношении мы более, чем когда-либо, держим наши судьбы в собственных руках.

III.

Если вы присмотритесь к чертам современного западноевропейского наступления капитала на пролетариат, то в качестве общей черты этого наступления следует отметить нажим капиталистов в сторону удлинения 8-часового рабочего дня. Это чрезвычайно характерное обстоятельство. В век тейлоризма и психотехники не приходится доказывать, что производительность труда является производной не только от длины рабочего дня, но и от самого тонуса работы, которая резко падает за известными физиологическими пределами. 8-часовой рабочий день является не только законной нормой для воспроизводства рабочей силы, но и вполне достаточными границами для максимальной продукции в любой производственной отрасли, буде таковая соответствует нормальным условиям современной техники и гигиены труда. Поэтому оппозиция капитализма 8-часовому рабочему дню — не только классовый расчет, но и расписка в собственной несостоятельности.

Наше положительное строительство по созданию новой дисциплины труда насчитывает всего какой-нибудь полуторагодичный срок, ибо таким началом приходится считать лишь время, совпадающее с более или менее развернутыми формами новой экономической политики. Эти формы еще в далекой степени и по настоящее время не развернуты в полной мере; еще и до сих пор рядом с денежным хозяйством нам приходится оперировать натуральным снабжением, руководствоваться различными декретными ценами и довольно прихотливо раздвигать рамки того, что покрывается весьма неопределенным термином «хозяйственного расчета». Тем не менее, мы можем определенно зафиксировать уже значительные положительные результаты, достигнутые на этом пути.

Для иллюстрации этих положительных результатов обратимся к показателям, характеризующим средний месячный доход рабочего и его средний месячный заработок в довоенных рублях. Как и следовало ожидать, в период 1913—1917 гг. между показателями дохода и заработной платы рабочего нет сколько-нибудь существенного расхождения. К 1918 г. происходит резкое

снижение дохода и заработка и их последующее расхождение. Кривая дохода рабочего из разных источников колеблется от 10,5 руб. в 1918 г. до 8,4 руб. в 1919 г.; 8,8 руб. в 1920 г. и 8,6 руб. в 1921 г., поднимаясь к 1922 г. до цифры в 9,2 довоенных руб.; кривая же среднего месячного заработка рабочих проходит по этим же годам через цифры в 4,7 руб. (1918), 1,3 руб., 0,49 руб., 2 руб., доходя до 6,6 руб. к 1922 г. Не приходится доказывать, что при непосредственном заработке в 50 коп. или 1 руб. с небольшим и при дотациях натуральным довольствием и прозодеждой, не находящихся в прямых соотношениях с трудовыми уроками, да еще при необходимости подниматься до прожиточного минимума путем различных сторонних, в том числе и нелегальных, доходов, не могло быть и речи о нормальной дисциплине труда. Эти цифры наглядно показывают, в чем заключалась трагедия осадного положения нашей страны.

Начиная с 1921 г., отмечается резкий перелом, и самые худшие времена, относящиеся к 1919—1920 гг., как видим, отходят уже в область истории. Однако эти суммарные кривые вместе с тем чрезвычайно затушевывают характерные черты нашего движения к довоенным заработным нормам, борьба за реализацию которого в возможно кратчайший срок должна составлять одну из наших основных забот.

Я здесь не имею возможности останавливаться на рассмотрении этого движения по отдельным районам и по отдельным отраслям промышленности и ограничусь лишь общим замечанием, что в главных промышленных центрах и важнейших отраслях движение зашло гораздо дальше и во многих отдельных случаях довоенные заработные платы уже достигнуты. К сожалению, работники транспорта находятся в фазе значительного отставания, и в настоящее время мы напрягаем все усилия, чтобы поднять уровень доходов этой группы трудящихся.

Рабочий день в 1913 г. был около 10 час.; за первое полугодие текущего года он исчисляется в 8,2 час. Иное соотношение получается для среднего рабочего года. В 1913 г. этот рабочий год исчислялся в 270 рабочих дней. Затем он последовательно спускался до цифры в 248 дней в 1918 г. и 251,4 дня в 1919 г. За первое полугодие 1922 г. он уже равен 300,8 дней, т. е. составляет 114% от нормы 1913 г. Минимальный рабочий год в расчете на одного рабочего приходится на 1919 г., когда он составлял 183 дня вместо 258 в 1913 г. В текущем году[1] этот минимум равен 260 дням, т. е. 101% по сравнению с 1913 г. Такой резкий положительный сдвиг объясняется сильнейшим сокращением прогулов, понижением заболеваемости, сокращением простоев и меньшим отвлечением работающего персонала для всякого рода организационных и общественных надобностей.

В моих руках находятся подробнейшие статистические данные, детально характеризующие этот процесс, причем все они свидетельствуют, что максимальный ущерб по всем этим рубрикам относился к 1919 г. и что в 1922 г. мы не только сравнялись с 1913 г., но и во многих отношениях превзошли его. В 1913 г. прогулы за полугодие составляли 2,3 дня, в 1920 г. они уже были около 15 дней, в 1922 г. они пали до 7,1 дня. Простои отняли в 1919 г. 51 день, в 1922 г. — 2,1 дня, тогда как в мирное время простои отнимали 3,3 дня.

Общий результат не замедлил сказаться в повышении продуктивности труда. По данным промышленной статистики чистая продукция в месяц на одного рабочего составляла: в 1913 г. — 62 руб., в 1914 г. — 61,8 руб.; в 1915 и 1916 гг. — 77 руб., в 1917 г. — 52 руб., в 1918 г. — 28 руб., в 1919 г. — 16,2 руб., в 1920 г. — 18,6 руб., в 1921 г. — 20,9 руб. и в 1922 г. — 26—28 руб. Перелом, очевидно, налицо, и

[1] 1923 г.

мы можем ожидать все ускоряющегося темпа роста производительности труда.

К сожалению, по отношению к громадной области сельскохозяйственного труда мы не имеем такого рода статистики, которая могла бы быть сопоставлена с рубриками промышленной статистики. Наша продолжающаяся зависимость от природных условий, само социальное положение многомиллионной массы мелких хозяев-крестьян, находящихся в самой теснейшей связи с сложным переплетом чисто местных условий, еще только прокладывающая себе дорогу товарность наших хлебов и других продуктов сельского хозяйства — все это до чрезвычайности усложняет необходимый анализ. Но, с другой стороны, здесь нам гораздо легче разобраться в наличности положительного перелома и без особо точных статистических обоснований.

Во все времена и у всех народов крестьянство составляло как раз тот слой населения, на который войны обрушивались наиболее тяжким гнетом. Уже самый факт вступления в мирную полосу жизни представляет для нашего крестьянства громаднейший положительный сдвиг в условиях его существования. Мы могли бы многочисленными примерами показать, как велика была уже в текущем году самодеятельность крестьянства по ликвидации тех бандитских шаек, которые кое-где еще продолжали влачить свое существование.

Замена продразверстки продналогом, сведение последнего к единому налогу, закон о землеустройстве крестьян — все это факторы громаднейшего значения в смысле своего положительного влияния на стимулирование крестьянского труда. Не приходится сомневаться, что в производительности сельскохозяйственного труда мы имеем перспективы, по меньшей мере аналогичные перспективам промышленного труда. Уже один тот факт, что к первым числам декабря 1922 г. сбор продналога выразился в сумме 4,13 млн. *т* для РСФСР, приближаясь к 100% выполнения, тогда как в 1921 г. он составлял к этому времени всего 1 880 тыс. *т*, несмотря на гораздо более жесткий нажим налогового аппарата, явно говорит нам об улучшившемся положении. Чрезвычайно характерными являются также движения цен в текущем году на такие продукты, как ржаная мука и картофель, если мы проследим их по месяцам текущего года:

Наименование товаров	1913 г.	Цены за единицы в товарных рублях			
		1922 г.			
		1 января	1 апреля	1 июля	1 октября
Мука ржаная—тонна .	57,7	93,33	104,92	99,11	56,12
Картофель—тонна . . .	18,3	14,08	26,23	25,92	14,39

Это приближение к довоенным ценам во всяком случае знаменательно и свидетельствует о больших успехах в товарности сельскохозяйственных продуктов.

В заключение я должен подчеркнуть, что работы статистико-экономической секции Госплана показали значительную преуменьшенность в исчислении посевных площадей нашей официальной статистикой. Два неурожайных года — 1920 и 1921, — конечно, нанесли нам в этой области значительные потери. Однако общая цифра снижения посевной площади по сравнению с довоенной величиной едва ли значительно превосходит 30%.

Резюмируя: полуторагодичный опыт новой экономической политики сопровождался чрезвычайно положительными изменениями в основных коэфициентах, характеризующих производительность промышленного труда. Провал между фактическим доходом рабочего и его ежемесячным заработком заметно выравнивается. Полоса социального обеспечения вытесняется режимом трудового заработка. Простои, прогулы, неявки по уважительным причинам, процент заболеваемости охвачены общей сократительной динамикой. Несмотря на сохранение норм 8-часового рабочего дня, число рабочих часов в году приближается к довоенным величинам, вследствие того что число рабочих дней превосходит довоенную величину. Соответственно этому наблюдается прогрессирующий рост продукции, и первые самые трудные шаги в этом направлении уже сделаны.

Не менее благоприятными по общей оценке являются и условия нашего сельскохозяйственного труда. Но как в той, так и в другой области еще развертывается огромное поле работы.

Наша новая экономическая политика еще далеко не сказала своего последнего слова, наши тресты и хозяйственные объединения еще только находятся в стадии делового формирования. Несмотря на оживление городской жизни и общий рост торгового оборота, наше крестьянство еще в далекой степени не находится под развернутым влиянием тех импульсов форсирования своего труда, которые возникнут на этой почве. Однако самая примитивность форм русского земледелия в первых стадиях его рационализации обеспечивает успех в подъеме продукции при относительно скромном уровне общих затрат. Здесь мы имеем линию наименьшего сопротивления и то особо опасное сечение в экономике нашей страны, которое требует с нашей стороны величайшей бдительности и заботливости. Сюда и должен быть направлен первый бросок наших организованных сил и средств уже по одной той причине, что здесь сконцентрированы наибольшие массы нашей трудовой армии. Эта важнейшая кампания в своих расходных частях в значительной степени зависит от умелого подхода централизованной рабоче-крестьянской власти к разобщенным многомиллионным, мелким товаропроизводителям. Здесь на первый план выступает вопрос о широкой постановке дела всевозможных видов сельскохозяйственной кооперации и сельскохозяйственного кредита.

IV.

Если мы выделим ядро трудоспособного населения в возрасте от 18 до 45 лет и сопоставим данные нашей переписи 1920 г. с данными международной статистики главнейших стран, то РСФСР (без Дальневосточной республики) с своей 45,4-миллионной массой лиц этого возраста займет первое место, и лишь за ней пойдут США с 39 млн. рабочих возрастов этой рубрики, на третьем месте очутится Германия с 21,9 млн. чел., на четвертом — Англия с 17,8 млн. чел., на пятом — Франция с 15,2 млн. чел и на шестом — Италия с 12,4 млн. чел.

Выше мы видели, что этот громадный коллектив трудящихся нашей страны еще находится в фазе первоначального развертывания своих сил на послереволюционной арене труда. Ближайшая задача — так перестроить и сочетать ряды этой армии, чтобы получилась наиболее благоприятная комбинация сил в сложной кооперации общественного процесса производства. Перестройка эта, по всей видимости, займет длительную историческую полосу, причем общие тенденции строительства будут претерпевать значительные видоизменения по условиям места, характера работ и времени.

Умелое разрешение надвинувшейся на нас вплотную задачи экономического районирования страны, несомненно, сослужит свою положительную службу. Рядом с комбинированием производства не только по признаку

родства, но и по прежним торгово-промышленным связям, притом на основании специального технико-экономического анализа, путем подыскивания вариантов наиболее благоприятного энергетического баланса трестируемых ячеек мы сможем нащупать верные и своеобразные моменты хозяйственного строительства.

Наконец, гражданин Советской России должен развить величайшую активность для своего быстрейшего вооружения механическими двигателями, ибо вслед за абсолютной численностью трудовой армии и ростом производительности труда важнейшим индексом подъема продукции будет то количество лошадиных сил, которое приходится в среднем на одного работника. Поэтому, памятуя нашу отсталость в этом отношении, одной из основных задач нашей экономической политики на долгий период будет выделение, даже в известной диспропорции с целым, максимально возможного количества средств на удовлетворение этой потребности. Считаясь с затруднениями бюджетного характера, мы не должны, однако, устрашаться лимитами современного кредита и временными тяготами концессий, лишь бы в быстрейший срок преодолеть это важнейшее препятствие к общему подъему наших хозяйственных кривых. Но пока что наши движения в этой части экономического фронта на первых порах по необходимости носят замедленный характер, почему и здесь организационно-техническая сторона должна сослужить особо важную службу. Вместе с тем, для того чтобы не потерять время в подготовке к действительному развертыванию программы механизации и связанной с ней электрификации, нам важно подтянуться на топливном фронте, эффективность которого и в будущие времена предопределит границы доступной механизации. В области топливодобычи и топливоснабжения мы идем в прямое наступление и можем констатировать весьма значительную организованность.

По данным топливной секции Госплана мы имеем нижеследующие итоги истекшего оперативного года. Добыча угля за этот период дала превышение против прошлого года в своей валовой части на 27%: 9,6 млн. *т* против 7,7 млн. *т*; чистая добыча, что следует в особенности подчеркнуть, увеличилась значительно больше — на 50%. Нефтедобыча составила 4,5 млн. *т* против 3,7 млн. *т* прошлого года — повышение на 23%. Выполнение производственной программы по угледобыче за год составило 91% задания. Выполнение программы нефтедобычи составляет 104% задания. Заготовка дров в первое полугодие была выполнена в 107% общего задания (на это полугодие обычно падает вся масса дровяных заготовок) и за второе — 73%. В общем заготовка дров выполнена в размере 100% плана, а вывозка дров — в размере 102%. Программа по торфу выполнена в размере 99%. В общем заготовка всех видов топлива, предусмотренная планом в размере 25 млн. *т* условного топлива, исполнена в 24,75 млн. *т*, т. е. в 99%!

Несомненны также и успехи в хозяйственно-экономической области топливной промышленности. Они прежде всего выражаются в сокращении расхода собственного потребления, который понизился и абсолютно, с почти 3 млн. *т* до 2,7 млн. *т*, и относительно, с 39% от валовой добычи до 27%. Такой результат получился вследствие правильных технических приемов концентрации производства, что в особенности следует сказать в отношении Донбасса. Здесь производительность труда возросла вдвое; чистая добыча поднялась на одного забойщика с 190 *т* в год до 390 *т*, т. е. на 105%. При расчете на одного занятого рабочего повышение чистой добычи составляет 74%. Число шахт к I/I 1921 г. было 95,9, к I/VII 1921 г. — уже 687 единиц и к I/I 1922 г. оно было сведено всего до 288. Число рабочих понизилось с 127 000 до 97 000. Средняя производительность на шахту поднялась с 2 600 до 12 650 *т* за полугодие. Производительность труда почти не уменьшилась,

даже в связи с летним кризисом; в первом полугодии прошлого года валовая добыча на одного забойщика составляла 27,5 *т* в месяц, во втором — 23,7 *т*, а в текущем (1922 г.): в первом полугодии — 45,3 *т*, во втором — 43,5 *т*.

«Добыча нефти, — читаем мы в отчете топливной секции, — также поднялась, хотя и в меньшем размере, чем уголь. В 1920—1921 гг. добыча на одного промыслового рабочего была 125 *т*, в отчетном — 138 *т*, т. е. рост на 15%. В нефтяных районах сократилось и собственное потребление: в Баку с 10 до 9,5%, в Грозном — с 10,2 до 9,6%. В отношении остальных факторов положение — слабее: эксплоатация скважин отстает, бурение также производится в скромных размерах... Программа по бурению на первое полугодие была выполнена на 96%. Причиной является недостаток финансовых средств, благодаря которому приходилось все отдавать на эксплоатацию, а капитальные работы задерживать».

Я не имею здесь возможности останавливаться более подробно на анализе плюсов и минусов как в строении центрального аппарата по управлению топливным делом, так и его районных органов и синдикатских организаций. Чтобы не утомлять вашего внимания, я не буду сообщать вам цифры превышения в выполнении программы распределения топлива, а также не останавливаюсь на характеристике наших первых шагов по надзору за потреблением топлива и рационализацией топливных устройств. Наши пережоги на железных дорогах попрежнему почти вдвое превосходят норму довоенного времени, и для советских теплотехников открывается поле плодотворнейшего труда по выработке разумных мер для рациональной утилизации топлива.

Здесь я не могу обойти молчанием и слабость наших первых шагов по минерализации топливного бюджета. Хотя мы и более чем вдвое сократили норму наших государственных дровозаготовок, ограничиваясь для истекшего хозяйственного года заданиями в 50 млн. $м^3$, но, тем не менее, на 1922/23 г. в потребительном балансе мы видим цифры 6,7—8,3 млн. *т*. Эта величина по своим отрицательным последствиям в народнохозяйственном бюджете все еще чрезмерно велика; тем не менее, мы справимся и с этим очередным недугом, хотя бы уже по одному тому, что диагноз его поставлен перед всей нашей страной исчерпывающе правильно.

Недавно в Госплане нам приходилось упрекать ГУТ за недочеты в его коммерческой отчетности [1].

Я считаю своим долгом констатировать здесь перед вами, что если положить на одну чашку весов все эти недочеты, а на другую — те несомненные заслуги, которые имеются за ГУТ как за передовым борцом в деле планового хозяйства на нашем важнейшем и ответственном топливном фронте, то вторая чаша перевесит первую. А если учесть те тиски финансового кризиса, в которых находились наши топливные районы и центральный аппарат во втором полугодии 1921/22 хозяйственного года, то приходится удивляться не резким колебаниям кривых в топливной добыче, а тому решительному благоприятному итогу, который документирован мной в приведенных выше цифрах. Не следует также забывать, что Донецкий бассейн и наши нефтяные области — это центр вожделений международного империализма. Во время моего пребывания в Берлине мне удалось в общих чертах познакомиться с конкретным материалом, сюда относящимся. Этот материал во всяком случае красноречиво свидетельствует, что в деле освоения Советской Россией Донецкого бассейна

[1] Эти вопросы обсуждались президиумом Госплана в конце 1922 г. в связи с реорганизацией Главного управления по топливу (ГУТ). Реорганизация ГУТ, как известно, была вызвана трудностями первого этапа перехода к платности и хозрасчету. Поставщики ГУТ'а (районы) при остром финансовом кризисе не в состоянии были развертывать производство; у потребителей же отсутствовали средства для оплаты счетов ГУТ'а

помимо трудностей, так сказать, обычного характера налицо и специальные трудности, которые создаются против нас международным капиталом.

Отмечая факты нашего топливоснабжения, я теперь должен был бы охарактеризовать перед вами то положение, которое создается в области нашего электрического хозяйства, с которым мы связываем столько надежд. Позвольте мне, краткости ради, ограничиться лишь немногими замечаниями.

Как раз во время моего пребывания в Берлине (сентябрь 1922 г.) в германской прессе шла довольно оживленная дискуссия по поводу нашего проекта электрификации РСФСР, обстоятельно изложенного в статье д-ра Гуревича в «Elektrotechnische Zeitung». Я должен сказать вам, что испытывал чувство глубокого удовлетворения, когда прослеживал те яростные нападки на наш проект электрификации, которые помещались в белогвардейской или в иностранной прессе, дававшей у себя приют перу некоторых эмигрантов-инженеров. Я вспоминаю при этом известные слова старика Бебеля, которыми он характеризовал неловкость своего положения в обратном случае, когда его похваливали представители буржуазии... В этих заметках белогвардейских инженеров прежде всего поражало их глубокое невежество в смысле понимания наших подлинных проектов и их величайший отрыв от современной России, от нужд, забот и упований ее текущего хозяйственного дня.

Развиваемая нами в настоящее время деятельность по сооружению больших электрических станций, та лихорадочная работа, которая наблюдается в области мелкой электрификации, чрезвычайные успехи по оздоровлению нашей электропромышленности — все это, взятое в целом, — во всяком случае поистине героический порыв, подлинный размер которого мы правильно смогли бы оценить лишь в том случае, если бы отдали себе ясный отчет в величайших трудностях, противостоящих нам в настоящее время на путях всякого крупного строительства.

Тщательное изучение текущего роста потребления электрической энергии в таких центрах, как Москва и Петроград, в которых мы уже в настоящее время по числу отпущенных киловаттчасов конкурируем с довоенной нагрузкой, заставляет нас чрезвычайно форсировать постройку и эксплоатационную деятельность наших новых районных станций: Уткиной Заводи, Каширской и Шатурской, и делать все, что только возможно, для сооружения Волховской гидроэлектрической станции.

Я предложил бы лицам, скептически относящимся к предположениям нашего скромного проекта электрификации страны, серьезно побеседовать с нашими хозяйственниками, работающими в Донецком бассейне, в Баку и Грозном, на Урале, на Кавказе и Туркестане. Замечу коротко, что теперь у нас — членов центральной группы бывшей государственной комиссии по электрификации — по отношению к работникам этих мест роли резко изменились. В свое время мы шли в авангарде и двигали вперед местных работников; в настоящее время нам приходится во многом учиться у них.

Конечно, мы стоим еще лишь на пороге наших великих работ. Конечно, всероссийский масштаб электрификации всецело зависит от хозяйственной мощи Советской России, могущей творить новую жизнь вне противоречий с ее зиждительными силами.

V.

Всем вам, вероятно, известно, какие надежды связаны у наших врагов с разрухой нашего транспорта и сколько раз предрекалась гибель нашей страны вследствие неминуемого паралича наших железных дорог. Но не только наши враги, а даже лица, чрезвычайно нам сочувствующие, склонны скептически относиться к преодолению нашей транспортной разрухи ввиду громадности предстоящих нам в этой области задач.

Транспорт есть сложная производная от целого ряда производственных моментов и процессов обращения ценностей в стране. 1921—1922 гг. были годами решительной ломки всей нашей экономической политики и практики, и не приходится удивляться, что колоссальный организм транспорта должен был испытывать на себе с особенностью болезненностью обстоятельства переходного режима. Отметим прежде всего, что численность работников всех видов транспорта за последние два года изменилась: с 1921 г. по 1 октября 1922 г. с 1 724 374 чел. до 987 545 чел., причем в последнюю цифру входит, между прочим, 33 705 чел. охраны путей сообщения. На 1 января 1923 г. персонал должен быть сведен к цифре в 850 тыс. чел. Количество работников только железнодорожной сети подверглось следующим сокращениям: за 1921 г. при средней суточной погрузке сети в 9 935 вагонов с 1 257 899 до 933 472 чел., за 1922 г. по 1 ноября при средней суточной погрузке в 9 833 вагона — с 933 472 до 779 957 чел.

Из указанного выше количества служащих на 1 января 1923 г. по всем видам транспорта — 850 тыс. чел. — на железнодорожную сеть приходится 708 608 чел. По справке транспортной секции Госплана приведенное выше сокращение достигалось:

А. Сначала путем уменьшения числа служащих на определенный процент.

Б. Путем ряда организационных мер по уплотнению работ личного состава.

В. Путем разделения дорог на три категории с уменьшением размера материального снабжения каждой категории, а следовательно, и с уменьшением производимых работ и введением упрощенных приемов эксплоатации.

Г. Путем создания нормальных штатов и выработки норм потребления рабочей силы.

Главнейшие из перечисленных выше мер таковы:

1. По службе пути сокращена протяженность участков, следовательно, уменьшилось число людей, обслуживающих участки, переезды, участковые мастерские, кладовые и конторы участков пути.

2. По службе движения установлены нормы числа служащих, исходя из практически разработанного хронометража, т. е. объема работ, приходящихся на каждое лицо.

3. По службе тяги установлены нормы числа служащих на единицу работы, причем приняты во внимание современные условия обслуживания поездов и ремонта подвижного состава.

Я предлагаю лицам, хоть немного знакомым с железнодорожным механизмом, вникнуть в значение этих громадных организационных работ. Следует помнить, что в то время, как средний месячный заработок рабочих промышленности в довоенное время составлял 22 руб., а железнодорожного транспорта 36 руб., в настоящее время в крупных промышленных центрах заработок промышленного рабочего уже в значительном количестве производственных отраслей поднялся до 16 руб., тогда как для транспортника он продолжает колебаться около средней в 6 р. 50 к. Нам думается, что этих данных вполне достаточно, чтобы действительных героев труда мы с большей уверенностью искали именно среди наших транспортных работников.

Позвольте мне не останавливаться на подробном анализе нашего грузооборота. Вышеприведенные цифры показывают, что если и можно говорить о некотором снижении 1922 г. по сравнению с 1921 г., то прежде всего в абсолютных числах оно чрезвычайно мало. Но 1921 г. отличался совершенно специфическими чертами грузооборота. Припомните колоссальные пробеги продовольственных грузов, когда всю продовольственную политику нам приходилось базировать на хлебе дальнего привоза, заграничном, украинском, сибирском. Если же сокращается количество дровяных грузов и мы

наблюдаем, хотя не вполне компенсирующие, но все же уже заметные замещения дровяного топлива топливом минеральным, то позвольте отметить, что тем самым наш железнодорожный транспорт освобождается от самых губительных, коммерчески наименее оправдываемых, частей грузового потока.

Вскоре выйдет из печати работа, характеризующая перспективы железнодорожного хозяйства РСФСР[1].

Вот выводы, к которым приходят авторы этой работы:

На основании громадного материала по текущей и прошлой эксплоатации железнодорожного транспорта, тщательно учитывая наболевшие места в этом организме, стараясь разобраться в финансовых возможностях республики, авторы набрасывают конкретную перспективу будущего развития нашего железнодорожного транспорта, которая является перспективой не разрухи и снижения, а правильного подъема и достижения к 1927/28 г. бездефицитного бюджета. Авторы доказывают, что сравнение 1921 г. с 1920 г. свидетельствует о накоплении в стране положительных потенций для увеличения производства. Истекший же год, говорят они, дает еще больший подъем, чем предшествующий.

Тщательные, детально проверенные с представителями всех ведомств, размеры возможных перевозок в будущем 1922/23 г. дали основание наметить работу железнодорожной сети на 10—15% выше 1921/22 г. На основании изложенных выше достаточно осторожных предположений авторы набросали такую схему увеличения работы железнодорожной сети, которая определенно страдает явной недооценкой наших возможностей[2]. К концу десятилетия подъем кривых по железнодорожной эксплоатации будет приобретать не замедленный темп, а все более и более ускоренный.

Интересны соображения авторов относительно тех финансовых преимуществ, которые получаются вследствие решительной национализации железных дорог. Они констатируют, что валовой доход всей железнодорожной сети всегда превышал расходы на ее эксплоатацию, составлявшие в 1913 г. 59,17% от валового дохода. Для 1913 г. чистая прибыль эксплоатации сети выразилась в 480 122 330 руб. Эта прибыль в значительной своей части шла на уплату процентов и погашение затрат, на устройство сети, составлявших к концу 1913 г. 7 620 093 тыс. руб. Национализация во всяком случае сильнейшим образом снижает эти проценты, и поэтому математический подсчет показывает, что даже весьма осторожный подъем нынешних железнодорожных тарифов к их довоенному уровню позволит железным дорогам в ближайшее пятилетие справиться с своей дефицитностью[3].

---

[1] Имеется в виду работа «Перспективы железнодорожного хозяйства РСФСР». Изд. НКПС, 1923, стр. 10.

[2] По этой схеме объем работы железнодорожного транспорта в 1927/28 г. должен был составить едва 50% объема 1913 г., а в 1929/30 г. — всего 53%. Не приходится доказывать, в какой мере действительность опрокинула эту схему. Достаточно отметить, что грузовая работа железнодорожного транспорта в 1932 г. составила 257% от объема 1913 г.; густота движения на 1 *км* эксплоатационной длины сети составила в 1932 г. 180,8% к показателям 1913 г. (Итоги выполнения пятилетнего плана, стр. 298). Последующие годы дали новый подъем железнодорожного транспорта. Для иллюстрации этого подъема приведем несколько показателей из доклада т. В. И. Межлаука на второй сессии ЦИК Союза ССР VII созыва (январь 1936 г.). Так, перевозка грузов на 1936 г. предусмотрена планом в 457 млн. *т* против 390 млн. *т* в 1935 г.; весь грузооборот — 299,3 млрд. *ткм* против 259,7 млрд. *ткм*.

[3] Заключительная часть доклада посвящена впечатлениям, вынесенным Г. М. Кржижановским из поездки его в Германию (лето 1922 г.). Мы опускаем ее, так как она непосредственно не связана с тематикой настоящего тома.

В. И. ЛЕНИН И РАБОТЫ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ [1]

После одного разговора с В. И. Лениным о тяжелой работе на торфу и о тех перспективах, которые связаны с развитием торфяного дела, я, возвратившись домой, тотчас же получил от него спешно набросанную им записку с просьбой непременно изложить все то, что я ему рассказывал, в специальном фельетоне в «Правде» [2]. Когда же я просьбу Владимира Ильича исполнил и такой фельетон был напечатан [3], то он был необычайно доволен. Ряд товарищей обратил внимание на фельетон и обменялся с В. И. Лениным мыслями по этому поводу. Владимир Ильич немедленно уведомил меня об этом, видя в этом обстоятельстве доказательство правильной наметки темы, потому что иначе она не могла бы возбудить к себе интереса. В этом фельетоне проблемы развития торфодобывания и устранения каторжных условий работы на торфу ставились в прямую зависимость от электрификации торфяных болот и от постройки районных электрических станций на торфу.

Но раз наметив что-либо, Владимир Ильич никогда не останавливался на полдороге. Он немедленно стал тормошить меня, настаивал, чтобы, по крайней мере в небольшой брошюрке, вопросы электрификации были освещены цельно, хотя бы и элементарно. Я составил проспект такой брошюры, внимательно просмотренной Владимиром Ильичом, а когда «Основные задачи электрификации России» мной были написаны в размере брошюрки в 50 страниц, то он немедленно, кажется в тот же день, когда рукопись была послана ему, сообщил свое одобрение и даже предложил написать свое предисловие. Это предложение я отклонил, не желая связывать имя Владимира Ильича с этой небольшой спешно набросанной брошюркой. Таким образом эта первоначальная популяризация идей электрификации всецело обязана настойчивости и указаниям Владимира Ильича. Без него, при трудных обстоятельствах 1920 г., я никогда не решился бы выступить с такими ответственными предложениями.

Точно так же лишь поддержка, неусыпная внимательность, непрерывный дружеский совет и подбадривание Владимира Ильича обеспечивали работы Государственной комиссии по электрификации, которой удалось в 9-месячный срок и с общим расходом самых ничтожных средств (при работе около 200 ученых мы в общей сложности потратили не более 30 тыс. руб.) составить для VIII Съезда советов известный доклад об электрификации РСФСР.

Товарищи, вероятно, помнят, как сочувственно отнесся к этой работе во время доклада Владимир Ильич и как потрясал он перед аудиторией этим толстым томом работы, справедливо подчеркивая, что при всем несовершенстве исполнения она все же является знаменательным моментом в нашей экономике.

---

[1] Статья, напечатанная в «Экономической жизни» 25 января 1924 г.

[2] Речь идет о письме В. И. Ленина от 26 декабря 1919 г. (оно опубликовано в сочинениях В. И. Ленина, т. XXIX, стр. 430).

[3] «Правда» № 5, 10 января 1920 г.

Доклад по электрификации представлял попытку составления перспективного хозяйственного плана страны. Ценность этой работы заключалась не только в том, что в ней вопросы электрификации выдвигались на первый план как неизбежный технический опорный момент всего строительства. Здесь же дан был вполне конкретный материал, характеризовавший экономику основных наших районов и намечавший те цели, которые в данной конкретной обстановке надо преследовать.

В. И. Ленин прекрасно понимал, что план Гоэлро разработан нами, как это отмечалось в тексте доклада, представленного VIII Съезду советов, лишь «в первом приближении». Он подчеркнул в своей речи на VIII Съезде советов, что придется немедленно сесть за дальнейшую работу по уточнению, усовершенствованию этого плана. Поэтому уже в начале 1921 г. он настаивал, чтобы группа работников, потрудившихся над планом электрификации, немедленно перешла ко второму этапу своей работы. Таким образом зародилась идея Госплана, и В. И. Ленин не только обсуждал первоначальный набросок проекта организации Госплана, но и кандидатуру каждого из лиц, выдвигаемых мной в члены Госплана[1].

К работам Госплана, обнимавшим самые разнообразные хозяйственные вопросы, к докладам членов Госплана в СТО Владимир Ильич относился с большим вниманием и всячески старался подбодрить нас, работников Госплана, помочь нам в преодолении тех громадных трудностей, которые стояли и стоят перед нашей плановой работой как вследствие новизны этого дела, так и по обстоятельствам нашей экономической отсталости и послевоенной разрухи.

Часто Владимир Ильич вызывал меня на длительные собеседования по тем или иным очередным темам и каждый раз, уходя после такой беседы, я чувствовал небывалый прилив бодрости и сил. Он никогда не скрывал и не затушевывал своего отрицательного отношения к тому или иному лицу, к тому или иному поступку. Но, несмотря на всю резкую определенность замечаний Владимира Ильича в этом направлении, он умел это делать так, что всегда чувствовалось отсутствие всякой «личности» в таком его нападении и всегда отчетливо подчеркивалась связь этого нападения с интересами дела, которое он защищал.

Неоднократно Владимир Ильич предлагал мне свою личную помощь путем посещения Госплана и присутствия на его заседаниях, но я никогда не решался соглашаться на это, считая, что это было бы недопустимой эксплоатацией его личности и его драгоценного времени.

Уже при первом подведении итогов работ Госплана, которое я пробовал сделать в статьях под названием «Хозяйственные проблемы РСФСР», несмотря на крайнюю заваленность работой в тот период (1921 г.), Владимир Ильич потребовал от меня представления рукописи и проштудировал ее с такой точностью, что я очень сожалею об отсутствии у меня этой рукописи с его ремарками. Я помню, что некоторые заметки и подчеркивания были в высокой степени характерны для методов мышления и работы В. И. Ленина.

В этой же книжке с полной определенностью был составлен и вопрос об экономическом районировании, и как видно из предыдущего, с полного согласия и ведома Владимира Ильича.

Я вспоминаю свои неоднократные беседы с Владимиром Ильичом по вопросам экономического районирования и не помню никаких его возражений по существу этой темы. Он считал только, что проведение экономического районирования непременно должно быть связано с большой предвари-

[1] Документы по этому вопросу приведены во II томе сочинений Г. М. Кржижановского (см. приложения 1, 2 и 3).

тельной пропагандой этой идеи и должно быть построено так, чтобы воля к нему шла в значительной степени с самих мест. А как ценил Владимир Ильич эту связь с местными работниками, эту информацию мест, превосходно видно из его отношения к отчетам местных экономических совещаний и из его попыток наладить аппарат согласованной работы наших центральных учреждений с работой мест. Отчеты Экосо, отчеты местных плановых органов и должны были служить необходимым контролирующим материалом для работы таких органов, каким являлся наш СТО.

Ко всем этим вопросам, затрагиваемым здесь мной, конечно, необходимо будет вернуться еще не один раз. Цель этих строк — только засвидетельствовать, что трудно себе представить, в каком этапе наших работ как в области электрификации, так и в областях районирования и планового хозяйства находились бы мы без мощного содействия и без бодрящих и освещающих указаний В. И. Ленина. Несомненно, что без него все это носило бы другой, более зачаточный характер. Несомненно также, что в немногих его направляющих указаниях, тем не менее, были даны решающие директивы в этих областях работ на долгие-долгие годы.

ВЕЛИКИЙ, НЕПОВТОРИМЫЙ[1]

Личность Владимира Ильича так велика и многогранна, что еще долгие годы будут изучать ее с разных сторон, а изучая, делать новые открытия и черпать вдохновение для творчества.

Уже при жизни его там, в народных глубинах, творилась о нем героическая легенда. И характерно, что по общему правилу в этой легенде Владимиру Ильичу приписывалось всегда что-нибудь выражающее его заботливость об интересах миллионов тружеников, его непрестанные думы о их доле и о их нужде.

Все мы, имевшие счастье непосредственного общения с Владимиром Ильичом, обязаны широко огласить свои воспоминания о нем и приложить все усилия для характеристики его облика.

Но как трудно это сделать в эти дни; как мешает этому боль утраты, та мучительная боль, вызываемая мыслью о его смерти, при которой все хочется думать, что этого на самом деле нет, что он еще жив, что смерть его лишь тяжелый, кошмарный сон.

Он еще так близок к нам, он еще так среди нас, что почти нет никакой возможности отойти мысленно на такое расстояние, чтобы окинуть глазом все то основное, существенное, что исходило из хрупкого человеческого материала и вопреки ему будет жить века.

Несомненно, что с этой задачей возможно будет справиться лишь с течением времени и коллективно, потому что личностью Владимира Ильича, как это я уже сказал выше, нам дана не одна, а многие и многие темы для такой работы. Он глубок и как мыслитель, превосходно овладевший богатым наследством, оставшимся после Маркса и Энгельса, и сделавший свои собственные огромные вклады в эту область научного творчества, и как апостол-пропагандист и вернейший страж интересов пролетариата, и как искусный организатор-практик, и как пламенный, стремительный и неустрашимый революционер, и как писатель, и как своеобразный оратор-трибун, увлекавший за собой народные массы, и как хладнокровный и искусный стратег и вождь мирового пролетариата.

Не сомневаюсь, что на эти темы будут написаны многие томы на самых различных языках. В этих немногих строках, которые я пишу здесь, я хотел бы отметить лишь то, что делало для нас Владимира Ильича самым дорогим, незаменимым товарищем-другом.

Кто-то правильно сказал, что самое большое счастье для человека — это встреча и возможность общения с человеком, который и выше и лучше других. Счастье такой встречи с особой яркостью ощущалось всеми нами именно при общении с Владимиром Ильичом.

---

[1] Напечатано в «Правде» 26 января 1924 г. Печатается по тексту сборника — Г. М. Кржижановский «О Владимире Ильиче» (Институт Маркса — Энгельса — Ленина, издат, М., 1933).

Все мы, шедшие разными жизненными путями, имеющие за своими плечами разнообразный жизненный опыт, все мы будем свидетельствовать по-разному, но об одном и том же: встреча и работа с Владимиром Ильичом — это могучее и теплое ильичевское крыло, которое было распростерто над нами, — вот это и было наше самое дорогое счастье. Мы все знали, что пока он жив, есть такой центр, такой опорный пункт, в котором не только мудро, но и с глубокой человеческой проникновенностью подумают и позаботятся о нас, чтобы приподнять нас и помочь нам быть лучше и полезнее для других. Приближаясь к нему и смотря на него, мы не только все глядели вверх, но порой даже незаметным для себя образом подтягивались, чтобы быть лучше и достойнее.

Сколько раз мы замечали, что, подходя к дверям его кабинета, напряженно размышляя над каким-нибудь вопросом или запросом к нему, вслед за тем, после самого краткого обмена мыслей с ним, мы с удивлением чувствовали, что вопрос так прост, а решение так ясно, что никаких сомнений и колебаний быть не может. Это происходило потому, что чувство уважения, которое внушал нам самым распорядком своего рабочего дня этот неутомимый труженик, заставляло особенно напряженно работать нашу мысль, а также и потому, что Владимир Ильич обладал особым даром с полуслова подхватывать мысль собеседника и направлять ее в надлежащее русло.

Чтобы в наибольшей мере завоевать личность приближавшегося к нему человека, Владимир Ильич не нуждался ни в каких искусственных средствах: для этой цели ему достаточно было только оставаться самим собой. А таким он был во всю свою жизнь и при всевозможных обстоятельствах, потому что в самом его существе сочетались такие черты, которые бесповоротно исключали всякое притворство, всякую фразу, всякую ходульность.

Говорят, что истинное мастерство в любой области характеризуется в последнем и конечном счете именно легкостью своего выявления; человек затрачивает как будто бы и немного, а дает очень много. В этом смысле Владимиру Ильичу в совершенстве дано было быть человеком таким простым, ясным и доступным и вместе с тем таким необыкновенно чутким, всесторонним и сильным.

Однако каждый из нас знает, что мастерство в любой области не падает на человека с неба, а дается большой работой и большой тренировкой. Именно только в последнем счете, после громадной предшествовавшей работы, это мастерство так просто и легко выявляется.

С того детского портрета Владимира Ильича, который в настоящее время широко известен, на нас смотрит необыкновенно привлекательное детское личико. Но чтобы этот ребенок мог превратиться в знакомый всем нам облик зрелого Владимира Ильича с таким характерным куполом лба и с таким благородным очертанием губ, чтобы такой простой ясностью гения веяло от слов и дел его, для всего этого потребовались годы углубленной и напряженной работы над самим собой, но не для самого себя.

Долгими годами упорной работы над собой выковал он в себе железную волю и был вправе более, чем кто-либо другой, отдавать приказания и требовать многого, потому что наиболее требовательно, наиболее беспощадно относился он к самому себе.

Никогда еще в истории человеческая личность не была поднята на законнейшем основании так высоко. Но ни на минуту не закружилась у Владимира Ильича голова и не пало на него от практики власти ни одного малейшего пятнышка.

Отойдет он в историю, как грозный враг эксплоататорской власти человека над человеком, как самый беззаветный друг мозолистых рук бесстрашной мысли и последовательной непреклонности в борьбе за коммунизм.

Этот пламенный и стремительный борец сжег себя в неустанной борьбе,

ни на минуту не покидая своего сторожевого поста, судорожно набрасывая своей парализованной рукой последние мысли, попрежнему ярким светом озаряющие пути пролетарской революции.

До конца, до последнего вздоха...

Великие революционные силы развязаны в нашей стране и во всем мире гениальной мыслью и работой Владимира Ильича. Этим мыслям обеспечено величайшее будущее победоносного коммунизма. В грядущих веках и тысячелетиях будет вечно жить образ Владимира Ильича — величайшего гения человечества.

ПРОБЛЕМА СБЫТА И «НОЖНИЦЫ»[1]

Вопрос, на котором мы хотим сосредоточить внимание, несомненно, относится к числу таких, правильное решение которых является условием нашего нормального существования. В самом деле, что такое «ножницы»? Как правильно охарактеризовать это явление, понять его экономическую сущность? Я утверждаю, что, по сути дела, мы трактуем здесь основную тему — смычку между городом и деревней. Правильная политическая позиция немыслима, если мы не разрешим проблему спайки города, в котором развертывает свои силы победивший в революции пролетариат, с трудовым крестьянством. Эта смычка города и деревни решает не только судьбу Советской республики, ибо теперь не может быть никаких сомнений в том, что Стране советов принадлежит руководящая роль во всем том мировом историческом переломе, который мы связываем с грядущими революциями XX века, с пролетарскими революциями мира.

Допустим условно, что довоенные цены являются нормой и принимаются в 100%. Если нынешние цены на какие-нибудь продукты больше 100%, то в некоторых условных единицах отмечаем соответственные точки над средней линией, дающей довоенную норму; если цены ниже 100%, то мы в тех же условных единицах наносим отметки ниже средней линии. И вот, если мы по этому принципу станем откладывать ценностные величины, то и получается расположение линий, напоминающее «ножницы» (фиг. 2). Выйдет так, что цены на промышленные продукты все идут выше, цены на продукты сельского хозяйства все располагаются внизу. Сочетание линий одновременно объясняет процесс расхождения цен на промышленные изделия и на сельскохозяйственные продукты во времени, ибо вертикали цен размещаются по точкам горизонтали, соответствующим месяцам 1922 и 1923 гг. Цены отмечаются как оптовые, так и розничные.

При взгляде на эту диаграмму становится совершенно ясно, что как опт, так и розница дают в общем и целом одинаковый ход линий. Линии цен, начиная с августа 1922 г., расходятся и идут во все более и более расходящемся растворе по отношению к средней линии довоенного уровня. «Ножницы» возникают не просто оттого, что цены на промышленные изделия несколько выше, чем на продукты сельского хозяйства, а оттого, что нет установившегося равновесия, что продолжается раствор лезвий «ножниц».

Что означает отсутствие остановки в этом процессе и растущее расхождение? Идет процесс отрыва города от деревни. Город находится в таком положении, когда условия, в которых он живет, или, как выражаются, его конъюнктура равна конъюнктуре растущих цен. Значит, не только нет смычки между городом и деревней в отношении обмена ценностями, а наблюдается растущий разрыв.

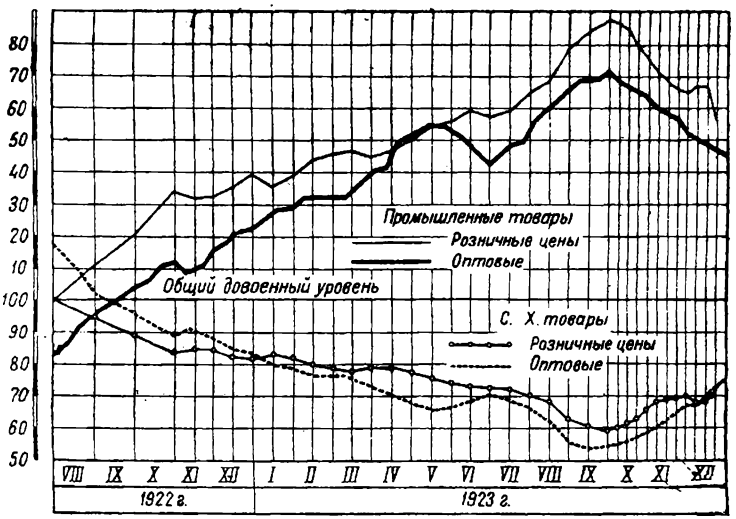
Итак, «ножницы» мы характеризуем как разрыв по сравнению с довоенным временем в соотношениях на промышленные и сельскохозяйственные

[1] Статья, напечатанная в журнале «Вестник труда» (ВЦСПС) № 1 (январь), 1924.

цены. Так как этот разрыв не завершился и в течение осени 1922/23 г. (он все углублялся), то и получилась такая расходящаяся линия, которая названа «ножницами».

Не было бы, однако, «ножниц», если бы не было еще одного момента, который, как показывает диаграмма, дает рукоятку «ножниц», дает подъем сельскохозяйственной линии и спуск промышленных линий вниз, налево от пункта августа 1922 г. Если бы не было этой рукоятки, то и не было бы такого рисунка, который можно приравнять при некотором полете фантазии к «ножницам».

Почему было расхождение цен в обратном порядке до августа 1922 г.? 1922 г. протекал в условиях сельскохозяйственной конъюнктуры 1921 г.

Фиг. 2. Расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары.

Результат сельскохозяйственного 1921 г. предрешал судьбу 1922 г. А сельскохозяйственный 1921 г. был годом великого неурожая, годом, который сразу поставил Республику перед вопросом не меновой стоимости, а элементарной потребительной стоимости. Если наступает крах урожая, то в свою очередь наступает диктатура продовольствия. 1921 г. был как раз годом редкой по своей силе диктатуры ржи. Естественно, что при том ударе, который тогда испытало все хозяйство, при упавшем с 57,4 млн. *т* (в ржаных единицах) производственном сельскохозяйственном фонде всего до 30 млн. *т* получилось совершенно небывалое в ценностных соотношениях явление. Цены на сельскохозяйственные продукты стали относительно высокими и начали диктовать свою волю на рынке. До осени 1922 г. командное начало сельскохозяйственных цен было очень высоко, и «ножницы» имели обратный растьор: промышленные цены были внизу, а сельскохозяйственные — наверху.

Не следует забывать, что 1921/22 г. был как раз годом начала новой экономической политики. Промышленность была переведена на хозяйственный расчет и должна была становиться на ноги в крайне трудных условиях падающей валюты, отсутствия оборотных средств и резкого отказа в бюджет-

ных назначениях. Все старые запасы, которые были у промышленности, ликвидировались, выбрасывались на рынок, «разбазаривались» для того, чтобы можно было получить оборотные средства.

Итак, с одной стороны, сельское хозяйство диктовало свои условия в силу отсутствия нормальной продукции, а с другой — промышленность продавала свои продукты в условиях новой экономической политики, чтобы приобрести некоторый оборотный капитал, удержаться, сбалансироваться. Эти двойные условия привели к тому, что до осени 1922 г. раствор «ножниц» был направлен в обратную сторону. Цифры, сюда относящиеся, таковы:

Возьмем для примера два продукта — ситец и керосин. Ситец в довоенных условиях (в 1913 г.) расценивался так: за 1 аршин ситца давали 4 1/3 фунта ржаной муки. К 1 марта 1922 г. за 1 аршин ситца давали 2,13 фунта ржаной муки, а к 1 мая — 1,68 фунта.

Керосин в довоенное время (в 1913 г.) расценивался так: за фунт керосина платили 1,67 фунта ржаной муки, а в марте 1922 г. под влиянием необходимости ликвидировать товарные запасы и под влиянием голода платили за фунт керосина 0,27 фунта ржаной муки.

Такое соотношение, конечно, могло быть только временным.

Дешевый крестьянский труд и широкий экстенсивный размах сельского хозяйства, с одной стороны, затем зачаточность русского промышленного капитализма — с другой — и в нашем прошлом обеспечивали высокие цены на продукты промышленных изделий и дешевые цены на хлеб.

Борьба с «ножницами» тем труднее, что причины разрыва лежат в самой экономической структуре нашей страны.

Тем не менее, должен быть отмечен тот факт, что расхождение начинается как раз с осени 1922 г., с одной стороны, и усиливается с осени 1923 г. — с другой. Осень — время реализации урожая. Это говорит за то, что основную причину «ножниц» мы должны искать в условиях производства. Очевидно, что продукты сельскохозяйственного производства в силу каких-то причин обесцениваются относительно продуктов промышленности.

Отчего это может произойти? Общеизвестно, что цена на товар при прочих равных условиях падает, если его предложение обильно. Следовательно, мы можем предполагать, что есть относительное обилие предложения сельскохозяйственных продуктов по сравнению с предложением промышленных продуктов и что этот момент является решающим в явлении «ножниц».

Каково же действительное соотношение на рынке товарных масс, представляющих собой промышленность и сельское хозяйство? По имеющимся статистическим подсчетам валовая и чистая продукция могут быть исчислены следующим образом (в миллионах рублей):

	До войны		1922/23 г. по довоенным ценам		1922/23 г. по современным ценам	
	валовая	чистая	валовая	чистая	валовая	чистая
Сельское хозяйство	6 120	5 600	4 590	4 200	3 440	3 100
Промышленность	5 620	2 300	1 900	700	2 625	950
Итого	11 740	7 900	6 490	4 900	6 065	4 050

Итак, валовое промышленное производство по довоенным ценам составляло 30%, а по современным — 43%. Продукция земледелия дала бы соот-

ветствующие показатели 70 и 57%. Отсюда мы видим, что игра цен на рынке изменяет ценностное соотношение продукции земледелия и продукции промышленности таким образом, что отношение 70 к 30 смягчается до отношения 57 к 43. Вся чистая продукция равна при довоенных ценах 62%, а при современных ценах — 52%. Нивелирующая игра рынка в последнем счете сопровождается 10% потерей чистой продукции. Это суммарное снижение товарных ценностей чистой продукции представляет собой отрицательный результат общей игры цен.

В вышеприведенных цифрах мы показали, что предположения о роли производственного фактора в растворе «ножниц» оправдываются. Однако, чтобы понять все явления расхождения цен, надо, конечно, кроме подсчетов продукции отдавать себе ясный отчет во всем процессе обращения товара, в его ходе от производителя к потребителю.

Так как крестьянин в обмен на свои продукты получает неустойчивые бумажные деньги, то он естественным образом старается поридержаться со своим товаром и идет на рынок лишь под давлением необходимости. Этот замедленный сравнительно ток поступления продуктов сельского хозяйства на рынок должен сказываться в некотором смягчении падения цен на сельскохозяйственные продукты. В период перехода от неурожая 1921 г. к среднему урожаю 1922 г. мы имеем увеличение продукции сельского хозяйства с 30 млн. до 50 млн. *т* хлеба, т. е. сельское хозяйство за один год сделало бросок вперед на 20 млн. *т* хлеба. За то же время наша государственная промышленность тоже несколько шагнула вперед, но добавочный продукт 1922 г. по сравнению с 1921 г. может быть выражен в 4 млн. *т* хлеба. Таким образом с осени 1922 г. сельское хозяйство как бы в пять раз опередило промышленность, но это опережение сказалось на рынке не сразу, а в длительном процессе времени, обусловленном весьма сложной обстановкой рыночных отношений в условиях уже в значительной степени развернутого денежного хозяйства. Эти соображения показывают одновременно, какое глубокое значение могут иметь на процесс снижения цен сельскохозяйственных продуктов такого рода факторы, которые будут толкать крестьянина к ускоренной продаже своих товаров, а следовательно, в частности, налоговая политика и в особенности политика взимания единого сельскохозяйственного налога.

Прежде чем перейти к оценке факторов непроизводственного значения, необходимо отметить еще несколько обстоятельств, которые изменяют нынешнюю хозяйственную конъюнктуру весьма резко по сравнению с довоенной.

В настоящее время мы находимся как раз в процессе завоевания своего прежнего места на мировом рынке сельскохозяйственных продуктов. В прошлом году весь наш вывоз составил меньше 1 млн. *т* зерновых продуктов, тогда как в довоенное время он превышал 8 млн. *т*. А так как все снабжение российских городов в довоенной России колебалось от 3,3 до 5 млн. *т*, то сопоставление этих цифр наглядно показывает, какое огромное значение для рыночных цен на продукты сельского хозяйства имеет развитие экспорта.

Не надо забывать также, что в довоенное время уже имела место более или менее ясно выраженная специализация сельскохозяйственных районов по разным видам животноводства; вологодское и сибирское масло играли крупную роль на мировом рынке; наши технические культуры, в частности, лен, нередко доминировали на этом рынке. Потребительский характер крестьянского хозяйства послевоенного времени нанес тяжелый удар этой интенсификации и специализации сельского хозяйства, и мы начинаем выходить на прежнюю дорогу как раз только в самое последнее время.

Таким образом совершенно очевидно, что помимо диспропорции в соотношениях продукции сельского хозяй-

ства и промышленности этот отрыв от мирового рынка и преобладание зерновых культур сыграли свою роль в понижательной тенденции сельскохозяйственных цен.

Наше сельское хозяйство, являясь в настоящее время хозяйством почти исключительно крестьянского типа, настолько примитивно по своему техническому и экономическому укладу, что с той же быстротой, с какой оно приходит в упадок, оно способно к восстановлению. Наш опыт в этом смысле примыкает к мировому опыту, наглядно показывая, что после войн и революции быстрее всего на ноги становится именно крестьянское хозяйство.

Не таково, конечно, положение нашей государственной промышленности. Как ни скромна наша работа в области рационализации промышленности, однако все же несомненно, что отбор жизнеспособных и технически наиболее рациональных промышленных предприятий значительно подвинулся вперед, и вследствие этого органический состав действующей промышленности сравнительно высок, т. е. та часть капитала, которая затрачена на здания и машинное оборудование, весьма велика. Отсюда понятно, что расходы промышленности, так же как и расходы транспорта, должны в значительной степени учитывать проценты и амортизацию крупного основного капитала: при неполной нагрузке предприятия это, конечно, должно сказываться в относительной дороговизне промышленных товаров.

Сделать какие-нибудь точные расчеты в этом направлении для всех видов промышленности чрезвычайно затруднительно. Между тем, было бы крайне интересно провести такой расчет, по которому мы могли бы сопоставить главные расходные статьи в области сельского хозяйства и в области промышленности. Для того чтобы хоть отчасти подойти к такому сопоставлению, мы решили итти окружным путем и попробовали рассчитать трудовые затраты на единицу товаров сельского хозяйства и промышленности по сравнению с такими же расходами довоенного времени.

Мы знаем, что на территории СССР в довоенное время работало 2,6 млн. индустриальных рабочих; в 1922 г. на той же территории работала ровно половина этого числа, т. е. 1,3 млн. чел. Средняя производительность труда в 1922 г. была равна 50% довоенной, а в 1923 г. мы уже имели 60% довоенной производительности. Исходя из этих данных, экономико-статистическая секция Госплана производит следующий расчет:

Накладные издержки в довоенное время не превышали 15% цены продукта. К 1 октября 1922 г. они в связи с понижением нагрузки вдвое поднялись до 30%, а к 1 октября 1923 г. — упали до 25%. Производительность труда промышленного рабочего год тому назад достигала 50% довоенной. ныне она поднялась до 60%. В связи с этим общие трудовые затраты на единицу продукции промышленности по совокупности обеих причин возросли за период с 1913 г. до 1/X 1922 на 230%, а к 1/X 1923 г. упали до 183% довоенной нормы. В сельском хозяйстве по аналогичному расчету они составляли год тому назад 107,5%, а сейчас — около 112% довоенной нормы. Отсюда нормальное расхождение «ножниц» должно бы составить к 1/X 1922 г. 230 : 107,5 = 214%, а к 1/X 1923 г. — 183 : 112 = 163%. Между тем, фактическое расхождение оптовых «ножниц» на 1/X 1922 г. достигало всего 111%, а к 1/X 1923 г. — 320%.

Эти «трудовые ножницы» еще раз свидетельствуют о недостаточности нашего анализа в том случае, если бы мы закончили его только областью производства, ибо в последнем счете мы смогли бы таким путем объяснить только половинный раствор «ножниц».

Попробуем теперь разобраться во всей конъюнктуре нашего хозяйства в целом. Баланс, подведение хозяйственных итогов по основным расходным

и доходным статьям, приуроченное к определенным календарным срокам, вот что с особой наглядностью могло бы обрисовать перед нами всю нашу хозяйственную конъюнктуру в целом. К сожалению, путь этот не так-то легок. Балансный метод, применяемый нами при составлении нашего государственного бюджета, охватывает, как известно, далеко не все народное хозяйство. В этой работе, правда, мы значительно подвинулись вперед, но все же мы составляем наши бюджеты с громадным опозданием и по сути дела сумели передвинуться лишь от месячных бюджетов к бюджетам квартальным, давая во второе полугодие предположительные цифры для всего хозяйственного года в целом. Тем более затруднительно наше положение по отношению ко всему хозяйству в целом. Все статьи нашего хозяйства охвачены живейшей динамикой, сами действующие органы еще в далекой степени не сложились и находятся в непрестанном процессе разнообразных реорганизаций. Немудрено, что при таких условиях приходится довольствоваться косвенным подходом к искомым величинам и находить цифры, весьма отличные друг от друга, в зависимости от взглядов и методов работавших над их составлением лиц.

По данным ВСНХ вся продукция государственной промышленности в товарных рублях Госплана на 1922/23 г., высчитанная в современных ценах, распределялась таким образом: на сельскохозяйственном рынке она реализовала своих товаров на сумму 400 млн. руб., на городском — на сумму 700 млн. руб. и, наконец, на специальном рынке государственных заказов, т. е. в своем внутреннем обмене, она давала итог в 300—350 млн. руб. В общей сложности вся государственная промышленность по этому подсчету реализовалась в 1 500 млн. руб.

Для нашей цели, однако, было бы более интересно проследить обмен между городом и деревней, сопоставляя при этом производство и потребление предметов, удовлетворяющих нужды широких слоев населения и производимых как крупной, так и мелкой промышленностью.

В журнале «Социалистическое хозяйство» № 6—8 (1923 г.) по этому поводу приведены следующие расчеты:

«П. И. Попов в сборнике промышленности «На новых путях» определил стоимость предметов широкого потребления для 1912 г. в 2 092 млн. руб. Принимая современное производство равным 33% довоенного, мы получим, что крупная промышленность производит в настоящее время на 700 млн. руб. предметов широкого потребления по довоенным ценам, а принимая прирост коэфициента цен на 38%, ценность предметов широкого потребления будет равна 965 млн. руб., или с округлением 1 млрд. руб.

Ремесленная и кустарная промышленность вырабатывала до войны на 730 млн. руб. Принимая, что сохранилась половина этой промышленности, сумма производства ее будет равна 360, а по современным ценам 500 млн. руб. Сопоставляя продукцию с размером потребления, мы получим следующую таблицу:

	Производство	Потребление	
		городское	сельское
Крупная промышленность	1 000	700	300
Мелкая »	500	100	400
Итого	1 500	800	700

До войны, как определил П. И. Попов, деревня потребляла 66% предметов фабричного городского производства, теперь мы получили лишь 30%. Продуктов мелкой промышленности крестьянство потребляет 80%, а всей продукции лишь 47%, тогда как население деревни равняется 84%. По расчету на душу населения деревня потребляет всего 7 руб., а город 40 руб., т. е. в 6 раз больше».

Этот баланс показывает, что смычка между городом и деревней еще в далекой степени не достигнута и что город живет сам по себе, а деревня — сама по себе. $^{7}/_{10}$ своей продукции город потребляет сам, $^{4}/_{5}$ своего мелкого кустарного промысла деревня тратит на самое себя. Наше производство предметов широкого потребления не может выпрямиться в свой полный рост до тех пор, пока все 100-миллионное крестьянское население фигурирует на рынке этих предметов со спросом, ограниченным суммой в 700 млн. товарных рублей.

До тех пор пока городская продукция будет находиться в столь резком отрыве от продукции сельского хозяйства, пока спрос крестьянского населения не приобретет массовый характер, мы не получим того устойчивого и плавного хода всего нашего механизма производства и обращения товаров, который присущ именно крупному производственному размаху и развитому товарному рынку. В этом и заключается секрет неустойчивости наших цен и той внутренней динамики всего нашего хозяйства в целом, которая выражается в явлении «ножниц».

Борясь с «ножницами», мы должны, следовательно, прежде всего бороться за расширение продукции сельского хозяйства, за увеличение его товарности, за рост платежеспособного спроса на эту продукцию, за спайку с городской промышленностью и с внешним рынком и за такое направление городской промышленности, которое бы имело в виду не только интересы 20-миллионного городского населения, а и интересы более чем 100-миллионной крестьянской массы. Таким образом *борьба за устойчивую массовую продукцию есть одновременно борьба за крестьянский рынок*. Ясно, что в этой борьбе наряду с ростом и развитием экспорта необходимо покончить с исключительно зерновым уклоном сельского хозяйства, необходимо придать ему такой оборот, чтобы оно подтянулось к промышленности поставкой соответствующего сырья и усиленной переработкой сельскохозяйственных продуктов.

Но, может быть, самым радикальным средством для подъема цен на продукты сельского хозяйства наряду с развитием экспорта было бы сжатие зерновой сельскохозяйственной продукции? Легко показать, что это был бы совершенно неправильный вывод. Выше мы видели, что в лучшем случае вся наша сельскохозяйственная продукция может быть оценена в $^{3}/_{4}$ довоенной. Ясно, что если бы мы остановились на этой продукции или на продукции несколько сокращенной, то тем самым нанесли бы непоправимый удар всему нашему хозяйству в целом, базирующемуся на мощности именно сельского хозяйства. Такая мера была бы тем более нерациональной, что уже первые шаги по налаживанию заграничного хлебного экспорта ясно показывают полную возможность борьбы за отвоевание наших прежних позиций на мировом рынке. Дешевое массовое производство попрежнему должно быть основной директивой для нашего сельского хозяйства. И то, что мы проиграем в цене, мы легко можем наверстать в количестве. Вспомним, что наша урожайность в два или три раза отличается от европейских норм, что при самом элементарном фосфатном удобрении громадная площадь нашего чернозема не замедлит дать колоссальный производительный сдвиг.

Мы рассматриваем промышленность, в особенности крупную, как цитадель пролетариата. Если элемент массы в техническом смысле играет решающую роль в любом маховом колесе, предназначенном для регулирования плавного хода машины двигателя, то тем более это имеет место в области экономики: только массовое производство может обеспечить плавность изменения рыночных цен и минимальные величины себестоимости. Между тем, прослеживая изменение цен даже тех товаров, которые являются продуктами широкого потребления, и сравнивая это движение с довоенным, мы немедленно придем к тому выводу, что скачки наших современных цен носят

резкий, зигзагообразный характер, борьба с которыми и должна быть предметом наших забот.

Для основных товаров, удовлетворяющих нужды широчайших масс населения, столбики себестоимости довоенных цен являются сравнительно скромными, малыми величинами рядом со столбиками, изображающими современные рыночные цены. Мы видим, что, например, соль вздорожала на 1 570% и что другие товары имеют двойное и тройное вздорожание.

В чем же, однако, причина такого роста цен на отдельные товары? В дальнейшем анализе надо посмотреть, насколько эта дороговизна продуктов промышленности зависит от налогов, от транспортных издержек и от кредита и насколько она зависит от моментов, связанных с современными производственными и торговыми аппаратами.

В общем и целом ход тарифных кривых весьма отличается от тех кривых, которые дает нам раствор «ножниц». До января месяца 1923 г. наши железнодорожные тарифы были значительно ниже довоенных. Затем, с введением так называемой 12-классной тарифной сетки и так называемых «тарифных коэфициентов», заранее учитывающих падение валюты, мы подняли размер наших тарифов в течение января на 20—30% выше довоенных, а затем движение тарифов опять начинает уже представлять либо горизонтальную, либо даже несколько понижающуюся линию. Это сопоставление показывает, что в растворе «ножниц» наши железнодорожные тарифы могут играть лишь второстепенную роль.

При более близком рассмотрении тарифов мы, конечно, найдем, что для смягчения цен некоторых товаров они могут иметь немаловажное значение. Тарифное обложение чугуна, который сейчас перевозится нашими железными дорогами в размере каких-нибудь 250 тыс. *т*, является чрезмерно высоким, что не имеет особенного смысла и для доходности железнодорожной эксплоатации. Кроме того, если рядом с тарифами нанести обложение так называемыми дополнительными сборами, то немедленно обнаружится их чрезвычайная величина по сравнению с довоенными нормами. Эти дополнительные железнодорожные сборы в особенности тяжело падают на грузы, подвозимые и перегружаемые на небольших расстояниях (например, подвоз и провоз на наших железных дорогах промышленного сырья), почему этот фактор должен играть особо отрицательную роль именно в дороговизне сырья.

Останавливаясь на значении налогов, мы должны будем отметить, что как раз за время от осени 1922 г. до осени 1923 г. у нас завершалось конструирование налогового аппарата, а следовательно, росла и его работа в области взимания. Таким образом, если бы за все это время в ходу была одна и та же сетка налогов, что, конечно, не имело места, то все же более действенная работа налогового пресса должна была отразиться на уровне цен.

Сравнивая наше обложение с довоенным обложением, наши экономисты находят, что как то, так и другое примерно одинаково и падает в размере 14% на чистую продукцию и в размере 5% на продукцию валовую. Разница, однако, в том, что прежнее 14% обложение падало уже на окрепшую промышленность, тогда как нынешнее обложение застает нас лишь на первом этапе хозяйственного строительства в области промышленности, на $^1/_3$ пути ее к довоенному масштабу. Не мешает также обратить внимание на налоговое обложение некоторых особенно важных в крестьянском потреблении товаров, ибо если себестоимость соли на месте производства колеблется от 10 до 17 коп., то акциз в 45 коп., конечно, является непомерно великим, как велик акциз и на сахарный песок, если он превышает 4 руб., тогда как в довоенное время не доходил и до 2 руб. и т. д.

По отношению к роли кредита мнения экономистов весьма расходятся. Некоторые лица определенно настаивают на том, что роль кредита осенью

1923 г. по отношению к дороговизне промышленных изделий была решающей. Известно, что к этому времени наш Госбанк выпустил червонную эмиссию в размере до 250 млн. червонных рублей и что на 70% эти деньги пошли на нужды нашей промышленности. Получивши такую значительную сумму, наши промышленники, конечно, должны были чувствовать некоторую прочность своего положения на рынке в качестве товародержателей и не особенно спешить с отчуждением товаров или быть особенно осторожными в попытках прощупать рынок высокими ценами. По имеющимся данным в торговлю было дано 9,9% кредитов, транспорту 0,5%, сельскому хозяйству 8% и промышленности 70,4%, а в переводе на червонцы эти 70% составляют 14 млн. червонцев, или 140 млн. золотых рублей. Это в августе месяце, как раз в том месяце, с которого начинался у нас максимальный кризис.

Но не столько размер самого кредита, направленного для нужд промышленности (последняя, конечно, еще долгое время будет иметь громадный аппетит к пополнению своих оборотных средств), сколько недостаточность и несвоевременность кредита для нужд хлебных заготовок должны были сыграть крайне отрицательную роль в уровне сельскохозяйственных цен. Хлебные заготовки начали получать значительные суммы только в сентябре, и мы можем проследить, как в течение октября и в особенности ноября месяца начинается быстрый подъем цен на экспортный хлеб, во многих случаях уже возвращающий нас к довоенным нормам.

Однако раствор «ножниц» начался с августа 1923 г., т. е. до того времени, как червонец появился на сцену, и это обстоятельство уже говорит за то, что мы никоим образом не можем придавать червонному кредиту решающего значения в нашем исследовании. А сравнивая банковский кредит Госбанка с кредитами частных банков, мы должны будем констатировать, что, в то время как Госбанк ограничивается 18 годовыми процентами, частные банки берут 60% и более. В общем наша промышленность имеет, конечно, по сравнению с довоенным временем весьма дорогой кредит, но по подсчетам т. Струмилина все же оказывается, что в рубле ценности нашей промышленности это удорожание кредита сказывается какими-нибудь 5 коп. Общее же вздорожание товаров нашей промышленности по отношению к довоенному уровню по причине налогов, транспортных расходов и дороговизны кредита оценивается в размере около 18—20%.

Отпускные фабричные и даже оптовые синдикатские цены отступают на задний план по сравнению с ценами розничными. Это расхождение розничных рыночных цен и цен оптовых для московского рынка в довоенное время не превосходило 20%, а ныне оно уже приближается к 50%. Однако особенно велика эта розничная накидка в отдаленных уголках нашей провинции, где потребитель находится почти целиком в лапах спекулирующего розничного торговца.

Не надо забывать, что в то время, как в области промышленности у нас преобладает государственный капитал, почему всякий прирост ее является государственным приростом, в области торговли, наоборот, преобладает частный капитал, рост прибыли которого в социальном смысле противополагается росту государственных положительных статей.

Таким образом, если в области сельского хозяйства для нас, несомненно, диктуется необходимость быстрейшего развертывания экспорта — и причем такого экспорта, выгодность которого непосредственно чувствовалась бы крестьянином, — то в области промышленности все наше внимание должно быть сосредоточено на развертывании дешевой и массовой продукции таких товаров, в которых особенно нуждается наше крестьянство. Нет сомнения, что придется вести усиленную борьбу за эту дешевую массовую продукцию, за всяческое сокращение накладных расходов, за отбор жизнеспособных предприятий.

за концентрацию производства на предприятиях, географически удобно расположенных и технически правильно оборудованных, за дешевизну заводского и трестовского аппарата и за сокращение излишества в наших трестах и синдикатах.

Некоторые же товары придется взять под особую опеку. Надо напрячь величайшие усилия, чтобы на основе нэпа наша кооперация, наши тресты и наши синдикаты были не только коммерческими органами, но и органами советского государства. Их калькуляции должны давать нам ясную картину расходных статей на сырье и топливо, на заработную плату, на налоги и акциз, на накладные расходы, на амортизацию оборудования и т. д. При зорком учете такого рода калькуляции мы можем быстро справиться с дороговизной тех товаров, которая особенно тяжела для широких слоев трудящихся.

Конечно, предстоит немало хлопот с прививкой торговым операциям новых навыков. Успех этой работы будет зависеть не только от центра, но и от сознательного отношения к ней широких слоев трудящихся. В этой работе контроля и сокращения ненужных расходов предстоит думать в 1 000 умов и смотреть в 1 000 глаз, но мы убеждены, что справимся с ней, как справились уже с послевоенной разрухой.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ[1]

При жизни Владимира Ильича всем нам, имевшим счастье близко стоять к нему, пожалуй, самой отрадной темой было бы говорить именно о нем, потому что мы, жившие и работавшие рядом с ним, конечно, ранее других, еще до завершения его исторической роли, должны были понять и почувствовать, что за человек в его лице работает рядом с нами. Но великая скромность, которая была присуща этому человеку, не позволяла нам в то время говорить о нем.

Теперь, когда Владимир Ильич выступил на своем последнем митинге там, в Колонном зале, когда для всех ясно, какие могучие скрепы связывали его с широчайшими народными массами, когда о нем говорит весь мир, нам трудно говорить о нем по совершенно другой причине: мы никак не можем примириться с мыслью, что он навеки ушел от нас. Да, поистине непереносна мысль, что теперь уже есть в нашей стране такое место, которое называется могилой Владимира Ильича.

Поэтому я не дам вам, вероятно, того образа Владимира Ильича, который живет в моей душе, — сейчас для меня это непосильно...

Теперь, конечно, многим и многим ясно, что в лице Владимира Ильича мы потеряли человека, необычайно близкого миллионам трудящихся масс, личность, совершенно исключительную по своим дарованиям, прошедшую такой исторический путь, великое значение которого не подлежит спору, как не подлежит спору и тот факт, что равного ему человека до сих пор не давала наша страна.

Однако не так-то легко проникнуть в тайну гениальности этого человека и выявить основные черты его личности так, чтобы, не впадая в естественное преувеличение, — ибо еще так ярко стоит перед глазами несравненный образ живого Ильича, — правдиво охарактеризовать те его особенности, которые высоко-высоко поднимали его над миром.

Когда временами в истории человечества появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей. Вспомним в самом деле, как характеризуют гениального человека.

Есть, например, такое определение: гений — это своеобразно удачное накопление положительных свойств в человеческой личности. Гений — это наглядный пример того, как количество превращается в качество. Вот перед нами просто хороший, способный, талантливый человек; прибавьте сюда нечто, сравнительно немногое, но для данной комбинации качеств особенно веское, и вот перед нами уже не просто талантливый человек, а человек,

---

[1] Доклад на вечере воспоминаний 3 февраля 1924 г. Издано в 1924 г. отдельной брошюрой под названием «О Владимире Ильиче» (Изд. «Красная новь», М., 1924). Печатается по тексту сборника Г. М. Кржижановский «О Владимире Ильиче» (Институт Маркса — Энгельса — Ленина. Партиздат, М., 1933).

гениально одаренный. Однако сказать так обще — значит ничего не сказать. Никакого о б ъ я с н е н и я тайны гениальности вы здесь не находите.

Есть и такое определение, что гениальность — это особый вид трудоспособности, это почти всегда результат громадной, концентрированной энергии труда. Однако нам сейчас приходит на память, что мы знаем много больших тружеников, ничего общего с гениальностью не имеющих. Приходится, повидимому, признать, что общее определение гениальности — неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении ко вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать особую трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я и не беру на себя ее решения, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала. Задача эта большая и трудная: «века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». На первый взгляд он не импонировал. Но припомните, как говорил К. Маркс об отличительных свойствах пролетарских революций по сравнению с буржуазными. Если верно, что самая сущность движения пролетариата исключает внешнюю фееричность и показной драматизм в действиях главного героя этих революций — народной массы, то не вправе ли мы ожидать выявления особой, так сказать, простоты и в тех лицах, на долю которых выпадает крупная историческая роль истинных вождей пролетариата? Во всяком случае это отсутствие внешнего, показного блеска было характерной особенностью Владимира Ильича.

Начнем хотя бы с простой, скромной внешности Владимира Ильича. Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что про его внешность находит возможным сказать англичанин Уэльс. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, — было в его облике: именно нечто, как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови. Но стоило вглядеться в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии темно-темнокарие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям его простецкой внешности, как только вы начинали несколько ближе всматриваться в его облик. Недаром известный скульптор Гинзбург, вероятно, не предчувствовавший дальнейшей исторической деятельности Владимира Ильича, тем не менее, был так поражен и восхищен превосходными очертаниями его лба, что буквально преследовал его в Париже своими предложениями вылепить его голову, обладавшую, по мнению этого художника, особой духовной красотой. Известно, что Гинзбург находил громадное сходство в очертаниях лба Владимира Ильича со скульптурами, изображавшими великого мыслителя древности Сократа.

Однако с гораздо большей мощностью сказывалась духовная сущность Владимира Ильича не в его внешности, а в процессе общения с людьми. Неоднократно бывая с Владимиром Ильичом в таких коллективах, которые не имели возможности знать о нем ранее, я всегда наперед предвидел то несомненное, что должно было случиться. Это несомненное заключалось в том, что где бы ни появлялся Владимир Ильич и в каком бы окружении он ни появлялся, раз только его посещение было связано с необходимостью высказаться по существу, заранее можно было сказать, что он немедленно станет центром общего внимания. Никаких крикливых, громких слов он не скажет, но все, что он скажет, будет так веско и многозначительно, так

метко и выразительно, что исключительная одаренность человека, могущего говорить так, станет для всех несомненной.

Вспоминая о Л. Н. Толстом, иногда подчеркивают, что Толстой в некоторые нужные моменты, переходя на изощренные английский и французский языки, умел дать почувствовать собеседникам, которые неряшливо посягали на интимную близость с ним, все то расстояние, которое отделяло его от такого рода обывателей. Владимир Ильич, не переходя на английский или французский язык, тем не менее, обладал аналогичным даром в еще гораздо более высокой степени: верный друг и чуткий товарищ для своих подлинных друзей, для работников той пролетарской партии, интересам которой он посвятил безраздельно всю свою жизнь, он был всегда и всюду непримиримейшим врагом всякого филистерства и обывательщины, всякого примиренчества к болотной обстановке среды, в какие бы оболочки это примиренчество ни закутывалось. В присутствии Владимира Ильича без всяких видимых усилий с его стороны создавалась всегда какая-то особая атмосфера чистоты и подъема, как-то само собой выходило, что там, где он, неуместны ни праздный разговор, ни пустое и, тем более, пошлое слово.

Простая на первый взгляд внешность, но именно только на первый взгляд, а затем та же внешность, необычайно привлекательная по своему озарению особой духовной красотой, простые слова его речи, но в таком сочетании, в котором немедленно сказывается концентрированная, необычайная мощь его интеллекта, — это, конечно, лишь некоторые отдельные штрихи гениальной личности Владимира Ильича. Несомненна и его громадная трудоспособность, и наличность многосторонней одаренности (недаром — первый ученик на протяжении многих лет), и большой запас органических сил. Как-то даже странно читать, и читать неоднократно, в тех биографических заметках, которые пишутся в настоящее время о Владимире Ильиче, повторяющиеся указания о его мощном организме. Некрупная фигура Владимира Ильича как будто не вяжется с обычным представлением о мощности. И, тем не менее, это так: в этом небольшом компактном теле действительно ключом била жизненная энергия не только духа, но и крепкого, здорового, нормального физически человека. Вспоминаю, что когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичом я рассказал ему об определении здорового человека, данном известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

«Вот именно так, — говорил он, — если здоровый человек хочет есть, — так уже хочет по-настоящему; хочет спать, — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит, — так уж тоже по-настоящему...» Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека...

Коротки, однако, наши земные пути. Невольно вспоминаешь слова Берне о неминуемой встрече со злодейкой-смертью при таких обстоятельствах, когда вне зависимости от числа прожитых лет все еще будешь чувствовать себя ребенком по сумме тех недоделок, которые остались за плечами, а эта злодейка будет говорить: довольно, уже достаточно! Поэтому большое счастье выпадает на долю тех, которые еще в ранней молодости находят самих себя и свои основные целевые устремления. Не в этом ли вообще и заключается главная удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича в полной мере. Он говорил мне, что уже в пятом классе гимназии он резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор. А когда я его впервые встретил молодым 23-летним человеком, это был еще неотшлифованный и недостаточно обделанный, но уже

вполне отчетливо обрисовывающийся, тот тип человека-монолита, которому суждено было в дальнейшем перед всем миром выявить необычайную силу этой своей внутренней мощной целостности.

Перед моим умственным взором проносятся сейчас, когда я пишу эти строки, картины Петербурга и петербургских студенческих революционных кружков начала 90-х годов прошлого века. Позвольте мне на примере первого периода деятельности Владимира Ильича в Петербурге этих годов показать вам, в чем именно заключались целевые устремления этого необычайного юноши, и мне кажется, что до некоторой степени станет ясной та особая складка его исключительной индивидуальности, которая из фигуры весьма одаренного, полного жизненной энергии Владимира Ильича Ульянова делала гениального Ленина.

Учение научного социализма, развитое Марксом и Энгельсом, мы считаем самой великой и самой важной для трудящихся наукой. Именно эта наука дает ключи понимания самого важнейшего: она показывает, как надо жить, как надо бороться, чтобы изменить, перестроить самую жизнь так, чтобы она из борьбы всех против всех превратилась в гармонический, радостный, братский строй. Именно работы Маркса и Энгельса приуготовили для трудящихся могучие средства борьбы, путем которой предстоит осуществить трудный переход от капитализма к социализму. Однако политические события Западной Европы сложились таким образом, что 80-е и 90-е годы являлись годами сравнительного затишья на фронте классовой борьбы. Правда, бодрый старик Энгельс утверждал, что за эти годы медленной эволюции социал-демократическая партия Германии нагуливала себе красные щеки. Но в последнем счете оказалось, что драгоценное оружие, выкованное в самых разнообразных боевых ассортиментах такими великими кузнецами будущего, какими были Маркс и Энгельс, стараниями той же социал-демократии оказалось размещенным «про запас» в безобидных арсеналах этой «легальной оппозиции» «его величества» — капитала.

И вот с наших северных равнин появляется необычайный человек. Как никто, он отдает себе отчет в разящей силе того оружия, которое выковано гением Маркса. Для него марксист — прежде всего революционер. Бурно врывается он в арсенал оружия немецкой социал-демократии, срывает боевые доспехи со стен, распахивает окна и двери, ударяет в набат и созывает к себе миллионы трудящихся, мощно вооружая их марксовым оружием для борьбы со слугами капитализма не на жизнь, а на смерть. Таким человеком был ушедший от нас В. И. Ульянов-Ленин.

Самая лучшая политика — принципиальная политика. Будучи превосходно вооружен руководящими принципами учения Маркса, Владимир Ильич был превосходным политиком. Однако не принцип сам по себе является решающим началом в политической борьбе. Еще важнее то особое чувство, которое называется чутьем действительности. Хороший политик должен в высокой степени обладать этого рода чутьем, и лишь в этом случае его деятельность будет оставлять глубочайший след в действительности и будет приводить в движение те человеческие массы, которые творят историю. Владимир Ильич примером своей деятельности на протяжении трех российских революций наглядно показал нам высший образчик такого политического чутья, такого проникновеннейшего охвата и понимания действительности. В ленинизме с особой силой сказывается действенное революционное начало марксизма, пришедшего в мир для его творческого преобразования. Таким марксистом Владимир Ильич был уже при своем появлении в Петербурге в начале 90-х годов прошлого столетия.

В 1889 г. молодым 17-летним мальчиком, духовно еще совершенно не оперившимся, приехал я в Петербург и сделался студентом Петербургского технологического института. Вспоминаю, что на первых порах я был пода-

влен мрачным величием этого города. Каменные громады зданий, гранит и мрамор его дворцов, могучая черная лента Невы, блеск европейских магазинов, синие лучи электричества на главных величественных проспектах и тонущие в нездоровой сырой мгле, балансирующие на болотистой почве угрюмые фабричные закоулки окраин.

Петербург того времени был поистине ужасным городом торжествующего царизма. Отборная рать здоровеннейших городовых, торчавших на каждом перекрестке, не менее упитанные фигуры дюжих «околодков», характерная дробь барабанов с пронзительным присвистом маршевой дудочки, аккомпанирующей непрерывно маршировавшим в разных направлениях многочисленным колоннам войск, «цвет» бюрократии и генералитета, гранивший широкие тротуары Невского проспекта, и целые тучи шпионской рати, шныряющей в мглистом тумане бесконечных петербургских улиц... Как-то незаметно для самого себя ко второму году своего пребывания в Технологическом институте я очутился на левом крыле тогдашнего студенчества. Вспоминаю, что и я и мои новые друзья на первых порах были полны каким-то неопределенным, но властным стремлением «сжечь свои корабли», т. е. порвать с той обывательщиной, которая вскармливала нас, собравшихся под одной крышей, в различных уголках провинции. Различными путями до нас доходили струйки, так или иначе связывавшие нас с теми воспоминаниями борьбы революционеров-героев, которые славно прошли свой «доблестный и благородный путь» вот здесь, в стенах этого же города. Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолюбивые блестки публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюрки из изданий землевольцев и народовольцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», — вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса — его «Капитал»...

Продумывая страницы этой книги, мы впервые начинали чувствовать твердую почву под своими ногами и находили опорные пункты для критического отношения к народничеству всевозможных оттенков, какими бы революционными фразами оно ни прикрывалось. Скоро в нашей группе, состоявшей по преимуществу из студентов-технологов, создался специфический культ Маркса *.

Встречаясь с новыми людьми, мы прежде всего осведомлялись об их отношении к Марксу. Я лично, например, был глубоко убежден, что из человека, который не проштудировал два или три раза «Капитал» Маркса, никогда ничего путного выйти не может... К сожалению, почти такую же требовательность мы предъявляли не только к студенческим головам, но и к мозгам тех рабочих, с которыми мы уже тогда стремились завязать регулярные сношения, группируя их в определенные пропагандистские кружки. Вспоминая, как терзали мы наших первых друзей из рабочего класса «сюртуком» и «холстом» из первой главы «Капитала», я и по сие время чувствую не малые угрызения совести. Наши революционные рабочие кружки были нагружены и работой культурнического оттенка, чему не в малой степени способствовала та громадная духовная жажда, которой были преисполнены передовые рабочие того времени.

* В этой группе были: С. И. Радченко, Г. Б. Красин, А. А. Ванеев, В. В. Старков, Н. К. Крупская, П. К. Запорожец, А. Л. Малченко, М. А. Сильвин, М. К. Названов, З. П. и С. П. Невзоровы, А. А. Якубова и др. — Г. К.

Появление у нас осенью 1893 г. В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозовым разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь. Вернувшись осенью 1893 г. с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый приятель, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральную роль. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 г., создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского восприятия в нашей среде. Светлая личность Александра Ильича, конечно, не была нам так хорошо известна, как известна она теперь, хотя бы по оглашенным в журнале «Былое» воспоминаниям о нем его однопроцессников, но мы, тем не менее, были все без исключения пламенными поклонниками героических деятелей «Народной воли», тем более, что и наш учитель Карл Маркс совершенно определенно признавал их заслуги. Это не мешало нам, однако, с особой обстоятельностью поисповедывать Владимира Ильича относительно его взглядов на террор, причем вспоминаю, как некоторые эксперты из нашей среды хотя и должны были признать правоверность его марксистских взглядов на этот метод борьбы, но все же отмечали, что наш новый друг по своему темпераменту в этом направлении слишком «красен и недостаточно надежен»... Однако скоро нам пришлось убедиться, что дело здесь не в «красноте», а в том, что Владимир Ильич настолько хорошо владел наукой Маркса, насколько это потребно, чтобы отделаться от заедавшего порой нас элементарного буквоедства. Вышло так, что для наших тогдашних молодых плеч «Капитал» Маркса оказался слишком тяжелым грузом, а его плечи несли этот груз с величайшей легкостью. Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрестанного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от фамильной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам, марксистам до педантизма, гораздо более импонировало в нем его удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичом состоялась на квартире З. П. Невзоровой при его докладе в нашем кружке на тему «о рынках». В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое громадное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до некоторой степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. В противовес иллюстрациям Владимира Ильича из конкретной русской действительности они старались выставить тот особый по их мнению автоматизм в процессе создания рынка, который присущ развитому капитализму и сказывается не только в том, что при нем предложение создает спрос, но и в том, что подразделение «средств производства для средств производства» имеет как бы самодовлеющее значение... Владимиру Ильичу не стоило большого труда опрокинуть все это искусственное, путаное построение, по которому выходило, что рынок средств потребления широких народных масс почти не играет никакой роли, как вообще весьма малую роль-де играет во всем этом процессе капиталистического производства и воспроизводства внешний рынок.

За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой «старик», находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом из всех жизненных пор молодой энергией. Но тот большой груз учености, которым оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих, к которым он подходил, как это верно отметила Надежда Константиновна Крупская, не как надменный учитель, а прежде всего как друг и товарищ, и прибавим, как верный испытанный друг и опытный товарищ, — все это прочно закрепляло за ним придуманную нами кличку. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным «стариком», как я начал уже уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он, — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

Освоившись в нашей среде, Владимир Ильич не замедлил революционизировать наши порядки. Он прежде всего потребовал перехода от «переуглубленных» занятий с небольшими кружками избранных рабочих к воздействию на более широкие массы быстро подраставшего на наших глазах и явно революционизирующегося пролетариата Петербурга, т. е. перехода от пропаганды к агитации. Правда, в том же направлении шла проповедь и в тогдашних революционных кружках города Вильны, и брошюрка об агитации виленского происхождения была нам известна. Но и помимо этой брошюры Владимир Ильич добился бы необходимых результатов, ибо почва была уже совершенно подготовлена, а нажим, который производил он на нас в этом направлении, отличался исключительным напором.

Начиная с зимы 1894 г., шпионско-полицейскому механизму Петербурга пришлось в усиленном масштабе познакомиться с той «возмутительной» литературой «подметных листков», которые, несмотря на примитивную гектографскую форму своего производства, весьма заметно стали распространяться именно с этого времени в стенах главнейших петербургских фабрик и заводов. В этих листках, составленных на основании наших бесед с рабочими, мы старались исходить из повседневных нужд, из данной конкретной обстановки той или другой фабрики, возможно более быстрым темпом переходя к лозунгам политического характера, явно вытекавшим из тех препятствий, которые царское правительство громоздило на путях борьбы рабочих за чисто экономические блага. Летучие митинги, регулярные маевки, наконец, создание постоянного литературного органа — вот что должно было с естественностью возникнуть из тех заданий, к которым приводил лозунг агитации.

Мы, конечно, знали, что сношения с рабочими, даже при кружках пропагандистского характера, неминуемо должны были закончиться для нашей инициативной группы большими потерями в неравной схватке с тем изощренным полицейским механизмом, живым олицетворением которого был тогдашний Питер. Переход к более широким связям с рабочими массами, на которые толкал нас Владимир Ильич своей проповедью об агитации, конечно, чреват был еще бо́льшими опасностями, и можно было заранее сказать, что арест и тюрьма наступали на нас в качестве непредотвратимого рока. Тем более был прав Владимир Ильич в своих нападках на нас за ту интеллигентскую расхлябанность, которую мы допускали в своих личных отношениях.

Мы явно грешили тем, что частенько захаживали друг к другу не по деловому поводу, а просто в тех целях, чтобы «отвести душу», причем приемы нашей тогдашней конспирации отличались крайней примитивностью. Первые успехи в выработке правильного типа организации наших

первых революционных социал-демократических кружков, из которых впоследствии уже вырос прочно связанный с историей нашей партии петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», несомненно, обязаны в значительной степени деятельности 25-летнего Владимира Ильича. Это именно он ввел строгое разделение Петербурга на районы, выделил центральную группу, провел возможное разделение труда и в значительной степени подвинул нас вперед в методах конспиративной самообороны.

В 1895 г. Владимир Ильич перенес воспаление легких в тяжелой форме, и для поправки ему пришлось выехать на некоторое время за границу. Однако главнейшей задачей этой поездки было вступление в непосредственную связь с группой «Освобождение труда». Вы легко можете себе представить, как многозначительна была для нас эта поездка и с каким нетерпением мы поджидали его возвращения.

Вот, наконец, наступил желанный день, и наш оригинальный «старик», стремительный и подвижной, как ртуть, вновь вернулся в нашу среду. Он живо рассказывал нам о тех впечатлениях, которые вынес от знакомства с Плехановым, Аксельродом и В. И. Засулич. Однако в памяти моей с гораздо большей яркостью живет его описание встреч с парижским пролетариатом. Французский рабочий массовик своим общим культурным уровнем, своей живой восприимчивостью и своей товарищеской общительностью, по словам Владимира Ильича, представлял как раз тот человеческий материал, с которым наиболее естественным образом могли связываться упования марксистов-революционеров. Как раз к этому времени и к этой поездке Владимира Ильича за границу относится письмо Плеханова к Струве, ставшее нам впоследствии известным, в котором сообщалось, какое впечатление произвел Владимир Ильич на группу «Освобождение труда». Г. В. Плеханов писал в нем, что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Насколько я помню, он отмечал в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию.

Эта поездка Владимира Ильича за границу отнюдь не носила платонического характера. С этого момента мы вступили в непосредственную связь с группой «Освобождение труда» и, конечно, при посредстве этой связи не замедлили расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относится наше сближение с Мартовым, доктором Ляховским, а также с социал-демократическими кружками в Нижнем Новгороде, Москве, Иваново-Вознесенске, Вильне и в некоторых волжских городах.

Чрезвычайно порадовал нас тогда Владимир Ильич и еще одним заморским подарком: ему удалось при помощи двойной стенки в чемодане провести через границу как раз начинавший в то время входить в употребление мимеограф. Этот мимеограф не мало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата, но, пожалуй, он еще более того послужил «идеологически» на пользу нам, как подбадривающее начало, при переходе от гектографа к печатному станку. А в этом печатном станке мы так нуждались уже и в те далекие времена!

Как литератор, Владимир Ильич и в то время был чрезвычайно плодовит и быстро заполнял своим бисерным мелким почерком толстенные тетради, в которых в особенности доставалось печальным героям тогдашнего народничества. Наши агитационные листки также предъявляли к нам не малый спрос, да к тому же обеспечивалась возможность литературного сотрудничества группы «Освобождение труда». Таким путем мы, естественно, пришли к мысли об издании специальной «рабочей газеты».

К сожалению, первый номер «Рабочего дела», тщательно проредактиро-

ванный и на три четверти составленный самим Владимиром Ильичом, попал не в типографию, а прямо в руки жандармов. А между тем, уже этот номер намечал совершенно правильно линию социал-демократической работы на целое десятилетие. На конкретном материале той информации, которая шла к нам с фабрик и заводов Петербурга, мы старались поднять самосознание петербургского пролетариата до того этапного пункта, на котором необходимость революционной политической рабочей партии становится самоочевидной, и делали это, как мне кажется и теперь, в достаточно умелой форме.

Насколько я знаю, материал этого номера «Рабочего дела» большей частью не уцелел. Но, по счастью, сохранилась на три четверти и воспроизведена в настоящее время в печатном виде брошюрка Владимира Ильича тех времен, носящая заглавие: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Этот трактат Владимира Ильича по яркости и силе своего анализа, по своему пророческому предвидению является поистине изумительным. Когда вы читаете его сейчас, он еще весь дышит свежестью, а между тем, строки эти написаны были 30 лет назад. Роль рабочего класса в России и в судьбах российской революции, связь его с крестьянством, прямая, открытая дорога политической борьбы и победоносный итог коммунистической революции в России, неизбежная роль попутчиков рабочего класса в этапах этой трудной борьбы, неминуемая связь нашей революции с судьбами мировой пролетарской революции — все это вы найдете на страницах брошюры в ярком и живом изложении. Но в ней также сказывается и другая сильная сторона Владимира Ильича — перед нами грозный полемист, гневно ниспровергающий всех тех, кто становится на путях пробуждения самостоятельной революционной пролетарской мысли, кто так или иначе искривляет правильное понимание пролетариатом его великой исторической роли.

Таким запечатлелся Владимир Ильич в моем сознании за первый период моей петербургской встречи с ним. Мы видим, что он рано нашел самого себя, нашел ту линию, неуклонное следование которой сделало его великим другом и вождем трудящихся мира. Всю свою удивительную работоспособность, всю энергию своей страстной души он умел сосредоточить для служения одной всепоглощающей цели: цель эта — организация и подъем масс революционного пролетариата, действительный подъем для немедленного преобразования самых основ жизни, тех отношений, в которых стоит человек к человеку в неизбежном для нашего бытия процессе борьбы за существование, в общественном процессе производства.

В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

К концу зимы 1895 г. тучи явно сгущались над нашей головой. Хуже всего было то, что шпионская слежка приобретала временами до некоторой степени загадочную форму. Выходишь из дому, стараясь замести за собой следы по всем правилам конспирации, и вдруг на каком-нибудь отдаленном этапе своего пути видишь внезапно, как из-под земли, выросшую фигуру явно выслеживающего шпиона. Впоследствии при наличности таких примеров мы, разумеется, поступили бы гораздо более практичным образом: переменили бы, конечно, и паспорта и район действия. Но в те времена мы были еще неискушенными новичками, да и очень трудно было бы что-либо противопоставить тогдашнему Петербургу, равнозначное по своему революционному значению. Прибавьте к этому еще и тот естественный молодой задор, который так влечет к отважным операциям прямой лобовой атаки

и с такой неохотой считается с компромиссами, идущими от «холодного разума».

Так или иначе, но 8 декабря 1895 г., глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалось Петербургской предварилкой. В стенах этого знаменитого дома предстояло провести целых 14 месяцев. Переход от активной революционной деятельности к мучительному режиму абсолютно одиночного заключения с томительными мыслями о злоключениях близких лиц и с весьма невеселыми перспективами на ближайшее будущее, конечно, не мог быть легким. Двоих из нашей группы это тюремное заключение сломило навсегда: А. Ванеев получил жесточайший туберкулез, скоро сведший его в могилу, а П. Запорожец захворал неизлечимой формой мании преследования.

Для меня лично и для большинства других товарищей неоценимым спасительным и подкрепляющим средством была дружба с Владимиром Ильичом.

Несмотря на крайне суровый режим тогдашней предварилки, нам все же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, приходивших к нам на свидание, вступить в деятельные сношения друг с другом. Дело при этом не обошлось без некоторого курьеза. Вышло как-то так, что вместо моего первого письма, написанного точками в условленной книге шифром по определенному стихотворению, Владимиру Ильичу попала другая книга из тюремной библиотеки, в которой тоже точками оказалось написанным шифрованное письмо.

Владимир Ильич рассказывал мне потом, что, применив условленный шифр и получив осечку, он весьма вознегодовал на меня за недопустимую путаницу. Но не в его правилах было отступать. Обдумывая ситуацию, он немедленно делает простые и правильные выводы. Шифровальщик во всяком случае не из числа опытных. Знаки, которыми он будет пользоваться, по своей повторяемости будут, вероятно, вполне соответствовать повторяемости букв в любом обычном тексте. Тогда он начинает высчитывать, сколько раз и в каком соотношении друг к другу повторяется та или иная буква и ищет соответствия этой повторяемости в цифрах зашифрованного письма. После двухдневной работы письмо было прочитано, и оказалось, что я тут не причем: Владимир Ильич расшифровал переписку одного уголовного с другим. Однако если читатель попробует сам проделать аналогичную работу, он с легкостью убедится, что для решения подобного рода задач требуется немалый расход энергии. Но Владимир Ильич никогда не щадил своей энергии, когда дело шло о чем-либо, имевшем прямое отношение к его товарищескому долгу...

Приходится сожалеть, что человеческая память имеет тесные границы, в особенности когда за плечами уже более полустолетия. Вспоминаю, что незадолго до своего последнего заболевания Владимир Ильич как-то в шутливой форме спросил меня: какой, по-вашему, самый скверный порок на свете? Я несколько растерялся и пробормотал что-то вроде того, что много есть скверных пороков. «Нет, — сказал мне Владимир Ильич, — нам с вами все чаще и чаще придется убеждаться в правильности слов по этому поводу Тургенева, утверждавшего, что самый скверный порок — это быть старше 55 лет отроду»...

Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичом, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало — немедленно подбодриться и подтянуться духовно. В этом человеке было такое громадное духовное богатство, такое умение по-хорошему и с нужной стороны воздействовать на настроение нуждающегося в этом другого человека, что уже

одни эти качества при всяких условиях, а в тюрьме в особенности, делали его совершенно незаменимым товарищем.

Окошки в камерах дома предварительного заключения расположены таким образом, что видеть через их решетку тюремный двор возможно только, несколько подтянувшись, что делает такую операцию не особенно легкой, тем более, что сквозь тюремное очко тяжелой запертой двери надзиратели почти непрерывно следят, чтобы такие манипуляции заключенными не производились. Тем не менее, никакие силы ада не могли бы удержать меня от подобного рода маневра в те часы, когда, по моим наблюдениям, в той клетке для прогулок, которая была видна из окна моей камеры, должен был находиться Владимир Ильич. Он точно так же был убежден в том, что вероятность такого свидания на расстоянии в некоторых случаях велика, и мы немедленно вступали в переговоры путем сигнализации пальцами по тюремной азбуке. И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на ходящего в центре круга прогулок угрюмого часового. Вот глядит он на меня с какой-то особо веселой напряженностью и спешно телеграфирует: «Под тобой хохол!» Я бросаюсь на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, пронизывающую пол моей камеры, кричу своему соседу... Увы, наш самый изощренный конспиратор, теперь уже тоже умерший, т. С. И. Радченко, полузадушенным голосом приветствует меня: «Неужели это ты здесь?» Да, тюремное начальство на этот раз действительно дало маху: однопроцессники очутились рядом, без прослоя уголовного элемента, как это делалось обычно, — и Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию. А прокурору и жандармам, вероятно, пришлось немало удивляться той согласованности показаний вновь арестованного С. И. Радченко с нашими показаниями и такой его ориентированности в ходе нашего процесса, которые могли получиться только в результате такого удачного соседства.

Ведя со всеми нами самые деятельные сношения, Владимир Ильич не оставлял без своего воздействия и «волю». Он написал за это время целый ряд листков, брошюру о стачках, к сожалению, не увидевшую свет вследствие провала лахтинской типографии партии «Народной воли», и начал писать обширную работу «О развитии капитализма в России», законченную им уже во время ссылки и вышедшую в свет под псевдонимом В. Ильина.

За все 14 месяцев отсидки мне ни разу не пришлось где-нибудь столкнуться с Владимиром Ильичом в каком-нибудь из длинных коридоров предварилки. Выход каждого из нас на прогулку или на допрос сопровождался целой стратегией предупредительных на этот счет средств — до длительного посвиста включительно, предупреждавшего таким образом тюремных надзирателей других поперечных флангов здания об опасности встречи. Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич.

И ранее и в позднейшие времена я позволял себе неоднократно посмеиваться над Владимиром Ильичом за его «варварское» отношение к авторам. Он обладал каким-то удивительным свойством с невероятной скоростью интимно знакомиться с книгой даже при беглой ее перелистовке: что называется, на ловца и зверь бежит. Перелистает, бывало, он на твоих глазах объемистый том и немедленно подхватит такие цитаты, которые выводят автора на свежую воду. А если берешь книгу, прочитанную им и всю испещренную замечаниями на полях и удачными подчеркиваниями, то уже никак не сможешь отделаться от той критики Владимира Ильича, которая сквозила в этих ядовитых междометиях «Гм, гм!», «Ха-ха!» и т. п.

Не приходится останавливаться на том, как заразителен был пример учебы Владимира Ильича в стенах тюрьмы для нас и как мы вместе с ним старались использовать свое узничество в качестве своего рода сверхуниверситета. Однако еще большую роль в этом направлении он сыграл для всего нашего кружка за время пребывания в ссылке.

Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка присматривалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия. Но среди всех нас особо ярко окрашенной фигурой нового типа политических борцов был именно Владимир Ильич.

В Сибири наш питерский центр, т. е. Владимир Ильич, В. В. Старков и я, оказался назначенным на трехлетнее пребывание в Минусинском округе. Мы со Старковым при этом были назначены в село Тесинское, а Владимир Ильич — в село Шушенское, находившееся от нас в расстоянии, несколько большем 100 верст. Это не мешало нам находиться в постоянном общении, причем особенно аккуратным корреспондентом был, конечно, Владимир Ильич. Примерно два раза в неделю получали мы от него письма, в которых он держал нас в курсе собственных работ и тех сведений, которые получались у него в результате обширной переписки. Эта переписка образовалась не только потому, что письма Владимира Ильича всегда были «по существу», всегда давали в сжатой и лаконической форме глубоко обдуманные ответы по самой сути затрагиваемых тем, но также и вследствие необычайной аккуратности и самодисциплины Владимира Ильича в этом отношении: он мог послать резкий полемический ответ на полученное письмо, но замолчать или, тем более, «захалатить» ответ на те запросы, которые к нему поступали, он считал совершенно недопустимым.

Горько мне подумать, что эта груда писем Владимира Ильича, полученная мной за время ссылки, погибла в результате тех мытарств и непрерывных полицейских опасностей, которым пришлось подвергаться в дальнейшем. А между тем, эти письма могли бы послужить ценным материалом для характеристики той мощной подготовительной работы, в которую погрузился Владимир Ильич во времена своей ссылки. Мы обсуждали с ним и те вопросы, которые были связаны с многоразличными темами писавшейся им в то время книги «Развитие капитализма в России», и различные новинки, доходившие до нас, и русской и немецкой литературы, и все то, что по тому времени казалось нам существенным и злободневным. Думаю, что эта переписка могла бы недурно характеризовать и ту особенность Владимира Ильича, которая сказывалась в его особом навыке и умении прямо и без всяких околичностей подходить к сути любого вопроса. Именно эта особенность обусловливала исключительную простоту и, так сказать, п р о з р а ч н о с т ь его литературного языка. И, вероятно, трудно найти другого писателя, который в такой степени строго следовал бы совету Некрасова: «Мысли просторно — словам тесно».

На этой почве иногда случались у меня с ним и забавные недоразумения. Неоднократно Владимир Ильич принимал мои шуточные замечания и, так сказать, «косвенные обороты» речи за неподходящий «уклон» и обрушивался с обличениями, попадая тем самым в забавный просак, но вместе с тем отдавая и в этом случае дань навыкам своего точного мышления.

По воспоминаниям крестьян села Шушенского, оглашенным в настоящее время в печати, видно, какое впечатление производил на них тот исключительно трудовой и правильный образ жизни, которым заполнял Владимир Ильич свое пребывание в ссылке. Его юридическое образование и постоянное корпение над книгами, умение ответить на всякий вопрос и дать во-время юридический совет быстро создали ему репутацию необычайной учености и какой-то таинственной прикосновенности к самым высоким сферам. Недаром та крестьянка, на квартире которой он жил, и до сих пор

хранит его портрет в переднем углу обвешанным полотенцами, как-то делается для икон святых. Эта крестьянка, оказывается, весьма нерасположена к коммунистам, но вынуждена делать для Владимира Ильича исключение, ибо по образу его жизни он был, по ее мнению, поистине святым человеком.

Кажется, на первом же году ссылки мне удалось под каким-то предлогом получить разрешение на пребывание в течение нескольких недель в селе Шушенском, и эта совместная жизнь с Владимиром Ильичом ярко живет в моей памяти. В ту пору он жил еще в полнейшем одиночестве, но каждый час его дня был включен в определенную, заранее намеченную «упряжку», сумма которых составляла превосходные чередования крупных порций труда с правильными вкраплениями в обрез необходимого отдыха. По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и энергии, весьма непрочь был побороться и повозиться, по какой причине и мне приходилось неоднократно вступать с ним в некоторое единоборство, пока он не уймется при самом активном сопротивлении с моей стороны. А затем, после короткой утренней прогулки, начинаются графы нашей учебы. Определенные часы были посвящены работам литературного характера, подготовке материалов по статистическим сборникам, занятиям философией, чтению экономической литературы как нашей, так и западной, а на отдых полагалось и чтение беллетристики. В те времена Владимир Ильич не был большим поклонником художественной литературы и ее красот и терпеливо выслушивал мои насмешки относительно «неразвитости» его вкуса. Вспоминаю, что особенно недолюбливал он Надсона и, наоборот, весьма высоко ценил Тургенева и Золя.

Газеты мы получали, конечно, с громадным запозданием и сразу целыми пачками. Но Владимир Ильич ухитрялся систематизировать и чтение этих старых газет: он распределял их таким образом, что каждый день прочитывал только номера, соответствующие темпу запоздания, но именно приходящиеся только на определенный день. Выходило, что он каждый день получает газету только с большим опозданием процесса получения. А когда я пытался портить этот газетный ритм, злонамеренно выхватывая сообщения позднейших номеров, он затыкал уши и яростно защищал преимущества своего метода. Владимир Ильич не пил и не курил, но был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!

Так шли недели за неделями нашей ссыльной жизни, и напряженный темп работы этого необыкновенного человека, который на наших глазах не пропускал ни одного дня, чтобы так или иначе, но несколько продвинуться вперед в смысле расширения своего умственного багажа, действовал на нас необычайно подбадривающим и подтягивающим образом. Выходило как-то само собой, что то непринужденное веселье, которое мы испытывали в обществе Владимира Ильича, вместе с тем всегда было чуждо какого бы то ни было трясинного оттенка той архипровинциальной глуши, в которой поневоле приходилось жить. Каждому в его присутствии хотелось быть лучше, чем он есть, и вместе с тем так тянуло быть ближе именно к этому яркому и жизнерадостному человеку.

Я здесь не имею в виду описывать «времена и нравы» минусинской ссылки тех времен. Отмечу только, что в последнем счете наша социал-демократическая компания с Владимиром Ильичом во главе послужила некоторым яблоком раздора среди ссыльных. Весь этот мирок раскололся на две части, причем вся рабочая публика очутилась на стороне нас, сторонников «иссушающей доктрины» Маркса, которым предстояло, по мнению

наших противников, непременно впасть в ряд грехов по отношению к революционной добродетели и морали.

Да, мы несколько по-своему понимали революционные мораль и добродетель. Когда до наших минусинских степей дошло послание госпожи Кусковой, ее известное «Кредо» («Верую»), в котором она с достаточной литературной живостью старалась доказать неосмотрительность политической проповеди среди пролетариата, которому-де на ближайшее время уготованы лишь пути экономической борьбы, а вся борьба политического характера должна быть отнесена на иждивение «белой кости», т. е. господ либералов и всякого рода разночинной интеллигенции, — отношение к этому посланию среди наших ссыльных было весьма неравное. Но лишь один Владимир Ильич правильно оценил всю ту губительность искривления сознания пролетариата, которая могла быть связана с таким хвостизмом и пресмыкательством перед куцым российским либерализмом, и всю близорукость этих якобы практических сторонников чисто экономической борьбы. Энергичная отповедь автору «Кредо», которая затем разошлась по всей России в виде письма за подписью 17 ссыльных Восточной Сибири, целиком принадлежит его перу. В такие моменты Владимир Ильич всегда был на-чеку, всегда кипел негодованием по адресу такого рода противников и в этом направлении имел крепкую революционную мораль. А вот, когда в его присутствии о ком-нибудь отзывались, что это очень хороший человек, или утверждали, что то или иное лицо грешит по части личной добродетели, нарушая ту или иную заповедь праотца Моисея, он нередко и с большой иронией допрашивал: «А ну-ка, скажите, что такое хороший человек?...»

Ссылка приближалась к концу. Экспансивный Мартов в своих художественных письмах к нам из Туруханска уже неоднократно касался этой темы. Еще до окончания ссылки я получил разрешение работать на Сибирской железной дороге. Очень памятна мне одна из последних моих прогулок с Владимиром Ильичом по берегу широкого Енисея. Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях при возврате в Россию. Создание крепкого литературного партийного органа, перенос его издания за границу и постройка партии при помощи этого центрального органа, превращающегося таким образом в своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата, — вот что было в центре тяжести его аргументации. Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты и что это происходит лишь потому, что за длительный срок пребывания в ссылке ему самому поневоле приходилось делать односторонний нажим лишь в сторону литературной деятельности.

Действительность показала всю глубокую правильность намеченного Владимиром Ильичом пути.

ПЕРИОД «ИСКРЫ»

Действительность показала, что, когда Владимир Ильич вместе с Мартовым и Потресовым по окончании своей сибирской ссылки перебрался за границу и, соединившись с группой «Освобождение труда», приступил к изданию знаменитой «Искры», — этот момент был поворотным пунктом в судьбах нашей партии. Как известно, в подзаголовке «Искры» было написано: «Из искры возгорится пламя». Это пламя на наших глазах действительно возгорелось в гигантский Октябрьский пожар, зажегший красную зарю над всем порабощенным миром. А если вы потрудитесь пробежать по страницам собранных теперь в компактные томики номеров этой старой «Искры», то отдадите себе ясный отчет в том громадном значении, которое имела ее пламенная проповедь в деле пробуждения революционной воли

российского пролетариата. Вы увидите, как среди всей фаланги блестящих литераторов, собранных по мысли Владимира Ильича под знаменем «Искры», ярко выделяется его центральная направляющая фигура, и как до наших дней хранят глубокий и четкий смысл его простые и ясные мысли, его пламенные слова, преисполненные гнева и отваги и непрестанно зовущие на новые и все более решающие битвы с врагами пролетарского дела. Старая «Искра» навсегда останется поучительным образчиком того, как надо вести орган партии, чтобы он был одновременно и путеводным, зовущим к себе, и предупреждающим об опасностях маяком, и боевым набатом, властно будящим революционную страсть и волю к действию. Под ее знаменем не только там, на мещански-благополучных улицах Женевы, но и в различных уголках России стали накапливаться те силы, которым впоследствии пришлось в небывалом историческом масштабе выявить всесокрушающую мощь ленинской тактики, ленинского «марксизма в действии». Именно под этими знаменами происходили первые группировки «железной когорты большевиков».

Я миную первые российские ячейки организации «Искры», являвшиеся прообразом будущих комитетских организаций; миную союзничество с «Южным рабочим», деятельность первого организационного комитета по созыву съезда партии (ОК), работу в самарском центре и перехожу к воспоминаниям, связанным с киевским периодом моей революционной деятельности (1903—1905 гг.).

Вспомните II Съезд партии в 1903 г. и первый раскол в рядах только что сложившейся РСДРП. По воле этого съезда мне пришлось быть в рядах ЦК первого созыва и поэтому в самом деятельном контакте с женевским центром. Тесная связь с Мартовым, только укрепившаяся за годы тюрьмы и ссылки, казалась мне такой крепкой и идейно обоснованной, что самая мысль о разрыве с ним мне тогда представлялась нелепостью.

В тогдашнем Киеве, где поместилась основная ячейка ЦК, нам на первых порах приходилось крайне туго.

На ЦК лежала ответственность постановки работы во всероссийском масштабе, нужно было снять разрозненные клубочки впервые образовавшихся комитетов в единое целое, поддержать силы борющихся товарищей в условиях крайне неравной борьбы с зубатовщиной и изощренным полицейским механизмом царизма, уже чуявшего свою гибель, но еще сильного громадной исторической инерцией царизма.

Гигантская диспропорция между теорией и действительностью, между заданиями и достижениями, великие освободительные цели и дошедший до зенита полицейских застенок, все более и более заметно приходящая в движение стихия народных масс и небольшая горстка профессиональных революционеров, скудные средства, непрерывный процесс «налаживания» и непрерывные провалы — вот обстановка, в которой приходилось впервые строить партийный аппарат во всероссийском масштабе. Немудрено, что нас, живших в российском подполье, практика революционной работы нередко ставила в такие условия, когда мы были готовы заплатить за более или менее заметный практический успех такого рода компромиссом, который в другие времена и в других условиях был бы явно недопустимым. Трудно переоценивать то гигантское значение, которое имело для нас в этой борьбе за первичные основы партии регулярное появление «Искры». Уже самая мысль о том, что вопреки всем нашим провалам за пределами полицейской досягаемости работает знаменитая шестерка, состоящая из Плеханова, Аксельрода, Засулич, Ленина, Мартова и Потресова, поддерживала нас в самые трудные минуты. Судите сами, какое тягостное впечатление произвело на нас сообщение, что первейшим результатом партийного съезда 1903 г. оказался решительный раскол именно в этой шестерке, причем Вла-

димир Ильич, первенствующая и решающая роль которого в редакции центрального органа для нас была давно ясна, должен был очутиться в полнейшем одиночестве. Мне лично особенно дикой казалась мысль об оппортунизме Мартова, того самого Мартова, который отличался такой, казалось, несокрушимой готовностью, не считаясь ни с какими жертвами, итти «на бой кровавый, святой и правый»...

Ответственная деятельность для меня в Киеве при таких условиях представлялась очень трудной, и, добыв себе нелегальный паспорт, я немедленно перебрался за границу. В Женеве я очутился в настоящем кипящем эмигрантском котле. Встречаясь со своими старыми друзьями, я не узнавал их при том градусе взаимного озлобления, до которого они дошли. Большинство жал этого муравейника было направлено против Владимира Ильича, деспотизм и нетерпимость которого склонялись во всех падежах.

Особенно памятны мне жалобные филиппики Георгия Валентиновича Плеханова, убеждавшего меня в том, что ради сплоченности старой редакции «Искры», представлявшей, по его мнению, «непобедимую армаду», стоило итти на гораздо большие жертвы, чем та или иная уступка в толковании параграфа о членстве в партии. Не сектантский ли в самом деле догматизм проявляет Владимир Ильич, когда он идет на раскол с Мартовым при столь несущественных разногласиях, какие имеются в действительности, да еще при том зачаточном характере партии, который она при всех наших спорах должна иметь еще в течение значительного периода времени? Мартов настаивает на том, что достаточно работать под контролем партии, а Ленин требует непременно вхождения в партию, настаивает на большей партийной дисциплине; но можно ли на основании такого рода разногласий друзей превращать во врагов? И, что самое главное, жертвовать «непобедимой армадой»?

Само собой разумеется, что в эти суматошные дни наибольшее число часов я все же проводил с Владимиром Ильичом, а он-то как раз среди всех этих мятущихся людей отличался наибольшим спокойствием и выдержанностью. Я ясно замечал, что он намеренно старался в минимальной степени «агитировать» меня, предоставляя мне самому беспристрастно разобраться в обстоятельствах нарастающего разрыва. Судьба на этот раз была крайне немилостива ко мне и уготовила для меня, еще не разорвавшего со специфическим практицизмом той нашей революционной российской обстановки, о которой я говорил ранее, крайне наблагодарную буферную роль. Я стал напрягать поистине величайшие усилия в целях примирения недавних друзей. На той стороне особенно недоверчиво к моим начинаниям относился холоднорассудочный Дан (недаром его конспиративная кличка в те времена была «Дерево»), а на этой, конечно, труднее всего было с Владимиром Ильичом. Дан в особенности настаивал на необходимости получить от Владимира Ильича непременно письменный документ в том, по мнению Дана, совершенно невероятном случае, если Владимир Ильич пойдет на примирение.

Владимир Ильич при всей удивительной цельности своего внутреннего «я» был, по сути дела, на редкость скромным и несамовлюбленным человеком. Вспоминаю, что один из споров моих с Владимиром Ильичом затянулся до глубокой ночи. Зная, какое значение он придает нуждам именно нашей российской революционной практики, я старался убедить его в необходимости примирения, обрисовывая убийственное значение раскола именно для этой практики. «Наконец, — говорил я, — обратите внимание, Владимир Ильич, какая получается ситуация. Ведь, по сути дела, все, решительно все, против вас! Даже среди тех немногих лиц, которые голосуют с вами, на мой взгляд, находятся такие, которые делают это главным образом по личной преданности вам. Выходит так, что вы один против всех».

Известно, что некоторое перемирие между Лениным, Плехановым и Мартовым в этот период женевских переговоров было заключено. Личной спайке этих лиц я придавал особое значение, и личный момент, казалось, был улажен. Но как жестоко пришлось мне поплатиться за переоценку этого момента и близорукость политического расчета!

Спустя короткий срок я уже вновь был в Киеве и уверял своих киевских друзей, что опасность раскола миновала и что наша старая «Искра» попрежнему «непобедимая армада». Увы! — прошло еще несколько недель, и мы получили в Киеве целый ряд писем из-за границы с приложением надлежащей литературы, которые свидетельствовали о бесповоротном разрыве между сторонами. Бой вновь разгорелся по всей линии с той только разницей, что обе стороны изрядно и поделом поливали меня за мою «болотную» попытку. А дальнейшие события наглядно показали, что зорким в историческом смысле оказался действительно только один Владимир Ильич. И если гениальность заключается именно в таком «начинательстве», в таком опережении событий, когда таковые познаются за много и много лет до понимания их сущности обычной массой нас, средних людей, то именно в этом раннем распознавании революционного грехопадения меньшевиков Владимир Ильич с особой наглядностью документировал свою гениальную историческую прозорливость.

Большевизм и меньшевизм представляют два диаметрально противоположных мировоззрения. Но с непреложной ясностью это выявилось лишь с дальнейшим течением событий, лишь по мере того, как росли и ширились баррикады народных восстаний на равнинах России. Вспомните, товарищи, шестидневный октябрьский бой на улицах Москвы (1917 г.). Вспомните как приходилось вам читать в эти великие исторические дни лживые информации московской меньшевистской газеты. Вспомните, с каким торжеством сообщала она гражданам Москвы лживые сведения о приближении к нам, бунтовщикам, донских и кубанских войск... О, какой кровавый пир был бы на улицах красной Москвы, если бы действительно эти войска пришли в Москву и под теми знаменами, как это хотелось меньшевикам! А дело начиналось с такого небольшого, с такого «невинного» параграфа о членстве в партии.

Не представляется никакой возможности дать в одном докладе характеристику личности Владимира Ильича и всей его деятельности, да еще при этом использовать по возможности наиболее ценные материалы личных воспоминаний. Я надеюсь, что другие восполнят мои пробелы и подробнее остановятся на работе Владимира Ильича в 1905 г. и в период последних двух революций 1917 г. — Февральской и Великой октябрьской. Думаю, что эта наиболее многозначительная полоса деятельности Владимира Ильича найдет уже гораздо большее число свидетелей и будет начерчена с большей полнотой, чем первоначальный период его деятельности, связанный с гораздо более тесным кругом лиц, часть которых — и, увы все более и более возрастающая часть — покончила свои земные счеты. Поэтому в заключение ограничусь лишь немногими штрихами.

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

События 1905 г. застали меня еще в Киеве. Я принимал деятельное участие в великой железнодорожной забастовке, воспользовавшись тем, что при помощи некоторых личных связей мне удалось найти занятие на Юго-западных железных дорогах. В последний период забастовочного движения я был председателем забастовочного комитета к большому неудовольствию железнодорожного начальства, которому так неприятно было видеть в этой роли дипломированного инженера. Опираясь на громадный отряд железно-

дорожных рабочих и служащих, мы бодро вели свое наступление и скоро были господами положения не только на линиях железных дорог, но и в самом городе. Власти были в совершенно растерянном состоянии. Однако нельзя сказать, чтобы и мы видели ясно перед собой предстоящую дорогу, и глухая тревога все более и более охватывала нас, не знавших, каким образом правильно завершить цепь наших бесконечных митингов. Манифест 17 октября пришелся как нельзя более во-время, когда в рядах железнодорожников и примыкавших к ним революционных организаций города Киева начинался уже заметный упадок революционного энтузиазма. Та, по сути дела, обывательская масса, которая была захлестнута гигантской волной всероссийского забастовочного движения, жаждала причалить к самым ближайшим берегам, обеспечивавшим элементарный прибавок к сумме тех скудных экономических и политических прав, коими она располагала ранее. А тут целый манифест, возвещающий чуть ли не все блага парламентаризма! Легко понять, как трудно было действовать в этой среде с призывами не верить этим конституционным иллюзиям и деятельно готовиться к неминуемой вооруженной защите в борьбе с коварным противником. Не буду рассказывать вам, как черносотенные власти Киева давали наглядные уроки конституционной благодати. Октябрьские празднества в городе Киеве закончились расстрелом и кавалерийской атакой многотысячной толпы, собравшейся на Крещатике и около здания городской думы. Затем последовал гигантский еврейский погром, а короткий срок спустя — еще более кровавое усмирение восставших саперов. Я спасся от ареста только путем отъезда в Петербург, в тот самый Петербург, где в то время находился Владимир Ильич и откуда шли к нам красноречивые предупреждения о том, что прежде всего необходимо держать порох сухим в пороховницах.

Переход от погромного Киева к утопавшему еще в «конституционных свободах» Петербургу был прямо поразителен. В Киеве я уже привык к тому, чтобы не расставаться с револьвером и быть всегда наготове к акту нападения черносотенцев, — недаром «Киевлянин» почти ежедневно обличал нас, стоявших во главе железнодорожников, в государственной измене, — а здесь на улицах Петербурга обилие самой резкой обличительной литературы и мальчишки-газетчики, бойко торгующие многочисленными по тому времени газетами и юмористическими журнальчиками, приплясывают на одной ноге и распевают про премьер-министра: «Витте пляшет, Витте скачет, Витте песенки поет»...

Картины киевского разгрома, еще до сих пор ярко живущие в моей памяти, аресты близких мне лиц — все это, конечно, не могло способствовать оптимистическому восприятию мной этих петербургских благ. Не всем дано орлиным полетом перекрывать тяжелые провалы действительности. Оглушенный киевскими событиями, я более всего боялся переоценки наших собственных сил и возможностей. Вспоминаю, что на этой почве у меня было не мало споров с Владимиром Ильичом. Но одновременно я не мог не восхищаться и не удивляться той гигантской энергии, которую он развил в этот период в Петербурге. Это был, так сказать, его лишь первый, «пробный» выход из подполья на широкую историческую арену, но для всех, имевших глаза, уже стало ясно, какой гигантской исторической фигурой может стать этот человек при условиях именно такой широкой, открытой деятельности. Казалось, что это зарево крестьянских восстаний, что эти первые ласточки грозных военных движений, что эти волны бурно развертывавшихся стачек в нем одном находят такой центр, который сможет мудро подсчитать их итоги и, не смущаясь никакими потерями и колебаниями весов изменчивого в повстанческой борьбе счастья, направить корабль революции именно в ту гавань, которая обеспечит с минимумом потерь максимум революционных достижений.

Еще не всеми признанный, еще только полуразгаданный, Владимир Ильич, однако, уже для весьма большого круга лиц являлся вполне признанным пролетарским капитаном корабля российской пролетарской революции.

«День зачитывается за год!» — вот тот лозунг, которому обязаны подчиняться в период революций борцы за их достижения. И Владимир Ильич неуклонно следовал этому лозунгу. Он не только сам во-всю использовал своим острым печатным словом открывшуюся возможность говорить в прессе, не прибегая ни к каким эзоповским терминам, но он толкал и организовывал всю нашу партийную пишущую братию, чтобы она не теряла драгоценных минут в борьбе за широкое и истинно революционное просвещение народных масс.

Когда вы перелистаете в настоящее время многочисленные работы Владимира Ильича, относящиеся к периоду первой российской революции и непосредственно связанным с ней событиям, вы будете поражены и восхищены зоркостью его взглядов, меткостью его ударов, пророчеством его предвидения и всей той гигантской работой по срыву всех и всяких масок, в которые так любят облекаться враги народа в тот период, когда пробуждается в этом народе революционная воля к действию...

Мне вспоминается одна из типичных для Владимира Ильича сцен. Колоссальный митинг в доме графини Паниной. На трибуне последовательно сменяются одна за другой фигуры известных всему Петербургу ораторов. Выступают лучшие силы кадетов и трудовиков. И вот на той же трибуне новая фигура неизвестного широкой толпе оратора. Бросается в глаза только необычайно выпуклая линия лба и пронизывающий блеск слегка косящих глаз. Он говорит только какой-нибудь десяток минут, но вы ясно видите, что этот оратор уже вполне завладел и по-своему зачаровал эту массу впившихся в него с напряженным выражением тысяч и тысяч глаз...

Перед нами, несомненно, грозный народный трибун. С железной логикой развертывает он перед слушателями анализ протекающих на их глазах событий, и всем становится ясно, что другого толкования этих событий дать нельзя, как нельзя сомневаться в том, что дважды два четыре. А если это так, с каким негодованием должен обрушиться суд истории на головы тех, которые не уразумели ясного смысла этих событий и прозевали в них решающую роль движения народных низов. Но еще большее презрение должно пасть на головы тех, которые сознательно стараются затушевать их истинный смысл, которые тщатся извратить самосознание трудящихся масс, усыпить их волю побасенками о якобы уже достигнутой мирной пристани. Кто же эти предатели и изменники, обращающие в ничто те громадные жертвы, которые принесены уже пролетариатом в его освободительной борьбе не только за себя, но и за дело трудящихся? На поверку оказывается, что под покровом более или менее красивых слов такую измену совершают все партии до меньшевиков включительно и лишь одни большевики держат железный курс на неуклонное достижение подлинных, а не фальсифицированных завоеваний революции.

За каждым словом этого оратора чувствуется такая глубокая продуманность до конца, такая страстная убежденность, которые покоряют сильнее всяких словесных красот и изысканных голосовых модуляций. Он сходит с трибуны под гром аплодисментов, переходящих в овацию, и много нужно было употребить конспиративных уловок, чтобы при таких ярких выступлениях по возможности меньше оглашалось заветное имя В. И. Ульянова-Ленина.

Московское декабрьское восстание было подавлено. Петербург мрачно молчал. Почва под ногами Владимира Ильича становилась все более и более горячей. Расправа с выдающимися работниками первой российской ре-

волюции намечалась во все более и более явной форме. В интересах партии было как можно скорее выпроводить Владимира Ильича за границу; но каких трудов нам стоило это сделать, как трудно было оторвать его от обстановки столь любимой им прямой лобовой атаки! Как капитан корабля, он оставил его, можно сказать, в буквальном смысле последним, да еще притом оставил почти насильственно. На первых порах с большим трудом мы его уговорили поселиться, по крайней мере, в Финляндии.

Мне памятен один разговор с Владимиром Ильичом незадолго до его отъезда. Как-то вечерком он пробрался в мою квартиру после трудного рабочего дня, но такой оживленный, такой приподнятый... Он никак не мог примириться с тем, что после такого гигантского размаха, при таких ничтожных результатах движение уже пошло на убыль. Я доказывал, что именно эта убыль в движениях масс дает нездоровую почву для отдельных партизанских выступлений и что весь этот частичный террор и разнообразные «эксы» знаменуют спад революционного подъема. Он видел в этой легкой возможности организовывать решительные революционные двойки и тройки — залог новой восходящей волны массовых движений. В последнем счете совершенно правым оказался все же Владимир Ильич, говоривший, что посев 1905 г. слишком реален и произведен именно в таких почвенных слоях, признать бесплодность которых — это все равно, что признать прекращение биения пульса жизни преисполненной сил огромной страны. Если события 1905 г. наглядно показали, как немногие тысячи профессиональных революционеров привели в движение сотни тысяч пролетариев и ближайших попутчиков пролетариев, то в следующий раз десятки тысяч организованных под знаменами партии приведут в движение десятки миллионов, и победа будет несомненна.

Невольно вспоминаешь, как аналогичные неточности в определении сроков в свое время делали Маркс и Энгельс, проявляя свойственный им повышенный оптимизм в оценке элементов времени в развитии революционного движения.

Роль Владимира Ильича в период безвременья, последовавший за разгромом революции 1905 г., и, как антитеза ему, бурная деятельность того же Владимира Ильича в разгаре величайшей из революций мира, нашей великой Октябрьской пролетарской революции, — это такие обширные и благодарные темы, что мне не хотелось бы касаться их лишь в заключение этих воспоминаний о Владимире Ильиче. А между тем, когда говоришь о Владимире Ильиче, как трудно оборвать свое изложение! Как будто в этом изложении гонится за вами призрак смерти, все время опасаешься как бы не были слабы усилия и попытки воспроизвести перед вами то великое, громадное и неумирающее, что присуще было Владимиру Ильичу, что составляло прекрасное существо его незабвенной величайшей личности.

Но уже нет его теперь с нами. Ушел наш бессменный часовой, наш верный друг, наш мудрый вождь.

На службе величайшей революции пролетариата он сжег все свои силы, он спалил напряженными думами свой гениальный мозг. Незадолго до своего последнего смертельного заболевания, едва оправившись от предыдущего болезненного припадка, он как-то говорил мне со смущенной улыбкой: «Да, мне кажется, что я брал на себя слишком большую нагрузку»... Он говорил это в вопросительном тоне.

Величайшая из революций потребовала от нас величайшей жертвы. Ее принесла наша страна, проводив в могилу своего Ильича.

ПРОБЛЕМА «НОЖНИЦ» [1]

Вполне понятен тот интерес, который мы проявляем в отношении проблемы «ножниц». Это, по сути дела, в совершенно незашифрованной форме вопрос о смычке города и деревни, вопрос, поставленный с большой остротой. В самом деле, что такое «ножницы»?

Под «ножницами» мы понимаем тот разрыв в эквивалентных отношениях цен продукции промышленности и сельского хозяйства, который мы наблюдаем у нас уже значительное время, разрыв по сравнению с эквивалентами, установившимися в довоенное время.

Имеем ли мы на каком-либо другом европейском рынке явление, аналогичное явлению наших «ножниц»? Мы, безусловно, должны отвергнуть утверждение, что мы имеем в наших «ножницах» только частичное, правда, усиленное явление общего порядка, присущее всей мировой экономике.

Ссылаются на расхождение ценностных величин продуктов промышленности и сельского хозяйства, наблюдаемое в Польше, Америке и отчасти в других странах, и говорят, что эти расхождения, диспропорции, свидетельствуют о том, что наши «ножницы» отнюдь не являются исключением.

Правда, мы наблюдаем в ряде стран за последнее время падение стоимости сельскохозяйственных продуктов, вызванное сокращением потребления, скажем, главных зерновых хлебов, так как в общем и целом, не считая производства зерновых хлебов у нас, мировой рынок имеет некоторый избыток продукции — примерно 9 млн. *т* зерновых хлебов — избыток над тем мировым потреблением, которое нам известно по соответствующим статистическим данным.

Правда, мы знаем, что Америка, в частности, испытывает специфический кризис цен на хлеба, наступивший в последние месяцы или, вернее, годы, вместе с потерей ею того привилегированного положения по снабжению всей Европы зерновыми продуктами, которое она имела в военное время.

Но, товарищи, те диспропорциональные величины, которые мы наблюдаем в Америке, — другого порядка, чем диспропорция, наблюдаемая у нас.

Конечно, надо оговорить, что исследовать явление «ножниц» по иностранным данным не так легко. Мы не дожили до мирового Госплана, который один смог бы упорядочить мировой индекс. Индексы считаются в разных странах по-разному, и на Западе есть специфические особенности при составлении индексов. Дело идет, например, о составе самой категории сельскохозяйственных продуктов.

Мы считаем правильным в эту категорию сельскохозяйственных продуктов отнести не только зерновой хлеб, но и сельскохозяйственное сырье, тогда как для целого ряда стран это будет совершенно неверно, ибо сельско-

[1] Доклад на заседании фракции РКП(б) III Сессии ЦИК Союза ССР (6—12 ноября 1924 г.). Печатается по тексту, напечатанному в «Кратком отчете Госплана» 1921—1923 гг., М., 1924.

хозяйственное сырье в целом ряде стран ввозится из-за границы. Немного таких стран, как наша, которая сочетает сельское хозяйство и промышленность в таком обширном размере.

Но за всем тем, все-таки можно сделать некоторый подсчет для того, чтобы разобраться в количественных соотношениях. В этом направлении мы в Госплане провели определенную работу, и я позволю себе процитировать некоторые цифры и выводы.

Оговариваясь относительно трудности сопоставления европейского индекса с нашим, говоря об условности такого сопоставления, мы, тем не менее, можем установить следующее:

Сопоставление последних индексных данных за лето и начало осени 1923 г. дает картину чрезвычайно незначительного расхождения между собой всех товарных групп в западноевропейских странах и в США, т. е. некоторое расхождение есть, но оно объясняется определенными конъюнктурными условиями и некоторыми условиями, происшедшими в результате войны. В общем оно не велико. Чтобы не затруднять вашего внимания перечислением абсолютных цифр, я зачитаю только процентные соотношения.

Если взять, с одной стороны, суммарный общетоварный индекс по шести странам: Англии, Франции, Швейцарии, Швеции, США и Германии и исчислить процент отставания цен растительной и пищевой продукции от этого общетоварного индекса, то получим такие цифры для конца июля и начала августа 1924 г.: в Англии отставание цен пищевой продукции от общетоварного индекса — 2%, для Франции — 16%, в Швеции — 9%, в Швейцарии — 4%, в США — 8%, в Германии — 24%.

Вы видите, что собственно только Германия имеет в этом перечислении процент расхождения цен значительный, измеряющийся десятками процентов; остальные же страны имеют лишь ничтожный процент расхождения.

Но если сосредоточим свое внимание на Германии, то увидим, как трудно провести аналогию между этим расхождением цен в Германии, этим раствором немецких «ножниц» с нашими «ножницами». Товарищи знают, что падение цен на сельскохозяйственные продукты в Германии определяется специфическими условиями теперешней германской таможенной политики, резко отличающейся от ее прежней таможенной аграрной политики, когда все германское хозяйство было под охраной сильных пошлин.

Если сделать противоположное сопоставление и исчислить процент уклонения товаров промышленности, то тут уклонение от общетоварного индекса будет в обе стороны, а именно: в Англии — отставание 3,5%; во Франции — превышение на 4%; в Швеции — отставание на 8%; в Швейцарии — превышение на 10% и только в Германии опять значительное превышение на те же 24%. С падением пошлин, понятно, конъюнктура цен на сельскохозяйственном рынке должна была сильно измениться и именно в сторону удешевления сельскохозяйственных продуктов.

Но я должен оговориться: под «ножницами» мы, собственно говоря, подразумеваем не просто диспропорцию цен на сельскохозяйственные продукты и на промышленные продукты, а нечто другое. Собственно, диспропорция цен на промышленные продукты и на сельскохозяйственные продукты была присуща и довоенной экономике в нашей стране.

Что выражала эта диспропорция цен на продукты промышленные и на продукты сельскохозяйственные в довоенной экономике.

Всем известны факты, что промышленность России в довоенное время была промышленностью эмбриональной, так как капитализм в ней совсем недавно вырос и был огражден широкой таможенной стеной, работая на высоком проценте.

А сельскохозяйственные продукты царской России, их выступление на внешнем рынке на чем базировались?

На крайней их дешевизне. Российское экстенсивное трехполье побивало заграничную конкуренцию, только основываясь на крайней дешевизне крестьянского труда.

Таким образом дешевизна сельскохозяйственных продуктов и относительная дороговизна продуктов промышленности была присуща и довоенной экономике.

Но ведь не эту диспропорцию цен мы характеризуем в явлении «ножниц», ибо, если говорить просто об установившейся диспропорции цен, то в переводе на диаграмму мы получили бы не «ножницы», а две параллельные прямые, из которых одна шла бы над средним уровнем цен, а другая была бы внизу.

В «ножницах» мы имеем не параллелизм линий, а раствор линий.

Они нас интересуют как факт какой-то внутренней динамики в нашем народном хозяйстве, динамики, неприятной для нас, потому что здесь не только нет параллелизма, а идет некоторый растущий раствор, некоторое растущее расхождение.

И вот это нарушение равновесия — не просто диспропорция, а растущий раствор ценностных кривых, вот он-то и характеризует явление «ножниц», он-то и заставляет нас проанализировать это явление во всей его сложности, проанализировать наиболее основательно, именно такой растущий разрыв, ибо такое неустановившееся соотношение чревато опасными для народного хозяйства последствиями, как это я и постараюсь в дальнейшем показать.

Для того чтобы в количественных величинах выразить этот разрыв, мы предлагаем вашему вниманию фиг. 2 (см. стр. 37), на которой толстыми линиями изображены соотношения ценностных величин, взятые по бюджетному индексу Госплана, т. е. по данным розничной торговли (ибо бюджетный индекс основан на ценах розничной торговли), а тонкими линиями здесь изображены движения цен по оптовому индексу Госплана.

Если промышленный индекс разделить на индекс сельскохозяйственный, то получим некоторые частные. Если взять их по календарным срокам, то получатся ряды цифр, которые могут характеризовать превалирование ценностей промышленности над ценностями сельскохозяйственными, в известное время по данным оптового рынка, с одной стороны, а с другой стороны, по данным рынка розничного.

Если эти отношения нанести на диаграмму, притом таким образом, что средняя линия покажет соотношение довоенных индексов, то вы получите любопытную картину, изображенную на упомянутой фиг. 2. Она характеризует ту внутреннюю динамику расхождения ценностей, которая является предметом нашего изучения.

Прежде чем обратиться к анализу фиг. 2, я хотел бы обратить ваше внимание на то обстоятельство, что в последнее время явление «ножниц» подвергается самому внимательному изучению. В текущей прессе можно прочитать целый ряд чрезвычайно конкретных статей, часто практического, делового характера, в которых намечаются меры борьбы с растущим расхождением цен, расхождением, варьирующим и представляющим собой неустановившееся равновесие.

Так, целый ряд практических мер мы находим уже в нашей текущей экономической прессе. Вместе с тем известно, что над вопросом «о ножницах» работает специальная комиссия. Я здесь докладываю от имени этой комиссии, докладываю те первоначальные основные выводы, к которым мы пришли в настоящее время, и пользуюсь как материалами этой комиссии,

так и некоторыми работами, опубликованными в нашей прессе, и материалами Госплана, тоже занятого изучением явления «ножниц».

Для того чтобы не было недоразумений, я оговорюсь, что в своем докладе я хочу как раз дать вам основную характеристику явления «ножниц» и попробую обрисовать только общую, основную платформу для подхода к выработке практических, конкретных мероприятий борьбы с «ножницами». Поэтому мой доклад до некоторой степени будет ограничен только анализом основных экономических факторов, но таким анализом, который должен дать определенное направление всей последующей работе.

Уже из того обстоятельства, что явление превалирования ценностей промышленности над ценностями сельскохозяйственными было присуще довоенной экономике, вы, конечно, сделаете тот вывод, что борьба с этим явлением не так-то легка, что правильный подход в основном и существенном не раз нам пригодится в дальнейшем. Надо выработать систему мероприятий, рассчитанных на длительный срок, определяющих политику правительства, конечно, не упуская по ходу анализа быстрого решительного воздействия в определенных конкретных направлениях, раз эти конкретные направления вырисовываются с определенной ясностью. А по ходу общего анализа вы увидите, что многое сейчас уже ясно вытекает из языка цифр и фактов, связанных с нашим анализом «ножниц», и многое мы можем уже сейчас сделать непосредственно.

Так что же говорит нам эта фиг. 2? — Если взглянуть на ее линии, тонкие и толстые, если взглянуть на состояние опта и розницы, то прежде всего приходится констатировать значительный параллелизм между ними. Тут нет никакого специфического диссонанса. Есть расхождения, но диссонанса нет; это — во-первых.

Во-вторых, вы видите, что начало «ножниц», начало их раствора приурочивается по линии розницы к августу месяцу 1922 г., опережая линию расхождения цен по оптовым весам, которое начинается на полтора месяца позже. Прошу обратить внимание на этот момент. Затем, смотрите, когда кончается осенний период, начинается дальнейшее движение «ножниц», довольно пологое.

Когда наступает новый раствор, новый толчок в расхождении «ножниц»? Он наступает с осени 1923 г. Этот новый толчок опять происходит в том же августе 1923 г. Достаточно отметить эти явления, чтобы сразу установить то основное и существенное, которое, мне кажется, не может подлежать никакому перетолкованию. Ясно, что рынок, розница — вот что является по этой диаграмме ведущим, толкающим началом. Ясно, что осеннее состояние рынка, время реализации урожая, — вот с чего начинается перелом в растворах «ножниц».

Ясно, что мы приходим к тому выводу, что основную причину «ножниц» мы должны искать в наших производственных отношениях.

Почему за этим августом месяцем предшествующего года было как будто бы обратное расхождение цен? Тогда была ситуация 1921 г., года великого неурожая. Он предшествовал своей конъюнктурой году наблюдаемого нами раствора «ножниц». Вспомним, что 1921 г., год гигантского неурожая, по цифрам сельскохозяйственной продукции сводился к тому, что на пространстве Союза республик за исключением Туркестана, Дальневосточной республики и Закавказья мы имели хлебную продукцию, которая определяется материалами наших статистиков в 30 млн. *т* ржи. Уже на следующий год — 1922, еще не доведя нашего сельскохозяйственного производства до довоенных норм, мы уже имели продукцию, поднявшуюся по сравнению с уровнем продукции 1921 г. на целых 20 млн. *т*, ибо мы считаем, что в исчислении продукции сельскохозяйственной более правильны цифровые расчеты Госплана, а не ЦСУ.

Итак, 50 млн. *т* — вот продукция, которая была в 1922 г. и только 30 млн. *т* продукции было в 1921 г. Увеличение на 20 млн. *т* ржи — вот бросок, который мы получили в результате подъема сельского хозяйства в 1922 г.

А за 1922 г. промышленность сделала свой бросок, свой подъем? Несомненно, если 1921 г., год великого неурожая, был одновременно годом разбазаривания наших промышленных фондов, ибо промышленности впервые пришлось маневрировать в условиях новой экономической политики, при тягостном состоянии нашего бюджета и в условиях падающей валюты, то год 1922 был годом значительного залечивания ее ран.

Но если мы подведем итоги, то, пожалуй, мы будем очень близки к истине, если скажем, что в ржаных единицах прирост промышленной продукции за 1922 г. определяется всего в 4 млн. *т* ржаных единиц.

Итак, смотрите, какое соотношение: соотношение 20 млн. добавочной продукции сельского хозяйства и всего 4 добавочных миллиона продукции промышленности, т. е. промышленность отставала в 5 раз по своему подъему, по сравнению с сельским хозяйством.

Тем не менее, в этом пет ничего особенного.

Вам должно быть хорошо известно, что после войн и революционных потрясений впервые оправляются те части народного хозяйства, которые отличаются примитивной организацией; в частности, сельское хозяйство везде и всюду становилось после войн быстрее на ноги, чем промышленность, тем более промышленность крупного характера. А ведь наша национализированная промышленность после длительной работы отбора представляет собой промышленность именно крупного характера, как бы ни были велики дефекты нашего отбора.

Конечно, есть целый ряд и других расчетов, которые дают нам основную картину диспропорции производственных отношений сельского хозяйства и промышленности.

В частности, как на ходкие сведения, проверенные статистической работой, я укажу на следующие цифры:

Мы имеем основания считать валовую продукцию сельского хозяйства в 1923 г. примерно в 75% довоенной продукции, в то время как валовая продукция промышленности колеблется в 30, 35, 36% довоенной, приблизительно в таких цифрах оценивают различные авторы эту продукцию.

Приведу еще одно очень характерное соотношение, которое устанавливают наши статистики. Они рассчитывают таким образом, что до войны валовая продукция в миллионах товарных рублей выражалась для сельского хозяйства в 6 120, для промышленности — в 5 620. Чистая продукция до войны 1913 г. была для сельского хозяйства 5 600, для промышленности — 2 300. Оговорюсь, что «чистая продукция» — это условный термин, это валовая продукция минус сырье и топливо.

Возьмем продукцию 1922/23 г. по довоенным ценам.

Валовая продукция для сельского хозяйства в товарных рублях оказалась 4 590, а для промышленности — 1 900. Чистая продукция для сельского хозяйства была 4 200, для промышленности — 700. В 1922/23 г. по современным ценам продукция будет выражаться: валовая продукция сельского хозяйства — 3 440 и промышленности — 2 625. Чистая продукция будет выражаться: для сельского хозяйства — 3 100 и промышленности — 980.

Обратите внимание на игру рыночных соотношений, которая выражена в этих цифрах.

По довоенным ценам промышленность составила бы 33% довоенной продукции; по теперешним ценам она составит 45%.

Рынок в данном случае как бы несколько нивелирует количественное расхождение продукции, повышая ценность промышленности.

В земледелии обратное: по довоенным ценам она составила бы 75% довоенной продукции, по теперешним ценам — 56%; значит, отношение 33 к 75 смягчается игрой рыночных цен в отношении 45 : 56.

Теперь — любопытный момент, на который я считаю необходимым обратить внимание: весь годовой производственный продукт в целом по довоенным ценам составлял 62%, а по современным ценам — только 52% довоенной продукции 1913 г. Эта игра рынка, отнесенная к суммарной продукции, хотя она и смягчает диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью, в последнем счете выражается в отрицательном суммарном результате.

Но, конечно, считая диспропорцию производственных отношений в сельском хозяйстве и промышленности основным фактором, лежащим в основе «ножниц», мы отдаем себе ясный отчет, что этот фактор — основной, но не окончательный и даже не решающий, ибо товары приходят в соотношения друг с другом через процесс обращения через рынок, который сейчас слагается на наших глазах при развернутом денежном хозяйстве, при наличии кредита и банковских операций и при вмешательстве многочисленной цепи торговых и технических посредников.

Следовательно, для того чтобы понять явление «ножниц» в целом, нам надо перейти от количественных отношений производственного характера к оценке момента обращения в той сложной конъюнктуре развернутого денежного хозяйства, о которой я говорил. Отметим также, что самое поступление на рынок продуктов сельского хозяйства, являющихся продуктами крестьянскими, совершается по миллионам капиллярных сосудов со значительным запаздыванием.

Крестьяне, наученные опытом не особенно гнаться за бумажными деньгами, отчуждают свои продукты на рынок только под давлением известной нужды, и здесь в борьбе с «ножницами» за нас как раз те факторы, которые замедляют ход поступления сельскохозяйственных продуктов на рынок, и против нас те факторы, которые толкают крестьян на быструю реализацию сельскохозяйственных продуктов.

Обстоятельства, при которых реализуется наш сельскохозяйственный налог, мы должны не уставать анализировать в том смысле, чтобы отдавать себе ясный отчет, не являются ли они слишком толкающими крестьян на сбыт продуктов на рынке. Постольку, поскольку это вливание крестьянами продуктов на рынок будет носить замедленный характер, диспропорция цен в сельском хозяйстве будет выражаться менее остро, и обратно.

У нас есть возможность подойти к отделению производственного момента в явлении «ножниц» и другим путем.

Я не буду утруждать вашего внимания подробными расчетами. Отмечу только следующее. Если мы останавливаем свою мысль на вопросе о производственных предпосылках «ножниц», то было бы очень интересно ответить на такой вопрос, насколько объяснимо расхождение «ножниц» изменением затрат труда на выработку единицы продукции в области промышленности и в области сельского хозяйства, каковы были бы чисто «трудовые ножницы»? Правда, мы условно можем говорить о нормальности «трудовых ножниц», но некоторое показание они дают.

Резкое отделение момента производства от момента обращения, резкое разделение раствора «ножниц» производственного характера от раствора общеконъюнктурного — вот что смогут нам дать трудовые, так называемые нормальные «ножницы». Обратимся к их расчету.

На современной советской территории в 1913 г. работало примерно 2,6 млн. индустриальных рабочих. Численность их на 1 октября 1922 г. понизилась до 1,3 млн. чел., а на 1 октября 1923 г. она составила 1 560 тыс. чел. Данные промышленной статистики указывают, что производительность среднего рабочего в 1922 г. может быть оценена в 50% довоенной производительности, а в 1923 г. (осенью) — в 60%. Накладные расходы довоенного времени — 15%; вследствие недогрузки предприятий осенью 1922 г. они определяются в 30%, а к 1 октября 1923 г. — уже 25%.

Отсюда мы можем подойти к оценке трудовых затрат на единицу продукта промышленности и сельского хозяйства. Проделав эти расчеты до конца, мы получим специфические отношения. На осень 1922/23 г. эти отношения не совпадают с цифрами нашей диаграммы: в «трудовых ножницах» мы должны были бы иметь расхождение примерно в 214% и на осень 1923 г. — 163%; на самом деле в этой диаграмме мы имеем такое расхождение: на осень 1922 г. — 111%, а на осень 1923 г. перед сентябрьским переломом — 320%. Что же отсюда вытекает? Отсюда видно, что происходит некоторое запаздывание в растворе «ножниц». Оно объясняется отчасти расхождением по вступлению в рыночный оборот сельского хозяйства и промышленности. Затем оно определенно говорит, насколько в одном производстве мы не находим ключей к объяснению явления «ножниц», и почему мы должны взять всю конъюнктуру в целом, чтобы понять фактическое двойное против «трудовых ножниц» расхождение цен.

Как же можно характеризовать эту общую конъюнктуру. Эту общую конъюнктуру придется характеризовать сначала такими штрихами, чтобы обнять суть картины в целом и лишь потом разбить на отдельные ручьи для дальнейшего анализа. Конечно, наиболее интересную картину положения в целом мы имели бы, если бы можно было точными статистическими данными нарисовать состояние баланса народного хозяйства, относящегося к осени 1922 г., и баланса, относящегося к осени 1923 г. Мы уже имеем в хозяйственной литературе некоторые любопытные цифры балансного характера. Например, по расчетам ВСНХ продукция госпромышленности в товарных рублях Госплана по современным ценам на 1922/23 г. распределялась так: 1) на сельском рынке — 400 млн. руб., 2) на городском — 700 млн. руб., 3) на рынке государственных заказов — 300—350 млн. руб. и 4) во внутреннем промышленном обороте — 150 млн. руб. Итого на общую сумму 1 500 млн. руб.

Но еще более интересную картину нам дают расчеты производства предметов широкого потребления по рубрикам «крупная и мелкая промышленность» и их потребление по рубрикам «город» и «деревня».

Каков же баланс производства и потребления продуктов широкого потребления?. Если взять грубые округленные цифры для того, чтобы у нас отразилось лишь самое существенное, то можно остановиться на таких данных. Можно принять, что на 1922/23 г. в товарных рублях таких продуктов широкого потребления крупная промышленность дала на миллиард, а мелкая, считая кустарную и нецензовую промышленность, дала на 500 млн. руб.

Что касается потребления, то из миллиарда крупной промышленности 700 млн. руб. потребил город и 300 млн. руб. потребила деревня. В рубрике мелкой промышленности из 500 млн. руб. лишь 100 млн. руб. потребил город и на 400 млн. руб. потребила деревня. Чтобы не было недоразумений, я отмечу, что здесь при подсчете продукции включено сырье.

Переходя к нецензовой промышленности и кустарям, нужно сказать, что их продукция в $^1/_5$ части идет для города и в $^4/_5$ для деревни. Город имеет свое русло производства и обращения, деревня — свое.

Конъюнктура крупной промышленности и крупных городских центров оторвана от конъюнктуры деревни, уезда и мелкой промышленности. Эти

цифры нам ясно говорят, что мы имеем перед собой крайне неразвернутый внутренний рынок. Они говорят о тех опасностях, которые стоят на пути промышленности.

Что же мы имеем при таких условиях. Отнюдь не массовое производство. Находясь в таком положении, мы легко можем переоценить городскую конъюнктуру и при анализе торгового оборота впасть в ошибочную общую оценку, не заметить кризиса, депрессии, быть может, накануне их. Ясно, что отсюда вытекает одна из самых существенных директив, связанных с борьбой против «ножниц».

Ясно, что борьба за крестьянский рынок является борьбой за массовое устойчивое производство.

Наш анализ в дальнейшем должен направиться в сторону тщательного прослеживания того, что стоит на пути массового дешевого производства. Только массовым дешевым и доброкачественным производством мы можем завоевать деревню.

Конечно, это будет только половина вопроса.

Другая половина вопроса — о расширении рынка нашей промышленности — связана с подъемом платежеспособных сил деревни.

В борьбе за крестьянский рынок, в борьбе за доброкачественный и дешевый товар, с одной стороны, и в борьбе за подъем платежных сил многомиллионной массы крестьянского населения, с другой стороны, и заключается важнейшая задача нашей экономической политики при борьбе с «ножницами».

Когда вы обращаетесь от общей картины к анализу частному и более детальному, то приходится итти по проторенной дороге, потому что наша пресса и работники наших хозяйственных органов довольно основательно проанализировали проблему «ножниц» в целом, и теперь имеется много конкретных предложений со стороны различных групп товарищей.

Прежде всего хочется дать себе отчет в значении для «ножниц» налогов, железнодорожных тарифов и кредита. Пойдем по этой проторенной дороге и попробуем посмотреть, что говорят цифры и факты, относящиеся к этим трем факторам, невольно приходящим в голову, когда мы сталкиваемся с вопросом о дороговизне.

Сумма валовой продукции государственной промышленности за истекший 1922/23 г. составляла по довоенным ценам 1 650 млн. золотых рублей.

Сумма валовой продукции промышленности в товарных рублях по теперешним ценам 2 315 млн. руб.

Чистая продукция госпромышленности с амортизацией в товарных рублях 877 млн. руб.

Налоговое обложение состоит из акцизов — 107 868 тыс. руб., промыслового налога — 17 175 тыс. руб.; пошлин — 3 млн. руб., местных налогов — 7 млн. руб., а всего — 135 млн. товарных рублей.

Эта цифра налогового обложения получается в расчете на индекс, относящийся к 1-му числу; если же взять цифру индекса, среднего за месяц, то она будет более смягченной.

Если основываться на цифре в 135 млн. товарных рублей, то общее налоговое обложение составляет на чистую продукцию 15,4%, на валовую — 5,8%.

Велико ли это обложение? Если сравнить эти цифры с довоенными, то окажется, что довоенное обложение было почти такое же с той разницей, что оно падало на окрепшую промышленность, на ее установившийся ход. Теперешние же процентные нормы хотя и приближаются к довоенным, но они падают на промышленность, отнюдь не окрепшую, находящуюся на первом этапе развертывания. Это, повторяю, существенная разница.

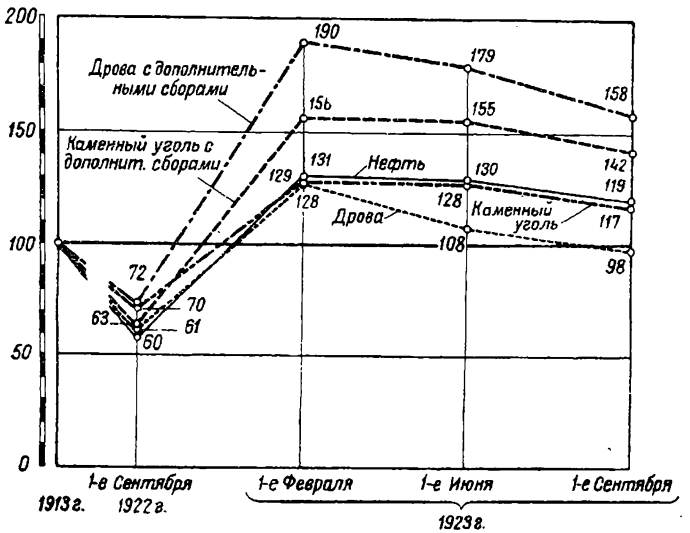
Кроме того, за этот период, начиная с осени 1922 г. и до осени 1923 г.,

мы как раз и строили наш налоговой аппарат, создавали его, можно сказать, что он от месяца к месяцу креп и рос. Следовательно, его дееспособность, конечно, шла темпом восходящим, параллельным раствору «ножниц».

Несомненно, мы должны признать, что даже эта общая сводка говорит нам о том, что налоговой пресс был одним из факторов, правда, второстепенного характера, но фактором раствора «ножниц».

Второстепенный характер этого фактора выясняется, если мы сопоставим третий и четвертый кварталы по суммарному обложению торговли и промышленности.

Мы увидим, что разница этого суммарного обложения торговли и промышленности будет определяться такими цифрами: против 90 млн. третьего

Фиг. 3. Процентное соотношение железнодорожного тарифа, включая дополнительные сборы 1913, 1922, 1923 гг.

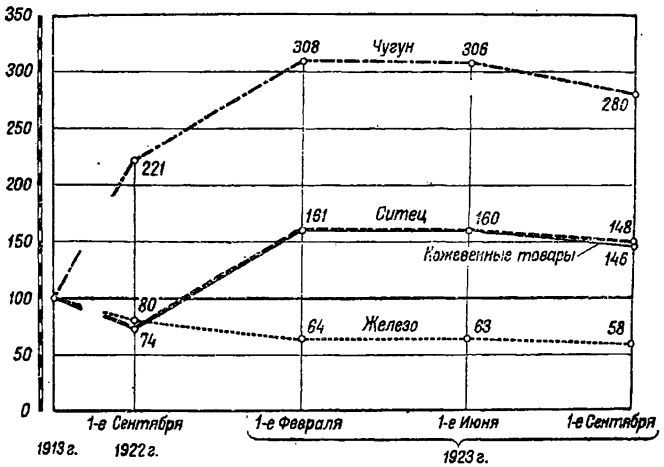
квартала — 95 млн. по четвертому кварталу. Такая разница в ценах, конечно, не объясняет осеннего раствора «ножниц» и говорит, что налоговая политика по отношению к «ножницам» является фактором подчиненного значения.

Но если мы переходим к анализу влияния на отдельные товары и, особенно, если мы задаемся задачей на ближайшее время в экстренном порядке понизить цены на такие продукты, как спички, соль, сахар, керосин и спички, то роль налогов приобретет более решительный характер. Как раз для этих товаров дело обстоит неблагополучно в смысле удорожания их в результате воздействия налогового пресса. В дальнейшем я коснусь этого материала более конкретно; сейчас же позвольте мне ограничиться лишь общей характеристикой.

Перейдем к железнодорожным тарифам. Если вы посмотрите на диаграмму двух железнодорожных тарифов (фиг. 3), которая дает цифры

на дрова, уголь и нефть, то вам будет нетрудно отметить типичные черты нашего тарифного дела. Вот эта средняя линия указывает нам уровень довоенных тарифов. Вы видите, что до января текущего года наши железнодорожные тарифы шли ниже довоенных тарифов. С января они делают для всех видов топлива решительный подъем. Дальше линия идет довольно полого, даже склоняющаяся вниз. С января введена 12-классная система и тарифный коэфициент поднят в восемь раз, несмотря на то, что общий индекс поднялся всего в два раза.

Я констатирую, что, несмотря на пологость этой линии, в общем современный тариф на 20—25% дороже довоенного.

Фиг. 4. Процентное соотношение железнодорожного тарифа, включая дополнительные сборы 1913, 1922, 1923 гг.

Я понимаю заботу товарищей из НКПС, когда они тарифицируют такие грузы, как мука, хлеб, зерновые продукты, которые дают 50% грузовой доходности, когда тарифицируют дрова и т. д., но когда поднимают тарифы на чугун нынешней, небольшой по весу, продукции, так что в чугуне железнодорожный тариф начинает играть значительную роль, то это — ляпсус, недосмотр, который надо быстро устранить.

Я бы сказал, что если мы возьмем кривую тарифов, то увидим, что она не объясняет нам растущего раствора «ножниц». Параллелизма нет. Отсюда тот вывод, что железнодорожными тарифами мы не можем объяснить растущего раствора «ножниц».

Но при дальнейшем потоварном анализе мы приходим к выводу, что не все и здесь обстоит благополучно. Главное, под знаком вопроса стоят тарифы на наши зерновые хлеба.

В самом деле, для вас должно быть совершенно ясно, что пестрота хлебных цен, которую мы наблюдаем в губерниях производящих и потребляющих, и те накладные расходы, которые падают на наш экспорт, — не без вины железнодорожных тарифов.

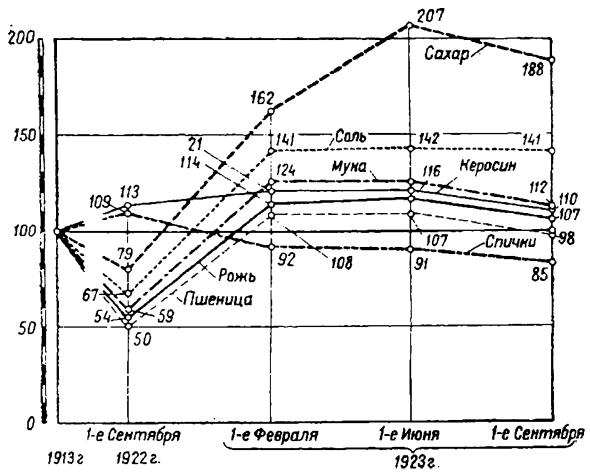
Тарификация зерновых продуктов является фактором, имеющим прямое

отношение к «ножницам», поскольку она врывается как начало, затрудняющее оплату крестьянского труда, и поскольку базирует на возврате только к довоенным нормам, не принимая в учет очень сложной хозяйственной и политической обстановки современности.

Тарифный вопрос является вопросом, требующим еще большей работы, и является одной из очередных забот и наших и работников транспортного ведомства.

Во всяком случае я должен отметить, что мы найдем, вероятно, много ценного для борьбы с дороговизной тех или других товаров, конкретно разбирая тяготеющие над ними тарифы.

На фиг. 4—7 можно найти сопоставление довоенных норм железнодорожных тарифов и норм, существующих теперь по отношению к отдельным товарам.

Фиг. 5. Процентное соотношение железнодорожного тарифа, включая дополнительные сборы 1913, 1922, 1923 гг.

Вы видите, что эти «выростки» для отдельных товаров над довоенными тарифами довольно значительны и говорят о том, что работы здесь еще очень много. В особенности придется обратить существенное внимание на так называемые дополнительные сборы, чрезвычайно удорожающие перевозку грузов такого характера, которым является промышленное сырье.

Перейдем к вопросу о кредите.

Роль кредита, как бы ее ни рассматривать, всегда носит двухсторонний характер. Если спросить нас, что, фактор появления новых платежных средств, в размере 250 млн. червонной эмиссии, подлежит ли перетолкованию, переоценке, как шаг вперед? Нет, — конечно, известный шаг вперед налицо. Но когда мы говорим о кризисе, который переживаем сейчас, то не можем удовлетворяться указанием на то, что мы побили американский доллар. Правда, для меня звучит немного странно, когда говорят, что мы банкнотой даже над долларом стоим.

Я должен сказать, что вопрос о кредите, конечно, очень сложный и большой вопрос. Полагаю нелишним несколько остановиться на сообража-

ниях проф. Фалькнера. Проф. Фалькнер является сторонником, резким и определенным сторонником, превалирования момента кредитного и финансового как первоисточника расхождения наших «ножниц» осенью 1923 г.

Мы не будем увлекаться и занимать его позицию, но послушаем его как определенного представителя «кредитной» теории «ножниц».

Он говорит следующее: червонная эмиссия, как и всякая эмиссия, ведь, создать чудес не может. Она новых факторов не создает. Она лишь перераспределяет платежные средства страны, и постольку поскольку это перераспределение было направлено односторонне в сторону промышленности, для таковой создается привилегированное положение.

Таким образом по подсчетам Фалькнера, которые оставляю на его ответственности, выходит, что 70% червонной эмиссии кредитованы в руки промышленности.

Таким образом, червонная эмиссия необычайно укрепила положение на рынке именно промышленных групп, дала им такой денежный базис, которого другие группы не имели.

Затем он обращает внимание на следующее: червонец, как бы мы ни работали во славу его, величина колеблющаяся; именно поэтому от товарного индекса Госплана мы отказаться не можем.

Когда от этой червонной эмиссии сравнительно большие группы получили кредит, то их положение оказалось разным.

Все виды промышленности, в которых ход индекса опережал по движению индекс червонца, были в привилегированном положении. Те группы, в которых ход индекса отставал от движения индекса червонного, были в положении сравнительной депрессии.

Сельское хозяйство, конечно, было в самой большой депрессии: для него и червонная эмиссия, раз кредит надо возвращать в червонцах, была «не в корм».

Деревня, на путях кредита ни в коем случае не могла угнаться за червонцем; червонный кредит подкреплял только те виды промышленности, которые в ходе своих индексов опережали индекс червонца, т. е. виды так называемой легкой промышленности. Конечно работники НКФ будут правы, когда скажут, что червонный кредит был все же благом для промышленности и потребность в нем была чрезвычайно велика; двойственной роли кредита мы отнюдь не отрицаем.

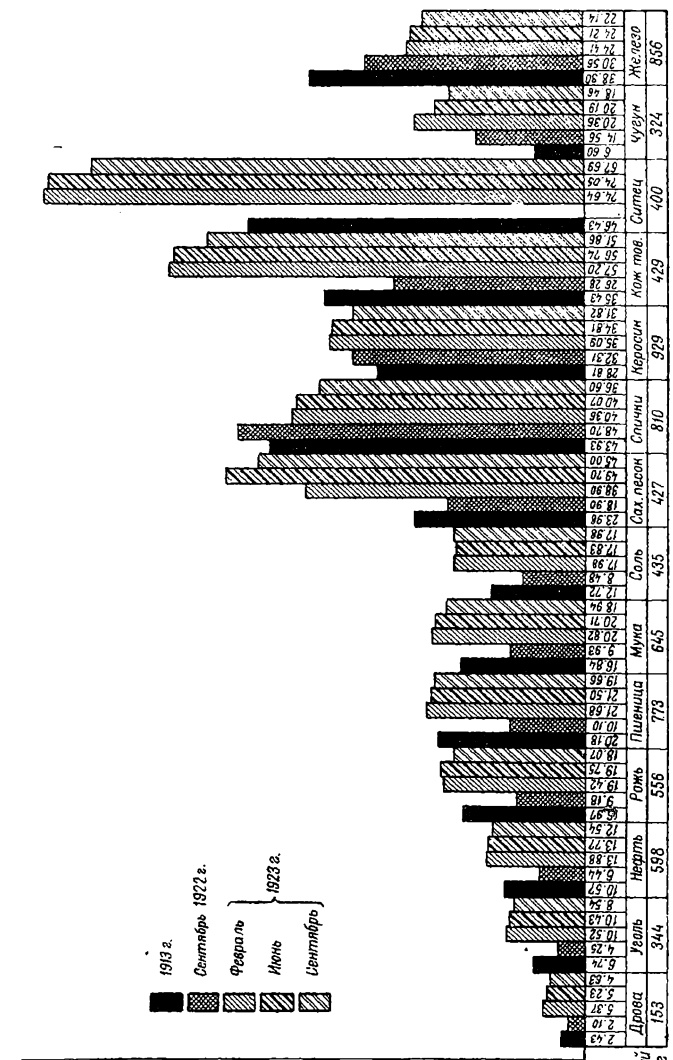
Но факт односторонности — налицо; факт перераспределения средств в сторону промышленности, а не в сторону сельского хозяйства, что для «ножниц» и является основным, не может быть оспорен.

Нам обыкновенно говорят, когда мы пробуем доказать, что распределение червонного кредита было таково, что около 70% шло на промышленность и только 30% на сельское хозяйство, — где ваши доказательства?

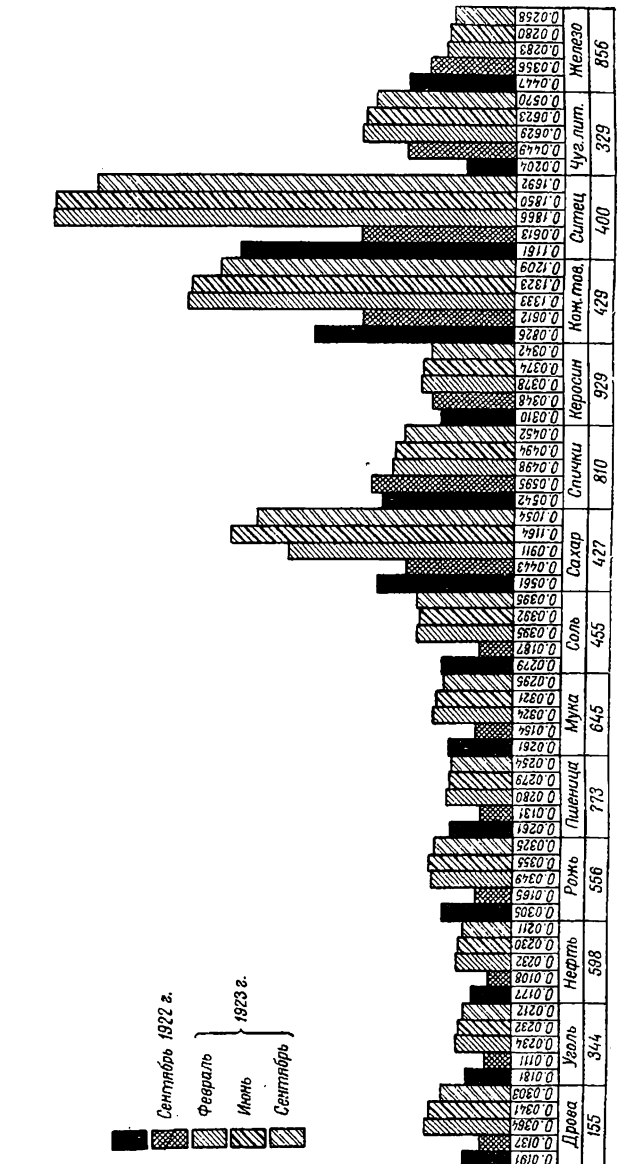
Вы знаете, товарищи, когда следишь за отчетами Госбанка, то чувствуешь себя в большом затруднении, ибо там так спутаны карты, так сопоставлены столбцы червонной эмиссии и советских знаков, что ясных указаний мы там не найдем.

Допустим, что вы — управляющий местного банка и вам ассигновали из центрального банка некоторую сумму для целей сельскохозяйственного кредита. Что же, будучи ретивым коммерсантом, вы так и пустите эти деньги на сельскохозяйственный кредит? Опыт показывает, что наши банковские руководители обычно направляли эти суммы не на сельскохозяйственный кредит, а предварительно старались их «провернуть» в промышленности или торговле.

Накануне кризиса «провернуть» не всегда удавалось, и план сельскохозяйственных заготовок не выдерживался. Отмечу, что когда Госбанк объяснялся в нашей прессе по поводу факта прекращения кредитов, то он

Фиг. 6. Провозные платы с дополнительными сборами в товарных конбйках с пуда груза на одну версту пробега при среднем пробеге их в 1913, 1922, 1923 гг.

Фиг. 7. Железнодорожная провозная плата в товарных копейках с пуда груза в 1913, 1922, 1923 гг. за все расстояние среднего пробега их.

сказал, что по общему хозяйственному плану нужно было в известный срок промышленный кредит прекратить и направить кредит на сельскохозяйственные заготовки.

Общегосударственный план кредита не был согласован с Госпланом, фактическое исполнение его не было прослежено, а факты говорят, что сельскохозяйственный кредит нынешнего года запоздал и на раствор «ножниц», конечно, это запоздание имело свою долю влияния.

Конечно, скажем вместе с работниками НКФ, что если бы не было червонного кредита для нашей промышленности, то было бы хуже. В борьбе с «ножницами» мы должны форсировать именно промышленность. Было бы ошибкой с нашей стороны впасть в такое настроение, которое заставляло бы нас давать по всему промышленному фронту задний ход, свертывать промышленность. Мы должны итти вперед, потому что если мы будем свертывать промышленность, то еще дальше отстанем от сельского хозяйства.

В общем и целом, кредит для промышленности даже не был достаточен и был относительно дорог.

Но, товарищи, он распределялся при излишнем доверии к рыночной конъюнктуре, без согласования с плановыми органами и поступал в каналы, которые по своей общей конъюнктуре оторваны от широкого массового рынка. Тем самым создавалась в качестве пролога кризиса ложная конъюнктура оживления городского торгового оборота, фактически «оживленного» лишь в меру роста переписок векселей и расходов вексельной бумаги.

Оценивая кредит и его условия, отмечая необходимость сдвигов в этом кредите в сторону планомерности его, в сторону форсирования сельскохозяйственного кредита, конечно, мы отдаем себе отчет в трудностях, которые стоят перед нами специально в сельскохозяйственном кредите. Прочность его обеспечивается прочностью экономического положения крестьянства. Следовательно, широко развернутые операции сельскохозяйственного кредита могут иметь место в связи со спайкой крестьянского рынка с мировым рынком, и дальнейшее форсирование операций по экспорту является и условием и предпосылкой дальнейшего развертывания сельскохозяйственного кредита.

Дороговизна современного кредита по подсчету наших статистиков сама по себе дает некоторое удорожание товаров промышленности, определяемое суммой не меньше 5%-го удорожания. Но и только. Раствора «ножниц» в целом она нам все-таки не объясняет, ибо «ножницы» были налицо и до кредита осени 1923 г.

Мне бы хотелось сказать еще об одном, чисто экономическом, моменте, который нам объясняет, почему налоги, тарифы и политика кредитов по-разному воспринимаются промышленностью и крестьянством. Отбросим пока тот факт, что на некоторое время мы получили червонное обращение для городов и обращение совзнаков для деревень и уездных окраин.

Даже не принимая во внимание отрицательной стороны этой двувалютности, мы найдем, что все налагающиеся на продукты нашего производства суммы острием направлены против крестьянства, направлены по общему закону менового отношения.

Если вы имеете налицо меновое отношение, если, скажем, вы выходите на рынок с продуктом, на котором у вас кроме производственной цены есть еще известная нарощенная величина, то вы можете переложить этот налог только в том случае, если вы имеете для вашего товара конъюнктуру цен восходящих.

И обратно, если вы по какой-нибудь причине являетесь на рынке представителем товарной конъюнктуры падающих цен, то вы

являетесь только воспринимателем налогов и никак не можете переложить их на кого бы то ни было.

Промышленность, пока она была в конъюнктуре цен, идущих на подъем, перекладывала свои налоги на сельское хозяйство, а сельское хозяйство, находящееся в конъюнктуре падающей валюты (что объясняется, как мы видели, глубочайшими причинами), должно было быть восприемником, плательщиком этих увеличенных цен. Значит, страдательная роль крестьянства периода «ножниц» уже по этому экономическому закону должна вставать перед вами с полной ясностью и несомненностью.

Однако, товарищи, если подсчитать эти три фактора, подсчитать налоги, переплату на тариф и переплату на дорогой кредит, если в этих подсчетах не вдаваться в тонкие нюансы, то все-таки мы найдем величину соответствующего удорожания на 20—25%.

Фактически же вы видите такой раствор «ножниц», который говорит о двойном вздорожании продуктов промышленности в самом процессе обращения. Это объясняется тем обстоятельством, что наряду со всем отмеченным ранее нужно учесть еще и явное образование за период «ножниц» промышленных и торговых капиталов.

Ведь за это время промышленность, начавшая залечивать свои раны в 1922 г., продолжала залечивать их, и по подсчету наших статистиков и экономистов выходит так, что промышленный капитал в 1922/23 г. имеет прибавку в очень солидную сумму — 300 млн. золотых рублей. Торговый же капитал по подсчетам наших экономистов махнул в своем приобретательстве еще гораздо дальше. Эта сумма определяется ими в 600 млн. золотых рублей.

Когда мы прибавим сюда эти величины — 300 и 600 млн. рублей, то поймем, каким образом операции торгово-промышленного оборота, первоначальное накопление в области торговли явилось дополнительным фактором и часто фактором, решающим масштаб расхождения цен.

Если взять ограниченный рынок, если взять рынок Москвы, то мы найдем тут как будто бы такие явления: в довоенное время торговый капитал от опта к рознице ограничивался надбавкой 20%, теперь надбавка на московском розничном рынке в среднем 41—39%.

Но совершенно не та картина получается, если мы возьмем широкие данные по стране. По данным, опубликованным в нашей прессе, расхождение между районными розничными ценами составляет в среднем для сахара 172%, а для ситца и соли... около 60—70% [1].

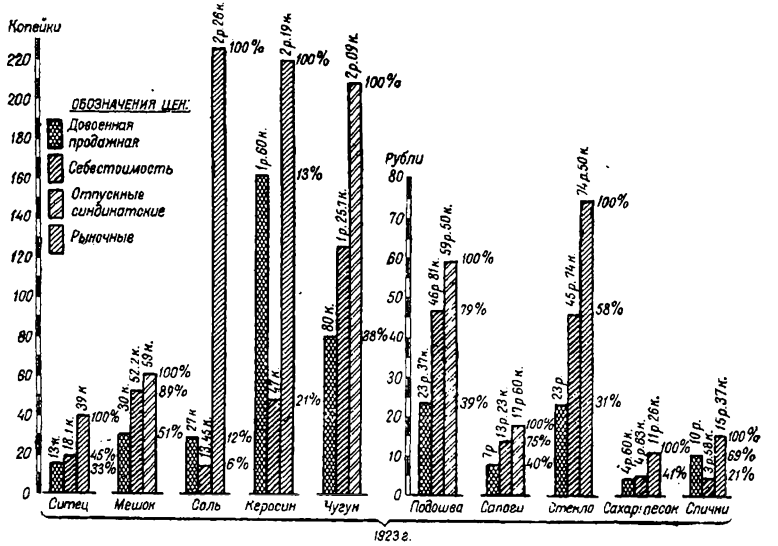
В этих сопоставлениях розничных цен районов и отпускных фабричных цен, по мнению автора этих расчетов, необходимо еще учесть различие в ценности совзнаков на периферии и в центре: «в действительности, — читаем мы в «Торгово-промышленной газете» (№ 252, 1923), — реальная разница между теми и другими ценами выразится для сахара примерно в 200—225%, а для ситца и соли в 80—100%. Сопоставляя эти цифры с обычной разницей между ценами в довоенное время, не превышавшей в среднем 25—30%, мы видим, что разница в современных розничных и фабричных оптовых ценах на изделия промышленности превышает в 3—4 раза, а в некоторых случаях и в 6—7 раз разницу цен в оптовой и розничной продаже в довоенное время».

Более подробный анализ положения нашей промышленности позволяет нам притти примерно к таким общим выводам. Тут придется итти обычным

[1] См. «Торгово-промышленную газету» № 252, 1923.

путем и говорить о значении сырья, заработной платы, накладных расходов и т. д. В этом отношении заслуживает внимания фиг. 8, которая дает сравнительную (по годам) себестоимость.

Первый столбик этой диаграммы — это довоенные цены на ситец, на мешок, на соль, на керосин, на чугун, на подошву, на сапоги, на сахар, на спички, а рядом с ним другой столбик — это наша современная себестоимость; третий и четвертый столбики — это либо оптовые, либо рыночные цены. Вы видите, что здесь большое поле для работы регулирования в со-

Фиг. 8. Сравнение продажных цен и себестоимости.

вершенно конкретном направлении, что мы должны итти по этим горячим следам и должны быть вплотную заняты вопросом о том, как произвести «усекновение главы» этих, отнюдь не младенцев.

В сводке работ промышленной секции Госплана по вопросу о «ножницах» общая ситуация представляется в таком виде:

1. Анализ заводской (фабричной) стоимости промышленных изделий по сравнению с таковой в довоенное время показывает, что главной причиной вздорожания изделий являются накладные заводские расходы, которые превосходят нередко в 3—5 раз, а в среднем в 2 раза таковые в довоенной калькуляции, как, например, накладные расходы составляют у стекла 200%, подошвы 500% и пряжи 300% от довоенной.

Второй причиной вздорожания служит дорогое сырье: так, цены на хлопок и кожу в настоящее время выше довоенных на 50%.

Наконец, в меньшей степени сказывается влияние прочих элементов, т. е. расход на топливо и зарплату.

В течение текущего года накладные расходы имеют тенденцию несколько падать, хотя не во всех исследованных случаях; точно так же понижается

и заводская себестоимость; так, например, превышение современной себестоимости над довоенной составляет:

	В рублях	
	На 1 января 1923 г.	На 1 сентября 1923 г.
У пряжи	8,34	4,50
У сахара	1,96	1,41
У спичек	2,92	0,98

2. Изучение отпускных синдикатских цен, оптовых и рознично-рыночных цен показывает прежде всего на их чрезмерный рост по сравнению с заводской себестоимостью.

Причинами этого роста являются прежде всего чрезмерные организационные и торговые накладные расходы как у синдикатов, так и, в особенности, у всякого рода торгов, кооперации и пр.

Так, рост цен при продвижении товара от завода к потребителю составляет:

	В рублях			В процентах
Для ситца	с 2,52	до 5,46	за метр	117
„ стекла	„ 41,75	„ 74,00	„ ящик	75
„ соли	„ 8,23	„ 137,8	„ тонну	1 570
„ сахара	„ 210,45	„ 686,86	„ „	225
„ керосина	„ 23,79	„ 133,59	„ „	464

3. Проблема понижения рыночных цен на промышленные изделия потребует проведения в жизнь ряда многообразных мероприятий: и производственных, и торговых, и финансовых.

Так, во-первых, в отношении понижения заводской себестоимости необходимо организовать систематическое изучение калькуляций не только сметных, но и отчетных, и открыть решительную борьбу с ростом накладных расходов в производстве, постепенно и неуклонно стремясь к рационализации производства.

Кроме того, принимая во внимание, что дешевое сырье является второй базой заводской себестоимости, тресты и синдикаты должны стремиться к своевременной заготовке сырья у непосредственных его производителей, поэтому банковский кредит им для заготовки сырья ввиду недостатка у них оборотных средств должен предоставляться банками предпочтительно перед другими их клиентами.

Далее, учитывая низкую покупательную способность крестьян, необходимо фабрикам и заводам как можно ближе подойти к массовому потребителю в изучении его потребностей как в отношении нужного ему ассортимента изделий, так, в особенности, в отношении цен на эти изделия; простые, дешевые сорта изделий должны превалировать.

Нетрудно понять, почему мы чувствуем такое нетерпение расправиться с солью как можно скорее: потому что такой подъем — полторы тысячи процентов — это уже уникум, перед которым, действительно, даже и доллар задрожит.

С сахаром у нас большой «прогресс». Заводская стоимость тонны — 210 р. 45 к., но мы отпускаем по 686 р. 86 к. Заводская стоимость тонны керосина 23 р. 79 к., а отпускная — 133 р. 59 к.

Все приведенные выше данные позволяют сделать следующие общие выводы. Мы видим, что сельское хозяйство при всем сравнительно слабом воздействии наших организованных усилий быстро идет вперед.

Не вытекает ли, однако, из факта некоторой депрессии на мировом рынке то, что мы должны стеснять развитие хлебной продукции?

Нет, наоборот, мы должны свою зерновую продукцию

увеличивать и тем упорнее бороться за свою роль на мировом хлебном рынке.

Но, конечно, рядом с этим стоит совершенно определенно необходимость твердого курса в нашей сельскохозяйственной политике в отношении специализации сельскохозяйственной продукции по определенным сельскохозяйственным районам.

Очередной задачей является интенсификация сельского хозяйства по линии технических культур, подъем районов животноводства, форсированная переработка сельскохозяйственных продуктов, которая дает сельскохозяйственной продукции близкие к промышленным ценностям формы.

Твердый курс сельскохозяйственной политики в этом направлении является необходимой предпосылкой оздоровления крестьянского хозяйства.

В связи с форсированием экспорта мы должны самое серьезное внимание обратить на проверку работы наших хлебозаготовительных и экспортных аппаратов.

Мы должны прямо сказать, что не так благополучно здесь обстоит дело, и прежде всего, с точки зрения организации кредита для широких низовых организаций по хлебным заготовкам.

В ряде систематических мер мы должны также оказывать поддержку развитию элеваторного дела, ибо в связи с кредитом это даст необходимое торможение для правильного вливания сельскохозяйственной продукции на рынок.

Отмечу, что единый сельскохозяйственный налог в той форме, как он сейчас существует, в форме двойной — с одной стороны, натуральной и, с другой стороны, денежной, представляет собой нередко те качели, которые качаются не в пользу плавного движения цен сельскохозяйственной продукции. Нам придется сделать следующий шаг в сторону единообразной денежной формы этого налога; причем в наших интересах некоторое снижение норм сельскохозяйственного налога и принятие ряда мер в сторону подготовки замены его рентным земельным обложением.

Очередным вопросом является вопрос о пересмотре железнодорожных тарифов в целях приспособления их к нуждам широкого экспорта, а также в целях внутренней торговли хлебом, которая, к сожалению, сейчас находится в значительном отрыве от торговли внешней, экспортной.

В Госплане сообщались факты отказа в кредитах для закупки хлеба по самым благонадежным внутренним адресам, а, между тем, такое кредитование могло бы смягчить падение цен на хлеб.

Большое значение имеет рост сельскохозяйственной кооперации и согласование работы кооперации с сезонными нуждами крестьянства.

Одной из очередных мер, нужда в которой остро ощущается, является также создание сельскохозяйственного банка. Его главной заботой должно быть, с одной стороны, форсирование экспорта и внутренней торговли хлебом, а с другой — организация сырьевых заготовок и поддержка систематических мер по подъему сельского хозяйства. Организация сырьевых заготовок потребует больших усилий. Это — одна из важных задач.

В области промышленности мы считаем одним из очередных шагов — форсирование производства предметов широкого потребления и направление этого производства в сторону удовлетворения крестьянских потребностей. Когда мы спрашивали наших текстильщиков, почему нарядные ткани выставляются в окошках, а простые ткани, которые должны были бы завоевать себе первое место, стоят на заднем плане, они говорят, что идут и должны итти по линии наименьшего сопротивления. Мы видим, что эта линия наименьшего сопротивления чревата кризисами. Соответствующий перелом в промышленности должен быть сильнейшим образом форсирован.

Конечно, перед нашим ВСНХ стоит определенная работа по дальнейшему отбору жизнеспособных предприятий, по их концентрации, рационализации и всяческому сокращению накладных расходов.

Я считаю, что нужно требовать твердой линии в смысле согласования системы трестов и синдикатов с плановым ведением нашего хозяйства. Нужно зорким образом следить за верхушечным трестовским и синдикатским аппаратом. Мы должны требовать от трестов при рассмотрении их программ особо выделенных статей по содержанию этих аппаратов.

Мы должны требовать, чтобы каждый раз также представлялась такая калькуляция себестоимости, которую нельзя было бы поставить в кавычках. Проверка этих калькуляций себестоимости должна быть самой упорной работой контролирующих хозяйственных органов.

Мы считаем, что очередной задачей в области финансовой является усиление планового начала в политике кредитов и подчинение кредитной деятельности Госбанка регулирующему влиянию СТО через Госплан.

Мы не можем согласиться с таким положением, что, поскольку Госбанк является органом, стоящим на чисто коммерческой позиции, постольку он, дескать, никакому плану и воздействию не подлежит.

Если мы стоим на линии планового хозяйства, то было бы странным думать, что можно говорить о прогрессивных шагах в плановом направлении, если мы оставим такое громадное начало, как кредит Госбанка, в стороне от воздействия регулирующих органов.

Затем по отношению к червонной эмиссии нужно быть в высшей степени осторожным.

Если у нас сейчас советская валюта представляет по исчислению т. Сокольникова 25% червонной эмиссии, то нужно только пожелать, чтобы такое соотношение сохранилось на значительный срок.

Вопрос о торговле. Если и в довоенной России были указные цены на целый ряд продуктов, то нам занимать позицию уклончивую по отношению к этой перспективе не приходится. По отношению к целому ряду товаров нужны быстрые и решительные действия.

Мы считаем, что уже наступает пора и для некоторого организационного шага по отношению ко всему торговому аппарату. Операции внешней и внутренней торговли настолько развиваются, одно так зависит от другого, что мы должны Внешторг соединить с Комвнуторгом и потребовать, чтобы там был образован Торгплан, который должен быть связан с соответствующей секцией Госплана.

Приходится сокращать сеть промежуточных торговых организаций и предоставить госпромышленности право сноситься с первичными кооперативами.

Надо совершенно определенно признать, что эти невязки, эта динамика, которую мы характеризуем здесь в явлении «ножниц», показывает, что стихия, стоящая против нас, сильна. Наши организационные силы еще слабы. Приходится просить поддержки товарищами работ нашего главного планирующего органа — Госплана.

Раз мы стоим на линии форсирования плановой работы, мы должны всячески подкрепить Госплан, ибо лучшим методом в борьбе с «ножницами» является развертывание планового социалистического хозяйства.

ЛЕНИН И ТЕХНИКА [1]

«Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций».

К. Маркс.

Размышляя о Владимире Ильиче, подыскивая исторические параллели, невольно вспоминаешь о колоссальном образе Маркса. Несомненно, что между ними есть значительное внутреннее сродство. Известно, как трогательна и плодотворна по своим результатам была дружба между К. Марксом и Ф. Энгельсом, — дружба, подыскать историческую аналогию которой не так-то легко. Но Марксу необычайно посчастливилось не только в этой дружбе, а и в том обстоятельстве, что одним из его учеников и продолжателей его дела оказался человек такого масштаба, каким был Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Можно без преувеличения утверждать, что без Маркса нельзя понять Ленина и, обратно, не будучи знакомым с исторической работой Ленина, нельзя отдать себе ясного отчета в революционизирующем значении учения Маркса.

Поэтому, говоря об отношении Владимира Ильича к технике, невольно хочешь вспомнить отношение к той же технике К. Маркса. В словах К. Маркса, помещенных нами в подзаголовке, видно, какое громадное значение придавал он орудиям труда, являющимся естественными выразителями соответствующего уровня техники. Дарвин, по мнению Маркса, раскрыл то, что можно назвать законами естественной технологии. Но для человека наибольший интерес представляет сам человек, и поэтому еще более важно изучить и отыскать законы, характеризующие развитие производительных сил общественного человека. «Технология, — пишет Маркс, — выявляет активное отношение человека к природе, тот непосредственный процесс производства, которым он поддерживает свое существование, а вместе с тем и способ формирования общественных отношений и вытекающих из них умственных представлений».

Мысли основной работы К. Маркса, его великого творения «Капитал», посвященные анализу машинной техники, красноречиво свидетельствуют о глубоком понимании К. Марксом того, что составляет суть этой техники. Немудрено поэтому, что К. Маркс, наряду с непрерывными занятиями высшей математикой, всю жизнь неослабно следил за техническими изобрете-

[1] Брошюра, написанная автором в 1925 г., издана в том же году (изд. «Работник просвещения»). В 1933 г. перепечатана в сборнике Г. М. Кржижановский «Воспоминания о Ленине» (Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Партиздат, М., 1933, стр. 126).

ниями и усовершенствованиями. На могиле К. Маркса его ближайший друг Ф. Энгельс говорил:

«Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Ему доставляло чистейшую радость всякое новое открытие в какой-нибудь теоретической области, практического приложения которого, может быть, даже нельзя было еще усмотреть. Но совсем иного рода радость он испытывал, когда дело шло об открытии, революционизировавшем промышленность и вообще историческое развитие. Так, он внимательно следил за развитием открытий в области электричества, в последнее время еще за работами Марка Депре». Эти слова Ф. Энгельса могут быть целиком приложены к Владимиру Ильичу.

При всем громадном типовом различии таких натур, какими являлись К. Маркс и Владимир Ильич Ульянов-Ленин, мы можем найти в них обоих, помимо их равновеликости для судеб мирового движения пролетариата, немало сближающих их родственных черт. Как тот, так и другой, раз только по тем или иным причинам непосредственная революционная работа ослабевала в темпе, налегали на свои теоретические работы, чтобы в непосредственном контакте с другими тружениками в разнообразных и широчайших областях человеческого знания продолжать свой труд на укрепление и защиту того же пролетарского дела. И тот и другой с полным правом могли сказать, что там, за стенами своих рабочих кабинетов, они все же продолжают «работать для мира».

Как Парижская национальная библиотека, так и Британский музей должны будут отнести к разряду своих наиболее успешных и энергичных посетителей и К. Маркса и В. И. Ульянова-Ленина. Даже внешние формы отношений того и другого к книгам носят аналогичный характер: после их прочтения книга покрывалась мелкими характерными заметками на полях и в тексте, восклицательными и вопросительными знаками, подчеркиваниями и характерными междометиями. И как тот, так и другой одинаково высоко ценили движущую роль техники.

Мое знакомство с Владимиром Ильичом имеет тридцатилетнюю давность, и поэтому понятно, что в разное время мне приходилось встречаться с ним на разной почве. Но, вероятно, я не ошибусь, если скажу, что за последнее пятилетие, когда время Владимира Ильича по той колоссальной нагрузке, которую ему приходилось нести на своих плечах, должно было быть экономизировано более, чем когда-либо, наши сношения с ним имели определенно технический уклон. Говоря другими словами, он прежде всего видел во мне техника и притом такого техника, с которым ему интересно было поконсультировать на занимавшие его темы. Я не говорю уже о тех записочках и обращениях ко мне, которые были конкретно связаны с тем или иным изобретением или с судьбой того или иного изобретателя.

В настоящее время многочисленными свидетельствами установлено, как необычайно велик был круг тех лиц, о персональной судьбе которых истинно по-товарищески заботился Владимир Ильич. Но в разряде этих лиц немалую часть составляют такие лица, которые и лично и по партийной линии ничего общего с Владимиром Ильичом не имели, но интересовали его исключительно как проводники той или иной полезной технической идеи. В особенности, если эта идея при своем удачном осуществлении могла оказать толкающее вперед революционизирующее значение. В таких случаях стремительность Владимира Ильича приходилось иногда и умерять: будучи по сути дела всегда чрезвычайно осторожно настроенным и во многих и многих случаях скептически-недоверчивым, на этот раз Владимир Ильич готов бывал решать вопрос чисто опытным порядком.

Конечно, эту склонность Владимира Ильича знали многие и старались

ее использовать в личных интересах. Не буду оглашать здесь встающих при этом в моей памяти имен и фамилий, скажу только, что весьма трудно было, например, довести до решительной забраковки ту элементарную электрификацию железных дорог, которая проектировалась к осуществлению при помощи аккумуляторных электровозов. Не мало пришлось повозиться с неожиданными открывателями тех икс-лучей, кои должны были взрывать на расстоянии и тем самым раз навсегда покончить с современными способами ведения войны.

Один шустрый техник, имевший, к несчастью, привилегию пострадать во время нашествия Деникина, оказался особенно ловким втирателем очков, так что пришлось подвергнуть его работы строгой изоляции и лишь таким способом наглядно выявить пустопорожность его затеи. Прошу не думать, что под строгой изоляцией я подразумеваю здесь нечто в роде одиночной камеры. Фактически по приказу тов. Ленина данный изобретатель был устроен на самых льготных материальных условиях в одном из хозяйственных отделов электрических станций и не замедлил перетащить за собой, вероятно, для вящшего успеха своих опытов, многочисленную семейную колонию с юга...

Не успели мы еще разобраться в магических лучах этого изобретателя, как 26 ноября 1921 г. Владимир Ильич уже пишет новую записочку:

«Глеб Максимилианович! Что это сегодня в «Правде» об открытии Чейко? [1] Очередная утка? А если серьезно, то зачем печатать о взрывах на расстоянии. Черкните два слова; может быть, надо запросить Харьков, или вызвать Чейко, или поговорить какому-нибудь спецу по телефону с Харьковом?

Ваш Ленин». [2]

А через несколько часов прилетела уже вторая записка: «Глеб Максимилианович! Я говорил с Чубарем [3]. Оказывается, он знает про это открытие и говорит, что иные спецы и профессора обсуждали и нашли серьезным. Могу-де прислать и материалы и самого изобретателя.

Надо решить, выписать ли материалы или самого изобретателя сюда; не послать ли в Нижний к Бонч-Бруевичу? [4] Подумайте и черкните либо мне, либо Н. П. Горбунову [5], коему я поручу следить за исполнением и проверкой. Ваш Ленин» [6].

Каюсь, что оскомина моя на этих «лучах на расстоянии» была так велика, что я не проследил судьбы этого последнего изобретателя. Это не мешает мне, однако, вполне ручаться за дальнейшую и, конечно, самую благоприятную для судеб изобретателя активность по отношению к нему Владимира Ильича. Неоднократно случалось, при том или ином моем участии или вмешательстве в намерения Владимира Ильича в его пособничестве изобретателям, что мне приходилось играть роль скептического начала, тогда как почти во всех остальных областях наши взаимные роли принимали как раз

[1] Речь идет о заметке, появившейся в «Правде» от 26 ноября 1921 г. под заглавием «Замечательное открытие». По словам автора заметки харьковский инженер-электрик Чейко открыл новые «лучи на расстоянии», тепловой эффект которых «позволяет взрывать на расстоянии без проводов артиллерийские склады и т. п.». Подозрение, высказанное Лениным, впоследствии оказалось правильным: по проверке изобретение себя не оправдало.

[2] Записки института Ленина, кн. III, стр. 20.

[3] В. Я. Чубарь, зам. председателя СНК СССР, в то время был членом президиума ВСНХ.

[4] Проф. М. А. Бонч-Бруевич, выдающийся радиоспециалист, в то время руководил радиолабораторией в Нижнем-Новгороде (Горьком).

[5] Н. П. Горбунов, академик, непременный секретарь Академии наук СССР. В то время он был управляющим делами СНК РСФСР.

[6] Записки института Ленина, кн. III, стр. 20—21.

обратный характер. Я решался на это, конечно, лишь потому, что в области техники я чувствовал себя достаточно вооруженным, чтобы предохранить этого сильного человека от ошибочных шагов.

В немногие минуты отдыха, которыми располагал Владимир Ильич для простой дружеской беседы со мной, я знал, что не было лучшего средства отвлечь Владимира Ильича от тяжелых забот, как беседа о новостях науки и, в особенности, об очередных завоеваниях техники. А в разряде этих завоеваний его, конечно, прежде всего интересовали те, которые могли найти непосредственное приложение у нас в России. Ведь в существе Владимира Ильича в необычайном единстве сливался глубокий мыслитель с активнейшим революционером. А это последнее начало непрерывно толкало его к действию до конца и к сокрушению всяческих препятствий, раз таковые стояли на путях какой-либо правильной идеи. Самый же процесс борьбы был как раз той стихией, в которой он себя особенно хорошо чувствовал. Он мог легко перевести какой-нибудь момент, казалось бы, отвлеченного разговора в гущу самой стремительной практики. Тем более, что по нашим объективным условиям мы нуждаемся именно в такой стремительной практике. Стоит только представить себе, как велики могут быть наши хозяйственные сдвиги при дальнейшем закреплении завоеваний Октябрьской революции, какие колоссальные недоделки оставило нам наше прошлое, какая уйма работы еще предстоит нам, чтобы выровнять наш экономический фронт с фронтом политическим, чтобы понять всю резонность увлечения Владимира Ильича практической техникой и теми великими возможностями, которые связаны с широчайшим применением новой послевоенной техники к новой освобожденной России.

Октябрь поставил работников Советской России на хозяйственном фронте в положение подлинных пионеров. Громадная страна еще только, только что разбужена революцией от векового сна. Мы знаем в буквальном смысле еще только азбуку в области познания наших природных ресурсов. Это легко показать, проследив, как почти из года в год мы меняем в учетных статьях цифру за цифрой. В лице Владимира Ильича мы имели человека, превосходно отдававшего себе во всем этом самый полный отчет и, как никто, обладавшего таким авторитетом для решительного перехода от правильной теории к нужной практике, который как нельзя лучше мог сократить муки родов новой Советской России. Лишь теперь, с уходом его, мы отдаем себе ясный отчет, каким действенным творческим началом была воля этого крупнейшего хозяйственника-строителя. А когда теперь с сугубым вниманием просматриваешь переписку с ним и перебираешь странички своих воспоминаний, то еще и еще раз становится ясно, с каким громадным опережением, истинным опережением гения, работал этот человек, каким необыкновенным чутьем истины и надлежащей пропорциональности частей искомого целого он обладал и как часто в том, что казалось его ошибкой, повинен был не он, а исключительно мы, его сотрудники.

Быстрота, с которой разбирался Владимир Ильич в весьма сложных технических вопросах, давала мне право подшучивать над ним, утверждая, что все мы много теряем от того, что судьбе угодно было посвятить его студенческие годы изучению юриспруденции, а не техники. Но не только этот быстрый охват технической сущности, а прежде всего и более всего активность натуры Владимира Ильича, его непрестанная готовность к борьбе и к сокрушению такого рода препятствий, перед которыми дрогнули бы не одни только малодушные, — вот что делало таким неоценимым его сотрудничество для нас, техников, связывающих так много надежд с технической реорганизацией страны. Если же верно то, что истинный техник — это прежде всего непрестанный борец, то несомненно, что во Владимире Ильиче таились громадные возможности и для технического творчества.

В недавние исторические дни похорон Владимира Ильича мы все видели, как около его могилы в скорбных чувствах объединялись не только одни гигантские колонны представителей рабочих окраин, но и разные слои городского населения и окрестных деревень. Нет никакого сомнения, что уход Владимира Ильича будет с особенной горечью и долгие, долгие годы оплакиваться и среди работников техники и науки нашей советской страны. В самом деле, ведь так легко можно показать, как в этой области все так тесно, прямо или косвенно, связано либо непосредственно с Владимиром Ильичом, либо с тем или иным результатом его исторической деятельности...

Тяжкий голодный год, зловещий 1921 г., думается мне, был той последней каплей в чаше испытаний, выпавших на долю Владимира Ильича, которая переполнила ее так, что в конец подорвала его силы. Состояние здоровья Владимира Ильича весной 1922 г., мучительнейшая бессонница, которая уже и тогда отравляла его существование, были таковы, что приходилось серьезно думать о необходимости длительного отпуска и самого серьезного климатического лечения. Программа была намечена правильная, но, к нашему великому горю, мы не успели ее выполнить. Болезнь пошла вперед форсированным темпом и опередила нас. Однако накануне предполагавшегося отъезда, 6 апреля 1922 г., Владимир Ильич мне пишет:

«Г. М.! Вчера Мартенс[1] мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличность невиданных богатств железа в Курской губ.[2].

Если так, не надо ли в е с н о й у ж е 1) провести там необходимые узкоколейки, 2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?

Если сие соображение не кажется Вам излишним, напишите о нем Мартенсу (и мне 2 слова).

Мартенс хочет ехать туда недели через три. Я писал Рыкову и Цюрупе, что надо бы ему дать еще инженера из Госплана.

Дело это надо вести с у г у б о энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет. Когда я уеду[3], не забудьте, что у Рыкова и Цюрупы есть мое письмо об этом.

Ваш Ленин»[4].

Вот передо мной другой характерный документ: известный изобретатель гидроторфа Р. Э. Классон[5], который был знаком с Владимиром Ильичом еще в 90-х годах, пишет во Внешторг с копией в Главторф на целых 7 листах обширное письмо, в котором он жалуется на целый ряд тормозов, стоящих на пути осуществления его планов. Он описывает свою заграничную поездку и те новинки в технике торфодобычи, которые он наблюдал в Германии. В частности, он сообщает о прессах системы «Мадрук», которыми можно получать механическое отжатие торфяного сырца до 60% влажности. Это письмо попало ко мне от Владимира Ильича, и нужно видеть, как он испещрил все его 7 страниц самыми разнообразными подчеркиваниями одной и двойной чертой, заметками на полях, восклицательными и вопросительными знаками. Вероятно, и сам Р. Э. Классон не мог ожидать, что ка-

[1] Л. К. Мартенс, профессор, в то время был членом президиума ВОНХ и председателем Главметалла.

[2] Речь идет о достижениях в области изучения курской магнитной аномалии. В 1921 г. было приступлено к глубокому бурению. По предварительным данным запасы чистого железа в области курской аномалии исчислялись в 20 млрд. пудов.

[3] В. И. Ленин имеет в виду свой отъезд в длительный отпуск для лечения, предполагавшийся на 7 апреля.

[4] Сочинения, т. XXIX, стр. 468.

[5] Р. Э. Классон (1868—1926), инженер-электрик, известен своими работами по передаче энергии высокого напряжения на большие расстояния. Строитель ряда электростанций (Бакинская, Московская). По его плану построена Шатурская станция.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
Советская Республика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
Народных Комиссаров.

Москва, Кремль.

6 IV 1922 г.
№ 8341

т. М.

Прочел Мануйльского, что он сказал, что докладчик (Ю) говорил в Киеве, что Троцкий написал письмо в Курск?

Если так, не надо ли вести [redacted] Киеве и привести [redacted] для подготовки?

2) подготовить Рыкова, Томского, Зиновьева, Бухарина к разговору для подготовки дня открытия Курска?

Если — сие сообщение

не кафедр. Сам из-
вините, напишите о
нем Марксу (ещё 2
слова).

Маркс хочет ехать куда
надо через 3. Я писал Ко-
кову и Фрейдену, что надо
бы ему дать ссуд. инфор-
ра из Гомбана.

Дело у нас надо вести суд-
бо энергично. Я ск. боюсь,
что без тройной проверки
дело умер. Когда я уеду, не забу-
ть. у рок. и Фор. сиф мое письмо
от 9 ген.

Ваш Ленин

ждое слово его письма будет разобрано с таким величайшим вниманием. Пометки показывают, что в противовес Р. Э. Классону Владимир Ильич считал цены платежей, предъявленных нам немецкими фирмами, весьма и весьма солидными, но, тем не менее, он настоял, несмотря на все мои оговорки, на испытании этого способа прессовки торфа у нас под Москвой. Я помню, что он основательно допросил меня, почему 60% влажность может считаться таким крупным шагом вперед и почему Р. Э. Классон может предполагать, что дальнейшая досушка торфа уже сравнительно легка. А ведь это письмо Классона отправлено было из Берлина 23 марта 1921 г., т. е. как раз в самый разгар срыва нашей весенней топливной кампании в этом злосчастном году, в те дни, когда, по показаниям свидетелей, небывалый весенний зной все чаще и чаще заставлял Владимира Ильича с тревогой посматривать на роковое безоблачное небо...

В нынешнем году наше Главэлектро выпустило «Спутник-календарь электрификатора», где на первых страницах помещен портрет Владимира Ильича с подписью: «Великий инициатор и вдохновитель государственной электрификации России — Владимир Ильич Ленин». В этих словах нет никакого преувеличения. Включение доклада об электрификации РСФСР в повестку дня VIII Съезда советов — всецело дело рук Владимира Ильича. В одной из бесед со мной он определенно подчеркнул, что не так-то легко было это провести. Многим из вас, вероятно, памятно, какой в свое время сенсацией были слова Владимира Ильича на этом VIII Съезде, что работы Государственной комиссии по электрификации (Гоэлро) должны явиться своего рода новой партийной программой. Припомните, каким громом аплодисментов, и, быть может, не для всех ожиданных аплодисментов, ответил Съезд на заявление Владимира Ильича о том, что на последующих съездах доклады инженеров и агрономов, участников строительства Советской России, станут обычным явлением. В феврале 1921 г. в 39-м номере «Правды» он вновь выступает с горячей защитой плана электрификации. Этот замечательный фельетон Владимира Ильича в настоящее время многими уже позабыт, и поэтому я позволю себе сделать из него несколько показательных выдержек.

«Единственная серьёзная работа по вопросу об едином хозяйственном плане есть «План электрификации РСФСР», доклад VIII Съезду советов... В этой книге изложен единый хозяйственный план, который разработан — разумеется, лишь в порядке первого приближения — лучшими учеными силами нашей республики по поручению высших ее органов. И борьбу с невежественным самомнением сановников, с интеллигентским самомнением коммунистических литераторов приходится начать с самого скромного дела, с простого рассказа об истории этой книги, ее содержании, ее значении» [1].

Дав краткий очерк содержания доклада об электрификации и напомнив резолюцию Съезда, Владимир Ильич далее пишет: «Чтобы оценить всю громадность и всю ценность труда, совершенного «Гоэлро», бросим взгляд на Германию. Там аналогичную работу проделал один ученый Баллод. Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки. Мы дали государственное задание, мобилизовали сотни специалистов, получили в 10 месяцев (конечно, не в два, как наметили сначала) единый хозяйственный план, построенный научно. Мы имеем законное право гордиться этой работой; надо только п о н я т ь, к а к следует ею пользоваться, и именно с непониманием э т о г о приходится теперь вести борьбу» [2].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 166.
[2] Там же, стр. 171.

Констатируя затем разброд мнений по поводу «плана электрификации», Владимир Ильич далее пишет:

«Непонимание дела получается чудовищное, слышатся речи: сначала восстановим хоть частью старое, прежде чем строить новое; электрификация похожа на электрофикцию; почему не газофикция; в «Гоэлро» буржуазные спецы, мало коммунистов; «Гоэлро» должен дать кадры экспертов, а не общеплановой комиссии и т. п.

Вот этот-то разброд мнений и опасен, ибо показывает неуменье работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом. Насмешечки над фантастичностью плана, вопросы насчет газофикции и пр. обнаруживают самомнение невежества. Поправлять скондачка работу сотен лучших специалистов, отделываться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом «не утвердить», — разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое» чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику... Инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки... По-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спена» [1].

Приветствуя 8 октября 1921 г. VIII Всероссийский электротехнический съезд, Владимир Ильич пишет вдохновенные слова:

«Рабоче-крестьянская советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты 4-летней империалистской и 3-летней гражданской войной, для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее и превратить в свою колонию, как ни мучительно медленно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед. При помощи вашего Съезда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту задачу осилим, мы электрификацию страны создадим.

Приветствую VIII Всероссийский съезд электротехников и желаю ему всяческого успеха в его работах» [2].

Теперь, с уходом Владимира Ильича, не скоро собрать нам такой воодушевленный съезд и услышать такие подбадривающие слова. Не подлежит, конечно, сомнению, что самая мысль об электрификации уже давно созревала в нашей технической среде. Об этом свидетельствуют и рост фактического электроснабжения и многочисленные доклады на наших электротехнических всероссийских съездах. Уже в 1912 г. был выработан проект сооружения под Москвой крупной районной электрической станции на громадных торфяниках Богородского уезда. В 1915 г. мне лично пришлось выступать на съезде деятелей по торфодобыче и по разработке залежей подмосковного угля со специальным докладом о значении для России сооружения районных станций на торфу. В том же 1915 г. вышла чрезвычайно показательная брошюра инженера Э. Бухгейма «К экономическому освобождению России», в которой это освобождение намечалось путем «электрификации ее территории». Здесь между прочим мы читаем: «Электрификация России все равно

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 171—174.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 21.

рано или поздно станет неотложной и настоятельной потребностью, необходимой для подъема общего благосостояния и производительности всей страны»...

Можно бы привести еще много примеров, могущих показать и доказать, что еще в довоенное время идеи разнообразных сдвигов нашей экономики, связанных с осуществлением в России электрификации, давно уже носились в воздухе. И, однако, не подлежит сомнению, что величайшее ускорение в деле фактической реализации электрификации, во много и много раз превосходящее по своей действенной силе и резолюции наших электротехнических съездов и доклады наших отдельных работников, было дано как раз мощной направляющей рукой Владимира Ильича.

И пусть не утверждают праздномыслящие критики, что, выступая решительно за электрификацию, Владимир Ильич не в достаточной степени учитывал отсталость нашей экономики и нашу нищенскую бедность в накопленных капиталах. Все это он видел и вполне реалистически представлял себе уже по одному тому, что его перу принадлежит целый ряд работ, в которых он документирует свое глубокое знакомство с данными нашей русской статистики по самым ее первоисточникам. Но он знал также, что плуг социальной революции впервые пашет именно наши равнины и что при наличности этой работы роль техники трудно переоценить. Говоря о значении перехода к новой экономической политике, Владимир Ильич пишет следующие характерные строки:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка»[1].

В одном из своих докладов на вечере воспоминаний, посвященном памяти В. И. Ульянова-Ленина, т. Мартынов говорил, что, пожалуй, самой яркой чертой в характере т. Ленина была свойственная ему революционная дерзость. Это та дерзость, которая по рецепту другого бессмертного революционера, Дантона, как раз и является единоспасительным средством всех революций. Но при всей этой дерзости Владимир Ильич, как никто, прочно, обеими ногами стоял на почве самой реальной действительности и даже

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 338.

более того — как бы вырастал из самих глубин ее, ибо, как никто другой из современников, он обладал особым даром проникновения в сокровеннейшие мысли и чувства миллионов народных масс. Как будто бы он был с ними в каком-то особом непосредственном родстве. Это, между прочим, сказывалось в особой простоте и вместе с тем народной сочности самой речи Владимира Ильича, в характере его выражений при всей филигранной проработанности и углубленности его европейской научной мысли.

Мы, техники, знаем превосходно, как важны в нашей работе творческая дерзость и целостная убежденность. Мне думается, что наличность этого рода линий в свою очередь немало содействовала симпатиям Владимира Ильича к работе техников и к самим техникам. Некоторым из нас, вероятно, памятен между прочим один из вечеров, проведенный нами по приглашению Владимира Ильича в Кремле при демонстрации киноленты, изображающей работу на торфу и сопоставляющей старые способы торфодобычи с методами работы Гидроторфа. И навсегда останутся памятны беседы в этот вечер с Владимиром Ильичом, его расспросы о наших успехах на путь разрешения торфяной проблемы, его подбадривающие слова...

Торфяной проблеме вообще пришлось сыграть некоторую роль в ознакомлении Владимира Ильича с вопросами электрификации. 26/XII 1919 г. в одной из бесед с ним я дал ему подробную характеристику возможного значения торфа в нашем топливном балансе и роли торфодобычи в электроснабжении. Придя домой, через несколько часов я получил от него такую записку:

«Глеб Максимилианович! Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статью об этом в «Экономическую жизнь» (и затем брошюркой или в журнал)?

Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот де запасы торфа — миллиарды.

Его тепловая ценность.

Его местонахождение — под Москвой; Московская область.

Под Питером — поточнее.

Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.).

Применение труда местных рабочих и крестьян (хотя бы по 4 часа в сутки для начала).

Вот де база для электрификации во столько-то раз при теперешних электрических станциях.

Вот быстрейшая и вернейшая де база восстановления промышленности; — организация труда по-социалистическому (земледелие + промышленность); — выхода из топливного кризиса (освободим столько-то миллионов кубов леса на транспорт).

Дайте итоги Вашего доклада; — приложите карту торфа; — краткие расчеты суммарные. Возможность построить торфяные машины быстро и т. д., и т. д. Краткая суть экономической программы.

Необходимо тотчас двинуть вопрос в печать.

Ваш Ленин.

P. S. В случае надобности запрягите Винтера [1], но давайте статью скорее» [2].

Статья, удовлетворявшая желанию Владимира Ильича, была мной написана и напечатана в виде фельетона в «Правде».

В конце января 1920 г. я послал ему статью о задачах электрификации промышленности [3] и 23 января получил от него такое письмо:

[1] А. В. Винтер, академик, главный инженер Днепростроя.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIX, изд. 3-е, стр. 430.
[3] Эта статья была напечатана в «Правде» 30 января 1920 г. (№ 20).

«Глеб Максимилианович! Статью получил и прочел.

Великолепно.

Нужен ряд таких. Тогда пустим брошюркой. У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом».

Надо 1) примечания пока убрать или сократить. Их слишком много для газеты (с редактором буду говорить завтра).

2) Нельзя ли добавить план не технический (это, конечно, дело многих и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (примерно перебрать Россию всю, с грубым приближением). Начнем де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию «электрической».

Я думаю, подобный «план» — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то (тысяч или миллионов лош. сил или к-т *?? чорт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще примерную карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет.

Поговорим по телефону. Ваш Ленин.

P. S. Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то, может быть будет возможна через 5—10 лет? Может быть, на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о «государственном плане» сети электрических станций, с картой, или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим» [1].

После этого в течение нескольких недель мной была составлена брошюра «Основные задачи электрификации России», и т. Бонч-Бруевичу пришлось весьма поторапливаться с ее выпуском в свет под нажимом Владимира Ильича. Само собой разумеется, что при такой быстроте составления брошюрка эта могла сослужить лишь временную работу агитационной листовки, и когда Владимир Ильич предложил мне поместить свое предисловие, я не хотел связывать его имени с этой спешной брошюркой и был решительно против этого.

С конца февраля 1920 г. начала работать сорганизованная мной Государственная комиссия по электрификации (Гоэлро), которая самой возможностью своего бытия, конечно, целиком обязана Владимиру Ильичу. Чем далее продвигалась работа этой Комиссии, тем все больший интерес к делам ее проявлял Владимир Ильич. Он лично познакомился с некоторыми членами Комиссии и при моем посредстве имел точное представление о всех главнейших участниках нашей работы. Он очень опасался, чтобы мы в своей работе не замкнулись в узкий круг интересов и лиц, настаивал на таком ведении дела, при котором надлежащим образом пропагандировалась бы самая идея электрификации. Первый набросок заявления о работах Гоэлро не

* Киловатт. Ред. сочинений Ленина.

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIX, изд. 3-е, стр. 432—33.

встретил в нем одобрения, и 14 марта 1920 г. он пишет мне чрезвычайно характерное письмо:

«Глеб Максимилианович!

Просмотрев заявление Гоэлро, подумав над вчерашней беседой, я прихожу к выводу, что оно с у х о.

Мало этого.

Нельзя ли Вам написать или Кругу (или еще кому) заказать статейку такого рода, чтобы

доказать

или хотя бы иллюстрировать

а) громадную выгодность,

б) н е о б х о д и м о с т ь электрификации.

Примерно:

I. Транспорт. Восстановить по-старому — надо α миллионов (по довоенным ценам), или α топлива $+ \beta$ рабочих дней.

А для восстановления на базе электрификации

$\alpha - x$ милл. руб.

$\alpha - y$ топлива $+ (\beta - z)$ рабочих дней.

Или т о ж е $\frac{\alpha}{\alpha + \beta}$, но с эффектом во столько-то раз больше прежнего.

II. Паровые силы. Если восстановить промышленность по-старому, нужно затратить б о л ь ш е, чем для восстановления на базе электрификации.

III. Земледелие. Восстановить, скажем, + 5 милл. плугов и конных упряжек. Стоимость этого по-старому и при электрификации.

Это — п р и м е р н о. Я думаю, толковый спец в два дня сделает такую работу (если захочет исполнить добросовестно), взяв либо цифры довоенной статистики (немного, совсем немного итоговых цифр), либо расчет г р у б о п р и б л и з и т е л ь н ы й («в порядке первого приближения», к п е р в о м у п р и б л и ж е н и ю).

Закажите это.

Может быть, вы себе закажете м а т е р и а л, а напишете сами или д а д и т е и н т е р в ь ю, я пошлю интервьюера. Тогда мы получим к а н в у для пропаганды. А это важно.

Прочитав, позвоните по телефону.

Ваш Ленин»[1].

Пусть товарищи припомнят обстановку, в которой мы жили в начале 1920 г., когда у нас еще был военный фронт и когда послевоенная разруха давала себя знать на каждом шагу колоссальными затруднениями при отправлении самых неотложных государственных надобностей. И все это гигантской тяжестью обрушивалось на плечи прежде всего т. Ленина, на эти плечи, которые с таким величайшим самопожертвованием готовы были принять на себя любую тяготу, раз дело шло о защите интересов пролетариата.

И тем не менее, предыдущее письмо показывает, с какой активностью готов был работать т. Ленин и в области той технической реконструкции нашего хозяйства, которая связана с электрификацией, и с какой детальностью он обдумывал проспекты наших технических и экономических работ. Неоднократно в зимние вечера этого года он приглашал меня к себе для обсуждения того или другого вопроса по ходу наших работ и самым внимательным образом выслушивал те сообщения, которые я делал ему по поводу аналогичных работ на Западе. Припомните, как известный английский писатель Уэльс вспоминает свою беседу с Владимиром Ильичом об электрифи-

[1] В. И. Л е н и н, Сочинения, т. XXIX, изд. 3-е, стр. 434—435.

кации России. Этот писатель был убежден, что электрификация приличествует примерно такой стране, как Англия, но по отношению к пустыням России она является прямой фантастикой. Тем не менее, он признает, что убежденность Владимира Ильича поколебала его, и он подумал даже о возможности электрификации России, если за это дело примется т. Ленин. Да, во Владимире Ильиче помимо глубокого учета сил науки и техники жила еще глубочайшая, непоколебимая уверенность в могучих силах трудящегося населения России, взбодренных вихрем революции. Сколько раз после таких бесед с Владимиром Ильичом уходил и я сам с новым подъемом сил, с еще более крепкой убежденностью в победоносном исходе нашей борьбы! А когда в конце 1920 г. в предисловии к докладу Гоэлро VIII Съезду советов я писал о крепких руках истинных строителей жизни, перед моим умственным взором проносились не только многомиллионные шеренги рабочих и крестьян, но и дерзостный и стремительный облик их вождя, проникнутого такой исключительной уверенностью в их творческих силах.

Как-то раз в беседе с Владимиром Ильичом я привел ему цифры того колоссального производства лампочек накаливания, до которого дошли Соединенные штаты. При сопоставлении с 100-миллионной цифрой населения Штатов выходило, что электрическое освещение становится поистине демократическим, доходя до самых «низовых» групп населения. Помню, что мы с Владимиром Ильичом пришли к тому выводу, что за первым десятком отчаянно трудных н а ч и н а т е л ь н ы х лет мы сможем, при условиях советского строя, взять еще гораздо более решительный темп популяризации завоеваний науки и техники, чем американский. Вся сущность успеха наших начинаний при этом целиком будет обязана единому решающему моменту: нигде в мире нет такой прямой, безоговорочной, нелицемерной связи с широчайшими народными массами при проведении в жизнь любой идеи, связанной с интересами этих масс. А раз это так, то и в экономическом творчестве с неизбежностью должен сказаться тот общий закон, который отмечен К. Марксом и который гласит, что продуктивность того или иного исторического акта прямо пропорциональна наличности охваченных им народных масс.

Нет никаких сомнений, что порой наши декретные устремления опережают фактическое строительство, но разве мы не сознательно идем на такое опережение, усматривая в декрете не только сухую формулу закона, но и живое слово пропаганды?

Прошло несколько недель после этого разговора, и я получил от Владимира Ильича нижеследующее характерное для него письмо:

«Глеб Максимилианович! Мне пришла в голову такая мысль.

Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словами, но и примером.

Что это значит? Самое важное — популяризировать его. Для этого надо теперь же выработать п л а н освещения электричеством к а ж д о г о д о м а в РСФСР.

Это надолго, ибо на 20 000 000 (— 40 000 000?) лампочек, ни проводов и проч. у нас д о л г о не хватит.

Но план все же нужен т о т ч а с, хотя бы и на ряд лет.

Это, во-первых.

А во-вторых, надо с о к р а щ е н н ы й план выработать тотчас и затем, это в-третьих, — и это самое главное — надо успеть вызвать и с о р е в н о в а н и е и с а м о д е я т е л ь н о с т ь м а с с для того, чтобы они т о т ч а с принялись за дело.

Нельзя ли для этого тотчас разработать такой план (примерно):

1) Все волости (10—15 тыс.) снабжаются электрическим освещением в 1 год.

2) Все поселки (½—1 миллион, вероятно, не более ¾ миллиона) в 2 года.

3) В первую очередь — изба-читальня и совдеп (2 лампочки).

4) Столбы тотчас готовьте так-то.

5) Изоляторы тотчас готовьте сами (керамические заводы, кажись, местные и маленькие?), готовьте так-то.

6) Медь на провода? Собирайте сами по уезду и волостям (тонкий намек на колокола и проч.).

7) Обучение электричеству ставьте так-то.

Нельзя ли подобную вещь обдумать, разработать и декретировать?

Ваш Ленин»[1].

Инженеру, конечно, легко внести в цифры и сроки этого письма необходимые поправки, но эти поправки не изменят того факта, что эта записочка уже одна, сама по себе, дает нам право называть те лампочки, которые с течением времени разольют электрический свет по нашей крестьянской России, действительно, лампочками Ильича.

Для того чтобы закончить в 9-месячный срок доклад по электрификации, нашей Комиссии пришлось работать с лихорадочной поспешностью. Целые главы этой книги приходилось отправлять почти в буквальном смысле без пересмотра, прямо из-под пишущей машинки в типографию. А за плечами стоял необычайно внимательный и критически изощренный первый читатель этого труда: Владимир Ильич потребовал, чтобы один экземпляр корректуры шел по его адресу. Вспоминаю, как я бывал озабочен в эти дни и как волновался, поджидая заветного телефонного вызова. Особенно меня беспокоила глава по аграрному вопросу, величайшим знатоком которого был именно Владимир Ильич и которая как раз представляла такую трудность для обработки со специальной «энергетической» точки зрения. Но и до сих пор в моей душе радость, когда я вспоминаю его отношение к этому нашему дружному коллективному труду.

Немало пробелов и недооценок в этой работе. Теперь, вооруженные гораздо более зрелым строительным опытом, о тех же вопросах мы будем говорить уже не в «первом приближении», а с гораздо большей точностью и уверенностью. Но во всяком случае книга эта была честно написана и сделала большое дело. А когда теперь, для второго издания, нам предстоит переделывать ее строки, как-то больно это делать, как будто бы приходится резать что-то живое, прочно живущее в душе.

За судьбу этой книги мы не страшимся: ведь ее критиком и первым читателем был человек, в зоркости и проницательности глаза которого не сомневались даже и его враги. Настанет, однако, час, когда и эта книга, подобно всем своим собратьям, станет свидетелем только прошлого. Но и в таком случае она, думается мне, будет превосходным документом фактического отношения мощного друга пролетариата, В. И. Ульянова-Ленина, к потенциям техники. Она свидетельствует, что один и тот же гениальный ум и та же крепкая рука направляли и руль социальной революции и гигантский трактор новой техники в своем нераздельном единстве, призванные создать новую, светлую, радостную и братскую жизнь.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXIX, изд. 3-е, стр. 465.

К ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА [1]

„Пролетариат должен быть революционен, или он ничто".

К. Маркс

ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА

Дискуссия, развернувшаяся на XIV Съезде нашей партии, чрезвычайно оживила надежды наших врагов. Перелистывая худосочные страницы белогвардейской прессы, легко заметить, что является центром их внимания. Несмотря на всю ту переоценку исторической роли отдельных лиц, которая столь естественна в лагере индивидуалистов, мы наблюдаем на этот раз попытки разобраться по существу и расшифровать повороты в самой сущности вещей, т. е. наметить решающие сдвиги в самой нашей хозяйственной динамике.

Особое ликование в этом вражеском лагере наблюдается по той простой причине, что XIV Съезд, якобы, обнаружил линию явного отказа от революционного ленинского наследства. Коммунисты-де колебнулись в самом основном пункте; для них, врагов Страны советов, стало «ясно», что то строительство, которым коммунисты заняты, не представляет даже и пародии на социализм. Это-де то же самое капиталистическое хозяйство, лишь насквозь проникнутое отвратительным привкусом азиатских бюрократических устремлений. Таким образом под ногами «коммунистических властителей» СССР уже даже не пресловутая историческая апельсиновая корка, на которой им суждено роковым образом поскользнуться, а целая разверстая, зияющая пропасть, в которой они и сгинут безвозвратно в самом ближайшем будущем.

Если бы это было так, то радость наших врагов была бы вполне понятной. Жертвы великой пролетарской революции, действительно, настолько велики, что нет никакой возможности расплатиться по ним простыми обязательствами капиталистического порядка.

Неужели многомиллионная масса трудящихся нашего великого Союза, которая на наших глазах была вовлечена в водоворот решающих исторических событий, могла бы в последнем счете удовольствоваться мещанским прозябанием в полуколониальной отсталой стране? А ведь вопрос о перспективах социалистического строительства неизбежно знаменует именно такого рода дилемму: или еще целый ряд трудных и труднейших лет, новых этапов напряженной борьбы с защитниками старого мира и с его пережитками, но борьбы под воодушевляющим красным знаменем, навстречу новому миру, новым отношениям человека к человеку и человека к силам природы, отношениям, в которых развертывается все большее и большее освобождение

[1] Статья, напечатанная в журнале «Плановое хозяйство» № 1 и 2, 1926.

человека от стихийного пресмыкательства перед слепыми силами окружающей его действительности, или — пребывание на «запятках» капиталистической Европы. По трудной тернистой дороге, в грозе и молниях из нависших повсюду темных туч, но навстречу пробивающимся лучам подлинной свободы, подлинного социализма, или — неизбежный хвостизм в ряду капиталистических наций, далеко обогнавших нас по накоплению основных элементов капитализма, с перспективой порабощения двойного порядка: под тяжкой пятой современного капитала, с одной стороны, и с раздробленным фронтом армий труда перед гигантскими враждебными стихиями нашей суровой природы — с другой.

Можно ли вести спор относительно того, что в разгар великой октябрьской борьбы мы наступали на царя с окружавшей его сворой помещиков и фабрикантов под знаменем новых социальных отношений, при лозунге решительного боя именно с силами капитализма?

В этом бою немалая роль выпала на долю милитаризированных частей народных масс, а следовательно, на долю численно преобладающего ядра этих масс, т. е. крестьянства. Но разве можно сомневаться, что авангардом и главным двигателем этих масс был именно пролетариат, а авангардом этого пролетариата — его политическая большевистская партия? Отказ от идей социалистического строительства означал бы не простой провал коммунистической партии, а провал всей пролетарской гегемонии, как бы ни старались враги рабочего класса отделить советский коммунизм от пролетарской толщи. Выходит, таким образом, что, решая вопрос о центре тяжести нашего строительства, т. е. отвечая себе на вопрос о нахождении этого центра тяжести в координатах государственного капитализма или в сфере нарождающегося социалистического хозяйства, мы одновременно, как это более отчетливо увидим ниже, отвечаем на вопрос о прочности гегемонии самого пролетариата в современной сложной политической и хозяйственной обстановке Союза советских социалистических республик.

Цель настоящей статьи — проанализировать основные моменты нашего хозяйственного строительства именно с этой точки зрения; сопоставление главнейших данных «за» и «против», могущих быть подытоженными в результате поучительных сдвигов в экономике в наши послереволюционные годы.

В каких бы формах ни происходила в настоящее время на наших глазах пресловутая, так называемая, стабилизация капитализма, несомненно, однако, что обстоятельства социалистической революции в нашей стране отнюдь не являются обстоятельствами узко локального характера.

В свое время К. Маркс бросил крылатое замечание, по которому человечество ставит себе только разрешимые задачи. Многомиллионный коллектив наших народных масс, вовлеченный в грандиозную борьбу за защиту великих октябрьских позиций, мог выявить себя таким, каким он был на самом деле, именно потому, что при его посредстве разрешались великие задачи строительства социализма, стоящие не только перед ним, но и перед всем миром трудящихся. Это такая самоочевидная истина, что ее не приходится доказывать. Лишь по этой причине в последнем счете мы наблюдаем в настоящее время знаменательную полосу пролетарских европейских делегаций, заботливо устремляющихся в разных направлениях по всему полю хозяйственного строительства наших республик и неизменно констатирующих, что здесь, именно здесь, на этом определенном поле строительства, решаются судьбы громадной освободительной работы для всего пролетарского мира. Среди этих делегаций не мало лиц не только нейтральных по отношению к коммунистическим идеалам, но и психологически настроенных явно враждебно — ведь идеологи социал-демократии не дремлют! Тем более знаменателен тон этих отчетов, который делает

определенную музыку. А эта музыка звучит явным похоронным маршем старому миру, ибо она говорит не о теории, не о победоносной теории хотя бы и научного социализма, а о подлинной жизненной практике, о победоносной жизненной практике советского пролетариата, той самой практике, в которой «каждый шаг достижений лучше дюжины программ».

Эти западноевропейские делегаты неизменно констатируют, что в авангарде всей громадной политической и экономической работы нашего Союза стоит именно пролетариат, именно его передовая группа. В ответ на клеветнические нападки многоликих защитников старого мира они бросают следующий основной и грозный лозунг:

— Если хотите видеть истинное лицо пролетарской диктатуры, отправляйтесь в Советскую Россию. Пусть на этом лице еще не мало следов тяжкого прошлого; пусть тело пролетариата великого Союза советских социалистических республик еще в рубцах от залечиваемых ран, но именно этот пролетариат охвачен энтузиазмом строительства своего собственного «царства», границы которого совпадают с границами вселенной.

Сосредоточивая наш анализ в особенности на конъюнктуре нашего строительства, мы, очевидно, вынуждены будем неоднократно делать экскурсы и в зарубежный мир, но прежде всего нам следует порыться в основных источниках нашей идеологии — обратиться к нашим великим западным учителям.

КАРЛ МАРКС ОБ ЭТАПАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Основным элементом нашей новой экономической политики была, как известно, допущенная в широком масштабе свобода торгового оборота. В каком смысле такая свобода торгового оборота является отступлением от коммунистического строительства? Чтобы разобраться в этом основном вопросе, достаточно обратиться к тем превосходным замечаниям, которые сделал Карл Маркс в своей исчерпывающей критике Готской социал-демократической программы. Как характеризуется Марксом в этом отношении то новое общество, которое возникнет на другой день после социалистического переворота? Он пишет: «В обществе коллективном, основанном на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. А труд, затраченный на производство продуктов, тоже отнюдь не проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство»[1]. Ясно, что с выпадением обмена продуктов и ценностной формы этого обмена отпадает товарность хозяйства, а следовательно, и такой товар, каким являются деньги. Если бы мы в нашей действительности, в результате великой Октябрьской победы, сразу имели именно такое общество, то нет никаких сомнений, что переход к свободе торгового оборота был бы явным и решительным отступлением.

Намечался ли в эпоху военного коммунизма контур безденежного хозяйства? Легко показать, что такой контур явно намечался. Однако было ли такое безденежное хозяйство в своей чистой форме нашей основной командной высотой или могло ли оно быть таковой? На первую часть вопроса приходится ответить явно отрицательно. Правда, в этот период мы смело шли в сторону прогрессирующего обесценения нашей валюты. Мы явным образом переоценивали в сторону последовательного отрицания и всю экономическую весомость того золотого запаса, которым располагало в те времена наше государство. Однако решительного отказа от маневрирования бумажной валютой и золотым чистоганом с нашей стороны не было. Подоплекой такой отрицательной «денежной» позиции, несомненно, были поло-

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 273.

жительные расчеты на чрезвычайную близость мирового социалистического переворота. Если бы чаша исторических весов качнулась именно в этом направлении и Центральная Европа очутилась бы в рядах Советского Союза, то, кто знает, быть может, мы перешли бы, и весьма прочно, к бесконъюнктурному хозяйству, к доминированию товарного рубля, бюджетного индекса, что, взятое в целом, было бы превосходным вызовом накопленным золотым резервам американских банков. Этого, как известно, однако, не произошло... Мы проделали, следовательно, отступление весьма относительного порядка.

Но Маркс проводил в своих замечаниях к Готской программе резкую грань между тем коммунистическим обществом, которое развивается «на собственной основе», и таким, которое только что выходит из капиталистического общества, когда оно оказывается «еще покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества». Ясно, что наш строй представляет категорию именно этого второго рода.

В историческом смысле «другой день» растягивается на длительный период, отдельные фазы которого во многих отношениях будут не походить одна на другую. Особая длительность и многообразие такого периода вряд ли может оспариваться.

Итак, переход к свободе товарооборота и к более или менее чисто выраженной денежной системе для нас по целому ряду причин лишь в известном смысле является тактическим отступлением. Как следует расценивать такое отступление? Является ли оно, и в какой мере является, у г р о ж а ю щ и м отступлением?

Ясно, что это отступление мы проделываем прежде всего не в области производства, а в области распределения. Каков относительный вес этих подразделений? Критика Готской программы дает ясный ответ и на этот вопрос. Маркс писал, что «всякое распределение средств потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства... Так, капиталистический способ производства покоится на том, что вещные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение средств потребления. Если же вещные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение средств потребления, отличное от современного.

В у л ь г а р н ы й с о ц и а л и з м (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение, как нечто не зависимое от способа производства, а отсюда и изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения»[1] (разрядка наша. — *Г. К.*).

Итак, что сказал бы Маркс лицам, утверждающим, что поскольку в современной Стране советов все последовательнее и последовательнее развертывается власть денег, базирующаяся на денежном товарном обороте вещественных благ, постольку же мы имеем здесь налицо явное преобладание капиталистических элементов над элементами социалистическими? Он сказал бы, что т а к о е п о н и м а н и е я в н ы м о б р а з о м с в и д е т е л ь с т в у е т о в у л ь г а р н о й т р а к т о в к е с о ц и а л и с т и ч е с к о й п р о б л е м ы.

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 276.

Мы видим, что капиталистический способ производства характеризуется Марксом прежде всего, как такой, в котором вещественные условия производства находятся в руках класса капиталистов. Изъятие этих вещественных условий производства из рук господствующего класса является поэтому первым основным моментом сдвига в сторону социализма. Этому пока соответствует то положение, которое с особой резкостью и определенностью сформулировано нами как раз в 1921 г., в период установления новой экономической политики. Размышляя о наших командных высотах, мы отнесли к ним в одну из первых очередей национализацию нашей промышленности.

Достаточно ли одной этой командной высоты, чтобы осуществлять на ее базисе дальнейшее беспрепятственное движение к социализму? Отнюдь нет. В той же самой критикуемой Марксом Готской программе провозглашалось:

«В современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов; обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах».

Маркс делает определенную поправку в этом тезисе. Он утверждает:

«В современном обществе средства труда составляют монополию землевладельцев (монополия землевладения есть даже основа монополии капитала) и капиталистов. В соответствующем пункте Устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов, а говорит о «монополии средств труда», т. е. источников жизни». Прибавление «источников жизни» достаточно показывает, что земля включена в средства производства [1].

Мы видим, что в качестве другой основной позиции для продвижения к социализму здесь Марксом намечается национализация земли, т. е. как раз та вторая командная высота нашей хозяйственно-политической диспозиции послеоктябрьского периода, которую мы с полной решительностью ставили рядом с национализацией промышленности.

Я отчетливо помню, что когда в 1921 г. мне приходилось беседовать с Владимиром Ильичом Лениным именно на эту тему о решающих командных высотах нашей экономики и когда намечалось сопоставить рядом с этими двумя командными высотами, т. е. рядом с национализацией земли и национализацией промышленности, монополию внешней торговли, он присоединился к такому мнению. Как раз к этому времени относятся переговоры Владимира Ильича с хозяйственниками по основным вопросам монополии внешней торговли. Он согласился отнести этот «распределенческий» момент к нашим командным высотам лишь на основании произведенного им тщательного, конкретного анализа всей нашей хозяйственной обстановки. Лишь тогда, когда для него выяснилось, что наша страна, со всех сторон сжимаемая вражеским кольцом, является наиболее эффективно вооруженной методом монополии внешней торговли, он перестал возражать относительно сопоставления трех вышеперечисленных командных высот. Вышеприведенные цитаты из критики Готской программы показывают, насколько был прав Владимир Ильич в оценке этой третьей высоты, доминирующей в области обращения.

В духе той дискуссии, которая велась на XIV Партийном съезде по вопросам «водораздела» между системами госкапитализма и социализма, нам могут, однако, возразить, что по существу командных высот никакого спора не было и не предвидится. Центр тяжести спора заключается лишь в решительном разграничении типа хозяйственного развития, к которому мы стремимся, от наличных форм этого развития. Никто-де не спорит или уже перестал спорить относительно того, что наша государственная промышлен-

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 271.

ность являет собой «последовательно социалистический тип», но если отсюда сделать заключение, что наша фабрично-заводская действительность является живым воплощением социализма, то такое заключение было бы не чем иным, как лишь явной иронией над мечтами и достижениями трудящихся.

Так ли это? И не является ли такого рода «тонкость» анализа прямым отходом от диалектического метода оценки действительности? В самом деле, каковы основные директивы диалектического метода познания? Не утверждаем ли мы в первую очередь, что правильный диалектический подход к изучению действительности заключается в динамическом охвате этой действительности. Другими словами, подходя к изучению того или иного явления в историческом процессе, мы прежде всего изучаем его внутреннюю динамику, те движущие силы, которые обусловливают и всецело объясняют смену форм проявления этого процесса. И опять-таки приходится удивляться тому мастерству диалектического анализа, какой дан Марксом в цитируемой нами «критике».

Выше мы видели, что коммунистическое общество, диалектически развивающееся лишь на своей собственной основе, было бы, по Марксу, чуждо денежному обмену продуктов. На самом деле, утверждает Маркс, мы будем иметь целый ряд последовательных этапов перехода к истинно коммунистическим основам человеческого общежития. «В высшей фазе коммунистического общества, — пишет Маркс, — после того как исчезнет порабощающее человека подчинение разделению труда, а вместе с ним и противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники коллективного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям» [1].

А до тех пор работникам социалистического строительства предстоит проделать большую черновую работу. Национализация промышленности и национализация земли масштабом своего воплощения в жизнь как раз предрешают в отношении обмена вещественных благ содержание и форму, находящие себе место в первой фазе социалистического строительства.

«При изменившихся обстоятельствах, — пишет К. Маркс, — никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» [2].

Контрольные цифры Госплана на 1925/26 г. показывают, что мы фактически находимся на некотором расстоянии и от этой фазы социалистического строительства. Наш обмен совершается не на основе трудовых квитанций, а на денежно-товарной основе, и процессом этого обмена охвачены не только средства потребления, но, частично, и средства производства. Что, однако, доказывает это обстоятельство? Лишь то, что, не впадая в вульгаризацию социализма, мы должны будем признать особую сложность фактической общественной трансформации. Выходит, что действительный процесс трансформации капиталистического общества в общество социалистическое носит гораздо более сложный характер, чем то представлялось даже гениальным провозвестникам научного социализма. В общем и целом «узкий буржуазно-правовой кругозор» нами еще не покинут и еще не мог быть покинут. Но побрякушки этого кругозора нами решительно должны быть отброшены в сторону.

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 275.
[2] Там же, стр. 274.

Не кто иной, как К. Маркс, — в цитируемой нами критике — беспощадно высмеивает мечты лассальянцев относительно неурезанного «дохода от труда, принадлежащего на равном праве всем членам общества». Если считать, что урезанный «доход от труда» есть основа эксплоатации, то такое положение по К. Марксу является абсолютно неправильным. Лассалевский доход от труда, по мнению К. Маркса, должен быть переименован в продукт труда. Кооперативный доход от труда является, таким образом, общественно-валовым продуктом. Из этого общественно-валового продукта в целях поддержки правильного процесса воспроизводства работникам социалистического строя неминуемо придется произвести целый ряд вычетов. Эти вычеты должны предвидеть амортизацию средств производства и добавочную часть для расширения производства и запасный или страховой фонд. Размеры этих вычетов диктуются экономической необходимостью, но, иронически замечает К. Маркс, их никоим образом нельзя вычислить «из справедливости». «Каждый работник социалистического общества получает из общественного фонда средства потребления, — говорит К. Маркс, — сообразно числу проработанных им часов». В основе здесь лежит обмен известного количества труда в одной форме на равное количество труда в другой. Но что означает здесь это равное право?

«Равное право,— пишет К. Маркс, — все еще втиснуто в буржуазные рамки. Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равным мерилом — трудом. Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерилом, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерилом. Это равное право есть неравное право для неравного труда... Поэтому оно по своему содержанию является правом неравенства, как и всякое право» [1]. К. Маркс, таким образом, ясно предвосхищал основные трудности первых строительных этапов социалистического общества. Но, решительно отрицая общие фразы в этом направлении, он определенно подчеркивал, что устранение всякого социального и политического неравенства явится в дальнейшем естественным плодом устранения классовых различий.

Однако «долог путь до Типеррари». Мы только знаем твердо и определенно, как идет этот путь и что именно надо сделать, чтобы «изобильно потекли все родники общественного богатства». Но в последнем счете окажется, что полное развертывание производительных сил неотделимо от «всестороннего развития личности». Вся роль коммунистов-революционеров сводится к тому, чтобы быть возможными ускорителями в этом неизбежно-длительном историческом процессе. Вы видите, как в этих рассуждениях К. Маркса причины и следствия меняют свои места. Сначала длительная, постепенная работа в сторону отвоевывания от стихии вещей, позиций для сознательно действующих работников. Весьма урезанная заработная плата, обеспечение общественному коллективу максимума резервов, страхующих его все более и более от кризисных срывов и от всякого рода катастроф. На этой основе подъем производительных сил и соответствующее улучшение быта. Отсюда — положительные сдвиги квалификации живых сил, создание базиса для индивидуальных усовершенствований. На этой основе новый толчок в направлении нового подъема производительных сил, большего совершенства в организации всего хозяйства в целом, а это, в свою очередь, дает новый толчок для всестороннего развития личности и т. д.

В другом месте и по другому поводу К. Маркс оттеняет иные моменты

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 274—275.

грядущей общественной трансформации. Он утверждает, что рабочему классу, революционному гегемону этой трансформации, в целых десятилетиях войн придется перевоспитывать самого себя для того, чтобы оказаться на высоте того творческого процесса, который исторически выпал на его долю. Он отмечает, что процесс пролетарского восхождения вверх будет сопровождаться рядом неизбежных ошибок и отступлений, нередко в явный ущерб внешней драматической красочности событий. Перечитывая соответствующие строки у К. Маркса и сопоставляя их с тем, что писал и говорил уже в наши дни на те же темы т. Ленин, ясно видишь, как два мировых гения ведут своеобразную перекличку через головы поколений, их разделяющих. Один бросает лозунги и руководящие идеи, пользуясь методами своего гениально углубленного анализа, а другой формулирует основные директивы для боевого развертывания революционных пролетарских армий, с поразительным душевным равновесием и глубочайшей ясностью ума выдерживая натиск самых гигантских борющихся стихий.

Наряду с этой пестротканной действительностью, в которой мысли величайших умов человечества так переплетаются с горчайшей человеческой страдой, в этом зареве грядущих, настоящих и будущих битв странное впечатление производят люди, пытающиеся оторвать выношенные в тиши кабинетов т и п ы социалистического развития от пробивающихся, вопреки всему и вся, первичных ростков социализма. В сотый раз они забывают, что каждый шаг практических достижений важнее дюжины программ, в каких бы ярких красках эти программы ни изображались.

НОВОЕ В СТАРОМ

Выше мы видели, что правильная оценка возможностей будущего неизбежно приводит к выводу относительно чрезвычайно большой длительности и трудности развертывания основных элементов этого будущего. Здесь как бы повторяется общий биологический закон, связывающий муки с процессом появления нового. Мы видели, что это новое неизбежно покрыто пятнами старого и что лишь в сложном процессе обмена сдвигов в области производительных сил и в области культуры обеспечивается общее подъемное движение. Однако тот же анализ Маркса приводит и к обратному выводу. В той вечной смене форм, которая представляет сущность всего исторического процесса, грядущая на смену старому новая форма переживает некоторый инкубационный период, многообразно затаиваясь в недрах старого. В этом смысле действительно нет ничего нового под луной, и если не отходить от правильной диалектической оценки действительного процесса в целом, то приходится признать, что самые качественные изменения не что иное, как известное накопление чисто количественных перемен.

Нам уже неоднократно приходилось отмечать, что великий мировой послевоенный кризис развертывает перед нами чрезвычайно поучительную картину основных сдвигов в сторону будущего. Анализируя эти сдвиги, мы наблюдаем т а к о е г р о м а д н о е н а к о п л е н и е э л е м е н т о в г р я д у щ е г о н о в о г о в рамках старых национальных и буржуазных отношений капиталистического мира, что без всякого преувеличения можно уже утверждать и настаивать на и з в е с т н о с т и грядущего дня.

В настоящее время мы располагаем уже довольно обширной литературой, характеризующей весьма подробно общий ход мирового хозяйства. Останавливаясь на характеристике этого хозяйства, с самого начала приходится сделать целый ряд оговорок. Прежде всего приходится ответить отрицательно на вопрос о наличности единства в этом мировом хозяйстве. Дело не только в том, что картина послевоенного мира представляет еще более пеструю ткань отдельных национальных государственных группировок, чем это было

до войны. Помимо «лимитрофирования» Европы мы наблюдаем весьма явственный процесс выделения как бы обособленных целостных государственных систем. К одной системе государств принадлежит Союз наших советских социалистических республик, революционно противополагающий себя всему капиталистическому окружению. С ним географически граничит европейский Запад, мечтающий ныне о Соединенных штатах Европы, чтобы хоть как-нибудь сохранить равновесие в борьбе с системами своего востока и запада. Все более и более явственно намечается вопреки потокам американского золота углубляющийся процесс нарастания противоречий между этим миром европейского Запада и заокеанскими странами с Америкой во главе. США являются как бы единственным победителем в недавней войне народов, но уже явно не довольствуются и экономически не могут довольствоваться старинной доктриной Монроэ, стремясь к мировому владычеству. Обособленное положение занимает «Англия Востока» — Япония, резко вкрапленная в гигантский, пробуждающийся к новой самостоятельной жизни, мир колониальных и полуколониальных народов Востока и Юго-востока.

Достаточно выделить эти государственные системы, чтобы видеть, с какой весьма и весьма большой относительностью можно говорить в настоящее время о некоторой стабилизации капиталистического мира. В самом деле, что явилось основной причиной мировой бойни народов? В последнем счете — борьба за преобладание на мировом рынке. Можно ли в XX веке уйти от этого мирового рынка, так или иначе замкнувшись таможенными стенами и искусственно ограничив хозяйственный размах национального организма? Очевидно, нет, и прежде всего по той простой причине, что сумма производительных сил и уровень техники, которым располагает в настоящее время человечество, значительно выше, чем до войны.

По данным сектора мирового хозяйства Госплана общая продукция и народный доход в 1924/25 г. в процентах к довоенному уровню определяются следующими цифрами:

США	140%
Франция	105—110%
Англия около	90%
Германия около	85%
СССР около	85%

Если взять взвешенную среднюю продукцию этих народнохозяйственных комплексов, то мы получим примерно довоенный уровень. На первый взгляд кажется, что, оставив за своими плечами тяжкое десятилетие, мир вернулся к своим исходным позициям и, поплатившись горьким опытом, тем не менее, может впредь уже рассчитывать на новую полосу длительного эволюционного процесса.

Но это лишь на первый взгляд. На самом деле, эта мировая продукция далеко не соответствует новому уровню мировых производственных ресурсов. Даже, если отбросить гигантские технические возможности США и сосредоточиться на экономике европейской, то все же приходится признать громадное расхождение фактической продукции от возможной продукции. Производительная способность европейской промышленности должна быть оценена уже и в настоящее время процентов на 40—50 выше довоенной. Ей корреспондирует и подъем технических возможностей европейского транспорта. Мировой торговый флот на 35% больше довоенного. Кроме того, этот мировой флот перешел к двигателям внутреннего сгорания, чрезвычайно увеличивающим его транспортные потенции. Автомобилизм и авиация с своей стороны вносят новую струю реконструкции в это быстро растущее транспортное целое, создавая все новые и новые возможности сплочения различных человеческих комплексов и настойчиво внедряя в сознание народных

масс представление о человечестве в целом, перерастающем все национальные рамки.

При таких условиях весьма относительным является так называемое благополучие Америки и ее «неслыханный материальный расцвет». Своеобразные ножницы между продукцией возможной и продукцией фактической с чрезвычайной наглядностью могут быть иллюстрированы как раз на примере США. Максимальная продукция промышленности в США в 1921 г. могла бы быть доведена по своей стоимости до 74 млрд. долларов, а фактическая выработка была 42 млрд. долларов, т. е. всего 57% максимума. В 1923 г. возможный максимум составлял 83 млрд. долларов, фактическая же выработка — 60 млрд. долларов, т. е. 71,8% максимума. В настоящее время фактическая продукция США составляет 75% максимальной. Добавим, что это весьма оптимальные цифры. Пресловутая комиссия Гувера, исследовавшая недуги послевоенного хода американской промышленности, пришла к тому общему выводу, что на каждый рубль выбрасываемой в США товарной ценности приходится рубль прямых производственных потерь. Куцый план, нелепость конкуренции, несовершенство стандартов, расточение живой силы — вот что мешает немедленному удвоению американской продукции в ее нынешнем техническом уровне.

Итак, с точки зрения производственной разрешима ли для современного человечества новая ступень человеческой культуры с таким изобилием материальных благ, которое до сих пор казалось совершенно недосягаемым? Уже поверхностный анализ позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. А раз это так, то возвращение к довоенным нормам представляет не прогресс в направлении стабильности, а чудовищное поражение. Мы знаем, что динамика производительных сил есть единственный правильный ключ к уразумению исторических перемен. Эти перемены неизбежны именно в таком направлении, что каждый шаг их реализации будет фактически все более и более ограничивать поле преступной расточительности производственных ресурсов.

Страницы современной европейской экономической прессы представляют картину величайшего разброда и констатирования целого ряда безвыходных для буржуазного мира тупиков. Правы ли с точки зрения священных заветов капитализма США, неумолимо требующие погашения международных долгов? Конечно, да, ибо уплата по векселю есть основной, поистине железный, закон отношений человека к человеку в буржуазном мире. Однако к чему приводит выполнение этого железного закона? Даже наиболее полнокровная в капиталистическом смысле европейская страна — Англия откровенно заявляет, что она не в состоянии будет выдержать только что данных ею по отношению к Америке обязательств, если последняя не смягчит нормы своего почти запретительного таможенного тарифа. Судьба французского франка наглядно показывает, что значит для этой страны пята американского капитала. Глубочайший кризис в Германии при наличности стабильной валюты и превосходно реконструированного промышленно-заводского оборудования наглядно показывает всему миру, каким образом американское здоровье знаменует германскому смерть.

Борьба текстильной промышленности Англии за закрепление индийского рынка, как известно, закончилась сдачей основной позиции: англичанам пришлось довольствоваться эмиссией своих капиталов для вложения их в текстильную индустрию самой Индии. Но разве это не является совершенно законным сигналом для аналогичной индустриализации из самых разнообразных источников огромной толщи китайской экономики? А в результате — новый удар для текстильной индустрии Англии, новый тягостный тупик в одной из важнейших отраслей ее промышленности. Капиталистический мир поистине соткан из безысходных для него противоречий!

Бушевавший почти во всех странах Европы валютный кризис привел к значительному сокращению класса мелких рантье и к неслыханному их обнищанию. Создание целого ряда новых локальных рынков, все растущие перегородки таможенных стен, индустриализация прежних аграрных стран — все это, взятое в целом, должно неизбежно приводить к новому нажиму в сторону снижения заработных плат, все это должно питать целый ряд новых внутренних противоречий, не позволяющих послевоенному капитализму приблизиться даже и к рамкам довоенного темпа функционирования капиталистического механизма.

И, тем не менее, мы считаем, что центр тяжести грядущих трансформаций лежит отнюдь не в той плоскости, которая намечается подобного рода констатированиями, заимствуемыми нами со страниц западноевропейской экономической прессы. Крот истории прорывает гораздо более глубокие ходы под глубочайшими основами современной капиталистической экономики. Теперь уже не приходится говорить лишь предположительно о том, что хозяйственные карты промышленных стран наряду с кровеносной системой железных дорог будут иметь гораздо более развитую систему нервно-мускульных тканей электрических проводов. Взгляните на соответствующие карты Швеции, Германии, Австрии, Франции и США, и вы увидите, что действительность далеко обгоняет все предположения. Теоретически предвиделось, что узловые центры этой нервно-мускульной системы с течением времени должны принимать все более и более производственно-мощный характер в организационном смысле, представляя собой одновременно все более и более стройный и компактный механизм. Однако кто мог бы думать какой-нибудь десяток лет тому назад, что будут строиться электрические районные централи с мощностью установок в едином центре свыше миллиона лошадиных сил, как это, например, осуществляется в настоящее время в США, и что персонал громадной электрической станции, управляющей большим промышленным районом, будет сводиться к смене в 4 человека, как это, например, имеет место на знаменитой гидроэлектрической станции Нориус на севере Швеции?

Гигантскому развитию западного электрохозяйства корреспондирует целый ряд глубочайших сдвигов в теории и практике теплосилового хозяйства в целом. Закон сохранения энергии со страниц физико-математических органов переместился в качестве основного постулата во все руководящие справочники практической технологии. Возникла целая новая наука об энергетическом хозяйстве и его законах, долженствующих служить базисом всего хозяйственно-промышленного строительства в целом. В сфере этой новой науки нам приходится в буквальном смысле слова производить решительную переоценку хозяйственных ценностей различных народнохозяйственных комплексов. В свое время Содди с полнейшим основанием считал, что люди той позднейшей эпохи, когда использование внутриатомной энергии станет общечеловеческим достоянием, станут смотреть на наши времена с таким же глубоким сожалением и сознанием своего превосходства, с каким мы относимся с уровня нашей современной культуры к варварскому средневековью. Но в такой же мере был прав проф. Штейнмец[1], утверждавший, что расточение угольных калорий, практикуемое промышленностью США, с энергетической точки зрения есть тоже своего рода грубейший варваризм.

[1] Штейнмец Карл (1865—1923), крупнейший американский ученый, математик и электротехник. Штейнмец был новатором в области энергетики. Считая современное теплосиловое хозяйство Америки хищническим, Штейнмец настаивал на необходимости его государственного регулирования. Штейнмец относился с большой симпатией к Советской России, много раз выступал в защиту ее. Переписка Штейнмеца с Лениным опубликована в сочинениях В. И. Ленина, т. XXVII.

Глубочайший военный и послевоенный кризис в небывалой степени связал неразрывными узами работу техника и работу экономиста. Производственный оптимум, максимальный «выход» при минимальных затратах, утилизация всевозможных отбросов, максимум экономии материальных и человеческих ресурсов в каждом из хозяйственных и производственных подразделений и отыскание такого удачного комбинирования производств, при котором общий расходный баланс является возможно минимальным, — таковы естественные сдвиги в новейшей технике Запада.

Великое учение К. Маркса о директивном влиянии на весь культурный человеческий комплекс его производственного базиса начинает находить себе некоторое выражение в отдельных слоях на Западе в признании руководящего значения техники, в своеобразном культе этой техники.

В новогоднем номере центрального органа союза германских инженеров помещена любопытная передовая статья проф. Дессауэра на тему «О мировом смысле техники». Этот номер открывается такими знаменательными строками:

«Подъем техники является одним из величайших событий всей человеческой истории, он является, быть может, самым великим событием последнего десятилетия. Техника так проникла и преобразовала как жизнь отдельного культурного человека, так и жизнь целых народов, что как бы решительно закрыла всякие иные пути. Каждый ожидает, сознательно или бессознательно, что это развитие техники отнюдь не завершило своего марша, что оно, наоборот, должно форсироваться и далее. Огромная преобразующая власть техники, наподобие великана, шествует по странам и по календарным свиткам, гонит миллионные армии к машинным приводам, в подземные рудники и к чертежным доскам, повелительно регулирует ритм наших деловых суток, пронизывает производство и обращение, домашнюю и общественную жизнь, носит нас на колесах или на крыльях аэропланов, спасает нас в лекарственных препаратах, поучает из книг и газет, согревает и одевает, дает защиту и кровлю, сближает нас с сочеловечеством, дает нам возможность почувствовать пульс мировой жизни при посредстве почты, телеграфа и телефона, заставляет звучать музыку и дает возможность наслаждаться красотами, пашет землю и готовит хлеб насущный — даже враг этого великана должен сражаться с ним таким же оружием, т. е. оружием той же техники».

И это красноречивое введение проф. Дессауэр должен был сопроводить целым рядом оговорок, объясняющих, почему фактически при такой творческой мощности техники мир восприятия современного западного человечества проникнут чертами такой унылости и таких странных потуг к резкому отступлению вспять, к разнообразным упрощенческим примитивам. Ему также приходится разграничивать действительность и возможности этой самой действительности, апеллируя в последнем счете к творческим тенденциям технической работы, к какому-то четвертому «царству» чистой техники, взятой самой по себе.

Почтенный профессор ошибается. Четвертого царства техники нет и быть не может, а есть развернутый фронт техники и буржуазно-искалеченный фронт ее. Этому делу учеными рассуждениями не поможешь. Действительная помощь грядет не из четвертого царства, а от результатов победоносного железного марша рабочего класса, того самого рабочего класса, который некоторые ученые не без основания называли исторически последним четвертым сословием.

И поступь его уже явно чувствуется на работах основных столпов современной новейшей техники. Мысль о неизбежности того или иного «обобщения» средств производства — вот что читается все с большей и большей ясностью между строк громадного количества трактатов, пытающихся по-

новому разрешить основную проблему максимальной экономии производственных ресурсов. Угроза американизма подводит все более и более неминуемо к заданиям такой централизации средств производства и такого типа массового производства на основе весьма ограниченных стандартов, что отсюда до национализации промышленности в государственном масштабе уже только рукой подать.

Научное районирование промышленности и возможность создания весьма прочных и колоссальных по своим территориальным размерам хозяйственных агрегатов при громадной специализации в разделении труда, раз обеспечена прочная служба связи методами современного транспортного и энергетического хозяйства, входят все более и более в решительную коллизию с теми квази-хозяйственными районами, которые даются современными государственными единицами. А это хозяйственное районирование на энергетической основе уже явным образом не мирится с пан-европеизмом и требует все более и более широкого международного масштаба. Вслед за политической и хозяйственная история мира начинает все более и более ясно говорить языком интернационала.

Наш анализ привел нас к тому выводу, что лезвие «ножниц» возможной продукции по уровню имеющихся в наличности производственных факторов резко расходится с лезвием фактической продукции, превышая его даже для такой страны капиталистического перенасыщения, как США, на 25%[1].

Однако еще более широко разошлись бы эти лезвия при сравнении возможностей рационально реконструированной промышленной организации с возможностями ее нынешней действительности. Как велико это второе, исторически решающее, расхождение? Когда-то, анализируя проблему ножниц в нашей советской действительности, мы одним из опорных пунктов вынуждены были считать сопоставление возможной и действительной производительности труда. Попробуем ответить на аналогичный вопрос в отношении к трактуемым нами мировым «ножницам» «реконструктивного» характера.

Примем для грубого расчета, что для комплекса главного ядра промышленных наций в основу может быть положен 10-часовой рабочий день. Какой рабочий день потребовался бы миру в условиях рационализации всего мирового хозяйственного организма? В свое время некоторые подсчеты в этом направлении были даны в известной работе Атлантикуса, «Государство будущего». Но в настоящее время мы не нуждаемся в такого рода чисто теоретических подсчетах. Международная промышленная статистика дает уже сама по себе достаточно поучительный материал. По данным С. А. Фалькнера, продукция США в 1924 и 1923 гг. в важнейших отраслях составляла такие доли мировой продукции: уголь 43,3%, чугун 47,6%, сталь 49,3%, нефть 70,9% и хлопок свыше 50%. В общем и целом, эти данные свидетельствуют, что если принять долю участия США в мировой продукции в 40%, то мы пойдем несколько ниже фактических соотношений. Население США составляет примерно 6% численности населения всего земного шара. Если представить на минуту, что в среднем уровень промышленной культуры поднялся до американского уровня, то окажется,

[1] Расхождение лезвий в результате кризиса выразилось показателем, значительно превосходящим эти предположения. Примером может служить сталелитейная промышленность США: ее производственная мощность определяется в 67,12 млн. *т* в год; производство 1929 г. (года максимального подъема) составило 55,19 млн. *т*; производство же 1932 г. — 13,31 млн. *т*, т. е. 20% производственной мощности.

В хлопчатобумажной промышленности Англии мощность установленных веретен в 1932 г. была использована всего на 18% (Е. Варга, Новые явления в мировом экономическом кризисе, Партиздат, 1934, стр. 14).

что для выработки всей мировой продукции было бы достаточно при этом промышленном уровне использовать всего 15% трудовых ресурсов. Другими словами, сокращение рабочего дня с 10 час. на 2 часа соответствовало бы при равномерной «американизации» мира не только получению той же суммы материальных благ, но и со значительными добавочными резервами.

Однако мы видели, что в общественном смысле и с точки зрения основных постулатов новейшей техники США еще находятся на громадном расстоянии от подлинной рационализации хозяйства. Таким образом расхождение лезвий «реконструктивных» ножниц в 500—600% мы можем считать утрированно-благожелательной критикой уровня современного хозяйства.

Эти соображения наглядным образом показывают нам, насколько уже распахана та нива «проклятого» труда, на который по библейской легенде было обречено несчастное человечество. И в этой области библия оказывается низринутой. Будущее человечество уже многосторонне и прочно вооружено необходимыми ресурсами, чтобы превратить труд из проклятой повинности в источник наслаждения. Перед нами уже не проблема количества, а проблема качества. На мрачной юдоли современной хозяйственной мировой «стабилизованной» разрухи все явственнее и явственнее обрисовывается контур светлых пятен грядущего. Они служат порукой тому, что новое вино не будет влито в старые меха. Они — наиболее крепкая порука грядущих обновляющих гроз.

О НЕКОТОРЫХ НЕДООЦЕНКАХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СДВИГОВ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ЭКОНОМИКИ

Последнее выступление Владимира Ильича на Съезде советов навсегда останется в памяти у всех, имевших возможность присутствовать на этом выступлении. Это была действительно речь вождя, само слово которого, как тяжелый молот, сокрушало гигантские препятствия на путях пролетарской революции.

Владимир Ильич подчеркнул в своей речи, что кое-что уже навсегда отвоевано нами в историческом ходе вещей. Многие страницы военной истории социалистической Октябрьской революции навсегда останутся доблестнейшими страницами мировой летописи великих дел. Нет уже таких сил, которые могли бы в дальнейшем изъять из человеческого сознания эти великие документы, писанные горячей человеческой кровью. Владимир Ильич предупреждал одновременно, что перед нами новое поприще трудной, ответственной хозяйственной работы. Оно несет свои победы и достижения и свои опасные поражения.

Военная полоса истории великой пролетарской революции — несокрушимый памятник, который всегда будет указывать людям, как велика мощь восставшего пролетариата в отстаивании своего права на жизнь, как велика пролетарская воля к бытию.

Имеем ли мы в послевоенной полосе борьбы за позиции социалистической Октябрьской революции какие-нибудь прочно закрепленные революционные сдвиги, которые могли бы хотя отчасти поставить наряду с блестящими подвигами великой военной октябрьской эпохи?

В особенности, если считать начало этой мирной полосы как раз с 1921 г., т. е. с периода вступления в силу новой политики, представляющей в некоторых своих чертах как бы маневр отступления.

Самый поверхностный анализ, самая грубая обрисовка основных этапов нашей хозяйственной послереволюционной эволюции приводит нас к положительному утверждению.

В самом деле, каковы были те исходные позиции нашей экономики, ко-

торые предшествовали полосе мирного строительства? Не находились ли мы в таком глубочайшем провале экономической разрухи, который является беспримерным во всем нашем прошлом? Тем более, что прежние полосы разрухи уже потому не могут итти в сравнение с разрухой XX века, что они относились к государственному организму, чрезвычайно примитивному по сравнению с его современной структурой. А ведь здесь имеет место общая биологическая истина о трудной возобновляемости тканей именно высшего порядка.

Как известно, главная группа прямых убытков одной военной интервенции уже сама по себе определяется десятками миллиардов золотых рублей. Однако центр тяжести не в этих сожженных городах и поселениях, не в этих взорванных мостах и разрушенных городах, не в этих потерях человеческих жизней и материального имущества, а в суммарном нарушенном темпе всего общественного производства и воспроизводства в целом. Потеря на некоторое время производственного темпа — вот что явилось особенно ощутительным результатом этой исторической полосы.

Трехлетие 1919—1921 гг. привело нас к глубочайшему снижению по всем основным экономическим показателям как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности. У всех у нас еще живы в памяти ужасы голодного 1921 г., унесшего с собой целые гекатомбы человеческих жизней. Кризисы топлива, транспорта и валютная разруха, казалось, конкурировали друг с другом по своим смертоносным последствиям. Наконец, наступил 1922/23 г. с первыми благоприятными изломами основных хозяйственных кривых.

Следующее трехлетие показало, что эти изломы были отнюдь не случайными и знаменовали собой переход к дальнейшему прочному и бурному подъему в важнейших отраслях народного хозяйства. Особенно характерными являются, конечно, динамические показатели промышленности. Ее наиболее низкий уровень, как максимум экономической разрухи, падал где-то между 15 и 20% довоенного уровня. При этом такие важные отрасли, как рудное дело, металлургия и металлообработка, представляли картину полнейшего распада с отрицательными результатами в основных статьях хозяйственного баланса. Другими словами, в этих отраслях, как и в целом ряде соседних областей народного хозяйства, мы находились в стадии проедания не только основного капитала и оборотных средств, но и в глубоком по существу, *ликвидационном процессе*. Несмотря на этот распад, подъем промышленности за это трехлетие представляет поистине бурную динамику. Мы переходим из года в год с подъемом от прошлогоднего уровня в размере 30—40 и даже более процентов. Как бы осторожно ни намечались производственные программы 1925/26 г., одно можно сказать с несомненной уверенностью — в этом году мы будем наблюдать в общем не меньший подъем и подойдем уже к последней фазе восстановительного периода, так как уровень крупной и средней промышленности будет колебаться уже около 90% довоенного уровня.

Не менее показательна в своем роде также и эволюция сельского хозяйства за это решающее двухлетие. Глубокие раны ужасных голодных лет уже почти залечены. Общий производственный сельскохозяйственный уровень приближается к тем же 90% довоенного уровня. Переход от восстановительной фазы к фазе реконструкции в области сельского хозяйства выявляется с такой же очевидностью, как и в области промышленности. Рост технических культур, огородничества и садоводства явным образом опережает продукцию зерновых хлебов — интенсификация сельского хозяйства уже в полном ходу. Спрос на тракторы растет из месяца в месяц. Тяга к различным отраслям сельскохозяйственной индустриализации необычайно велика.

Это трехлетие наглядно показало, что воля к труду пролетарских и крестьянских масс Советского союза не менее велика, чем воля к бытию.

В чем же «гвоздь» новых ожидающих нас трудностей?

На чем основывалась первая ставка наших врагов? На том, что с помощью европейской военной интервенции они надеялись разбить нас наголову на полях сражения. Эта карта была бита.

Какова была их вторая ставка? Они предполагали, что кризисы продовольствия, топлива, транспорта, валютная разруха и весь послереволюционный распад обычных хозяйственных и политических связей доведут народные массы до полного отчаяния в творческих силах революции и реакция восторжествует. Мы видим, что карта экономической разрухи и послереволюционного распада также оказывается битой.

На чем основана их нынешняя, последняя, третья ставка? Они предполагают с явной натяжкой, что нам по силам была только созидательная работа в пределах спасительной инерции уцелевшего старого механизма производственного аппарата, но что мы потерпим полное крушение, когда после вопросов количества перед нами станут вопросы качества нашей хозяйственной деятельности. Совершенно понятно, что всякая историческая длительная остановка на уровне довоенных количественных и качественных возможностей, на уровне общих довоенных издержек производства, взятого в его целом, была бы для нас поистине смертельной. Страна обетованная, к которой мы стремимся всей нашей напряженной политической и хозяйственной деятельностью, это отнюдь не «цифры и факты», воспроизводящие цепную зависимость капиталистического уклада — это как раз ниспровержение именно этой цепной зависимости.

Борьба за качество продукции в широком смысле этого слова является поистине борьбой за социализм. Несомненно, что здесь перед нами величайшие трудности именно в силу нашей общей экономической отсталости и общего низкого уровня нашей культуры. Со всех сторон здесь засасывает нас губительная трясина нашего прошлого — перед нами своего рода экономический Перекоп.

Этот экономический Перекоп мы сможем взять отнюдь не по правилам лобовой атаки. Нужна опять-таки длительная историческая полоса действий, по преимуществу обходного характера, на общем фоне продолжающегося развертывания новой экономической политики и ее дальнейшего приспособления ко все изменяющимся объективным условиям.

Страницы нашей политической и экономической прессы ежедневно сигнализируют нам о чрезвычайных трудностях этой реконструкционной борьбы, борьбы за новое качество всей нашей экономики и всего нашего быта, при той громадной цепкости злокачественных и темных навыков прошлого, которая так губительна для молодых ростков новой пробивающейся жизни.

В чем же наша главная надежда в этом решительном бою за конечные великие октябрьские позиции?

Не приходится доказывать, что качественные положительные сдвиги основных устоев жизни такой громадной страны, какой является Союз советских социалистических республик, представляют собой как раз именно то, что мы с полным правом можем назвать великой исторической переменой. Такая перемена не может исходить только из активности отдельных личностей или даже отдельных групп и организаций. По основному марксистскому закону масштаб этой перемены прямо пропорционален массе вовлеченных в ее осуществление участников.

Вопреки утверждениям наших врагов, противопоставляющих понятия диктатуры и демократии, мы действенным историческим примером показы-

ваем, что пролетарская диктатура есть поистине повивальная бабка подлинной широкой демократии. И соответственные революционные сдвиги нашей общественной среды уже налицо. Те же газеты, которые сообщают нам ежедневно цифры и факты отрицательного порядка, одновременно рисуют яркие картины развертывающейся на наших глазах широкой активности в самых различных слоях населения. Эта пробуждающаяся активность широчайших народных масс и есть первый и основной залог успеха нашей реконструкционной работы.

В последней главе мы сосредоточим наше внимание именно на тех специфических приводах, которые обеспечат нам дальнейший подъем темпа этой активности и помогут найти для ее выявления необходимые организационные формы. В особенности нам придется остановиться на основных моментах рабоче-крестьянского блока. Пока нам достаточно отметить, что уже одно такое основное положение ленинизма, по которому пролетарская диктатура должна исторически реализоваться на основах рабоче-крестьянского блока, является надежной направляющей в предстоящем пути. В интересах нахождения этого пути, конечно, приходится быть прежде всего осторожным и осмотрительным. Но эти качества отнюдь не должны мешать правильной оценке положительных сторон нашей позиционной борьбы и прежде всего этой всесторонне растущей рабоче-крестьянской активности.

Не только женщины Востока сбрасывают на наших глазах чадры, отрезывающие их от участия в общем потоке жизни, такие же чадры летят в мусорную корзинку истории со многих и многих голов наших современников, свидетелей небывалых исторических событий.

300 лет монархического режима создавали подходящую для себя общественность и подходящий тип подданного-обывателя, главной государственной добродетелью которого было безгласное подчинение предержащим властям. Громадные события мировой войны, февральской и великой пролетарской революций ниспровергли все оплоты прошлого и прошлись железной революционной метлой по всему ветхому обличью старой закоуралой жизни. Но в общем итоге всего одно десятилетие было занято этим очистительным периодом. И, однако, работа этого десятилетия по пересозданию самого типа гражданина так колоссально велика, что уже одни результаты такой работы должны будить в нас воодушевляющую энергию для предстоящих боев. В гигантский октябрьский исторический водоворот, продолжающий развертываться на наших глазах, была брошена разом колоссальная масса крайне неопытных, но решившихся плыть борцов. Они выплывут именно потому, что они решились плыть. Только люди вражеского нам лагеря могут таким образом перетасовывать карты этой растущей массовой активности, что вскрытыми оказываются лишь одни страхи и опасения...

Вторым обстоятельством, создающим благоприятные предпосылки в предстоящей реконструкционной работе, является особый характер самой постановки очередных вопросов нашего хозяйственного строительства. Это является прямым следствием проведенного нами уничтожения тех многочисленных сословных, классовых и частнохозяйственных перегородок, которые были так характерны в истории нашего прошлого. С некоторым правом мы можем сказать, что мы провели не только национализацию земли и промышленности, но провели и проводим своеобразную «национализацию» самого человеческого сознания.

Даже наши враги должны были отдать должное колоссальной подвижнической энергии, присущей борцам Социалистической революции, тому «человеку в кожаной куртке», который, не щадя себя, перебрасывался с одного военного фронта на другой, с одного поля экономической и политической деятельности на другое. Но эта подвижническая деятельность могла дать прочные и благоприятные результаты не только благодаря личным ка-

чествам ее носителя, но и в силу всех особенностей объективной исторической обстановки. А эти особенности заключались, между прочим, и в том, что разрушительная революционная работа была в то же время великой созидательной работой, в историческом смысле, и первым непосредственным результатом ее творчества было создание *объединенного, в широком, лишенном всяческих перегородок, национальном масштабе поля работ для всенародной строительной работы.*

Припомните, хотя бы эпоху наших экономических кризисов, ход наших тогдашних очередных хозяйственных кампаний. Могли ли бы мы, например, так безоговорочно называть наш Донецкий бассейн всероссийской кочегаркой и перебрасывать туда целыми отрядами квалифицированных работников Москвы и Ленинграда, заставляя их работать в невероятно трудных условиях нашего тогдашнего производственного быта, если бы верхним этажом этой кочегарки оставался какой-нибудь Съезд горнопромышленников юга или какая-нибудь другая аналогичная организация?

Могли ли бы мы требовать таких жертв от миллионной армии работников нашего транспорта, какие фактически они понесли на своих плечах за тяжелые годы транспортного развала, в том случае, если бы добрая треть этих дорог, с одной стороны, попрежнему принадлежала частным компаниям, а доходы с двух третей остальной части должны были бы итти в значительной доле в карманы западноевропейских капиталистов?

Несомненно также, что только на почве отчуждения частновладельческих земель, только опираясь на последовательный режим национализации земли, могли мы взвалить на плечи крестьянства те громадные натуральные повинности, которые ему пришлось платить за весь критический период борьбы за великую пролетарскую революцию.

Эти новые возможности в широкой и широчайшей постановке хозяйственных вопросов, удачное разрешение которых является *непосредственным безоговорочным всенародным благом*, воздействует на общественную психику в весьма глубоком и сложном процессе. В последнем счете развернутое выражение этого процесса будет иметь место лишь тогда, когда термин «гражданин» и «товарищ» окажутся синонимами.

В целом ряде случаев мы явно недооцениваем важности тех позиций, которые мы в этом направлении уже отвоевали от жизни. Несмотря на то, что и теперь и даже в ближайшем будущем сопоставление наших важнейших экономических показателей с такими же показателями богатых западных стран отнюдь не говорит в нашу пользу, абсолютный масштаб тех же цифровых величин именно благодаря объединенности всего поля нашей хозяйственной работы уже предоставляет чрезвычайно импозантные величины. Между прочим, это обстоятельство дает себя знать во многих сделках нашей монополии внешней торговли. Несмотря на то, что еще вчера мы шли в этой области на уровне одной трети довоенных достижений, величина отдельных сделок, тем не менее, уже была настолько велика, что представляла сугубый соблазн для радетелей экономической блокады. Не раз возникал отсюда величайший разброд во вражеском лагере.

В свете этих абсолютных величин мы уже теперь, непосредственно, чувствуем себя гражданами великой мощной страны, по самому существу своему не могущей быть вогнанной в убогие рамки любого «лимитрофизма». А это чувство порождает уверенность, толкает вперед, в сторону грядущих, еще больших возможностей.

Впереди, конечно, еще большая работа по углублению и усвоению этой позиции. Еще отнюдь не вся громадная толща нашего трудящегося населения проникнута надлежащим политическим сознанием своих хозяйских прав. «Национализация» сознания человеческих масс Советского союза республик началась, но еще отнюдь не закончилась.

Широкие перспективы, связанные с обобществлением нашего хозяйства, дают себя знать, между прочим, во все более заметном повороте и сближении с нами ряда профессий и промежуточных слоев нашей интеллигенции. Такие же сигналы мы наблюдаем не только со стороны интеллигенции, но и в лагере представителей науки и искусства за нашим рубежом. Не только наш и международный пролетариат все теснее и теснее смыкают свои ряды для дальнейшей активной защиты Союза советских социалистических республик, — аналогичное явление мы наблюдаем и в некоторых слоях наших возможных попутчиков.

Перед нами, таким образом, происходит своеобразный диалектический процесс. Лозунг борьбы за интересы трудящихся заставляет нас быть апологетами действия масс. Первым результатом революционной активности этих масс является отвоевание широкого объединенного поля хозяйственной работы. Лишь на основе этого базиса возможен широкий масштаб хозяйственного строительства. А этот масштаб является, в свою очередь, превосходным агитационным средством для вовлечения в действие новых миллионов трудящихся и привлечения на свою сторону новых отрядов попутчиков.

Третьим моментом, также являющимся большим плюсом в предстоящей работе реконструкции, является то обстоятельство, что во всей нынешней и дальнейшей полосе нашей деятельности мы отнюдь не связаны только с арсеналом наших собственных доморощенных средств.

Мы уже видели, что, несмотря на анархию капиталистического производства, а может быть именно благодаря наличию этой анархии, «новое» в области техники является уже в настоящее время в некоторой степени вкрапленным в старую среду. Такого рода опережение мы наблюдаем и во многих областях современного теоретического и прикладного знания. Здесь уже отчасти налицо своеобразный «интернационал» знания, далеко опередивший те формы своего воплощения в жизнь, которые могут быть даны рамками капиталистического производства.

Расходы США на научно-технические учреждения представляют сейчас весьма внушительную цифру; аналогичные расходы нашего Союза на те же учреждения пока сравнительно ничтожны. Тем не менее, пределы, ограничивающие возможности применения научных истин и технических усовершенствований, в США в последнем счете кажутся гораздо более узкими, чем в Советском союзе.

В этой абсолютной монархии капитала под строжайшим запретом находится не только доктрина Дарвина. В свое время Маркс показал, каким образом в капиталистическом обществе создаются специальные ограничения для применения машин и каким сложным процессом обусловливается выравнивание нормы прибыли в различных подразделениях общественного хозяйства, имеющих разнообразную структуру капитала. Правда, здесь же, в США, железная пята капитала с особенной яростью сокрушает препятствия, вырастающие из толщи рабочих масс, но все же и для этой американской, наиболее буйной, разновидности капитала общие законы капитализма являются пределом, «его же не прейдеши».

Как бы ни совершенны были организации американских трестов, как бы ни всесторонняя была командная роль американского капитала на мировом рынке, как бы ни видоизменяла она элементарные начала частного почина и свободной конкуренции, кажущиеся столь значительными для молодых стран капитализма, все же в последнем счете и американский капитализм реализует все то же проклятое господство вещей над человеком, которое составляет первоначальную сущность капиталистических отношений.

В нашей первоначальной фазе социалистического строительства мы еще только боремся за основные позиции планового социа-

листического хозяйства, сокрушающего господство стихии вещей. Однако с каждым годом нашей хозяйственной работы перед нами с совершенной очевидностью будут развертываться такие перспективы применения научных и технических истин для рационализации производства, которые совершенно чужды капиталистическим странам. В этом смысле мы являемся молодой страной, которая с особым успехом может использовать громадный, накопленный веками, материал человеческого знания, полученный нашими старшими собратиями по человечеству в результате мучительной практики целых тысячелетий и сотен поколений.

Перед нами процесс, похожий на тот, в силу которого молодая капиталистическая нация, создавая механизацию своего производства, заимствует в арсенале своих капиталистических соседей такие типы машин, аппаратуры и производственных методов, которые представляют там последнее слово капиталистической практики, не проходя предварительных исторических этапов механизации. Но мы имеем шансы развертывания этого процесса на гораздо более расширенном основании. Это потому, что у нас могут найти применение как раз такого рода машины и такие методы производства, которые, хотя и являются результатом работы теоретиков буржуазного общества, но по той или другой причине не могут быть приемлемы для капиталистической практики.

Мы не имеем здесь возможности с надлежащей полнотой иллюстрировать это общее положение. Достаточно ограничиться пока указанием хотя бы на тот общий факт, что при наличности капиталистических отношений сочетание факторов общественного производства и обращения таково, что вся инерция механизма естественным образом направляется в сторону расширения рабочего дня. Линией наименьшего сопротивления здесь является не сокращение рабочего дня, а сокращение рабочего персонала. Механизация производства при таких условиях является двуликим Янусом, с одной стороны, накопляющим новые богатства для верха общественной пирамиды, а с другой стороны, сбрасывающим в глубочайшие низы этой пирамиды новые обездоленные массы, выбрасываемые из отрядов действующей армии труда. Лишь социалистическое хозяйство прочно кончает с этим вековым антагонизмом машины и человека, исчисляя прогресс механизации не ростом прибылей, а сокращением рабочего времени трудящихся. Настоящее царство машин, не врагов, а друзей человечества, — не позади, а впереди нас.

В свое время Владимир Ильич, размышляя о процессе подъема революционного самосознания рабочих масс, пришел к тому выводу, что этот процесс идет от мучительной житейской практики, не дающей возможности массам пролетариата закоснеть в обывательском квиетизме и гонящей их в ряды активных борцов. Но заключенная только в таких рамках экономическая борьба пролетариата могла бы легко выродиться в шаблонный тредюнионизм или в узкий синдикализм. Прививка поднимающемуся сознанию пролетарских масс начал научного социализма как раз и предохраняет пролетариат от опасностей такого уклона.

Если бы наша работа на хозяйственном фронте была прикована к тем возможностям материальных и человеческих ресурсов и научно-технической аппаратуры, которые мы можем выработать только собственными силами и собственным опытом и в ограниченных пределах только нашего Союза, конечно, эта работа в таких условиях не могла бы приобрести полноценный характер. К счастью, этого не может быть, ибо наряду с Интернационалом международного пролетариата, хотя и в раздробленном состоянии, но все выше и выше поднимает свою голову, явно грядущий на помощь крепнущему пролетарскому Интернационалу, интернационал общечеловеческого знания.

Кое что в этой области уже совершенно прочно отвоевано нами и вошло в сознание масс трудящихся нашего Союза с такой силой и в таком объеме, которые нельзя сопоставить с какими-нибудь аналогичными сдвигами сознания тех же слоев на Западе. Нет никаких сомнений, что, например, практика западной электрификации чрезвычайно опережает нас. Однако идея электрификации, как могучий базис постройки народного хозяйства на новых рациональных технических основаниях, уже совершенно по другому проникает в сознание пролетарских масс нашего Союза, чем там, в других странах, работающих на основе капиталистического способа производства.

Идея электрификации в том виде, в каком она в течение уже 5 лет пропагандируется коммунистической прессой, представляет совершенно своеобразную позицию, играющую роль главной направляющей вехи всего строительства в целом. Мы доказываем, что общая формула развития производительных сил, эта базисная формула всего человеческого прогресса в его целом, при своем воплощении в жизнь приобретает ту или другую специфическую окраску в зависимости от общей хозяйственной конъюнктуры соответствующего времени. Включая в понятие энергетики и живой человеческий труд, мы находим во всем замкнутом контуре хозяйственного строительства его основной становой хребет, что не может не придавать всей нашей хозяйственной концепции в целом строгую принципиальную выдержанность, обеспечивающую максимальную экономию сил и в практическом осуществлении этого строительства. Таким образом сбывается предсказание некоторых теоретиков, предвидевших, что электрическая энергия будет той базой, на которой суждено развертываться победоносным силам пролетариата.

Если идея электрификации представляет только наиболее выпуклую сторону общей проблемы рационализации энергетики в ее целом, вместе с тем перекрывая и в значительной степени предрешая такое построение промышленных агрегатов, в котором надлежащим образом учитываются все сильные стороны вертикального и горизонтального комбинирования отдельных предприятий и целых областей технологического разделения труда, то по своей значимости с этой идеей может конкурировать лишь вторая выдвигаемая и защищаемая нами основная идея экономического строительства — это идея так называемого экономического районирования.

Когда проф. Баллод набрасывал общие контуры возможной при социализме хозяйственной рационализации применительно к техническим и культурным возможностям современной Германии, он пришел к тому выводу, что правильное территориальное подразделение страны является необходимейшей предпосылкой такого рода работы. Как ни сомнительны нынешние подразделения немецкой территории на ряд мелких государственных единиц, тем не менее, говорит Баллод, если бы не было этих подразделений, то их пришлось бы изобрести.

Прямоугольные координаты США, делящие эту страну на штаты, представляют уже гораздо большее приближение к правильному подразделению хозяйственной территории, чем это имеет место в странах европейского Запада.

Чрезвычайно характерно при этом, что американцы додумались до особого конъюнктурного показателя, суммирующего, по их мнению, с достаточной надежностью важнейшие показатели производственной конъюнктуры. Этот показатель не что иное, как суммарная нагрузка работающих электрических станций. Всеобщий электрический ваттметр каждого штата, регистрирующий общую работу электрической энергии, — это поистине барометрическая кривая всей конъюнктуры в ее целом, наиболее гармонирующая с хозяйственной обстановкой XX века.

В настоящее время и на Западе существуют теоретики, специализирующиеся в области вопросов экономического районирования, и не мешает отметить, что особенно глубоко продумавшие эти вопросы германские теоретики приходят к аналогичным с нами выводам. Они отмечают также, что именно здесь, в Стране советов, в специфической обстановке послеоктябрьского режима, имеются налицо недостающие им необходимые предпосылки для наиболее правильного воплощения в жизнь рациональных форм экономического районирования.

Конечно, мы должны признать, что в этой области мы еще «спешим медленно» и еще до сих пор в недостаточной степени используем наши революционные возможности соответствующей реконструкции хозяйства. Однако важные и решительные шаги в этом направлении уже сделаны. Урал, Сибирь, Северный Кавказ — уже сегодня, Нижнее Поволжье, Центрально-Черноземный район, Северо-запад и Северо-восток — завтра, а наряду с ними и целый ряд национальных республик, выступающих в хозяйственной области в качестве собратьев формирующихся экономических районов, в своей совокупности уже представляют или будут представлять крупные форпосты этой реконструкционной работы. А если припомнить общее количество материалов по вопросам экономического районирования, уже нашедших себе место в нашей экономической литературе, а главное оценить общее количество участников этого рода хозяйственной работы на всем протяжении наших республик, то нельзя не признать, что и в этом направлении мы имеем перед собой настоящий революционный сдвиг нашей экономики.

Нам, марксистам, уже с давних времен приходилось вести борьбу против народнического метода аргументации от расплывчатых средних цифр. В идее районирования, по сути дела, мы имеем, хотя бы и в преломленной форме, ту же борьбу против схоластики средних цифр, ту же борьбу за правильное, неискривленное восприятие живой действительности. Но другим — и важнейшим — концом конструкция экономического районирования ударяет по гипертрофии централизма и связанного с ним бюрократического уклона, являясь вместе с тем дальнейшим развитием общей энергетической концепции народнохозяйственного строительства. Эти примеры в достаточной мере свидетельствуют, каким образом в своем практическом хозяйственном строительстве освобожденный от цепей капитализма пролетариат чувствует себя поистине гражданином всех стран...

Вышеотмеченные моменты, конечно, в далекой степени не исчерпывают той «переподготовки» нашего сознания, которая часто в незаметных формах, но все же неуклонно движется вперед в силу громадного толчка, данного великими октябрьскими событиями. Многим из нас приходится неоднократно констатировать недооценку этого обстоятельства в тех случаях, когда по тем или другим причинам нам приходится быть в условиях заграничных командировок или при пристальном чтении не нашей, а зарубежной прессы. Лишь тогда, когда на нас вплотную надвигаются впечатления зарубежного капиталистического мира, мы начинаем себе отдавать более ясный отчет в громадных сдвигах всей нашей психики, которые незаметно для нас совершились за эти многознаменательные годы великой пролетарской революции.

Конечно, формы нашей нынешней городской жизни еще в далекой степени не отвечают тем основным потребностям, которые вытекают из великого октябрьского кодекса. Формы этой жизни в самых разнообразных ее проявлениях еще в далекой степени не реализуют той своеобразной простоты и особой типичности, которые должны быть отличительным признаком общества, стремящегося к радикальному уничтожению не только классов, но и вообще всевозможных перегородок между людьми. Тем не менее, нашему сознанию уже заметно претят такие формы пестрой бутафории как в пере-

носном, так и в буквальном смысле этого слова, которая так бросается в глаза во всем обличии современного классового, упаднического, капиталистического Запада. Как характерна в этом отношении простая, лишенная всяких словесных побрякушек, речь Ленина, вместе с тем всегда говорящая по существу, с такой колоссальной сгущенностью мысли по сравнению с расплывчатым адвокатским красноречием разнообразных лидеров капиталистического мира! А вслед за Лениным и печать наша, в ее лучшей части, начинает приобретать уклон в ту же сторону, в сторону специфической ясности и простоты, в которой отсутствие словесных красок с лихвой возмещается прямым и целесообразным подходом к поставленной цели.

Наряду с новым деятелем в самых различных слоях общественной работы из самых низов рабоче-крестьянского мира, наряду с новым читателем из той же среды нарастает новая активность, имеющая свои особые вкусы и несущая с собой новый темп, новые возможности всего воспроизводства жизни в ее целом. Все эти своеобразные формы все более и более обобществляющегося сознания людских масс, как в данный момент ни скромны еще они сами по себе, в своей совокупности создают чрезвычайно серьезные положительные сдвиги, облегчающие то трудное строительство, которое предстоит нам в самых разнообразных направлениях экономики, политики и быта.

Никто не станет спорить, что в нашем хозяйственном строительстве мы должны быть прежде всего вооружены таким мощным орудием, каким является современная послевоенная, так называемая *новая техника*. Что же является наиболее типичным моментом этой новой техники? — Несомненно, то ее американское начало, которое во главе угла ставит массовое производство, стандарт, унификацию. Максимальное развертывание этой новой техники мы естественным образом находим в такой наиболее передовой и мощной капиталистической стране, какой являются США. Однако внимательные наблюдатели американского покроя этой новой техники должны немедленно констатировать целый ряд его отрицательных сторон. Хваленая американская демократия фактически представляет ужасную общественную пирамиду, огромные низы которой, хотя в известном смысле «стандартизованы», но находятся вместе с тем под необычайно тяжким давлением всей этой своеобразной государственно-капиталистической машины. Недаром средний век американского рабочего исчисляется всего в каких-нибудь 42 года! Немудрено, что при таких условиях массовое производство США отнюдь не блещет своей квалификацией, как не блещут громадные производственные механизмы Америки ассортиментом аппаратов, могущих обезопасить промышленную работу и предохранить живой человеческий труд от безвременной инвалидности или насильственной смерти.

Советская демократия должна явиться как раз таким полюсом по отношению к демократии американской, где эти недуги массового производства будут изжиты, а его положительные стороны использованы и доведены до высшего ранга. Крепя основы подлинной демократии, мы одновременно сокрушаем старые вкусы, создаем однотипный *спрос*, который уже сам по себе облегчает рациональное массовое производство.

Выходит, таким образом, что общая демократизация общественных отношений, в энергичную полосу реализации которой мы еще только вступаем, должна явиться своеобразным опорным базисом новой техники, являющейся, в свою очередь, одним из крупнейших орудий всей грядущей общественной перемены.

Выше мы уже отмечали, какое значение в качестве опорных базисов социалистического строительства имеют такие командные высоты, как национализация земли и национализация промышленности. Мы старались подчеркнуть также, каким образом построение социализма оказывается тесно

связанным с созданием специальных общественных фондов, своеобразных резервов, гарантирующих процесс общественного производства от перебоев и являющихся естественными опорами урегулированного планового хозяйства. Нетрудно предвидеть, что уже в силу этих обстоятельств и темп и общая форма накопления должны приобрести у нас совершенно особые, отличные по сравнению с довоенным периодом черты.

Раз это так, то некоторые, хотя бы и начальные, сдвиги в этом направлении мы должны бы наблюдать уже и в настоящее время. Посмотрим, так ли это.

В контрольных цифрах Госплана на 1925/26 г. уже отмечалось, что концентрация нашей советской промышленности превосходит нормы концентрации даже США. По цензу 1919 г. по всей обрабатывающей промышленности США в высшей группе предприятий, с числом рабочих свыше 500 чел., сосредоточено всего 44,3% общего итога рабочих. Эта же группа рабочих в СССР к началу 1925 г. составляет уже 68,8%. В то время как средний размер американского фабрично-заводского предприятия достигает не выше 151 рабочего на одно заведение, у нас к 1925 г. мы уже имели 239 рабочих на одно заведение.

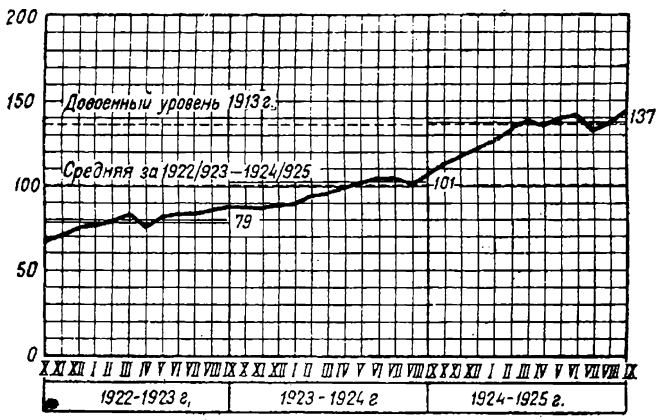
Мы видим, таким образом, что некоторые абсолютные величины нашего хозяйственного поля строительства уже и в настоящее время являются в достаточной степени импозантными. Однако гораздо более важным обстоятельством является темп, динамика всего процесса воспроизводства его в целом. Анализ нашего хозяйства, данный нами в системе контрольных цифр Госплана, наглядно показывает, насколько уже в настоящее время положительны те сдвиги, которые являются прямым результатом разрушения всего прежнего эксплоататорского, в политическом и экономическом смысле, механизма.

Но прежде чем перейти к соответствующему анализу контрольных цифр, мы обращаем внимание читателя на приведенную здесь (фиг. 9) диаграмму, изображающую динамику суточной производительности труда за трехлетие от 1922/23 г. до 1924/25 г. Мы видим, что эта суточная производительность представляет сплошной и плавный подъем, пересекая в своем последнем звене довоенный уровень суточной производительности труда (1913 г.).

Громадного значения этого подъема из года в год суточной производительности труда нисколько не колеблют факты некоторого ослабления подъема в первые кварталы 1925/26 г. Дело в том, что именно теперь мы пускаем в ход последний остаток наших консервированных фабрик и заводов и последние доли неиспользованного основного оборудования действующих органов промышленности. Так как в резерве естественным образом накоплялись наиболее дефективные элементы промышленного фонда, то введение их в работу уже одно, само по себе, не может не сопровождаться относительным падением производительности труда. А так как наряду с этим мы включили в действующую армию труда почти трехсоттысячную армию новичков, то и это обстоятельство не могло не сыграть известной понижательной роли. Однако все это явления лишь временного порядка, быстро изживаемые на наших глазах дальнейшим переоборудованием промышленности и практикой работающего персонала. Это не может быть иначе, ибо уже сами широкие слои нашего пролетариата зорко следят за всеми колебаниями производительности труда, связывая эти колебания с состоянием жизнедеятельности всего рабоче-крестьянского государства.

Диаграмма показывает, что подъем суточной производительности труда за это трехлетие из года в год колебался в пределах от 20 до 30%. Конечно, это были годы подъема от крайне низкого уровня суточной производитель-

ности, с крайних низов общей экономической разрухи. Тем не менее, величина подъема такова, что представляет собой блестящие страницы в истории труда нашей страны. Но если даже темп подъемного движения в ближайшие годы понизится вдвое, все же мы будем иметь такие годичные цифры общепромышленного приработка, о котором в период капитализма в нашем хозяйстве господам-промышленникам не приходилось и мечтать. Движение этой кривой производительности труда представляет собой поистине революционный сдвиг нашей экономики, значение которого трудно переоценить.

Фиг. 9. Динамика суточной производительности труда в СССР в % к средней за три данных года.

Он, между прочим, немедленно сказывается в соответствующем сдвиге темпа всего нашего производственного накопления в целом.

Вводя в эксплоатацию последние отряды дореволюционного промышленного резерва, мы естественным образом уже в текущем 1925/26 г. должны были наметить обширную программу переоборудования промышленности и отчасти ее нового строительства. Просчеты в области возможных хлебозаготовок как в количественном, так и в календарном смысле заставили нас многократно пересмотреть программу возможного капитального строительства. Тем не менее, минимальная программа такого строительства в нынешнем году оценивается в пределах от 650 до 750 млн. руб. по линии затрат на новое капитальное оборудование.

Но это капитальное оборудование, в свою очередь, требует соответствующих затрат для подкрепления оборотных средств промышленности и в не менее напряженной области — в коммунальном и жилищном строительстве. Таким образом общая сумма новых вложений, возможных для всей промышленности в нынешнем году, оценивается уже в круглой цифре 1,2—1,3 млрд. червонных рублей.

Каким образом правильно оценить всю экономическую значимость этой величины? Припомним, что весь капитальный фонд советского государства за исключением жилищного фонда потребительского значения исчислялся к началу 1924/25 г. суммой около 11,7 млрд. червонных рублей. Фонд частного, главным образом, крестьянского хозяйства, составлял к тому же сроку 7,5 млрд. руб. Достаточно привести эти цифры, чтобы

видеть, какой мощной гирей упадут проектируемые 1,3 млрд. вложений в промышленность на чашку весов накоплений социалистических элементов хозяйства.

Вернемся в заключение к анализу темпа накопления, выявляемого в системе опубликованных Госпланом контрольных цифр. В 1924 г., почти за год до опубликования нами контрольных цифр, два американца — Моультон и Пасвольский[1] — выпустили свою систему контрольных цифр советского хозяйства, развитую ими в специальной книжке под заглавием: «Русские долги и восстановление России». Названные авторы проявили в этом труде и чрезвычайную смелость и чрезвычайную эрудицию. Смелость их заключается в том, что они прямо говорят, гласно обращаясь к революционному народу Советского союза, что они, европейцы и американцы, за благо считают рассматривать этот революционный народ как простую акционерную компанию по уплате заграничных долгов. Эти господа склонны пророчествовать, что народам наших республик долгие и долгие годы предстоит нести на своих плечах то бедняцкое ярмо, которое они несли в своем недавнем предреволюционном прошлом и которое-де столь естественным образом соответствует фактам и цифрам экономики и политики нашего отсталого Востока.

Дело, однако, в том, что эти господа представляют, по всей видимости, своеобразную «паевую» компанию, в которую изрядное количество паев внесено заграничной белогвардейской профессурой. Тем не менее, следует признать, что в этой компактной книжке обработан весьма значительный материал из разнообразных источников довоенной экономики и в известной стройности рисунков ей отказывать не приходится.

Какова же «система контрольных цифр», преподносимая нам почтенными американскими профессорами? Как мы уже отмечали, цель советского хозяйства, по мнению этих авторов, — уплата заграничного долга. Как же исчисляется этот заграничный долг? Мы имеем перед собой нижеследующие интересные цифры (в млн. руб.)

Довоенный государственный долг . .	3 850
Гарантированные займы	870
Коммунальные займы	422
Промышленное инвестирование . . .	2 000
Военные займы	6 681
Всего	13 823

Пасвольский и Моультон немедленно высчитывают, что по этим кругленьким обязательствам современная Россия должна будет ежегодно уплачивать не менее и не более, как 640 млн. золотых рублей. Они сразу же постулируют, что поднять такое тягло собственными ресурсами государство не будет в состоянии. Новый иностранный заем является совершенной необходимостью. На первых порах этот заем предполагается в 3 млрд. золотых рублей и платежи по нему составят ежегодно около 240 млн. рублей золотом. Таким образом последняя целевая статья, по их мнению, хозяйственного баланса советских республик выльется в заграничный ежегодный платеж кругленькой суммы в 880 млн. золотых рублей.

Установив, таким образом, целевое задание, американские исследо-

[1] Эта книга вышла в 1925 г. сразу в двух русских изданиях: Л. Пасвольский и Г. Моультон, Русские долги и восстановление России, изд. «Плановое хозяйство» и то же — изд. НКФ

ватели начинают высчитывать все «за» и «против». Откуда российский народ может найти средства для таких громадных платежей? Допуская, что страна наша попрежнему будет представлять собой, по выражению Щедрина, «классическую страну баранов, склонных к стрижке», американцы думают, что так называемое «бюджетное превышение» и активный торговый баланс — вот два единственных источника погашения наших долгов.

Как подобает добрым соотечественникам знаменитого ныне мистера Дауэса [1], наши американцы стараются выработать такого рода хозяйственный план для нашего Союза, чтобы стригомая ими скотинка не подохла невзначай с предстоящей натуги. Каков же должен быть в таком случае наш государственный бюджет? В качестве отправного пункта берутся данные 1913 г., и за сокращением на три четверти почти миллиардного расхода на армию намечается бюджет необходимых расходов внутри страны в круглой цифре 2 млрд. руб. Прибавляя сюда вышеотмеченные 880 млн. заграничных платежей, мы получаем с некоторым округлением 3 млрд. золотых рублей. Отметим, что переводной коэфициент от довоенных золотых рублей к нашим червонным рублям примерно должен быть принят в 1,5. Таким образом червонное выражение бюджета по американскому проекту предвидится в 4½ млрд. червонных рублей. Такой бюджет окажется возможным, говорят они, лишь для России будущего, после того как она, разумно использовав 3 млрд. нового иностранного займа, вновь поднимется в своих основных хозяйственных статьях до довоенного уровня. Ввиду тяжких потерь за время войн и отпадения от России значительных территориальных западных областей этот довоенный уровень уже будет налицо примерно тогда, когда сельскохозяйственное производство дойдет до 95% довоенного размера. А это, в свою очередь, по расчетам авторов произойдет тогда, когда все население России перевалит за 150 млн. чел. Другими словами, для восстановления России при самых благоприятных условиях потребуется работа целого поколения.

На базисе этой восстановленной России авторы делают целый ряд дальнейших хозяйственных прикидок. Максимальная емкость русского вывоза при условии достижения довоенного уровня экономического развития приводит к цифре в 1 150 млн. руб. Минимум необходимого ввоза определяется в 1 033 млн. золотых рублей. Таким образом максимальная активность торгового баланса определяется примерно в 100 млн. руб.

Углубление этого анализа приводит господ американцев к тому выводу, что 3-миллиардный заем восстановления никак не может быть выдан русскому народу, «мысленно представленному, как акционерное или паевое товарищество, имеющее платить по долгам». Длительный мораторий с займом на восстановление в 1,4 млрд. руб. — вот тот предел, через который-де никому не удастся перешагнуть.

Такова система американских «контрольных цифр».

Вернемся теперь к последнему пересчету наших контрольных цифр. Мы утверждаем, что за один только 1925 г. наше сельское хозяйство подняло свою продукцию на 26,5%. Мы подходим, таким образом, уже в настоящее время к 90% довоенной продукции. Подъем промышленности на 1925/26 г. должен быть определен в цифре никак не менее 33%. Транспорт по признаку тоннокилометров соответствует уже 99% от работы 1913 г. Зарплата в среднем на 2—3% выше довоенной. Активность нашего торго-

[1] Дауэс Чарльз, вице-президент США, американский интендатский генерал, представитель Моргана в комиссии экспертов по установлению сроков и взносов германских репарационных платежей, автор последнего репарационного плана, по которому монополию на закабаление Германии получили США.

вого баланса, несмотря на неудачу в операциях экспорта и импорта за первую половину хозяйственного года, все же может быть исчислена в размере 100 млрд. руб.

Мы имеем все основания думать, что эти цифры окажутся вполне реальными цифрами и дальнейших поправок уже не потребуется.

Господа американцы явным образом просчитались! Мы обошлись и без их 3-миллиардной помощи.

Просчет их объясняется в конечном счете тем, что они просмотрели те революционные положительные сдвиги нашей экономики, которые как раз с такой поразительностью и выступают при сопоставлении американских подсчетов с нашими.

ТРАНСПОРТ В ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА[1]

Наше хозяйство после революции вместе со всем тем политическим строем, выразителем которого оно является, испытало три острых периода — оно перенесло три фазы большого критического напряжения (и будет еще частично переносить). И нет, по-моему, никакого сомнения, что во все эти три фазы роль транспорта была огромна.

Какие же эти три фазы? Первая — всем известная полоса войны, когда транспорт был плацдармом этой войны и «ногами» этой войны. Вся работа с периода войны, особенно периода гражданской войны, зависела от работы наших железных дорог. Разруха транспорта в этот момент означала поражение. Куда стремились силы противника для занятия нужных позиций, обеспечивающих ключ победы? На линии транспорта, на линии магистральных железнодорожных путей. Можно сказать, что опыт этой военной полосы еще раз подтвердил, что у войны помимо промышленности есть две главных артерии: денежная артерия и транспортная артерия.

Столь же существенно было значение транспорта и во вторую полосу критического напряжения, полосу, которую я считаю от начала 1921 г. и до конца 1923 г. или начала 1924 г., когда нам вместе с вами пришлось вести ожесточенную борьбу с экономической разрухой. Вспомним, как в 1918 г. подходил проф. Гриневецкий[2] к вопросу о роли транспорта и его значении в этот период громадной послереволюционной разрухи, послереволюционного распада. Он говорил, что транспорт сгущает в себе все элементы разрухи и представляет как раз наиболее опасное для народного хозяйства выражение этой разрухи.

В самом деле, когда мы говорим о транспорте, мы прежде всего имеем в виду его основное звено — железнодорожный транспорт. Железнодорожный транспорт — само это название показывает, какую колоссальную связь он имеет с тяжелой промышленностью. Разруха в металлопромышленности — непосредственный удар по линии транспорта; разруха по линии топлива — тоже удар, страшный удар по тому же транспортному организму. Вспомните, затем, валютную разруху и связь транспорта с бюджетом, с нашим финансовым положением. Ни в одной отрасли хозяйства нет такого резкого разделения между расходами «зависящими» и «независящими».

Недогрузка в работе транспорта, неизбежно надвигающаяся в полосу экономической разрухи, бьет его с особой силой. Вот почему в период разрухи было так много выигрышных моментов у наших врагов. Стоит только

[1] Литературно обработанный доклад на пленуме Совета правлений железнодорожного, водного и местного транспорта 11 апреля 1926 г. В сокращенном виде напечатан в «Правде» 15/IV 1926 г. (№ 86).

[2] Гриневецкий В. И. (1871—1919), известный русский инженер, основатель московской школы теплотехников, крупнейший авторитет в вопросах оборудования силовых станций и знаток машиностроительного дела.

Гриневецкий был ярым апологетом капитализма, так что его прогнозы восстановления промышленности, да и всего народного хозяйства Советской России, изложенные в работе «Послевоенные перспективы русской промышленности», при всей ее глубине были пропитаны определенными реставраторскими, контрреволюционными тенденциями.

себе представить, какое значение могла бы иметь настоящая транспортная разруха для наших разбросанных по крестьянскому морю островков-городов, чтобы согласиться с тем, что колоссальная роль транспорта в этот период не требует никаких доказательств.

Но, товарищи, я думаю, что неменьшее значение имеет транспортное хозяйство и для третьей полосы, которая перед нами развертывается. Могут сказать: в чем же дело, раз мы восстановили наше хозяйство или почти восстановили его, раз мы преодолели военную полосу, в чем же опасность теперь, почему я это утверждаю, что мы входим в третий фазис очень напряженной борьбы?

Напряженная ситуация в настоящее время связана с тем обстоятельством, что по различным линиям хозяйственного фронта мы подошли к довоенной черте, воспринимаем довоенную экономику, структура и тенденции которой отнюдь не соответствуют нынешней социальной обстановке.

Корабль идет полным ходом; мы подошли уже к размаху довоенного производства; теперь всякое неверное направление руля, конечно, скажется с гораздо большей силой, чем тогда, когда мы переживали полосу малой нагрузки железных дорог и малой производительности всего нашего хозяйства. Теперь дело усложняется тем, что мы вступаем в борьбу не с отдельными отсталыми элементами нашего хозяйства, а должны вступать в борьбу с мировым рынком. Отступить от этого мы не можем, потому что вся динамика нашего хозяйства не может развиваться, замыкаясь внутри страны.

Не надо смешивать рост связи с ростом зависимости; мы боремся, чтобы у нас была наименьшая зависимость от капиталистического окружения, но рост связей с внешним миром должен увеличиваться, раз мы переступаем довоенную черту. Кроме того, мы должны выдержать экзамен на строителя крупного масштаба, ибо мы должны придать нашему хозяйственному развитию новый ускоренный темп. Отсюда неизбежность борьбы двух режимов. Нам уже приходится искать в качестве измерителя не довоенный аршин, а послевоенные нормы передовых капиталистических стран.

Одновременно растет и активность народных масс, ясное сознание, что теперь наступает пора реализации тех достижений, которые мы на политическом фронте давно уже имеем, а на экономическом — только начинаем осуществлять. Это тоже обязывает нашу внутреннюю работу к более сильному напряжению. Крестьянское хозяйство выступает с определенными законными требованиями нового технического вооружения сельского хозяйства, которым мы должны пойти навстречу. Вот решительный экзамен. Выдержим мы этот экзамен — оправдываются с лихвой все принесенные нами жертвы.

И вот в этой третьей полосе трудно переоценить значение транспорта. Товарищи, что же нам предстоит? Раз мы признаем, что 1926/27 г. — примерная грань, где мы переступаем по всем решительно направлениям уровень довоенной экономики, что же стоит перед нами в том аспекте, который я нарисовал? Я отвечаю: изменение структуры нашего хозяйства, его качества.

Чем определяется изменение нашего хозяйства? Тем, что элементы новых сооружений, нового строительства будут преобладать в нашей хозяйственной работе. А если взять и сопоставить нынешнее наше хозяйство не с нашим довоенным хозяйством, а с западноевропейским, то и с количественной и качественной стороны оказывается огромная разница — с минусом для нас. Нам надо сильно догонять, нам надо вкладывать новые и новые средства.

Когда мы приступаем ко всякой большой перестройке, ребром выступает вопрос о транспорте. Когда мы строим, например, большую районную электростанцию (я сам участвовал в постройке такой электростанции в 80 *км* от Москвы), то с чего мы начинаем? Разумеется, нужно прежде всего обеспечить

сооружение станции соответствующим транспортом. Каким образом строят американцы новые города, как они завоевывают территории? Они проводят железнодорожные линии и рядом с железнодорожными линиями проводят электричество. В крупном строительстве транспорт всегда выступает вперед.

Основной момент в том качественном изменении хозяйства, которое нам предстоит произвести, заключается в том, чтобы найти то основное звено, которое, по Ленину, всегда нужно найти в сложном цикле явлений, с тем, чтобы, ухватившись за это звено, приподнять соответствующий фронт. Где ныне это основное звено, которое намечается довольно единодушно? Это звено называется индустриализацией.

Что такое индустриализация? Дают различные определения термину «индустриализация».

Для того чтобы показать, что такое индустриализация страны, нужно обратиться к сравнению нашей страны с высокоразвитыми индустриальными странами, и я думаю, что у всех тут сейчас же возникает мысль о сопоставлении с США.

Взгляните на диаграмму индексов капитальных вложений в США с начала 900-х годов до 1919 г. (фиг. 10). Графики представляют интересную картину за срок в 20 лет. Внизу идет линия, изображающая движение народонаселения, к ней тесно примыкает линия сельского хозяйства. Очень близко к этой кривой народонаселения идет текстиль, а также недалеко идет пищевкусовая промышленность; гигантский взлет вверх, покрывающий все остальное, делает электропромышленность, практическая прикладная электротехника. Но наряду с этой огромной восходящей линией идет линия транспорта, вернее, промышленности, служащей для средств транспорта. Интересно отметить, что эта линия идет рядом с линией прикладной электротехники. Линия транспортной промышленности, линия транспортного механизма перекрещивается с другой линией — линией железа и стали. До 1914 г. или до 1915 г. линия железа и стали идет над транспортом, обгоняет транспорт; за военный период транспорт резко перекрывает эту линию и является доминирующим над всей линией фабрично-заводской промышленности. Обратите внимание на то, что транспорт перекрыл, передвинулся над линией тяжелой промышленности после того, как предшествовала полоса развития, когда железо и сталь перекрывали развитие транспорта. Это я говорю потому, что здесь отмечали неправильность того, что расход на промышленность в настоящее время больше, чем расход на транспорт. Мы дальше увидим, насколько этот расход больше и в какой пропорции эти расходы находятся.

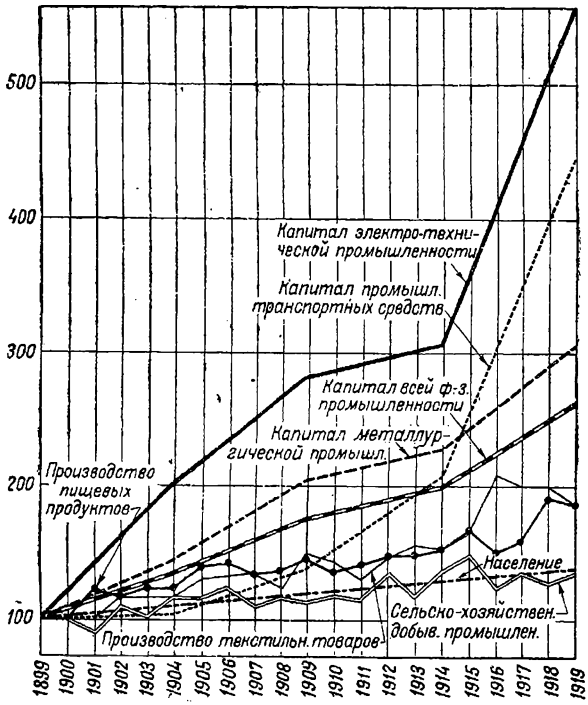
Итак, если мы хотим итти по американской линии, то вы видите, что предпосылкой строительного периода в транспорте является развитие тяжелой индустрии.

Есть еще один момент, на который нам сейчас необходимо обратить внимание. Необходимо иметь в виду, что помимо железных дорог колоссальную роль играет транспорт автомобильный. Следовательно, мы должны иметь в виду транспортный комбинат, в который железнодорожный транспорт входит в особое сожительство, соответствующее условиям XX века, и с автомобильным транспортом и с транспортом водным. Это нужно учесть, когда мы будем говорить о транспортной проблеме в целом, и это сразу подготовляет нас к тем трудностям, которые нам предстоят. Пространство без транспортного оборудования представляет собой мертвое пространство; задача транспорта заключается в том, чтобы преодолеть это мертвое пространство.

У нас было два вида бедствий в транспортном деле: окраинное расположение топливных районов и окраинное расположение главных продовольственных районов. Движение каменного угля, минерального топлива и леса,

с одной стороны, а с другой — хлеба создавало и создает громаднейшие пробеги.

По линии западного фронта мы потеряли ряд удобных портов и громадное значение приобрел удаленный Ленинградский порт. Это уже представляет некоторый ущерб. Следующий важный момент, который усложняет транс-

Фиг. 10. Сопоставление индексов роста сельскохозяйственной продукции и населения с производством и капиталами некоторых отраслей промышленности в США (1869—100).

портную проблему, — необходимость подтянуть окраины к нашему передовому хозяйственному фронту. Думаю, что теперь, при обсуждении наших транспортных планов, мы будем чувствовать себя несколько по-другому, чем тогда, когда вместе с вами в Комитете государственных сооружений обсуждали такие проекты. Придется считаться со специальными нуждами удаленных республик и районов в гораздо большей степени.

Количественно продукция должна расти с каждым годом. Следовательно, с каждым годом должен усиливаться напор на потребление не только топлива и хлеба, но вообще всех видов сырья. Это означает необходимость включения в транспортную орбиту все новых и новых сырьевых районов. Все эти соображения говорят за то, что транспортная проблема в нашей стране и требовала и будет требовать от нас особо напряженной работы.

Мы предполагаем, что при помощи экономического районирования нам

удастся справиться с бюрократическим уклоном в нашем хозяйстве. Охватить хозяйственным планированием из единого центра огромную территорию нашей страны, правда, не представляется возможным. Развитие планового хозяйства тесно связано с функционированием правильно выделенных экономических районов.

В нашем экономическом районировании мы не должны быть большими педантами: необходимо опираться наряду с существованием экономических районов также на отдельные республики. Однако и наши республики и наши экономические районы сами заинтересованы в том, чтобы не быть носителями сепаратизма, чтобы суметь найти свое место в СССР на основах правильного разделения труда. Другими словами, наши экономические районы должны каждый иметь свое специализированное хозяйственное лицо. Но в таком случае развитая транспортная сеть лишь одна в состоянии осуществить такое районирование и придать ему такое органическое единство, при котором вся страна в целом будет развиваться с наибольшим успехом.

Наше целевое хозяйственное строительство со своей стороны с особой силой связывает идею транспортного планирования с хозяйственным планированием вообще. Транспорт — это своего рода кровеносная система, несущая питательный материал ко всему хозяйственному организму.

Прибавьте сюда систему нервно-мускульную, и вы получите совокупность главных элементов, предопределяющих жизнедеятельность всего организма. Мы думаем, что такой нервно-мускульной системой являются сети государственных электропередач, назначение которых быть не просто распределителями световой и силовой электрической энергии, но своего рода аккумуляторами и рационализаторами всего теплового хозяйства. Если мы будем вести такое целевое хозяйственное строительство, то транспортные работы пойдут рядом с работами по электрификации. Вот почему можно сказать, что большое транспортное строительство еще впереди, оно будет осуществляться наряду с большим строительством в области электрификации. Пока в той и другой области мы находимся в начинательной полосе.

Ближайшие пять лет — лишь преддверие работ генеральной реконструкции. Это легко доказать, сопоставляя цифру наших вложений с капитальными затратами в США, охваченными в настоящее время процессом крупной хозяйственной реконструкции. Трудность обходиться собственными ресурсами для нас может быть ясна, если мы припомним, в какой доле все наше прежнее железнодорожное строительство было связано с иностранными займами. Советую вам запомнить две круглых цифры: довоенный долг России исчислялся в 8,8 млрд. руб., из которых на долю железнодорожных займов приходилось 3 млрд. Вы знаете, как туго обстоит дело с железнодорожными займами, и заранее надо предвидеть, что вложение крупных капиталов в медленно оборачивающийся железнодорожный капитал не так легко осуществить.

Я позволил себе остановиться с несколько большей подробностью на этом общем вступлении, чтобы с возможной наглядностью охарактеризовать перед вами позицию Госплана в транспортной проблеме. Надеюсь, что теперь вы не будете сомневаться в том, что мы в достаточной степени оцениваем всю важность транспортной проблемы.

Перехожу к языку цифр и фактов, которые облегчат нам обсуждение транспортного бюджета в предстоящее пятилетие.

Предупреждаю, что это лишь черновая схема, подлежащая всецело дискуссионному обсуждению. В предстоящую нам полосу хозяйственного строительства крайне необходимо, чтобы такие большие хозяйственные планы являлись продуктами коллективного творчества и чтобы, например, в транспортной проблеме первое слово исходило от самих транспортников.

Достоинство нашего плана по транспорту в том, что он впервые —

плохо ли, хорошо ли — включен в общехозяйственный план. Центром тяжести этого хозяйственного плана, основным вопросом, перекрывающим все остальные вопросы, является вопрос о накоплении и темпе этого накопления. Здесь мы делаем первичную попытку оценки этого общего накопления и разверстку его по главным хозяйственным отраслям.

Думаю, что не приходится защищать перед вами Госплан от тех нападок, которые доносятся к нам из зарубежных белогвардейских рядов. Там иронизируют относительно самых попыток планирования, приравнивая их к претензиям на ясновидение. Не смеются только некоторые круги экономистов в такой стране, как США. Там серьезно считаются с нашей работой и взвешивают ее достоинства и недостатки. Недавно был опубликован в «Торгово-промышленной газете» материал, относящийся к хозяйственному планированию в США. Мы видим, что кроме знаменитого Гарвардского конъюнктурного института крупные американские тресты пытаются вырабатывать для себя свои системы контрольных цифр и подробные операционные планы, которые, конечно, очень далеки от народнохозяйственного планирования [1].

Итак, видим, что только целостный плановый охват хозяйственной деятельности и четкий целевой характер хозяйственной деятельности пролетарского государства — вот что должно составлять отличительную сущность нашего планового строительства. Все это вы должны иметь в виду при оценке предлагаемой вашему вниманию гипотезы пятилетней хозяйственной перспективы.

Обращу ваше внимание лишь на главные цифры. Начнем с показателей, характеризующих порядок наших капитальных вложений в разнообразные отрасли хозяйства.

Диаграмма капитальных вложений в народное хозяйство СССР за 1924/25—1929/30 гг. (см. фиг. 11 на стр. 139) показывает такую нисходящую линию: государственная промышленность, железнодорожный транспорт, жилищный фонд, сельское хозяйство, электрификация, водный транспорт, коммунальное хозяйство и связь. В общей сумме эти вложения за пять лет выразятся кругло в 13 млрд. червонных рублей. На первом месте идет государственная промышленность со своими 4,9 млрд. червонных рублей капитальных вложений, за ней транспорт — 3 890 млн. руб. Транспорт занимает как будто второе место. Однако надо принять во внимание, что из почти 5 млрд. руб., затрачиваемых на промышленность, со стороны привлекается около 500 млн. руб., тогда как на железнодорожный и водный транспорт потребуется со стороны около 2,5 млрд. руб. Таким образом первое место по вложениям сторонних средств в нашем плане занимает транспорт. Наряду с промышленным и железнодорожным фондом выступает огромный жилищный фонд — обстоятельство, быть может, для многих неожиданное.

Каковы же итоги этого имущественного подсчета к 1930 г.? Железнодорожный фонд составляет 10,5 млрд., промышленный — 8,5 млрд. и жилищный — 7,5 млрд. руб. На первом месте, как видим, — транспортный фонд.

Известно, как неудачны были наши первые варианты транспортных перспективных планов [2]. Будем надеяться, что эти ошибки нас кое-чему научили. Однако можем ли мы итти вперед в смысле потребления транспортных услуг? Едва ли. Здесь приходится заранее предвидеть некоторые пределы.

[1] Бесплодность капиталистического планирования хозяйства вообще и американского в частности в достаточной мере подтверждена многочисленными фактами периода всеобщего кризиса капитализма и депрессии особого рода. Но наиболее отчетливо бесплодность капиталистического планирования можно было проследить по американской организации NIRA, ликвидированной в 1935 г. постановлением суда.

[2] Имеются в виду наметки пятилетнего плана (1923/24—1927/28, затем 1925/26—1929/30 гг.) железнодорожного транспорта, составленные в 1924 и 1925 гг. и опубликованные в «Материалах к перспективному плану», вып. I, М., 1924.

Едва ли мы будем в состоянии вложить в это пятилетие в железнодорожный транспорт более 2,5 млрд. руб. В дальнейшем мы увидим, что подъем тарифов также имеет свои пределы, и рассчитывать на большой прирост с этой стороны точно так же не приходится. Таким образом защитникам усиленных капитальных вложений в транспорт придется прежде всего поработать над приисканием источников погашения таких затрат.

Теперь перейдем к такому вопросу, как движение рабочей силы. Здесь предположено очень умеренное возрастание. Предполагается, что и уровень заработной платы будет поднят очень осторожно, примерно так, чтобы по нынешним индексам получить довоенный уровень, чтобы железнодорожный работник в среднем получал 72 р. 60 к. Эти расчеты очень относительные и зависят от политики цен. Но ведь в общей сложности дело таким сопоставлением не решается. Какова политика цен, каков уровень индекса в области сельского хозяйства, в области основных видов промышленности? Здесь эти данные приведены, и они говорят, что как будто бы общая оценка сделана правильно.

Но здесь вплотную надвигается другой вопрос. Можно ли мириться с таким громадным количеством работников, если мы действительно конкурируем в нашем железнодорожном строительстве с западноевропейским? Американские цифры, как вы знаете, в этом отношении бьют нас наголову. Производительность труда железных дорог в Америке в три раза больше, а число служащих на 1 *км* — в три раза меньше. Если мы являемся организаторами новых форм труда, если мы рационализируем нашу работу, то понятно, что фонд накопления даст другой высший уровень для жизни транспортных работников; перед нами задача со многими неизвестными.

Я уже отмечал, что вы находите здесь «узкое место» и по линии водного транспорта. Оказывается, что по линии железнодорожного транспорта из 4 млрд. руб. новых вложений мы 2 млрд. руб., т. е. 50%, привлекаем со стороны. А по линии морского и речного транспорта приходится из 600 млн. руб. около 400 млн. руб. найти со стороны. С этой стороны дело обстоит в высокой степени неблагополучно.

Можно сказать, что теснота транспортных расчетов условна, что транспортные доходы в значительной степени зависят от тарифной политики, а в области тарифной политики у нас имеются громадные преимущества перед капиталистическими странами, где частнохозяйственные группы силой своей хозяйственной мощи защищают свои интересы. Мы же можем устанавливать свои тарифы, руководствуясь научным анализом хозяйственных потребностей.

Но что говорит этот анализ? Он свидетельствует о том, что при задаче транспортного охвата новых районов в целях вовлечения нового сырья и использования наших богатств надо быть очень осторожным при повышении железнодорожного тарифа, ибо последние так же, как и цены на электрическую энергию, косвенно являются оплодотворителями хозяйственной динамики всей страны. Иногда косвенно мы получаем гораздо большую прибыль при низких железнодорожных тарифах, чем при высоких. Кое-какие наметки в сторону повышения тарифов уже сделаны, и я думаю, что здесь есть некоторые возможности. Если сопоставить наши железные дороги с американскими, то американские дают валового дохода 5%, а у нас — 4%. Выходит как будто бы, что наш тарифный индекс находится в хвосте других индексов. Правда, нельзя сказать, что наш общетоварный индекс[1] равен 2 — это неверно; у нас индекс равен 1,7, но товарный индекс все же отстал.

[1] Всероссийский товарный индекс Госплана, или оптовый товарный индекс, начал составляться с 1 августа 1922 г. по ценам 72 товаров, собираемым в 60 городах, где велась оптовая торговля. Вычислялся всероссийский товарный индекс путем выведения взвешенной геометрической средней из цен этих товаров. Вес различных товаров определялся на основании данных о производстве, потреблении и торговых оборотах.

Я хочу несколько конкретизировать мои указания на то, что железнодорожное строительство в нашем проекте не имеет того размаха, который можно бы предполагать по общей ситуации. Я напомню, что в нашем первом плане Государственной комиссии по электрификации мы хотели за 10—15 лет по линии электрификации вложить 1—2 млрд. руб., по линии добываю-

	24/25	25/26	26/27	27/28	28/29	29/30	Всего за 5 лет
ГОСПРОМЫШЛЕННОСТЬ	453	750	900	1000	1000	1200	4950
ЖЕЛ. ДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ	52	299	775	883	958	975	3850
ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД	100	196	266	350	490	595	1897
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	53	100		140	160	180	700
ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ	55	112	113	125	125	125	600
ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ	24.4	61.2	99.6	108.7	115	127	511.5
КОММУНАЛЬН. СТРОИТЕЛЬСТВО	25	49	66.5	87.4	122.5	148.7	474.1
СВЯЗЬ	8.7	12	15	20	25	30	102
ИТОГО	771.1 100%	1579.2 201%	2355.1 304%	2713.7 351%	2995.5 400%	3380.7 438%	13124.8
Прирост за год % %		101	51	15.1	14.1	9.4	
Расходы на ирригацию, мелиорацию, дорожное строительство, индустриализацию, совхозы							

Фиг. 11. Капитальные вложения в народное хозяйство СССР (в млн. червонных рублей).

щей промышленности — 5 млрд. руб., по линии обрабатывающей — 3 млрд. руб., а на восстановление железных дорог и новый транспорт — 8 млрд. руб.; из них на 22 000 *км* новых железных дорог мы хотели затратить не менее 3 млрд. руб. Такова наметка генерального плана.

Мы идем на вложение несколько меньших средств. Оно, однако, не так мало. В своей недавней статье о транспортной пятилетке т. Струмилин показал, что в предвоенное пятилетие новое железнодорожное строительство расширило сеть на 6%, а мы проектируем расширение на 21% [1].

Общий фонд капитальных вложений — 3890 млн. червонных рублей; из них со стороны — около 2 млрд. руб., а сам транспорт даст 1 889 млн. руб. Только подъем тарифов может несколько улучшить положение.

[1] С. Г. Струмилин, Очерки советской экономики, ГИЗ. 1928, стр. 374 (в эту книгу вошла статья, на которую Г. М. Кржижановский ссылается).

Когда обсуждаешь вопрос транспортного механизма, то для того, чтобы иметь перед собой ясную перспективу будущего, никак нельзя ограничиться подсчетами исключительно в транспортном направлении. Приходится посмотреть, как мы идем по линии сельского хозяйства, по линии промышленности, каковы фонды накопления, каковы перспективы бюджета и т. д.

		23/24	24/25	25/26	26/27	27/28	28/29	29/30	Всего за 4 5лет
ГОСПРОМЫШЛЕННОСТЬ			570	709	796	882	976	1081	4444
ЖЕЛ. ДОР. ТРАНСПОРТ			162.0	226.6	237.2	307.0	451.1	600.0	1821.9
РАЙОННЫЕ ЭЛЕКТРО-СТАНЦИИ			13.7	19.0	28.8	38.4	49.1	53.3	188.6
ЖИЛИЩНЫЙ ФОНД		34	71	275	406	412	423	442	1957
ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ			11.2	16.2	19.6	22.1	24.5	27.1	109.5
КОММУНАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ			38	40.6	45.9	52.3	65.2	72.3	276.3
ГОСТОРГОВЛЯ		58.3	97	125	143	157	173	190	788
БАНКИ		51.6	125	175	214	240	260	280	1169
БЮДЖЕТ			293	353	436	665	861	997	3312
ВСЕГО	в абсолютных цифрах		1380.9	1939.4	2325.5	2775.8	3282.9	3742.7	14066.3
	% к 1924 1925 г.		100	140.4	168.4	201.0	237.7	271.0	
	% годового прироста			40.4	19.9	19.4	18.3	14.0	

Фиг. 12. Фонды накопления (прибыль + амортизация) (в млн. червонных рублей).

Если подытожить запросы по всем линиям нашего хозяйства и учесть ближайшие нужды индустриализации, то, как видим из таблицы капиталовложений, выходит, что нужно около 13 млрд. руб. Нехватает расчета нужд местного транспорта. Косвенно, в ассигновании 700 млн. руб. по сельскому хозяйству местный транспорт предвидится; точно так же предвидится он и по разделу обороны. Во всяком случае здесь сведены крупнейшие неотложные расходы, и сводка говорит о том, что если не коснуться весьма сложного вопроса об оборотном капитале, то все-таки свести концы с концами мы можем даже в условиях отсутствия заграничного капитала. Таблица фонда накопления (см. фиг. 12 на стр. 140) приводит к цифре выше 14 млрд. червонных рублей.

Транспортный механизм нами уже настолько прощупан, что наши подсчеты могут быть лишь просчетами темпа, но не существа железнодорожного хозяйства. Приходится во всяком случае признать, что мы еще не вошли в стадию такого хозяйствования, когда можно иметь значительный резервный фонд. Мы к этому только стремимся, но сейчас, в нынешних напряженных условиях, крупных резервных фондов мы иметь не можем. Приходится искать резервов, рационализируя работу, ища такую конструкцию и такую организацию хозяйства, его строительных и эксплоатационных моментов,

которые максимально облегчали бы издержки производства.

Много ли мы в этом отношении сделали? Я считаю, что крупный шаг был сделан правлениями железных дорог по линии дебюрократизации транспорта. Но присматриваясь к жизни правлений железных дорог, можно заключить, что здесь мы еще очень и очень осторожно двигаемся вперед. Думаю, что в этом отношении нам не столько нужно ездить на заграничные съезды, сколько присматриваться к своему железнодорожному хозяйству и искать новые формы у себя. В этом отношении наши возможности огромны и многое можно сделать помимо новых «цифр-показателей». Главное — нужно искать новых организационных типов железнодорожной работы. Я давно уже настаивал на том, чтобы товарищи железнодорожники выделили какую-нибудь дорогу в качестве образцовой, опытной и поставили бы ее в условия исключительного характера. Многое мы должны искать только опытным путем.

Идеи магистрализации и электрификации железнодорожного транспорта мы должны дополнить участием транспорта в наших будущих хозяйственных комбинатах районного характера. Идея крупного транспортного строительства связана с идеей тех сверхмагистралей, которые мы видим в линии Волги, приведенной в надлежащее состояние, в линии Днепра, с уничтожением порогов, в Волго-Донском канале и т. п. Эти огромные работы уже в следующие 5—10 лет встанут, после 1930 г., с такой же остротой, как ныне стоят работы меньшего порядка.

Однако если мы оглянемся назад, то нам есть чем подбодриться. Вспомните те трудные времена, когда мы попросту даже и не знали, что фактически делается в железнодорожном хозяйстве, когда в нем были утеряны самая «мера и вес», когда штат был раздут до персонала в 1 200 тыс. самообороняющихся людей. Вспомните, как самому т. Ленину приходилось в те годы прослеживать движение каких-нибудь десятков вагонов с ответственным грузом. Самый принцип платности железнодорожных услуг был проведен с большим трудом. Ставка наших врагов на транспортную катастрофу была реалистической ставкой. Она была бита героизмом транспортных работников. В 1921 г. я писал:[1] «Прослеживая судьбу транспорта за годы войны и революции, мы должны определенно признать, что наряду с обстоятельствами транспортной разрухи наш железнодорожный транспорт вместе с тем выявил удивительную жизнеспособность. Стоит только вспомнить, сколько раз ученые исследователи разнообразных лагерей предрекали с месяца на месяц полнейшее застопоривание движения на железных дорогах и немедленную остановку жизнедеятельности наших промышленных и политических центров. Но, несмотря на самые тяжелые времена, их ожидания не оправдались, и в общем и целом работники транспорта все же выходили из самого затруднительного положения». Нужно думать, что и в предстоящую полосу наших транспортных работ у товарищей транспортников найдется достаточно мужества и героизма, чтобы с честью преодолеть и эти трудные этапы борьбы за рациональный транспорт.

---

[1] «Хозяйственные проблемы РСФСР». Работа вышла отдельной брошюрой в 1921 г. Перепечатана в сочинениях Г. М. Кржижановского, т. II, стр. 100.

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ [1]

(Отрывки из воспоминаний)

Кто из нас, имевших исключительное счастье работать в непосредственном контакте с Владимиром Ильичом, не знал Ф. Э. Дзержинского еще задолго, порой, до личного знакомства с ним? Его бурная, страстная, цельная натура с такой исключительной яркостью выявляла себя в эти вулканические годы развертывающейся социальной революции, он стоял с беззаветным мужеством на таких передовых постах, что личность его приобретала своеобразный, легендарный характер еще при его жизни. Он не горел ровным спокойным пламенем, он был огнедышащим факелом, либо зажигавшим сердца людей своим великим энтузиазмом верующего борца, либо опалявшим своих противников бешеной ненавистью.

Карающим мечом рабоче-крестьянской революции был он, и нужны были богатырские силы, чтобы выполнить эту роль с такой исключительной силой, с какой выполнил ее Феликс Эдмундович. Он был бестрепетен в те решительные минуты, когда перед ним с одной стороны на чаше весов лежали кровные интересы рабочего класса, шансы благоприятных перспектив гигантской мировой борьбы революционного пролетариата, а на другой — цепи и охвостья старого мира...

— Неужели это он, — думал я в часы и дни первого знакомства с Феликсом Эдмундовичем, всматриваясь в тонкие черты его лица и любуясь его открытыми, спокойными, ясными голубыми глазами. Вот этот высокий, стройный человек в скромной солдатской шинели, с таким исключительно добросовестным вниманием прислушивающийся к своему собеседнику, — это и есть знаменитый Феликс?

Мы сидим в кабинете, который в представлении клеветников-врагов рисуется чем-то вроде средневекового застенка, а передо мной человек, который с первого же взгляда подкупает своей исключительной сердечностью и внутренним теплом, на столе же и на стенках несколько фотографий детских групп...

Мое личное знакомство с Феликсом Эдмундовичем имело место почти исключительно на почве хозяйственных вопросов. Первый бурный всплеск революционных волн завершился и трансформировался в стихиях громадного советского хозяйственного строительства. Республика рабочих и крестьян, только что одолевшая гигантское военное напряжение, казалось, изнемогала от тяжких ран экономической разрухи. Миллионы людей страдали от голода, топливный кризис свирепствовал с небывалой силой, транспортный кризис заставлял В. И. Ленина часами размышлять над движением маршрутных грузов, спасающих красную Москву от гибели в двойных роковых объятиях — голода и холода. Валюта стремительно катилась вниз...

Хозяйственная работа в эти начальные годы восстановительного хозяйственного процесса являлась настоящим полем брани. Это была вторая ставка всего вражеского пролетарскому миру лагеря — не выдержат, погибнут!

---

[1] Статья, написанная в июле 1927 г. Напечатана в журнале «Красная звезда».

Дорогой Глеб Максимильянович!

При сем выписка постановления коллегии НКПС от 17/II и из журнала заседания Секции В. Т. К. от 8/II по вопросу о тепловозе системы инж. А. И. Шелеста.

В. Т. К. признало целесообразным строить этот тепловоз заграницей. Я считаю такое постановление недостаточно еще обоснованным — и полагаю, что необходимо изыскать всемерно возможность строить у нас в России. И поэтому я обращаюсь к Вам за помощью. Постройка и сама попытка постройки тепловоза в России обозначало бы:

1) создание у нас очага теоретической и практической работы по основному вопросу нашего тягового хозяйства. При разрешении этого основного вопроса разрешались бы побочные но первостепенной важности вопросы;

2) работу над приспособлением наших отсталых заводов к требованиям развивающейся техники. Если эта работа не будет вестись, нам угрожает необходимость закрытия наших заводов и рабстве заграничному капиталу;

3) проверку наших «ученостей» по технике, ибо до сих пор — они при всей своей многочисленности (конечно по нашему масштабу — нищих) ей-ей Советский хлеб даром едят и даже во вред Республике. Вся моя двухлетняя практика доказала мне это. Надо их заставить работать по конкретному заданию или прогнать.

Я не буду говорить о политических мотивах... Пусть Ломоносов строит два тепловоза заграницей — а Шелест пусть у нас строит. Думаю, что на это средств жалеть не нужно. Я уверен, что, если призвать инженеров наших заводов, которые болеют душой за эти заводы, они разобьют доводы наших инженеров путейских. Можно из-за границы получить все части, все то, чего нельзя у нас сделать. Можно посылать заграницу для той или другой частности, для изучения теоретической постановки — кого потребуется, но строить следовало бы здесь.

И постройка его была бы вопросом не только Шелеста или другого инженера, а всего Госплана, всего НКПС, всего ВСНХ и всей нашей партии изо дня в день. А заграницей, боюсь, это будет вопросом борьбы и интриг двух — Шелест-Ломоносов.

18/II 23 г. Ф. Дзержинский

Дорогой Глеб Максимилианович!

При сем выписка постановления коллегии НКИД от 12 II и из журнала заседания Секции В. Т. К. от 8 II по вопросу о детском вечере сборника им. А. И. Шингарева.

В. Т. К. принято ценность прислать врач-ру № 2707 детской заграничной. Я считаю такое постановление недостаточно ясно обоснованным – и полагаю, что наблюдению нашего вернее всего сможет отразить учет в России. И поэтому я обращаюсь к Вам за помощью. Построение детской в России обычно бы

1) создание у нас очага научной и практической работы по основному вопросу нашего детского воспитания. При разрешении этого основного вопроса разрешались бы побочные по первостепенной важности вопросы

2) Работу над приспособлением нашего строя завоевав к требованиям развивающейся техники. Если эта работа не будет вестись нами сегодня, необходимость закрепить наши завоевания и работу за границей нашему хозяйству

3) Проверку наших „ученостей" по делам
Ибо до сих пор - они при всей своей мало
численности (конечно по нашему
масштабу - ничтожны) ещё - ей Советской
хлеб ядром едят и даже во время Ревуш
бики. Вся моя внутренняя практика
доказала мне это. Надо их заставить ра
ботать по конкретному заданию или
прочь

Я не буду говорить о политических мотивах.
Пусть Ломоносов едет два раза заграницу - с Шлецером пусть учится едет.
Очень ли это дорого стоило бы нам?
Я уверен что если призвать Шлецеров на
ших заводов, которые больше думают за 27 г.
заводы они разобьют девять наших инженеров
из 30
путейских. Можно заграницу послать
все части, все то, чего нельзя здесь сделать.
Можно посылать заграницу для той или
другой частности, для изучения технической
постановки - кого подучить, но ездить
с мудрецами не здесь.

И построить его дело бы вопросом
не только Шлецера или другого инженера а
всего Госплана, всего ИКИС, всего Всей и
всей нашей партии - на дня в день. А
заграницей, боюсь, это будет вопросом
бюджета и инерции двух - Шлецер - Ломоносов.

18/II 23 г. Ульянов (Ленин)

Феликс Эдмундович не мог не быть участником борьбы на самых передовых позициях. Не выпуская из рук «винтовки», он должен был стать в ряды хозяйственников, и приказ В. И. Ленина, назначивший его главой транспорта, реализировал лишь то, что неизбежно должно было случиться в той или другой форме по воле самого Феликса Эдмундовича. С этого момента и началось мое общение на хозяйственной почве с Феликсом Эдмундовичем, началась новая эра деятельности этого замечательного человека, сумевшего с такой исключительной быстротой занять самое выдающееся положение среди наших хозяйственников и навеки сочетать свою рыцарскую фигуру с ответственнейшими этапами нашей борьбы с великой разрухой.

В чем же секрет этого изумительного успеха, этой изумительной трансформации воина в мирного работника?

Прежде всего разгадка в том, что работник на поле пролетарского хозяйственного строительства не может не быть одновременно воином. Наше строительство есть непрестанная борьба, требующая великого напряжения и разума и воли. Закаленный десятками лет революционной борьбы, вынесший на своих плечах муки подполья и каторги, Ф. Э. Дзержинский был как раз типом того строителя, строителя-вождя, который требовался внутренней логикой послеоктябрьских событий.

Мне пришлось наблюдать то душевное смятение, которое охватило Феликса Эдмундовича на первых порах его знакомства с делами транспорта.

Огромный транспортный механизм скрежетал во всех своих скрепах и грозил окончательным распадом. Достаточно было беглого проезда по любой дороге, чтобы видеть агонию транспорта. Развороченные мосты на деревянных срубах под железными фермами, явные перекосы полотна, невыправленные линии рельс, убийственные стоянки — кладбища разбитых вагонов и паровозов, грязные развалины станций, движение поездов по вдохновению, а не по расписанию, наглые хищения грузов, угрожающий рост крушений, «энергетика» на сырых дровах с самопомощью пассажиров, катастрофическое падение производительности труда, двойные, тройные комплекты бездействующего персонала, совершенная неувязка по линии промышленности и финансов...

За что взяться, где решающее звено — шпалы или паровозы, топливо или служебный регламент, вливание новых средств или поиски собственных ресурсов?

Даже самый опытный инженер-транспортник, будь он матерым железнодорожным волком, дрогнул бы и смутился, если бы ему сказали, что отныне он ответственен за судьбы этого транспорта... А ведь, для Феликса Эдмундовича было ясно, что дело не просто в транспорте: здесь, на этих рельсах, решались судьбы республики советов, за бытие которой сложили свои честные головы тысячи и тысячи передовых борцов... Явления полупаралича были налицо, паралич знаменовал бы полнейший крах. Враги рабочего класса, контрреволюционные «специалисты» и маститые профессора-апологеты российского капитализма во главе с Гриневецким предсказывали, что выхода для советской власти из транспортной разрухи нет и быть не может.

Феликс Эдмундович не был ни знатоком профессором, ни железнодорожным специалистом. В его железнодорожном стаже кроме печального знакомства с великой Сибирской магистралью по обстоятельствам «каторги и ссылки» значилась всего одна железнодорожная партизанская вылазка. В один из голодных кризисов лютой зимы надо было вывезти из необъятной Сибири несколько десятков миллионов пудов хлеба. То была последняя надежда для голодающего центра. Приказами действовать уже нельзя было.

Вначале должно было стоять дело, а не слово. Надо было с бешеной энергией сбить маршруты из всего действующего состава железных дорог, поставить во главе их отважного человека и бросить в ледяные поля Сибири. Маршалом всего этого «хлебного корпуса», решавшим его судьбы, был назначен Феликс Эдмундович. И с горстью отважных он реализовал это чудо — сибирский хлеб спас нас от трагической развязки...

Это, однако, было лишь героически партизанское ударное действие. Теперь же требовалось стократно усилить удар, в обстановке неимоверно более сложной при ясном сознании, что партизанщиной на этот раз не вылезть, что лишь глубоко и верно задуманный план, рассчитанный на ряд лет, может создать необходимое подъемное движение... Здесь было от чего дрогнуть перед великой ответственностью.

Инкубационный период нового комиссара транспорта был недолог. Уже после двух-трех бесед с ним на волновавшие нас транспортные темы я был всецело убежден, что на этот раз на самом опасном пункте нашего хозяйства был надлежащий человек.

Честный солдат-гражданин не мог успокоиться, пока сам, не щадя своих сил, не прощупал с величайшей энергией и безбоязненностью самые больные язвы транспортной разрухи. Не щадя своих сил!... Да, Феликс Эдмундович мог с полным правом эту свою беспощадность к себе выдвинуть в качестве решающей характеристики самого себя. А разве не в этом главный секрет успеха всех великих организаторов знаменательных времен первого пролетарского строительства.

Кто только не перебывал за это время в рабочих кабинетах Феликса Эдмундовича в качестве консультанта того или иного ранга по вопросам транспорта. Как был встряхнут весь рабочий состав центрального управления транспорта, как быстро работники его почувствовали руку настоящего хозяина — стремительного, делового, решительного и четкого.

Сколько бессонных ночей, сколько часов сверхнапряженной работы должен был потратить этот человек, чтобы через какие-нибудь два месяца после своего назначения уже иметь возможность выступить на пленуме Госплана в обширном собрании испытаннейших экспертов хозяйственников с программной речью об очередных нуждах транспорта...

Помню то ощущение подъема и удовлетворенности, которое испытывали все мы, его слушатели, во время этого выступления. Работники Госплана, не встречавшиеся раньше с Феликсом Эдмундовичем, после его речи на этом памятном заседании один за другим заявляли мне, что Феликс Эдмундович разом завоевал их симпатии. Тот самый Феликс Дзержинский, который только что рисовался их воображению лишь в облике грозного ЧК. Действительно трудно было не заметить основного в этом человеке, душевного огня и благородства и страстной целеустремленности.

Углубленность Ф. Э. Дзержинского в тот или другой вопрос не могла иметь ничего общего с профессорским универсализмом и спокойной объективностью... Не те были времена и не таков был борец! Надо было бешеным штурмом взять препятствия, а время для подготовки было в обрез лишь для того, чтобы работой боевого топора прорубить в толще непорядков главнейшие бреши. Прекрасной иллюстрацией сказанного могут служить приводимые нами несколько его писем.

Практикой своей хозяйственной работы Феликс Эдмундович показал, что он, этот грозный хозяин ЧК, сумел одновременно быть человеком-магнитом для целой фаланги дружно работавших с ним и глубоко ему преданных и просто специалистов и профессоров-специалистов. Но не было большего врага для методов неторопливого профессорского подхода к решению огневых вопросов рвущейся из прежних оков хозяйственной жизни!

Как хорош был Феликс Эдмундович во время своих гневных реплик! Вот он выпрямляется во весь свой высокий рост, весь одно напряжение, как туго натянутая, металлом звенящая струна...

Резко углубились морщины на лбу и в углах характерно очерченного рта. Бледное лицо порозовело, в глазах огневая сила... Феликс в бою — противникам нет пощады!

Не раз приходилось и мне быть в рядах этих «противников» и наблюдать потом милое смущение Феликса Эдмундовича, когда я приводил ему цитаты из его, только что разразившейся громовой реплики. И не раз приходилось мне откровенно ему признаваться, что смущение его напрасно: рассердиться на него не представлялось возможным...

Транспорт нашел свой полный голос. Результаты — на глазах целого мира. О транспортной разрухе скоро перестали говорить и злейшие враги.

* * *

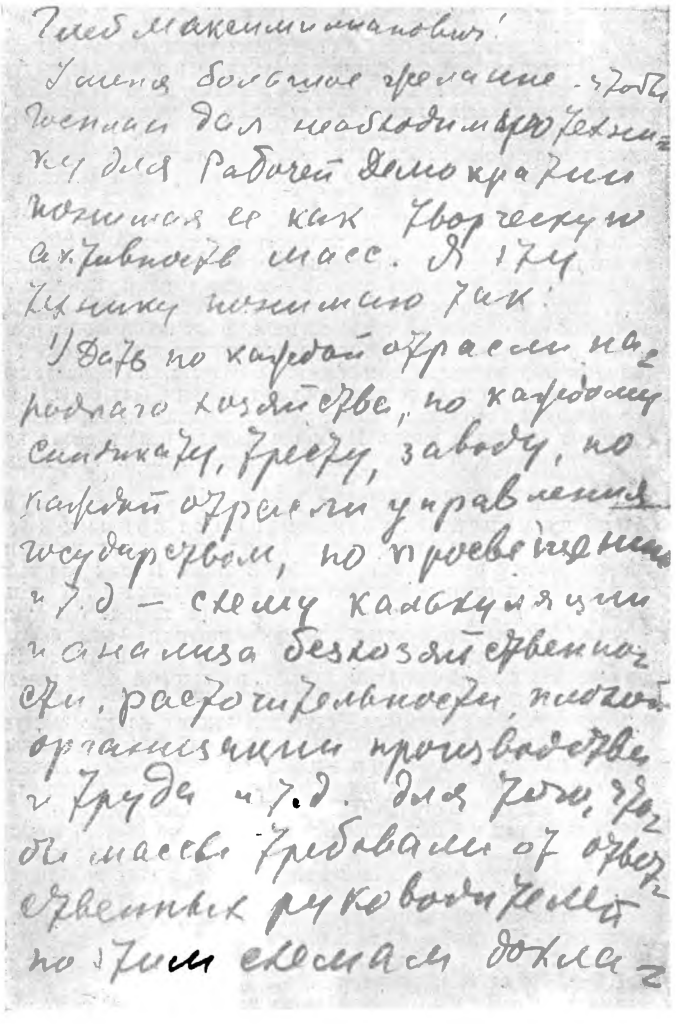
Вероятно, многие помнят те иллюстрации, которые в свое время приводились для демонстрации перехода количества в качество. Вот перед нами просто талантливый, всесторонне одаренный человек, а вот небольшая прибавка к комплексу его духовных свойств — и перед нами гений мирового масштаба... Есть доброкачественная страстность работы, делающая данного человека бравым работником на трудовой ниве, а вот небольшой плюс к этой страстности — и перед нами рыцарь-энтузиаст, увлекающий за собой массы. Таким рыцарем-энтузиастом в хозяйственной области, по признанию всех, попадавших в сферу его непосредственного воздействия, был Ф. Э. Дзержинский. Этот рыцарский энтузиазм знают только великие эпохи, такие эпохи, героями которых являются массы. Но масса должна искать своих конкретных производственников, и мощь этих производственников — от мощи этой массы.

Ф. Э. Дзержинский всю свою жизнь шел такой прямой дорогой, в которой не было ни малейшего отклонения от прямых маршрутов железных, революционных, пролетарских колонн. Он был человеком прямой революционной лобовой атаки. В этом вся тайна его целеустремленности и всего успеха его жизни. Таких людей любит и знает масса, потому что они сами растут из ее лучших тайников и думают ее лучшие думы. Им не приходится приспосабливаться — они борются за правду и не боятся правды-истины, как бы тяжка она ни была. Поэтому они могут говорить с массами таким языком, на который не рискнет никто из самых близких «попутчиков».

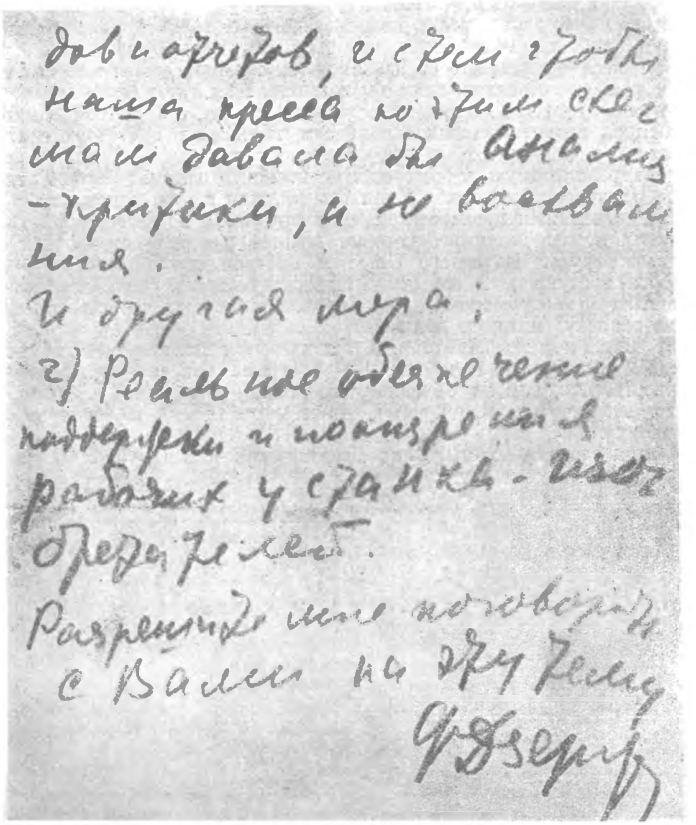
Историческими, незабываемыми будут для многих из нас выступления Феликса Эдмундовича перед многолюдной толпой рабочих, пленарным представительством наших профсоюзов, в знаменитом московском Колонном зале. Целое волнующееся море людей и целый сонм картограмм и диаграмм, иллюстрирующих очередную работу ВСНХ. Но разве это просто отчет главы ведомства? Всякий раз это был отчет-исповедь честного боевого солдата-труженика перед главными хозяевами страны. Но он беспощаден не только к себе. Увы, мы теперь знаем, как сжигал он себя в этих выступлениях и как правы были доктора, которые говорили, что это для него самое опасное поприще... Феликс Эдмундович беспощаден и к тем, кому он нелицеприятно служит, если он видит слабые места и бреши в их трудовом строе. И громом аплодисментов, идущих от самого нутра, отвечает ему волнующаяся человеческая масса на его гневные реплики...

В первые годы советского строительства нам неоднократно приходилось говорить о том «займе», который нам приходится делать у нашего многомиллионного крестьянства, и о тех векселях, по которым мы должны будем ему со временем уплатить. Но не только в первые годы, а и во всю полосу первоначального социалистического строительства приходится живущему

поколению делать займы в пролетарском мире. Феликсу Эдмундовичу изо дня в день по его политической работе приходилось учитывать и положительные и отрицательные явления в том итоге наших отношений к проле-

тариату, который подводила сама жизнь. Едва ли кто-нибудь другой был так осведомлен о всех проявлениях того или другого недовольства рабочих во всех их цеховых уклонах. Но никогда, ни на ноту, не пошатну-

Глеб Максимилианович!

У меня большое желание — чтобы Госплан дал необходимую технику для Рабочей Демократии, понимая ее как творческую активность масс. Я эту технику понимаю так:

1) Дать по каждой отрасли народного хозяйства, по каждому синдикату, тресту, заводу, по каждой отрасли управления государством, по просвещению и т. д. — схему калькуляции и анализа бесхозяйственности, расточительности, плохой организации производства и труда и т. д. для того, чтобы массы требовали от ответственных руководителей по этим схемам докладов и отчетов, и с тем чтобы наша пресса по этим схемам давала бы анализ — критики, а не восхваления.

И другая мера:

2) Реальное обеспечение поддержки и поощрения рабочих у станка — изобретателей.

Разрешите мне поговорить с Вами на эту тему.

Ф. Дзержинский

лась в нем его вера во все побеждающий революционный инстинкт пролетарской массы, рвущей последние цепи капиталистического уклада!

Он знал, что этот класс в целом пойдет на величайшие материальные лишения, если он почувствует, что на чашу весов брошены его судьбы, судьбы класса — передового борца. Лишь бы не было оскорблено его пролетарское правовое сознание, лишь бы источник этих тягот был чистым!

14 июня 1924 г. мне пришлось работать вместе с Феликсом Эдмундовичем в одной правительственной комиссии, имевшей в виду выработать ряд положений о нормировке и урегулировании трудных вопросов зарплаты. Наиболее решительную и осторожную позицию занимал в этом вопросе Феликс Эдмундович, связывая наши возможности в этом отношении с дальнейшим повышением производительности труда. Он подверг резкой критике те оптимистические данные, которые на этот раз демонстрировали наши статистики труда. В разгаре спора я написал ему маленькую записку, в которой предупреждал его относительно некоторого риска перенапрягать идеалистическую самоотверженность пролетариата. Вот что ответил он мне на мою записку (цитирую дословно):

«Я помню мои молодые годы. Я был массовым агитатором. Я помню, как эти массы жертвовали всем, идя под расстрелы, как рабочие готовы были всем жертвовать, как их беспросветная жизнь приобретала красочность и радость именно благодаря идее, т. е. идеализму, не философскому, а рабочему».

В этих словах — весь Феликс Дзержинский и вся сущность его отношений к рабочему классу.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА[1]

Введение

Хозяйство довоенной России являлось типичным хозяйством отсталой в промышленном отношении капиталистической страны, сверху донизу пронизанной крепостническими пережитками. По анализу Владимира Ильича Ленина это хозяйство представляло совокупность разнородных социально-экономических укладов — от районов с высокоразвитой индустриальной техникой до районов с полукочевым населением.

Отправной базой хозяйственной деятельности пролетариата, однако, было не довоенное хозяйство, а то хозяйство, которое должно было дойти до крайних граней экономической разрухи, явившейся естественным результатом событий мировой и гражданской войны. По самым скромным подсчетам полоса шестилетней войны (1914—1920 гг.) обошлась нам в 406 млн. лет потерянной трудоспособности. Другими словами, для того чтобы наверстать этот отрицательный итог, необходимо было бы употребить всю валовую продукцию семилетнего труда всего населения страны. В переводе на золото, по тем же скромным расчетам, оказывается, что трудящиеся нашей страны потеряли за годы империалистической войны свыше 40 млрд. руб., а гражданская война и блокада империалистических интервентов обошлась нам свыше 50 млрд. руб. В счет этих потерь не включены ни прямые расходы по ведению войны и производства средств истребления, ни стоимость произведенных войной разрушений, ни вызванные последствиями войны потери производительности труда, ни целый ряд других крупных статей. Здесь учтены лишь одни чистые потери в труде.

Но не одну только экономическую разруху пришлось взять на свои плечи трудящимся массам. Утверждение пролетарской диктатуры неизбежно влекло за собой распадение всех прежних привычных хозяйственных связей и отношений. В этом смысле наш восстановительный период не имеет ничего общего с восстановительным периодом в послевоенном хозяйстве зарубежных капиталистических стран. Как бы ни была богата техническая реконструкция капиталистического послевоенного хозяйства, в общем и целом она укладывается в прежние рамки веками сложившихся капиталистических порядков. Хозяйственное творчество пролетариата нашей страны под руководством великой ленинской партии есть одновременно борьба, все более глубокая и всеобъемлющая со всеми пережитками капиталистического и феодального прошлого России. Эта борьба имеет свой внутренний и свой внешний фронт. Подведение итогов нашей хозяйственной работы за истекший десятилетний период есть поэтому не что иное, как исторический обзор обстоятельств этой все более и более углубляющейся борьбы.

---

[1] Брошюра, изданная в 1927 г. (2-е изд. в 1928 г.). Изд. «Плановое хозяйство». В 1927—1928 гг. брошюра была переведена на французский, немецкий и испанский языки.

Что касается основных количественных показателей развития народного хозяйства за истекшее десятилетие, то они даны в диаграммах, к которым нам приходится неоднократно обращаться.

Однако прежде чем перейти к описанию конкретного материала, характеризующего грандиозное творчество рабочих и крестьянских масс Советского союза, необходимо отметить наряду с послевоенной разрухой еще один фактор, который нужно учесть при общей оценке достигнутых результатов.

Довоенная Россия была страной не только отсталой по своему промышленному типу, она была и страной полуколониального характера. Достаточно сказать, что иностранные капиталовложения в промышленность, торговлю, банки и пр. составляли на 1915 г. 2 205,6 млн. руб., причем главная доля иностранного капитала была помещена в горнопромышленные предприятия и в предприятия по обработке металлов и по машиностроению. Общая сумма иностранных вложений в русские железные дороги превышала 3 млрд. руб., а общие платежи по иностранной задолженности за пятилетие с 1908 по 1912 г. составляли в среднем за год сумму свыше 350 млн. руб.

Если учесть одновременно, что огромный импорт довоенной России, превосходящий по стоимости 1 млрд. золотых рублей (за пятилетие с 1909 г. по 1913 г., в среднем за год 1 139,6 млн. руб.), в размере почти 70% предназначался для ввоза иностранного сырья и оборудования, то легко себе представить, какое колоссальное изменение должен был внести во всю хозяйственную жизнь страны разрыв сложившихся отношений с капиталистическим Западом.

Такова была общая обстановка на поле рабоче-крестьянского труда под красным знаменем великой Октябрьской революции. Мир раскололся на два лагеря: и там и здесь восстановительная хозяйственная работа в полном ходу, но в одном из них — в Советском союзе — эксплоатация и стихия отношений человека к человеку, «господство вещей» над человеком преодолены, в другом же — в капиталистическом мире — попрежнему эксплоатация и «фетиш вещей» стоят над волей трудящихся. Все хозяйственное строительство Советского союза сводится на ряд лет к тому, чтобы выравнять его экономический фронт с теми величайшими достижениями для трудящегося человечества, которые реализованы на его социально-политическом фронте. В ожесточенной классовой борьбе победа над стихийностью отношений человека к человеку окончательно закрепляется победой над стихиями природы. Упорная борьба над дальнейшим подчинением природы человеку является одновременно и предпосылкой и следствием торжества коммунистического строя.

I

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

С особой силой гражданская война, интервенция и экономическая разруха должны были ударить по фронту нашей промышленности, представлявшей наиболее сложный по своей организации элемент нашего хозяйства, функционирование которого находилось в прямой зависимости от многочисленного ряда общих предпосылок. Валовая продукция цензовой промышленности, начиная с 1917 г., представляет резко убывающий ряд, крайний предел падения которого приходится на 1920 г. Валовая продукция промышленности по довоенным ценам снижается с 3 929 млн. руб. в 1917 г. до 835 млн. руб. в 1920 г. Добыча угля падает с 31 145 тыс. *т* в 1917 г. до 8 483 тыс. *т* в 1920 г., добыча нефти — с 8 718 тыс. *т* до 3 883 тыс. *т*,

выплавка чугуна и прокат металла по ничтожности результатов совершенно выпадают из статистического учета. Выработка хлопчатобумажной пряжи понизилась с 3,5 млн. *т* в довоенное время до 1,37 млн. *т* к 1917 г. и до 0,13 млн. *т* к 1920 г. Выработка ткани — с 2 900 млн. *м* в 1913 г. до 1 100 млн. *м* в 1917 г. и до 110 млн. *м* в 1920 г. Соль — с 2 млн. *т* довоенного времени до 78,3 тыс. *т* в 1919 г. Сахар — с 1,65 млн. *т* довоенного времени до 86 тыс. *т* в 1919 г. Выработка одного рабочего по всей промышленности, учитываемой ВСНХ, по довоенным ценам снижается с 1 523 до 620 руб.

Десятки тысяч лучших индустриальных рабочих спешно бросаются и на военные фронты и на наиболее ответственные посты политического и административно-боевого характера. Продовольственные нужды растут. Бегство из городов и промышленных центров в деревню идет усиленным темпом. Кризис квалифицированной силы промышленного пролетариата принимает угрожающие размеры. Число рабочих цензовой промышленности, начиная с 1917 г., быстро сокращается — с 2 580 тыс. чел. в 1917 г. до 1 244 тыс. чел. в 1921/22 г. Средняя зарплата одного рабочего с коммунальными услугами в товарных рублях по бюджетному индексу падает с 25 руб. в 1913 г. до 6,6 руб. в 1920 г.

Таблица 1

Показатели	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Валовая продукция цензовой промышленности в млн. руб. по довоенным ценам	1 468	1 931	2 548	3 957	5 745	6 652
Добыча угля в тыс. *т*	10 495	11 467	16 189	16 600	25 600	32 100
Добыча нефти в тыс. *т*	3 795	4 649	5 275	6 040	7 059	8 318
Выплавка чугуна в тыс. *т*	170	305	660	1 292	2 203	2 965
Прокат металла в тыс. *т*	256	476	690	1 390	2 250	2 677
Хлопчатобумажная ткань в млн. *м*	358	652	882	1 499	2 628	2 359
Пряжа в тыс. *т*	50,9	72,0	102,0	178,0	232,0	268,0
Соль в тыс. *т*	885	1 020	1 275	1 327	1 563	1 985
Сахарный песок в тыс. *т*	50,9	208,0	353,0	451,0	1 057	883
Годовая выработка одного рабочего (в руб. по довоенным ценам)	1 180	1 398	1 593	2 112	2 448	2 679
Число рабочих в цензовой промышленности в тыс.	1 244	1 381	1 600	1 874	2 347	2 483
Средняя ежемесячная зарплата одного рабочего в товарных рублях по бюджетному индексу	8,84	13,54	18,48	22,72	25,44	28,82

Анализ распада трудовой дисциплины на немногих работающих фабриках и заводах показывает, что главная причина этого распада — голодуха рабочих и их семей. Голод 1921 г. ставит ребром вопрос о закрытии многих действующих фабрично-заводских единиц и о сосредоточении работы лишь на отборных предприятиях. Кризис топлива, продовольствия, полнейшая разруха транспорта, сильное обесценение валюты в корне разрушали орга-

низацию промышленности, и производственные программы составлялись от случая к случаю, на произвольные сроки, сообразуясь с теми или иными лимитами хозяйственного положения. Наступает полоса так называемого разбазаривания промышленности и такой «естественный отбор» действующих единиц ее, который не укладывался фактически ни в какие рамки плановых и ведомственных предуказаний. Этот «естественный отбор», однако, уже в 1921/22 г. совпадающий с началом развертывания новой экономической политики, кладет грань промышленному распаду, и, начиная с этого года, мы наблюдаем вначале постепенный, а затем все более и более стремительный подъем промышленности *. На стр. 153 приведена табл. 1, рисующая это подъемное движение по основным рубрикам, отмеченным выше.

Первое трехлетие с 1921/22 г. по 1923/24 г. ушло на сложную кропотливую работу по организации полуанархического промышленного фронта. Лишь в 1921/22 г. промышленные предприятия были переведены на хозрасчет, и только к 1923/24 г. наряду с производственными программами материального характера начинают делаться попытки составления коммерческих финансовых планов. Кризис сбыта 1923 г. ставит ребром вопрос о промышленной калькуляции цен. Брошенный во-время лозунг трестирования промышленности предохранил основные виды государственной промышленности от такого распыления сил и средств по отдельным фабрикам и заводам, которое во много раз увеличило бы издержки первоначального периода перехода на работу применительно к рыночным условиям.

Гигантский размер недопроизводства, позволявший в значительной степени игнорировать емкость рынка, уже отошел в прошлое. На первый план выдвигается рыночная конъюнктура и понижение себестоимости продукции. Отдельные производственные программы, преследовавшие исключительно материальные производственные цели, постепенно вырастают в объединенные промышленно-финансовые планы всей крупной промышленности. В ноябре 1923 г. Госпланом СССР впервые подвергается анализу первый составленный им пятилетний перспективный план по всем отраслям промышленности. Плановые предположения на 1922/23 г. впервые носят настолько реальный характер, что материально-производственное исполнение этих программ лишь немногими процентами отличается от задания. Однако впереди еще грандиозное поле работ. Работа применительно к рыночным условиям с особой силой сказалась положительными результатами в области легкой промышленности.

Тяжелая индустрия за исключением ее топливного раздела, как показывают вышеприведенные данные, лишь медленно поднималась из глубочайшей разрухи.

Материалы, подобранные для Генуэзской конференции, свидетельствуют, что мы готовы были на крайние жертвы в целях привлечения иностранного капитала для подъема тяжелой индустрии. Однако иностранный капитал не пришел к нам, а цифры и факты последнего трехлетия с 1924/25 г. по 1926/27 г. показывают нам, что мы в те времена в далекой степени недооценивали мощь тех ресурсов и наших организующих возможностей, которыми мы фактически располагали. Наши капитальные вложения в промышленность в 1924/25 г. едва покрывали износ, но зато в следующие годы

---

* Было бы, однако, глубокой ошибкой превращать принцип естественного отбора отдельных предприятий в руководящую идею для всего переходного периода или даже для первоначального периода восстановления. Особенно опасно смешивать естественный отбор с хозрасчетными задачами, так как под влиянием такого смешения выявилась тенденция ликвидировать те предприятия, которые не являются рентабельными в данное время и требуют временных дотаций, но представляют собой крупное, совершенно незаменимое звено в цепи рассчитанного на долгие годы индустриального развития.

они дают бурный, из года в год увеличивающийся рост. Нижеследующая таблица характеризует этот рост вложений (табл. 2):

Таблица 2

Показатели	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	Контрольные цифры 1927/28 г.
Вложения в промышленность (в млн. червонных рублей)	410	872	1 095	1 371
Вложения в районные электрические станции (в млн. червонных рублей)	49	72	162	233

Только за одно трехлетие наши общие вложения в промышленность, планируемую ВСНХ, составляют сумму около 2 100 млн. руб. Эти цифры приобретают особое значение, если мы вспомним приведенную нами выше цифру вложений в промышленность, торговлю и банки на 1915 г. в размере 2 205,6 млн. руб., подытоживающую эти иностранные вложения более чем за 35-летний срок.

Проблема цен и проблема реконструирования всего органического состава нашей промышленности ребром ставят перед нами вопрос о дальнейшей увязке работы трестов как по линии цензовой промышленности, регулируемой ВСНХ СССР, так и по линии трестов республиканского и местного характера со все более углубляющимся охватом разнообразных видов мелкой промышленности. Дальнейшая организационная перестройка является, таким образом, предпосылкой надлежащего планового режима промышленности, долженствующего в наших условиях противопоставить целевую установку конкурентной борьбе и выравнению нормы прибыли, регулирующим анархию капиталистического мира. Отсюда и возникла необходимость правильного учета норм накопления в промышленности.

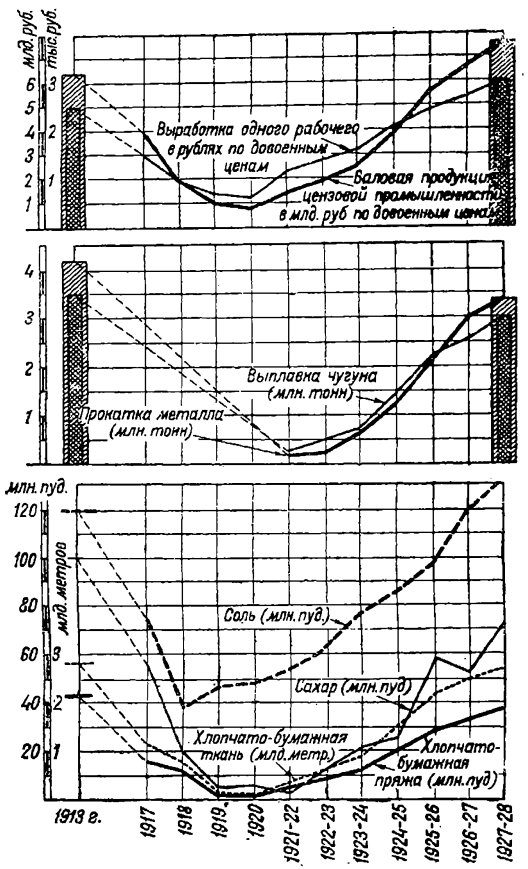
Вот данные, характеризующие накопление промышленности СССР по отчетам ВСНХ за последнее трехлетие (в млн. червонных рублей) (табл. 3):

Таблица 3

Организации	1923/24 г.			1924/25 г.			1925/26 г.		
	Прибыль	Амортизация	Итого	Прибыль	Амортизация	Итого	Прибыль	Амортизация	Итого
Тресты									
1. ВСНХ СССР	100,7	130	230,7	288,4	212,6	501,0	372,3	256,8	629,1
2. ВСНХ РСФСР	—	—	—	—	—	—	—	—	—
а) Угпром	0,3	—	—	28,0	16,2	44,2	25,7	17,0	42,7
б) Местпром	4,5	—	—	88,2	26,5	114,7	114,6	66,0	180,6

Огромный прирост амортизационных сумм за 1924/25 г. объясняется переоценкой имущества и вовлечением в оборот бездействовавших предприя-

тий с одновременным повышением нагрузки действующих. А за 1925/26 г. заметно возросла и общая сумма имущества, подлежащего амортизации. Еще более быстрый прирост прибылей, несмотря на повышение норм амортизации, свидетельствует об общем оздоровлении промышленности и о благоприятных для нее условиях рыночной конъюнктуры. Еще 1 января 1923 г. сальдо прибылей и убытков по всем трестам Цупрома определилось в 3 млн. руб. чистого убытка. Через 9 месяцев по тем же трестам мы уже получили 79 млн. руб. чистой прибыли. И затем с каждым годом эта цифра возрастала совершенно исключительным порядком. Темп бурного подъема промышленности является исключительным не только по отношению к нашему довоенному развитию, но и по сравнению с темпами передовых промышленных стран мира. Валовая продукция всей цензовой промышленности в расчете на довоенные цены дает в 1924/25 г. прирост более чем на 54%, в 1925/26 г.— около 45% и в 1926/27 г.— около 15%, контрольные же цифры на 1927/28 г. устанавливают дальнейший прирост продукции крупной государственной промышленности почти на 16%.

Фиг. 13.

Может возникнуть вопрос, не является ли такой подъем нашей крупной промышленности результатом перенапряжения ее сил и не скажется ли он в дальнейшем быстрейшим износом ее действующих механизмов?

Выше мы видели, каков размер общих капитальных вложений в нашу промышленность, и отмечали их относительно значительную весомость. Но лучшим ответом на поставленный вопрос является анализ статей амортизации и капитального ремонта, который, несмотря на неполноту отчетности, тем не менее, дает достаточно точные данные для основных выводов.

К сожалению, некоторые тресты, исходя из совершенно неправильно понятой политики хозрасчетности, непомерно раздувают свои амортизационные отчисления, проводя под их видом некоторые элементы расширения

и реконструкции производства. Если при этом получается тот положительный результат, что у нас имеются местами большие достижения по линии переоборудования, чем мы об этом обычно думаем, то это единственно положительное явление перекрывается отрицательными последствиями. Нежелательным и вредным является в данном случае то, что эта ведомственная реконструкция проводится помимо и против всяких плановых предположений, отрывая средства от тех отраслей, где они с точки зрения общехозяйственной являются наиболее необходимыми в данный момент. Вместо того чтобы направлять средства в те отрасли, где они наиболее нужны, они застревают там, где в данный момент находятся. Точно так же явно преувеличенной оказывается и наша статья по текущему ремонту, что видно из приводимой табл. 4.

Таблица 4

Удельный вес текущего ремонта в промышленности (млн. руб.)

Отрасли промышленности	Имущество на 1 октября 1925 г.		Имущество на 1 октября 1926 г. с учетом износа	Товарная продукция по оптовым ценам (без акциза)	
	Восстановительная оценка	С учетом износа		1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6
Союзная промышленность (по Цугпрому) .	5 878,9	3 567,1	3 834,3	2 183,8	3 21,87

Отрасли промышленности	Текущий ремонт						
	1924/25 г.				1925/26 г.		
	Абсолютно	В процентах к			Абсолютно	В процентах к	
		гр. 2	гр. 3	гр. 5		гр. 4	гр. 6
7	8	9	10	11	12	13	14
Союзная промышленность (по Цугпрому) .	133,8	2,3	3,7	6,1	198,0	5,2	6,2

По всей союзной промышленности текущий ремонт по меньшей мере раза в два превышает капитальный. Расходы по всем ремонтам поднимаются до огромной суммы почти в полмиллиарда рублей ежегодных расходов. Конечно, эта средняя цифра еще не свидетельствует о достаточном благополучии в деле компенсации износа по всем видам нашей промышленности. Отступление от средней цифры всегда имеет место и вверх и вниз. Однако она неоспоримо подтверждает тот факт, что к концу нашего строительного периода не может быть и речи об общем непрекращающемся износе основного костяка наших фабрик и заводов.

Таблица 5

Рентабельность промышленности СССР (в млн. руб.)

Годы	Весь капитал (с доценкой) к концу года	Имущество (с учетом износа)	Продукция по отпускным ценам (без акциза)	Чистая прибыль			Нормы прибыльности в %		
				По балансам	Поправка на перебор амортизации	Итого	Всех капиталов гр. 7, гр. 2	Основного имущества гр. 7, гр. 3	Оборота (гр. 7, гр. 4)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	4 125	2 285	5 316	378	71	449	10,9	19,7	8,4
1923/24	7 658	5 572	4 063	112,4	—	112,4	1,5	2,0	2,8
1924/25	8 098	5 760	6 109	427,4	34	461,4	5,7	8,0	7,6
1925/26	9 355	6 437	8 913	568,1	106	674,1	7,2	10,5	7,6
1926,27	10 323	7 320	10 154	696	111	807	7,8	11,0	7,9
1927/28	(11 704)	(8 424)	(11 037)	(765)	(151)	(916)	7,8	10,9	8,3

Десятки миллионов, ежегодно расходуемые ныне на погашение запущенности ремонта, заметно повышали и повышают рентабельность наших предприятий. По самым осторожным подсчетам нормы рентабельности промышленности СССР могут быть представлены в табл. 5.

По расчетам Госплана СССР за погашением фактического износа мы имеем за пять лет — по I/X—1927 г. — положительное сальдо прироста промышленных фондов на сумму около 1 710 млн. руб., из которых около 435 млн. руб. падает на электрификацию.

Графическая иллюстрация подземного движения промышленности по основным ее рубрикам приводится в следующих трех диаграммах (фиг. 13).

II

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Основные элементы реконструкции народного хозяйства за истекший период

План электрификации Советского союза, принятый руководящими органами в 1920/21 г., в основе своей имел в виду такое модернизирование всего нашего хозяйства в целом, которое соответствовало бы новому социальному укладу и тем основным задачам, которые стоят перед нами.

Когда мы говорим об электрификации СССР, то мы имеем в виду исключительно плановую электрификацию. Плановость и сугубо централизованный характер работы резко отличают нашу электрификацию от электрификации других стран. Мы отстаем от капиталистических стран по абсолютному уровню электрифицированности хозяйства, но превосходим их своей организованностью. Хотя электрификация явилась уже на высшей стадии капиталистического развития, когда в самом капитализме имеется больше элементов централизованности, чем это было на ранних ступенях его развития, тем не менее, стихийный характер всей капиталистической системы накладывает свой отпечаток и на эту отрасль народного хозяйства.

Электрификация открывает перед нашим хозяйством столь широкие и разносторонние перспективы, что в сравнении с ними те молодые побеги и даже сравнительно быстрые темпы развития, которые мы имеем (в настоящее

время мы уже оставили далеко позади довоенный уровень электрификации России), являются только формой зачаточного пионерского движения. Тот период первоначального накопления электрической энергии, в который мы вступили и который мы еще далеко не изжили, является по грандиозным возможностям будущего основной предпосылкой для нашего хозяйственного развития, для нового строительства и для реконструкционных начинаний.

Электрификация в одном смысле тождественна транспорту. Через систему электрических станций мы транспортируем на далекие расстояния топливную и двигательную энергию. Электрификация дает нам возможность трансформировать одни виды энергии в другие, подчиняя силы природы сознательно установленным человеком общим задачам, и точно так же, как транспорт, служит для пробуждения и организации дремлющих естественно-производительных сил тех районов, по которым проносятся волны электрической энергии. Электрификация толкает страну на путь дальнейшего ускоренного и наиболее экономного развития своих производительных сил. Нечего уже и говорить о той громадной роли, какую электрификация играет в области организации новых промышленных производств. По всей линии электрическая энергия превращается в то будирующее начало, которое заставляет страну итти по пути индустриального развития.

Революционизируя естественно-производительные силы страны, электрификация именно в наших условиях способствует усилению плановости индустриализации и дальнейшему более мощному развитию социалистических форм, не только усиливая базу социалистического сектора, но и объединяя, кооперируя распыленные силы индивидуальных мелкособственнических хозяйств.

Только электрификация страны позволяет подойти наиболее радикальным способом к борьбе за устранение противоречий между городом и деревней, к установлению надлежащих пропорций по основным разделам всей экономики, к правильному технологическому разделению народного труда, к надлежащему использованию живых и материальных ресурсов, к окончательному изживанию основных диспропорций нашей экономики. Мощь современного индустриализма — в гигантской массовой продукции, в небывалых масштабах производственной концентрации. Электрификация и в этом направлении даст новые сдвиги, колоссально увеличивая возможности такой концентрации, при которой фактор географических расстояний и местных локальных связей преодолевается как величина второго порядка.

Проблема электрификации в первую очередь является проблемой надлежащего вооружения нашего хозяйства силовой, механической и тепловой энергией. Но вместе с тем она является тем основным началом, при посредстве которого мы рационализируем не только топливодобычу и топливоснабжение, но и весь аппарат нашей промышленности и нашего сельского хозяйства при одновременном изменении самих основ производства и быта как в городе, так и в деревне.

По отношению ко всему разделу промышленности эта рационализация сказывается не только в возможностях нового правильного, соответствующего естественным материальным ресурсам и географическим особенностям расселения промышленности по стране, не только в создании новой обстановки труда на действующих предприятиях, но и в заложении основ для нового комбинирования промышленности, для нового вертикального и горизонтального трестирования ее на базе наиболее благоприятного общего энергетического баланса. Вот почему электрификация промышленности является первоосновой ее общей рационализации.

В области сельского хозяйства электрический провод наряду с паровым транспортом является базой для разрешения основных проблем по землеустройству и землепользованию, по объединению разрозненных мелких

хозяйств и по продвижению органов индустриализации в самую толщу сельскохозяйственной продукции.

Однако на первых порах предпосылки того радикального переворота, который осуществляется путем электрификации, сказываются с наибольшей силой в топливном разделе промышленности. Топливо и электрическая энергия технологически так связаны между собой, что, по сути дела, при разрешении задач электрификации мы разрешаем комбинированную задачу рационального использования всей тепловой, механической и световой энергии хозяйства в его целом. Электропередачи и собирательные шины наших электроустановок, по сути дела, являются общим котлом этих видов энергии. Топливо является поистине хлебом для всей промышленности, но в особенности его решающая роль сказывается для металла, или, вернее, для всего подраздела нашей тяжелой индустрии. Тяжелая индустрия является основной цитаделью современной промышленности. Отсюда видно, что наша ставка на индустриализацию страны является лишь расширением и популяризацией той формулы, по которой все строительство социализма сводится к укреплению советской власти при одновременном развертывании фронта наших работ в области электрификации. Вышесказанного достаточно, чтобы видеть, почему реконструкция нашей промышленности должна была прежде всего развернуться по линии электрификации и упорядочения нашего топливного ~~бюджета.~~ баланса.

Итоги электрификации

Через всю полосу экономической разрухи и в труднейшие начальные этапы восстановительного периода мы твердо держали курс на неуклонное осуществление того плана электрификации, который по инициативе В. И. Ленина был принят VIII и IX Съездами советов. За это время целый ряд наших производственных предположений, программ и планов подвергся коренным пересмотрам и деформациям. Лишь план электрификации, принятый в 1920 г., неуклонно осуществляется из года в год.

Недаром в свое время т. Сталин, руководитель нашей партии, преемник В. И. Ленина, писал последнему относительно плана электрификации Гоэлро, что это «мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технико-производственной базы. Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной... А чего стоят десятки «единых планов», появляющихся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек... Или еще обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине...»[1]

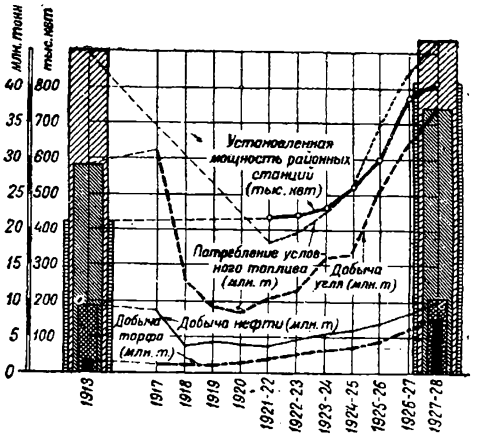
Этот план настолько оправдал себя своим реализмом, что выработанные на его основе дальнейшие пятилетние перспективы наших работ по электрификации были утверждены Совнаркомом СССР в порядке исключения, еще до утверждения общих основ пятилетнего народнохозяйственного плана в его

[1] Сталин, Сборник статей к 50-летию со дня рождения. Госиздат, 1930, стр. 33. Письмо было написано в марте 1921 г.

целом. Фиг. 14 рисует общий параллельный подъем электрификации и топливоснабжения.

Приводимые ниже данные показывают, что в области электрификации мы продвигаемся вперед темпом, опережающим все остальные темпы роста других показателей нашего народного хозяйства. Вот мощность наших электрических станций в киловаттах, исчисляемая по годам на конец года.

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Показатель тыс. *квт* ...	1 349	1 440	1 690	2 130	2 638	3 101	3 611 [1]

Фиг. 14.

Иначе говоря, получается прирост почти в 270%. Выработка же всех электрических станций Союза выявляется в таких цифрах:

	Годы						
	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
Показатель млн. *квтч* .	897	1 132	3 220	4 112	5 325	6 737	8 349	10 000

Иными словами, выработка станций за пятилетие 1925/26—1930/31 гг. повышается на 312,5%, т. е. мы получаем прирост, равного которому по другим отраслям народного хозяйства Союза не встречается.

Точно так же, составляя движение основных фондов народного хозяйства, нужно констатировать, что фонды крупных электрических станций растут с громадным опережением по сравнению со всеми другими фондами.

Движение основных фондов в крупном электростроительстве СССР (в млн. руб.) иллюстрируют данные табл. 6 на стр. 162.

Капитальные вложения в электрификацию обеспечили вступление в эксплоатацию в 1925/26 г. 78 тыс. *квт* новой мощности, а в 1926/27 г.— 178 тыс. *квт*. В постройке в настоящее время находится еще 838 тыс. *квт*, из которых 426 тыс. *квт* приходятся на расширение существующих районных станций и 307 тыс. *квт* — на районные станции, начатые постройкой в 1926/27 г. В нынешнем году продолжаются работы по расширению и окончанию 13 электроцентралей, заложенных до 1926/27 г. Эти 13 станций пред-

[1] Фактическая мощность к концу 1931 г. составляла 4 050 тыс. *квт*.

Таблица 6

Объекты вложений	1924/25 г.		1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Абсолютно	Прирост за 4 года
	Фонды к началу года	Прирост в % к фонду	Прирост в % к фонду на 1/X 1925 г.	Прирост в % к фонду на 1/X 1926 г.	Прирост в % к фонду на 1/X 1927 г.		В % к фонду 1924/25 г.
Крупные электрические станции . .	234,8	15,5	21,3	44,1	44,0	447,9	190,0

ставляют собой сооружения первой очереди, которые по пятилетнему плану электрификации к концу пятилетия из мощности в 230 тыс. *квт* вырастут до 850 тыс. *квт*. Эти станции приведены в табл. 7.

Таблица 7

	Электрические станции	Мощность в данный момент (в *квт*)	Мощность к концу пятилетия (в *квт*) [1]
1	Волхов	55 000	58 000
2	„Красный Октябрь"	20 000	108 000
3	Шатура	48 000	136 000
4	Кашира	12 000	122 000
5	Электропередача	36 000	56 000
6	Балахна	20 000	86 000
7	Штеровка	20 000	108 000
8	Харьковская электростанция .	—	44 000
9	Киевская	—	22 000
10	Шахтинская	—	44 000
11	Саратовская	—	10 000
12	Кизеловская	6 000	44 000
13	Земо-Авчальская	13 000	15 000
	Всего	230 000	850 000

Помимо этого ассигновано 24 млн. руб. на приступ к работам по сооружению нижеследующих станций: Оршинской, Новороссийской, Рионской, Калагеранской, Иваново-Вознесенской, Гизелдонской, Челябинской, Свирской и Брянской. Список этот едва ли можно считать завершенным, ибо целый ряд районов возбуждает все новые и новые ходатайства о необходимости сооружения дополнительных станций.

Мы видим, что на фронте электрификации мы не только мощно опережаем все остальные фронты нашего хозяйственного строительства, но уже давно оставили позади себя масштаб и нормы достижения довоенного времени.

[1] Действительная мощность к концу пятилетия по ряду станций несколько разнится от цифр, приводимых в этой колонке. Исчерпывающие данные приведены в I томе сочинений Г. М. Кржижановского, стр. 564—565.

Годичный отпуск электрической энергии с крупных станций общественного пользования составлял в 1913 г. 431 млн. *квтч*, а в 1927 г. отпуск со станций общественного пользования и с крупных районных станций уже составляет 1 900 млн. *квтч*, т. е. мы имеем увеличение почти в пять раз при одновременном почти удвоении отпуска электрической энергии с фабрично-заводских станций.

Сооружение такого гиганта, как Волховстрой (56 тыс. *квт*), начато было в годы величайшего напряжения всего нашего государственного и хозяйственного организма, к тому же в условиях обесцененной валюты и пайкового снабжения. Довершенный до конца как раз к тому моменту, когда Ленинград — этот форпост индустрии всего нашего Союза — был накануне кризиса электроснабжения, Волховстрой является особо ярким символом того героического и действенного напряжения, которое проявляет на этом фронте наша страна. Все недочеты этого строительства отходят далеко на задний план, когда мы вспомним, что в настоящее время Волховская станция на $^2/_3$ удовлетворяет своей энергией нужды всей промышленности и всего населения Ленинграда.

Гигантский фронт работ, развернутый на Днепрострое, технический проект которого уже тщательно обсуждался и получил одобрение со стороны лучших представителей западной техники, иллюстрирует, какими мощными этапами подвигается ныне вооружение нашей страны электрической энергией по ленинскому плану.

Сельская электрификация

Вопрос об электрификации сельского хозяйства в дореволюционной России не ставился. Крупные помещики строили иногда мелкие установки, но целиком для нужд своих имений.

Таких установок в 1918 г. имелось 75 на общую установленную мощность 1 036 *квт*.

Цифры, рисующие развитие сельской электрификации за 10 лет, приведены в табл. 8.

Таблица 8

Название показателей	Единица измерения	Годы			1927 г. в % к 1917 г.	Абсолютный прирост
		1913	1917	1927		
Количество установок . .	—	53	75	858	1 144	783
Установленная мощность .	*квт*	712	1 036	17 500	1 690	16 464
Количество присоединенных дворов	—	—	—	89 739	—	—
Годовая выработка	тыс. *квтч*	427	622	10 000	1 600	9 378
Средняя установленная мощность	*квт*	13	13,8	20,7	150	6,9
Душевое потребление сельскохозяйственного населения	*квтч*	—	—	0,1	—	—
Стоимость	тыс. руб.	240	339	13 000	3 830	12 661
Стоимость установленного киловатта	руб.	337	339	743	219	404

За истекшие 10 лет число установок возросло до 858 и мощность до 18 500 *квт*, т. е. число установок возросло в 11 раз, а мощность их —

в 17 раз. В самые последние годы в процесс сельской электрификации вступили районные станции, и доля их участия составляет уже 14%. 90 тыс. крестьянских дворов уже электрифицированы. Совершается быстрый переход от чисто осветительных целей к использованию механической энергии.

На ближайшее пятилетие намечается вложение в сельскую электрификацию до 100 млн. руб. и прирост мощности установок до 200 тыс. *квт*. Мелкое крестьянское хозяйство постепенно переводится на электрическую энергию: сперва присоединяются молотилки и мельницы, затем корморезки, зерноочистительные машины; лесопилки, маслобойные заводы и другие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья параллельно с этим присоединяются к освещению. Пути сельской электрификации найдены. Это, во-первых, комбинация с промпредприятиями по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и, во-вторых, присоединение к сетям районных станций. Индустриализация страны в условиях советского хозяйства знаменует расцвет сельского хозяйства на новой электрической индустриальной базе.

Мы отнюдь не самообольщаемся относительно трудностей той экономической обстановки, с которой приходится считаться сельскохозяйственной электрификации.

Эти трудности будут все же преодолеваться дальнейшим ростом кооперации и укреплением приводов от обобществленного сектора хозяйства страны к сельскохозяйственной периферии.

III

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОПЛИВНОГО БАЛАНСА

Топливное хозяйство довоенной России уже с начала XX века было узким местом всей экономики страны. Кризис топлива за период мировой войны был лишь одним из кризисов очередного характера. Кризис топливоснабжения в период 1919/21 г. ярко показал, что без рационализации топливного баланса невозможен ни эксплоатационный ход действующих предприятий, ни тем более дальнейший восстановительный процесс промышленности и транспорта.

Довоенная Россия характеризовалась, как страна органического дефицита топлива. Основными причинами топливных затруднений явились, во-первых, сосредоточение добычи каменного угля в Донецком бассейне (87%) и нефти в Бакинском районе наряду с игнорированием прочих угольных районов и отсюда — необходимость питания индустриальных центров топливом дальнего привоза; во-вторых, зависимость от иностранного привоза — ежегодно ввозилось от 4 до 7 млн. *т* угля; в-третьих, значительное участие в топливном балансе дров с их колеблющейся, недостаточно организованной заготовкой.

Уже военный кризис топлива привел к необходимости создать особое совещание по топливу (Осотоп), сделать попытку подчинения топливодобычи и топливоснабжения плановому режиму. Но лишь советскому правительству удалось поставить этот плановый режим, и рационализация нашего топливного баланса представляет одну из самых блестящих страниц в борьбе за плановое начало советской экономики. Минерализация топливного баланса, максимальное развитие всех каменноугольных бассейнов и нефтяных районов, широкое развертывание торфяного дела, рационализация и использование всех видов низкосортного топлива, электрификация топливных районов, услуги электрического провода как транспортера преобразованной энергии топлива — все это за истекшие 10 лет совершенно реконструировало топливную базу индустриализации страны.

Расход топлива промышленно-технической группы потребителей, упавший к 1921/22 г. до размеров 40% от довоенной, к концу десятилетия поднялся до 94%, а по плану на 1927/28 г. он запроектирован уже на 4—5% выше довоенного уровня.

Хищническое истребление дровяного топлива привело к тому, что в 1922/23 г. сырые дрова составили 42% всего топливного баланса; потребление дров в следующие годы последовательно снижается до 20% с тенденцией дальнейшего сокращения до 15%. Минерализация топливного баланса заложила, таким образом, основу для рационального использования лесных богатств страны. В 1913 г. 87,1% давал Донбасс, 5,5% прочие районы, а 7,4% покрывались иностранным углем. В 1926/27 г. роль местных углей возрастает до 12%, импортный уголь сокращается до 1% и почти полностью покрывается экспортом донецкого и дальневосточного угля. Роль торфа резко увеличивается, и от незначительной доли в 1,7% он поднимается до 4,7% в 1926/27 г. с тенденцией к дальнейшему поднятию. Потребление нефтетоплива сводится к своей норме в 14—15% с устранением сжигания сырой нефти под котлами и направления ее в максимальном количестве в переработку и экспорт.

Донецкие шахтеры были и остаются славными борцами не только в военную полосу нашей революции, но и на полях мирного труда. История подъема хозяйства Донбасса представляет поистине одну из самых блестящих страниц нашего послеоктябрьского строительства.

В 1920 г. по уровню угледобычи мы отбрасываемся на четверть века назад. В 1923/24 г. угледобыча удваивается. В 1925/26 г. — утраивается. В 1926/27 г. — учетверяется. В этом году мы превышаем угледобычу 1913 г. на 11%. За последние годы Донбасс поднимает свою угледобычу ежегодным приростом ее от 4,1 до 5—6½ млн. *т*. Одновременно с общим ростом угледобычи усиливается процесс механизации: машинная добыча, составлявшая в 1913 г. всего 0,5%, достигает в 1926/27 г. 11,4%. Механизация и реорганизация процессов производства, несмотря на резкое сокращение продолжительности рабочего дня (6—8 час. вместо 12 час. в довоенный период), уже в 1926/27 г. дает подъем производительности на одного трудящегося по сравнению с 1913 г. на 7,5%, а средняя годовая добыча на одну шахту удваивается. Упорядочение теплосилового хозяйства шахт и растущая электрификация их снижают расходы топлива на собственные нужды, что, в свою очередь, ведет к общему снижению себестоимости.

Не менее эффективен наш подъем в нефтяном деле. В отношении нефтяной промышленности надо особенно подчеркнуть, что за истекший период восстановительный процесс в значительной мере сопровождался реконструкцией, дающей крупные экономические эффекты уже в настоящее время. Валовая добыча нефти по всем районам СССР составляла 9 215 тыс. *т*. В 1926/27 г. она уже равна 10 191 тыс. *т*. Добыча Грозненского района более чем удвоилась (2 888 тыс. *т* против 1 206 тыс. *т*). Проходка новых скважин — основа всей нефтедобычи — поставлена на совершенно новые основания: штанговое бурение заменено вращательным. Этот метод бурения дает тройную скорость, в три раза уменьшает диаметр необходимых скважин и в два раза уменьшает расходы на бурение. Эксплоатационные работы характеризуются переходом от тартания к применению глубоких насосов. Этот способ дает резкое сокращение (в 3—4 раза) затраты топлива и энергии при той же добыче и, кроме того, сохраняет скважину от разрушения, дает возможность герметизации и, следовательно, гарантирует использование газа, повышая тем самым выход бензина.

По переработке нефти вводится крекинг-процесс, реорганизуются нефтеперегонные заводы и вводятся в эксплоатацию газолиновые заводы. Растущая электрификация нефтяных промыслов наряду с использованием естественного

газа все более и более сокращает самопотребление нефти, изменяет всю обстановку труда и сверху донизу рационализирует все нефтяное дело.

Валовая добыча торфа в 1913 г. составляла 1 550 тыс. *т*. Начиная с 1921 г., когда добыча при величайшем напряжении наших сил, при полной разрухе всего остального топливного хозяйства была поднята до 2 108 тыс. *т*, она неуклонно повышается из года в год. В 1926/27 г. она уже равняется 5 900 *т*, т. е. почти в пять раз превосходит довоенный масштаб. Таким образом истекшие 10 лет являются для торфяной промышленности величайшим эталом. Наконец, этот вид топлива, в перспективном смысле являющийся наиболее мощным и несокрушимым из всех видов наших топливных ресурсов, включается в ряды других видов топлива к тому же как основная база для топливоснабжения и электрификации наших основных индустриальных районов — Центрально-Промышленного и Северо-западного. По технике торфодобычи и торфоиспользования мы являемся в настоящее время передовой страной мира. Наши торфяные электрические станции уже теперь являются наиболее мощными торфяными централями мира.

Наши производственные достижения в области электроснабжения и в топливном деле приобретают особое историческое значение. Они дали за истекший десятилетний срок такие сдвиги в структуре нашего хозяйства, что преобразовали самые основы нашей экономики; но не меньшую роль эти достижения играют и в том отношении, что именно здесь, в этих областях, уже в течение 6 лет мы наиболее мощно вклинились методами хозяйственного планирования во всю толщу нашей экономики. Достаточно проследить наши производственные и строительные программы именно в этой экономической области, чтобы видеть, что как раз здесь уже целые годы мы ведем все более и более совершенствующееся плановое хозяйство. По линии энергетики, как это мы предвидели уже в 1920 г., мы имеем, таким образом, наиболее надежное преобразовательное звено как в направлении материальных производственных процессов, так и их общественной структуры.

Если перейти от проблемы электрификации и энергетики к другим проблемам и разделам нашей промышленности, то перед нами с неменьшей яркостью станут обрисовываться один за другим разнообразнейшие моменты тех сдвигов нашей промышленности к концу десятилетия, которые показывают всю условность обозначения истекшего хозяйственного периода как специфически восстановительного.

В настоящее время мы имеем уже налицо результаты пристального изучения всей нашей промышленности в ее целом при тех неслыханно благоприятных предпосылках, которые даются национализацией промышленности и ее социалистической перестройкой. Все поле промышленного труда представляется нам как бы единым, огромным зданием, сплошь покрытым строительными лесами, к строительному фронту которого подходят все новые и новые рабочие колонны и все новые и новые отряды представителей разнообразного квалифицированного труда.

Масштаб строительства и его фактическое единство уже и теперь свидетельствуют о грандиозности работ и о мощности многомиллионного коллектива трудящихся, все более и более ясно отдающих себе отчет, что этим строительством разрешаются коренные задачи трудящихся всего мира. Здание промышленности Советского союза еще в далекой степени не доведено до своих верхних этажей. Еще нет пропорции в отдельных строящихся частях. Еще в черновой отделке находятся основные арсеналы народного промышленного труда. Еще крепятся приводы от этого гигантского механизма промышленности ко всем другим разделам нашей экономики. Промышленность все яснее и яснее сознает свои задачи как ведущего звена всего нашего хозяйства по отношению и к транспорту, и к сельскому хозяйству, и к задачам преобразования всего нашего быта в его целом. Довоен-

ный масштаб, инерция и навыки прошлого все решительнее и решительнее отметаются в сторону. С каждым годом становится все яснее и яснее, что не только эти довоенные масштабы, но и те основные материалы по рационализации европейской промышленности, которые трактуют о проблемах стандарта, унификации промышленности, подготовке квалифицированной индустриальной силы, типизации, вопросах организации труда, всей исследовательской работе, проблемах промышленных комбинатов, — все это должно быть не только усвоено в прогрессивных элементах, но и решительно преобразовано творческой мыслью трудящихся масс нашего Союза.

IV

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Падение и подъем сельского хозяйства в 1917—1927 гг.

Падение сельского хозяйства страны начинается за три года до революции и проходит тремя этапами: мировой, гражданской войны и голода. В общем итоге от 1914 г. — года максимального роста посевов — до 1922 г. — года наибольшего их падения — посевные площади сократились с 120 млн. *га* приблизительно до 82 млн. Наибольшие потери посевов — более чем на 50% — наблюдались на Юго-востоке, в районах товарного зернового хозяйства, где гражданская война и голод особенно свирепствовали.

Одновременно с количественным падением земледелия шел процесс его натурализации: наиболее сохранились посевы ржи, проса, гречихи и прочих малорыночных культур; наиболее упали посевы рыночных зерновых — пшеницы и ячменя, частью овса, технических культур — льна, картофеля — и особенно — в 12—16 раз (в 1921 г.) — хлопка и сахарной свеклы. Скотоводство сократилось почти на 40%, т. е. в большей степени, чем земледелие, причем особенно пострадал молодняк и мелкий скот (овцы и свиньи).

Этот количественный и качественный ущерб был связан с разрывом экономических отношений между городом и деревней. Имеющиеся данные по товарообороту сельскохозяйственных продуктов говорят о том, что в 1922/23 г. сельскохозяйственный экспорт составлял всего около 84 млн. руб., т. е. примерно в 15 раз меньше довоенной цифры вывоза, а внутренний междурайонный товарооборот сельскохозяйственных продуктов не достиг и одной трети довоенного (с 1 600 млн. до 500 млн. руб.).

Наряду с этими утратами значительно сократился и основной капитал. Потери машинного инвентаря, почти не возобновлявшегося с начала мировой войны, достигли к 1923 г. приблизительно 400 млн. руб., т. е. составляли около 40% всей наличности.

Потери работников мужского пола на 1920 г. превышали 14 млн. чел. За время голода 1921 г. мы понесли добавочную потерю в 2—3 млн. работников. В общем деревня потеряла мужчин около 30%.

Потеря рабочего скота — более 35%.

В период мировой и гражданской войны прекратились землеустройство, крупная мелиорация и переселение. Старые мелиоративные сооружения износились, канавы и арыки были занесены илом и травой; орошаемая площадь в Туркестане и Закавказье с 4,4 млн. *га* упала до 1,5 млн. *га*. В результате беспорядочной распашки, при полном отсутствии минеральных удобрений, резко упала урожайность, особенно технических культур.

В конечном счете валовая сельскохозяйственная продукция с 10 с лишком млрд. руб. 1913 г. сократилась приблизительно на 40—45%, а товарная часть уменьшилась примерно в четыре раза.

Таким образом полоса трагических событий военного времени завершил-

лась не менее трагической обстановкой в области нашего хозяйства. Сельское хозяйство из базы народного хозяйства превратилось в зияющую пропасть.

То было время, когда Владимир Ильич Ленин должен был сделать мощный поворот хозяйственного руля к новой экономической политике, когда он утверждал, что все дискуссии перекрываются принудительной необходимостью найти прежде всего выход из величайшей экономической разрухи. Немудрено, что многим иностранным исследователям, даже и в первые годы нэпа, казалось, что наше сельское хозяйство может стать на ноги лишь при помощи громадного притока иностранного капитала. Многим из наших работников, как об этом свидетельствуют плановые предположения того времени, представлялось, что путь подъема нашего сельского хозяйства, хотя бы до уровня его скромной довоенной нормы, — процесс чрезвычайно затяжной, далеко не укладывающийся в рамки первого десятилетия. Действительность, однако, показала иное. За истекшие десять лет мы не только восстановили наше сельское хозяйство, но и в этой области уже наметили пути и положили решительное начало радикальной реконструкции.

Эпоха восстановления и реконструкции сельского хозяйства

Если в дореволюционную эпоху под влиянием каких-либо причин происходило значительное падение сельского хозяйства, то его восстановление обычно совершалось в весьма длительный срок. После голода 1891 г. площадь посевов и количества скота восстановились приблизительно к 1896 г. Мы видели, какова была глубина нашего сельскохозяйственного кризиса, элементы которого накоплялись в течение целых восьми лет, и, тем не менее, как показывает нижеприведенная таблица, в течение 5 лет подъема мы почти достигли довоенного уровня. Это также подтверждают приводимые диаграмма на стр. 170 и сводная таблица на стр. 169.

Таблица 9

Годы	Посевы в млн. га	В % к 1913 г.	Ежегодный прирост в %	Годы	Весь скот в переводе на крупный в млн. голов	В % к 1916 г.	Ежегодный прирост в %
1913	119,9	100,0	—	1916	84,3	100,0	—
1922	82,5	69,0	—	1922	63,7	73,2	—
1924	100,3	83,7	10,8	1924	71,8	85,3	—
1925	106,3	88,7	6,0	1925	76,4	91,1	6,9
1926	113,9	94,3	6,4	1926	81,7	96,6	5,9
1927	116,0	97,4	3,3	1927	86,6	102,7	4,9

Таким образом в 1927 г. мы имеем уже более 97% довоенного количества посевов и 102% скота от 1916 г. В течение 5 лет было восстановлено более 33% посевов и около 40% скота. Отсюда видно, что рост скотоводства за последние 5 лет обгоняет рост земледелия. Этот факт уже указывает на происходящую одновременно с восстановлением реконструкцию сельского хозяйства.

Эта реконструкция еще более отчетливо выражается в трансформации пропорции культур в посевах и видов скота:

Посевы (млн. га)	1913 г.	1927 г.	1927 г. к 1913 г. в %
Зерновые	105,8	97,5	92,2
Картофель	3,9	5,5	141,0
Подсолнух	1,4	3,0	214,3
Лен	1,8	1,7	94,1
Конопля	0,72	0,94	130,8
Сахарная свекла	0,62	0,67	108,0
Хлопок	0,7	0,81	115,7

Скот по видам (млн. голов)	1916 г.	1927 г.	1927 г. к 1913 г. в %
Лошади все	35,5	30,9	87,0
В том числе рабочие	47,3	22,6	82,7
Крупный рогатый скот весь	60,3	66,8	110,7
В том числе волы	5,5	7,1	129,0
Коровы	25,9	29,4	113,5
Овцы и козы	120,8	129,1	106,8
Свиньи	20,3	20,0	98,5

Мы видим, что в то время, как площади зерновых культур сократились на 8%, площади технических и интенсивных выросли сравнительно с довоенными на 30%, иначе говоря, произошла весьма заметная интенсификация сельского хозяйства. В 1927 г. мы обогнали довоенные площади даже по таким высокоценным культурам, как хлопок — на 15,6% и сахарная свекла — на 7%. По подсолнуху современные посевы превышают довоенные более чем в два раза, по картофелю — на 38%, по конопле — на 30%. Только по льну мы еще отстаем на 5%. Процесс интенсификации наблюдается и в скотоводстве, где крупный рогатый скот на 11% превышает довоенный уровень.

Контингент рабочих лошадей еще недовосстановлен на 17,3%, но, за исключением Юго-востока, где количество рабочего скота особенно упало, нет настоятельной нужды стремиться к его восстановлению на все 100%. Большее развитие продуктивного животноводства за счет рабочего — нормальный процесс для культурных стран, тем более, что часть рабочего скота вытесняется тракторами: наши 27 тыс. работающих тракторов соответствуют 400 тыс. рабочих лошадей. На очереди стоит подъем урожайности, особенно технических культур, еще сильно отстающей от довоенного уровня. Отсюда своевременность выдвижения на первый план основного лозунга реконструкции: не только количество, но и качество.

Борьба с кризисами в сельском хозяйстве, являющимися результатом периодических неурожаев, возможна только при дальнейшем подъеме продуктивности сельского хозяйства, при его дальнейшей коренной реорганизации. Итоги наших работ в этом направлении таковы:

Землеустройство, поставленное широко лишь с 1923 г., проведено в междуселенном масштабе на площади около 82 млн. *га*, внутриселенном — до 55 млн. *га*. Внутриселенное землеустройство охватило по европейской части СССР уже около 12% всей хозяйственной территории.

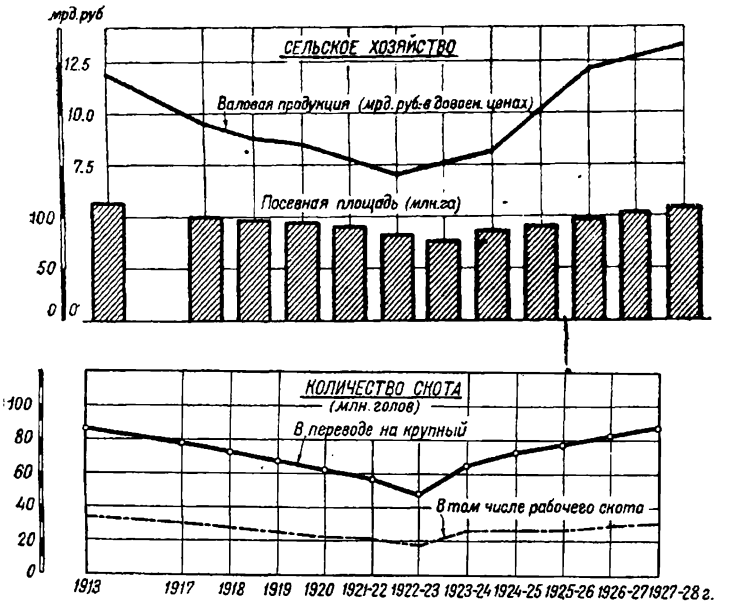
Мелиоративная деятельность началась фактически с 1924 г. и дала прирост орошаемых земель с 1,5 млн. *га* в 1923 г. до 3,5 млн. *га* в 1927 г. Сверх того осушка и улучшение лугов в основной части Союза дали почти 1 млн. *га*. Эта последняя мелиорация до войны почти не проводилась. Между тем, она имеет огромное значение для расширения недостаточной у нас кормовой базы.

Переселение — единственный вид мероприятий, отстающий по сравнению с довоенным. До сих пор переселено не более 600 тыс. душ, между тем как до войны, в период с 1906 по 1912 г., было переселено 2 560 тыс. душ.

Организация растениеводства и животноводства.

Здесь мы находимся еще в начальных стадиях реализации широко задуманного плана. Заметным успехом является создание фонда в 250 тыс. *т* селекционных семян, зерновых и введение культурных семян на $^2/_3$ площади хлопка и свеклы. К улучшению семян льна, картофеля и некоторых других культур мы лишь приступаем. Минеральных удобрений распространяется 100—120 тыс. *т* вместо 320 тыс. *т* довоенных (на территории СССР), но эта задача уже резко выдвинута на передний план.

Животноводство. В области животноводства из года в год ведется работа по улучшению культурного скота. В одном 1928 г. намечается увеличение стада тонкорунных овец на 500 тыс. голов.

Фиг. 15.

Машино- и трактороснабжение развивается относительно быстро. В последние три года сельскохозяйственный капитал пополнен в машинах на 330 млн. руб. За вычетом амортизации наличность капитала в машинах и тракторах достигает уже сейчас 900 млн. руб. против 970 млн. руб. довоенных.

Мероприятия по организации сельского хозяйства все более тесно переплетаются с процессом индустриализации. Промышленность не только доставляет сельскому хозяйству основные средства производства, — она уже сама организует его в ряде сырьевых районов — свекловичных, хлопковых, льняных, подсолнуха — и в районе новых культур — кенафа, кендыря, клещевины, чая и пр.

Очень быстро развивается кооперативная сельскохозяйственная индустрия, в которую за последние четыре года вливается свыше 100 млн. руб. капитальных затрат. Довоенные масштабы здесь уже

превзойдены по беконному производству, достигаются по маслоделию и создаются заново не существовавшие до войны холодильное дело, первичная обработка льна и другие отрасли.

В общем итоге капитальные затраты по организации территории и сельского хозяйства за трехлетие удвоились: в 1925/26 г. — 276 млн. руб., в 1926/27 г. — 418 млн. руб., в 1927/28 г. — 570 млн. руб. Первые результаты этих мероприятий сказались в нынешнем году на Юго-востоке, охваченном длительным периодом засухи. Там во многих местах неурожай был предотвращен вошедшими в жизнь агрикультурными мероприятиями по подъему черных паров, переходу на озимую пшеницу и т. д. На очереди стоит, однако, еще более напряженная борьба с «языком пустыни», лижущим равнины Юго-востока.

Итак, по основным элементам сельского хозяйства мы не только подошли к довоенным размерам, но и нащупали все узкие места его прошлого, наметив план коренной реконструкции сельскохозяйственного производства. Трактуя общие проблемы дальнейшей эволюции социалистического сектора нашего хозяйства, мы еще вернемся к подытоживанию наших работ по социальному переустройству деревни. Пока же отметим, что к концу десятилетия наши совхозы и колхозы уже вышли из периода детских болезней и, опираясь на социалистическое хозяйство города, могут сделаться твердой опорой предстоящей реконструкции общественной структуры сельскохозяйственного труда.

V

ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Ирригация и мелиорация

Ирригационные работы за восстановительный период особо широко развернулись по Средней Азии. Довоенная посевная площадь хлопка в Туркестане, определявшаяся в 743 тыс. *га*, к 1922 г. упала до 69 тыс. *га*, т. е. до 9% довоенной. К 1927 г. она уже доведена до 678 тыс. *га*, т. е. до 91% довоенного размера. На это дело затрачено было нами 69 млн. руб., причем общая поливная площадь в 1926/27 г. определяется в 3,743 тыс. *га*.

Довоенная хлопковая площадь Закавказья определялась в 164 тыс. *га*. К 1922 г. она упала до 1 тыс. *га* (0,6% довоенной). Уже к 1925 г. она была доведена до 130 тыс. *га*, т. е. до 80% довоенной. Общие затраты — 20 млн. руб. Общая поливная площадь — 650 тыс. *га*.

Процесс восьмилетнего разрушения ирригационных систем в Средней Азии и Закавказье был ликвидирован, как наглядно показывает фиг. 16, менее чем в 5 лет благодаря не только значительности ассигнованных правительством для этой цели сумм, но и дружному соучастию в восстановительном процессе местного населения.

Этот опыт наших ирригационных работ в Средней Азии и Закавказье ясно намечает пути непосредственной лобовой атаки засушливого фронта Юго-востока.

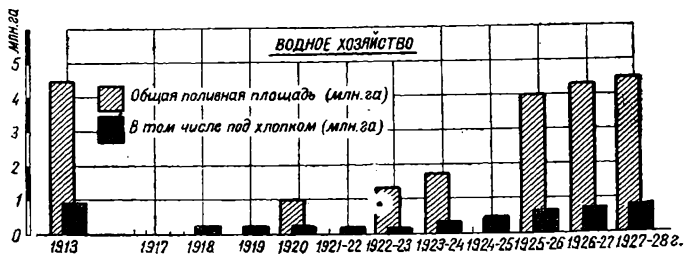
Проекты орошения заволжских равнин из года в год совершенствуются, причем в основу их кладутся как приемы борьбы США в аналогичных условиях, так и наш собственный, теперь уже богатый, опыт.

Осушительно-оросительные работы, произведенные за это время в РСФСР, разбросаны по всей территории работами малого масштаба. Главная часть работ падает за этот период на Поволжье и районы, пострадавшие от недорода. В 1925/26 г. создается второй ударный центр работ — ЦЧО. Цель ра-

бот — преимущественно организация территорий и улучшение кормового фонда. Вот общий итог этих работ (табл. 10):

Таблица 10

Расходы по работам и их эффективность	РСФСР					
	Довоенный период	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Всего ассигновано (по 4 источникам в млн. руб.) [1]	3,00	—	3,93	14,83	7,61	19,10
Осушено (тыс. га)	—	9,5	93,7	114,6	147,0	178,2
Орошено (тыс. га)	—	3,8	28,2	105,0	19,5	44,0
Обводнено (в тыс. сооружений)	—	0,5	2,4	10,1	7,6	7,8

Фиг. 16.

Мелиорация на Украине и в БССР носит по преимуществу восстановительный характер, причем особо широкое развитие получили осушительные работы. В степной части Украины начинают развертываться обводнительные и оросительные работы. БССР особенно нуждается в осушке, могущей открыть здесь широкий простор для подъема кормового фонда. Ежегодные ассигнования за последнее время для этих целей в Украине уже превышают 5 млн. руб., в БССР — свыше 1,5 млн. руб.

Гидроэнергия

Выше мы уже отмечали этапы наших работ в области электрификации. Не мешает отметить также, что общая мощность нашей водной энергии, которая в настоящее время оценивается в 65 млн. *л. с.*, эксплоатировалась в довоенное время с величайшей неряшливостью. Из всего этого громадного запаса утилизировано было мелкими гидросиловыми установками (мельничными и заводскими) не более 780 тыс. *л. с.* Установки же гидроэлектрические малой и средней мощности в этой сумме составляли совершенно ничтожную величину — не более 150 тыс. *л. с.* С 1921 по 1926 г. было начато

[1] Союзный бюджет, республиканский бюджет, мелиоративный фонд (ссудный кредит) и средства населения.

сооружение 15 крупных гидроэлектрических установок общей мощностью свыше 133 тыс. *л. с.*

К 1927 г. было уже закончено шесть установок общей мощностью в 112 тыс. *л. с.*, в том числе такие крупные, как Волховская и Земо-Авчальская. В этом же году мы приступили к сооружению пяти новых крупных гидростанций общей мощностью уже в своей первой очереди свыше 375 тыс. *л. с.* Среди них первая очередь Днепростроя — в 150 тыс. *л. с.* В общей сложности центром и местами намечается реализация в ближайшее время более 40 проектов гидроустановок общей мощностью свыше 1 млн. *л. с.*

Несмотря на все эти положительные итоги по разделу водного хозяйства, в общем и целом мы не можем не признать этот фронт наших работ находящимся в состоянии лишь самых первичных этапов подъема. Организационно он еще совершенно не упорядочен, и ответственный оперативный центр для всего Союза еще отсутствует. Водное хозяйство разбито по отдельным наркоматам и республикам, и даже в плановых органах, даже в централизации планирования работ по водному хозяйству дело в далекой степени не доведено до конца.

VI

ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

10-летние итоги железнодорожного транспорта

Довоенная Россия была наиболее отсталой страной в смысле степени обслуженности железными дорогами по сравнению с промышленными и аграрно-промышленными странами Западной Европы и США. Потребность страны в путях сообщения определяется площадью ее территории, численностью населения и массой производимых и потребляемых товаров. Существует целый ряд формул, дающих известное числовое выражение этим величинам в их взаимозависимости, посредством которых высчитываются так называемые «показатели обслуженности» страны путями сообщения.

Что касается железнодорожного транспорта, то период 1911—1913 гг. дает такие величины:

США	34,27
Канада	23,69
Англия	16,74
Франция	25,86
Германия	21,15
Россия (в границах СССР)	6,94

Уже эти цифры показывают, на какой относительно слабый транспортный организм должны были обрушиться те годы мировой войны и военных лет революции и насколько отличны те задачи, которые выпадают на нашу долю во всей совокупности транспортной проблемы, по сравнению с ситуацией транспорта на Западе.

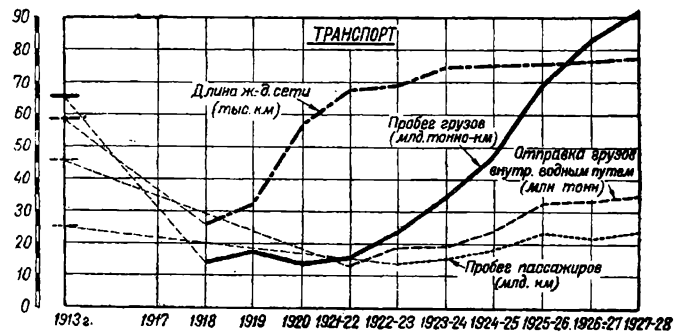
Кризис транспорта наряду с кризисом продовольствия и топлива был одним из самых угрожающих моментов всего периода нашей экономической разрухи. Прежде всего ввиду сокращения территории произошло колоссальное сокращение длины железнодорожной сети — 58 619 *км* в январе 1918 г. до 31 532 *км* в декабре того же года. Количество рабочих паровозов в течение того же 1918 г. упало с 14 519 до 4 679, а число рабочих товарных вагонов — с 537 094 до 215 313 штук. Средняя суточная погрузка, составлявшая в 1913 г. до 35 тыс. вагонов, упала к концу 1918 г. до 4—6½ тыс. вагонов. Отправка грузов, взятая в процентах к 1913 г., составляла: в 1919 г. — 23%, в 1920 г. — 30,4%, в 1920/21 г. — 29,7% и в 1921/22 г. — 30,1%, т. е. прак-

тически оставалась на одном и том же низком уровне. Огромное разбухание штатов со своей стороны свидетельствует о крайней дезорганизации железнодорожного транспорта. Общее число рабочих и служащих, составлявшее в 1913 г. 815 502 чел., в 1921 г. составляло 1 229 051 чел. Топливные запасы дошли всего до трех- и пятидневного размера. В 1921 г. ребром стал вопрос о закрытии части железных дорог и об их временной консервации. Зимой 1920/21 г. нам угрожало прямое окоченение многих тысяч верст нашей железнодорожной сети.

1922/23 г. является переломным в жизни транспорта — наступает период быстрого восстановления транспорта. Грузооборот абсолютно и в процентах от довоенного рос следующим образом:

1923/24 г.	67,5 млн. *т*	или 51%
1924/25 „	88,1 „ „	„ 63%
1925/26 „	116,7 „ „	„ 88,1%

1926/27 г. дает 103% по весу от довоенных перевозок, а в 1927/28 г. уже ожидается 113%. Одновременно увеличится дальность перевозки грузов

Фиг. 17.

с средней дальности пробега в 496 *км* в 1913 г. до 500 *км* в 1923/24 г., 590 *км* в 1925/26 г. и около 608 *км* в 1926/27 г. Тонно-километровая грузовая работа сети уже в 1925/26 г. составила 104,9% довоенной; в 1926/27 г. — 126,3%, а в 1927/28 г. ожидается около 140%. Графически изложенное иллюстрируется фиг. 17.

Параллельно этому бурному подъему идет и всестороннее оздоровление железнодорожного хозяйства. К 1922 г. штаты железнодорожного транспорта снизились ниже 700 тыс. чел. При возросшей транспортной нагрузке, ожидаемой в 1927/28 г., эти штаты не превысят 770—780 тыс. чел.

Параллельно с упорядочением штатного вопроса изменяется к лучшему и положение с оплатой труда. После периода пайков и оплаты меняющейся валютой, начиная с 1924/25 г., впервые представляется возможным сравнить средний заработок железнодорожного персонала с 1913 г. Оказалось, что в этом году против средней зарплаты железнодорожника в 1913 г. в 37,8 довоенных рублей зарплата составила в червонных рублях 44,5. Затем она росла следующим образом:

1925/26 г.	60,93 черв. руб.
1926/27 „	68,59 „ „
1927/28 „	72,15 „ „

По сравнению с заработком металлистов (вместе со служащими, как и у железнодорожников), мы имеем такие величины:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Металлисты	47,33	58,83	65,58	69,08
Железнодорожные и штатные . . .	44,50	60,93	68,59	72,15
Кроме того, поденные	28,04	35,00	38,64	—

Несмотря на многие явные для нас дефекты, эксплоатация железных дорог по своим основным показателям стоит в настоящее время, несомненно, выше довоенной.

Основной причиной такого улучшения является значительный рост парка мощных паровозов, пополненного ввезенными в свое время из-за границы и все время укрепляемого благодаря быстрому восстановлению собственного паровозостроения.

Благодаря этому процент мощных паровозов в паровозном парке возрос с 27% в 1913 г. до 45% в настоящее время. Отсюда возможность увеличить число вагонов в поезде и вес поезда. Средний состав товарного поезда, составлявший в 1913 г. 78,8 осей, в 1926/27 г. уже достиг 94,26 осей. Вес поезда в 1913 г. был 300 *т*, а теперь — до 400 *т*.

Рост перевозки массовых грузов резко улучшил и использование включенных в поезд вагонов. Средняя нагрузка двухосного товарного вагона увеличилась с 7,8 до 8,8 *т*.

Средний суточный пробег товарного паровоза спустился в 1920 г. ниже 60 *км*. Теперь он составляет 125 *км*. Начиная с 1923/24 г., резко улучшается и топливоснабжение транспорта. В 1926/27 г. накопление запаса топлива на железных дорогах было настолько велико, что позволило перейти за нормы накопления, необходимые для чисто эксплоатационных целей. Замечается определенное снижение расхода топлива по расчету на единицу работы.

Постройка вагонов является статьей менее благополучной, чем паровозостроение. С 1925/26 г. возобновилась постройка новых вагонов, предусматривающая выпуск до 12 тыс. единиц двухосного счета, не считая 4 тыс. единиц, которые НКПС должен собрать в своих мастерских. Несмотря на устарелое оборудование этих мастерских, производительность труда в них растет из года в год.

В результате роста перевозок и указанного упорядочения железнодорожного хозяйства быстро растут доходы железнодорожной сети. Об этом росте можно судить по следующим цифрам:

В 1923/24 г.	678	млн. руб.
„ 1924/25 „	917	„ „
„ 1925/26 „	1320	„ „
„ 1926/27 „	1500	„ „

Чистый доход эксплоатации за указанные годы показал еще более быстрый рост:

В 1923/24 г.	39	млн. руб.
„ 1924/25 „	133	„ „
„ 1925/26 „	250	„ „
„ 1926/27 „	220	„ „

Несмотря, однако, на этот рост чистого дохода, финансовое положение транспорта продолжает оставаться напряженным, так как потребность в расходах на новые работы, новое железнодорожное строительство и содержание прочих видов транспорта превышает чистый доход железных дорог и вызы-

вает необходимость все возрастающих дотаций из общебюджетных ресурсов.

Громадная железнодорожная сеть СССР (76 200 *км*), превышающая сеть довоенной России в границах СССР (58 500 *км*) на 17 700 *км*, еще не живет как единое, стройное, организованное целое. Между тем, в перспективной схеме сеть железных дорог СССР должна представлять скелет немногочисленных мощных межрайонных линий массового грузооборота, обросший многочисленными местными магистралями и подъездными путями. Грузовые потоки должны быть всесторонне взвешены для правильного разделения труда между железнодорожным, водным и шоссейно-дорожным транспортом. Дальнейшее повышение мощности паровоза и процента мощных паровозов в операционном парке, реконструкция тяговых устройств, переоборудование подвижного состава автоматической сцепкой и автоматическими тормозами должны обеспечить дальнейшее повышение веса поезда. Соответственно подлежат переустройству путь, искусственные сооружения, а также и станции на всех ответственных узлах обращения мощных грузовых потоков. Наряду с применением тепловозов электрификация железнодорожного транспорта должна облегчить разрешение целого ряда специфических задач.

Опыт нашего промышленного строительства должен притти на помощь в деле разрешения основных вопросов организационного и финансового характера и окончательно снять наше железнодорожное хозяйство со старых изношенных рельс дореволюционной казенщины. Наряду с постройкой Сибирско-Туркестанской железной дороги и разрешением проблемы снабжения туркестанского дехканина сибирским хлебом перед нами встает целый ряд новых грандиозных заданий по железнодорожному строительству, причем на первый план выдвигается вопрос о связи Донбасса с Центрально-Промышленным районом и Ленинградом и о сибирской сверхмагистрали.

Общий рост транспортной работы и острота реконструкционных потребностей транспорта требуют от нас новых усилий по дальнейшему улучшению условий железнодорожного труда, по борьбе с жилищным кризисом на транспорте, по подъему квалификации транспортных трудящихся масс. Однако наиболее трудные начальные этапы на всех этих направлениях уже пройдены. Железнодорожный транспорт в его целом вступает в новые переломные годы своего дальнейшего, еще более быстрого подъема и реконструкции. Перед нами интереснейшая задача: противопоставить «дауэсизации» транспорта в Германии и Польше нашу социалистическую реконструкцию транспорта в его целом.

Морской транспорт

Общий грузооборот, зарегистрированный в 1913 г. по 76 портам, входящим в состав СССР, составлял 36,8 млн. *т*, в том числе 15,6 млн. *т* (42,5%) в экспорте и 5,5 млн. *т* (15%) в импорте. Империалистическая война сократила торговое плавание к русским портам Балтийского и Черного морей, зато значительно поднялась импортная деятельность Белого моря и Тихого океана. В общем же суммарный грузооборот в заграничном сообщении уже в 1915 г. упал до 4,3 млн. *т*, т. е. выразился в цифре в пять раз меньшей, чем в 1913 г.

На каботажных перевозках империалистическая война отразилась значительно слабее, а на Каспийском море наблюдался даже рост перевозок.

В эпоху гражданской войны морские побережья Союза переходили из рук в руки, и говорить о правильной коммерческой эксплоатации флота и портов не приходится.

На европейском побережье Союза советская власть окончательно утвердилась в 1920 г., а побережье Тихого океана окончательно вошло в Российскую социалистическую федерацию лишь в 1922 г.

Эпоха империалистической и гражданской войн нанесла огромный урон как судовому, так и портовому хозяйству СССР.

Наш морской торговый флот, насчитывавший в 1914 г. на внешних морях 842 паротеплоходов суммарной валовой вместимостью 704 тыс. регистровых тонн, по первому изданному после революции списку заключал в себе на тех же морях 258 паротеплоходов суммарной валовой вместимостью 196,6 тыс. регистровых тонн. Из этой огромной убыли в 584 паротеплохода общей валовой вместимостью в 507,4 тыс. регистровых тонн 202 крупных паротеплоходов суммарной валовой вместимостью 347,6 тыс. регистровых тонн были интернированы за границей или уведены туда во время военных действий; из прочих же судов суммарной валовой вместимостью 159,8 тыс. регистровых тонн большая часть также была утрачена во время войны, приобретения же за время войны были сравнительно незначительны.

Оставшиеся в распоряжении советской власти суда были использованы военным командованием и вернулись в коммерческую эксплоатацию большей частью в сильно изношенном состоянии.

Порты использовывались почти исключительно в военно-вспомогательных целях; работы, необходимые для их поддержания, производились в большинстве случаев в недостаточном размере. Обмеление подходов к портам, разрушение причальных линий, складочных помещений и даже защитных сооружений были явлением заурядным.

Советской власти пришлось в области морского транспорта произвести огромную организационную и хозяйственную работу.

Актом колоссальной важности, изменившим самую природу хозяйства морского транспорта, является декрет 26 января 1918 г. о национализации торгового флота, в силу которого весь морской торговый флот перешел в ведение государства.

В дальнейшем было допущено некоторое развитие частновладельческого и кооперативного морского торгового флота, но в общем главная масса нашего флота находится в руках государственных акционированных пароходств «Совторгфлота» и «Каспара»[1].

Размер эксплоатационной работы их растет из года в год, и в 1926 г. они охватили почти целиком (96%) перевозки на Каспийском море и около ¾ каботажных перевозок на внешних морях. Участие советского флота в импортной работе хотя и повышается за последние годы, достигнув в 1926 г. 5,7%, но все же ниже довоенной цифры (7,7% в 1913 г.).

Попутно с этим идет и интенсификация работы морских пароходств, и уже в 1925 г. «Каспар» смогло констатировать лучшие эксплоатационные коэфициенты в своем паротепловом нефтеналивном флоте, чем те, которые были достигнуты в дореволюционное время фирмой «Нобель», известной рациональной постановкой хозяйства.

Главнейшим дефектом нашего морского торгового флота является его недостаточность и изношенность. Пополнение флота новыми судами советской постройки началось с 1927 г. вступлением в эксплоатацию лесовозов, построенных на Балтийском заводе в Ленинграде.

Правительство еще в 1924 г. разработало программу планомерного пополнения морского торгового флота, проводимую в исполнение, правда, в несколько медленном темпе в силу, главным образом, финансовых затруднений. Судя по темпу развертывания судостроительной промышленности СССР, можно рассчитывать, что лишь в 1932 г. наш морской торговый флот будет доведен до довоенного состояния.

Общий грузооборот портов в 1926 г. выразился в 16,8 млн. *т*, или 46% от 1913 г., в том числе 8,4 млн. *т* экспорта и 1,1 млн. *т* импорта, причем

[1] «Каспар» — Каспийское государственное пароходство.

наблюдается рост из года в год: 1921 г. — 5,5 млн. *т*, в 1922 г. — 8,0 млн. *т*, 1923 г. — 10,2 млн. *т*, 1924 г. — 10,6 млн. *т* и 1925 г. — 14,5 млн. *т*. В полном соответствии с этим растут и работы по восстановлению, поддержанию и развитию портов. В настоящее время порты в общем справляются со своим грузооборотом.

Дефектом наших портов является также и недостаток складов и механических перегружателей, что сильно повышает накладные расходы.

Программа портостроительства, намеченная Госпланом СССР, предусматривает развитие в первую очередь главнейших портов, обслуживающих наш экспорт и нефтеперевозки, причем особое внимание обращается на работы, которые повлекут за собой снижение накладных портовых расходов.

Из крупных новых работ, производящихся в настоящее время, особенно надлежит отметить создание нефтеэкспортного порта в Туапсе, углубление Ростовского и Мариупольского портов и восстановление Волго-Каспийского канала.

Речной транспорт

Протяжение внутренних водных путей СССР превосходит не только в отдельности каждую из европейских стран, но и все взятые вместе. Во всей Западной Европе насчитывается 50 тыс. *км* водных путей, тогда как в 1927 г. СССР имеет 88,4 тыс. *км* судоходных водных путей, 173,7 тыс. *км* сплавных водных путей и 2,0 тыс. *км* искусственных водных путей.

Сближение бассейнов и, в частности, верховьев рек дает возможность путем искусственных соединений образовать единую густую сеть водных путей сообщения. Количество перевозок на внутренних водных путях, входящих в границы СССР, в 1913 г. выразилось в 48,2 млн. *т*, что составляло 38,5% от железнодорожных перевозок. Размер речного торгового флота по переписи 1912 г. выражался в следующих цифрах: 4 757 паротеплоходов с суммарной мощностью 1 006 тыс. индикаторных сил и 21 513 несамоходных судов общей грузоподъемностью 13,2 млн. *т*.

Империалистическая война предъявила к перевозкам по внутренним водным путям ряд требований, не имевших места ранее, как, например, доставка угля на север. Вместе с тем заметно снизилось общее количество грузов, в первую очередь хлебных и лесных, перевозимых речной системой.

Пополнение флота новыми судами за недостатком рабочих рук, отвлеченных в армию, сократилось; сократился и ремонт. Вызванный этим усиленный износ судов дошел до еще более грозных размеров в эпоху гражданской войны. В это время многие водные пути стали ареной военных действий, и речной флот, используемый как вспомогательный военный флот, оказал не малую услугу делу упрочения советской власти.

В результате тяжелых условий работы речного флота грузооборот значительно сократился, причем это сокращение продолжалось и после гражданской войны. Так, списочный состав паротеплового флота дает минимум в 1924 г. (3 212 единиц). Далее начался его рост, и в 1926 г. он уже имеет 3 323 единицы; число паротеплоходов, находящихся в эксплоатации, растет после войны все время, достигая по отчету за 1926 г. 2 599 единиц (52% от 1912 г.). Количество непаровых судов за последние годы также растет непрерывно, достигая (по отчетным данным) в 1926 г. 9 842 единицы, из коих в эксплоатации 8 881 единица общей грузоподъемностью 3,7 млн. *т*, 41% довоенного по количеству и 27% по грузоподъемности.

В распоряжении госпароходств находится 82% паротеплового флота по мощности и 72% несамоходного флота по грузоподъемности.

Общий размер перевозок на внутренних водных путях достиг в 1926 г. 32,8 млн. *т* (69% от 1913 г.), причем рост перевозок шел таким темпом:

1920 г. — 11,2 млн. *т*, 1921 г. — 12,2 млн. *т*, 1922 г. — 13,4 млн. *т*, 1923 г. — 19,9 млн. *т*, 1924 г. — 19,6 млн. *т*, 1925 г. — 24,3 млн. *т* и 1926 г. — 32,8 млн. *т*.

Такой рост грузооборота, естественно, требует и увеличения состава флота, в настоящее время уже едва выполняющего предъявляемые ему перевозки. Пополнение речного флота составляет ударную задачу современного момента, тем более, что общий рост работы транспорта настоятельно требует решительной разгрузки железных дорог путем передачи части грузов на реки.

Сами водные пути, пришедшие во время гражданской войны в весьма запущенное состояние, постепенно восстанавливаются. В одних отраслях это восстановление еще не закончено, как, например, в области землечерпания и освещения фарватеров; зато в других отношениях, как, например, в области обстановки путей без освещения, достигнуты результаты, превышающие довоенные: 42,4 тыс. *км* обставляемых путей в 1926 г. вместо 39,9 тыс. *км* 1913 г.

Значительные работы ведутся по восстановлению гидротехнических сооружений и окончанию работ, начатых еще в довоенное время, как, например, шлюзы на Мариинской системе и работы по регулированию отдельных участков Днепра и Волги.

Наконец, в самое последнее время советское правительство приступает к осуществлению грандиозных задач по шлюзованию Днепра и соединению Волги и Дона. Работы эти дают возможность непрерывного водного сообщения для значительных масс грузов как экспортных, так и для внутреннего потребления.

Параллельно с реконструкцией железнодорожной сети намечается такой же процесс и для речных путей, что лишь в своей совокупности реализует основную идею всего транспортного строительства в целом — создание массовых магистральных грузовых потоков.

Безрельсовый транспорт

Дорожное хозяйство России в довоенное время было самым отсталым среди других отраслей народного хозяйства страны; гужевые пути большую часть времени были непроезжими. Царское правительство не уделяло внимания безрельсовым дорогам вследствие недооценки им значения последних для хозяйственной жизни страны; средства отпускались по госбюджету лишь на дороги стратегического значения и на небольшое протяжение шоссейных дорог. Содержание местных путей было возложено на земства, но и их средства были крайне недостаточны и отвлекались на другие местные нужды.

Несмотря на то, что безрельсовые дороги имели громадное значение как во время империалистической, так и гражданской войн, тем не менее, и за это время они не только не получали нормального ремонта, но, разрушаясь военными действиями, приходили в полное расстройство. С окончанием гражданской войны и началом восстановительного периода приходится уделить сугубое внимание этой отсталой отрасли народного хозяйства. Наиболее важные для хозяйственной жизни страны безрельсовые пути были включены в государственную сеть, и финансирование их было обеспечено ассигнованиями по смете НКПС. Протяжение этой сети с 36 339 *км* в 1922/23 г. увеличилось к началу 1927/28 г. до 45 850 *км*, и состояние дорог настолько улучшилось, что по всей сети уже возможен бесперебойный проезд. Ассигнования с 5 730 тыс. руб. в 1923/24 г. увеличилось до 38 млн. руб. в 1927/28 г. В течение ближайших лет намечается не только приведение сети государственных дорог в вполне исправное состояние, но и реконструкция дорожного хозяйства путем усовершенствования значительной части путей и сооружения

новых в тех районах, которые подлежат развитию, причем протяжение сети доводится минимумом до 50—60 тыс. *км*.

Безрельсовые дороги местного значения, протяжение которых ранее не было совершенно учтено, были переданы в ведение губисполкомов, и к настоящему времени вовлечены в учет 1 081 тыс. *км*, получивших отражение в местных бюджетах.

Принимая во внимание недостаточность местных бюджетов, в помощь им отпускались на дорожное дело дотационные и субвенционные пособия, которые значительно увеличивали средства, затрачиваемые на ремонт и устройство местных дорог. Ассигнования на местные дороги с 6 600 тыс. руб. в 1923/24 г. увеличены до 70 млн. руб. в 1927/28 г.

Попудному сбору придано целевое назначение на улучшение и развитие подъездных путей. В целях улучшения состояния и развития волостных и сельских дорог, связанных с сельским хозяйством, проведены в законодательном порядке льготный отпуск строительных материалов и привлечение добровольного трудового участия населения, что в дальнейшем послужит стимулом к широкому развитию местного дорожного хозяйства. Тем не менее, проблему безрельсовых дорог нельзя считать в какой-либо степени решенной с точки зрения той роли, которую этим дорогам придется играть в общем транспортном механизме при дальнейшем подъеме автотранспорта и при дальнейшем росте экономических и культурных связей между городом и деревней.

Работа народной связи

Связь общего пользования, почта, телеграф, телефон и радио, за некоторым исключением (телефонная связь) были учреждениями государственными и всегда составляли правительственную регалию. Эта регалия, однако, была нарушена в начале революционного периода, когда вследствие неналаженности транспорта широко распространилась деятельность частных почтовых контор по пересылке почтовой корреспонденции, главным образом, в оккупированные районы, и когда государственные учреждения РСФСР нередко прибегали к пересылке своей корреспонденции собственными организованными средствами. Точно так же, революционный период сопровождался переходом в ведение местных советов бывших государственных, муниципальных (земских и городских), частных и концессионных телефонных сетей.

С переходом в ведение НКП и Т телефонных городских сетей и местных телефонных сообщений все хозяйство связи общего пользования стало объединенным.

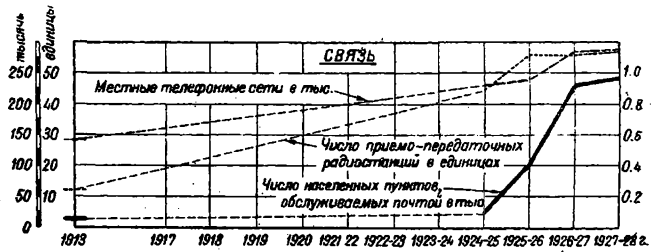
Управленческий аппарат связи за время десятилетнего существования Союза неоднократно подвергался преобразованиям в зависимости от общих административных реформ: вначале были губернские почтово-телеграфные отделы, затем — округа связи, а в настоящее время — областные управления связи, сконструированные в близком соответствии с районированием союзных республик. Проводимая система децентрализации управленческого аппарата вызывала организацию окружных контор и отделений связи, облеченных правами устройства местных средств связи, в зависимости от нужд местного населения. Почтово-телеграфный обмен благодаря сначала бесплатности услуг почты по некоторым отправлениям (простые письма) и низким почтово-телеграфным таксам в период неустойчивой валюты подвергался резким колебаниям.

Позднее, с установлением твердой валюты и по мере достижения организационных улучшений во всех областях народного хозяйства (вовлечение обобществленного народнохозяйственного сектора полностью в сферу планирования, затем экономия в административно-управленческих расходах и т. п.),

темп роста почтового обмена за последние годы резко снизился. В итоге почтово-телеграфный обмен за последний год десятилетия превысил довоенный обмен только по письмам, карточкам и бандеролям (110,9%), а также по пересылке периодических изданий (165,8%). Что же касается до прочих видов обмена, то последние не достигли размеров обмена 1913 г.; заказные — 64,8%, денежные письма — 62,4%, переводы — 72,2%, посылки — 89,2%, телеграммы — 66,4%, слова в них — 76,5%.

Почтовая связь наладилась и развивается, главным образом, в сторону охвата населенных сельских пунктов путем ежегодного увеличения кадра сельских письмоносцев, числа штатных и нештатных агентств связи. Учащение хода существующих почт по трактовым, железнодорожным и водным путям и по воздушным линиям происходит из года в год. Число почтовых вагонов, количество установленных ящиков, размеры автотранспорта значительно превосходят цифры 1913 г.

Телеграфная связь по количеству надежно восстановленных линий и проводов по сравнению с 1918 г. увеличилась немного, но сеть проводов

Фиг. 19.

переконструировалась в соответствии с потребностями Союза в целом и союзных республик в отдельности, причем значительный процент телеграфных проводов телефонизирован.

Достижения в радиосвязи заключаются не только в увеличении числа приемно-передающих и приемных станций, в осуществлении плана радиофикации сибирских рек Оби, Енисея и некоторых областей Союза, лишенных средств этой связи, но также в капитальном переоборудовании и пополнении современной аппаратурой многих существующих, но устаревших радиостанций.

В 1926/27 г. приступлено к сооружению мощных радиоцентров и, кроме того, в ряде крупных пунктов осуществлены первые установки для работы короткими волнами. Значительные успехи достигнуты в области радиовещания. Однако в этой громадной и многообещающей области мы находимся еще в первоначальной стадии работ.

В отношении телефонной связи прежде всего приходится отметить не только общий рост сети главных междугородных сообщений и вступление в эксплоатацию таких сообщений, как Ленинград — Москва — Ростов-на-Дону — Тифлис, но и использование бронзовых телефонных цепей этих сообщений для одновременного и многократного телеграфирования и телефонирования, а также применение на телефонных проводах трансляционных установок, благодаря которым получена возможность телефонирования на длинные расстояния не только по бронзовым, но и по железным проводам.

Значительно выросла сеть внутриуездных и волостных телефонных сооб-

щений, заменивших бывшие земские телефонные сети. Что же касается местных городских телефонных сетей, то последние еще не получили надлежащего развития.

Тем не менее, в пределах имевшихся средств были упорядочены и даже перестроены некоторые из наиболее расстроенных городских сетей, а в 1925/26 г. НКП и Т приступил к постройке автоматических телефонных станций в Москве, в Ростове-на-Дону и к переустройству на систему центральной батареи телефонных сетей в таких крупных центрах, как Казань, Астрахань, Воронеж, Новороссийск, Ташкент и др. Весьма серьезную задачу для НКП и Т составляла необходимость приведения в исправное состояние ведомственных зданий, кубатура которых значительно увеличилась благодаря занятию для надобностей связи многих частных зданий в период муниципализации и национализации.

Таким образом народная связь вступает в новый реконструкционный период своего существования в достаточной степени окрепшей.

VII

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Послевоенная разруха не могла не ударить катастрофическим образом и в самых разнообразных направлениях по основным фондам нашего хозяйства. Разрушения чисто военного характера сочетались с крупными изменениями, которые вносила великая Октябрьская революция в хозяйственные и социальные отношения. Смена владельцев, эвакуации, перевод на консервацию, прекращение всякого рода нового строительства, запущенность ремонта, непрерывная организационная перестройка — все это создавало для наших основных фондов одно потрясение за другим, а в перспективе все с большей и большей ясностью обрисовывались новые гигантские задачи строительства, являвшиеся естественным последствием социального переворота. Еще в 1919 г. Главный комитет государственных сооружений (Главкомгоссоор) сделал первую попытку поставить на плановые рельсы эту гигантскую отрасль народного труда. Однако в ту пору еще не назрели те предпосылки, которые были необходимы для действительного планового охвата задач строительства в целом.

Централизованный план строительства оказался не по плечу, и, к сожалению, отступления на этом фронте не удалось провести стройным организованным порядком.

Лишь в самые последние годы мы вновь намечаем создание общесоюзного строительного центра и приступаем к борьбе за упорядочение и надлежащую организацию нашего прорванного фронта строительства.

Тем не менее, даже и этот фронт, начиная с 1924/25 г., стал давать крупные результаты. Абсолютные суммы затрат в миллионах червонных рублей на все строительство в целом, не считая деревенского, составляли:

В 1923/24 г.	467
„ 1924/25 „	860
„ 1925/26 „	1 485
„ 1926/27 „	1 942

Как видим, уже в 1926/27 г. мы оперируем в области строительства с почти двухмиллиардным размером затрат.

Переход на новое строительство идет неуклонно возрастающим темпом. Удельный вес нового строительства в общих затратах составлял: в 1923/24 г. — 31%, в 1924/25 г. — 47,4%, в 1925/26 г. — 55,9%, в 1926/27 г. — около 63%.

Что касается промышленного, транспортного, коммунального и жилищного строительства, то мы не имеем еще возможности установить достаточно правильную пропорциональную очередность затрат на строительство этих отраслей народного хозяйства. Особо стоит вопрос о строительстве, удовлетворяющем прямые социально-культурные потребности. Первая группа составляла в 1924/25 г. — 85,5%, в 1925/26 г. — 86,2% и в 1926/27 г. — 84,3%.

Бурный рост строительства налицо. Однако налицо и его недостаточная организованность со всеми проистекающими отсюда последствиями по основному фронту промышленности, заготовляющей строительные материалы, по наличности квалифицированной рабочей силы и по характеру организаций, которым вверено ответственное дело строительства. Отрицательные итоги такого положения дела суммируются в непрерывном росте строительного индекса: в 1924/25 г. он равнялся в среднем 2,26, в следующем году — 2,60, в 1926/27 г. — 2,65. Особенно рос индекс на постройку деревянных зданий, дающий по годам следующую динамику: 2,25, 2,65 и 2,89. Этот рост обусловливается не только повышением поденной платы и новыми условиями сдачи лесосек, но и общим положением нашего лесного дела и лесообработки. На очереди стоят неотложные нужды создания действительного планового режима строительства и его радикальной реконструкции. Без надлежащего использования рабочих строительных сезонов, без надлежащей проработки предварительных рабочих планов строительства, без твердых бюджетов строительства и без реконструкции организационных форм строительства и соответствующего кредита — наряду с реконструкцией строительных методов по лучшим заграничным образцам и расширения поля стандартизации — дальнейший прогресс невозможен.

Рост деревенского строительства был очень велик в первые два года после ликвидации гражданской войны, но затем вложения в него сделались почти стабильными, что объясняется самым характером этого строительства. По приблизительным данным оно оценивается по годам: в 1924/25 г. — 1 216 млн. руб., в 1925/26 г. — 1 341 млн. руб., в 1926/27 г. — 1 368 млн. руб. Это строительство также страдает от своей недостаточной организованности и от разнообразных дефектов рынка строительных материалов, отличающегося по различным районам чрезвычайной пестротой. В этой области Госстрахом еще недостаточно развернуты его рационализирующие начинания.

Основными источниками финансирования строительства являются: союзный госбюджет, местный бюджет и собственные средства как предприятий, так и самого населения. В круглых цифрах расходы из этих источников распределяются по годам следующим образом (в млн. руб.):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Госбюджет	382	548	764
Местный бюджет	118	209	280
Собственные средства	1 576	2 069	2 267

В приведенных цифрах учтена и стоимость деревенского строительства, составляющая благодаря его стабильности около 60% общей суммы вложений за первый из приведенных годов и около 40% — за последний.

Темп роста ассигнований по госбюджету опережает темп роста вложений за счет собственных средств, почему их доля в общей сумме затрат заметно снижается.

Особо острым вопросом во всем разделе строительства является жилищный вопрос. Национализация домов и отсутствие средств для их ремонта и содержания, тяжкие испытания периода разрухи не могли не иметь в своем результате губительных последствий для всего наличного жилищного фонда. Квартирная плата и в настоящее время не покрывает всех издержек по со-

держанию и ремонту домов обобществленного фонда, не говоря уже об амортизации и процентах на затрачиваемый капитал. Во вновь отстраиваемых или восстанавливаемых домах, где учитываются эти элементы, она в три-три с половиной раза выше, чем в старых домах. Разрыв между квартплатой в новых и старых домах, несомненно, тормозит вовлечение населения в жилищное строительство. Растущее снизу индивидуальное жилищное строительство старается обеспечить себе равенство положения не только путем широкого применения личного труда и выбора самых непрочных материалов и неустойчивых конструкций, но и путем всевозможных уклонений от необходимых строительных норм. Процент деревянных построек в этом строительстве — свыше 75. Размер одного строения в среднем — 28 $м^2$. Упорядочение этого строительства — злоба дня местных организаций, которым оно угрожает и нарушением общего строительного плана и непосильными перерасходами по обслуживанию коммунальных нужд.

Рост вложений в новое жилищное строительство и новая жилая площадь исчисляются по годам таким образом:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
В млн. червонных рублей . . .	156,5	286,7	393,0
„ „ $м^2$	1,84	3,16	4,20

Этот размер нового строительства, начиная с 1924 г., кладет предел проеданию основного капитала. Однако рост городского населения и размер ежегодного износа строений еще не позволяют стабилизировать среднюю душевую норму жилой площади.

Гораздо бо́льшие успехи достигнуты, если мы отвлечемся от этих средних цифр по всему Союзу, в разделе жилищного строительства для рабочих промышленности и транспорта. В этой области мы имеем отдельные крупные ассигнования специального назначения и отдельные крупные, нередко удачные, попытки необходимой реконструкции жилищ для рабочих. Одним Донуглем за последнее трехлетие израсходовано на рабочее жилищное строительство свыше 46 млн. руб.; по Югостали — свыше 30 млн. руб., по Азнефти — свыше 30 млн. руб. и т. д. Дальнейшее форсирование жилищного строительства для рабочих и его рационализация — первоочередная задача всего нашего строительства в целом. Ничтожная средняя душевая норма для рабочих промышленности и транспорта — 5,1 $м^2$ — это одно из самых тягчайших наследий нашего капиталистического прошлого. Оно должно быть изжито в кратчайший срок.

VIII

ТРУД

Первые годы революции характеризуются интенсивным процессом распыления промышленного пролетариата, численность которого в цензовой промышленности сократилась к 1920 г. вдвое по сравнению с 1916 г. Следующий период является периодом собирания пролетариата, и в 1927/28 г. мы почти достигаем довоенного уровня. Реальная заработная плата упала в 1920 г. на ¾ по сравнению с 1913 г., что повлекло за собой в среднем равновеликое падение производительности труда. Но на протяжении последующих лет последняя вновь повышается и притом одновременно с ростом заработной платы и параллельно ей.

В 1926/27 г. выработка на одного рабочего превышает норму 1913 г. на 9%, правда, отставая от довоенной на 7—8% по добывающим отраслям и на 17% по металлу. Вместе с тем перешагнула довоенный уровень и реальная заработная плата, причем превышение ее над 1913 г. выражается в 5%, а с учетом коммунальных услуг — в 15%.

Выше, в главе, посвященной промышленности, мы уже приводили цифры, характеризующие эти количественные изменения и являющиеся выражением своего рода восстановительных процессов в среде пролетариата. Говоря о положении труда к 10-летию революции, нельзя ограничиться количественными характеристиками: необходимо остановиться на некоторых качественных изменениях, на своего рода реконструктивных процессах в сфере труда, которые по своему характеру опередили реконструктивные процессы в промышленности и создали для последней отличный от довоенного социальный базис.

Важнейшим фактором в деле создания этого базиса наряду с установлением и развитием диктатуры пролетариата и советской власти как государственной формы этой диктатуры является наше профессиональное движение. Период с 1917 г. отличается бурным темпом роста членов союзов (100—150% в год), причем рост этот начинается с невысокого уровня: число членов профсоюзов в 1917 г. — 693 тыс. Этот период бурного роста завершается в 1921 г., когда число членов профсоюзов достигает 7,5 млн. С переходом к нэпу это число резко падает: одновременно с уменьшением числа лиц, занятых в производстве, транспорте (сокращения 1921—1922 гг.) и на советской службе, происходит решительное отсеивание лиц, вступивших в союзы исключительно для получения каких-либо льгот. С 1922/23 г. консолидированная к этому времени профсоюзная масса начинает свой новый, уже здоровый рост, который виден из следующих относительных цифр:

Годы	Рост в %
1922/23	100,0
1923/24	118,8
1924/25	142,1
1925/26	176,4
1926/27	201,1

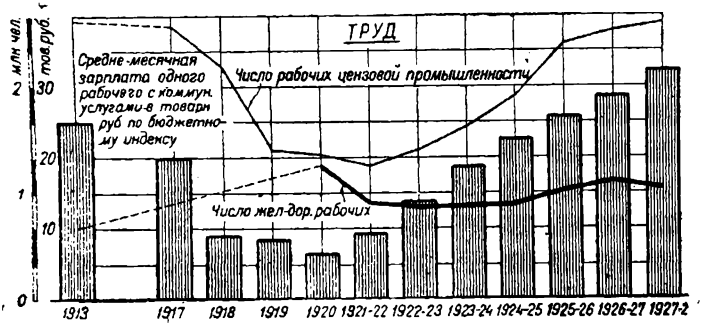
Этот рост численности членов профсоюзов сопровождается неуклонным ростом охвата трудящихся:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Численность лиц наемного труда, включая безработных (в тыс.)	9 465	11 343	12 446
Число членов профсоюзов (в тыс.)	7 045	8 748	9 974
Охват трудящихся профсоюзами (в %) .	74,5	77,5	80,0

История наших профсоюзов за десятилетие — это вместе с тем и история обороны рабоче-крестьянского Союза как военной, так и хозяйственной. Иллюстрированный выше подъем нашего хозяйства за десятилетие прежде всего объясняется той колоссальной работой, которая проделана профсоюзами как в упорной борьбе с хозяйственной разрухой, так и по всем линиям, предопределявшим бурный хозяйственный подъем. Наличие и организационный рост профсоюзов, расширение поля их оперативной деятельности является важнейшим фактором, обеспечившим ту спайку с многомиллионным коллективом трудящихся, которая была и остается основным залогом прочности советского строя и успехов нашего социалистического строительства.

Когда организовывались военные отряды, профсоюзные массы были впереди. Когда Наркомпрод поднимал на свои плечи хозяйственную оборону, он черпал силы из того же источника. Когда организовывались кампании на помощь Донбассу и в целях спасения гибнущего транспорта, на самых ответственных постах стоял профсоюзный авангард. Такая же гигантская работа выпала на долю профсоюзов и во всем дальнейшем подъемном строи

тельстве в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве. Достаточно напомнить о проделанной профсоюзами работе по урегулированию зарплаты путем колдоговоров, об их роли в кампаниях по поднятию производительности труда, о работе их в производственных совещаниях, об их сотрудничестве по всем вопросам текущей хозяйственной работы, о самостоятельной постановке профсоюзами острых хозяйственных проблем, о гигантской работе, проделанной ими в тарифно-нормировочном деле, и о той роли, которую пришлось играть организованному в профсоюзы пролетариату при разрешении всех очередных и перспективных задач в важнейшей для советской республики области — труда. Все плановые мероприятия со стороны государства по охране труда в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве осуществляются в теснейшем контакте с профсоюзами.

Фиг. 19.

Показатели производительности труда являются решающими для всей нашей хозяйственной конъюнктуры. Данные, характеризующие индекс производительности труда за последнее пятилетие *, приведены в табл. 11.

Таблица 11

Годы	Добывающая		Обрабатывающая		Вся промышленность	
	В % к средней за 1922/23 г.	В % к предыдущему году	В % к средней за 1922/23 г.	В % к предыдущему году	В % к средней за 1922/23 г.	В % к предыдущему году
1922/23 . .	100,0	—	100,0	—	100,0	—
1923/24 . .	129,7	129,7	115,5	115,5	118,0	116,0
1924/25 . .	171,9	132,6	152,9	132,4	156,4	132,5
1925/26 . .	199,8	116,3	172,3	112,7	177,1	113,2
1926/27 . .	219,8	110,0	191,6	111,2	196,7	111,1

[1] Индексы производительности труда исчислены как среднегеометрическая из показателей валовой выработки на человека-день (в рублях по довоенным ценам), отнесенным к показателям средней выработки за четыре года, и взвешены по среднеарифметической за 48 мес. (1922/23—1925/26 гг.) числа рабочих по каждой отрасли промышленности.

Эти данные — наиболее яркий показатель того великого исторического хозяйственного подъема, которым подытоживается истекшее десятилетие и который был бы немыслим вне сотрудничества с профсоюзами.

Наше социальное страхование является центральной установкой социалистической организации труда. Успехи в этой ответственной работе мы должны приписать целиком энергии профсоюзов. Вот несколько показателей:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Охват трудящихся масс (в тыс.)	6 721	8 171	8 900
Все расходы соцстраха без фонда Г (в млн. руб.)	311	528	600
Выдано пособий по болезни (в млн. руб.) . . .	163	275	295
Лиц на пенсии (в тыс.)	435	584	703
Безработных на пособии (в тыс.)	299	345	400
Пропущено через дома отдыха и санатории (в тыс.)	316	351	513

Рост культурно-просветительной работы профсоюзов показывают следующие цифры:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Число клубов	1 951	3 417	3 418	3 609
Число красных уголков	—	8 000	21 700	26 700
В клубах членов (в тыс.)	239	900	1 020	1 164
Число постановок за месяц (в тыс.) .	18	50	46	66

Число кружков в клубах и красных уголках в настоящее время достигает 75 тыс. с 1,5 млн. участников.

Мы не останавливаемся на роли профсоюзов в развернувшейся ныне кампании по рационализации промышленности, по рационализации строительства и в особенности жилстроительства для рабочих, и на их роли в той организационной работе, которая пала на плечи РКК. Однако и из сказанного выше уже достаточно, чтобы охарактеризовать в общем те шансы реконструкции, на которые мы вправе рассчитывать в дальнейшем, крепя во всех направлениях еще больше спайку всех видов нашей хозяйственной работы с работой профсоюзов.

IX

ТОВАРООБОРОТ

Внутренняя торговля

Охарактеризованный выше производственно-хозяйственный кризис послевоенного времени своим естественным следствием имел такой же кризис в сфере распределения. Сфера рыночного оборота является как бы приемником, немедленно воспринимающим и суммирующим в себе те пертурбации, которые идут из сферы производства. Поэтому расстройство рынка при наступлении хозяйственного кризиса своими фазами как бы опережает фазы производственного кризиса. Уже в последние годы мировой войны расстройство рынка было настолько велико, что тогдашнее правительство с принудительной необходимостью толкалось в сторону монополии хлебной торговли и огосударствления основных заготовок, необходимых для военных нужд.

Глубочайшее расстройство внутреннего рынка и максимум распада товарооборота между городом и деревней приходится, однако, на военную по-

лосу Октябрьской революции. Хлебные излишки в период 1918 — 1920 гг. сократились в 10 раз, продукция крупной промышленности — в 5 раз, мелкой промышленности — в 2,5—3 раза. Безудержное падение валюты превращает денежные знаки из орудия расчета в условно-учетные единицы. Товарообмен неизбежно должен был замещаться продуктообменом. Железный централизованный механизм, долженствующий регулировать всю сферу распределения, при таких условиях был единственной мерой, дающей выход из смертельно опасного положения. Этот выход был найден. Реввоенсовет и Наркомпрод исполнили свою историческую задачу, Республика советов одержала победу на поле брани.

Период военного коммунизма сыграл огромную историческую роль как первый грандиозный опыт государственного планового охвата всего заготовительного и распределительного дела страны. Планирование, использование и распределение всех хозяйственных ресурсов на основе их систематического учета, с максимальной эффективностью для маневренных хозяйственных нужд текущего хозяйственного дня, было, есть и останется одной из основных вех всего социалистического строительства в целом. Подводя итоги этого периода нашего хозяйства, трудно переоценить то героическое напряжение, которое выявил пролетариат нашей страны за эти немногие, но решающие годы военного коммунизма. Однако лобовая атака для достижения прямых социалистических целей военного коммунизма не могла увенчаться успехом. На пути стояли величайшие препятствия, выражавшиеся не только в глубоком хозяйственном кризисе, но и в отсутствии тех элементарных положительных материальных и организационных предпосылок, которые абсолютно необходимы для развернутого фронта социалистического строительства.

Вот эффективность продразверстки, введенной с февраля 1919 г. и сводившейся к твердому определению контингентов хлеба, реализуемых с использованием всех средств государственного принуждения. Напомним, что в 1916/17 г. в пределах всего СССР было заготовлено всего 8,4 млн. *т*. Наша заготовка хлебов шла таким образом: в 1917/18 г. — 0,77 млн. *т*, в 1918/19 г. — 1,8 млн. *т*, в 1919/20 г. — 3,5 млн. т, в 1920/21 г. — 6,01 млн. *т*. Степень исполнения заготовительного плана 1920/21 г. — 67,1%.

В течение 1918/19 г. за вычетом снабжения армии Наркомпрод мог удовлетворить лишь 40% его потребления. В отношении остальных предметов питания охват государственным снабжением потребностей населения был еще ниже. В 1919 г. и в начале 1920 г. выдача этих продуктов городскому населению по карточкам колебалась в пределах 20—25% фактического потребления. К концу периода военного коммунизма на госснабжении находилось около 30 млн. чел. Наибольшая часть государственных товарных фондов шла на нужды армии. В 1919/20 г. для нужд армии было отчуждено до 40% хлопчатобумажных тканей; прочие ткани отчуждались для военных нужд в размере от 70 до 100%, мужская обувь — в пределах 90%, сахар — 60%, табак — 100%.

Система прямого, непосредственного действия должна была уступить место системе обходных действий, новая экономическая политика была хозяйственной необходимостью, обеспечивающей диктатуре пролетариата прежние позиции целевой хозяйственной установки, но по-новому учитывающей те возможности хозяйственной конъюнктуры, которые создавались при переходе от обороны к мирному строительству. Начало нэпа в области хозяйственной знаменуется:

1) заменой продразверстки продналогом (сначала натуральным, а впоследствии денежным), давшим свободный выход крестьянским излишкам на товарный рынок;

2) разрешением частной торговли, регулируемой советским государством

и играющей роль вспомогательной части торгового аппарата, заполняющей пробелы кооперативной и государственной торговли;

3) развитием торговли, введением твердой валюты и переходом на денежные формы заработной платы;

4) установлением принципа добровольного вступления в кооперацию;

5) переводом государственных предприятий на хозрасчет.

Однако, подводя итоги военного коммунизма, мы видим, что, развязывая торговлю и денежное хозяйство, мы выступаем не в роли побежденных, а в качестве организаторов, закрепивших уже за собой все основные командные высоты государственного и хозяйственного аппарата.

Наркомпрод уступил место Наркомвнуторгу. Монополия внешней торговли развивает аппарат Внешторга. Наркомвнуторг и Наркомвнешторг сливаются в единый орган государственной торговли, который наряду с растущей кооперацией берет на свои плечи гигантскую задачу такого регулирования всей сложнейшей системы хозяйственного оборота, которая должна обеспечить нам и дальнейший бесперебойный подъем хозяйства в его целом и дальнейший рост и укрепление его обобществленного сектора.

Одна из важнейших задач на этом пути — охват хлебного рынка. Вот сводные данные по валовому сбору и заготовке главнейших зерновых хлебов за десятилетие (табл. 12):

Таблица 12

Годы	Валовой сбор	Плановые заготовки	Заготовки в % к 1916/17 г.
	в млн. *т*		
1916/17	57,9	8,4	100
1917/18	55,8	0,78	9,3
1918/19	—	1,8	21,4
1919/20	—	3,5	42,0
1920/21	34,7	6,1	72,6
1921/22	28,1	3,98	46,1
1922/23	38,4	7,0	83,5
1923/24	56,0	7,0	84,0
1924/25	50,2	4,6	55,3
1925/26	9,6	8,56	101,8
1926/27	79,6	10,7	127,6

Мы видим неуклонный рост плановых заготовок (за исключением неурожайных лет 1921/22 и 1924/25 гг.), достигающих в 1926/27 г. 127,6% по сравнению с 1916/17 г. Одновременно растет роль основных заготовителей — государственных и кооперативных организаций: в 1924/25 г. они охватывают 56,9% всех заготовок хлеба, в 1925/26 г. — 68,9%, в 1926/27 г. — 77,9%, а с присоединением местных неплановых гос- и коопзаготовителей — до 83%.

Также неуклонно возрастает удельный вес кооперации: в 1925/26 г. — 23,9%, в 1926/27 г. — 35,7%, а со включением заготовок кооперации для госорганизаций — свыше 50%.

Аналогичный, в общем и целом, рост размера заготовок и их охвата плановыми заготовителями мы наблюдаем и по отношению к заготовке остальных сельскохозяйственных продуктов. Он дает следующие соотношения:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г. (контрольные цифры)
1. Хлопок (плановые заготовки)	100	154,9	157,8	189,4
2. Лен „ „	100	144,7	101,3	121,0
3. Пенька „ „	100	138,7	180,9	219,3
4. Сахарная свекла (плановые заготовки)	100	255,1	203,3	326,1
5. Маслоеемена „ „	100	224,6	307,7	384,6
6. Табак „ „	100	205,5	117,4	232,6
7. Махорка „ „	100	218,5	323,1	313,6
8. Кожи крупные „ „	100	95,3	123,1	134,6
9. Кожи мелкие	100	130,2	144,4	161,3
10. Шерсть (плановые заготовки)	100	112,9	202,4	265,9
11. Масло „ „	100	115,4	165,4	192,3
12. Яйца „ „	100	80,7	147,7	187,5
13. Мясо „ „	100	110,0	170,0	500,0

Организации сельскохозяйственного рынка должна корреспондировать соответствующая организация рынка промтоваров. Мы уже указали в обзоре промышленности на причины, побудившие нас в последнее трехлетие обратить сугубое внимание на положение нашей тяжелой индустрии, в результате чего создалась известная диспропорция во вложении средств между тяжелой и легкой индустрией. Как известно, за кризисом сбыта осенью 1923 г. в ряде последующих лет выявилась обратная картина — недостаток ряда промтоваров широкого потребления (главным образом, мануфактуры, металлов и кожтоваров). Эта дефицитность поддерживалась еще неорганизованностью рынка промышленного сырья и резким сжатием потребительского импорта, игравшего до войны большую роль. Анализ показывает, однако, что душевые нормы потребления промтоваров из года в год значительно возрастают. Следующее сопоставление промышленной продукции на душу населения в 1913 и в 1926/27 гг. свидетельствует, что эта дефицитность отнюдь не носит угрожающего характера:

	Единица измерения	1913 г.	1926/27 г.	1926/27 г. в % к 1913 г.
1. Хлопчатобумажные ткани . .	м	20,6	16,7	81,0
2. Кожа и обувь	пар	0,33	0,34	103,0
3. Сахар	кг	7,7	6,0	77,7
4. Соль	„	11,4	12,4	109,0
5. Спички	коробок	25,0	26,2	104,0

Само собой разумеется, что эти средние цифры еще не дают ответа на вопрос об обороте между городом и деревней, которые фактически имеют место при значительной диференциации порайонной рыночной конъюнктуры. Предстоит еще громадная работа по районному изучению и по уточнению основных статей баланса, подводящего итоги обмена между городом и деревней. Работа эта — в полном ходу.

Если наши успехи в борьбе за смыкание ножниц по уровню цен на промышленные и сельскохозяйственные товары являются наиболее точным мерилом изживания вековых диспропорций нашей экономики, заложенных в самом аграрно-промышленном типе унаследованного нами хозяйства довоенной России, то успехи борьбы за смыкание оптово-розничных ножниц будут показывать прежде всего, насколько плановое строительство преодолевает стихию рынка.

Динамика розничных цен на промтовары отличается волнообразным движением: вначале мы имеем резкое повышение цен вплоть до кризиса сбыта осенью 1923 г.; оно сменяется продолжительной понижательной волной: розничный индекс Конъюнктурного института Наркомфина на 1/X 1923 г. —

Таблица 13

Виды кооперации	1913 г.	1/X 1924 г.	1/X 1925 г.	1/X 1926 г.	1/X 1927 г.	В % к 1913 г.				В % к итогу				
						1924 г	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Число пайщиков в тыс. чел.:														
Потребительская кооперация	1 400	5 383,2	9 436	12 461	15 074	384,5	674,0	890,1	1 076,7	67,5	77,0	60,2	61,7	62,5
Сельскохозяйственная кооперация	650	1 446,0	5 368	6 485	7 379	222,5	825,8	997,7	1 135,2	31,3	20,7	34,2	32,1	30,6
Промысловая кооперация . .	25	160,7	409	533	616	642,8	1 636,0	2 132,0	2 464,0	1,2	2,3	2,6	2,6	2,6
Жилищная кооперация . . .	—	—	470	712	1 050	—	—	—	—	—	—	3,0	3,6	4,3
Итого	2 075	6 989,9	15 213	19 479	23 069	336,9	755,8	973,1	1 162,4	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Процент кооперирования (потребительская кооперация):														
Городская (к числу семей в городе)	3,5	—	38	44	47	52	—	—	—	—	—	—	—	—
Сельпо (к числу хозяйств) . .	—	—	23	31	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сельскохозяйственное кооперирование (к числу хозяйств)	—	—	26	30	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Торгово-посреднический

	В про						
	Оптовая торговля					Рознич	
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
В млн. червонных рублей							
Госторговля[1]	2 420	4 060	6 234	7 640	8 460	769	1 322
Кооперация	1 022	2 019	4 100	6 793	9 388	1 819	3 212
Итого по обобществленному сектору	3 442	6 079	10 334	14 433	17 848	2 588	4 534
Частная торговля	866	628	988	780	750	3 944	3 372
Всего	4 308	6 707	11 322	15 213	18 598	6 532	7 906
В % к итогу							
Госторговля	56,2	60,5	55,1	50,2	45,5	11,8	16,7
Кооперация	23,7	30,1	36,2	44,7	50,5	27,8	40,6
Итого по обобществленному сектору	79,9	90,6	91,3	94,9	96,0	39,6	57,3
Частная торговля	20,1	9,4	8,7	5,1	4,0	60,4	42,7
Всего	100	100	100	100	100	100	100

2,73, на 1/VII 1925 г. — 2,19. Затем следует повышательная тенденция, связанная с периодом товарного голода, и на 1/I 1927 г. розничный индекс достигает 2,70. С 1927 г. вновь намечается твердая линия на снижение цен: общеторговый индекс Конъюнктурного института Наркомфина с учетом государственной и кооперативной розницы понижается за период с 1/I по 1/IX 1927 г. с 2,21 до 2,04, и экономия населения на разнице цен за этот период выражается примерно в 340—350 млн. руб.

Само собой разумеется, что эта гигантская задача может быть выполнена лишь упорной работой в течение целого ряда лет над подъемом уровня всего нашего хозяйства в целом.

Огромные накладные расходы посреднического торгового аппарата еще

[1] Включая смешанные акционерные общества.

оборот СССР в 1923/24—1927/28 гг. *Таблица 14*

ц е н т а х								В % к 1923/24 г. (весь оборот)			
ная торговля			И т о г о								
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1 976	2 155	2 330	3 189	5 382	8 210	9 795	10 790	168,7	257,4	307,1	338,3
5 526	6 987	8 062	2 841	5 321	9 626	13 780	17 450	184,1	338,8	485,8	614,2
7 502	9 142	10 392	6 030	10 703	17 836	23 575	28 240	352,8	596,2	792,9	952,5
4 782	4 420	4 450	4 810	4 000	5 770	5 200	5 200	83,2	119,9	108,1	108,1
12 284	13 562	14 842	10 840	14 703	23 606	28 775	33 440	436,0	716,1	901,0	1 060,6
16,1	15,9	15,7	29,4	36,8	34,8	34,0	32,3	—	—	—	—
45,0	51,5	54,3	26,2	35,6	40,8	47,9	52,2	—	—	—	—
61,1	67,4	70,0	55,6	72,6	75,6	81,9	84,5	—	—	—	—
38,9	32,6	30,0	44,4	27,4	24,4	18,1	15,5	—	—	—	—
100	100	100	100	100	100	100	100	—	—	—	—

далеко не изжиты ни у нас, ни на Западе. Опыт последних лет, темп планового охвата обобществленным сектором торговли позволяет, однако, надеяться, что и в этой области мы имеем основания рассчитывать на особые шансы нашей социальной реконструкции. Синдицирование сбыта промтоваров в 1927/28 г. достигнет в некоторых отраслях уже 100% охвата; система генеральных договоров между промышленностью и кооперацией, охвативших в 1926/27 г. около 58% всех покупок потребкооперации, и система предварительных заказов позволяют рассчитывать на значительные успехи в области регулирования рынка промтоваров.

Излишне пояснять, почему роль кооперирования и рост кооперативных оборотов должны привлекать наше сугубое внимание.

Развитие кооперации за последние годы охвачено бурным темпом. Общее число пайщиков составляет на 1/X 1927 г. 343% по отношению к 1/I 1924 г.

и 1 162% — к 1913 г. Производственная кооперация растет еще более ускоренным темпом. Процент охвата всего населения потребкооперацией (по отношению к числу семей), составлявший в 1913 г. 3,5%, в 1927 г. определяется в 47% по городу и в 38% в селе. Табл. 13 подводит итоги кооперирования населения СССР.

Одновременно с этим наблюдается большое возрастание и кооперативных оборотов. В довоенное время участие русской потребительской кооперации в общем розничном обороте страны определялось в 4%. В 1916 г. это участие дошло до 22%. В настоящее время по данным 1926/27 г. кооперативный оборот уже составляет 51,5% всего розничного торгового оборота Союза.

Общие итоги товарооборота характеризуются табл. 14, помещенной на стр. 192—193.

Мы видим, что в последние годы наблюдается сильный рост обобществления товарооборота; усиление обобществленного сектора происходит как по линии торгово-посреднического оборота в его целом (55,6% в 1923/24 г. и 81,9% в 1926/27 г.), так и в его разделах: по оптовой торговле — с 79,9 до 94,9% и по розничной — с 39,6 до 67,4%.

Частная торговля держится на уровне около 5% в оптовом обороте и около 32% в розничной торговле. Следует при этом подчеркнуть, что эти показатели демонстрируются на фоне суммарного торгово-посреднического оборота емкостью около 30 млрд. руб.

Наряду с укреплением и расширением поля деятельности кооперации, мы должны также подчеркнуть все возрастающую роль внерыночных отношений как в системе кооперации, так и в особенности между органами промышленности. Здесь — новый момент для наступления с подкрепленными силами на денежную стихию рынка. Мы являемся здесь свидетелями своеобразных отношений переходного периода, ликвидирующих капиталистическое наследие и открывающих путь нарастанию социалистических форм.

Определяющая роль обобществленного сектора торговли во всем посредническом товарообороте делает его, в свою очередь, могучим рычагом реконструкции сельского хозяйства. Мы имеем крепнущие из года в год приводные ремни для воздействия на общий рост товарности сельского хозяйства, на рост животноводства, на подъем полезных площадей наиболее ценных технических культур, словом, по всей линии той реконструкции сельского хозяйства, которая отмечалась нами выше.

В заключение в табл. 15 (стр. 195) приводим приблизительные данные по расчетному балансу между городом и деревней, которые возможно было выявить в их настоящем виде лишь после значительного опыта в государственном регулировании торговли.

Приводя эту таблицу, мы считаем необходимым подчеркнуть ее сугубо условный характер. Мы не имеем до сих пор сколько-нибудь удовлетворительного баланса народного хозяйства хотя бы за один год. Решение же такого важного вопроса, как вопрос о товарном балансе между городом и деревней, вне связи с общим народнохозяйственным балансом страны является совершенно невозможным. В силу этого, да и в силу неудовлетворительности статистических данных, всякие таблицы, характеризующие спрос и предложение города и деревни, являются в достаточной степени суррогатными, и тем не менее, имея эти несовершенные данные, выведенные частично даже на основе грубых прикидок за ряд лет, мы можем сделать некоторые только самые общие выводы.

К концу первого десятилетия великой Октябрьской революции мы еще не вышли полностью из стадии товарного дефицита. Нам не приходится говорить в настоящее время о товарном голоде, но мы стоим еще перед угрозой обострения товарного дефицита на отдельных

Таблица 15

Спрос и предложение промтоваров широкого потребления в 1924/25—1927/28 гг.

(Доходы — по контрольным цифрам Госплана на 1927/28 г.; промышленная продукция — по данным ВСНХ)

	В млн. червонных рублей				В % к предыдущему году		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1. Доход рабочего населения	3 760	5 606	6 623	7 109	149,1	118,1	107,3
2. Доход прочего городского населения	2 024	2 493	2 644	2 707	123,2	106,1	102,4
3. Весь доход городского населения[1]	5 784	8 099	9 267	9 816	140,0	114,4	105,9
4. В том числе за вычетом сумм, отсылаемых в деревню	5 109	7 049	8 139	8 537	138,0	115,5	104,9
5. Денежный доход крестьянского населения	3 548	4 428	4 792	5 034	124,8	108,2	105,1
6. То же, за вычетом обязательных платежей	3 172	4 117	4 412	4 654	129,8	107,2	105,5
7. Весь доход населения (4+6)	8 281	11 166	12 551	13 191	134,8	112,4	105,1
8. Промышленная продукция, поступающая на широкий рынок (в розничных ценах)	4 919,7	7 225,8	7 944,9	8 264,6	146,9	108,6	104,0

территориальных и товарных рынках; мы стоим еще перед неизжитой опасностью вспышек неудовлетворенного товарного спроса на тех или иных участках. Это положение объясняется не только старыми диспропорциями, унаследованными от царской России, и не только тем, что мы не успели наладить производство промтоваров в достаточных и необходимых размерах. Мы стоим перед причиной, которая имеет свои корни в специфических условиях нашей революции.

Великая Октябрьская революция открыла возможности для наиболее широких темпов нарастания благосостояния трудящихся масс города и деревни. Эти возможности даны как благодаря ликвидации старых паразитических классов, так и благодаря новым принципам распределения ежегодного прибавочного продукта, создаваемого страной. Нарастающий спрос знаменует собой рост благосостояния трудящихся масс города и деревни. Было бы, однако, жесточайшей ошибкой полагать, что спрос трудящихся масс должен неизменно нарастать таким темпом, что производство будет от него отставать. Конечно, здесь мы имеем как раз момент разрыва с обычной практикой капитализма. Отсюда, однако, не следует, что перед нами закрыты своеобразные пути для приведения в известное соответствие возможностей производства и нажима спроса. Здесь именно и сказывается действенная роль социалистического планирования.

Растущее обобществление и рационализация товарооборота ставят перед

[1] Расход на промтовары составляет 39—40%.

нами целый ряд новых задач и организационного и строительного характера. Если правильно, что предложение создает спрос, то отсюда целый ряд отправных моментов для специальной работы по организации и реконструкции спроса. Мы только, только начинаем прощупывать огромное поле этой многообещающей работы. Организация народного питания (Нарпит) — одна из самых существенных основ для социализации быта. Она еще также в своей отправной стадии. Наконец, улучшение всей материальной аппаратуры товарооборота является делом, уже не терпящим никакого отлагательства. Вот некоторые справки, подытоживающие наши основные вложения в торгово-технические сооружения:

Таблица 16

Капитальные вложения в торгово-технические сооружения

(в млн. червонных рублей)

Годы	Холодильники	Элеваторы	Хлебозаводы	Лесная гавань	Итого	В том числе:	
						Из госбюджета	Из собственных средств
1923/24	0,900	5,231	—	—	6,131	0,150	5,981
1924/25	2,300	5,142	—	—	7,442	0,450	6,992
1925/26	6,200	14,605	5,250	—	26,055	6,750	19,305
1926/27	9,670	10,850	9,250	1,300	31,070	17,925	13,145
Итого.	19,070	35,828	14,500	1,300	70,698	25,275	45,423

Капитальные вложения в механизированное хлебопечение

В 1925/26 г. закончена постройка девяти хлебозаводов суточной производительностью 400 *т*.

В 1926/27 г. окончена постройка девяти хлебозаводов суточной производительностью 200 *т* и начата постройка 27 хлебозаводов суточной производительностью 833 *т*.

Остается пожелать прежде всего, чтобы работники в этой области учитывали, что наряду с количественной стороной здесь особое значение имеет качество продукции. Развитием механического хлебопечения мы преследуем не только элементарные интересы экономии общественных средств и санитарии, — мы ведем этим путем и борьбу за обобществление быта.

Холодильное строительство

Восстановление холодильного хозяйства и новое холодильное строительство начинаются в СССР с 1923/24 г. Развертывание этого строительства представляется в таком виде (см. табл. 17 на стр. 197).

Таким образом в течение четырехлетия 1923/24—1926/27 гг. в холодильное хозяйство вкладывается 19 млн. руб., из которых около 13 млн. руб. идут по линии госбюджета (включая заем хозяйственного восстановления), и около 6 млн. руб. — из средств строящих организаций. Осуществление строительной программы 1926/27 г. должно довести емкость холодильной сети приблизительно до 108,3 тыс. *т* с пропускной способностью до 250 тыс. *т*

Таблица 17

Годы	Общая сумма вложений	Источники финансирования	
	в млн. руб.	госбюджет	собственные средства
1923/24	0,90	0,15	0,75
1924/25	2,30	0,45	1,85
1925/26	6,20	4,15	2,05
1926/27	9,67	8,20	1,47
Итого	19,07	12,95	6,12

в год скоропортящихся продуктов, в то время как общая емкость холодильников, доставшихся нам от дореволюционной эпохи, составляла приблизительно 66 тыс. *т*.

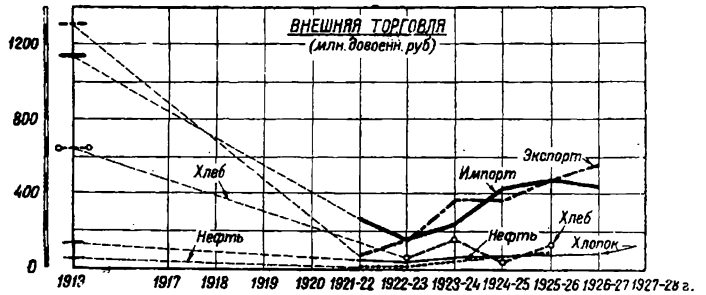
Внешняя торговля

К моменту великой Октябрьской революции внешняя торговля довоенной России находилась в состоянии крайнего упадка, ибо мировая война разорвала почти все хозяйственные связи империи. Оборот последнего предреволюционного года (1916 г.) был меньше половины довоенного (экспорт 237 млн. руб., импорт — 862 млн. руб.), причем значительная часть оборота по импорту являлась неторговой (ввоз вооружения и предметов, необходимых для военных целей). Экспорт же составлял не более 15% довоенного. В самой организации внешней торговли были проведены принципы разрешительно-запретительной системы.

Гражданская война и блокада совершенно прекратили внешнюю торговлю, и оживление ее начинается лишь с 1920 г. Однако в первые два года обороты оставались крайне незначительными как вследствие полной неурегулированности отношений с капиталистическими странами, так и вследствие полной экономической разрухи экспортных отраслей. В этот период наш экспорт состоял, главным образом, из сырьевых товаров животноводческого происхождения, так как основные товары довоенного экспорта — хлеб, масло, яйца, нефть и т. д. — еще не могли фигурировать на рынке. Импорт же состоял в подавляющей своей части из предметов продовольствия, необходимых для питания пораженных голодом районов, а также из промтоваров широкого потребления, ввоз которых был необходим ввиду резкой недостаточности промышленной продукции. Торговля тогдашнего Наркомвнешторга велась за счет золотых фондов и по преимуществу под флагом кооперации.

Начиная с 1922/23 г., когда начали изживаться последствия голода и внешнеторговые операции развернулись на основе нэпа, наметился рост экспорта, который достиг 133 млн. руб. по довоенным ценам против 64 млн. руб. в 1921/22 г. Импорт в этом году несколько уменьшился, но это произошло за счет прекращения ввоза хлеба и уменьшения привоза товаров широкого потребления, т. е. за счет оздоровления структуры импорта. Подлинное начало восстановительного процесса во внешней торговле имело место лишь в 1923/24 г., когда мы перешли к коммерческим формам торговли. Экспорт сразу возрос вдвое; благодаря повторному урожаю был восстановлен хлебный экспорт, и стали фигурировать такие то-

вары, как нефть, лен, масло, яйца и т. п. В соответствии с ростом экспорта возрос и импорт, структура которого резко изменилась в сторону преобладания в нем товаров производственного назначения (импорт этих товаров в 1923/24 г. составил 83,4% всего ввоза). В последующие годы идет даль-

Фиг. 20.

нейший рост внешнеторгового оборота. Данные, иллюстрирующие этот рост, приведены на фиг. 20.

Таблица 18

Обороты внешней торговли СССР за 1909—1913 гг. и 1921/22—1926/27 гг.
(в тыс. довоенных рублей)

Годы	Вывоз	Ввоз	Оборот	Баланс
Средний за 1909—1913 гг.*	1 501 421	1 139 654	2 641 075	+ 361 767
1921/22	63 916	270 856	334 772	— 206 940
1922/23	133 241	147 892	281 133	— 14 651
1923/24	369 188	233 532	602 720	+ 135 656
1924/25	370 805	411 379	782 184	— 40 574
1925/26	470 600	464 527	935 127	+ 6 073
1926/27 **	554 099	477 014	1 031 113	+ 77 085

Улучшение структуры экспорта находит выражение в увеличении удельного веса промышленного вывоза.

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельскохозяйственный экспорт . .	69,8	61,6	64,4	61,4
Промышленный экспорт	30,2	38,4	35,6	38,6

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Производственный ввоз	83,4	65,5	76,0	84,5
Потребляющий ввоз	15,3	32,7[1]	20,3	10,4

В самом же промышленном экспорте вырос вывоз нефти, который значительно превзошел довоенные его размеры, затем леса, руды.

В сельскохозяйственном экспорте увеличился экспорт пушнины, масла,

* В пределах б. Российской империи.
** По предварительным данным.
[1] Рост потребительского ввоза был вызван неурожаем и целевым импортом.

Таблица 19

Экспорт СССР за 1921/22—1926/27 гг. по сравнению с 1909—1913 гг.
(в млн. довоенных рублей и в % к 1909—1913 гг.)

Товары	1909—1913 гг. (среднегодовой в пределах СССР)		1921/22 г.		1922/23 г.		1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Весь экспорт	1 307,0	100,0	63,9	4,9	133,2	10,2	369,2	28,2	370,8	28,4	470,6	36,0	558,0	42,4
В том числе:														
Хлеб-зерно	642,0	100,0	—	—	39,3	6,1	146,7	22,9	33,0	5,1	115,6	18,0	134,0	20,9
Лен	62,7	100,0	9,1	—	11,0	11,7	10,1	16,1	14,0	22,3	20,8	33,2	12,4	20,1
Масло	55,4	100,0	—	—	2,6	4,7	20,6	37,2	22,5	40,6	24,9	44,9	27,7	50,0
Яйца	68,7	100,0	—	—	1,3	1,9	9,1	13,2	19,1	27,8	16,2	23,6	24,1	35,0
Пушнина	23,5	100,0	4,4	18,7	5,9	25,1	18,7	79,6	23,3	99,1	23,5	100,0	26,7	113,7
Нефть	86,7	100,0	9,7	26,4	10,4	28,3	44,3	120,7	72,0	196,2	84,8	231,1	121,0	329,0
Лес	84,6	100,0	12,4	14,7	22,0	26,0	38,5	45,5	50,3	59,5	43,2	51,1	61,2	72,3
Марганец	9,7	100,0	0,3	3,1	0,5	5,2	6,0	61,9	6,3	65,0	8,2	84,5	9,8	100,0
Сахар	34,8	100,0	—	—	—	—	2,1	6,0	5,4	15,5	9,6	27,6	—	—

Таблица 20

Импорт СССР за 1921/22—1926/27 гг. по сравнению с 1909—1913 гг.
(в млн. довоенных рублей и в % к 1909—1913 гг.)

Товары	1909—1913 гг. (среднегодовой в пределах СССР)		1921/22 г.		1922/23 г.		1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.[1]	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Весь импорт	1 139,6	100	270,9	23,6	147,9	13,0	233,5	20,5	411,4	36,1	464,5	40,8	438,3	38,5
В том числе хлопок .	110 351	100	0,02	0,18	17,3	15,7	56,9	51,5	57,12	51,8	60,16	54,5	78,63	71,3
Шерсть	51 518	100	17,0	33,0	1,6	3,1	12,7	24,6	12,3	23,9	15,25	29,7	17,85	34,6
Цветные металлы . .	56,3	100	1,4	2,5	3,7	6,5	8,6	15,2	12,86	22,6	22,3	39,6	33,29	59,1
Каучук	33 241	100	3,5	10,5	7,9	23,8	8,8	26,5	15,38	46,4	23,89	71,7	33,94	102,1
Дубители	7 719	100	0,6	7,8	2,5	32,5	3,03	39,0	5,77	74,4	6,29	81,6	6,76	87,7
Красители	13 485	100	1,2	8,9	4,3	31,9	9,4	69,5	10,48	77,8	10,55	77,8	7,02	52,2
Оборудование	115 685	100	53,0	45,8	28,0	24,2	23,65	20,4	28,4	24,5	60,97	52,7	56,26	48,6
Жизненные припасы .	372,5	100	94,5	25,4	18,2	4,9	26,18	7,0	130,6	35,1	62,84	16,9	31,57	8,5

[1] За 11 мес. по европейской границе и за 9 мес. по азиатской границе.

льна, яиц. Общая характеристика динамики экспорта и развертывания импорта нами даны в сводных табл. 19 и 20, приведенных на стр. 199—200.

Мы видим, что рост импорта корреспондирует росту экспорта. Вместе с тем, и здесь наблюдается процесс роста удельного веса производственного импорта. Вот соответствующие данные (в % к общему ввозу).

Особенно бурным темпом возрастает удельный вес оборудования: в 1924/25 г. — 6,8%, в 1925/26 г. — 9,8%, в 1926/27 г. — 20,3%. В червонной валюте этому росту соответствуют такие абсолютные размеры: 19 млн. руб., 48 млн. руб., 73 млн. руб. и 150 млн. руб. Мы видим, как резко сказывается на импорте наша ставка на индустриализацию.

По мере развития и усложнения внешней торговли реконструируется и самый аппарат Наркомвнешторга. Создается более гибкий, коммерчески приспособленный аппарат Госторга, организуются смешанные общества с участием иностранного капитала, допускается выход на внешний рынок наиболее крупных организаций и в первую очередь кооперации, производится дальнейшая диференциация торговли между различными специальными обществами и соответствующими специализированными отделами торгпредств.

Тем не менее, как показывают вышеприведенные цифровые справки, внешторговый оборот является наиболее узким местом нашей экономики. Сложность нашей международной обстановки делает работу по линии внешней торговли наиболее трудной и наиболее ответственной. А между тем, нужды индустриализации страны все с большей и с большей настойчивостью выдвигают перед нами задачи всемерного расширения наших внешних торговых отношений.

Наши экспортные статьи нуждаются в решительной переоценке ценностей. Сюда должны быть привлечены научно-исследовательская мысль и работа мест.

Изменения социальной структуры страны и резкие сдвиги потребительского спроса внутри ее говорят за то, что восстановление нашего экспорта в пропорциях, соответствующих общему хозяйственному подъему страны, возможно лишь на началах его дальнейшей решительной реконструкции, вехи которой лишь намечаются.

X

БЮДЖЕТ И КРЕДИТ

Эволюция доходной части за десять лет

В условиях советского хозяйства, в особенности тогда, когда общий народнохозяйственный план еще отсутствовал, бюджет имел особо важное значение. Денежно-товарные формы хозяйства, неизбежные при нэпе, предрешают роль бюджета, как одного из основных стержней планирования. Он сочетает в себе и дает денежное выражение целого ряда планов отдельных отраслей народного хозяйства, планов административной деятельности государства, планов социально-культурного строительства, капитального строительства и пр. Но параллельно росту плановой работы, параллельно все большей и большей конкретизации и росту объема народнохозяйственного плана должны видоизменяться и форма и основная позиция советского бюджета.

На протяжении десятилетней истории развития финансового хозяйства Союза бюджет постепенно приобретал все более четкие черты твердого плана. Первоначальный ориентировочный бюджет, дававший лишь примерные рамки бюджетных поступлений и бюджетных ассигнований, намеченных в быстро

падавшей неустойчивой бумажной валюте, в которой он был составлен после денежной реформы (к 1924/25 хозяйственному году), сменяется твердым бюджетом, представляющим собой уже сбалансированный и окончательный план финансово-хозяйственной деятельности, выраженной в устойчивых червонных рублях.

Изменился вместе с тем и состав бюджета. Период 1918—1920 гг. представляет собой эпоху натурального и эмиссионного бюджета, так как в указанные годы доходная часть бюджета состояла на 67—87% из эмиссии и на 33—13% из обыкновенных доходов, которые, в свою очередь, на $^2/_3$ состояли из поступлений от продукции национализированных предприятий и от операций Наркомпрода по получению и распределению продуктов потребления.

Следующий период — с 1921 г. по 1923/24 г. — характеризуется уже по преимуществу борьбой двух начал — эмиссии и налога, с явным преобладанием последнего. К 1924/25 г. исчезает и эмиссия. В бюджете 1923/24 г. эмиссия составила всего 126 млн. руб., или 5,5% общего итога доходов. В то же время налоги и пошлины дали свыше 34% общей суммы дохода, а неналоговые поступления, главным образом, транспорт, — свыше 40%. Заметную роль начинают играть и кредитные операции — 8% к итогу.

С 1923/24 г. мы уже имеем точные и вполне сравнимые между собой цифры бюджета. За пятилетие с 1923/24 г. по 1927/28 г. (контрольные цифры) бюджет возрос почти вдвое. В 1926/27 г. бюджет Советского союза в товарном выражении подошел к цифре бюджета царской России, взятого применительно к нашей территории. Прирост в червонном выражении дает за указанный период следующие результаты: в 1924/25 г. — 29% (к итогам предыдущего года), в 1925/26 г. — 34%, в 1926/27 — 27%. Налоговые доходы поднимаются в 1924/25 г. до 44,8%, в 1925/26 г. — до 48,9% общего итога. В бюджетах двух последних лет роль неналоговых доходов становится крупнее роли налоговых доходов. Производственная установка нашего бюджета, являющаяся центральной чертой его реконструкции, по сравнению с бюджетом царским начинает сказываться со все большей и большей силой. Однако если проанализировать бюджет-нетто, т. е. без оборотных средств транспорта и связи, то выявится картина громадного значения в нашем бюджете налоговых доходов.

Следующие цифры выявляют взаимоотношения налоговых и неналоговых доходов пятилетия:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.[1]
Налоги	788,8	1 329,2	1 784,5	2 373,5	2 547,0
В % к итогу	50,2	69,2	71,3	70,3	68,5
Неналоговые доходы без транспорта и связи . . .	238,8	380,2	531,6	686,7	769,0
В % к итогу	15,2	19,8	21,2	20,4	20,7

Ясно, что восстановительный период нашего хозяйства не позволял государственным предприятиям ставить на первый план такое получение чистого дохода и прибылей из неналоговых источников, которое возможно лишь при большем развитии социалистического сектора. Рост неналоговых доходов ожидает более крупного темпа лишь в дальнейшем.

Кредитные операции приобретают все большее значение в государственном бюджете; однако совершенно естественно, что роль их за весь истекший период консолидации твердого бюджета и твердой валюты могла быть весьма скромной.

[1] Контрольные цифры.

Таблица 21

	1913 г.[1]		1923/24 г.[2]			1924/25 г.[2]			1925/26 г.[2]			1926/27 г.[3]			1927/28 г.[4]		
		% к итогу		% прироста	% к итогу		% прироста	% к итогу		% прироста	% к итогу		% прироста	% к итогу		% прироста	% к итогу
1. Налоговые доходы и пошлины . .	1 560,0	59,7	788,5	—	34,3	1 329,2	68,5	44,8	1 784,6	34,3	44,9	2 333,6	30,8	46,2	2 547,0	9,1	45,7
В том числе прямые налоги	219,7	8,4	410,1	—	17,9	601,2	46,6	20,3	641,2	6,7	16,1	773,3	20,6	15,3	862,0	11,5	15,5
В том числе косвенные налоги . . .	1 153,2	44,2	808,1	—	13,4	609,7	97,9	20,6	992,1	62,7	25,0	1 387,0	39,8	27,5	1 500,0	8,1	26,9
2. Неналоговые доходы	1 051,0	40,3	965,8	—	42,0	1 425,7	96,1	48,1	2 000,3	40,3	50,3	2 459,9	23,0	48,8	3 624,5	6,7	47,1
В том числе транспортные и связь[5] .	749,6	28,7	727,0	—	31,6	1 045,5	43,8	35,3	1 468,7	40,4	37,0	1 836,4	25,0	36,4	1 855,5	1,0	33,3
3. Кредитные операции	—	—	183,6	—	8,0	130,5	28,9	4,4	146,0	11,9	3,7	220,0	50,7	4,4	400,0	8,8	7,2
4. Прочие доходы .	—	—	360,3	—	15,7	80,0	77,8	2,7	42,5	47,0	1,1	32,0	24,7	0,6	—	—	—
Всего доходов в червонных рублях	2 611,0	100	2 298,2	—	100	2 965,4	29,0	100	3 973,4	34,0	100,0	5 045,5	27,0	100,0	5 571,5	10,4	100,0
Всего доходов в товарных рублях[6]	2 611,0	—	1 350,2	48,3	—	1 656,6	22,7	—	2 136,2	29,0	—	2 850,5	33,4	—	3 300,6	15,8	—

[1] Бюджет 1913 г. исчислен применительно к территории, ныне занимаемой Союзом ССР.
[2] Бюджет 1923/24, 1924/25 и 1925/26 гг. — по отчетам НКФ СССР.
[3] Бюджет 1926/27 г. — по сметным назначениям.
[4] Бюджет 1927/28 г. — по контрольным цифрам Госплана СССР.
[5] В доход транспорта включены целевые сборы на просвещение (1924/25 г. — 41,8 млн. руб.; 1925/26 г. — 38,3 млн. руб.; 1926/27 г. — 43,1 млн. руб.; 1927/28 г. — 45 млн. руб.).
[6] Перевод в товарные рубли произведен по среднегодовому индексу Госплана, взвешенному по товарной массе 1923/24 г. — 1 702; 1924/25 г. — 1 790; 1925/26 г. — 1 860; 1926/27 г. — 1 770; 1927/28 г. — 1 688.

Резкое разграничение сельских и городских налогов отвечает общей социальной структуре Советского союза. Обобществленный сектор (государственный и кооперативный) по всей налоговой системе оказывается льготченным, частный же — весьма нагруженным. В отношении частного капитала роль налогов как регулятора накопления новых ценностей и распределения накапливаемых богатств выявляется со все большей и большей определенностью.

Рабочие и служащие облагаются подоходным налогом по особой льготной шкале обложения, причем необлагаемый минимум выше сравнительно с другими группами населения. Крестьянская масса в отношении 30% крестьянских дворов вовсе не знает сельскохозяйственного налога.

В специальной табл. 21 мы имеем итоги развития доходной части госбюджета СССР за 1923/24 — 1927/28 гг. (в млн. руб. и в %).

Абсолютный и относительный рост бюджета явствует из нижеследующего сопоставления:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г. (контрольные цифры)
Абсолютный прирост в млн. руб.	667,2	1 008,0	1 072,1	516,0
В %	29,0	34,0	27,0	10,4

Этот подъем бюджета, несомненно, свидетельствует о его значительном напряжении. Последнее обстоятельство, между прочим, может быть иллюстрировано теми процентами, какие дает за каждый год отношение государственного бюджета-брутто к народному доходу:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г. (контрольные цифры)
19,0%	19,8%	22,2%	23,0%

Расходная часть

Одновременно с ростом бюджета все более и более возрастала роль государственного бюджета как перераспределителя народного дохода.

Остановимся прежде всего на основной группировке расходных статей бюджета, приведенной в табл. 22 на стр. 205.

Мы видим, что доля расходов на управление и оборону после окончания организационного периода в 1925/26 г. резко падает, высвобождая средства для вложений в народное хозяйство, которые в значительной степени обеспечиваются суммами под рубрикой «капиталонакопление» (включая резервы). Социально-культурные расходы не отстают от общего роста бюджета, хотя главная масса этих расходов отнесена на местные бюджеты, куда государственный бюджет передает значительные средства в виде помощи местам. Основными функциями советского бюджета являются:

а) Снабжение средствами аппарата по управлению и обороне страны.

б) Обслуживание социально-культурных нужд населения.

в) Капиталонакопление.

г) Прочие расходы бюджета, являющиеся либо оборотными средствами государственных предприятий (транспорт и связь), либо суммами, предназначенными для передачи в местный бюджет и на расходы специального назначения.

Расходы по управлению и обороне страны хотя и возрастают в абсолютных цифрах, но по своему удельному весу падают. К тому же сюда отнесены значительные суммы расходов по наркоматам, регулирующим на-

Таблица 22

	В млн. рублей					В % к итогу				
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
1. Содержание госаппарата по управлению, охране, безопасности и по обороне страны . .	709,2	759,6	1 128,2	1 226,6	1 281,4	30,8	25,8	28,6	24,3	23,0
2. Социально-культурные расходы, включая Цутранпрос	119,7	192,3	272,6	313,9	349,6	5,2	6,5	6,9	6,2	6,2
3. Капиталонакопление (включая резервы)	386,4	636,1	751,6[1]	1 352,5	1 616,1	16,8	21,7	19,0	26,8	28,8
4. Помощь местам (включая субвенции) .	128,8	267,2	388,9	480,6	499,0	5,7	9,1	9,8	9,5	8,9
5. Прочие и оборотные средства, проходящие по доходным и расходным частям . .	954,1	1 082,7	1 413,8	1 671,9	1 825,4	41,5	36,9	35,7	33,2	33,1
Всего	2 298,2	2 937,9	3 955,1	5 045,5	5 571,5	100	100	100	100	100

[1] Фактическая цифра выше на 75 млн. руб.; в преуменьшенном виде эта цифра показана по условиям бюджетного баланса (уменьшены вложения по НКПС, сделанные за счет перерасхода).

родное хозяйство. Отсюда — неизбежность роста этой части расходов в меру роста народного хозяйства. По сравнению с цифрами 1913 г. мы имеем такие величины:

Расходы управления (без полиции и суда) в высших государственных учреждениях и двора б. Российской империи составляли в 1913 г. 388,4 млн. довоенных рублей.

Управленческие расходы ведомств и высших государственных учреждений СССР на 1926/27 г. были исчислены в 218 млн. червонных руб. На 1927/28 г. эти же расходы намечаются по контрольным цифрам в 182 млн. руб. Дальнейшее удешевление всего государственного аппарата является одной из самых основных целевых установок расходной части нашего бюджета.

Социально-культурные расходы бюджета преследуют задачу обобществления способов удовлетворения социально-культурных нужд населения. Они слагаются из расходов на просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение и охрану труда. Так как эти расходы отнесены, главным образом, на местные бюджеты, то их следует показать по обоим бюджетам (государственному и местному).

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Государственный и местный бюджет Союза	3 706	5 024	6 355	7 098
Социально-культурные расходы	603,5	854,4	1 091,1	1 235,2
Рост в процентах:				
а) бюджета	—	+ 35,5%	+ 26,4%	+ 11,7%
б) социально-культурных расходов . . .	—	+ 41,5%	+ 27,7%	+ 13,2%
Удельный вес в бюджете этих расходов . .	16,3%	17,0%	17,2%	17,4%

Рубрика капиталонакопления обусловлена национализацией капиталов и обобществлением большинства отраслей народного хозяйства. Эта рубрика — одно из существеннейших отличий нашего бюджета от бюджета капиталистических стран. Сопоставление роста бюджета с ростом капиталонакопления дает такие соотношения (в процентах):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Темп роста капиталонакопления	64,6	30,0	63,5	19,4
Темп роста бюджетов	29,0	34,0	27,0	10,4

Таким образом капиталонакопление растет значительно быстрее, чем бюджет. В 1923/24 г. оно составляло 386,4 млн. руб., а в 1927/28 г. оно достигнет по расчету контрольных цифр 1 616,1 млн. руб., т. е. увеличится более чем в четыре раза.

Роль государственного бюджета в капитальных вложениях обобществленного сектора народного хозяйства определяется данными табл. 23, приведенной на стр. 207 (в млн. руб. по ценам каждого года).

Цифры, приведенные в табл. 23, предусматривают как новые, так и амортизационные вложения, в зависимости от чего бюджетные вложения исчислены со включением восстановительных работ транспорта и связи. В 1925/26 г. учтен заем хозяйственного восстановления в 205 млн. руб. Вложение в сельское хозяйство суммирует и вложения, проходящие по смете НКЗема. Поэтому общие цифры погодных вложений в табл. 23 (см. стр. 207) разнятся от цифр общей таблицы бюджетных расходов.

Таблица 23

Годы	Размер вложений	В том числе по госбюджету		
		Абсолютная сумма	Процент роста	Удельный вес
1924/25 . . .	1 098,3	744,0	—	67,7
1925/26 . . .	1 879,5	1 132,2	52,1	60,2
1926/27 . . .	2 474,4	1 364,7	20,5	55,2
1927/28 . . .	3 214,1	1 835,8	34,5	57,1

Мы видим, что размер вложений из бюджета по удельному весу колеблется от 67,7 до 55,2%, что обусловлено возрастанием собственных амортизационных средств народного хозяйства и той его прибыли, которая не проходит по государственному бюджету.

По отдельным отраслям народного хозяйства роль государственного бюджета различна. В электростроительстве с 1919 г. по 1927/28 г. вложения определяются суммой около 600 млн. руб. Из них по госбюджету 426 млн. руб., или около 71,0%. Вложения транспорта и связи выражаются за 1924/25 — 1927/28 гг. в общей сумме 1 585 млн. руб., которые целиком проходят по государственному бюджету. Бюджетная дотация НКПС за этот период составляла до 500 млн. руб.

Вложения в промышленность и роль государственного бюджета в ее капиталонакоплении выражается следующими цифрами (табл. 24):

Таблица 24

Годы	Вложения в госпромышленность в млн. руб.	В том числе по госбюджету		
		Сумма вложений в млн. руб.	Процент роста	Удельный вес к общей сумме вложений
1924/25 . . .	353,5	157,6	—	44,5
1925/26 . . .	790,2	336,5	113,5	43,0
1926/27 . . .	1 011,0	496,0	47,4	49,0
1927/28 . . .	1 284,1	530,0	6,9	41,3

Мы видим, что за весь этот период удельный вес вложений в госпромышленность по государственному бюджету превышает 40% общей суммы вложений в нее. Отсюда — громадная роль государственного бюджета в строительстве промышленности.

За 4 года организации государственного бюджета на началах твердого бюджета и в условиях твердой валюты мы, конечно, еще не успели выработать законченных форм такой конструкции бюджета, которая с наибольшей ясностью отражала бы наше хозяйственное строительство. Отношение промышленности, транспорта и сельского хозяйства к бюджету в далекой степени не равновелики. Наш бюджет еще не нашел своей законченной формы, в которой он должен быть в максимальной степени пригнан к общей конструкции плана народного хозяйства.

Нижеследующая табл. 25 иллюстрирует эволюцию расходной части всесоюзного бюджета за период с 1923/24 по 1927/28 гг. После вышесказанного она не требует особых пояснений.

Таблица 25

Статьи расходов	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г. (контрольные цифры)
	в млн. червонных рублей				
Административно-хозяйственные	301,3	339,2	517,1	527,4	484,4
Социально-культурные	119,7	167,5	234,3	270,8	304,6
Оборона	407,9	420,4	611,1	699,2	800,0
Транспорт, эксплоатация и связь	731,5	928,0	1 317,1	1 574,7	1 634,4
Кредитные операции	99,1	69,6	117,6	99,1	205,0
Финансирование народного хозяйства, включая вложения транспорта и связи	347,8	537,3	706,8	1 207,5	1 511,1
Прочие расходы	123,5	109,9	17,4	41,2	31,0
Средства, передаваемые в местный бюджет	128,8	267,2	388,9	480,6	499,0
Образование государственных резервов	38,6	98,8	44,8	145,0	105,0
Итого	2 298,2	2 937,9	3 955,1	5 045,5	5 574,5
Превышение доходов над расходами	—	27,5	18,3	—	—
Баланс	—	2 965,4	3 973,4	5 045,5	5 574,5

Местный бюджет

Местному бюджету принадлежит решающая роль в деле воссоздания тех распыленных участков обобществленного хозяйства в городе и деревне, которые подверглись наибольшему разрушению в годы войны и революции: городское и сельское благоустройство, жилищный фонд, дорожное хозяйство и вся сеть социально-культурных учреждений. Яркой иллюстрацией этого процесса служит рост объема местного бюджета, который на протяжении пяти лет (1922/23 г. — 1926/27 гг.) вырос с 300 млн. до 2 с лишним миллиардов рублей, проектируемых по контрольным цифрам 1927/28 г., т. е. увеличился в 6½ раз. Если сопоставить земские, городские и сельские бюджеты довоенного времени с учетом товарного индекса и территорий Союза, то мы найдем, что против 600—650 млн. руб. царской России мы расходуем в довоенных рублях свыше 1 млрд. руб. Удельный вес местного бюджета по отношению к государственному, составляющий до войны примерно 20%, в настоящее время почти удвоился. К тому же в этой области мы наблюдаем не реставрацию земско-городских расходов, а их глубокую реконструкцию: при помощи местного бюджета советы строят новый быт, вводят всеобщее обучение через единую трудовую школу и ликвидируют неграмотность, создают массовую медицинскую сеть на новых основах профилактики и санитарии, электрифицируют села, перестраивают рабочие окраины, проводят широко задуманную систему агрикультурного подъема и т. д.

В 1926/27 г. по местному бюджету на народное образование отпущено 242,2 млн. довоенных рублей против 123,6 млн. руб., отпущенных в 1913 г. на те же цели. Обеспечение детей школьного возраста начальным обучением составляло уже в 1925/26 г. 64,4% по Союзу против 49,6% в 1913 г. До войны местное хозяйство в значительной степени питалось заграничными займами и концессионными предприятиями. В настоящее время местные средства целиком исчерпываются доходами от коммунального хозяйства и прямыми государственными налогами.

Местный бюджет играет громадную роль и в деле изживания той неравномерности экономического и культурного уровня отдельных бюджетных единиц, которая имеет место на огромной территории Союза. Десятки миллионов рублей перебрасываются через местный бюджет из одних территориальных участков в другие в целях ускоренного подъема отсталых районов.

Централизованное планирование, опирающееся в значительной мере на государственный бюджет, путем местного бюджета корректируется самодеятельностью и творческой инициативой мест. Дальнейшее экономическое районирование Союза имеет в виду развернуть еще более широкое поле деятельности для этой инициативы. Старая провинциальная Россия уходит в безвозвратное прошлое.

Организация и современное состояние кредитной системы Союза ССР

С окончанием гражданской войны и началом новой экономической политики были восстановлены товарно-денежные отношения в народном хозяйстве. Последнее, перейдя к товарно-денежным отношениям, потребовало организации кредитной системы для удовлетворения своих финансовых нужд. Перед народным хозяйством встали две первостепенной важности задачи: во-первых, привести оборотные средства в должное соответствие с восстановленным товарооборотом и, во-вторых, содействовать в форме долгосрочного кредита восстановлению основного капитала народного хозяйства.

Разрешая названные задачи, советское правительство заново организовало систему кредитных учреждений, весьма сложную и дифференцированную, в зависимости от кредитных запросов отдельных отраслей народного хозяйства.

Первым кредитным учреждением, организованным советским правительством, был Госбанк, открывший свои операции в конце 1921 г.[1]. Первый год своей работы Госбанк провел в условиях падавшей валюты, способствуя выходу народного хозяйства из состояния разрухи, созданного международной и гражданской войнами. Госбанк создал обширный, разветвленный по всей стране банковский аппарат, восстановил доверие и навыки к формам банковской работы, упрочивая финансовую дисциплину в народном хозяйстве. Используя обесцененную и обреченную на ликвидацию совзначную валюту, Госбанк скупал драгоценные металлы и иностранную валюту, подготовляя тем самым базу для выпуска в обращение твердой банкнотной валюты. Превращенный с конца 1922 г. в эмиссионное кредитное учреждение[2], Госбанк является в настоящее время руководящим центром всей кредитной системы Союза ССР.

В соответствии с запросами народного хозяйства советским правительством была создана система кредитных учреждений в целях обслуживания отдельных отраслей народного хозяйства. Так, для финансирования торгово-

[1] Государственный банк РСФСР был учрежден декретом ВЦИК от 12 октября 1921 г.; в 1923 г. он был переименован в Государственный банк СССР.

[2] Декретом от 11 декабря 1922 г. Госбанк получил право эмиссии банковских билетов.

промышленного оборота были созданы акционерные коммерческие банки (Промбанк, Внешторгбанк, Электробанк и три местных акционерных банка); кредитные нужды торгового оборота кооперации обслуживаются двумя кооперативными банками (Всекобанком и Украинбанком); для финансирования жилищного строительства и коммунального хозяйства организована система коммунальных банков, число которых в настоящее время достигает 50. Частный торгово-промышленный оборот обслуживается сетью обществ взаимного кредита. Наконец, для кредитования производственных нужд сельского хозяйства создана целая система кредитных учреждений в виде государственно-кооперативной системы сельскохозяйственного кредита (Центральный сельскохозяйственный банк, шесть республиканских сельскохозяйственных банков, 70 обществ сельскохозяйственного кредита и свыше 8 000 кредитно-кооперативных ячеек).

Что же дала народному хозяйству Союза ССР кредитная система?

Прежде всего следует отметить работу кредитной системы по мобилизации временно свободных средств народного хозяйства в форме вкладной операции в целях их дальнейшего продуктивного использования. Остаток привлеченных средств на текущие счета и во вклады на 1 октября 1923 г. составлял 228 млн. руб., а на 1 октября 1927 г. он достиг суммы 1 500 млн. руб., т. е. за 4 года работы в условиях устойчивой валюты привлеченные (на текущие счета и во вклады) средства в кредитной системе увеличились почти в шесть раз.

Кредитная система участвовала в процессе накопления, создав за время своей работы значительный собственный капитал. Последний на 1 октября 1923 г. составлял сумму в 156 млн. руб., а на 1 октября 1927 г. он уже достиг суммы 1 290 млн. руб., увеличившись, таким образом, более чем в семь раз.

Затем кредитная система использовала эмиссию как источник для финансирования народного хозяйства. На пассиве баланса кредитной системы эмиссия составляла на 1 октября 1923 г. 235 млн. руб. и на 1 октября 1927 г. — 1 470 млн. руб., увеличившись, таким образом, более чем в пять раз.

Наконец, через кредитную систему были направлены для финансирования народного хозяйства значительные средства за счет бюджета в форме средств специального назначения. Названные средства на 1 октября 1923 г. составляли сумму 142 млн. руб. и на 1 апреля 1927 г. — 1 250 млн. руб.

За счет твердого остатка всех привлеченных средств и прочих ресурсов кредитная система направила в различные отрасли народного хозяйства огромные средства. Остаток задолженности в народном хозяйстве в кредитной системе на 1 октября 1923 г. составлял 541 млн. руб., а на 1 октября 1927 г. — 4 840 млн. руб. Таким образом кредитная система увеличила кредитование народного хозяйства за последние 4 года своей работы более чем в семь раз.

Помимо отмеченных выше количественных итогов кредитная система имеет значительные качественные достижения: благодаря своим банковским методам работы она внесла в народное хозяйство большую четкость и ясность, содействовав тем самым общему процессу рационализации народного хозяйства путем укрепления финансово-хозяйственной дисциплины.

В предстоящем развитии народного хозяйства кредитная система Союза, несомненно, явится одним из основных источников финансирования процесса социалистической реконструкции народного хозяйства. Здесь необходимо особо подчеркнуть значение кредитной системы с точки зрения финансирования основных капиталов народного хозяйства. Долгосрочные ссуды кредитной системы из года в год увеличивают свой удельный вес в ее балансе: с 16% на 1 октября 1923 г. долгосрочные ссуды достигли на

1 октября 1927 г. 23% (на 1/X 1923 г. — 132 млн. руб. и на 1/X 1927 г. — 1 650 млн. руб.).

Дальнейшее накопление валютных ценностей явится прочным основанием для здоровой эмиссии; развитие вкладной кооперации, особенно в необобществленном секторе народного хозяйства, и наконец, накопление собственных капиталов банков — все эти источники, несомненно, имеют широкие перспективы для их дальнейшего развития. Согласно пятилетнему перспективному плану кредитная система увеличит свои краткосрочные ресурсы на 2 140 млн. руб. и долгосрочные — на 4 700 млн. руб.

XI

ПРОЦЕССЫ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ

Общая характеристика

Социально-классовое содержание процесса расширенного воспроизводства в народном хозяйстве СССР заключается в социалистической трансформации всей сложной экономической системы, состоящей из разнородных хозяйственных укладов. Эта трансформация находит свое выражение в процессах обобществления.

Одним из основных результатов обобществления является установление соответствия между производственными отношениями и производительными силами.

Надо учесть то обстоятельство, что в производственных отношениях царской России переплетался целый ряд вековых социально-политических наслоений. Однако довоенная Россия находилась на довольно высоком уровне капиталистического развития. В силу капиталистического развития и в силу наслоений докапиталистических социальных форм в царской России наблюдалась картина резкого отставания общественных форм организации человеческого труда от уровня развития материальных производительных сил.

Великая Октябрьская революция, создавшая новые политические и социально-экономические отношения, одним мощным ударом уничтожила разрыв, существовавший в старое время между производительными силами и производственными отношениями. Она сразу подняла производственные отношения на новый уровень, придав стране тот социально-политический облик, который соответствовал развитию ее производительных сил.

Новая экономическая политика знаменует собой перегруппировку производственных отношений в такой степени, в какой это требуется, с одной стороны, для развития производительных сил страны, а с другой, — для дальнейшего роста и укрепления социалистических элементов в стране трудящихся. Но на долю новой экономической политики выпало изживание целого ряда диспропорций и экономических разрывов, в первую очередь — разрыва между городом и деревней.

Первые годы новой экономической политики характеризуются недостаточной устойчивостью связей между городом и деревней. Если новая экономическая политика перешла на рельсы товарно-рыночных отношений между городом и деревней, то самая форма этих отношений и база для их укрепления не могли быть выявлены в достаточной степени в первое же время.

Если самым универсальным языком товарно-рыночных отношений является язык денег, то следует отметить, что по этой линии в первый период новой экономической политики дальнейший разрыв между городом и деревней еще продолжался. Достаточно указать на то, что обесценение советского денежного знака, падение валюты достигли своего апогея не в период военного коммунизма, а в 1922 г. В конце 1923 и в начале 1924 гг.

мы имели самые угрожающие явления в области валюты, которые в достаточной степени подчеркивали, что экономический разрыв между городом и деревней нельзя считать изжитым. Только проведение денежной реформы, только прекращение политики скрытого обложения через систему падающих советских денежных знаков внесло больше устойчивости во взаимоотношениях между городом и деревней. Товарно-рыночная форма организации хозяйственных отношений получила тот необходимый для нее универсальный язык, который называется языком денег. Те успехи в области развития легкой индустрии, которые нам удалось достигнуть в первые годы нэпа, в свою очередь, послужили прочным мостом для того, чтобы наладить необходимые отношения между городом и деревней.

Обеспечив по линии производства, обмена и распределения, равно как и по линии общей политики, нормальные отношения между пролетариатом и крестьянством, СССР получает возможность дальнейшего их проведения по пути социалистического развития на основах возрастающего устойчивого равновесия. В течение так называемого восстановительного периода нам удалось создать такое соотношение между производительными силами и производственными отношениями, которое можно назвать оптимальным. Та политическая организация государственной власти, та социально-экономическая расстановка классовых сил, которые имеются в настоящее время в нашей стране, представляют собой максимум нормальных социалистических достижений, возможных на данном уровне развития производительных сил.

Конечно, то, что мы имеем в настоящее время, представляет собой далеко не развернутый социализм, а только переходный период, но социально-политическая организация переходного периода дает нам возможность максимального развития производительных сил и социалистических производственных отношений. Мы говорим о максимальном развитии в том смысле, что никакая иная политическая и социально-экономическая организация не могли бы на данной стадии развития материально-производительных сил достигнуть тех успехов, которых мы достигли. Изо дня в день у нас происходят молекулярные, едва уловимые для простого, невооруженного глаза, социальные процессы, которые ведут к росту социалистических элементов страны.

Что касается новых резких исторических сдвигов по линии социально-классовых отношений, то они возможны только после периода накопления материально-производственных предпосылок для дальнейшего изменения производственных отношений.

Только после того, как мы добьемся новых решительных успехов в области развития производительных сил страны и особенно социалистического сектора, мы вправе ждать новых результатов в области социально-классовых отношений. Для нас важно только одно, а именно: тот оптимум связи между производительными силами и новыми производственными отношениями, который мы имеем в настоящее время, дает нам возможность максимального развития производительных сил страны.

Табл. 26 (см. стр. 213) дает общую количественную характеристику процессов обобществления за последнее трехлетие, т. е. с 1924/25 по 1926/27 г., а также в текущем 1927/28 г.

Сопоставляя годовые темпы роста трех важнейших показателей — валовой продукции, торгово-посреднического оборота и основных фондов, мы приходим к выводу, что за последние годы нэпа имеется ярко выраженная устойчивая тенденция более интенсивного роста социалистического сектора нашей экономики по сравнению с частным. Валовая продукция социалистического сектора выросла в 1925/26 г. на 44,6% против

Таблица 26

Показатели процессов обобществления народного хозяйства СССР в 1924/25—1927/28 гг.

Годы	Валовая продукция		Торгово-посреднический оборот		Основные фонды	
	Обобществленный сектор	Необобществленный сектор	Обобществленный сектор	Необобществленный сектор	Обобществленный сектор	Необобществленный сектор
I. В абсол. данных (в млн. червонных рублей)						
1924/25	7 209,0	16 899,0	10 613,0	4 000,0	27 785,0	21 526,4
1925/26	10 421,9	20 568,1	17 836,0	5 770,0	28 756,6	22 093,3
1926/27	11 773,0	19 968,0	23 575,0	5 200,0	30 343,9	22 734,5
1927/28	12 937,0	19 592,0	28 240,0	5 200,0	32 629,1	23 477,7
II. В % к предыдущему году						
1925/26	144,6	121,7	168,1	144,3	103,5	103,1
1926/27	113,0	97,1	132,2	90,1	105,5	102,9
1927/28	109,9	98,1	119,8	100,0	107,5	103,3
III. В % к итогу по секторам						
1924/25	29,9	70,1	72,6	27,4	56,4	43,6
1925/26	33,6	66,4	75,6	24,4	56,6	43,4
1926/27	37,1	62,9	81,9	18,1	57,2	42,8
1927/28	39,8	60,2	84,5	15,5	58,2	41,8

1924/25 г., в 1926/27 г. — на 13%, а предположительный рост в 1927/28 г. равен 9,9%. Исчерпание восстановительных ресурсов, снижение цен дали кривую замедленного роста валовой продукции, но поступательное движение вперед продолжается. В то же время частный сектор дает такие темпы роста: в 1925/26 г. — 21,7%, в 1926/27 г. — 2,9% и в 1927/28 г. — 1,9%. Кривая здесь определенно идет вниз.

Более отчетливо это явление обнаруживается при рассмотрении отдельно сельского хозяйства и промышленности. По сельскому хозяйству мы имеем такие годовые темпы развития социалистического сектора[1]: в 1925/26 г. — 31,7%, 1926/27 г. — 19,6%, 1927/28 г. — 25,4%. Соответственный темп у частного сектора — 21,9%, 2,8% и 2,1%. В промышленности производство социалистического сектора в 1925/26 г. возрастает на 43,4% против предыдущего года, в 1925/27 г. — на 16,7%, в 1927/28 г. — на 15,2%[2]. В то же время производство частного сектора (капиталистическое и простое товарное вместе взятые) после замедленного по сравнению с социалистическим сектором роста до 1926/27 г. в последний хозяйственный год дает резкое сни-

[1] Колхозы и совхозы.
[2] Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г., стр. 48—85.

жение, вызвавшее абсолютный упадок частной промышленности, особенно цензовой. Годовые темпы здесь такие: 1925/26 г. плюс 21,3% против предыдущего года, 1926/27 г. — уже минус 2,7% и 1927/28 г. — минус 4,5%.

В сфере обращения также наблюдается тенденция количественного роста социалистического сектора. Последний в торгово-посредническом обороте в 1925/26 г. вырос на 68,1%, в 1926/27 г. — на 32,2%, а в 1927/28 г. ожидается рост на 19,8%. Рост государственной и кооперативной торговли сопровождается до 1926/27 г. хотя и медленным, но все же ростом частной торговли. В 1925/26 г. последняя дает 44,3% роста, а в 1926/27 г. мы уже имеем абсолютное падение — впервые за три года нэпа. Темп падения в этом году равен 9,9%.

В 1927/28 г. предполагается стабилизация размеров частной торговли по тем же причинам, которые указаны выше относительно промышленности. Надо отметить, что наибольший урон частный капитал потерпел в оптовой торговле, частная же розница падает более медленно. Частная розничная торговля еще выполняет известные необходимые народнохозяйственные функции, тогда как частная оптовая торговля их уже почти полностью потеряла. Этим объясняется то, что стабилизация размеров частного капитала на 1927/28 г. проектируется здесь, исходя из некоторого увеличения частной розницы при дальнейшем падении опта.

Характерна для выявления процессов обобществления и динамика основных фондов народного хозяйства. Мы имеем рост как социалистических фондов, так и фондов необобществленного сектора. В последнем рост более медленный, нежели в первом. Так, годовые темпы роста фондов социалистического сектора таковы: в 1925/26 г. + 3,5%, в 1926/27 г. + 5,5% и в 1927/28 г. + 7.5%; частные же фонды дают за соответственные годы темпы: + 3,1%, + 2,9% и + 3,3%. Мы не приводим динамики фондов по отдельным отраслям народного хозяйства, но считаем нужным отметить, что рост частных фондов происходит в большей части в сельском хозяйстве, в преобладающей части за счет простого товарного хозяйства; в промышленности же частные основные капиталы растут медленнее, а в торговле абсолютно падают.

Тенденция медленного роста или абсолютного падения частного сектора нашей экономики приводит, естественно, к перемещению различных секторов по их удельному весу в народном хозяйстве. Удельный вес социалистического сектора имеет нижеследующую динамику: по валовой продукции 1924/25 г. — 29,9%, 1925/26 г. — 36,2%, 1926/27 г. — 40,2%, 1927/28 г. — 44,5%; по торгово-посредническому обороту 1924/25 г. — 72,6%, 1925/26 г. — 75,7%, 1926/27 г. — 83,0%, 1927/28 г. — 90,7%; по основным фондам (к концу года) 1925/26 г. — 49,9%, 1926/27 г. — 50,3%, 1927/28 г. — 51,7%.

Перед нами непрерывная восходящая линия развития социалистического сектора при остающемся, однако, в значительном удельном весе частном секторе благодаря входящему в него громадному массиву простого товарного хозяйства.

Эти итоги подведены нами на основании подсчетов цифровых величин такого порядка, вес которых является весьма внушительным. Тем не менее, и чистый экономический анализ позволил бы нам заранее предвидеть вышеотмеченные тенденции.

Не приходится сомневаться в преимуществах крупного централизованного хозяйства над мелким, раздробленным во всей громадной области индустрии. Закрепив за собой все командные высоты крупной индустрии, нам не приходится сомневаться в ее доминирующем значении во всем разделе промышленности. Задачи, стоящие перед нами в этой области — реальные, совсем иного порядка. Мы должны порайонно разрешить задачу строительства такого рода промышленных комбинатов, которые, быть может, по

самому типу своему будут резко отличаться от типа вертикального и горизонтального сочетания западноевропейских и американских предприятий. Преобладающее значение таких комбинатов может быть настолько велико, что не приходится опасаться конкурентного сотрудничества с ними самых разнообразных мелких предприятий, в особенности при дальнейшем росте планового режима промышленности и при дальнейшем охвате государственным и кооперативным сектором рынка.

Перед нами задача такого расселения индустриальных ячеек по стране, которое в максимальной степени содействовало бы индустриализации сельскохозяйственных районов. Перед нами вопросы о целом ряде специальных задач по уничтожению резких граней в самом характере промышленного и сельскохозяйственного труда.

Иначе обстоит дело в сельскохозяйственном разделе экономики. Здесь перед нами 25 млн. раздробленных хозяйств, и радикальная хозяйственная реконструкция этого огромного массива с неизбежностью должна встретиться с огромными трудностями. Отсюда — сугубый интерес к процессам дифференциации крестьянства и к тем формам, в которых социалистический сектор в том или другом направлении может делать более или менее глубокие прорывы этого массива мелкого товарного хозяйства.

Однако действительность из года в год свидетельствует, что помимо той страховки, которую мы имеем в нашей общей ставке на индустриализацию, помимо тех преимуществ, которые даются централизацией хозяйства и прямого планирования в сфере промышленности, мы имеем целый ряд действенных приводов, предрешающих движение мелкого товарного хозяйства в заранее намеченном направлении, по линии обобществления и роста производительных сил сельского хозяйства.

Планово-регулирующее влияние на сельское хозяйство осуществляется и системой общеэкономической политики, и системой прямых налогов, и системой мероприятий, направленных на организацию сбыта сельскохозяйственных товаров, и на снабжение средствами по преимуществу через сельскохозяйственную кооперацию и сельскохозяйственный кредит, и систему агрикультурных мероприятий, и регулирование земельных отношений через органы НКЗемов.

Политика цен. Наше воздействие на направление сельского хозяйства через политику цен огромно. Как раз в последние годы мы имеем в этом отношении разительный пример. В конце 1925/26 г. и первой половине 1926/27 г. сложились чрезвычайно неблагоприятные цены на технические сырьевые культуры. Это сейчас же сказалось на посевах 1926/27 г., которые по этим культурам дали сокращение на 9%. Во второй половине 1926/27 г. цены были подняты, и результат этой меры успел уже сказаться в 1927/28 году: посевы этих культур возросли на 7%, а по главнейшим культурам еще больше: сахарная свекла — на 24%, хлопок — на 15%, подсолнух — на 12%, лен — на 4,5%.

Прямые налоги. Налоговая политика имеет также огромное значение для стимулирования сельскохозяйственного производства, и в этом смысле ее значение близко к значению политики цен, ибо обе они затрагивают интересы всей массы крестьянства. Влияние ее можно иллюстрировать на примере тех же технических культур в 1927 г., в отношении которых были применены значительные налоговые льготы. Сеяные травы уже в течение многих лет пользуются налоговыми льготами, и они дали наиболее бурный темп роста: с 1923 по 1927 г. возросли на 344%.

Система мероприятий, направленных на организацию сбыта сельскохозяйственных товаров, снабжение средствами сельскохозяйственного производства и организацию самого производства через кооперацию. Сельскохо-

зяйственная кооперация охватила в 1926/27 г. около 25% сбыта всей товарной части сельскохозяйственной продукции. Удельный вес сельскохозяйственной кооперации в заготовках из года в год повышается: 1924/25 г. дал 1,7%, 1925/26 г. — 21,5%, 1926/27 г. — 25%. Охват отдельных товаров значительно больше. Так, в 1926/27 г. по хлебу мы имели 27%, по льну — 44%, по хлопку — 84%, по маслу — 92%. Организацией сбыта сельскохозяйственных продуктов через кооперацию мы связываем распыленного товаропроизводителя, организуем спрос на сельскохозяйственные продукты определенного качества и тем самым оказываем влияние на производство этих товаров. Помимо сбыта готовых сельскохозяйственных товаров кооперация организует первичную переработку сельскохозяйственных продуктов. Так называемая сельскохозяйственная индустрия находится исключительно в руках сельскохозяйственной кооперации. Рост ее за последние годы таков (табл. 27):

Таблица 27

Годы	Стоимость предприятий (в млн. руб.)	% роста к предыдущему году	Продукция (в млн. руб.)	% роста к предыдущему году
1923/24	38	—	80	—
1924/25	50	131	110	137,5
1925/26	70	140	174	158,2
1926/27	96	137	240	137,9
1927/28	146	174	360	150,0

Ни одна отрасль промышленности не росла таким быстрым темпом, как сельскохозяйственная кооперативная индустрия. Переработка сельскохозяйственных продуктов играет огромную роль и в повышении товарности сельского хозяйства и в технике производства сельскохозяйственных продуктов.

Не менее важную роль играют в деле технической социальной перестройки крестьянского хозяйства всевозможные производственные кооперативы (машинные, мелиоративные, животноводческие, семенные и т. д.), которые в той или иной мере обобществляют отдельные части процесса сельскохозяйственного производства или влияют на изменение техники всей массы кооперированных хозяйств. Таких кооперативов насчитывается уже около 22 тыс. с более чем 1,5 млн. членов.

Одним из мощных орудий воздействия социалистического государства на мелкобуржуазную деревню являются мероприятия по переселению. Мы не можем подходить к проблеме переселения вне связи с общими социалистическими задачами нашей страны.

Переселение является для нас не только средством для удовлетворения нуждающегося в земле и инвентаре крестьянства и не только средством борьбы против так называемого аграрного перенаселения. Пролетарское государство ставит вопрос о переселении гораздо шире. В этой связи нам надлежит вспомнить указание В. И. Ленина о том, что после ликвидации феодальных пережитков страны наша деревня в смысле развития своих производительных сил получает невиданно широкие перспективы. Она может итти темпом американского развития.

На долю господствующего пролетариата выпала среди многих задач, выполнение которых было не под силу буржуазии, одна крупная задача, которая заключается в денатурализации нашей деревенской экономики. Наша деревня еще в незначительной степени втянута в товарные отношения с городом. Чем быстрее будет происходить индустриализация города, тем ускo-

реннее пойдет темп вовлечения деревни в товарно-рыночные отношения. При денатурализации деревенской экономики перед пролетариатом стоит задача целиком и полностью овладеть этим процессом и направить его в такие формы, которые соответствуют социалистическому развитию страны.

Пролетарское государство путем организационных средств и финансирования имеет решающее воздействие в направлении развития:

1) землеустройства;
2) машиноснабжения;
3) трактороснабжения;
4) минерального удобрения;
5) технических культур;
6) тонкорунного овцеводства;
7) сельскохозяйственной индустрии;
8) крупных мелиоративных работ;
9) электрификации;
10) переселения;
11) культуры деревни.

Основным экономическим орудием планового воздействия при проведении указанных мероприятий является сельскохозяйственный кредит, расходуемый по плану в строгом соответствии с плановыми заданиями в указанных отраслях сельского хозяйства. На 1927/28 г. размер этого кредита уже проектируется на сумму около 450 млн. руб.

Агрикультурные мероприятия НКЗемов и регулирование земельных отношений. Опытные станции, агрономические, случные, прокатные пункты и вся система местных органов НКЗема, в свою очередь, всесторонне воздействуют на социальную производственную структуру сельскохозяйственной продукции. С течением времени укрупненная районная волость все более и более будет превращаться не только в административно-общественный центр своей сельскохозяйственной периферии, но и в его производственный центр, где наряду с низовыми органами советской власти и советской крестьянской общественности будут создаваться опорные пункты по всем линиям отмеченной выше системы воздействия советского государства на сельское хозяйство. Стихия частновладельческого хозяйства при таких условиях не имеет возможности катиться по тому руслу, которое намечается эволюцией капиталистических стран. Тем не менее, мы должны зорко следить за социальными сдвигами внутри крестьянства и, преодолевая сопротивление капиталистических элементов, особенно кулачества, мы должны из года в год совершенствовать организационные формы кооперации, преследуя в том и другом случае нашу ставку на опережающий подъем благосостояния бедняцких и середняцких масс.

Об устойчивости наших рычагов воздействия на сельское хозяйство свидетельствует тот предварительный опыт, который мы имеем за истекшие годы нашей государственной работы. Недаром В. И. Ленин, учитывая победу пролетариата в нашей стране, сделал радикальную переоценку наших прежних взглядов на кооперацию. Мощь этого рычага, как мы видели, уже начинает сказываться в наших условиях самым реальным образом. В. И. Ленин предвидел также громадное значение электрификации в сельскохозяйственной области. Растущее кольцо электропередач свидетельствует, что уже не за горами то время, когда каждое крупное село нашей страны наряду с рационализированным транспортом воспользуется и услугами электрической энергии. Тем самым создадутся радикальные предпосылки для окончательного уничтожения противоречий между городом и деревней.

Говоря о прорыве фронта мелких товаропроизводителей силами нашего обобществленного сектора, нужно особо остановиться на той системе прямых действий, которую мы имеем в этом направлении в нашем строительстве сов-

хозов и колхозов. Наши начинания в этом направлении еще невелики, но в общем и целом они рисуют свои несомненные положительные сдвиги.

Совхозы. После значительного роста в первые годы революции совхозы дали в 1923/24—1924/25 гг. абсолютное сокращение. Им пришлось приспосабливаться к условиям рынка и выдержать конкуренцию, показать свое преимущество перед мелким крестьянским земледелием. Развитие совхозов идет несколько большим темпом, чем рост всего сельского хозяйства, отчего удельный вес их медленно повышается. Так, удельный вес совхозов ко всему сельскохозяйственному производству составлял:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По посеву	1,2	1,2	1,2	1,3
„ рабочему скоту	0,4	0,5	0,5	0,58
„ валовой продукции	1,4	1,4	1,6	2,0
„ товарной части	4,5	4,5	5,1	6,4
„ населению	0,71	0,72	0,73	0,75

Техника земледелия в совхозах (обработка, система севооборота) еще мало отличается от крестьянской, почему и урожай незначительно выше (10—12%), чем у крестьян. Совхозы еще только находятся на грани перехода к безубыточности.

Колхозы после бурного роста в первые годы революции дали значительное падение при переходе к нэпу. Скептики предвещали гибель колхозного движения. Однако колхозы перестроились применительно к новым условиям рынка и за последние годы дают рост, обгоняющий рост всего сельскохозяйственного производства, отчего удельный вес, — так же, как и совхозов, — повышается. Сказанное подтверждается следующими цифрами:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По посеву	1,0	1,1	1,2	1,4
„ рабочему скоту	0,56	0,53	0,54	0,59
„ валовой продукции	0,6	0,7	0,9	1,4
„ товарной части	1,6	2,6	2,4	3,0
„ населению	0,7	0,77	0,8	1,0

Технический уровень земледелия в колхозах пока еще незначителен, но все же выше крестьянского. Постепенно изменяются формы колхозного движения. Понижается удельный вес коммун — наиболее совершенной формы движения — и повышается удельный вес товариществ — наиболее простой формы. Обобществление труда и инвентаря в значительной мере зависит от степени машинизации и механизации процессов производства. В общем значительное количество труда и средств производства (около 40%) в колхозах еще не обобществлено.

Удельный вес этих обеих форм крупного земледелия за последние годы представляется в следующем виде:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По посеву	2,2	2,3	2,4	2,7
„ рабочему скоту	1,0	1,0	1,1	1,2
„ валовой продукции	2,0	2,1	2,5	3,4
„ товарной части	6,1	7,1	7,7	9,4
„ населению	1,4	1,5	1,5	1,8

XII

ИТОГИ ПЛАНОВОЙ РАБОТЫ В СССР

В резолюциях XII Съезда РКП(б) даны руководящие указания по основным линиям социалистического строительства. Четко формулируя задачи и методы плановой работы, этот съезд характеризует роль руководящего планового органа — Госплана СССР — как «главного штаба государственного хозяйства».

Подводя итоги хозяйственной работы за истекшее десятилетие, нам необходимо отдать себе ясный отчет о работах этого главного хозяйственного штаба.

Взвешивая роль обобществленного сектора и оценивая шансы нашей борьбы с огромной периферией мелкого частного хозяйства, нам уже неоднократно приходилось апеллировать к ресурсам планового режима, к общим возможностям планового охвата всего хозяйства в целом. Оценивая общие шансы нашей борьбы и по линии политического и по линии хозяйственного фронта, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал решающую роль нашей о р г а н и з о в а н н о с т и. Не подлежит сомнению, что организованность в области хозяйства найдет наиболее полное выражение лишь при окончательном торжестве планового режима по всему хозяйственному фронту нашей страны.

Выработка общехозяйственного государственного плана — вот центральная задача, которая была поставлена партией и государством перед Госпланом. Мы уже отмечали, что первой попыткой создания генерального плана нашего хозяйства являлось составление проекта электрификации в 1920 г., принятого к исполнению как партией, так и съездами советов. Оглядываясь назад и сопоставляя методологию и материалы этого первого общегосударственного хозяйственного плана с методологией и тем обширным материалом по действительному плановому охвату как хозяйственной эксплоатации, так и хозяйственного нового строительства, которыми мы располагаем в настоящее время, мы видим, как далеко вперед наша страна ушла от первых позиций в борьбе за плановый режим.

Прежде всего надлежит отметить, что это продвижение вперед в плановом строительстве хозяйства шло в теснейшей связи с фактическим хозяйственным маневрированием при непрерывной проверке всех теоретических предположений и проектных наметок д е й с т в и т е л ь н ы м х о з я й с т в е н н ы м о п ы т о м, п р и т о м о п ы т о м г р о м а д н о г о м а с ш т а б а. В этом также сказывается различие наших материалов по плановому строительству по сравнению с обширной л и т е р а т у р о й по плановому хозяйству, которой в настоящее время располагает капиталистический Запад. В этом — их особое историческое значение и притяг не только для трудящихся нашей страны.

Мы уже отмечали, что обстоятельства хозяйственного кризиса заставили Госплан уже в 1921 г., т. е. в год его образования, самым решительным образом отойти от общих методологических вопросов, от работ, непосредственно связанных с дальнейшим углублением проблем первого генерального плана, и вплотную подойти к непосредственной хозяйственной работе, к поискам выходов из-под ударов экономической разрухи.

Уже к началу второй половины 1921 г. был составлен топливный план на второе полугодие. Этот план был реализован на 97%. С каждым последующим годом топливодобыча и топливоснабжение все глубже и глубже охватываются плановым режимом. Вот действительные цифры фактического выполнения наших топливных планов в процентах от проектировавшихся заданий:

1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
97	99	93	104	104,5	100,4

Эта справка достаточно красноречиво свидетельствует в пользу высказанного ранее утверждения, что энергетическое звено нашего хозяйства является наиболее надежным звеном планирования. Лишь таким путем мы смогли в кратчайший срок изжить беды топливной разрухи.

Не менее угрожающим было наше положение вследствие продовольственной разрухи. В том же 1921 г. был составлен такой план распределения наших продовольственных ресурсов между отдельными категориями населения, который ограничивал число иждивенцев государства кроме армии с 35 млн. чел. до 7 млн. Это немедленно позволило повысить реальную заработную плату наиболее необходимых работников (деньгами и натурой) с 2 р. 43 к. до 7 р. 18 к. Изучение топливного и продовольственного вопросов заставило Госплан немедленно заняться и вопросами транспорта. Кризисы топлива и продовольствия не могли быть разрешены без преодоления транспортного кризиса.

Подход к разрешению транспортного кризиса представлял особо сложную задачу. Надо было строить еще самые опорные пункты планирования, ибо вопрос о развертывании транспорта сводился не к вопросу о развертывании нормально действующего транспортного механизма, а к учету совершенно исключительных обстоятельств транспортной разрухи. Здесь было не до коммерческих учетов транспортного оборота, не до разграничения так называемых «зависящих» и «независящих» транспортных расходных статей, а вся задача сводилась к подыскиванию и систематизированию таких заданий, выполнение которых обеспечивало бы хотя элементарное функционирование разрушенных частей транспортного механизма. Вопросы тяги, службы пути и службы движения перекрещивались с чисто организационными вопросами, с вопросами того же продовольствия, топлива и металлов. Однако уже во вторую половину 1921 г. была составлена первая транспортная плановая прикидка, и с этого времени плановый охват транспорта растет из года в год параллельно росту и подъему обрисованной выше эволюции нашего транспорта. Процент исполнения главнейших материальных плановых заданий по транспорту (количество перевезенных грузов и количество вагоно-осе-километров) иллюстрируется следующими цифрами, показывающими процентаж фактического выполнения этих заданий по отношению к плановым величинам:

	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Количество грузов . . .	103,0	106,0	113,0	111,0	102,5
Вагоно-осе-километров .	90,7	110,0	116,0	105,0	100,5

Эти данные во всяком случае свидетельствуют о реальности планирования в этой ответственнейшей хозяйственной области.

Обстоятельства разрухи не могли не поставить перед Госпланом ребром вопросов борьбы с засухой и разработки тех мероприятий, которые должны были ликвидировать последствия голодного 1921 г. Рассыпной фронт сельского хозяйства немедленно вынудил организацию специальных статистических работ, причем оказалось, что такие два органа, как ЦСУ и Госплан, нуждаются в самом теснейшем сотрудничестве. Основные положения по составлению перспективных планов сельского хозяйства в последующем подвергались целому ряду пересмотров при непосредственном соучастии НКЗемов республик.

К сожалению, в силу децентрализации сельскохозяйственной наркоматовской системы мы не имеем возможности привести цифровые итоги, могущие иллюстрировать наше постепенное приближение к действительному охвату этой сложнейшей и труднейшей сферы планирования.

Выше мы уже отмечали, какими этапами шло планирование в области промышленности. В 1921/22 г. национализированная промышленность еще в такой малой степени была охвачена нашим действительным хозяйственным руководством, что мы могли посягнуть на составление планов всего лишь в трех отраслях — металлургии, сахара, резины.

Лишь с 1925/26 г. нам удается поставить впервые сводный финансово-производственный план всей цензовой промышленности в ее целом.

Только в 1923 г. оказалось возможным фактически осуществить то, на чем уже давно настаивал В. И. Ленин — рассортировать весь наличный состав фабрик и заводов на правильные категории: действующих, вступающих в определенные календарные сроки в действие и подлежащих резервированию[1]. Лишь в этом году было проведено разделение предприятий по признакам общесоюзного, республиканского и местного значения, а законом от 10 августа была оформлена та трестовская организация, которая явилась краеугольным камнем всего дальнейшего промышленного строительства.

Еще в начале 1922 г. Госпланом была организована специальная комиссия, которая на основе шестимесячного непосредственного изучения трестов наметила ряд отправных моментов дальнейшего упорядочения. Но проследить действительную динамику промышленности было крайне трудно уже по одной той причине, что работать приходилось в условиях валютной разрухи и еще совершенно неразвернутого товарного рынка. Первоначальные подсчеты показали, что в 1921/22 г. государство сможет предоставить промышленности лишь несколько менее половины тех оборотных средств, которые, по ее мнению, являются для нее голодным минимумом. Фактически мы не могли дать и этих 50% оборотных средств, и, тем не менее, промышленность не только не свертывалась, но сделала очередной шаг вперед. Это обстоятельство объясняется тем, что фактический оборот поддерживался ликвидацией старых запасов, лишь в своей небольшой доле находившихся на правильном бухгалтерском учете.

Это была так называемая полоса «разбазаривания» в промышленности, что, как мы видим, являлось своеобразным средством ее самозащиты.

Плановые предположения на 1922/23 г. уже отличаются значительным реализмом: большинство производственных программ выполняется с колебанием против предположенного в пределах 10—15%. Лишь легкая промышленность делает подъем вверх, далеко оставляющий за собой первоначальные плановые предположения.

В дальнейшем постепенно налаживается коммерческая обстановка дела. Однако власть хозяйственного центра еще весьма относительна.

Элементарная разруха в промышленности сравнительно быстро изживается; наступает ее третий этап. Кризис сбыта осенью 1923 г. учит по-новому считаться с рыночной конъюнктурой. Тресты и синдикаты ищут для себя новых защитных средств. Идет борьба за новое, действительно советское лицо органов промышленности. К январю 1924 г. мы уже успели изучить фактический материал работы 35 главнейших трестов со стороны технической, финансовой и калькуляционной.

Дальнейший бурный рост промышленности приводит к необходимости выделения некоторых новых ударных работ. Наладить фактический учет не только крупной цензовой промышленности, но и промышленности местной, кустарно-промысловой — дело больших трудностей.

Вновь выработанный в 1924 г. проект планирования и регулирования

[1] Имеется в виду письмо В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому от 4 июля 1921 г., носящее заголовок: „Мысли насчет «плана» государственного хозяйства". Оно опубликовано в сочинениях Ленина, т. XXVI, изд. 2-е и в сочинениях Кржижановского, т. II, стр. 174—175.

промышленности является заметным этапом упорядочения в этой области. Сопоставляя это положение с аналогичным положением 1922 г., мы ясно видим, как быстро надвигаются на нас вопросы новых капитальных затрат, вопросы реконструкции промышленности, ее экономического районирования, стандартизации и т. д.

В области торговли Госплану прежде всего пришлось заняться вопросами внешней торговли. Уже в 1922/23 г. составляется первый конкретный план годичных операций внешней торговли. По своей экспортной части он был исполнен на 100%, по импорту — всего на 83%. За последующие годы мы имеем следующий процент выполнения:

	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Экспорт	121,9	109,3	92,7	99,3
Импорт	131,4	124,8	110,3	104,3

Развертывание последовательных стадий нэпа чрезвычайно затрудняло радикальный охват плановым режимом поля внутренней торговли. От плана хлебных и сырьевых заготовок все большего и большего объема мы переходим к планам завоза промтоваров, к общим вопросам политики цен и к постановке основного вопроса о балансе между городом и деревней. Вопросы товаропроводящей сети, вопросы, касающиеся состояния и развития кооперации, вопросы порайонного изучения внутреннего рынка и дифференциации товарного спроса — все это введено в цикл работ Госплана лишь в самые последние годы. Процент выполнения основного вида планов этого раздела — хлебозаготовок — может быть охарактеризован следующими данными:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Исполнение плана хлебозаготовок	105,5	97,8	95,5

Еще более сложные этапы пришлось пройти Госплану в области финансово-бюджетной и кредита. Годы военного коммунизма были такими, что о бюджете того времени можно говорить лишь в весьма условной форме.

Девятимесячный бюджет 1922 г. впервые твердо держит курс на денежное хозяйство. Работа над этим бюджетом и тщательная выработка оптового товарного индекса Госплана — первые крупные вехи строительства Госплана в финансово-бюджетной области [1]. Два года уходят на создание примитивной бюджетной организации, на выработку таких бюджетных планов, которые скромно называются ориентировочными. Применение к бюджетному плану индексных рублей Госплана дало первый опорный пункт для развертывания работ, направленных к твердому и сбалансированному бюджету. Наши первые бюджетные наметки фактически приходилось проводить по кварталам, а иногда даже и по месячным расписаниям. От этих месячных бюджетов к бюджетам ориентировочным и отсюда через контрольные цифры бюджета к современному твердому бюджету с охарактеризованными выше рубриками предстоял длительный путь, занявший целый ряд лет. Со времени перехода к твердому бюджетному плану мы можем констатировать как раз по этой линии нашей плановой работы особую точность в совпадении программных заданий и фактического исполнения.

Мы здесь не останавливаемся на характеристике работ Госплана и в области строительства, и в области водного хозяйства, и на разработке вопросов районирования, на всей той громадной государственной работе,

[1] Оптово-товарный индекс Госплана, идея которого возникла в связи с задачами бюджета, сослужил еще более ценную службу по линии изучения усложняющихся товарно-рыночных отношений.

которая проделана была Госпланом по хозяйственному маневрированию в целом. Достаточно отметить, что по нашему законодательству ни одно крупнейшее начинание в области хозяйства не должно было миновать визы Госплана. Сказанного вполне достаточно, чтобы подтвердить выдвинутое ранее основное положение: фактический рост планового режима в нашем хозяйстве происходил не только и не столько в порядке усовершенствования теоретических схем планирования путем кабинетной работы специалистов и теоретиков, а путем действительной смычки плановой работы с фактической работой многочисленного кадра хозяйственников, стоящих непосредственно в самой гуще хозяйственной практики.

Поэтому этапы наших плановых достижений в точности соответствуют этапам развертывания хозяйственной оперативной деятельности, и достижения как в той, так и в другой области являются взаимозависящими.

По структуре Госплана ячейкой, руководящей теоретическими работами планирования, является экономико-статистическая секция. Вместе с тем теоретические работы производились и в других, выраставших позднее, синтетических ячейках Госплана, как-то: комиссии по контрольным цифрам, комиссии по пятилетнему плану, комиссии по генеральному плану. Если проследить работы одной только экономико-статистической секции, то мы увидим, что они являлись действительным жизненным отзвуком тех процессов и этапов развития, которые имели место в нашем хозяйстве. Реальные интересы планирования народного хозяйства вынуждали секцию ставить в порядок дня своих работ проблему «ножниц», проблему индексов, многочисленные вопросы, связанные с хлебофуражным балансом; вопросы натурального обложения сельского хозяйства, бюджеты городского рабочего и крестьянина, изучение вопроса о темпе и возможности хозяйственного накопления, вопрос о балансе народного хозяйства, о методе балансовых оценок и, наконец, о самой методологии планирования путем последовательных вариантных приближений.

Выше мы отметили, что, несмотря на общую ясную целевую установку планирования, Госплану целый ряд лет пришлось итти, по существу, обходными путями. Мы видели, что вопрос о целостном, общем, едином плане народного хозяйства самой жизнью был временно отодвинут. Как раз в это время В. И. Ленин, близко тогда наблюдавший работу Госплана, настойчиво подчеркивал, что самая идея о целостном плане народного хозяйства по существу может быть принята лишь с весьма обстоятельными оговорками. Как раз в это время В. И. Ленин предупреждал об опасности бюрократизации планирования[1]. Мы видели, как мы должны были заниматься проработкой отдельных планов в различных отраслях народного хозяйства сообразно с конъюнктурными обстоятельствами этих отдельных отраслей. В такой решающей области, как бюджетный план, годичный охват бюджетных операций на первых порах нам был не под силу. Одним словом, система обходных действий по отношению к целостному единому плану народного хозяйства, и в особенности по отношению к охвату перспектив многих лет, была в полном ходу.

Мы только постепенно, на отдельных планах, приближались к построению плана народного хозяйства в целом.

Это положение станет особенно ясным, если мы припомним, что по отно-

[1] Имеется в виду письмо В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому по поводу выступления В. П. Милютина 27/II 1921 г. в Соц. академии с докладом о методах разработки единого хозяйственного плана. Письмо опубликовано в сочинениях В. И. Ленина, т. XXIX, изд. 2-е, стр. 444; оно приводится также и в сочинениях Г. М. Кржижановского, т. II, стр. 181.

шению к громадному разделу народного хозяйства, именуемому сельским хозяйством, система прямого планирования должна была быть сведена в существенных чертах лишь к выработке правильных мероприятий косвенного регулирования. Как раз в этой области пока что доминирует закон больших чисел, и целевые установки как во времени, так и в пространстве резко отличаются по своему качеству от наших целевых установок в области промышленности и транспорта.

Наконец, развертывание рыночного оборота и денежного хозяйства вынуждало нас к величайшей осторожности в расширении сферы планирования. Отсюда — то громадное значение, которое приобретало в таких условиях изучение нашими плановыми хозяйственными органами рыночной конъюнктуры. Рынок показывал нам, каким образом наши планы «проверяются рублем». В. И. Ленин настойчиво требовал от Госплана, чтобы он занимался не только составлением необходимых планов, но и проверкой их. Изучение конъюнктуры, по сути дела, было этой необходимой проверкой, той хозяйственной вахтой, которую мы обязаны были нести. Из года в год наши конъюнктурные наблюдения, начиная с конца 1923 г., приобретают все более систематический и организованный характер. Собственная корреспондентская сеть в главнейших промышленных и торговых пунктах страны из года в год расширяется. Расширяется также и число показателей, охватывающих в своей совокупности все бо́льшую и бо́льшую толщу экономики. Разработка конъюнктурных данных производится в настоящее время и в районном, и в республиканском, и в общесоюзном масштабе. Рост и укрепление позиций обобществленного сектора хозяйства позволяют нам в настоящее время поставить изучение конъюнктуры на такой уровень, который дает ей огромные преимущества даже по сравнению с итогом многих лет работы в этом направлении на капиталистическом Западе.

Изучение хозяйственной конъюнктуры дало плановым органам массу ценных сведений о действительной динамике хозяйственных процессов в стране и об их фактической взаимной связи. Накопление этого материала, а также та проверка плановых возможностей, которая давалась постановкой конъюнктурных наблюдений, позволили Госплану уже в конце 1924/25 г. приступить к опыту составления на 1925/26 г. такой системы цифровых показателей народного хозяйства, которая в своей совокупности могла бы явиться действительной базой оперативных годовых планов хозяйства в его решающих областях. Это так называемые контрольные цифры народного хозяйства, которые, начиная с 1925/26 г., все с большей и большей решительностью из года в год охватывают поле нашей хозяйственной деятельности.

Подход к охвату народного хозяйства в целом и переход от частичных планов к составлению единого хозяйственного плана или приближения к нему заставили Госплан наряду с изучением материально-производственных процессов, происходящих в стране, обратить особое и исключительное внимание на развитие социально-классовых отношений переходного периода и на проблемы обобществления.

От контрольных цифр 1925/26 г. до контрольных цифр настоящего года — опять-таки крупная дистанция и в методологии планирования и в целях его. Если в 1925/26 г. контрольные цифры Госплана могли быть приняты только «к сведению», то цифровые лимиты и экономические директивы контрольных цифр 1927/28 г. уже предуказываются в качестве основной директивы для всех наркоматов при составлении ими оперативных хозяйственных годичных планов. Операционные планы, соответствующие утвержденным контрольным цифрам, могут быть утверждены и проведены в жизнь главами соответствующих ведомств. Пример контрольных цифр показывает, каким образом в области плановой работы мы перешли к развернутому плановому наступлению.

Само собой разумеется, что отсутствие надежного и достаточно проработанного генерального плана народного хозяйства и таких перспективных планов, которые охватывают хотя бы 3 или 5 лет, не могло не сказаться целым рядом отрицательных последствий на работе текущего планирования. Если в настоящее время материальные ресурсы позволяют нам уже приступить к такого рода капитальным затратам, к такого рода строительству, которое входит в хозяйственный оборот лишь по истечении 3—5 лет со времени своего начала, если общая ситуация, создаваемая ростом такого строительства, все с бо́льшей и бо́льшей остротой дает нам чувствовать необходимость перспективного планирования на такие же сроки, то, с другой стороны, самый масштаб всего нашего хозяйства в его целом, взятый сам по себе, уже делает невозможным ограничение работы планирования только сроками годичных операционных планов. Отсюда целый ряд попыток Госплана хотя бы временными прикидками заполнить эту брешь в сфере планирования.

Уже в ноябре 1923 г. Госплан рассматривает перспективный план по сельскому хозяйству РСФСР, несколько позже — такие же планы по УССР и БССР. Первая пятилетка по внешней торговле была набросана на пятилетие 1924—1928 гг. Подготовка перспективного плана по промышленности была начата уже в 1923 г. Разработка первой пятилетки по транспорту относится к 1924 г. Кроме того, мы вынуждены были делать целый ряд отдельных пятилетних прикидок по различным отраслям народного хозяйства: и по элеваторному и холодильному строительству, и по льноводству, и по овцеводству и т. д.

Анализ всех этих работ показывает, как недостаточны были ресурсы планирования при составлении этих отдельных планов и с каким трудом в этой области мы должны были отвоевывать один этап за другим. Несовершенство этих пятилетних прогнозов хозяйственной действительности было еще больше, чем несовершенство наших первых контрольных цифр. Однако уже в марте 1926 г. на съезде президиумов Госпланов мы подвергли дискуссии новую ориентировочную наметку перспективного плана народного хозяйства на период с 1925/26 по 1929/30 г. [1].

Эта дискуссия прежде всего установила всю неотложную необходимость в составлении пятилетнего перспективного плана, дала ряд ценных методологических указаний и пришла к тому конечному выводу, что на первых порах придется ограничиться, по сути дела, лишь контрольными цифрами пятилетних перспектив, причем и таковые во многих хозяйственных разделах будут носить лишь ориентировочный характер. Вместе с тем выяснилось, что работа эта по плечу лишь объединенному активу всех плановых работников нашей страны при деятельном соучастии оперативных хозяйственных наркоматов Союза, республик и областных (краевых) организаций.

В течение 1926 г. и в начале 1927 г. была произведена дальнейшая проработка перспективного плана — теперь уже на пятилетие с 1926/1927 г. по 1930/1931 г., причем и на этот раз актив плановых работников и хозяйственных наркоматов еще не дал необходимого перспективного плана. Рассмотренный на съезде президиумов Госпланов весной 1927 г. перспективный план был признан уже гораздо более близким подходом к разрешению основных задач перспективного планирования [2]. Тем не менее, съезд Госпланов признал необходимым дальнейшую проработку этого плана с учетом дискуссии съезда, причем выяснилась необходимость не в одном, а в не-

[1] Эта дискуссия опубликована в виде самостоятельного издания «Проблемы планирования (итоги и перспективы)», изд. «Плановое хозяйство», М., 1926.

[2] Этот план опубликован в виде отдельной книги «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», Материалы Центральной комиссии по пятилетнему плану, Госплан СССР, стр. 460 + таблицы (224 стр.).

скольких вариантах такой перспективной пятилетки. Одновременно съезд констатировал, что основными стержнями планирования должны являться работы как в области контрольных годичных цифр, так и в проработках тесно между собой связанных пятилетних перспективных планов и генплана. В настоящее время работы во всех этих направлениях в полном ходу. Тем не менее, наши работы по составлению пятилетней перспективы несколько опережают выполнение другой, еще более ответственной, еще более трудной задачи — работы по пересмотру плана электрификации, составленного в 1920 г., по пересмотру генерального плана народного хозяйства сообразно возросшим ресурсам планирования за эти трудные годы первоначального планового строительства.

Съезд Госпланов подчеркнул вместе с тем, что не только отсутствие законченного генерального плана, но и наше запоздание в области экономического районирования вносят существенные оговорки в масштаб тех заданий, которые мы можем принять к исполнению при построении пятилетнего хозяйственного прогноза. Дискуссия последнего съезда вместе с тем показала, что уже те материалы, которыми мы располагаем в настоящее время в области перспективного планирования, вполне достаточны для трактовки по существу основных хозяйственных проблем нашей действительности в перспективе ближайших лет и что даже ориентировочное решение по ряду основных хозяйственных проблем в такой перспективе имеет громадное жизненное значение для всего дела советского строительства в целом.

Мы здесь не останавливаемся на организационном строительстве нашей плановой работы. Достаточно подчеркнуть, что в этой области привлечены к участию уже многие тысячи работников, работающих на самых ответственных хозяйственных постах, причем из года в год партийное ядро увеличивается как по своей численности, так и по своей квалификации. Заканчиваемый в настоящее время сводный доклад Госплана СССР по контрольным цифрам пятилетнего плана представляет, таким образом, первое извлечение обобщающего характера из работ громадного хозяйственного коллектива, поставившего перед собой эту задачу, как мы видели выше, лишь после многих лет предварительных этапов плановой работы в обстоятельствах сложной и трудной борьбы за плановый режим, за действительную победу социалистической целевой установки над мелкобуржуазной стихией.

Плановую работу в СССР нельзя рассматривать исключительно как работу Госплана СССР. Союзный Госплан вовлекает в плановую работу отдельные плановые ячейки ведомств и соответствующие органы республик. По этому пути, по пути консолидации сил наших экономистов и техников вокруг задач планирования, мы можем отметить ряд достижений, которые нельзя, однако, признать достаточными. Работу по углублению и расширению планирования следует в дальнейшем еще больше развить. Однако основная база, общие основные предпосылки для этой, большой важности, работы первого социалистического государства уже созданы. Фронт плановой работы организован, устойчив и имеет все необходимые предпосылки для успешного наступления. Это является азбучной и очевидной истиной для всех. Наши успехи диалектически связаны с успехом социалистического строительства страны. Они им определяются и ему же способствуют. Достижения в области планирования являются одной из основных функций и вместе с тем производным от продвижения страны к коммунистическому строю. Отсюда вся ярость противников планирования — и явных и тайных, отсюда и страстность обсуждения проблем плана и плановых построений, направленных на обеспечение в кратчайшие сроки победы социализма.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО [1]

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

Если отдать себе отчет в ходячем представлении о культурной личности, то для правильной установки необходимо прежде всего отмести обывательское представление о культурности, которое обычно гласит так: «Это — сумма знаний и умений, которая свойственна данной личности».

Такого рода определение — неправильно. Культурность идет от общественности. Известно знаменитое определение, что человек есть «животное общественное». Но общественность человека отличается от животной общественности тем, что человек вооружен в своей борьбе со стихиями природы. Эта вооруженность человека в борьбе со стихиями природы находит свое выражение в росте производительных сил, которыми человечество располагает. Культурность человека поэтому соизмерима с технологической деятельностью. Движение вперед здесь определяется по известной всем формуле К. Маркса в сторону достижения «максимального размаха производительных сил и всестороннего развития человеческой личности». Если модернизовать эту формулу, то короче мы скажем так: культурное движение данного общества вперед определяется степенью подъема его энергетики, т. е. его всесторонней работоспособности.

Если призадуматься над вопросом, в чем состоит и каков культурный вес, или, скажем, культурный индекс, отдельной личности, то в согласии с только что сказанным я должен был бы формулировать ответ на этот вопрос так: «Это — ускорение, которое дается активом данной личности, суммой ее «знаний и умения» для движения общества, в котором он живет, в сторону подъема его энергетики». Вот это и есть решающая величина для измерения культурного веса отдельного человека.

Мы живем еще в таких условиях, когда социальный переворот осуществлен только в пределах нашей страны. Мир в своем большинстве живет еще под знаком стихии вещей, и крупнейшим событием в мировой истории, давшим наивысшее ускорение к победе человека над этой стихией, была наша великая пролетарская революция.

Носителем величайшего культурного сдвига человечества явился класс, тот самый класс пролетариев, обладающий железной революционной волей, который рисуется так называемому цивилизованному миру в образе весьма первобытных существ. Руководителем этого величайшего культурного сдвига был железный стан большевиков, пролетарский революционный авангард, который и дал максимальное ускорение человечества «в сторону наиболь-

[1] В 1928 г. президиумом Коммунистической академии был организован цикл докладов по вопросам культурной революции. Доклад Г. М. Кржижановского, заслушанный первым в этой серии, был издан отдельной брошюрой в 1928 г. под тем же названием (изд. Коммунистической академии, М., 1928, стр. 22).

шего размаха производительных сил и всестороннего развития человека». А такие «культурные личности», которые в отдельных, специальных областях возможно и обладают очень большими «знаниями и умением», оказываются в этом смысле живущими, частенько, с отрицательным знаком.

Сопоставление пятисекундного ускорения, идущего от одного человека, и ускорения полуторавекового, развиваемое активом человечества, показывает, что личность как будто бы находится внизу. Но мы смотрим на события социалистической Октябрьской революции таким образом, что с этого момента начинается глубочайший переворот и в развитии личности. События великой пролетарской революции высвобождают личность. Перед нами открывается громаднейшее поле работы, которая должна осуществить переход в целом ряде этапов от властвования стихии вещей над человеком, от положения человека как объекта стихий, к такому положению, когда он становится властвующим над этими стихиями. Мы говорим, что мы боремся сейчас за плановый хозяйственный режим, за целевые ставки в нашей общественной и хозяйственной деятельности. При анализе хозяйственных явлений мы расшифровываем все то, что запутывает волю человека, что часто заставляет вдаваться в мистику; мы выдвигаем все то, что ставит перед трудящимися людьми определенные четкие, ясные, целевые задания.

Надо сказать, что весь мир охвачен глубочайшим кризисом в этом направлении. Новое зреет, старое отчаянно сопротивляется. В этом — сущность того переходного времени, в которое мы живем. Старое «хватает», где только можно, все новое и живое, что растет на наших глазах. Наиболее мощной лабораторией этого нового является СССР, совершающий пролетарскую переоценку всех ценностей старого капиталистического мира, ставящий в своем общественно-хозяйственном плане гигантские строительные задачи, задачи всего интернационала трудящихся.

Еще никогда человечество не переживало таких глубочайших кризисов, такой решительной ломки старого качества жизни во всех ее разрезах, таких положительных культурных сдвигов.

Характерно, что как раз всегда периоды кризисов сопровождаются жалобами на отсутствие людей. Посмотрите, как полны дневники деятелей Французской революции жалобами на отсутствие людей. Оглядываясь назад, мы говорим: «Какая блестящая плеяда борцов!». В меру глубины нашего переворота, размаха нашей дальнейшей работы по тем вехам, которые поставила нам великая пролетарская революция, мы еще долгие годы будем ощущать «отчаянный» недостаток в людях — подлинных борцах за дело социалистического строительства. Но мы убеждены в том, что именно в силу этих величайших потребностей в организованной людской энергии, в самом развертывании народнохозяйственной работы, будет создаваться как бы попутный ветер для эффективности культурной работы, для воспитания необходимых квалифицированных работников, для выработки тех установок и создания тех условий, какие нужны, чтобы поднять человеческие коллективы на высшую ступень культуры.

Герои создаются потому, что действительность требует этих героев. Но надо сказать, что наши герои — это не те, которых рождают буржуазные революции. Наши герои являются таковыми постольку, поскольку они связаны великими октябрьскими приводами с трудящимися массами, охваченными кипучей динамикой исторического подъема.

Своеобразие нашей обстановки создает и специфические опасности. В грядущем новом мире мы предвидим плановый режим по всем общественно-хозяйственным разрезам. В этом новом мире, мы убеждены, воля человека будет стоять над вещами. Теперь мы только последовательными этапами отвоевываем у стихии ее позиции. Но мы уже и теперь видим, уже теперь наблюдаем, как целевые ставки, которые мы намечаем, шаг за шагом

реализуются на наших глазах. Эта реализация целевых установок, все более и более успешная по мере успехов социалистического строительства, создает некоторый специальный «субъективизм».

Тем, кто стоит в авангарде организованных масс, которые олицетворяют волю этих масс, может казаться, что это именно они и только они поставили эти цели, что именно только их воля, их искусство реализует эти цели. Создается опасность переоценки роли личности. Поэтому так метко замечание нашего вождя т. Сталина: «Вожди не зазнавайтесь!» Но какая же гарантия от таких опасностей, которые могут возникать в этом направлении? Единственная гарантия — в подъеме, в культурном подъеме самих трудящихся масс.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Обычно отмечают три фазы пережитого нами общественно-хозяйственного подъема. Октябрьская революция прокламировала определенные социально-политические установки, соответствующие пролетарскому перевороту. После этого политического переворота началась огромная строительно-хозяйственная работа. Она шла в условиях величайшего кризиса, в условиях постепенного завоевания этапа за этапом важнейших командных, хозяйственных высот. Потом по мере продвижения вперед мы, наконец, дошли до такой полосы, когда так называемый восстановительный период хозяйства прошел, остался за нашими плечами, когда надвинулись задачи решительного преобразования всего общественно-хозяйственного организма. И вот теперь, как раз теперь, назревают события такого рода, когда «третий фронт» — социально-культурный — выдвигается на первый план.

В судьбах Госплана и Наркомпроса имеется некоторый законный параллелизм. Вспомните работу плановых органов в голодные годы, в 1919—1920 гг., когда мы выступили с генеральным планом народного хозяйства, с известным проектом электрификации. Мы затем временно отошли от позиций далекого охвата, так как должны были сражаться в различных отраслях хозяйства за элементарные блага. Вспомните Наркомпрос первого периода, его первое выступление: решительное наступление в сторону целостной трудовой школы и всемерного развития высшего знания. Затем как будто отступление к повседневной практике, к будням. Теперь и работники планирования и просвещенцы должны ощущать, что неизбежен поворот к новому наступлению, к тем целевым задачам, которые охватываются новой полосой хозяйственного строительства — реконструкцией.

Когда подходишь к огромному вопросу о реконструкции хозяйства, то становится ясно, почему создается такое положение, что резкий сдвиг по всему социально-культурному сектору (а высшим звеном этого социально-культурного сектора я считаю плановые органы) неизбежен.

Если попытаться в немногих штрихах очертить задачи реконструкции, то нужно сказать следующее: самая труднейшая задача, стоящая перед нами, — реконструкция нашего отсталого сельского хозяйства.

Директивы XV Съезда ВКП(б) намечают настоящую революцию в области сельского хозяйства. В последнее время в Госплане идет интенсивная работа по пересмотру тех наметок по сельскому хозяйству, которые проектировались в наших прежних вариантах перспективной пятилетки. Ясно, что мы многого недооцениваем. Чтобы говорить более конкретно, приведу вам следующую выдержку из материалов Украинского объединения совхозов:

«В настоящее время нами организованы 24 села площадью в 25 тыс. десятин в крупное механизированное сельскохозяйственное производство. Есть села по 4—5 тыс. десятин, целиком перешедшие на товарищества по обще-

ственной обработке земли и заключившие с нами договоры. Одновременно заключены договоры с четырьмя селами в лесостепи (Уманщины). Нужно сказать, что по мере расширения и углубления этого мероприятия все больше и больше крепнет убеждение, что это самый подлинный и верный (если не единственный) путь к массовому обобществлению сельского хозяйства, к развитию производительных сил в сельском хозяйстве, увеличению товарности, к ослаблению постоянных кризисов, к борьбе с засухой, к интенсификации и пр. и пр. Тот факт, что крестьянство, как никогда, так охотно откликнулось на это мероприятие, что целые села, не переселенческие, а старые, по 200—300 дворов, единогласно отказываются от своего индивидуального хозяйства, от своей межи, от своих вековых навыков и традиций и переходят на эту новую форму производства, — достаточно свидетельствует о жизненности этого мероприятия...

Но для массового своего осуществления это мероприятие требует гигантского напряжения всех наших сил, огромной организационной работы, подлинного внимания партии и нашей советской общественности. Оно требует переподготовки наших агротехнических сил, работающих в области сельского хозяйства, и подготовки новых, выдвижения и создания лучших и талантливых организаторов. Средства нас меньше всего беспокоят; не они являются минимумом. В минимуме будут организационные и технические силы, сознание важности этого дела, умение его проводить без роковых ошибок, без бюрократических и «демократических» извращений и пр. и пр. Нужно честно сказать партии и рабочему классу, что строить социализм в сельском хозяйстве — дело величайшей трудности и сложности, по осуществимое и возможное. Всякое поверхностное и упрощенческое отношение к этому делу равносильно сознательной измене».

На днях президиум Госплана заслушал доклад на ту же тему[1]. Доклад иллюстрировался рядом цифр, из которых ясно, что Украинский совхозтрест, несмотря на первоначальную стадию своих работ, уже сейчас реализует громадное превосходство крупного тракторного хозяйства над раздробленным хозяйством, базирующимся на «коняге».

Из доклада явствует, что дальнейшее движение в этом направлении даст в сравнительно недолгий срок громадный сдвиг сельскохозяйственной продукции Украины и как раз в направлении производства пшеницы, т. е. самого важного для нас зернового продукта. Минимумом в этой важнейшей реконструкции является культурный уровень сельскохозяйственных работников, начиная от персонала, который нужно посадить на трактор, и кончая теми организаторами, которые необходимы для налаживания всего сложного процесса «полеводственной промышленности» в его целом.

Недавно нам пришлось анализировать по докладу сельскохозяйственной секции Госплана те же самые вопросы о необходимых сдвигах в сельском хозяйстве, но уже применительно ко всему Союзу. За время восстановительного процесса элементарные строительные линии в сельском хозяйстве, казалось, так легко было нащупать. Ближайший минимум лежал в тяговой рабочей силе. Отсюда необходимость снабжения рабочим скотом возможно большего числа крестьянских единиц. Однако, что получится, если мы проведем эту линию до конца? Прежде всего оказывается, что если бы мы снабдили каждого крестьянина надлежащим количеством рабочего скота, то получилось бы такое поголовье, на питание которого пришлось бы потратить такую долю продукции урожая, что на долю людей оставалось бы весьма маловато. Оказывается, что без радикальной механизации и реорганизации земледелия нам не выйти из полосы недоедания.

[1] Доклад Украинского совхозтреста состоялся в мае 1928 г.

Кроме того, общие проблемы сельского хозяйства требуют необходимой конкретизации по районам. Отдельные сельскохозяйственные районы страны ставят совершенно специальные задачи. Вот перед нами колоссальный по мощности район заволжских степей. Здесь целые миллионы гектаров пустующих земель. Не забывайте, что производительность этих земель не использовалась целый ряд лет, — перед нами здесь девственная почва, таящая в себе колоссальную потенциальную энергию. Как активизировать эту энергию? Учитывая опыт Украины, сельскохозяйственная секция Госплана проектирует организацию здесь таких же оазисных хозяйств, как совхоз им. Шевченко на Украине, так увлекающий в настоящее время своими перспективами наших товарищей. Огромные богатства таятся в недрах Заволжья. Но если подойти к ним нерационально, по-старинке, то первая же засуха поставит нас перед разбитым корытом. Работники сельскохозяйственной секции Госплана высчитывают, что трактор, пущенный в работу в апреле, к августу уже окупается, но трактор окупается лишь в том случае, если он включен в правильно организованное крупное тракторное хозяйство. А для этого прежде всего требуются громадные организаторские силы. Нужны многочисленные культурные работники.

Возьмем другой огромный рычаг сельского хозяйства — кооперацию. Казалось бы, чего проще использовать советские возможности для охвата кооперацией миллионов трудящихся масс. Но стоит только проанализировать те тормозы, которые стоят на путях такого мощного кооперативного движения, как вы сейчас же увидите, что здесь мы прежде всего наталкиваемся на недостаточный культурный уровень как самих работников кооперации, так и всей крестьянской периферии.

Едва ли не меньшую переоценку ценностей должны мы произвести с точки зрения интересов реконструкции и в громадной области индустриализации. Из года в год все с большей и большей энергией мы реконструируем наши старые заводы, модернизируем их, строим новые заводы, выписываем такие машины, которые являются последним словом техники, приглашаем заграничных инженеров и экспертов. Однако получается ли у нас такой эффект рационализации, на который мы вправе рассчитывать?

Всем известны беды нашего капитального строительства. Заграничная высокая техника наталкивается нередко на такое культурное окружение, которое еще надо преодолеть, чтобы от заграничной аппаратуры перейти к заграничным нормам продукции. В переходный период мы не имеем знака равенства между заграничной аппаратурой и тем человеком, который стоит около этой аппаратуры, а в результате в наших расчетах эффективности реконструкции мы получаем уравнение со многими неизвестными. Разрешить это уравнение может только быстрый массовый культурный подъем.

В общем и целом мы знаем, что недочеты нашей хозяйственной организованности перекрываются чем-то более мощным, что позволяет нам, вопреки всем этим недочетам, двигаться вперед и порой двигаться с неожиданно быстрыми темпами. Это ускорение, несомненно, проистекает из громадной послереволюционой активности трудящихся, которая бьется живительными ключами от событий великой пролетарской революции. Легко, однако, представить себе, как возрастет это ускорение на дальнейших этапах планомерно продуманного, сопряженного хозяйственного и культурного строительства!

Нетрудно было бы показать на примерах хлебозаготовок и на анализе шахтинского дела, как культурный минимум печально отражается в нашей борьбе за новое строительство в самых актуальных вопросах действительности. Если реконструкция означает для всего нашего хозяйства настоящую

техническую революцию, то для осуществления этой революции прежде всего должен быть создан резкий сдвиг на социально-культурном фронте. Культурная мобилизация органически связана со всем процессом хозяйственной реконструкции.

Несомненно, что за истекшую полосу нашей хозяйственной работы мы и на культурно-социальном фронте отнюдь не стояли на одном и том же месте. Но приходится констатировать, что здесь мы имели рассыпной фронт. Движение по старым рельсам таило в себе опасность плохих навыков для нужд преобразовательной работы. Довоенные масштабы, довоенные вехи в значительной степени мирились с тем, что мы называем «ведомственной установкой». Признать наличие такой ведомственности — это значит и признать наличие рассыпного строя. А в этом сомневаться не приходится. Стоит задать себе только вопрос о тех элементах, которые нужно собрать воедино, чтобы увидеть, какие глубочайшие разрывы мы имеем в наличности. В самом деле, каковы те элементы, которые должны выращиваться и придавать особое качество культурному подъему Советского союза? Быть может на первом месте здесь придется поставить самые трудовые процессы, которые протекают в стенах наших фабрик и заводов, в наших совхозах и вообще по всем линиям труда в обобществленном секторе нашего хозяйства. Затем пойдет все то, что так или иначе связано с деятельностью таких органов, какими являются наши наркомтруды, наркомпросы, наркомздравы и разнообразные профессиональные и советские общественные организации. Затем придется учесть те приводы, которыми мы располагаем для организации самого быта, могущего в свою очередь быть творческим началом.

Достаточно, однако, припомнить, что даже в наших плановых органах мы только в нынешнем году приступили к организации социально-культурного сектора во всесоюзном масштабе, чтобы видеть нашу отсталость в синтетической работе. Вероятно, вы все ответите отрицательно, если вас спросить, бывали ли такие случаи, чтобы НКТруд, НКПрос, НКСобес и НКЗдрав почувствовали необходимость собрать свои коллегии вместе, как собратьев по культурной работе, чтобы вместе обдумать главные вехи этой работы. Мы знаем, что в силу разбивки этих органов по республикам в каждом этом разделе собирательный процесс не доведен и внутри них до необходимых стадий, что здесь налицо внутренние разрывы.

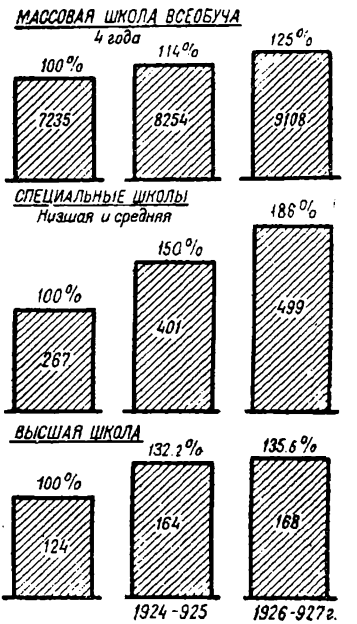
Возьмем работу профсоюзов. Профсоюзы затрачивают самостоятельно на социально-культурную работу около 70 млн. руб. Это составляет 5% от всех расходов по культурному сектору и свыше 10% расходов на просвещение. Однако, прослеживая отношение профсоюзов к НКПросу, приходится признать, что они в значительной степени живут «своим домком».

Беру такую деятельность, как заочное обучение. Американская практика показывает, каким громадным рычагом может оказаться такая деятельность. У нас заочное обучение фактически еще не получило даже минимального разворота. Еще слабее обстоит дело, когда от организаций советских мы переходим к общественным организациям. Здесь уже полнейший перекрестволь. Отсюда слабость культурных темпов в важнейших направлениях.

Сравним развитие радио и развитие кино у нас и за границей, и мы увидим, как мы колоссально отстали. Между тем, трудно переоценить значение этих рычагов для воздействия на чувство и сознание широчайших народных масс! Разве не поразителен по своей отрицательности тот, например, факт, что такое общество, как «Долой неграмотность» в 1925 г. имело 1 400 тыс. членов, а в 1928 г. — 1 200 тыс. членов. Наши киноорганизации имели в 1927 г. по РСФСР всего 3 500 стационарных установок, из которых 50% — коммерческих. Общество «Друзей радио» имеет всего 170 тыс. членов — это в такой-то громадной стране, как СССР! Все это говорит о том, что мобилизация культурных сил еще впереди.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Перед вами ряд графиков, иллюстрирующих и наши положительные достижения на социально-культурном фронте. На фиг. 21 мы имеем сводку данных по школьному обучению. Количество учащихся в массовых школах Всевобуча (1—4 года) возросло с 7 235 тыс. в 1914 г. до 9 108 тыс. в 1926/27 г., т. е. довоенный уровень превзойден на 25%. Здесь мы уже несколько опережаем в подъеме и те темпы, которые намечаются в особо оживленных областях нашего хозяйственного строительства. Число учащихся в специальных низших и средних школах до войны было 267 тыс., теперь оно возросло до 499 тыс., т. е. на 80%. В высшей школе контингент поднялся с 124 тыс. до 168 тыс., т. е. на 35,5%.

Фиг. 21.

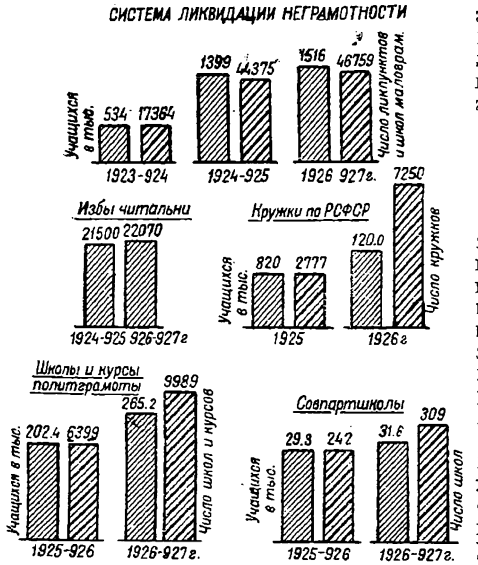
Еще показательней рост политико-просветительных учреждений.

На фиг. 22 (стр. 234) мы видим, что изб-читален свыше 20 тыс., кружков по РСФСР свыше 7 тыс., школ и курсов политграмоты около 10 тыс., совпартшкол свыше 300 с контингентом свыше 31 тыс. Как ни недостаточны наши успехи по ликвидации неграмотности, тем не менее, не нужно забывать, что в 1926/27 г. мы имели около 47 тыс ликпунктов, через которые прошло в этом году полтора миллиона учащихся.

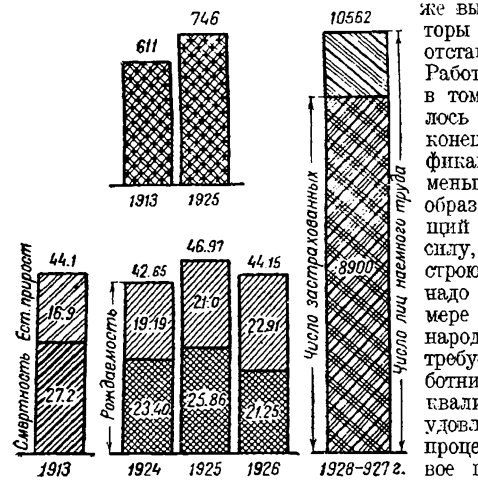
По количеству печатных произведений (названий) мы уже занимаем второе место. За 1925 г. на первом месте была Германия с 32 тыс. названий, на втором мы — с 23 тыс. названий.

В показателях по рабочему образованию можно отметить, что школами фабзавуча охвачено 86 тыс. учащихся, в ремесленных мастерских — 19 тыс., на профессиональных курсах для рабочих — 40 тыс., в школах крестьянской молодежи — 19 тыс., в рабочих университетах — 8 тыс. учащихся. Как ни скромны эти цифры, но все же они представляют огромный качественный сдвиг.

На фиг. 23 (стр. 234) мы видим характерные данные по разделам здравоохранения и соцстраха. Обращаемость населения за медицинской помощью на 1 тыс. душ населения в 1913 г. отмечалась 611 случаями, в 1925 г. она уже возросла до 746. Рождаемость на 1 тыс. душ населения превышает 44, смертность падает с 27 в 1913 до 23 в 1927 г. Естественный прирост населения на 1 тыс. человек в 1913 г. составлял 17 человек, в 1926 г. — около 23. Известный европейский демограф проф. Кучинский, недавно побывавший в Госплане, констатировал, что на всем Западе наблюдается как раз обратное явление — резкое падение прироста населения. Не только одна Франция, но уже и Германия и Англия тяготеют к стабильности населения. Прирост нашего населения, по словам этого европейского ученого, таким образом, является исключительным.

Фиг. 22.

Фиг. 23. Динамика здравоохранения и социального страхования.

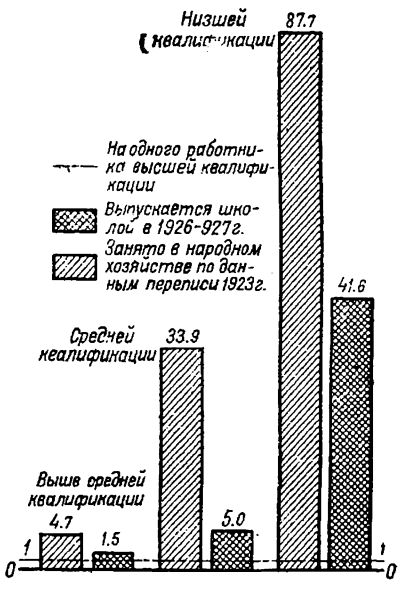
Данные Соцстраха показывают, что в 1926/27 г. из 10 562 тыс. общего количества лиц наемного труда 8 900 тыс. принадлежало к категории застрахованных.

НАШИ БЕДЫ

Посмотрим, каковы должны быть основные пропорции, призванные увязывать воспроизводство квалифицированной рабочей силы с жизненными потребностями. К сожалению, мы не имеем здесь пока точного статистического учета. Однако, сопоставляя данные городской переписи за 1923 г. с числом школьной продукции из расчета на одного работника высшей квалификации по фиг. 24 (стр. 235), мы можем проследить основные диспропорции. По данным переписи на одного работника высшей квалификации приходилось работников выше средней квалификации — 4,7, школа же выпускала в 1926/27 г. всего полторы единицы. Таким образом здесь отставание более чем в три раза. Работников средней квалификации в том же расчете фактически имелось 33,9, школа выпускает 5. Наконец, работников низшей квалификации мы выпускаем в два раза меньше (41,8 против 87,7). Таким образом строй школы, подготовляющий квалифицированную рабочую силу, не отвечает современному строю народного хозяйства. А ведь надо принять во внимание, что по мере углубления реконструкции народного хозяйства от школы потребуется еще большее число работников средней и выше средней квалификации. Школе будет трудно удовлетворить эти требования — процесс учебы длителен. Наше первое предупреждение — спешить со сглаживанием этих диспропорций в школьной продукции.

Последнее время вопрос о фактическом состоянии грамотности освещен целым рядом работ. Н. К. Крупская опубликовала прекрасную порайонную сводку показателей грамотности, по которой она с тревогой отмечает некоторую стабилизацию грамотности.

На фиг. 25 (стр. 236) приведены данные как по отношению ко всему населению в целом, так и по рубрикам — возрастным и городского и сельского населения. Белым полем отмечаются процентные величины неграмотных. Вы видите, что по отношению к городскому населению эти белые колонки представляют уже небольшие величины, в особенности в рубрике самого эффективного по работе возраста: 18—33 года. В деревне белые колонки растут. Колонка женщин повсюду представляет особенно отсталую величину. Думается, что если бы работа по ликвидации неграмотности, т. е. та работа, при которой требуется самый небольшой расход средств — 9 с небольшим рублей на душу, была более эффективна, то в городах уже в скором времени мы могли бы достигнуть полной ликвидации неграмотности.

Фиг. 24. Диспропорции в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы.

Прослеживая темпы движения вперед наших четырехлеток и семилеток, казалось бы, что можно надеяться на быстрейшее осуществление для всего городского населения всеобщности обучения в семилетке, чем для населения сельского — в четырехлетке. По отношению к сельской четырехлетке надо в особенности отметить еще один отрицательный момент — потерю его контингента с каждым последующим годом обучения. Таким образом полный курс четырехлетки в деревнях проходится лишь небольшой частью поступающих. С этим надо покончить.

Фиг. 26 на стр. 237 иллюстрирует положение с общим образованием в США. Школа II ступени охватывает там в настоящее время свыше 80% всего детского населения в возрасте от 5 до 17 лет. За 30 последних лет число учащихся в низших и средних профтехнических учебных заведениях возросло в восемь раз и выражается контингентом свыше 600 тыс. чел.[1].

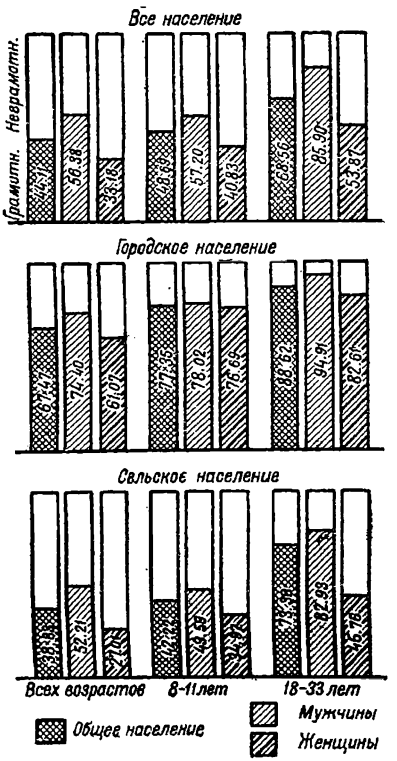
---

[1] В настоящее время положение в США резко изменилось. Отмечаемая полоса подъема, начиная с 1930 г., сменилась длительной полосой упадка, особенно в начальной школе. Вот некоторые показатели, приведенные в конце 1935 г. в журнале «School and Society» (США): приходная часть бюджета средней и начальной школы в 1934/35 г. по сравнению с 1929 г. уменьшилась более чем на 400 млн. долларов; в 18 штатах закрыто 2 400 школ, а в ряде других учебный год сокращен на несколько месяцев. Ученики многих начальных школ не имеют ни учебников, ни письменных принадлежностей.

Обратное положение в СССР. Достаточно отметить, что на массовое просвещение в 1935 г. у нас было израсходовано 4 749 млн. руб., а по плану 1936 г. принята цифра в 6 491 млн. руб., т. е. прирост в 36,7%.

У нас сеть профессионально-технических низших и средних учебных заведений охватывала в 1927/28 г. всего 168 тыс. чел.

Медленные темпы роста культурности населения, несомненно, затрудняют нашу борьбу с алкоголизмом. На фиг. 27 сопоставлены расходы на культурные потребности и алкоголь по бюджетам семейных рабочих и служащих (в червонных рублях и в процентах ко всему бюджету). Вы видите, в какой обратной пропорциональности стоят расходы на культурные потребности и на алкоголь в той и другой группе. Если подсчитать производственное значение этих «алкогольных» цифр, то легко будет убедиться в их громадном отрицательном значении для народнохозяйственного баланса[1].

Фиг. 25.

Достаточно привести эти основные справки, чтобы видеть, какое здесь поле для необходимой статистико-экономической разведки. Приходится констатировать, что наша статистика недостаточно помогает нашим работникам на культурном фронте, а порой дает даже такие показатели, которые рисуют неверную перспективу. Поражает прежде всего слабость самой статистики культурного строительства. Фактически мы имеем за год закрепленную сеть просветительных учреждений, позволяющую сделать своевременные и точные подсчеты. Между тем, подсчеты статистиков даются с опозданием на год и притом с рядом экстраполяций и произвольных вычислений. Вся сеть учреждений научных выпадает из поля зрения организованной статистики. Статистика труда — это важнейшее дело — еще ищет своей методологии.

[1] Как резко изменилось положение в настоящее время (1935 г.), можно судить по следующей многозначительной иллюстрации, которую нарком пищевой промышленности т. Микоян приводил в своей речи на Всесоюзном совещании стахановцев (ноябрь 1935 г.).

«В 1935 г. водки продано меньше, чем в 1934 г., а в 1934 г. меньше, чем в 1933 г., несмотря на серьезное улучшение качества водки. Это единственная отрасль производства Наркомпищепрома, которая идет не вперед, а назад к огорчению работников нашей водочной промышленности.

Но ничего, если огорчаются наши спиртовики, ничего, что народ в городе и деревне пьет все меньше и меньше водки. Это хорошо. Тов Сталин давно нас предупреждал, что с культурным ростом страны уровень потребления водки будет падать, а будет расти роль и значение кино и радио.

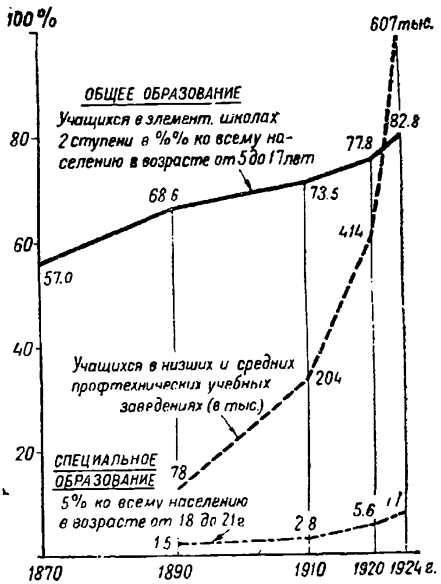
Но и спиртовикам огорчаться нечего. Спирт пойдет все в большем и большем количестве на производство каучука и на другие технические нужды.

Страна наша теперь предъявляет новые требования: она требует патефоны, пианино, кино, радио. Страна все в большей мере живет новой культурной советской жизнью».

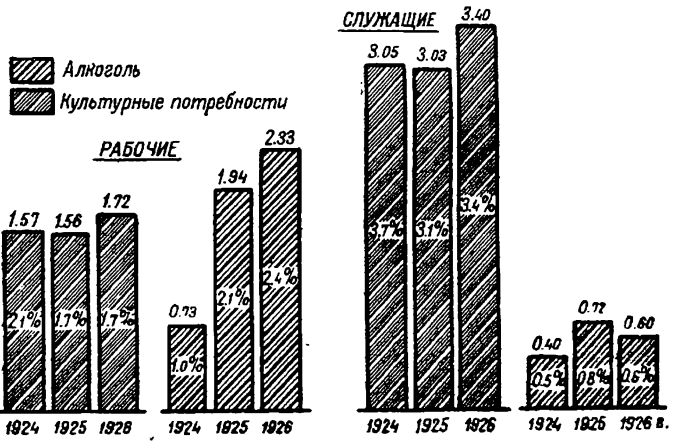
Разделение рабочей силы на квалифицированную, полуквалифицированную и неквалифицированную приводит к смешению руководящих и низкоквалифицированных групп. В результате получаются затемненные выводы. Выходит, например, что у нас в 10 основных группах промышленности квалифицированных рабочих 71%, между тем, немецкие статистики считают для своей металлургии процент квалифицированной силы 27 уже страдающим преувеличением.

Повидимому, для того чтобы уяснить сдвиги в самом составе рабочей силы, необходимо иметь, по крайней мере, пять групп для учета: рабочие низшей квалификации, рабочие выше низшей, средней, выше средней и высшей квалификации. Научные силы должны подсчитываться отдельно и подробно.

Фиг. 28 на стр. 238 характеризует положение с детскими домами. В 1921 г. — громадный подъем как числа детских домов, так и их контингента. Своего максимума — 451 тыс. — этот контингент достиг в 1922 г. В настоящее время он упал до 200 тыс. Несмотря на все исключительные обстоятельства 1921/22 г. едва ли это падение может быть мотивированным.

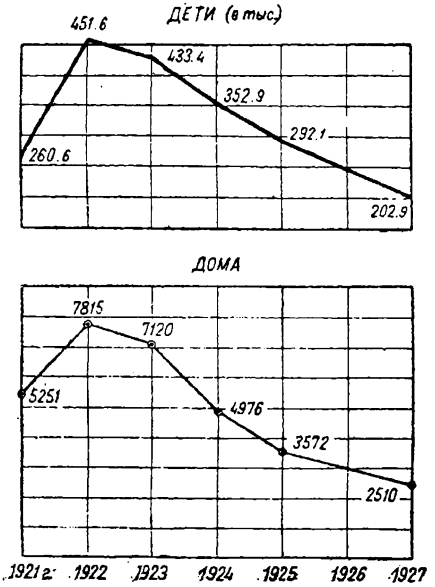
Фиг. 26. Состояние общего образования в США.

Фиг. 27. Расходы на культурные потребности и алкоголь.

УСТАНОВКИ

Каков должен быть основной подход к проблемам культурного строительства? Мы называем себя республикой труда, и все наши задачи, по сути дела, сводятся к задачам расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы с ее все углубляющейся социалистической реконструкцией. Отсюда «все качества». Отсюда связь всей культурной работы с основными показателями наших перспективных народнохозяйственных планов. Отсюда необходимость быстрейшего нажима на культурное строительство, ибо в этом направлении не дремлет и капиталистическое окружение. В Германии, например, в настоящее время проводится закон об обязательной переквалификации всей действующей рабочей силы на фабриках и заводах[1]. Вот несколько любопытных справок из соответствующей немецкой литературы. Еще в 1918 г. представитель союза немецких машиностроительных заводов Липпарт писал: «Германия в смысле обеспеченности квалифицированной рабочей силой стояла впереди других стран и достигла значительных результатов. В настоящее время наши враги, несомненно, нас хотят опередить, этого допустить нельзя».

Фиг. 28. Детские дома.

На Кассельском съезде инженерно-технических работников по профессиональному образованию в 1921 г. выносится резолюция: «Профессиональное образование должно стать достоянием всех и каждого, поскольку ближайшие и важнейшие обязанности государства в настоящий момент являются наиболее разумной эксплоатацией народной энергии».

Вальтер Ратенау говорит: «Национальное богатство Германии заключается в статистически учтенном количестве рационально организованных человеко-часов».

Обращаю особое ваше внимание на работу т. Струмилина: «Хозяйственное значение народного образования». Он пытается произвести расценку трех элементов, влияющих на квалификацию рабочих: возраста, промышленного стажа и образования. Изолируя воздействие каждого из этих факторов, т. Струмилин получает ряд интереснейших выводов. Разделы физического труда и труда служащих выделяются здесь своеобразными показателями. Однако и в той и другой группе возрастный закон сохраняет свою силу:

[1] В современной фашистской Германии закон о переквалификации давно отменен. Система же трудовых лагерей, являющаяся по существу формой грабительской эксплоатации рабочих и трудящихся масс и одновременно военной подготовкой, проводимой фашистами, не предъявляет спроса на квалифицированную рабочую силу.

наиболее эффективным человеческим возрастом является период от 30 до 40 лет. Исследования физического труда показывают, что здесь решающее значение имеют первые четыре года предварительного школьного обучения, причем даже не все четыре года в одинаковой степени, но в некоторой убывающей прогрессии. Первый год образовательного ценза поднимает квалификацию таким образом, что год школьного образования дает прирост в квалификации в 2,6 раза больше, чем год заводского стажа.

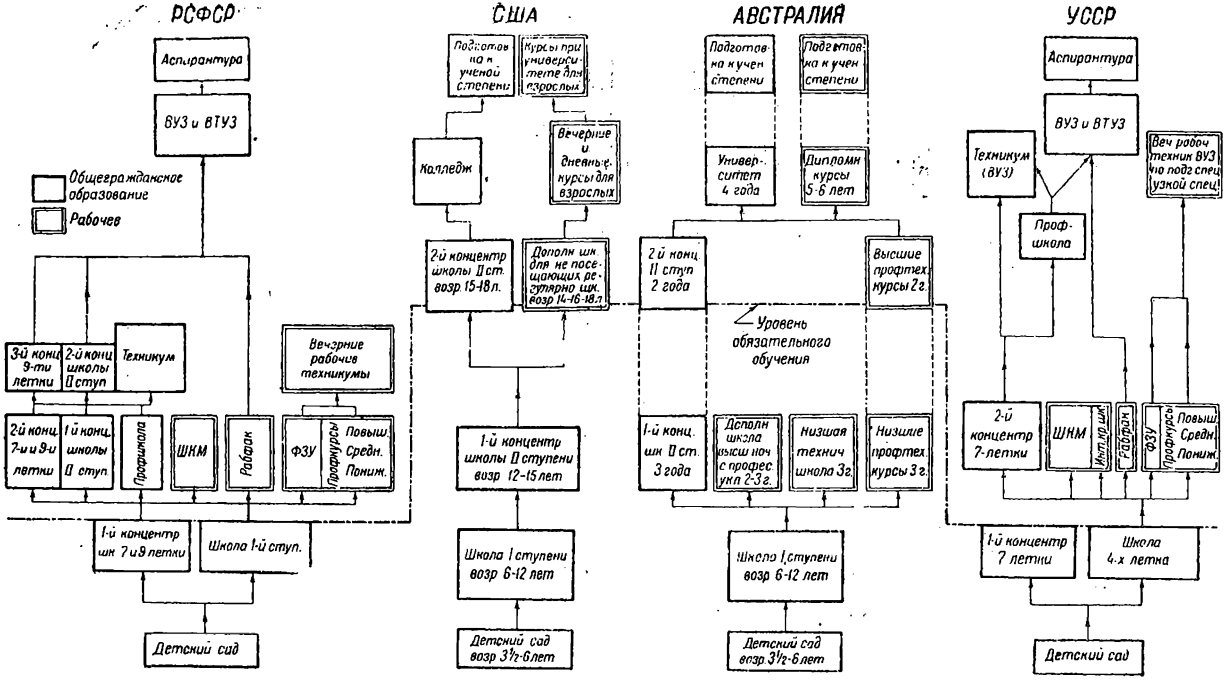
По расчетам Струмилина выходит, что наш неграмотный чернорабочий заработал бы за всю свою рабочую жизнь (37 лет) 10 434 руб. Первый год образовательного стажа дает прибавку в 1 565 руб., второй — 1 200 руб., третий — 782 руб. и четвертый — 574 руб. Выгоды от повышения продуктивности труда превышают соответствующие затраты государства на школьное обучение в 27,6 раза. При этом капитальные затраты государства окупаются с лихвой уже в первые полтора года, а в течение следующих 35,5 лет государство получает ежегодно чистые барыши на этот капитал в размере 73% годовых. Эти выводы настолько важны, что ЦСУ следовало бы немедленно предпринять по методу т. Струмилина соответствующую проработку намеченных им тем.

На фиг. 29 мы даем небольшую схему, сопоставляющую системы образования у нас, в США и в Австралии. Здесь прежде всего бросается в глаза пониженный уровень нашего обязательного обучения. Схема вместе с тем иллюстрирует гораздо большую стройность и последовательность учебных серий на Западе, чем у нас. Мы видим, как по линии рабочего образования в РСФСР и в УССР подъем вверх отличается конструктивными разнообразиями и некоторыми «тупиками».

На фиг. 30 приведено сопоставление расходов по государственному бюджету у нас и на Западе и отдельные расходы по местному бюджету на социально-культурные нужды. Государственный бюджет очищен от статей транспорта и связи, т. е. представляет то, что мы называем «нетто-бюджет». За период от 1925/26 по 1927/28 г. он возрос с 2 088,3 млн. до 3 600,6 млн. руб. Вы видите, что доля расходов на культурный сектор хотя и возросла в абсолютном выражении, но в процентном снизилась с 10,5 до 9,5%. Зато расходы по местному бюджету возросли за тот же период на весь социально-культурный сектор в размере с 35,7 до 41,4%. Следует иметь в виду, что восстановительный период в местном хозяйстве еще не закончился. Это отражается, между прочим, в гораздо большем росте расходов местного бюджета на производственные нужды, чем на культурно-социальный сектор. В РСФСР, например, расходы на хозяйственно-производственные нужды с 1925/26 до 1926/27 г. возросли на 79%, а на социально-культурные нужды — всего на 30%.

Оценивая все поле наших работ по подготовке квалифицированной рабочей силы, приходится признать, что затраты на школьное дело и школьное строительство должны быть отнесены к рубрике капитального строительства. Потребительская точка зрения здесь должна быть резко отброшена. Здесь требуются сроки в 12—15 лет для того, чтобы подвести итоги эффективности сделанных вложений. Уже по одному этому обстоятельству подведение таких итогов является весьма нелегким делом. В этой области также придется подумать о специальном районировании школьного дела, о связи этой школы на всех ее ступенях со специальными нуждами районов.

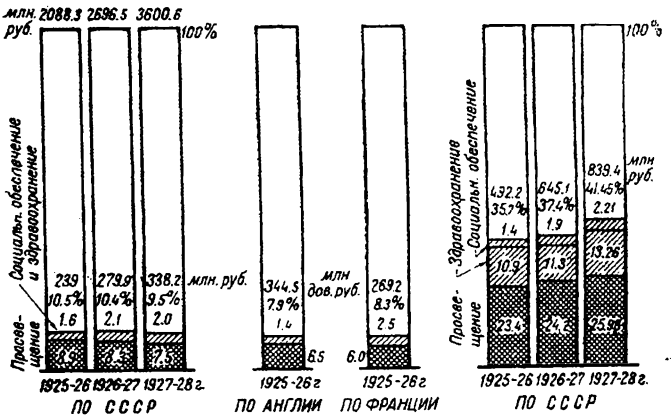
Нам придется также подумать о связи воедино всех тех рычагов культурного воздействия на действующую рабочую силу, о которых мы говорили выше. Здесь и вопросы переквалификации, и всяческих курсов, и институтов вроде Центрального института труда, и использования самих трудовых процессов на фабриках, заводах и совхозах и т. д. Наше обобществленное

Фиг. 29. Система образования в СССР, США и Австралии.

хозяйство позволяет надеяться на наши громадные преимущества для беспрепятственного, быстрейшего продвижения на социально-культурном фронте.

Капиталистический мир, бросая средства на народное образование и повышая квалификацию пролетариата, одновременно повышает наступательные средства своего собственного могильщика. Подготовляя квалифицированную армию нашего труда, мы удовлетворяем как раз те наши насущнейшие потребности, которые не имеют никаких внутренних противоречий. Мы создаем, таким образом, новые возможности для захвата командных постов во всем советском механизме теми элементами, которые в условиях

Фиг. 30. Сопоставление бюджетов СССР, Англии и Франции.

диктатуры пролетариата с особым успехом и могут и должны вести нашу страну вперед.

Наше расточительство трудовой энергии есть пережиток. Расточительство этой энергии на капиталистическом Западе — законный атрибут капиталистического строя. Вопрос о сокращении рабочего дня решается нами отнюдь не с точки зрения корыстной эксплоатации труда, к которой прикован капиталистический Запад. Вопрос о трудовом сроке является для нас столь же законным, как и вопрос о сокращении рабочего дня.

Недавно в Германии была выпущена четвертым изданием книга проф. Баллода о государстве будущего. Как ни плоха политическая установка этого автора, его экономические расчеты чрезвычайно интересны. Они поучительными цифрами иллюстрируют громадные потенциальные возможности обобществленного хозяйства. Грубо можно принять, что этими подсчетами доказан 9—10-летний трудовой стаж для каждого работника Германии в случае осуществления обобществления ее хозяйства. Что этот срок не будет особенно велик при фактическом осуществлении планового режима в нашем хозяйстве, в этом сомневаться не приходится.

В нашем обзоре мы в далекой степени не исчерпали всей темы. На наших диаграммах отмечен целый ряд пятен черного цвета, подлежащих быстрейшему изживанию. Работа предстоит трудная и большая, но победа не за горами. В чем залог этой победы? Вспомните, как Владимир Ильич

говорил, чем была обеспечена наша победа на военном фронте. Победа была обеспечена концентрацией ленинской воли. Для победы на хозяйственном фронте он рекомендовал ту же концентрацию воли, отмечая, что самые хозяйственные цели влекут нас к себе более непосредственно, чем успехи в военном деле. В работе на культурном фронте мы имеем еще более привлекательную ставку — самого человека. И победить мы здесь можем только тем же методом — методом концентрации наших воль. Что значит осуществить культурную революцию для СССР, для этой лаборатории пролетарской переоценки ценностей? Трудно преувеличить значение этой целевой ставки. Наша победа на культурном фронте — это победа всего Коммунистического интернационала.

ЛЕОНИД КРАСИН[1]

Телеграф принес горестную весть о кончине крупнейшего деятеля нашей партии и Советского государства, одного из ближайших соратников Ленина — товарища Леонида Борисовича Красина.

Врагам Советского союза есть полное основание радоваться: эту потерю не скоро удастся возместить, ибо люди такого калибра вырастают лишь в сложном процессе длительного исторического подбора.

Неоднократно приходилось беседовать мне с Владимиром Ильичом о Леониде Борисовиче и при этом всегда констатировать особое расположение Владимира Ильича к т. Красину. Владимир Ильич высоко ценил многостороннюю красочную талантливость Леонида Борисовича, его кипучую энергию, его волевую самособранность, его особую работоспособность и, наконец, его всегдашний отклик на зов пролетарской борьбы.

Человек широкого размаха и дальнозоркой перспективы, с недюжинными организаторскими способностями, мужественный, смелый до бесстрашия и весь проникнутый здоровым оптимизмом революционера, Леонид Борисович успел выявить себя чрезвычайно многосторонне и чрезвычайно эффектно за сравнительно краткий пятидесятишестилетний срок своей жизни. В этих беглых строках я отнюдь не берусь подвести итоги этой многозначительной жизни, я хочу лишь немногими штрихами отметить самое главное, самое существенное в моих личных воспоминаниях об ушедшем товарище.

Впервые встретиться с Леонидом Борисовичем мне пришлось в начале 90-х годов, в стенах Петербургского технологического института. Это был удивительно одаренный, необыкновенно красивый юноша, уже и тогда явно превращавшийся в лидера передовой молодежи. Казалось, этому юному орленку был отпущен неистощимый запас и духовных и физических сил. Блестящий ораторский талант, гибкая и тонкая аргументация, необычайная внешняя привлекательность как-то сразу выделяли его в пестрой толпе тогдашнего студенчества, и он сразу казался на голову выше других. Тяжелый груз технологических наук он преодолевал с такой же легкостью, с какой переплывал в те времена могучий поток Волги под Казанью.

Помню, что во время исключения его из института за участие в демонстрации на похоронах писателя Шелгунова нам, студентам, было известно, что дирекция института сожалела о потере этого исключительного студента, несмотря на то, что еще «вчера» Леонид Борисович выступал в качестве лидера студенчества с яркими, обличительными речами против того же начальства в имевшей тогда место общестуденческой забастовке. Администрации института прекрасно было известно, что Леонид Борисович исключался, так сказать, по сумме причин, в которых шелгуновская демонстрация была лишь частностью. Леонид Борисович уже и тогда был не только лидером революционного студенчества. Он был определенно одним из главарей

[1] Статья, напечатанная в сборнике «Леонид Борисович Красин», Истпарт, ЦК ВКП(б), Госиздат, 1928, стр. 276—287.

того подпольного революционного марксизма, видевшего центр тяжести революционной борьбы не в студенческих движениях, а в движении пролетарских масс, которое тогда лишь начинало формироваться в северной столице. Однако обаяние этого юноши было настолько велико, что ему не могли не отдать должного даже и его противники.

Проходят годы первой ссылки, и Леонид Борисович возвращается к учебе, быстро превращаясь в блестящего инженера. Здесь ему на выручку приходят и его немалая уже в те времена общая образованность, его подготовка как диалектика-марксиста, а также его исключительное умение «мыслить геометрически», работать чертежами и счетной линейкой. Перед ним все более развертываются возможности блестящей административно-технической карьеры. С ним работать как-то особенно весело, легко и приятно, и персонал работает с ним в каком-то особенно согласованном аккорде, что называется — не за страх, а за совесть. Он сразу становится авторитетным практическим работником в области прикладной электротехники; но его натура борца попрежнему тянет его совсем не в сторону этого, так легко ему дающегося, благополучия технической карьеры. Блестящий инженер, ближайший друг и сотрудник широко известного инженера Р. Э. Классона, Леонид Борисович продолжает и в этот период своих бакинских работ ту подпольную, марксистскую работу, которую он начал в кружках Питера вместе с тт. Брусневым, Цивинским и др.

В истории нашей Коммунистической партии не умрет память о первых организациях «Искры» и о той великолепной, по тогдашним временам, бакинской подпольной типографии, которые так тесно связаны с самоотверженной работой блестящего инженера Красина.

До сих пор в моей памяти ярко живут обстоятельства встречи с Леонидом Борисовичем тех времен, когда я в качестве работника первого Центрального комитета РСДРП вступил с ним в непосредственные переговоры и когда он с такой охотой откликнулся на предложение вступить с нами в ближайшее сотрудничество. Лишь с его помощью нам удалось тогда быстро напечатать в бакинской типографии первомайскую листовку, служившую одновременно своего рода манифестом первого Центрального комитета партии.

Не раз в те времена при том или ином провале наших подпольных формирующихся организаций следы явным образом вели к центральной фигуре Л. Б. Красина, немало смущая тогдашнюю жандармерию, ибо трудно было предположить, чтобы такой блестящий инженер мог итти на столь отчаянный риск.

Революция 1905 г. застает Леонида Борисовича уже в Питере, где он играет роль незаменимого помощника Владимира Ильича. Его краткое пребывание на службе у известного Саввы Морозова вводит его в круги тогдашнего фрондирующего либерального московского верха, а его личная обаятельность завоевывает ему широкие симпатии в тех артистических кругах Москвы, которые в дальнейшем неоднократно помогали нашему первичному партийному строительству материальной, а иногда и личной поддержкой. А наряду с этим т. Красин организует подпольную типографию на Лесной улице в Москве и подкоп (неудавшийся) Бутырской тюрьмы для освобождения товарищей.

В Питере Леонид Борисович быстро становится одним из крупнейших инженеров электротехнического мира и занимает такой пост[1], при котором даже и опытным царским сыщикам как-то трудно было сочетать его образ с дружбой с известным кавказским смельчаком-революционером Камо,

[1] Л. Б. Красин в этот период был заведующим кабельной сетью Электрического общества в Петербурге.

вписавшим свое имя в историю нашего революционного движения, между прочим, и «дерзкой» экспроприацией тифлисского банка и личным участием в опытах по взрыванию бомб македонского образца на шхерах Финляндии.

Однако всему бывает предел, и на наших глазах шпионская слежка за Леонидом Борисовичем приняла в Питере такие размеры, что пришлось всячески уговаривать Леонида Борисовича принять сугубые меры осторожности и перенести свою личную квартиру в Финляндию.

Вспоминаю отчаянное время ареста Леонида Борисовича в Финляндии, когда ему приходилось сидеть в тюрьме под прямой угрозой виселицы, а его ближайшим друзьям спешно заметать явные приметы его тифлисской работы в охваченной черной реакцией столице. Ни в чем не повинные трансформаторные будки этой столицы видели в те времена в своих укромных уголках немалые кипы знаменитых тифлисских пятисотрублевок. Зато какая глубокая радость охватила всех нас при известии о спасении Леонида Борисовича из выборгской тюрьмы и его спешном переезде за границу!

Здесь он быстро становится видным инженером мировой фирмы Сименс-Шуккерт, продолжая в то же время партийную работу в кругах тогдашней эмиграции. Богатые лингвистические способности и безусловный талант инженера-практика на этот раз поднимают его на такие верхи инженерного мира, что вновь становится возможным легальный возврат в Россию. На этих верхах инженерного мира застает его и тот зов великого красного Октября, повинуясь которому, Леонид Борисович кончает со своей инженерной работой и становится в ряды ближайших сотрудников Ленина.

Пролетариат не забудет работы Леонида Борисовича в первый период военных гроз над республикой советов, не забудет его неустанной боевой работы в первом Совете труда и обороны, его подбадривающей энергии в качестве первого Чусоснабарма. Точно так же будут исторически памятными его труды в качестве одного из первых наркомов транспорта в тот период, когда этот транспорт был главным полем борьбы огнем и мечом. Но особенно четко выявилась колоссальная работоспособность Леонида Борисовича на его последнем посту — в качестве комиссара внешней торговли и посла в Лондоне.

Если покойный Ф. Э. Дзержинский был подлинным рыцарем индустриализации, то про Л. Б. Красина мы можем сказать, что он был таким же рыцарем монополии внешней торговли. В настоящее время нам с каждым годом становится все более и более ясным, какую громадную роль во всей нашей экономике призвана сыграть эта государственная централизованность нашей внешней торговли. Не подлежит сомнению, что при всех недостатках этого грандиозного аппарата нашей внешней торговли лишь наличность его помогла нам осуществить такое чудо (с точки зрения наших врагов), каким являлось создание нашей твердой валюты. А ведь эта твердая валюта является одним из главнейших оплотов всего нашего социалистического строительства. Между тем, было время, когда горячая страстная убежденность Леонида Борисовича немало помогла справиться с колебаниями некоторых в этом вопросе и признать в монополии внешней торговли одну из основных командных высот нашей экономики.

Едва ли не главной бедой Леонида Борисовича была его удивительная доверчивость к людям, которая, казалось бы, не находилась ни в какой увязке с его разнообразным и большим чутьем практического работника. А между тем психологически эта сугубая доверчивость легко объяснима. Будучи сибиряком по происхождению, Леонид Борисович сочетал в своем духовном облике простую, стройную и ясную гармонию основных положительных черт. Ему была чужда всякая мелочность, всякий подход с задней мыслью, и поэтому ему так трудно было заподозрить в этом направлении окружающих его. А работать ему приходилось на торговом поприще, где,

как известно, моральная обстановка далеко не из лучших. Трудно себе представить, как много горечи пришлось испытать Леониду Борисовичу в этом труднейшем строительстве первых редутов Внешторга и как много богатырских сил его ушло на это дело. Одно несомненно: это именно он поднял дело Внешторга из небытия до той высоты, на которой оно является ныне фактором мирового товарооборота. И если положить на одну чашу весов все ошибки и недоделки неустанного работника, а на другую — его положительное творчество, то эта вторая чаша на много и много перевесит первую...

За границей мне пришлось поработать вместе с Леонидом Борисовичем на Гаагской международной конференции. Здесь я воочию убедился, каким громадным престижем пользовался красный инженер и красный дипломат т. Красин даже у самых злобных наших противников, с каким превосходным умением умел парировать он разнообразные удары, со всех сторон направлявшиеся против цитадели мирового революционного пролетариата. Казалось, что он еще был только в расцвете своих сил, что он еще долгие годы сможет с прежней щедростью тратить эти силы...

Ушел он от нас, во всяком случае еще в далекой степени не исчерпав богатейших даров своей духовной природы, ушел как раз в такое время, когда там, на лондонском посту, он был бы для нас особенно нужен и ценен...

Пишу эти беглые строки с глубоким горем в душе. Нет большего горя, как видеть открытые могилы друзей. Но я убежден, что эту скорбь разделяют со мной миллионы работников Советского союза, прощающиеся в эти минуты с пламенным, отважным поборником интересов строительства коммунизма.

Неоднократно приходилось мне беседовать о Леониде Борисовиче с нашим другом-вождем Владимиром Ильичом. Никто не умел проводить такой верный «баланс» человеческой личности, как именно он — глубокий аналитик и несравненный стратег-практик. В этих беседах всегда выявлялось одно: «актив» Леонида Борисовича на точных весах Владимира Ильича на много и много превосходил его «пассив». А ведь Владимиру Ильичу самолично приходилось испытывать, неоднократно болезненно испытывать, эти черты из «пассива» многогранной, боевой и стремительной, но не столь глубокой по «анализу», сколько активной по «синтезу» личности Леонида Борисовича: его примиренчество в годы первого ЦК, его «ультралевизну» в период впередовцев, его колебания в 1917 г.

«Необыкновенно талантливый, одаренный человек Леонид Борисович, — подводил итоги Владимир Ильич, — да и постоять за себя умеет. Не всякий рискнет так хлопнуть дверью в нашем ЦК, как это не раз проделывал Леонид Борисович...».

Никогда, ни разу не жаловался Владимир Ильич на Леонида Борисовича.

«Да, пришлось мне за ним поухаживать, как за барышней», — вот максимум упрека, который я слышал от Владимира Ильича по адресу Леонида Борисовича.

Есть люди «эллины» и люди «иудеи» — гармоническое всестороннее сочетание положительных даров природы, могущие дать такой легкий уклон в сторону эпикурейского восприятия жизни и резкие черты страстно-верующего подвижничества — дорога к стоику.

В Леониде Борисовиче прихотливо сочеталось и то и другое, но первого было больше.

На гранях переходного периода, в подъемах пролетарских боев и осуществления пролетарской правды, будут наблюдаться все более и более глубокие прорывы в тех лагерях, кои окружают пролетарский мир. Анатоли Франсы и Ромэн Ролланы — это лишь первые наиболее крупные и блестящие кристаллы, отпавшие от буржуазной среды... Весь этот выпад-распад знает

свою сложнейшую гамму человеческих чувств, ощущений и выявлений. Как изменяется на наших глазах и эволюционирует в ту и другую сторону пестрая среда наших спутников».

А разве нет «спутника» в каждом из нас? Недаром Владимир Ильич в одной из своих майских речей, обращаясь к громадной аудитории, слушавшей его на Красной площади, говорил:

«Нам всем трудно строить новый мир и новое общество, потому что на нас самих тяготеют пятна прошлого. Этот светлый новый мир увидят лишь те дети, которых вот держите здесь на руках и у которых не будет ваших пятен».

Леонид Борисович с особой яркостью воплощал этот «прорыв в будущее» в самом себе... В хорошие минуты, когда ему хотелось пошутить и над самим собой, какой подкупающей улыбкой светился он.

«Знаете, входим в такие годы, что пора и на покой... Не служба — чин, а так, по почету... Вроде как бы «градским головой»... Надеваю на себя «цепь» и... позвольте, граждане, открыть заседание...».

А память навязывает другую картину... Обшарпанная развалюха, улица голодного пайкового года, года решительных событий на фронте. Просторный и холодный кабинет, завешанный картами железных дорог. Стройная фигура Леонида Борисовича, склонившаяся над грудой депеш, со всех сторон взывающих о бедах, о величайшем напряжении сил. Ведь эти артерии дорог — как раз линия ожесточеннейших боев.

Я пришел поговорить с Леонидом Борисовичем о делах Комгоссора. Веду с ним «драку». Он такой отчаянный ведомственник, этот боевой комиссар парового транспорта, не хочет итти на поводу Комгоссора и в вопросах нового строительства... Но говорить не приходится: наш комиссар во власти депеш и телефонных вызовов... Вот он опять схватился за телефон... Почему так напряженно стало его лицо, напряженно и... все в лучах оживленного подъема?...

«Так, так, Владимир Ильич, это совпадает и с моим планом, постойте, проверю... Да, и бригады, и составы подготовлены. Значит, двинем... Есть... Все... Да, да... Через 10 минут у вас».

— Ничего не поделать, друже, поговорим в другой раз, старик вызывает. Хотите, подвезу?

Не идем, а несемся по длинным коридорам. Охрана с винтовками в руках у дверей. Выстраивается при выходе.

— Приходится разве Леонид Борисович?

— А что вы думаете, батенька, ведь война. — улыбается Леонид Борисович.

Автомобиль «тыловой», храпучая раздряга, тарахтит нас к Кремлю, до стен которого я решил на этот раз проводить Леонида Борисовича.

— Как вы думаете, сдюжим ли? Времена не из легких.

— Что касается меня, я так уверен в победе, что нет даже и тени сомнений. Хорошие времена... Будет, что вспомнить...

Как живое, стоит передо мной лицо тогдашнего Леонида Борисовича. Как он похудел и осунулся... Но еще более приподнято-мужественна, еще более «подтянута» его фигура. Он живет в двух небольших комнатах бывшего «Метрополя». Обстановка спартанская. Обед «пайкового» типа — больше холодная прикуска. А в углу — большое полотно. Художник набрасывает Леонида Борисовича. Схватил «диалектику» тогдашнего Леонида Борисовича (с портрета смотрит лицо эллина, совершенно перевоплотившегося в свою стоическую полярность...).

Едем вместе в «Гаагу». Положение потрясающее по своей безнадежности. Обе стороны (высокие) взирают друг на друга, да иначе и взирать не могут, как на «сынов погибельных». До Риги едем в «нашем» вагоне. Таковой

в постоянном распоряжении Леонида Борисовича. Он при собственной «свите». Присматриваюсь к новым лицам незнакомой мне дипломатической среды. Бросается в глаза та исключительная теплота и тот респект «не за страх, а за совесть», который окружает Леонида Борисовича.

Леонид Борисович показывает мне толстую книжку в сафьяновом переплете. Это его заграничный, «множественный» паспорт. Заграница первых послевоенных времен вся в рогатках своих новых рубежей. Чудесные плоды «цивилизации». Нам неоднократно приходится прибегать к талисману Леонида Борисовича — его сафьяновой книжке. И не раз убеждаемся, что главная сила не в книжке, а в неотразимо импонирующей личности Леонида Борисовича. Как пригодились на этот раз его исключительные способности к языкам (самоучка) и его богатейшая находчивость.

Умение работать — не только умение мощно центрировать энергию, но и умело оперировать со сменой упряжек труда. Соединение того и другого — это та артистическая выдержка, которая со стороны кажется тем, что называется «работает играючи». Этим умением артиста труда в высочайшей степени располагал Леонид Борисович. Мы все, его спутники, начиная с салон-вагона и до знаменитой советской «тюрьмы» в отведенном любезными голландцами фешенебельном отеле в «Сх'эвенингене» (по-русски написать правильно нельзя), в той или другой степени чувствовали себя в той особой атмосфере, которая создавалась наличием среди нас Л. Б. Красина.

«Географическая среда» Голландии сама по себе наводила порядочную тоску... Дождевой чистоган, ветры многобалльной системы, море, в котором можно купаться лишь в обнимку с кипящим самоваром, недаром за «вольными» купальщиками все время наблюдают дюжие матросы в широчайших непромокаемых шароварах, тройной кордон тайной и явной полиции с собаками-ищейками наготове... Чахлые фигуры дружественных голландских лидеров, лощеные джентльмены — испытанные дипломаты мировых и немировых держав, сплетни, интриги и подсиживания, плохо затаенная непримиримая вражда, алчная свора интернациональной челяди журналистов... Какая тягота для навыков и привычек нашей советско-большевистской компании!

Вспоминаются наши интимные сговоры-думы о маневрах и контр-маневрах в этом вражеском лагере, на глазах у целого мира, жаждущего провала и конфуза ненавистных «варваров-большевиков»... Советский корабль в кипящем черными безднами буржуазном море. Командный состав — все время в величайшем напряжении. На капитанской рубке кроме Леонида Борисовича — тт. Литвинов, Крестинский, Стомоняков и нижеподписавшийся. Какое разнообразие индивидуальностей! И каждый из нас теперь с благодарностью вспомнит широкие неусталые плечи Леонида Борисовича, его осторожную милую шутку, всегдашний подъем, его остроумное, живое, находчивое слово, его деловой совет и неиссякаемую уверенность в конечном успехе.

А вот он «в перчатках» за торжественным столом пресловутого Гаагского дворца — почти подарка Николая II — делает заливку нашей позиции зарубежникам...

Не беда, что его французский говор явно отдает исконными славянизмами, музыку делает тон и все то большое и высокое «общее целое», что неотразимо исходит от этого удивительно привлекательного по всей своей внешности человека... Ему аплодируют даже и те, против которых он бросал свои стрелы...

Гаагская конференция лишь по внешности кончилась «вничью». При тогдашней ситуации она была нашей победой, сыгравшей положительную роль в нашей передышке... в так необходимой для нас передышке. И страна наша здесь многим обязана Леониду Борисовичу.

Прощаемся с Голландией... Авто берет свой плавный ход от опостылевшего нам отеля-тюрьмы... Своеобразная картина: во всех окнах отеля —

нам машут платками... Прислуга отеля забыла свои наказы, она по-своему оценила, тепло и искренно, своих необычных гостей... Нечто от личности Красина было и здесь.

Леониду Борисовичу очень хотелось, чтобы перед отъездом в Москву я побывал у него в Лондоне. Мы изрядно потрепали себе нервы в Гааге, и ему попросту хотелось дать мне недельный отдых в Лондоне, в котором ранее я не бывал. Так или иначе, но эта лондонская неделя постоянного общения с ним ярко-ярко живет в моих воспоминаниях. И никогда мне не забыть его дружеской, теплой заботливости этих дней, которые кажутся теперь такими далекими.

Своеобразное впечатление произвел на меня этот комплекс городов, городков и столиц, именующийся Лондоном. И от Лондона-столицы на меня веяло чем-то, до жути напоминающим императорский Петербург... Как тяжело пришлось бы здесь, на этих чопорных улицах, с магазинами и ресторанами, рассчитанными только для избранников, в положении одиночки во всех смыслах... «без языка».

На этот раз я был здесь в исключительно благоприятных условиях. За неделю я набрался впечатлений, на которые в другой обстановке потребовались бы месяцы. . Все потому, что таким несравненным «языком» для меня был сам Леонид Борисович.

Каким прочно оснащенным советским кораблем казался тогда весь аппарат лондонских наших организаций, созданный Леонидом Борисовичем. На этот раз так пригодилась ему эта прежняя заграничная школа-служба в мощной организации Сименс-Шуккерта.

«Нет, далеко англичанам до немцев, — говаривал шутливо Леонид Борисович. — Сами посудите, какой из них может быть толк, когда до сих пор меряют на дюймы и фунты... Да и работают с развальцем. В субботу пожалуйте, в 12 часов везде двери на запор — «господа уезжают на дачу»...

С поразительной быстротой усвоил Леонид Борисович трудности до той поры незнакомого ему английского языка. В конце своего первого лондонского полпредства он уже выступал с публичными лекциями на английском языке.

«Обнаглел, батенька, до последней степени, рискнул согласиться на лекции в Кембридже... Юным лордам рассказывал о социализме и советских трудах... Ну, думаю, устроят мне какофонию. Ничего, вывезло... факельцуг устроили мне на проводах».

Как-то я спросил одного нашего профессора, побывавшего в Лондоне, давно ли он видел Леонида Борисовича и как он его находит.

«В великолепном состоянии ваш Леонид Борисович, что с ним станется, настоящий «атаман-разбойник»... Вот уж молодец!» — рассказывал мне этот бывалый профессор.

На этот раз этот «атаман-разбойник» ежедневно демонстрировал в самой доподлинно разбойнической столице мира свое умение держаться в первом ранге изощреннейших дипломатов обоих полушарий. Отзывы о нем английской печати могли бы составить изрядный томик документов этого рода.

Когда-нибудь в архивах подберут его колоссальную переписку — свидетель его гигантской духовной энергии. И сколько здесь писем защитного свойства — «за человека», за «неугашение его духа» — по адресу целого сонма работников техники и науки. Диапазон внимания Леонида Борисовича и делового, и «по человечеству» — был исключительно огромен. Тем, кто присутствовал на его приемах, приходилось не раз удивляться емкости его духовной энергии...

Новые краски по воспроизводству печатных произведений, переливание крови по способу Богданова, проф. Шелест и его тепловозы, магнитоударные двигатели, киноаппаратура, модернизация нашей электропромышленности,

борьба за стандарт, вопросы плановой работы, товарный механизм огромного ассортимента нашей торговой монополии, борьба за эту монополию, за реализм в концессионной политике, связи с литературным миром, очередные злобы политического дня... Мне не перечислить всего того, что промелькнуло передо мной в пестром калейдоскопе моих тогдашних лондонских «восприятий» от лондонского рабочего дня Леонида Борисовича. Часто, вспоминая Леонида Борисовича во время его боевых схваток и в напряженнейшей созидательной работе, приходилось думать:

«Да, исключительно большой был человек».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ[1]

Судьба работ по стандартизации в Комитете по стандартизации при СТО чрезвычайно характерна. По ней мы можем судить, как мы движемся по этапам нашего хозяйственного строительства. Приходится определенно сказать, что о Комитете по стандартизации и его работах знают слишком мало. Широкая общественность не отдает себе ясного отчета в значении этого огромного дела. И, вероятно, если поговорить с работниками в различных отраслях, если спросить их относительно необходимости работ по стандартизации, если спросить о наших достижениях, о том, что мы уже сделали и какие очередные задачи в этой отрасли у нас стоят, то мы встретим разнообразный винегрет мнений и значительную неосведомленность.

В настоящее время мы имеем 492 утвержденных стандарта, около миллиона таблиц мы пускаем в этом году в широкое обращение; наш КС (Комитет по стандартизации при СТО) сейчас связан с 20 комитетами иностранных государств: он конкурирует по размерам своей работы с такими первоклассными органами по стандартизации, как германскими; мы имеем постоянную связь с Международной ассоциацией, причем недавно нам было предложено ввести своего представителя в совет последней. Но все это мало характеризует то продвижение, которое мы имеем на самом деле. Мне кажется, что важнее цифры, которые характеризуют наш подъем из года в год. Мы видим такие темпы, такое количество работ и их качество, которые свидетельствуют о том, что мы имеем начало развития дела огромной значимости.

Если мы, ближе стоящие к практике нашей стандартизационной работы, припомним, в какой обстановке мы работали, какое громадное сопротивление встречали на каждом шагу в работе по рационализации и стандартизации, то мне кажется, что эти первые этапы свидетельствуют еще кое о чем. Они свидетельствуют о том, что в типе всего нашего хозяйственного строительства действительно имеются какие-то особенности, которые вопреки недочетам, имеющимся еще в нашей организационной деятельности, все же помогли нам за короткий срок продвинуться на этом фронте работы так, как в другой обстановке при таких средствах и ресурсах мы не могли бы сделать. Это объясняется тем, что мы только в настоящее время начинаем чувствовать со всей силой особенности приводов нашего хозяйства, обусловленные его специфическим, плановым социалистическим строем. Благодаря этим особенностям приводов уже сейчас Комитет по стандартизации при СТО может указать на значительность пройденного пути. И мне кажется, что это обстоятельство должно вселить во всех работников величайшую бодрость и уверенность в дальнейших успехах.

---

[1] Доклад на пленуме Совета по стандартизации при СТО (12 апреля 1929 г.). Печатается по брошюре «Перспективы стандартизации и реконструкция народного хозяйства СССР», М., 1929.

Сейчас мы переживаем исключительно ответственный момент. Пленум Совета по стандартизации совпадает с поистине переломным моментом в нашем хозяйстве.

Перестраивая наше хозяйственное здание с момента великой Октябрьской революции, мы прошли не один такой переломный момент. Была полоса военного строительства, когда все силы государства и хозяйства были направлены в сторону обороны и эта военная полоса оставила на хозяйстве следы глубочайшей разрухи. Затем мы пережили новую полосу — восстановления хозяйства, подъема продукции до довоенного уровня, построения нового политического и социального здания нашей страны.

Приспособление к новым условиям должно было поставить вопрос о работах по стандартизации. В силу новых условий то, что было выработано в смысле нормализации, типизации и унификации в старой России, для нас не годилось, и сами ведомства должны были задуматься о том, чтобы пересмотреть эти типы, приспособить их к совершенно другим целям. Но это только начало. Действительное преобразование хозяйства, перенос его на плановые рельсы только сейчас заставит глубже подойти и к вопросам стандартизации.

Мы считаем этот год демаркационным годом, резко отграничивающим один хозяйственный режим от другого. Мы сейчас только закончили многолетнюю работу по составлению перспективного плана народного хозяйства [1].

Как известно, мы неоднократно делали попытки построить перспективные планы на несколько лет и несколько раз терпели поражение. Наше плановое строительство, разумеется, ничего общего не имеет с попытками планового строительства за границей, обычно заканчивающимися провалом. Там вы видите некоторую литературу по вопросам планового строительства, целый ряд ученых, работающих в этой области, но это — кабинетное творчество, оторванное от жизни, потому что само хозяйство капиталистического общества построено таким образом, что оно развивается не по плану и совершенно не зависит от воли трудящихся.

Одно время я поставил перед собой и ближайшими товарищами задачу ознакомления с немецкой литературой по вопросам планирования народного хозяйства. И скоро мы отказались от этого занятия ввиду его полной бесплодности. Мы увидели колоссальное количество книг, проштудированных проблем и вопросов, но когда стали вникать в их суть, то поняли, что научиться здесь почти ничему не можем. Это просто невинное упражнение, которое не дает никакого привода к нашей действительности. Только хозяйственный опыт самого строительства нашего собственного хозяйства, только его успех и только этапы его развития дали нам возможность в настоящем году опубликовать перед страной и перед всем миром наши расчеты и прикидки на пятилетний срок.

В скором времени Госплан выпустит большой труд [2], который в документальной форме продемонстрирует наши расчеты перед всем миром. Нужно сказать, что даже тот небольшой материал, который уже опубликован в настоящее время, поражает широкую публику, не знающую этапов нашей работы, особенно ту, которая находится за нашими государственными границами. Мы уже удостоились весьма большого внимания белогвардейской прессы, и она разводит руками: как могли получиться такие цифры и как они могли быть опубликованы для всеобщего сведения.

Но если Вы проштудируете документы, которые будут всеобщим достоянием, то увидите, что научные исследования, научная истина за нас. Все

---

[1] Речь идет о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР.

[2] Имеется в виду «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», тт. I, II и III (изд. «Плановое хозяйство» 1929 г.).

наши расчеты базируются не на кабинетном творчестве, а на изученных итогах действительности. Вот эти итоги нам и говорят, что грядущая пятилетка будет отличаться от всего прошлого тем, что она стоит под особым знаком, который мы называем «социалистической реконструкцией нашего хозяйства».

Мы правильно процупали все динамические факторы нашего народного хозяйства и пришли к определенным выводам, которые действительно могут являться ведущими вперед. Здесь, в этой пятилетке, через эти цифры, через эти факты, мы видим нечто новое, поражающее, глядящее на нас; и мне кажется, что только слепой может не увидеть в этом облик новой действительности, облик тех законов грядущего социализма, которые стоят не только перед нашей страной, но будут поставлены и во всем мире. Будущее это покажет.

Вероятно, и в этом пятилетнем плане имеется ряд недостатков, аналогичных тем, которыми страдали все предшествующие планы. Но напрасны ожидания наших врагов: им, вероятно, придется увидеть, что мы страдаем скорее излишней осторожностью, излишней неуверенностью в определении того чудесного механизма, который скрывается в нашем народном хозяйстве, прочно поставленном на рельсы социалистического строительства.

Связано ли дело планового строительства с делом стандартизации? Мне кажется, что это — родные братья. Мне кажется, что торжество стандартизации непосредственно связано с торжеством планового дела. Говоря о преобразовании нашего хозяйства в такое, которое служит интересам широчайших трудящихся масс и их потребностям, мы утверждаем, что эти потребности не вступают в противоречие с интересами производства, как это имеет место в обществе, раздираемом борьбой классовых интересов; мы воплощаем здесь в жизнь то, что впервые дает человечеству развернутый фронт знания и наступления широких трудящихся масс. Раз это так, тогда нет сомнений, что каждый год будет сопровождаться значительным успехом в стандартизационной работе и ее подъем будет иметь другое значение, чем в прошлом.

Можно сказать, что до сих пор стандартизационная работа шла под знаком «соглашательства». Но плановые работники и стандартизаторы вовсе не соглашатели. Укрепление планового режима есть основная необходимость социалистического строительства в целом.

Мы имеем различные ведомства, всевозможные оперативные организации, и мы централизованную машину нашего оперативного хозяйства будем переделывать в сторону децентрализации. Это и есть основа борьбы с бюрократизмом. И здесь у нас вопрос ставится не о соглашении, а о жестком подчинении, основанном на сознании плановой необходимости. А если это так, то нужно сказать, что в ближайшее время одним крылом нашего законодательства будет именно то крыло, которое теснейшим образом связано с работой по стандартизации. Стандартизация есть закон, а не соглашение. Но чтобы стандарт стал законом, чтобы он был воплощен в жизнь, он должен пройти большой этап. Этот этап для нас ясен.

Для того чтобы мы имели возможность обращаться к сознанию тех, кем мы управляем, нужно, чтобы стандартизационная работа имела теснейшую связь с научно-исследовательской работой. Просматривая работы Комитета по стандартизации, я вижу, как эта мысль широко проникает в сознание наших работников по стандартизации и является действительно неотъемлемым моментом всей нашей работы.

В нашей стране закон становится законом, когда он поддержан волей широчайших кругов трудящихся, и стандартизаторы могут успешно стать законодателями лишь тогда, когда в основу их работы будут положены научные знания, весь ассортимент науки, когда стандарт мы будем прокламировать как закон, основанный на науке, на знаниях, на достижениях мирового

опыта и на широком признании со стороны самих трудящихся. Так мне представляется в общих чертах главная задача стандартизации в пятилетке.

Что должно быть платформой, основным, чтобы изменить обстановку в области стандартизации и чтобы создать для нее новые предпосылки? Здесь я должен сказать, что мы, к сожалению, запоздали и не дали в пятилетке плана работ, не выдвинули раздела стандартизации так, как это нужно было бы сделать.

Нет возможности уже сейчас в этой пятилетке поставить вопрос об очередности работ, и отдел стандартизации, вероятно, будет не из лучших в этом пятилетнем перспективном плане. Но, вероятно, нам придется в ближайший же год улучшить, более детально проработать пятилетний план народного хозяйства, устранить дефекты, которые мы сейчас уже замечаем, которые сейчас уже нужно пустить в исправление. И на вас лежит большая задача критически отнестись к тому материалу, который будет публиковаться в виде пятилетнего перспективного плана стандартизации. Необходимо поставить перед собой задачу по-новому написать эти страницы, дополнить их и по-новому поставить ряд проблем, подлежащих изучению и дальнейшей обработке. Я думаю, что наиболее мобильной частью будет именно отдел стандартизации.

Уже сейчас, перелистывая неопубликованные пока в печати материалы пятилетки, я вижу, как многие наши работники отдают себе ясный отчет в том, что такое стандартизация для планового хозяйства. Чтобы не быть голословным, я процитирую (по рукописи) соображение одного из плановых работников, задавшегося целью написать «Основные линии реконструкции» [1]. Вот, что он пишет:

«Стремление итти в уровень с достижениями иностранной техники в отношении организации промышленного производства (серийное и массовое производство) требует срочной разработки стандартов и норм, которыми должна руководствоваться промышленность в своем производстве».

Он останавливается сначала на самой элементарной части работ по рационализации реконструкции хозяйства. Я не буду останавливаться на этой части, потому что картина отбора предприятий уже сейчас достаточно внушительна, мы сдвинулись с места, подошли к этому делу практически. Но дальше он пишет:

«Работа по пересмотру ассортимента, по разработке норм и стандартов с привлечением к этой работе не только наркоматских ячеек, но также и производственных и, в особенности, научно-исследовательских институтов, должна итти впереди в общем ходе реконструкции и в новом строительстве промышленности, так как в противном случае промышленные задания для реконструкции... могут угрожать недостаточной эффективностью производимых капитальных затрат».

Как видим, вопрос о громадных затратах на переделку и перестройку нашей промышленности связывается целиком с делом стандартизации. Но я бы хотел сейчас подчеркнуть это, и не столько для работников в области стандартизации, сколько в интересах нашего дела для нашей широкой общественности, и затем поставить, хотя бы в грубых чертах, вопрос о тех работах по стандартизации, которые необходимы с точки зрения пятилетнего плана.

Я ставлю вопрос, есть ли в нашей работе по стандартизации черты, качественно отличные от работы по стандартизации на западе. Материалы, характеризующие организационную сторону дела на Западе, свидетельствуют, что иностранные комитеты не имеют права инициативы и получают это

[1] См. раздел III «Основные линии реконструкции и рационализации в пятилетнем плане промышленности» («Пятилетний план», т. II, ч. I, стр. 103—104).

право косвенно, через свои органы в различных ведомствах. Уже это одно отчетливо показывает, какая здесь большая разница с нашей установкой. Мы знаем, что в Америке этого права инициативы не существует, и это — очень характерный момент.

Приспособляемся ли мы в этой пятилетке к старому нашему хозяйству или же идем под знаком нового. Обратим внимание на цифры вложений в народное хозяйство. За прошлые пять лет вложения определялись в сумме 25 млрд. руб., и если мы сейчас намечаем 64 млрд. руб., то это показывает размах новых вложений. Влияние их на структуру нашего хозяйства видно, если посмотреть на основные фонды. Возьмите химическую промышленность. Чем была наша химическая промышленность в прошлом? Ее основные фонды измерялись в 400 млн. руб., между тем как оборот всей нашей товарной продукции переваливает за 30 млрд. руб. Это показывает, какая это была тоненькая худосочная веточка. Сейчас мы вкладываем в химическую промышленность 1 200 млн. руб., т. е. увеличиваем основной фонд в четыре раза. Ясно, что при таком росте связь со старым теряет значение и приобретает значение новое строительство.

Я должен еще подчеркнуть, что при составлении пятилетнего плана мы строили свои расчеты так, чтобы они базировались на данных научно-исследовательской мысли. Мы можем доказать, что в условиях нашей страны наше новое строительство может и должно будет итти по пути опережения капиталистических стран, и при таких условиях Комитет по стандартизации отказаться от права инициативы не может, не может работать как согласительная комиссия, ограничиваясь разбором ведомственных споров. Об этом не может быть и речи.

Остановимся на основной установке пятилетнего плана народного хозяйства, чтобы сосредоточить внимание Комитета по стандартизации в определенном направлении.

Если мы строим социалистическое хозяйство, то прежде всего мы должны думать о том, чтобы было обеспечено основное свойство социалистического хозяйства, бескризисность, бесперебойность его развития. Мы резко критикуем и бросаем в глаза капиталистическому миру цикличность его развития, кризисность, элемент стихийности хозяйства, основанного на личной инициативе. Бескризисность и бесперебойность хозяйства — вот что должно быть солидно, научно подкованным в перспективном плане.

Что же является решающим? Решающим является соотношение сил между сельским хозяйством и промышленностью. Мы констатируем решающий подъем промышленности и бурное ее устремление вперед. О сельском хозяйстве того же сказать нельзя. Мы не можем сказать, что оно находится в состоянии упадка, — это было бы неверно, это точка зрения правых оппортунистов. Научные исследования показывают другую картину. Спросите опытного агронома и исследователя, и они покажут вам множество прогрессивных явлений в нашем сельском хозяйстве. Но мы должны констатировать, что это не дает сельскому хозяйству нужного тонуса, при котором весь фронт сельского хозяйства продвинулся бы так, как это нам нужно. Этого нет, нас не удовлетворяет тот подъем, который есть в сельском хозяйстве. А он важен для нашего продвижения, для тех темпов, которые нам нужны и которым он сейчас не соответствует. Чтобы наше хозяйство шло совершенно бесперебойно, нужно все силы обратить на эту часть нашего хозяйства. В грядущем пятилетии мы должны особенно сосредоточить свое внимание на сдвиге в области сельского хозяйства.

Для подъема сельского хозяйства у нас есть три рычага. В нашей работе по стандартизации мы видим три момента. Прежде всего нужно остановиться на энергетике сельского хозяйства, на моменте связи с тягловой силой. Если мы будем базироваться только на мускульной силе животных, то пройдет

большой промежуток времени, прежде чем мы получим надлежащий ее рост, так как мы упираемся в границы, поставленные возможностью физиологического прироста. И мы переходим на машину, на трактор.

Вопрос о тракторах для сельского хозяйства играет решающую роль, и, повидимому, добрая половина наших надежд связана с успехом машинно-тракторного хозяйства. Мы переходим к организации не только тракторных колонн, но и межселенных машинно-тракторных станций. При выборе типа трактора мы встали на путь исканий (сейчас искания неизбежны), но работа стандартизаторов, связанная с работой научно-исследовательских органов, должна дать правильный подход в выборе типа трактора, в выборе типа сельскохозяйственной машины. Затем, чтобы обеспечить бесперебойность работы трактора, должен быть тщательно установлен ассортимент моторного топлива. По нашей прикидке к концу пятилетки должно быть 170 тыс. действующих тракторов. Это огромная программа механизации, перехода сельского хозяйства с использования силы рабочего скота на трактор. И здесь предстоит громадная работа, специальная научно-исследовательская работа в области стандартизации.

Второй раздел — химия. И здесь колоссальная программа. На первом месте стоят фосфаты, затем мы выдвигаем азотистые удобрения, использование элементарных удобрений, фосфоритовой муки, извести и т. д. С одной стороны, наши научные работники мечтают о том, чтобы перегнать Европу, выдвигаются совершенно новые методы и новые ассортименты удобрений, неизвестных еще на практике. А с другой стороны, те же работники в области химии, в области агрономии обращают наше внимание на то, чтобы, устремляясь за этими высшими видами удобрений, мы не забывали о ближайшей практике по линии элементарных удобрений. Но нужно иметь в виду, что это дело может быть жестоко скомпрометировано. Потребитель еще не осведомлен в этой области, потребитель — массовое крестьянство — будет со вниманием относиться к этому делу, с величайшим интересом за ним следить, но здесь могут быть большие разочарования, если мы не создадим в этом деле прочной почвы. Один из работников правильно формулировал, что такое стандарт. Это — закон, регулирующий отношения между производителем и потребителем. И вот, если этот закон плохо сформулирован и плохо реализуется, то можно отпугнуть массы крестьянства, подорвать значение этого дела. Этому делу должно быть уделено особое внимание со стороны работников стандартизации. Вот то громадное поле работ, которые предстоят по линии механизации и химизации.

Третий раздел, который не менее обязателен для работников стандартизации, — это контрактация. Тут они должны быть не только техниками, но и экономистами, чтобы правильно корректировать свою работу. Я бы сказал, что успех контрактации в значительной степени зависит от успеха стандартизации сырья.

Вот эти три основные момента — механизация, химизация и контрактация с производственным уклоном — должны быть подкреплены громадной стандартизационной работой, и эти три момента должны обеспечить бесперебойность работы нашего сельского хозяйства.

Что же перекрывает все линии нашего плана, что является его душой, его осью? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что центральная ось — это его энергетическая установка. Если энергетика в области сельского хозяйства является одним из факторов продвижения и развития его, то и в области промышленности энергетика является основой. Все большие области хозяйства начинают чувствовать, что главная командующая высота, главное ведущее начало связано с энергетическим хозяйством. И первым разделом здесь является раздел топливный. Вы знаете, что мы намечаем огромные ответственные работы и все-таки при величайшем напряжении мы в эти

пять лет будем испытывать в области топливоснабжения большой голод. Мы только сведем концы с концами, если на 30% обеспечим рационализацию использования топлива. Необходимо рассмотреть этот вопрос со всех сторон. Если сельское хозяйство обеспечивает хлебом, продовольствием живую энергетику, то топливо — это хлеб для промышленности. Ясно, что здесь перед стандартизаторами проблема стоит с особой рельефностью. Здесь переоценка ценностей в области топливного баланса, если говорить о его рационализации.

С 37 млн. *т* мы повышаем угольный баланс до 75 млн. *т*. Такой подъем неслыхан для пятилетнего периода, он связан с напряженной работой с напряжением транспорта. Здесь стоит вопрос о большем использовании местного топлива, а в Донбассе — о большем использовании тощих углей для экономии коксующихся углей — нашего особо узкого места. Здесь огромное поле работы для новых стандартов, новых норм использования сортов топлива. В этом отношении неизбежна связь с научно-исследовательскими органами. И эта большая работа еще не процвана. С этим вопросом связаны громадные интересы народного хозяйства. Я не говорю о нефти. Нефть опередила по реконструкции другие области промышленности, и стандартизационная работа оказалась большой помощницей в этих успехах. В области нефти мы имеем громадные требования, предъявляемые в связи с развитием тракторного дела. В области нефти предъявляются требования по особому разрезу. Нефть сейчас будет очень парафинистая, потребитель будет ею недоволен, и стандартизаторы должны сделать известные указания, проработать такие стандарты парафинистой нефти, которые обеспечили бы возможность ее использования.

Возьмем другие области энергетики, например, паровые котлы и машины-двигатели, связанные с использованием различного вида топлива. Здесь перед нами необходимость большой новой работы. Здесь мы имеем паровые котлы, различные машины, двигатели, электродвигатели, различные вспомогательные механизмы, которые должны служить предметом особенного внимания работы по стандартизации. Характерны цифры и факты. Возьмите область машиностроения, двигатели. Поражаешься, когда подсчитаешь цифры того, что мы сейчас имеем. В дизелестроении мы имеем сейчас 420 типов, если брать их по мощности. О каком массовом производстве, товарищи, мы можем мечтать, когда имеем такое большое количество типов? Какое удешевление мы можем провести? Нам нужно действовать в этом деле решительным образом, иначе мы будем работать, как кустари, и не добьемся никакого продвижения.

Возьмем паровые котлы. Здесь попрежнему практика такова, что стремятся заказать тот котел, который стоял. А мы знаем, что по официальным данным 42% котлов технически и морально изношены. Я считаю, что это неверный подсчет, неправильный, осторожный подсчет, и думаю, что здесь мы имеем 60%. Эти 60% старых котлов нужно выбросить. Неужели же мы здесь пойдем по линии восстановления старых типов в эту новую полосу нашего развития? Конечно, нет. Придется пересмотреть давление, всю аппаратуру, самый тип котла, его мощность и т. д. Это обязательные условия. Энергетическая часть промышленности определяет и самый тип промышленного хозяйства. И вот мне кажется, что следующая полоса работы и следующая доля внимания должна быть направлена в эту область энергетики.

Теперь — еще один раздел пятилетки, который также является перекрывающим все остальные. Это — строительство. Пятилетка намечает по самым скромным подсчетам вложение 5—6 млрд. руб. для рабочего жилищного строительства, и нетрудно понять, что значит здесь каждый процент экономии. Мы должны сказать, что с этой задачей в области строительства мы не справимся, если не изменим здесь работу по существу совершенно революционным образом, если стандарт наш в этом отношении не будет действи-

тельно революционным. Комитет по стандартизации высчитывает, сколько миллионов заработало государство на стандартизации кирпича. Но это еще нужно доказать. Несомненно одно, что мы здесь имеем чрезвычайно плодотворное поле для работы, чтобы от кустарщины, от самодельщины уйти как можно дальше, чтобы массовой продукцией обеспечить настоящую дешевизну.

Жилищный вопрос важен потому, что мы стоим перед необходимостью поднятия производительности труда и должны создать такую бытовую обстановку, которая соответствовала бы той нагрузке, которая намечена. Социальные моменты заставляют нас, работников по стандартизации, обратить особенное внимание на этот вопрос.

Мы подходим далее к тому, что называется бытом, и, в частности, я считал бы необходимым обратить особенное внимание на такое, казалось бы, невинное дело, которому нужно придать очень большое значение. Я говорю о работе по стандартизации в области консервного дела. Здесь как будто бы написано много хороших слов и статей, и я думаю, что в этой области — одна из самых ответственных страниц для работы по стандартизации. Нельзя представить себе дальнейшее культурно-бытовое продвижение без освобождения домашнего хозяйства от нагрузки. Здесь нельзя ограничиться только консервами в жестянках, а нужно ставить, притом в широком смысле слова вопрос об организованном питании. Мы должны рассчитывать на очень многое. Даже при увеличении продукции консервной промышленности в пять раз, мы в случае удачной стандартизации этой отрасли, такой, при которой выгоды этого питания будут ясны всем, с трудом сможем удовлетворить спрос. Мы должны освободить женщину от кухни, а это возможно лишь при условии, если мы действительно создадим стандартное, и в то же время высокого качества и разнообразное питание.

В заключение я хочу остановиться еще на одном моменте. Если мы будем с точки зрения этих главных разрезов пересматривать задачу стандартизации в пятилетнем плане, то мы должны сказать, что генеральный план народного хозяйства без стандартизации мы составить не можем. Если мы в пятилетнем плане шагаем еще очень осторожно, если только делаем первые шаги в сторону широкого развертывания обобществленного хозяйства, то когда мы берем наше хозяйство в разрезе 10—15 лет, там задачи планового хозяйства мы можем осуществить, только опираясь на стандартизацию. Там уже потребление в широком смысле слова предопределяет весь рисунок народного хозяйства и мы никакого генерального плана не составим, если в самых различных отраслях народного хозяйства не будем иметь научных исследований и научно-обоснованной стандартизационной работы. Следовательно, дать сейчас план работы по стандартизации необходимо не только для цели строительства по намеченному плану, но и для следующей стадии, когда мы, опираясь на достижения ближайших лет, попробуем проделать дальнейший этап в деле решительного преобразования хозяйства. А раз так, то придется подумать о том, чтобы в будущем генеральном плане первые страницы были написаны стандартизаторами.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ [1]

Проблема стандартизации приобрела первостепенное значение во всем мире. Однако у нас в Советском союзе в связи с плановым регулированием нашего хозяйства и технической его реконструкцией работа по стандартизации принимает весьма своеобразные формы.

Стандартизация на Западе, особенно в США, оформилась как стремление унифицировать и приспособить размеры и формы изделий к тому специальному оборудованию, которое является необходимым условием постановки массового производства.

Механизация работы и организация массового производства однотипных изделий явились результатом введения современных машин, которые независимо от воли производителя или вкуса потребителя могут давать только такого рода однородные изделия. Огромные выгоды такого способа производства обеспечили ему широкий успех.

Таким образом в основном стандартизация на Западе, в особенности в США, была введена не по определенному плану и усмотрению организаторов производства, а обязана была техническому прогрессу. И те организации, которые сейчас работают на Западе по согласованию и оформлению таких стандартов, имеют главной целью согласовать стандарты, введенные крупными, иногда мировыми фирмами, с тем, чтобы сделать эти стандарты национальными, т. е. чтобы возможно было обеспечить как взаимозаменяемость деталей машиностроения, так и массовое производство специальных машин.

Стандартизация не имеет целью содействовать изобретательству или менять радикальным образом форму или качество промышленных изделий. Что касается качественной стороны, то она занимает второстепенное место, и только в последние годы эта работа начинает намечаться на Западе, имея при этом целью согласование спецификаций и технических условий на поставку сырья и материалов.

Развернувшаяся у нас в последние годы работа по стандартизации имела целью сначала согласовать разрозненные технические условия, попутно пересмотреть их, так как многие из них устарели и не соответствуют ни требованию, ни возможности производства.

Работа по стандартизации началась в СССР с большим запозданием, и темп ее, несомненно, отстает от темпа как развития промышленности, так и охвата советского хозяйства регулирующими его плановыми органами.

Стандартизация, по сути дела, должна была в определенной мере предшествовать начальному периоду технической реконструкции. В действительности же в наших перспективных планах имеются более или менее точные количественные данные относительно темпа развертывания разных отраслей народного хозяйства.

Уже много раз отмечалось в советской печати, что работа по проектированию предприятий, намеченных перспективным планом, отстает от осуще-

[1] Статья напечатана в журнале «Вестник стандартизации» № 10, 1929.

ствления этого плана. Очень часто приступают к капитальному строительству, не имея заранее определенных технических планов, которые создаются и меняются в процессе строительства.

Не только строительство новых заводов, но техническая реконструкция старых заводов производится часто без точного выявления типов и качества изделий, которые будут производиться на этих реконструированных заводах. Между тем, организация массового производства, для которой проводится техническая реконструкция, требует точного выявления данных о форме и качестве изделий. Только на основе этих данных можно приступить к закупке, изготовлению и установлению соответствующего оборудования.

В настоящее время во многих отраслях народного хозяйства мы меняем не только способы производства, но предъявляем новые требования к качеству изделий. Так, например, нефтяная промышленность закончила период своего восстановления и в настоящее время приступает к полной технической реконструкции. Достаточно указать, что в прошлом основным продуктом для нефтяной промышленности являлся керосин, который был ведущим продуктом; бензин же рассматривался как остаток от керосина, и поэтому качество нефтепродуктов определялось прежде всего качеством керосина. Крекинговые бензины появляются у нас впервые. В 1928/29 г. производство бензинов составило 1 286,5 тыс. *т*, а в 1932/33 г. оно достигнет 3 876 тыс. *т*. Таким образом производство бензина утроится, в то же время количество керосина увеличится всего в 1,5 раза. Сейчас мы производим керосина в два раза больше, чем бензина. В 1932/33 г. мы будем производить больше бензинов, чем керосина.

Применяя это новое производство, мы получим совершенно новый продукт, к которому надо предъявлять новые требования. Изменение качества бензинов отразится на керосине, к которому одновременно будут предъявляться совершенно новые требования, принимая во внимание использование керосина как топлива для тракторов, в то время как раньше он рассматривался исключительно как осветительный материал.

Все это произведет изменения в качестве смазочных масел.

Для того чтобы установить стандарт на эти новые продукты, потребуется, конечно, организовать научно-исследовательскую и опытную работу прежде, чем приступить к технической реорганизации всего нефтяного производства. Такие стандарты не могут вырабатываться с большой быстротой. Необходима большая осторожность в изучении этого вопроса, прежде чем переходить на массовое производство продуктов нового качества.

В области металла мы имеем по ряду материалов и изделий рост количества производимых продуктов на 200—300—500, а по автомобильной промышленности даже в 100 раз.

Мы впервые развертываем производство в таких отраслях промышленности, которые раньше влачили у нас жалкое существование. Так, например, консервная промышленность у нас за этот год увеличила свою производительность на 50%, а к концу пятилетия ее производительность должна увеличиться в пять раз.

Это заставляет нас не только выработать ряд новых стандартов, что потребует длительного изучения в научных институтах и лабораториях, но и пересмотреть те, которые утверждены, так как установленные нами стандарты базировались на оборудовании, имевшемся во время их установления. Потребуется установить стандарты не только продукта, но и сырья. Метод и требования сортировки и подготовки плодов и овощей для консервной промышленности совершенно иные, чем те, которые предъявляются к овощам и плодам, предназначаемым для непосредственного потребления в пищу.

Обширная область сельскохозяйственной продукции еще не затронута стандартизацией. Введение тракторов, организация крупных хозяйств, при-

менение минеральных удобрений — все это заставляет нас совершенно пересмотреть все стандарты сельскохозяйственной продукции. Необходимо отметить, что и на Западе сельскохозяйственные стандарты вводились в связи с широким применением контрактаций. Политика контрактаций не может иметь успеха, если нет твердо установленных стандартов на сельскохозяйственную продукцию. Селекционное дело у нас велось до сих пор независимо от работы по торговой классификации. Необходимо установить один общий план, связывающий селекционное дело с делом торговой классификации. Переработка продуктов сельского хозяйства, особенно технических культур, требует срочной проработки ряда стандартов и пересмотра существующих. Достаточно взять в качестве примера жмыхи. По утвержденному нами стандарту в жмыхах допускается 9% жиров, между тем, наши заводы чрезвычайно устарели, имеют кустарный характер, и в настоящее время выдвигается вопрос относительно полной их реконструкции и замены прессового метода методом экстракционным. По этому американскому способу мы сумеем установить процент жиров не 9, а 1—2.

Таким образом вся наша дальнейшая работа по стандартизации приобретает крупнейшее значение в деле технического планирования нашего хозяйства. Наш перспективный план, являющийся, главным образом, энергетическим планом, должен быть пополнен качественным планом для того, чтобы рационально использовать ту энергию, которую мы получаем в связи с осуществлением плана электрификации. Рациональное осуществление плана электрификации немыслимо без точного изучения свойств и качества, без стандартной классификации твердого и жидкого топлива и изучения тех типов топливных установок, которые позволят нам рационально использовать наши топливные ресурсы.

Эта обширная работа не должна приостановить текущей — по согласованию временных стандартов и технических условий для заключения генеральных договоров, для устранения той разношерстности продукции, которую мы сейчас имеем, для сокращения ассортимента там, где это возможно, и для устранения постоянных недоразумений между производственными и потребительскими организациями, имевших место до сих пор. Необходимо будет организовать ряд согласительных комиссий, которые проработают эти временные стандарты, но мы должны одновременно, тесно связавшись с научными институтами и учреждениями, наметить план динамической стандартизации, т. е. планомерного повышения качества продукции в связи с технической реконструкцией. Такая работа представляет исключительные трудности.

В то время как консервативная стандартизация Запада опирается на существующую техническую базу и оформляет накопленный опыт, наша работа по стандартизации должна предшествовать технической реконструкции и планированию ее. Эта работа может выполняться успешно только в том случае, если мы не только тесно сплотим все организации и всех работников в области стандартизации, но одновременно будем опираться на богатый опыт Запада. Массовое производство тракторов требует не только научного изучения и испытания изделий, выпускаемых нашей молодой промышленностью, но мы должны также выписывать из-за границы и исследовать те типы сельскохозяйственных машин, которые получили широкое применение на Западе. Непосредственное участие наше в международной работе по стандартизации и в технических комиссиях Международной стандартной ассоциации должно содействовать тому, чтобы наши стандарты увязывались со стандартами других государств, а в особенности, с международными стандартами, что имеет особое значение для нас, как для страны, импортирующей оборудование.

Наш Комитет по стандартизации имеет постоянную связь с 20 государ-

ствами, работающими по стандартизации. Он регулярно участвует в Международной стандартной ассоциации, в которой начинает занимать доминирующее положение. Как известно, на последней Международной конференции в Праге постановлено было предложить ближайшей конференции включить СССР в Совет Международной стандартной ассоциации, куда входят крупнейшие комитеты по стандартизации, занимающие руководящее положение в Международной стандартной ассоциации. Наши стандарты в переводе на английский язык посылаются во все страны. Однако этого недостаточно.

Необходимо познакомить не только наших работников, но и заграничных с нашими достижениями, которые высоко расцениваются теми, кто с ними знаком. Не только за границей, но и у нас мало известно о той широкой работе по стандартизации, которая развернулась в самом Союзе. Это знакомство с нашими достижениями и вместе с тем выявление связи, существующей между работой по стандартизации и всем нашим социалистическим строительством, облегчит широким рабочим массам понимание нашей работы и устранит те препятствия и то противодействие стандартизации, которое мы часто встречаем среди хозяйственных работников, не знакомых ни с нашими достижениями, ни с нашими стремлениями.

Особое значение работ по стандартизации в Советском союзе требует большого внимания к организационным формам работы, к взаимоотношениям и функциям тех организаций, которые вовлечены в эту работу. В уставах всех комитетов по стандартизации капиталистических стран указывается, что они (комитеты) не имеют права проявлять инициативу в деле выдвижения стандартов; однако эти комитеты, не выдвигая сами проектов стандартов, активно содействуют организации работ по стандартизации либо непосредственно при них, либо при иных автономных организациях.

Кроме того, в последние годы правительства всех стран, проявляя исключительный интерес к работам по стандартизации, финансируют эту работу и тем самым влияют на ее направление. Даже в таких консервативных странах, как Англия, работы по стандартизации строительства ведутся по настоянию и инициативе правительства.

Лишенные самостоятельности в работе, эти комитеты не могут иметь ни плана, ни программы работ, так как содержание их работы зависит от пожеланий тех промышленных фирм, которые поддерживают их деятельность.

Было бы совершенно нелепо, если бы в нашем Советском союзе при государственном регулировании производства наш комитет ограничивался оформлением тех стандартов, которые выдвигаются хозяйственными организациями. Мы уже указали, что помимо работ, выдвигаемых повседневными нуждами промышленности и сельского хозяйства, мы должны наметить проработку тех вопросов, которые имеют не только актуальное значение, но значение которых хозяйственники почувствуют в ближайшее время в связи с технической реконструкцией и строительством новых заводов. Поэтому необходимо, чтобы Комитет по стандартизации наметил четкий перспективный план и имел бы достаточно власти и сил, чтобы его проводить. Нельзя допустить, чтобы финансирование работ по стандартизации зависело от заинтересованности или подготовленности того или иного ведомства к этой работе. Комитет по стандартизации должен не только рассматривать планы, поступающие из ведомств, как это было до сих пор; он должен не только устранять параллелизм, но и перерабатывать те планы, для которых недостаточно местной или ведомственной инициативы.

Мы должны иметь один государственный бюджет по стандартизации, который должен находиться в полном распоряжении Комитета по стандартизации при СТО. Он должен иметь право распределять средства таким образом, чтобы были выполнены работы, имеющие первостепенное общесоюзное значение. Для целесообразного использования этих средств он должен приви-

мать активное участие в формировании тех комиссий, которые разрабатывают стандарты. Теперешнее положение, когда комиссии создаются помимо Комитета, а проект стандарта разрабатывается и обсуждается без участия Комитета, — совершенно недопустимо. Многие стандарты обсуждались в течение долгих месяцев, а иногда даже лет, но затем при поступлении в Комитет приходилось снова их коренным образом пересматривать и согласовывать в общесоюзном масштабе.

Как известно, на Западе комитеты сами организуют комиссии и работники комитетов содействуют в самом начале правильному направлению этой работы. Состав комиссий санкционируется комитетом даже в таких децентрализованных организациях, как Американский комитет по стандартизации.

Тем более это необходимо делать у нас при плановом регулировании хозяйства.

В тех условиях, когда оказывается невозможно организовать комиссию при той или иной организации, Комитет должен взять на себя эту работу. Так, например, работы по стандартизации сельскохозяйственного сырья не получили достаточного развития, и Комитет правильно поступил, приняв меры к организации этой комиссии при Комитете.

Подобно работникам Германского и Английского комитетов работники нашего Комитета по стандартизации должны принимать активное участие в работах комиссий.

Что касается тех работ, которые требуют организации научно-исследовательских и опытных работ, то Комитет должен войти в непосредственную связь с научно-техническими институтами для организации этой работы. Эти длительные работы не могут выполняться в летучих и временных комиссиях, состав которых часто меняется. Необходимо возложить ответственность за эти научные работы на наши постоянные научные учреждения. Только при этом условии мы можем обеспечить преемственность в работе и научно-техническую подготовку для тех новых предприятий, для той новой продукции, которую готовится давать наша промышленность. В этом отношении связь, установившуюся между Комитетом и Институтом прикладной ботаники, следует всячески приветствовать.

Нет сомнений в том, что с устранением причин нынешней слабости в планировании работ по стандартизации, ее финансирования, работа получит гораздо больший размах, и если в настоящее время деятельность Комитета по стандартизации высоко расценивается в Международной стандартной ассоциации, то с дальнейшей эволюцией организационных взаимоотношений, с предоставлением Комитету права регулирования, финансирования и организации работ, его деятельность в дальнейшем будет развиваться гораздо успешнее.

ИТОГИ И ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА[1]

Рассматривая наши хозяйственные планы, мы ни на минуту не должны забывать, что это — планы совсем особого качества, что все это качество проистекает от определенной целевой ставки нашего хозяйственного планирования — ставки на построение социалистического общества.

Мы знаем, что твердой базой этого хозяйственного строительства является ставка на догон и перегон передовых капиталистических стран. Мы знаем, что крупная машинная индустрия, все завоевания новейшей техники для нас совершенно необходимы, ибо только таким путем может быть обеспечена материальная база социалистического строительства. Но этого мало. Нам надо еще убедиться, как влияют задания нашего плана на трудовой актив, нам надо отдать себе отчет, содействует ли исполнение этого плана укреплению позиций революционного творчества пролетариата или приходится ту или другую позицию уступать.

Наряду с оценкой темпов, с оценкой технических масштабов строительства надо все время зорко следить за важнейшим качественным показателем: за изменением лица главного деятеля — трудового актива. Только в том случае, если этот качественный показатель оказывается на высоте, мы вправе утверждать, что план нашего социалистического строительства стоит на твердых ленинских рельсах.

Перед нами нет готовых опытов социалистического планирования. Науки планирования нет, эта наука вырастает еще только из нашего опыта. Начало нашей плановой работе было положено при непосредственном участии Владимира Ильича Ленина. С самого начала мы были убеждены в том, что в этом трудном деле планирования приходится как-то сочетать и достижения научно-теоретической мысли и опыт фактического строительства, опыт творческой энергии всего нашего трудового актива, постепенно и последовательно развертывающего новые социалистические ресурсы строительства.

Напомню вам, как зорко следил Владимир Ильич не только за наброском первого перспективного плана — плана Гоэлро, каждая страница которого была просмотрена им, но как следил он за опытом мест, за всеми событиями на арене нашего труда, подмечая нередко в отдельных деталях ростки великого будущего.

Выполнены ли эти устои планирования в наших перспективных планах?

Наша пятилетка выросла на многолетнем опыте. Мы старались сделать все, что было в наших силах, чтобы опереться в ней на работы самых разнообразных специалистов, техников и экономистов и оценить те особые ресурсы, которые мы имеем в растущих силах всего социалистического трудового актива нашей страны. Но составление пятилетки как раз совпало

[1] Доклад в Выборгском доме культуры (Ленинград) 20 декабря 1929 г. Опубликован в виде самостоятельной брошюры. Изд. «Плановое хозяйство», М., 1930.

с переломным моментом в жизни этого трудового актива. Весна прошлого года была в этом смысле исторической весной.

Подготовляя пятилетку для доклада V Съезду советов, ставя огромные задания нашим разнообразным трудовым отрядам, мы неоднократно подчеркивали ту ответственность, которая падает при этом на нас; вместе с тем мы отмечали, что в наших хозяйственных ставках должна быть соблюдена сугубая тщательность, чтобы пролетариат не был введен в заблуждение. И, несмотря на эти предупреждения, в самом ходе работы мы поднимали наши ставки под влиянием того единодушного воодушевления, того подъема, который с все большей и большей силой давал себя знать в фактических событиях, на действительном поле нашего труда.

V Съезд советов дал нам еще раз почувствовать, что мы в этом отношении не ошибались. Съезд демонстрировал, что он всецело на стороне грандиозного размаха строительства, что мы творим его волю; особенно радовали те ораторы, которые решительно заявляли, что эта пятилетка — их пятилетка и что они проведут ее в жизнь. Мне уже тогда приходилось отмечать, что если такое настроение станет всеобщим, то мы не только выполним, но и перевыполним ставки пятилетки.

Как отнесся к пятилетке мир наших недругов? Ясно, что наш успех является для них поражением. И вот хором голосов они утверждали, что пятилетка — это документ своеобразного безумия, охватившего страну, называемую СССР. Однако, товарищи, уже тогда в этом лагере слышались и другие голоса: «А что, если рабочие и крестьяне поверят в этот план? Ведь тогда не исключена возможность, что большевики его выполнят».

План, если он не подхвачен трудовым активом, — это документ бессилия, план, воспринятый сознанием трудящихся, — творческое начало. Вспомните, как говаривал Владимир Ильич: «В военно-боевой период Октябрьской революции сплотилась воля рабочих и крестьян. В результате — победа, являющаяся нашим неотъемлемым историческим достоянием. Если мы сумеем также сплотить волю трудящихся на поле мирного труда — победа за нами». В этом смысле хозяйственный план, кующий единство хозяйственной воли — орудие победы.

Пятый Съезд советов является поэтому историческим съездом, ибо он демонстрирует в своих дебатах по пятилетке растущее единство воли нашего трудового актива.

Враги пролетарской диктатуры поносят нашу пятилетку, не верят в возможность ее осуществления. Другое дело в наших рядах. Прокламирование пятилетнего плана немедленно вызвало подъем трудового настроения нашего трудового актива. Вывод один: пятилетка идет в должной революционной полосе. Она отвечает боевому лозунгу Маркса: «Пролетариат — революционен, или он — ничто».

Вы все знаете, что при составлении контрольных цифр на 1929/30 г. мы по общему правилу должны были пойти выше ставок пятилетки. Вы одновременно знаете, что не все гладко на нашем поле труда. Здесь не только одни достижения и успехи, здесь и тяжелый строительный опыт, но, товарищи, пролетарское строительство, пролетарские революции идут своим особым порядком. Маркс и Энгельс учили нас, что пролетарские революции совершаются не на манер буржуазных революций. Для последних возможны быстрые приливы и отливы; за полосой воодушевления нередко следует быстрая реакция; течение их быстролетно. Развертывание событий пролетарских революций охватывает длительный период лет. Иногда может казаться, что пролетариат терпит решительные поражения, отступает, уступает территорию борьбы противнику. Но затем следует новое накопление сил, и в последнем счете отступления пролетариата таковы, что к ним подходит французская пословица: «Надо отступить, чтобы смелее ринуться вперед».

А в последнем итоге события пролетарских революций пронизаны неизменно ускорительным темпом до тех пор, пока не будет достигнута конечная цель — мировая победа пролетарской диктатуры.

В свете такой оценки мы должны подходить и к нашим задачам социалистического хозяйственного строительства. Работы здесь на годы: «Всерьез и надолго». Частности строительного процесса могут быть весьма разнообразны: здесь успех, а там поражение. Иногда это поражение может казаться глубоким и решительным: паникеры могут дрогнуть, но решение дается не частностями, а целым, не в краткой, а в длительной перспективе лет. Здесь нет бенгальских огней, чудодейственных рецептов, сокращающих сроки в расчете приравнять движение масс движениям единиц. Но восходящая волна событий имеет один замечательный решающий показатель: ускорение темпа их развертывания. В этом смысле для нас формула «промедление — смерти подобно» является особенно остро отточенной.

Как же мы себя чувствуем теперь в этом смысле? Разве не ощущаем мы при поверке наших планов, что какая-то чудесная сила стоит за нашей спиной, придающая все новые и новые ускорения всей нашей хозяйственной динамике? О чем это говорит, товарищи? Это говорит, что Красный Октябрь в ходу. Мы живем в стране пролетарской диктатуры, продолжающей крепить свои позиции. Наши хозяйственные задачи одновременно являются политическими задачами, как и обратно: наша политика одновременно является экономикой. Отсюда вывод: в нашем стане борцов за новую жизнь, за социалистическое преобразование огромной страны не может быть аполитичных деятелей. Если кто-нибудь говорит: я занимаюсь наукой, искусством, ремеслом, той или другой работой, а от политики я далек — не верьте ему. Наши искусство, наука и хозяйство связаны воедино, перекрыты задачами великого социалистического строительства, не существуют «сами по себе». Тот, кто говорит так, — в лучшем случае человек еще не пробудившегося сознания, а в худшем — замаскированный вредитель.

Сделаем дальнейший шаг нашего анализа. Если бы я мог демонстрировать перед вами контрольные цифры на 1929/30 г., сопоставляя их наметки с соответствующими наметками для этого года пятилетки, то вы увидели бы, как резко кривая хозяйственных заданий на 1929/30 г. поднимается над уровнем заданий пятилетки. Особенно резок подъем вложений в наше капитальное строительство по промышленности и рост социалистического сектора нашего сельского хозяйства. Что можно сказать по этому поводу? Даже наши противники не отрицают наших успехов в области индустриализации.

Припомним, однако, недавнее время, когда слышалось немало голосов правых оппортунистов, утверждавших, что мы сделали ставку на сверхиндустриализацию, что мы таким образом отрываемся от крестьянского моря и что смычка города с деревней и представляет как раз самое опасное место нашего строительства. При этом утверждали, что как раз здесь-то против нас стоят частнохозяйственные силы десятков миллионов противоборствующих единиц, силы целых веков прошлого. Припомните, как пугали нас неотвратимым обострением продовольственного положения страны, неизбежным срывом всего дела наших хлебозаготовок. Подведем теперь итоги. Мы еще не можем похвастаться безукоризненным положением на нашем продовольственном фронте. Индексы наших хлебозаготовительных цен не совпадают со ставками пятилетнего плана. Уровень всей сельскохозяйственной продукции также заметно отстает от этих ставок.

Однако вспомним, какова была общая установка пятилетки по отношению к сельскому хозяйству. Мы считали этот воз особо трудным. Лишь к четвертому и пятому году пятилетки мы рассчитывали поднять сельскохозяйственную продукцию так, чтобы уже рассчитывать прочно и на сель-

скохозяйственный экспорт. Следовательно, прежде всего нас не должны удивлять сельскохозяйственные перебои первых лет пятилетки. Вот уж где нужно предвидеть работу «всерьез и надолго».

Считаясь с сопротивлением капиталистических элементов и мелкобуржуазной стихии в области сельского хозяйства, — а 26 млн. крестьянских дворов это, несомненно, целая стихия, — мы расценивали и строительство социалистического сектора сельского хозяйства. Мы намечали к концу пятилетки для наших совхозов и колхозов посевную площадь в 27 млн. *га*. Это — величина немалая, примерно соответствующая посевной площади таких стран, как Франция. Разумеется, это еще не то, что нам нужно было бы иметь по потребностям нашего социалистического хозяйства. Во всяком случае эта ставка была одной из первых и решающих ставок всей пятилетки.

Рядом с ней должна была быть поставлена вторая ставка в том же направлении: к концу пятилетки мы должны были получить от социалистического сектора сельского хозяйства не многим более 40% товарной продукции зерновых[1]. Эта ставка необходима для нас для прочного овладения хлебным рынком, для укрепления нашей основной продовольственной базы. Кулак и подкулачник, десятипроцентная по численности зажиточная верхушка деревни — вот что противостоит нам на хлебном рынке. По грубым подсчетам эти 10% захребетников держат в своих руках около 40% товарного зернового хлеба, являясь нашими противниками по всей своей хозяйственной установке. Социалистический сектор сельского хозяйства и должен был вырвать у них из рук эту власть над рынком. Таковы две основные ставки нашей пятилетки.

Уже теперь можно с уверенностью сказать, что в 1929/30 г. социалистический сектор сельского хозяйства будет иметь в своих руках свыше 27 млн. *га* посевной площади и свыше 50% нашего товарного зернового внедеревенского оборота. А ведь тяга крестьянства в колхозы — на полном ходу. Районы сплошной коллективизации растут на наших глазах. Можно быть уверенным в том, что на втором году пятилетки мы не только выполним то, что намечалось для последнего года пятилетки, но что мы перевыполним и ставки контрольных цифр на 1929/30 г., которые уже перекрывали все предыдущие расчеты. А ведь рост социалистического сектора сельского хозяйства — это как раз то, что устраняет в нашем хозяйстве самое опасное, самое узкое место: все то, что мешает новым прочным формам производственной и социалистической смычки города и деревни. Как раз в этом ответственнейшем разрезе мы наблюдаем такой ускорительный процесс, на который мы не могли рассчитывать в еще совсем недавнее время. Я не знаю, что может быть поставлено рядом по своему решающему значению для судеб всего нашего социалистического строительства с этой гигантской тягой середняцких масс крестьянства в колхозы[2]. Мировая история крестьянского движения не знает ничего равнозначащего. Многое говорит за то, что к концу пятилетки нам можно уже думать о почти полной ликвидации самостийно-частного сельского хозяйства, а отсюда уже огромные сдвиги и для построения нашего генерального плана и для всех расчетов на развернутые формы социализма, ибо все это теснейшим образом связано с учетом новой, мощной производственной смычки рабочих и крестьян.

---

[1] Весной 1929 г. в колхозах были объединены 3,9% всех крестьянских хозяйств, в 1930 г. — уже 23,6%, в 1931 г. — 52,7%, в 1932 г. — 61,5% («Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 159).

[2] Из 23 млн. *т* государственных заготовок зерновых хлебов в 1931/32 г. 75% дал социалистический сектор сельского хозяйства («Итоги выполнения первого пятилетнего плана»).

Вот когда, товарищи, мы начинаем собирать посев за все испытания истекших послеоктябрьских лет. А если вы присмотритесь к нынешним формам социалистического соревнования, к перекличкам не только фабрик и заводов между собой, но и с крестьянским окружением, если вы учтете тот подъем индустрии, который осуществляется на ваших глазах работой индустриального пролетариата, то вы ясно увидите, как это настроение трудового крестьянского актива связано с движением индустриального актива. Не подлежит никакому сомнению, что и обратно: такое движение крестьянства в свою очередь даст новую зарядку и движению индустриальных рабочих.

Такова действительность. Она еще не может быть отлита в твердые цифровые итоги; здесь еще далеко не установившиеся формы движения: здесь все полно новых и новых сдвигов. Но это уже наше прочное достояние: что это так, мы сейчас докажем. Мы докажем это анализом уже твердых цифр и фактов, относящихся не к нашему будущему, а уже к нашему прошлому. Такое доказательство кстати будет полезным, чтобы раз навсегда отвести клевету наших врагов за рубежами СССР, разгромленных правых оппортунистов, контрреволюционеров троцкистов и остатков кулачества, не прекращающих утверждать, что в общем и целом наше хозяйство деградирует и что блестящими перспективами мы затушевываем нашу печальную действительность. Мы располагаем сейчас целой группой сводных показателей, позволяющих сопоставить ставки контрольных цифр на 1929/30 г. с хозяйственным уровнем 1913 г.

Мы знаем, товарищи, что в главных странах капиталистического мира численность населения все более и более приближается к стабильности. Франция с преобладающим по численности слоем мелкой буржуазии — классическая в этом отношении страна. Иметь только парочку ребят, но зато обеспечить себя хотя бы скудненькой рентой — идеал французского мещанства. По сути дела в капиталистических странах смотрят на новых пришельцев в свет как на будущих конкурентов, встречают их в штыки.

Для нас каждый новый гражданин — наш товарищ, воин великой социалистической армии труда.

Даже США, наиболее мощная капиталистическая страна, в своих перспективах рассчитывает, что 200 млн. населения — ее конечный предел.

По имеющимся у нас данным выходит, что в нынешних границах СССР в 1913 г. было около 140 млн. жителей. В 1929/30 г. в тех же границах мы будем иметь 158 млн. чел.[1]. Итак, суммарный прирост за истекшие годы — 13%; прирост ежегодный за последние годы — 2,3%.

В свое время Энгельс писал нашим народникам[2], мечтавшим о возможности для России миновать развитие в ней капитализма, что дело в этом отношении складывается по-иному. Жестокая колесница капитализма не минует России. Сокрушая миллионы существований, писал он, она сокрушит и обычный прирост ее населения. Но, на худой конец, рассчитывал он, все же Россия будущего будет располагать 100-миллионным по численности крестьянством, а это — достаточная сила для создания внутреннего рынка.

По данным учета наша деревня насчитывает 127 млн. душ, а прирост нашего населения продолжает многократно превышать прирост западных стран. И это — отнюдь не прирост беднеющего населения, прирост пауперов, свойственный странам Азии. Данные показывают, как крепнет индустриализация страны, как крепнет ее производственный капитал.

---

[1] К концу первой пятилетки (1932 г.) общая численность населения составила 165,7 млн. чел. («Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 284).

[2] Г. М. Кржижановский имеет в виду письма Энгельса к Николаю-ону от 24/II 1893 г. и 17/X 1893 г. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. М., 1922, стр. 305—308 и 311—313).

В 1913 г. армия рабочих насчитывала менее 3 млн. чел., в 1929/30 г. рабочих цензовой промышленности — около 3,5 млн. чел. В 1913 г. валовая продукция цензовой промышленности — 6,4 млрд. руб., в настоящее время она составляет по довоенным ценам 13,5 млрд. руб. — более, чем удвоение.

Каменный уголь довоенная Россия производила около 29 млн. т. СССР — почти 52 млн. т. А ведь это — хлеб промышленности. Производство нефти мы подняли в 1¾ раза, торфа — в 7 раз, электроснабжение — в 4,5 раза. Мы основательно жалуемся на металлический голод, ограничивающий размах нашего машиностроения. Но уже в прошлом году мы перешагнули через черту довоенной продукции черного металла, а исполнение программы 1929/30 г. приподнимет нас над уровнем 1913 г. сразу на 30%.

Достаточно этих данных, чтобы видеть, насколько в этих показателях индустриализации мы идем вперед, во много раз перекрывая прирост численности нашего населения. Живой массив нашего труда быстро идет вверх, но еще сильнее возрастает его производственное вооружение. А сдвиги в сельском хозяйстве говорят, что в этот процесс уже включен наиболее отсталый сектор нашего хозяйства — наше крестьянское хозяйство. Нетрудно представить себе, насколько «близки» к истине клеветники, распространяющиеся насчет общего упадка, общей деградации хозяйства СССР.

Эти цифры и факты свидетельствуют, что за истекшие 12 великих послеоктябрьских лет нашим трудовым активом пройдена огромная школа труда, создавшая мощную материальную базу для нового движения вперед, закаленная в испытаниях своеобразного революционного строительного творчества, укрепившего устои пролетарской диктатуры.

Можно различить три полосы нашей хозяйственно-политической послеоктябрьской работы.

Первая полоса — это борьба за политическое бытие нашего Союза, за утверждение пролетарской диктатуры мечом — военно-боевая полоса.

Вторая полоса — борьба с разрухой, обступившей нас со всех сторон после событий военной полосы, борьба за элементарное восстановление нашего хозяйственного механизма. Нам пришлось отступать от целого ряда целевых заданий военно-боевого периода великой Октябрьской революции, но отступать лишь в целях лучшего прыжка вперед. Повторяем: события пролетарских революций развертываются не месяцами, а годами. Мало сказать, что пять — шесть лет, первых лет «мирной передышки», охвативших эту полосу, мы были одни. Против нас выступал весь капиталистический мир, подвергший нас специальной осаде, специально сблокировавшийся против нас. И тем не менее, это испытание нами блестяще выдержано.

Мы подняли объем физической продукции страны за истекшие годы на 54% по сравнению с 1913 г. Только США показывают цифру несколько большего порядка — 64%, все остальные страны, участницы мировой войны, идут значительно ниже. Но ведь США была победительницей в мировой войне, в результате которой она оказалась владычицей мирового рынка и мирового капитала. А мы были разореннейшими из разоренных. Она блокировалась с сильнейшими державами, а мы единоборствовали. Несмотря на это, наш восстановительный темп подтянулся к темпу восстановления в США, оставляя за флагом другие страны.

Теперь перед нами третья полоса. В пятилетке партия характеризовала ее как полосу великих работ и развернутого социалистического наступления. Ускорительные темпы этой полосы, так явно ощущаемые ныне, уже предвидились Владимиром Ильичом Лениным.

Вспомним, как он потребовал от нас в 1921 г. сосредоточить внимание на борьбе с экономической разрухой. Но он же и предупреждал: пойдем

медленно, гораздо медленнее, чем рассчитывали ранее. Но, если пойдем так, что об руку с нами пойдут громадные массы трудового крестьянства, тогда с течением времени наступит такое ускорение, о котором нам раньше и не мечталось.

Наша хозяйственно-политическая действительность свидетельствует, что это новое ускорение, на которое рассчитывал Владимир Ильич Ленин, налицо. Его основной рычаг — новая хозяйственно-политическая смычка активов города и деревни — растет и крепнет на наших глазах. Это — в первую очередь прямой результат твердого, решительного проведения генеральной линии ленинской партии, руководимой т. Сталиным; это прямой результат и дисциплины труда и дисциплины, идущей от руководства партии; это — хозяйственно-политические итоги пережитых послеоктябрьских лет.

Наши недруги тщательно следят за ходом выполнения наших хозяйственных планов, весьма радуются нашим неудачам и перебоям. Но зачастую они скользят по поверхности и за деревьями не видят леса.

Исполнение контрольных цифр за 1928/29 г. не обошлось без перебоев. В понижении себестоимости промышленной продукции мы дотянули до 5% снижения, а намечалось 7%. К тому же заметно и некоторое снижение качества этой продукции. На пару процентов мы не одолели и в другом важном показателе — в расширении посевной площади. Что же, выходит, что мы сорвались в важнейших показателях плана? К такому выводу могут притти лишь поверхностные наблюдатели, не могущие охватить развитие нашего хозяйства в его движении, точнее, не умеющие диалектически подойти к хозяйственным проблемам.

Снижение себестоимости промышленной продукции в 1928/29 г. представляет своеобразную картину. Начало года совпало с изрядной неурядицей в наших промышленных предприятиях. Прилив новых деревенских кадров на фабрики и заводы, их внутреннее переустройство — все это на первых порах сопровождается многими неувязками. Начало года — значительная трудовая расхлябанность, расстройство работы известного «треугольника»: партоорганизаций, хозяйственников, профорганизаций. В результате за первое полугодие — какие-нибудь 2% снижения себестоимости, да и то с большой пестротой по различным отраслям.

Во второй половине года — решительный перелом. Решающее значение в этом переломе выпадает на долю растущей активности самого пролетариата. Начинает расти и углубляться волна перекличек, социалистического соревнования, формирования ударных бригад. Дисциплина труда растет из месяца в месяц. Максимальные сдвиги — к концу года, в последнем его квартале. На отдельных труднейших участках, например, в тонком машиностроении, — наибольшие достижения, нередко идущие далеко выше ставок контрольных цифр. А ведь полное освоение 7-часового рабочего дня, непрерывки, организационное упорядочение социалистического соревнования — все это еще впереди. Впереди еще и реконструкция промышленных организаций, борьба за новое лицо профсоюзов еще не закончена.

Каков же вывод? Вывод таков, что в борьбе за снижение себестоимости мы должны и можем стоять на твердых и прочных позициях. Хозяйственно-политическая динамика за нас и против наших недругов и оппортунистов.

Что представляла собой наша деревня в истекшем году? Огромное поле классовой борьбы. Кулаки и подкулачники почувствовали, что метла пролетариата решительно выметает их из их привычных эксплоататорских позиций. Они отвечали яростным саботажем, вредительством, напряженнейшей борьбой, на которую способен класс, обреченный на гибель. Бедняцко-середняцкий актив своими трудовыми усилиями должен перекрывать задания по расширению посевных площадей, чтобы компенсировать саботаж верхушечных групп деревни.

А разве мы уже в полной мере можем итти навстречу производственным запросам этого актива? Наша перспективная программа по тракторостроительству весьма обширна, но пока что «Красный путиловец» со своими 10 тысячами фордзонов — наша наиболее мощная единица, а поля наши требуют сотен тысяч тракторов. С химическими удобрениями дефицит еще более острый. Можно ли при таких условиях плакаться на недосев в 2—3%?

Нужно твердо помнить, что правильная оценка наших достижений по планово-социалистическому строительству требует прежде всего умения разбираться в весьма сложной хозяйственной обстановке: цифры наших хозяйственных планов надо уметь читать на ходу нашего пролетарского хозяйственного поезда.

За нашими хозяйственными планами стоят особые силы, которых не знает и не может знать капиталистическое общество. На первом месте здесь нужно поставить партию. В этом отношении 1929/30 г. особенно благоприятен. На ваших глазах ленинская партия под испытанным руководством великого преемника Владимира Ильича — товарища Сталина победоносно завершила свою борьбу с контрреволюционными троцкистами и полутроцкистами, с одной стороны, и с правыми оппортунистами и примиренцами — с другой. Она развернула фронт этой борьбы в интернациональном масштабе, и без преувеличения можно сказать, что ныне мы с особой силой чувствуем мощь ленинских позиций. То воодушевление, которое охватывает наши ряды при праздновании 50-летнего юбилея такого величайшего ленинца, каким является вождь нашей партии товарищ Сталин, красноречиво об этом свидетельствует.

Второй мощный рычаг нашего планово-социалистического строительства — наши профсоюзы. Им еще предстоит огромная работа — и вовне и внутри. Если нынешний лозунг профсоюзов «лицом к массам и к производству» будет реализован, если им удастся действительно возглавить миллионную массу своих сочленов на путях социалистического соревнования — успех будет обеспечен и с этой стороны.

Недавний съезд ударных бригад, продолжающаяся всесторонняя мобилизация пролетариата в разнообразных хозяйственно-политических кампаниях — все свидетельствует о крепком красном порохе в пороховницах нашего рабочего класса.

Впереди — огромная работа, работа больших трудностей, неизбежного нового напряжения сил.

Мы не чудотворцы и не готовые выученики. Примеров такого строительства мир не знал, учиться ему нам не у кого. Растем и учимся на собственном опыте и движемся вперед в темпах, изумляющих мир. И будем двигаться еще быстрее на прочных ленинских рельсах, реализуя то ускорение, на которое рассчитывал наш великий вождь.

Наконец, отмечу еще одну силу, которая еще не в наших руках, но должна быть и будет в них.

Мы знаем, что одного желания недостаточно, чтобы достигнуть желаемого. Нет, нужно и умение. Великие по самому своему *качеству* задачи, — а к ним следует отнести в первую очередь задачи построения социалистического общества, — требуют и великого умения. Отсюда — необходимость, все растущая и растущая, в работниках высокой квалификации, остота *вопроса о кадрах*.

Социалистический строй должен небывало развернуть фронт науки и техники на путях непосредственного обслуживания трудящихся масс. Здесь человек стоит над царством машинной техники и разнообразных технологических процессов, как небывало властный распорядитель. Но для этого требуется всесторонняя переквалификация отрядов трудящихся, причем простой физический труд все более и более будет отходить на задний план,

уступая место все более высококвалифицированному труду. Отсюда — все задачи того, что мы называем культурной революцией. Отсюда — уже наш нынешний громадный дефицит не только в необходимых нам техниках разнообразных категорий, но и в своих, красных, техниках. Здесь огромное поле и для нового развертывания фронта науки и техники и для новых «стандартов» их представителей.

Профессора и инженеры футлярного типа, чиновники от науки и техники — пережитки прошлого, но не носители нового, грядущего.

К чему нам инженер, застывший в своем движении вперед с тех пор, как он раздобыл фуражку с окольшем, или старозаветный профессор, изложивший свою премудрость в книжке, написанной лет тридцать назад и продолжающий угощать ею современную молодежь? Много ли добра от того, что такой субъект регулярно является на лекции, чтобы «отчитать» по тетрадке выдержки из своей ветхой книжицы и уйти?

На наших глазах жизнь прокладывает новые пути.

Наш Днепрострой со своими гигантскими машинными работами, поставленными на уровне новейшей мировой техники, сам по себе является громадной ареной подготовки новых строительных кадров. Строительный техникум, здесь сооружаемый, имеет все шансы стать показательным.

Такое же значение могут иметь и наши ударные показательные заводы, совхозы и железные дороги. Вот, где место и для образцовых техникумов и политехнических школ, вот где простор для создания новой образовательной сети, имеющий размах от краткосрочных курсов переподготовки и от фабзавучей до высших образовательных учреждений научно-исследовательского типа.

По линии производственной практики учащейся молодежи мы должны добраться до полной переоценки ценностей и научных дисциплин: здесь еще непочатый край работы.

Недавно один товарищ цитировал во время дискуссии на тему «Политика и наука» одно старинное стихотворение. Птичка билась в золоченой клетке, попав в какую-то беду. Человек открыл дверцы этой клетки и, желая ей помочь, просунул в них свою руку. Видя эту огромную руку, маленькое существо забилось в еще большем испуге.

Представители нашей технической интеллигенции во многом напоминают таких запутавшихся в золоченых клетках птенцов прошлого. А мощная мозолистая рука пролетариата только одна в состоянии вывести их из постыдных тенет обслуживания кучки засильников на могучий простор великой службы миллионам трудящихся (аплодисменты).

Выступая перед ленинградским активом, я не могу пройти мимо того особого значения, какое имеет ленинградский пролетариат в борьбе за подъем квалификации нашего индустриального труда.

Нужда в технической помощи вынуждает нас к большим жертвам, связанным с приглашением иностранных техников. Позвольте нам рассчитывать и на вас. Расстояние от вас до заграницы менее, чем расстояние от вас до многих и многих индустриальных уголков нашей страны, если измерять это расстояние не только географически, но и по степени квалифицированности.

В труднейшие времена ленинградский пролетариат всегда был на передовых постах. Ленинградское хозяйственное строительство не может замыкаться в себя. Когда ленинградские хозяйственники рассказывают мне о планах своего ленинградского строительства, я обычно спрашиваю их, а как несут они свой опыт туда, во всю нашу страну, как обеспечивают себе необходимый глубокий тыл.

Если ленинградский актив направляет техническую помощь своих работников вглубь страны, держит ли он с ними необходимую связь, достаточно ли организованно это проводится?

А ведь таким путем, между прочим, в значительной степени ликвиди-

руется та острота положения для оборонных предприятий Ленинграда, которая создается его окраинной территориальностью.

Сам по себе ленинградский плацдарм труда мощно окреп. Продукция ленинградской промышленности составляла в 1913 г. в ценностном выражении 807 млн. руб. В 1929/30 г. она будет свыше 2½ млрд. руб. К концу пятилетки она будет примерно в пять раз выше довоенной. Опыт «Красного путиловца» показывает, чего можно достигнуть путем кооперирования ленинградских заводов. А здесь еще только начало работ, резервы в этом отношении далеко не использованы. Ленинград может и должен понести выучку своих пролетариев и на Кавказ, и на Урал, и в Сибирь, строя могучие тылы, находящиеся с ним в организованной связи.

При таких условиях красный Ленинград станет неуязвимым, ибо он будет обладать таким тылом, который сможет отразить любое дерзновенное нападение.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на один драгоценный документ, идущий от Владимира Ильича. Документ этот лишний раз свидетельствует, что мы продолжаем находить в его наследстве все новые и новые ценности. Я говорю о конспекте речи Владимира Ильича, напечатанном в «Правде» от 27/IX 1925 г. Речь эта предназначалась для Всероссийского съезда советов в декабре 1922 г. Повидимому, он придавал этой речи особое значение. Только болезнь не позволила ему превратить этот конспект в речь. Итак, конспект относится к декабрю 1922 г. Владимир Ильич подводит итоги первого пятилетия за период 1917—1922 гг. и заглядывает в грядущее пятилетие — с 1922 г. по 1927 г. Он сравнивает две пятилетки, и уже одна такая тема придает особый интерес наброску Владимира Ильича.

Первое пятилетие заканчивает военную полосу великой Октябрьской революции. Как раз в это время Владивосток переходит в наши руки, и Владимир Ильич правильно учитывает, что полоса военных событий завершается. Какие же главные итоги этой полосы? Владимир Ильич четко выявляет их в положении: «Гражданская война с п а я л а рабочий класс и крестьянство, а в этом з а л о г н е п о б е д и м о й с и л ы». Далее он подчеркивает, что война была хорошей школой не только в военном смысле. Все наши лучшие хозяйственные работники недаром прошли через эту школу.

Припомним события 1922 г. В этом году нам пришлось пережить все последствия тяжкого, голодного 1921 г. Враги наши ожидали, что нас задушит именно костлявая рука голода. Оглядываясь назад, Владимир Ильич констатирует, что «голод прошлого года тоже преодолели». Что же дальше? «Теперь, — пишет он, — в с е ц е л о з а э к о н о м и к у, как (NB) п о д о й т и к социализму».

А ведь мы в 1922 г. находились на самом дне экономической разрухи. И тем не менее, коротко и ясно — «как подойти к социализму». Какой урок для жалких паникеров, отступающих перед конъюнктурными трудностями гораздо меньшего порядка, теоретизирующих по вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

Развивая мысль дальше, он отвечает. «Не иначе, как через н э п». А дальше он начинает оценивать позиции достижений первого пятилетия. Останавливается на финансах: «М а л ы й ш а г вперед». Еще целых два года понадобилось нам, чтобы добраться до твердой валюты, но он уже предвидит возможность движения в этом направлении. Останавливается на вопросах промышленности. Отмечает, что «легкая индустрия у л у ч ш а е т с я». По поводу тяжелой промышленности пишет: «трудно, но не безнадежно: шажок есть вперед».

Да, пришлось прождать целый ряд лет, пока эти шажки не смогли превратиться в шаги, пришлось еще пережить целую полосу разбазарива-

ния промышленности. Сколько в этих немногих строках могучего предвидения! В дальнейшем Владимир Ильич переходит к оценке возможностей грядущего пятилетия: предстоит «работа многих лет». В скобках поясняет: нам трудно, «мы одни, мы везем, а надо, чтобы нас везли».

Еще бы не трудно: наиболее разоренной, экономически отсталой стране превратиться в социалистическую страну, в авангард борьбы за действительное построение мирового социализма! Оценивая темпы хозяйственного строительства в 1922—1927 гг., он предвидит, что эти темпы будут более медленными, чем мы ранее предполагали, но как раз около 1927 г. ставит два больших вопросительных, ленинских, знака. Можно догадываться, что здесь он размышлял: не будет ли конец этого пятилетия годом перелома этих медленных темпов? Такая мысль тем более напрашивается, что в последнем пункте конспекта Владимир Ильич выдвигает положение: «Шефство городских ячеек над деревенскими и — наоборот»[1].

Этим положением как раз раскрывался секрет возможного грядущего ускорения, того ускорения, о котором мы беседовали с вами ранее: решающего наши судьбы великого социалистического ускорения.

Попробуйте по методу Владимира Ильича сопоставить ресурсы наших фактических достижений за 1922—1927 гг. и в его духе сделать прикидку на последующее пятилетие. Не ясно ли станет вам, что мы вступаем достаточно вооруженными в полосу великого перелома, в период великих работ и развернутого социалистического наступления?

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 383—384.

ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА[1]

I

Обсуждение вопросов построения генерального плана СССР в настоящее время разрослось в большую дискуссию, привлекшую широкий круг работников плановых органов и научно-исследовательских учреждений.

Я попробую бегло коснуться тех основных моментов, которые уже выявились в самом начале дискуссии. Начнем с методологии. Очень хорошо, что товарищи обращаются к первоисточникам — к Марксу, к Энгельсу и Владимиру Ильичу. Разбираясь в методологии, товарищи прежде всего хотят ответить на такой вопрос: надо ли итти от частного к общему, от анализа конкретной действительности к некоторым обобщениям, или обратно, т. е. надо ли итти аналитическим или синтетическим методом. При этом ссылаются на то место из Маркса, в котором он характеризует период «первоначального накопления» в общественных науках. Берется правильная цитата, в которой Маркс, действительно, констатирует, что охват конкретной действительности является гораздо более удачным уже после того, как первоначально накопленная сумма знаний дала возможность опереться на некоторые абстрактные обобщения, с помощью которых дальнейший анализ самой пестрой действительности принимает гораздо более стройную форму.

При этом некоторые товарищи забывают, что над аналитическим и синтетическим методами стоит третий решающий метод — метод диалектического материализма. Диалектический подход к действительности требует прежде всего такого проникновения в сущность явлений этой действительности, при котором она выступала бы как некоторый процесс, развивающийся «из себя»; это, разумеется, возможно лишь в том случае, когда в каждой фазе этой развертывающейся действительности будут наглядно вскрыты ее конкретные ведущие звенья.

Нам кажется, что те 10—15 лет, в которые мы входим в полосу генерального плана, являются действительностью совсем особого порядка, при том как раз такого, предвосхищение которого является делом величайшей трудности. Это будет, действительно, период развернутых великих работ и решительной социалистической перестройки отношений человека к природе и человека к человеку. Это — период исключительного торжества новейшей техники и своеобразного построения всей живой энергетики. Перед нами, быть может, — лишь самые небольшие звенья этой будущей новой действительности. Не рановато ли перехлестывать эту действительность скороспелыми обобщениями и математическими расчетами.

Вспомним прежде всего то, чему нас учил В. И. Ленин. Кому-кому, а уж ему-то нельзя отказать в одинаковом мастерстве как аналитического расчленения изучаемого предмета, так и в глубоком синтезе, превосходном

[1] Переработанная стенограмма выступления автора на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР (февраль 1930 г.). Печатается по тексту брошюры «Проблемы построения генерального плана», Планхозгиз, 1930.

умении перекрывать частности ясным и ярким обобщением. Тем не менее вспомним, с какой осторожностью подходил он к выявлению особенностей нашей революционной действительности, с какой настойчивостью он рекомендовал изучать местный опыт и какую умелость он проявлял в оценке таких звеньев этого опыта, которые на первый взгляд являлись как бы мельчайшими звеньями.

Вспомним, например, его известный наказ об организации местных органов[1], вспомните его статьи о первых субботниках, его замечания о социалистическом соревновании и т. д. Следуя этому примеру, мы заранее должны объявить себя весьма скромными учениками той эпохи, богатой новым великим творчеством, в которую мы вступаем. Такого действенного времени человечество еще не переживало. Вот когда мы можем сказать без всяких колебаний: в начале дело, а не слово.

Перед нами — не просто хозяйственная деятельность, а деятельность хозяйственно-политическая, строительство социализма под знаком обостряющейся классовой борьбы, долженствующей развернуться в борьбу миров. Перед лицом такой действительности странное впечатление производит утверждение, что на основании уже известных звеньев этого строительства возможно перебросить на 10—15 лет вперед некоторые математические мосты. Так ли это? Не опасна ли эта линия? Чем являются в настоящее время наши тракторы? Что это — скромное орудие, двигатель нового сельского хозяйства или настоящий социалистический пулемет? Возможно ли в таких условиях несколько пренебрежительное отношение к технике и горделивое заявление, что для коммунистов «экономика важнее всего», как это делают некоторые товарищи?

Будем осторожны; свое место принадлежит науке и ее обобщениям. Но нажим нам придется сделать на глубокий анализ этой своеобразной действительности, на некоторую переоценку ценностей. Эта переоценка — весьма трудная задача. Сдвиги решающего значения нередко будут начинаться с количественно малых величин и, тем не менее, будут знаменовать нарождение нового качества всей нашей хозяйственной обстановки. В свое время, конечно, придет и полнокровный синтез, но разве опыт пятилетки не показывает вам, как мы еще слабы именно в синтетическом охвате действительности. Поближе к этой действительности, чтобы не впадать в пустую схоластику — занятие самое опасное для экономистов, работающих методом диалектического материализма. Для того чтобы дорасти до необходимого синтеза, нам еще немало придется повариться в соку этой действительности, пройти еще ряд этапов нашего строительства, в котором мы должны будем преодолеть не только сопротивление материальной среды, но и тех пережитков, которые живут в нас самих.

Не нужно упускать из виду, что и по отношению к нашим планам мы должны соблюдать основной лозунг всей полосы решающей социалистической реконструкции, лозунг борьбы за качество продукции. Требуя высококачественной продукции от всех производственных органов, острие этого требования направим прежде всего на самих себя. Установка на наименьшие потери — одна из основных установок всего нашего строительства — не забудем применить эту установку и по отношению к нашим работам. Приобретено уже немалое, а дорога длинная. Нам предстоит всестороннее форсирование плановой работы, и подъем к генеральному плану — крутой подъем. Давайте крепить наш багаж.

Примерно через год исполнится десять лет нашей плановой работы. Это, несомненно, целый исторический этап, представляющий свои уже неотъемлемые достижения и завоевания. Не надо верить нытикам, скептически расце-

[1] Имеется в виду «Наказ СТО местным советским учреждениям».

нивающим и эти достижения и роль такого органа, каким является Госплан СССР. Не надо доверяться тем, кто склонен недооценивать значения планово-социалистических работ в условиях такой бурной оперативной полосы, которую мы переживаем. Мы убеждены в том, что еще никогда не было такого благоприятного времени для развертывания плановой работы. Разве не видно, что в целом ряде наших хозяйственно-политических позиций мы как бы вновь возвращаемся к постановке тех самых коренных вопросов, которые мы проклама мировали в первый, военно-боевой период Октябрьской революции. Но к этим вопросам мы подходим на этот раз с новыми предпосылками, с новыми шансами на успех. Теперь мы осуществляем то, что на первых порах мы только декретировали. Это — не перебои действительности, это ее диалектическое развертывание. Не подлежит сомнению, что в ряде важнейших позиций позиции борьбы за план в ближайшие годы должно быть отведено особо почетное место. В этом смысле самые грани между оперативной и плановой работой приобретают все более и более относительное значение.

Какой же важнейший вывод отсюда? Да будет этим выводом прежде всего то чувство величайшей ответственности, которое должно нас всех охватывать в нашей плановой работе. Мы проводим резкую грань между нашим плановым строительством и всем тем, что делается или предполагается делать в этом направлении за нашим рубежом. Мы знаем, что и Лига наций и энергетические конференции порой как будто бы пишут на те же темы, на какие пишем мы. Но мы не литераторы и не конкурируем с ними в этом отношении. Мы должны свою работу вести так, чтобы наши планы как бы вырубались из нашей жизни и чтобы мы имели право сказать всему миру, подобно тому, как когда-то сказал поэт, что «кровь есть жидкость особого рода», что наши планы — не литература, а документы, продиктованные нашей творческой действительностью. В особенности это надо иметь в виду по отношению к такому документу, каким должен явиться наш генеральный план.

Не только внутри нашей страны, но и за нашим рубежом начинают по новому считаться и с нашими контрольными цифрами и с нашими перспективными планами. Пятилетка стала таким же непереводимым словом, как и слово совет; так прямо и пишут на всех языках: пятилетка, советы... Это, товарищи, не только документы нашей борьбы, но и нашей защиты. Значение этих документов нашей борьбы и защиты трудно переоценить.

Никто из нас не сомневается, что наше время не имеет ничего общего с пацифизмом, что мы живем в условиях разгорающейся борьбы. Наша мирная передышка по своей длительности находится в прямой пропорциональности с ростом актива действительных борцов за социализм, с ростом актива Третьего интернационала. Не случайно, что спрос на пятилетку, на трактовку тех тем, которые связаны с ней, непрерывно возрастает среди интернационального пролетариата. А ведь именно этот актив борцов за действительное построение социализма один только способен ломать хищнические зубы акул капиталистического мира. Вот в каком направлении идет наша работа! Вот, откуда то чувство ответственности, которым должны быть проникнуты наши плановые работники!

Небезынтересны для нас и отзывы наших врагов. Вот, что, например, пишет орган плутократии «Анналист»: «В самом деле, было очень мало в истории экспериментов, которые бы могли претендовать на такой интерес, как пятилетка. Неужели при отсутствии необходимых иностранных кредитов можно собрать такие внутренние капитальные ресурсы, которые бы могли одолеть столь изумительную программу? Неужели к концу 1933 г. мы увидим Россию самостоятельной промышленной страной? План базируется

на предположении, что производство будет постепенно прогрессировать, увеличившись на 21,9% в первый год и на 22,6%, по сравнению с предыдущим годом, в последний. Возможности, создаваемые централизацией всех форм капитала, объединением всех видов экономической деятельности в стране, рационализацией и стандартизацией в невиданных масштабах, очевидны».

Со стандартизацией и рационализацией автору-американцу не посчастливилось, но дело ведь не в этих частностях, а в общем тоне этого заявления. В самом деле, какую позицию могут занять по отношению к нам наши недруги? Известны следующие три приема. Первое, что они хотели бы сделать, это замолчать то, что им неприятно учитывать. Замолчать чисто литературный документ — дело не особой трудности, но замолчать такие документы, которые вытекают из жизненной борьбы целого народа, — не так-то легко. Это легче сделать в том случае, когда данный народ можно, так сказать, снять со счетов.

Монополистический капитализм переживает сейчас нелегкое время. С рынками ему становится чрезвычайно тесно; скинуть со счетов такой союз народов, который охватывает одну шестую часть земного шара, — дело безнадежное. Политику замалчивания приходится отбросить. Тогда остается второй путь — оболгать, оклеветать. Пробовали поработать и в этом направлении. Наши планы назывались блефом, бессмыслицей. Их появление объясняли своеобразным безумием, охватившим целую нацию. Но неправдоподобность подобного объяснения слишком бросается в глаза. Тогда остался только тот третий путь, который мы в настоящее время слышим в хоре голосов, аналогичных голосу «Анналиста»: нельзя не признаться, но нельзя и не сознаться. Это — максимальный успех, на который мы можем сейчас рассчитывать у наших недругов.

Процитирую вам еще один любопытный документ, сообщенный Отделом печати Амторга. Вот, что нам пишет этот Отдел печати: «Книга «Совнет Юнион Лукс Ахед», превосходно изданная через посредство крупного американского издательства «Хорас-Ливерайт» [1], составлена была на основе первого тома «Пятилетнего плана народнохозяйственного строительства», выправленного арифметически, а также дополненного статьями о планировании народного хозяйства в СССР и о советско-американской торговле. Книга эта, выпущенная первым изданием в количестве 2 500 экз. для Америки и 500 — для Англии, была встречена американскими торгово-промышленными и финансовыми кругами, а также академическим миром чрезвычайно приветливо. Полученные нами сотни писем и появившиеся в печати рецензии говорят за то, что издание пятилетки будет иметь большое положительное влияние на развитие советско-американских хозяйственных связей. Промышленников и рецензентов поразила детальная цифровая разработка пятилетнего плана, который до тех пор они считали лишь общими указаниями. К настоящему времени книга разошлась почти полностью не только в Америке и Англии, но также и в Германии, Австрии и других странах. В США книга попала в руки руководителей основных фирм и банков, участвующих в советско-американской торговле, а также виднейших американских политических и хозяйственных деятелей и экономистов».

Приветливую встречу мы оставим на ответственности нашего корреспондента, но что деловой мир США должен считаться с возможностями нашего рынка — это верно и это относится к тем противоречиям, которыми переполнен современный капиталистический мир.

У нас, товарищи, тоже есть свои «противоречия»; но есть разница

[1] «The Sowiet Union Looks Ahead». The Five-Jear plan for economic construction, 1929, Horace Liveright, New-York.

между противоречиями капиталистического мира и нашими. Противоречия, охватывающие капиталистический мир, ведут его в тупик, противоречия же, на которые наталкиваемся мы, ведут нас вперед. Одно из противоречий капиталистического мира — хищная злоба по отношению к Советскому союзу и непреодолимое желание использовать рынок этого Союза. Конъюнктура современного капитализма такова, что чистоган сегодняшнего коммерческого расчета нередко превалирует над перспективой. При составлении таких планов, каким должен явиться наш генплан, нельзя упускать из виду и этого момента.

Конечно, мы ни в какой мере не самообольщаемся насчет наших достижений в плановом охвате нашего хозяйства. Наш съезд показывает, что работы его идут под знаком самокритики. И все же мы можем определенно утверждать, что в наших плановых работах нам не приходится учиться у Запада. В этом отношении следует обратить внимание на такой поразительный документ, каким являются работы комиссии Гувера [1], недавно вышедшие в двух томах под наименованием: «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов» [2]. Какое поразительное сочетание интереснейших цифр и фактов и наивно-ханжеской трактовки экономических вопросов. Или перелистаем вновь четвертое издание известной книги К. Баллода «Государство будущего», в которой этот автор выступает во всем фашистском своем обличии и пробует составить генеральный план не то социалистического, не то фашистского преобразования Германии. Каким наивным лепетом кажется нам теперь эта книга.

Итак, товарищи, нам приходится быть пионерами: почетное и трудное дело! Мы можем предохранить себя от целого ряда перебоев в нашей работе, если покрепче наляжем на рычаг диалектического подхода к нашей хозяйственной действительности. Наш генеральный план должен вырастать из диалектики генеральных линий строительства нашего хозяйства. Он будет реальным планом как раз в меру своего соответствия этой решающей предпосылке всей его компановки.

Сама наша плановая работа в своей совокупности представляет своеобразный диалектический процесс. Как мы начали? Мы начали с генерального плана, с плана Гоэлро. По обстоятельствам времени мы должны были перейти как бы к партизанской плановой работе на отдельных хозяйственных фронтах: этого требовала борьба с разрухой, наступившей в послевоенный период. Через несколько лет такой работы мы приступили к составлению первых опытов по контрольным цифрам. Лишь пятилетняя работа над контрольными цифрами приблизила нас в этом отношении к некоторому стандарту. Базируясь на опыте контрольных цифр, мы приступили к компановке пятилетнего плана. Профиль плана нам удался, но до стандарта мы еще далеки.

Переход к генеральному плану является, таким образом, естественным очередным этапом. К этому этапу нас неудержимо толкают обстоятельства нашего действительного хозяйственного строительства. Масштабы этого строительства таковы, что мы уже не можем укладываться по самому их размеру ни в пределах контрольных цифр, ни в пределах пятилетних планов. В самом деле, возьмем хотя бы строительство нынешнего Днепровского комбината, охватывающего и проблему Нижнего Днепра, и сопоставим его с теми наметками, которые связывались с Днепровской гидро-

[1] Гувер Герберт, б. президент США.

[2] Комиссия Гувера, работавшая с января 1928 г. по февраль 1929 г., подготовила двухтомную работу «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов Северной Америки», в которой дан анализ послевоенного развития американской экономической жизни, особенно со времени оживления, сменившего депрессию 1920—1921 гг. В русском переводе эта работа была издана Госиздатом в 1930 г.

на предположении, что производство будет постепенно прогрессировать, увеличившись на 21,9% в первый год и на 22,6%, по сравнению с предыдущим годом, в последний. Возможности, создаваемые централизацией всех форм капитала, объединением всех видов экономической деятельности в стране, рационализацией и стандартизацией в невиданных масштабах, очевидны».

Со стандартизацией и рационализацией автору-американцу не посчастливилось, но дело ведь не в этих частностях, а в общем тоне этого заявления. В самом деле, какую позицию могут занять по отношению к нам наши недруги? Известны следующие три приема. Первое, что они хотели бы сделать, это замолчать то, что им неприятно учитывать. Замолчать чисто литературный документ — дело не особой трудности, но замолчать такие документы, которые вытекают из жизненной борьбы целого народа, — не так-то легко. Это легче сделать в том случае, когда данный народ можно, так сказать, снять со счетов.

Монополистический капитализм переживает сейчас нелегкое время. С рынками ему становится чрезвычайно тесно; скинуть со счетов такой союз народов, который охватывает одну шестую часть земного шара, — дело безнадежное. Политику замалчивания приходится отбросить. Тогда остается второй путь — оболгать, оклеветать. Пробовали поработать и в этом направлении. Наши планы назывались блефом, бессмыслицей. Их появление объясняли своеобразным безумием, охватившим целую нацию. Но неправдоподобность подобного объяснения слишком бросается в глаза. Тогда остался только тот третий путь, который мы в настоящее время слышим в хоре голосов, аналогичных голосу «Анналиста»: нельзя не признаться, но нельзя и не сознаться. Это — максимальный успех, на который мы можем сейчас рассчитывать у наших недругов.

Процитирую вам еще один любопытный документ, сообщенный Отделом печати Амторга. Вот, что нам пишет этот Отдел печати: «Книга «Совиет Юнион Лукс Ахед», превосходно изданная через посредство крупного американского издательства «Хорас-Ливерайт» [1], составлена была на основе первого тома «Пятилетнего плана народнохозяйственного строительства», выправленного арифметически, а также дополненного статьями о планировании народного хозяйства в СССР и о советско-американской торговле. Книга эта, выпущенная первым изданием в количестве 2 500 экз. для Америки и 500 — для Англии, была встречена американскими торгово-промышленными и финансовыми кругами, а также академическим миром чрезвычайно приветливо. Полученные нами сотни писем и появившиеся в печати рецензии говорят за то, что издание пятилетки будет иметь большое положительное влияние на развитие советско-американских хозяйственных связей. Промышленников и рецензентов поразила детальная цифровая разработка пятилетнего плана, который до тех пор они считали лишь общими указаниями. К настоящему времени книга разошлась почти полностью не только в Америке и Англии, но также и в Германии, Австрии и других странах. В США книга попала в руки руководителей основных фирм и банков, участвующих в советско-американской торговле, а также виднейших американских политических и хозяйственных деятелей и экономистов».

Приветливую встречу мы оставим на ответственности нашего корреспондента, но что деловой мир США должен считаться с возможностями нашего рынка — это верно и это относится к тем противоречиям, которыми переполнен современный капиталистический мир.

У нас, товарищи, тоже есть свои «противоречия»; но есть разница

[1] «The Sowiet Union Looks Ahead». The Five-Jear plan for economic construction, 1929, Horace Liveright, New-York.

между противоречиями капиталистического мира и нашими. Противоречия, охватывающие капиталистический мир, ведут его в тупик, противоречия же, на которые наталкиваемся мы, ведут нас вперед. Одно из противоречий капиталистического мира — хищная злоба по отношению к Советскому союзу и непреодолимое желание использовать рынок этого Союза. Конъюнктура современного капитализма такова, что чистоган сегодняшнего коммерческого расчета нередко превалирует над перспективой. При составлении таких планов, каким должен явиться наш генплан, нельзя упускать из виду и этого момента.

Конечно, мы ни в какой мере не самообольщаемся насчет наших достижений в плановом охвате нашего хозяйства. Наш съезд показывает, что работы его идут под знаком самокритики. И все же мы можем определенно утверждать, что в наших плановых работах нам не приходится учиться у Запада. В этом отношении следует обратить внимание на такой поразительный документ, каким являются работы комиссии Гувера[1], недавно вышедшие в двух томах под наименованием: «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов»[2]. Какое поразительное сочетание интереснейших цифр и фактов и наивно-ханжеской трактовки экономических вопросов. Или перелистаем вновь четвертое издание известной книги К. Баллода «Государство будущего», в которой этот автор выступает во всем фашистском своем обличии и пробует составить генеральный план не то социалистического, не то фашистского преобразования Германии. Каким наивным лепетом кажется нам теперь эта книга.

Итак, товарищи, нам приходится быть пионерами: почетное и трудное дело! Мы можем предохранить себя от целого ряда перебоев в нашей работе, если покрепче наляжем на рычаг диалектического подхода к нашей хозяйственной действительности. Наш генеральный план должен вырастать из диалектики генеральных линий строительства нашего хозяйства. Он будет реальным планом как раз в меру своего соответствия этой решающей предпосылке всей его компановки.

Сама наша плановая работа в своей совокупности представляет своеобразный диалектический процесс. Как мы начали? Мы начали с генерального плана, с плана Гоэлро. По обстоятельствам времени мы должны были перейти как бы к партизанской плановой работе на отдельных хозяйственных фронтах: этого требовала борьба с разрухой, наступившей в послевоенный период. Через несколько лет такой работы мы приступили к составлению первых опытов по контрольным цифрам. Лишь пятилетняя работа над контрольными цифрами приблизила нас в этом отношении к некоторому стандарту. Базируясь на опыте контрольных цифр, мы приступили к компановке пятилетнего плана. Профиль плана нам удался, но до стандарта мы еще далеки.

Переход к генеральному плану является, таким образом, естественным очередным этапом. К этому этапу нас неудержимо толкают обстоятельства нашего действительного хозяйственного строительства. Масштабы этого строительства таковы, что мы уже не можем укладываться по самому их размеру ни в пределах контрольных цифр, ни в пределах пятилетних планов. В самом деле, возьмем хотя бы строительство нынешнего Днепровского комбината, охватывающего и проблему Нижнего Днепра, и сопоставим его с теми наметками, которые связывались с Днепровской гидро-

[1] Гувер Герберт, б. президент США.

[2] Комиссия Гувера, работавшая с января 1928 г. по февраль 1929 г., подготовила двухтомную работу «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов Северной Америки», в которой дан анализ послевоенного развития американской экономической жизни, особенно со времени оживления, сменившего депрессию 1920—1921 гг. В русском переводе эта работа была издана Госиздатом в 1930 г.

электрической станцией в плане Гоэлро. Не ясен ли колоссальный прирост масштаба строительства?

Самый масштаб заданий строительства Днепровского комбината теперь уже таков, что он перерастает рамки пятилетия. Его народнохозяйственная оценка никак не укладывается в рамки пятилетнего плана и возможна только в перспективе плана генерального.

Берем другую важнейшую проблему нашего строительства. Возьмем транспортное строительство в его целом. Если сопоставить возможные перспективы нашего грузооборота применительно к конкретным географическим данным нашей страны с грузооборотом США, то без особых трудностей можно доказать, что перспективно перед нашим транспортом стоит задача гораздо более грандиозная, чем перед транспортом США. Отсюда колоссальная программа и строительства и рационализации транспорта, взвесить которую в рамках пятилетнего плана невозможно.

Случайно или не случайно такие районы, как Сибирский край, Закавказье, Нижняя Волга, Урал, имеют уже свои черновые эскизные проекты генерального плана? Не случайно: большому кораблю большое и плавание. Масштаб экономики наших крупнейших районов таков, что в рамках пятилетнего плана ему явным образом тесно.

К тому же самому вопросу мы можем подойти и с несколько иной стороны. На наших плановых съездах мы как будто бы прочно установили три оси, три основных стержня нашего планирования: контрольные цифры, пятилетка и генеральный план. Чему учит наш опыт? Имеем ли мы какие-нибудь основания для отказа от этой основной схемы? Нам кажется, что никаких оснований налицо не имеется. В этих осях планирования мы имеем как бы три оси координат, ориентируясь по которым, мы находим для всей плановой системы в целом такое выявление, которое делает ее мощной основой всей нашей хозяйственной практики. Каждая из этих координат развертывает перед нами свои счета, каждая из них имеет свои цифры — показатели, свои балансовые счета, свои «допуски» погрешностей. Потрудитесь сосчитываться во всех этих направлениях, и тогда вы действительно сумеете находить такое оформление наших хозяйственных планов в пространстве и времени, которое соответствует нашим объективным нуждам. Мы видим, таким образом, что и с этой стороны мы, так сказать, прижаты к работам по составлению генерального плана.

Сомневается ли кто-нибудь из нас, что наша пятилетка была как бы преддверием к компановке генерального плана, что наличность такого генерального плана могла бы придать и для работ по пятилетке такой плюс, который избавил бы нас от многих ее нынешних недочетов, от той лихорадочной, ударной работы, к которой мы вынуждены в настоящее время прибегать именно в силу дефектов нашей пятилетки.

Наконец, последнее соображение: что вытекает из лозунга «пятилетка — в четыре года»? Выполнение этого лозунга означает, что 1931/32 г. явится конечным годом нашей пятилетки. В таком случае к составлению новой пятилетки мы должны приступить уже в 1930/31 г. Если эта новая пятилетка не будет подкреплена хотя бы эскизным проектом генерального плана, то ее дефекты будут еще большими, чем дефекты нынешней пятилетки. Это совершенно ясно, если поразмыслить, как быстро растет объем тех статей, которыми мы охватываем наш пятилетний перспективный план, как усложняется наше хозяйственное строительство все новыми и новыми законными заданиями. А так как работы по генеральному плану ввиду грандиозности этого плана займут не менее двух лет, то отсюда вывод — приступать к работам по этому плану мы должны немедленно, т. е. уже в текущем 1929/30 г. Вот те немногие замечания, которые, с нашей точки зрения, достаточны, чтобы охарактеризовать всю актуальность работ по генеральному плану.

Существует мнение, что в этом сочетании работ по пятилетке с работами по генеральному плану — методологически это вполне оправдывается — необходимо опереться на нашу старую пятилетку. Но тем самым предлагается влить новое вино в старые мехи. Операция смелая, но состояние этих старых мехов таково, что едва ли в данном случае это будет целесообразно. Лучше проиграть несколько во времени, но выиграть в качестве. А это качество, нам кажется, будет обеспечено лишь в том случае, когда мы работы по генеральному плану свяжем уже с новой (второй) пятилеткой.

Ответственность задачи требует особой осторожности. Что такое генеральный план такого строительства, каким является наше строительство? Владимир Ильич Ленин называл наш первый генеральный план второй программой партии. Если это было справедливо по отношению к плану Гоэлро, то тем более будет справедливо к наметкам нового генерального плана, который мы будем выполнять громадным коллективом по тем же ленинским вехам для решающего по своему историческому значению отрезка классовых боев пролетариата с его противниками. Такой план — ведущее начало для многих миллионов борцов. Он должен явиться генеральным заданием для передового отряда интернационального пролетариата, на плечи которого выпала великая нагрузка этих решающих боев. Можно ли такой план писать, что называется, «легким» пером? Не думаем. Может ли явиться такой план результатом некоторой легкой игры ума? Не забудем, что этот план примерно охватывает решающий участок того переходного времени из царства необходимости в царство свободы, который нам предстоит пройти, включая сюда и первые этапы коммунизма. Не ясно ли, что для этого периода наша свобода продолжает быть в значительной мере ограниченной пределами известной необходимости.

Как же при всем том нам быть?

Трудность составления генерального плана на переходный период настолько велика, что правильно утверждение, по которому нет такого гениального ума, единоличным размахом которого можно было бы разрешить эту труднейшую из трудных задач. Однако своеобразие нашего времени и наших дел таково, что в нем мы делаем ставку не на гениев, а на коллектив. То, что невозможно любому гению, то может оказаться возможным для достаточно мощного коллектива.

О необходимости немедленно приступить на другой день после социального переворота к составлению единого хозяйственного плана достаточно выразительно говорили и К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако, перечитывая теперь вновь и вновь знакомые места этих основоположников научного социализма, открываешь в этих строках нечто новое. Возьмем, например, следующую цитату из «Гражданской войны во Франции» К. Маркса и спросим себя: не говорит ли она теперь нам более, чем говорила раньше? Касаясь нападок идеологов буржуазии на первых коммунаров-повстанцев 1871 г., К. Маркс пишет:

«Однако нашлись же среди господствующих классов люди — и их не мало, которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство — не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии — неизбежные при капиталистическом производстве — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?» [1].

[1] «Гражданская война во Франции», ГИЗ, 1919, стр. 53.

Как отчетливо здесь связан коммунизм с тем строем цивилизованных кооператоров, о котором нам говорил т. Ленин, и как определенно подчеркнуто, что национальное производство будет организовано по общему плану ассоциациями производителей! Не ясно ли вам, что те установки, которые недавно нам приходилось слышать в Госплане относительно своеобразной, сложной кооперации плановых и оперативных хозяйственных органов, являются безоговорочно марксистскими. Да, многое из того, что нам приходится сейчас говорить, является уже сказанным. Вот, например, что писал Энгельс в своем письме Конраду Шмидту в июне 1891 г.: «Ваш план — переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит того, чтобы над ним подумать. Но я Вам посоветую выполнить его только в результате продолжительной работы. Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются. Каждый новый трест, например, изменяет их, и пункты для атак совершенно меняются даже в течение десятилетий» [1].

А ведь 1891 г. был как раз кануном такого развертывания потенции электротехники, всю мощность которого мы можем оценить лишь в настоящее время. Именно на электрической основе начались те сдвиги технологических процессов, в самых основах физико-химического познания материальной среды, революционное значение которых трудно переоценить. В этом смысле позиция наших атак еще более подвижна, чем в те времена, в которые писал эти строки Ф. Энгельс. Нам прямо следует сказать, что в нашем генеральном плане нам придется итти сознательно на некоторый «недорисованный портрет». Дорисован он будет на этот раз, конечно, не веками, а некоторым рядом лет, но этот ряд лет во всяком случае будет рядом изрядного характера.

Наш генеральный план, — так прямо и скажем, — лишь некоторый экскурс для синтетического охвата важнейших генеральных линий нашего строительства и только. А товарищам до последней степени хочется получить, насколько можно судить по уже развернувшейся дискуссии готовую модель первых этапов коммунистического общества в СССР. Некоторые товарищи, например, прямо так и утверждают, что технические установки в таком плане — вещь, так сказать, малозначащая, что генеральный план апеллирует к планированию высшего порядка, и этот высший порядок они характеризуют, между прочим, тем, что настаивают на необходимости заглянуть в работы утопистов и кое-что у них позаимствовать. С нашей точки зрения, подобное заигрывание с утопистами до добра довести не может.

К кому должны мы обращаться при работах по генеральному плану как к высшему судье?

Думается, что таким арбитром может быть лишь авангард нашего революционного пролетарского Интернационала. Что же может потребовать от нас в этой работе авангард рабочего класса по своей пролетарской совести? Нужно полагать, что он в философском смысле не спросит с нас большего, чем рабочий класс Франции семидесятых годов спрашивал от своих коммунаров. А это, в свою очередь, прекрасно развито К. Марксом в той же его блестящей работе, посвященной Парижской коммуне 1871 г. Вот какие выразительные строки писал на эту тему К. Маркс: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Изд. «Московский рабочий», М., 1923, стр. 288.

идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества»[1].

Вот эти строки и должны быть написаны крупным шрифтом как эпиграф нашего генерального плана. Они должны предохранить нас от опрометчивой адресовки к утопистам и от случайностей, приводящих к выдаче своего рода фальшивых векселей. Ограничив свою задачу рамками такого постулата К. Маркса, мы можем обеспечить себе тот здоровый минимум генерального плана, который является вполне для нас посильным.

Позволим себе при этом оговориться — это не значит, что мы в нашем генеральном плане можем освободиться от того «загада», о котором в свое время говорил Владимир Ильич. Но, если такой загад и необходим, то ошибки по его линии и неизбежны и простительны. Зато непростительны будут те ошибки, которые мы будем делать в анализе потенций ресурсов, имеющихся уже налицо, в силу всей предшествовавшей стадии капиталистической хозяйственной эпохи. В этом разрезе и может и должен быть дан чеканно твердый рисунок высвобождения на социалистический простор тех сил, которые уже созрели в недрах капиталистического общества, с особенной зоркостью должны быть выделены те элементы в этих силах, качество и порядок величин которых находятся в явном антагонизме с частнохозяйственным укладом. Это и только это мне хотелось бы здесь подчеркнуть.

Обратимся теперь непосредственно к концепциям по генеральному плану, развитым Ковалевским и Сабсовичем. Работы их — весьма полезный почин, но и только. Возьмем книжку Сабсовича «СССР через 15 лет», изданную год тому назад. Горячо пишет Сабсович, говорит конкретным языком, без абстракций, и тем не менее, в общем и целом, какой у него абстрактный подход к трактовке генерального плана!

Вот перед нами картина работ одного 1942/43 хозяйственного года, вполне конкретная картина, если не вдаваться в методологию всей этой работы по существу. Мы, — говорит Сабсович, — в 1942/43 г. развернем такое строительство, которое будет равно по своей мощности 240 Магнитостроям, причем по одному электростроительству мы дадим за этот один год 48 Днепростроев. Вот каков этот рисунок, который автор, кстати сказать, теперь считает «колоссально преуменьшенным». И все же нужно сказать, что автор не убеждает разум в достоверности такой ставки. А причина такой неубедительности в неправильной методологии всего построения, в технико-экономической необоснованности экстраполяций.

Тов. Ковалевский дерзает повысить ставки. Вот какие прикидки он нам дает. Покончив с пятилеткой в четыре года, он включает ее в генеральный план в качестве первого этапа; весь генеральный план он намечает на период 12—15 лет от начала первой пятилетки. По его подсчетам выходит, что наша продукция в 1937 г. будет примерно в два раза выше современной продукции США, причем в 1939/40 г. наши производственные фонды уже превзойдут фонды США: 750 млрд. руб. против 705 млрд. руб. На двадцать шестом году пролетарской революции мы будем иметь более чем ушестеренную американскую продукцию при двойных по сравнению с США фондах.

Насколько убедительны все эти расчеты? Подходит ли к ним т. Ковалевский таким путем, что значительная часть сомнений отпадает? Ведет ли он свои расчеты таким образом, что одно хозяйственное звено цепляется за другое и что один хозяйственный этап вытекает из предыдущего вследствие его диалектически правильного развертывания. Вот этого-то как раз и нет, а это и лишает выкладки т. Ковалевского той убедительности, на которую он рассчитывал. Особенно это резко бросается в глаза, если мы возьмем первый этап расчетов т. Ковалевского, ближайший к нам по времени отрезок. Он

[1] «Гражданская война во Франции», ГИЗ, 1919, стр. 53.

утверждает, что к началу шестнадцатого года революции, к 1932/33 г., мы будем иметь примерно 50% теперешней американской продукции. Запомним эту ставку и в дальнейшем анализе вернемся к ней для того, чтобы показать, насколько она является рискованной.

Однако не все те упреки, которые приходится слышать по адресу т. Ковалевского, являются обоснованными. Некоторые товарищи утверждают, что т. Ковалевский сосредоточился на технической стороне генерального плана, игнорируя его экономику. Такое утверждение несправедливо вдвойне. Технико-экономический анализ плана, наоборот, пока как раз самая слабая сторона в работе т. Ковалевского. По этому технико-экономическому анализу, на наш взгляд, он лишь скользнул математическим галопом. Математика частенько дает нам возможность перебросить мосты через те провалы, которые существуют в нашем положительном знании. Однако от математической истины до математического парадокса — только один шаг. Недаром учение о корреляции играет такую большую роль, когда мы пытаемся воспользоваться математическими приемами как практически годным рычагом. Перебрасывать же спасительные мосты через провалы в нашем познании окружающей нас исключительной действительности, той действительности, которая на наших глазах превращает мелкое и мельчайшее в великое и движущее, — занятие, вдвойне рискованное.

По аргументации товарищей, упрекающих т. Ковалевского в переоценке фактора техники, мелькают прямые подчеркивания, что для нас, коммунистов, на первом месте должна стоять экономика. Выходит так, что техника с одной стороны, экономика — с другой, т. е. или-или. Другого не полагается. Так ли это на самом деле? Для того чтобы не быть голословными, приведем здесь обстоятельную цитату на эту тему из письма Ф. Энгельса к Штаркенбергу. Вот что писал Энгельс в 1894 г.:

«Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят все, что требуется для поддержки их жизни, и как они это произведенное обменивают (поскольку существует разделение труда). Таким образом сюда входит вся техника производства и транспорта. Эта техника, согласно нашему мнению, определяет также и способ обмена, затем распределение продуктов, а следовательно, после разложения родового строя, также и разделение на классы, а следовательно, отношения господства и подчинения, а следовательно, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается и географическая основа, на которой эти отношения возникают и существуют, и перешедшие от прошлого остатки прежних экономических эпох, которые продолжают сохраняться или по традиции или в силу инерции, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII в.в. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы науки свалились с неба» [1].

Нам кажется, что здесь относительно взаимоотношений техники и экономики сказано с такой определенностью, что дальнейших комментарий не тре-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 314.

буется. В нашей работе техника и экономика должны быть спаяны единством, а это единство делает технико-экономический анализ как раз решающим анализом и как раз в этом пункте т. Ковалевский пока не дал того, что он должен был дать.

Вытекает ли из всего сказанного, что в развертывании генерального плана мы предлагаем ограничиться, так сказать, технологическим рисунком? Конечно, нет. Конечно, нет никакой возможности отрывать общественные отношения от их технологической базы. Но хотелось бы здесь подчеркнуть, что наше положение далеко неравноценное в том случае, когда мы пытаемся дать некоторое развертывание этой технологической базе, и в том случае, когда мы сосредоточиваем свою мысль на диалектике общественных отношений. В первом случае под нами совершенно твердая почва. В наших руках великолепные документы прошлого и настоящего, те документы, которые вручены нам зенитами достижений капиталистической практики. Но как только мы переходим к общественной надстройке, нам приходится переходить немедленно из положения учителей в положение учащихся.

Нам представляется, что по временам у нас проскальзывает до некоторой степени народническое отношение к рабочему классу. Между тем, мы должны отчетливо сознавать, что в целом ряде направлений мы идем к этому рабочему классу именно как учителя. Вспомним, например, как вел себя Владимир Ильич на заре нашей партийной работы в борьбе с меньшевиками всех разновидностей, с узкими «экономистами» того времени, с различными разновидностями махаевцев. Вспомним, с какой решительностью он настаивал на том, что мы не можем предоставить рабочий класс самотеку, что этот самотек легко впадает в фарватер узкой цеховщины и тред-юнионизма. Образовывая нашу партию, мы шли в рабочий класс в целях пропитания его сознания началами научного социализма, шли и как товарищи и как учителя и не ошибались в своих расчетах. Мы на деле доказали, что именно таким путем кует свою политическую партию пролетариат. Этого урока из нашего прошлого мы никогда не должны упускать из виду. И тем не менее, — мы не только учителя, но мы и выученики. И очень многому мы учимся у нашего же рабочего класса.

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация. Понимая под электрификацией развертывание энергетического хозяйства в его целом, мы многому и многому можем научить пролетариат, научить как раз в этом энергетическом разрезе нашей работы. Но как только мы переходим к трактовке тех трансформаций нашей общественной среды, которые связаны с подъемом всего комплекса общественных отношений, покрываемых понятием советская власть, из положения учителей мы немедленно переходим в положение скромных учеников. Здесь нам приходится учиться и переучиваться, руководствуясь великим опытом нашего трудового коллектива. Весь успех компановки плана — в отсутствии разрыва в этом месте, в создании как раз здесь возможно полного диалектического единства. Как раз здесь наибольшие трудности, преодоление которых может быть только относительным. Как раз здесь еще нет и не может быть так называемой научной уверенности, как раз здесь место тому ленинскому «загаду», о котором он в свое время говорил. Но отсюда же — и та особая роль, которая выпадает во всем нашем генеральном плане учению энергетики.

II

Приступая к нашим работам по генеральному плану, мы, по сути дела, продолжаем работу, начатую планом Гоэлро. Попрежнему становым хребтом генерального плана является электрификация. Излишне доказывать, что это обстоятельство обусловлено тем, что электрификация является высшей каче-

ственной величиной в плане энергетики. За истекшее десятилетие накопилось громадное количество новых фактов, новых работ научно-исследовательского характера, чрезвычайно подкреливших ту точку зрения, которую мы развили еще в 1920 г. Между прочим, в портфеле работ, направляемых нами на Берлинскую энергетическую конференцию 1930 г., находится работа т. Вейца [1] на эту тему, которую весьма желательно издать на русском языке. Эта работа т. Вейца является своего рода обвинительным актом, направленным против тех теоретиков монополистического капитализма, которые видят в нем предел, «его же не прейдеши».

Приходится констатировать, что в нашей и иностранной литературе мы еще пока не имеем общепринятых формулировок того, что обнимается понятием энергетика. Определение общего понятия энергетики нередко сопровождается большой путаницей. Однако к каким выводам уже совершенно бесспорного значения приходят те работники, которые продумывают этот вопрос. Приведем следующую цитату из вышеупомянутой работы т. Вейца:

«В целях радикального решения энергетической проблемы в основных частях мирового хозяйства на данной ступени развития производительных сил передовая техника выдвигает в качестве генерального и руководящего направления проблему осуществления единой органической системы электротеплосилового хозяйства в масштабе отдельных районов, областей и стран на основе наиболее совершенного технического перевооружения. В это генеральное русло поступательного движения современной энергетической техники, по существу, вливаются все частные потоки рационализации энергетического хозяйства».

В некоторой аналогии с тем разделением, которое принял Эйнштейн для своей частной и общей теории относительности, мы можем пока сосредоточить наше внимание именно на этом генеральном русле энергетики, которое явится как бы своего рода «теорией частной энергетики». Для нас важно подчеркнуть, что именно эта частная энергетика на данном этапе развития производительных сил является решающей величиной.

Еще не предрешая вопроса о единстве счета и учета всего круга трансформаций энергии, обнимаемого нашими технологическими процессами, еще останавливаясь перед расшифровкой закономерностей, связанных с живой энергетикой и в особенности с той ее наиболее совершенной формой, которая дается социалистической организацией труда, мы будем знать, что социалистическая организация хозяйства, правильно разрешая вопрос о наиболее эффективном теплосиловом балансе, уже намного опережает то, что может быть дано в пределах капиталистического строя. И как только мы начинаем уточнять наши позиции в этом направлении, мы немедленно врезываемся в самую гущу злободневных вопросов нашего хозяйственного плана. В этом направлении перед нами развертывается обширная и плодотворная область новых работ как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства и транспорта.

Мы отнюдь не можем похвастаться тем, что и в области частной энергетики командные высоты с достаточной определенностью закреплены в нашем строительном плане. Легко показать, каким образом дискуссия на относящиеся сюда темы немедленно приобретает жгучий интерес. Стоит только остановиться на технико-экономическом анализе, посредством которого мы пытаемся взвесить роль отдельных статей нашего топливного баланса, определить соотношение сил так называемых местных топлив и топлива дальнего

[1] В. И. Вейц, Энергетическая проблема современного мирового хозяйства

привоза, как мы немедленно видим, что отсюда прямая линия к разрешению основных вопросов всей транспортной системы и вопросов, связанных с размещением промышленности и сельского хозяйства по нашей стране, т. е. вопросов, являющихся основой строительства ее «экономических штатов», ее экономического районирования.

Отнюдь не случайно, что при формальном признании за электрификацией роли красной строительной линии нам не удается создать в этой области необходимого опережения и выйти из тисков электрического дефицита даже в таких индустриальных районах, как Донбасс, Ленинградская область и Московско-Промышленная область.

Теплофикация и электрификация — это как бы два крыла того звена энергетики, которое, как мы сказали раньше, представляется решающим для всей энергетической цепи. Теперь уже не приходится аргументировать значение электрической связи для обобществленной организации работ всех наших тепловых установок.

Мы знаем, что наши электрические установки за последнее десятилетие сделали большой положительный сдвиг в удельных расходах тепловой энергии, в расходах топлива на выработку киловаттчаса электрической энергии. И тем не менее, коэфициент полезного действия наших электроцентралей, если даже отобрать наиболее рационализированную верхушку их, составляет всего 10—15% в среднем. При теплофикации мы сразу делаем скачок в этом коэфициенте полезного действия на целые добавочные 30—40% вверх. И, однако, дело теплофикации у нас находится на самых первоначальных этапах, что, несомненно, сопровождается потерями, составляющими ежегодно многие сотни миллионов рублей.

И важнейшие вопросы топливного баланса и решающие вопросы экономического районирования немедленно приводят нас к тем или иным установкам транспортного строительства, как бы предопределяют стиль его. Приходится констатировать, что и в оценке генеральной линии строительства транспорта мы отнюдь не можем похвастаться единством мнений. Делаются определенные попытки скомпрометировать самую установку на магистрализацию и сверхмагистрализацию транспорта, на переход от парового транспорта к тепловозам, к электровозам, с аргументировкой такого рода, что подобная реконструкция является попросту расточительством общественных ресурсов. Защитники таких позиций договариваются до таких положений, в свете которых всякие расходы на транспорт являются как бы злом, с которым приходится считаться только в силу недостаточной продуманности общих строительных линий нашего хозяйства. Все эти вопросы, конечно, с особой резкостью вырастают перед нами всякий раз, когда мы пытаемся раздвинуть рамки нашего перспективного планирования, т. е. в особенности при рассмотрении проблем генерального плана. Для подхода к разрешению основных проблем транспорта у нас нет более надежных средств, чем те, которые мы можем получить технико-экономическим анализом элементов частной, относящейся сюда, энергетики.

Таким образом и шатания в области вопросов генерального строительства транспорта следует отнести к дефектам нашего энергетического анализа, к разрыву между словом и делом, между теорией и практикой хозяйственного строительства.

Вопросам транспорта придется во всяком случае отвести в нашем генеральном плане весьма видное место. Поэтому необходимо хотя бы беглыми штрихами отметить здесь некоторые опорные пункты.

Прежде всего можно ли при решении транспортных задач исходить из соображений экономии транспортных расходов, взятых «самими по себе»?

Можно ли упрощать самую постановку этого вопроса, ссылаясь на то, что социалистическое хозяйство, изгоняя все и всяческие перерасходы на

путях «обращения», также сумеет сузить и транспортные расходы, ибо транспорт, по преимуществу, «средство обращения»?

Недвусмысленный ответ на этот вопрос дается самими Марксом и Энгельсом. К. Маркс резко подчеркивает, что транспорт — это «транспортная промышленность», т. е. дает таким образом достаточный отпор всем любителям трактовать транспортную проблему, как специфическую проблему обращения.

А. Ф. Энгельс как бы предвидел многое в дискуссии наших дней, когда писал в своем «Анти-Дюринге» нижеследующие строки:

«Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от тесных рамок, в которых находится местное производство необходимых для нее сырых продуктов. Текстильная промышленность перерабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда перерабатывается в Англии и Германии, испанская и южноамериканская медная руда — в Англии. Каждая каменноугольная копь снабжает горючим материалом промышленные округа, находящиеся далеко за ее границами и увеличивающиеся с каждым годом в числе. На всем европейском материке паровые машины питаются английским, местами немецким и бельгийским каменным углем. Освобожденное от пут капиталистического производства, общество сможет пойти еще дальше в этом направлении. Порождая новое поколение всесторонне развитых производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и изучающих практически, каждый в отдельности, весь ряд отраслей производства от начала до конца, оно может создать новую производительную силу, которая с избытком покроет расход по перевозке из самых отдаленных пунктов сырья и горючих материалов»[1] (разрядка наша. — *Г. К.*).

Нам кажется, что эта выдержка из Ф. Энгельса должна являться руководящей при обсуждении самих масштабов предстоящего транспортного строительства. И ее ни в коем случае не следует затирать соображениями и ссылками на того же Ф. Энгельса, говорящими о конечном крушении урбанизма, об уничтожении не только крупных городов прошлого, но и вообще противоречий между городом и деревней. Как построена аргументация в последнем случае? Противники магистрализации транспорта и концентрации грузооборота знают, что практически мы движемся в этом направлении, исходя из форм нынешнего грузооборота, задания которого подчеркиваются работой нынешних крупнейших индустриальных центров с их концентратами промышленности в крупных городах, с их специализацией в народном хозяйстве. Уничтожить крупные города, уничтожить специализацию нынешних индустриальных районов — это значит, по их мнению, уничтожить основы магистрализации транспорта.

Но ведь это схоластически-абстрактный подход к трактуемой теме!

Как только мы начинаем считаться с фактической ролью этих центров, сейчас же становится ясным, что задания транспорту по этой линии неотвратимы. Лишь подъем производственной эффективности их может обеспечить нам наиболее эффективное расселение промышленности по стране, ибо такое расселение из «пустоты» создано быть не может. Миллиардные вложения в промышленность наших крупнейших центров еще отнюдь не втянуты в социалистическую реконструкцию. Как только мы начинаем по-деловому ставить вопрос о рациональной кооперации существующих фабрик и заводов, мы немедленно убеждаемся, что работа этого рода еще на своих первоначальных этапах. Переброска плохо продуманных мостов от современных индустриальных центров к некоторой уравнительной системе не-городов и не-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 301—302.

деревень — это разрешение противоречия между городом и деревней не в действительности, а в пустоте абстракций.

Пора отбросить также побасенки о миллиардах, якобы связанных с осуществлением проектировок магистрального транспорта. Сопоставим нынешние проекты усиления выходов из Сибири в НКПС и в Госплане, т. е. в группировках защитников экстенсивного и интенсивного транспорта. Мы не ошибемся, если скажем, что тот и другой проект по своим капитальным расходам расходятся на сумму порядка 1,5 или 2 сотен миллионов рублей.

Возьмем достаточно известный вариант электрификации Московско-Курской железнодорожной магистрали. В нем мощность перевозок порядка 30 млн. *т* обеспечивается затратой 300 млн. руб., если не учитывать стоимости того ассортимента оборудования парового транспорта, который одновременно с электрификацией этой магистрали явится свободным ресурсом для использования в железнодорожной сети (примерная стоимость — 100 млн. руб.). Итак, и в этом случае «сверхмагистрализации» предвидится расход порядка 200 млн. руб., т. е. транспорт не рискует здесь большим «задаливанием» средств, чем это имеет место в нашем обычном крупном индустриальном строительстве. Другими словами, «транспортная индустрия» здесь лишь выравнивает свой фронт капитального строительства с общеиндустриальным. А каковы преимущества? По имеющимся подсчетам электрификация Курской дороги дает увеличение провозной способности: при существующей 16-*т* стяжке на 60% (1,6 раза), при 25-*т* — на 150%, при стяжке в 50 *т* — на 400% (в пять раз). Стоимость перевозки 1 *т* угля (Никитовка — Москва) спускается с 11 р. 50 к. (нынешний тариф) до 5 р. 50 к. при варианте 16-*т* стяжки и значительно больше при усиленных стяжках.

Однако цифры и факты, трактующие вопросы энергетической рационализации транспорта, действительно, переносят нас к счетам порядка многих сотен миллионов, но совсем не в том духе, как то мерещится защитникам экстенсивного транспортного «орошения» наших транспортно-пустующих земельных просторов.

Энергетическая мощность нашего парового транспорта может быть исчислена величиной порядка 10 млн. *л. с.* По этой мощности наш паровой транспорт — своего рода энергетический Левиафан. Какова эффективность, коэфициент полезного действия этого колосса? Какие-нибудь 5—7%. Можно ли значительно увеличить этот показатель, оставляя транспорт в той обособленности, в которой он существует по традициям перегородок между различными индустриальными подразделениями? Очевидно, что пределы подъема здесь также ограничены, как ограничены они для любого «горизонтального» треста индустрии. Но в индустрии мы знаем и вертикальное трестирование и, наконец, установку на сложные производственные комплексы с максимально выгодным общим энергобалансом. Должен ли транспорт быть в стороне от этой общеиндустриальной линии строительства? Конечно, нет; конечно, перед нами лишь вопрос календарной очередности включения транспортных комбинатов в сеть прочих промышленных комбинатов.

Если верны эти общие соображения, — а они нам представляются бесспорными, — то отсюда целый ряд новых конструктивных начинаний и по общей конфигурации транспортной сети и по всем линиям транспортного энергохозяйства. В сумме они должны привести к полной переоценке ценностей факторов нашей энергетики, мощно приподнять значимость транспортного хозяйства в энергетическом учете. Эта переоценка неминуемо приведет к таким многомиллионным счетам в экономии нынешних транспортных «потерь», перед которыми расчеты нынешних критиков реконструкции транспорта, намеченные еще в начале Гоэлро, неминуемо покажутся крохоборческими.

Обратимся теперь к некоторым конкретным предложениям т. Ковалевского; т. Ковалевский полагает, как мы уже отмечали выше, что конец пятилетки может нам дать примерно половинную продукцию по сравнению с США. Расчет такого быстрого подъема основан, между прочим, на преимуществе основных качественных показателей нашего хозяйства. Быстрый подъем нашей электрификации, несомненно, является одним из крупнейших показателей этого рода.

Посмотрим, однако, как фактически обстоит дело в этой решающей отрасли. Рост мощности наших районных станций фактически идет в таких цифрах:

	Октябрь 1928 г.	Октябрь 1929 г.	Декабрь 1929 г.	Октябрь 1930 г.	Декабрь 1930 г.
Тыс. *квт*	528	694	854	1 170	1 310

Если учесть, что в этой мощности имеется еще около 150 тыс. *квт* машин, установленных до революции, то окажется, что мы выполнили по настоящее время около 50% задания плана Гоэлро. Минимальным сроком для плана Гоэлро было десять лет, истекающих в декабре 1931 г. Сопоставляя исполнение нынешнего плана электрификации, мы можем притти к заключению, что его количественный масштаб будет осуществлен примерно на полгода ранее этого минимального срока. План нашей пятилетки на полтора года перекрывает срок плана Гоэлро.

Допустим, что мы в соответствии с лозунгом выполнения пятилетки в четыре года проведем осуществление программы нашего электростроительства возможно форсированным темпом. Допустим, что вместо 5 млн. *квт* установленной мощности мы дадим 6 млн. *квт* установленной мощности и вместо 22 млрд. *квтч* вырабатываемой электроэнергии — получим свыше 30 млрд. *квтч*. Заметим кстати, что для осуществления такой форсировки мы должны будем предварительно создать резкий перелом и в темпах нашего электростроительства и в методах его финансирования. В таком случае наши 6 млн. *квт* районных станций составят менее $^1/_5$ доли нынешних районных станций США при отпуске, равном примерно $^1/_4$ районного электроснабжения США. Наши вложения в электроснабжение центральными станциями будут составлять тоже примерно пятую долю против капитальных вложений США (2 млрд. долл. против 11 млрд. долл.). Этот расчет наглядным образом показывает, что т. Ковалевский недостаточно оценивает те «ножницы», которые существуют в основных звеньях нашей индустриальной структуры и США.

Недостаточно ясное представление о масштабах той энергетики, которую нам нужно будет осуществить для того, чтобы несколько «американизировать» наше хозяйство, создает путаницу в целом ряде вопросов. Оно ведет, между прочим, к совершенной переоценке той роли, которую могут играть так называемые местные топлива в нашем общем энергетическом балансе. Пересмотр заданий по черному металлу приводит к глобальной цифре 15—17 млн. *т* чугуна к 1932/33 г. Это требует в свою очередь подъема нашей угледобычи (если черный металл взять за стандарт общеиндустриального подъема) до 150—160 млн. *т*. Допустим теперь, что задачей нашего генерального плана, который должен охватить срок в пределах 10—15 лет, мы поставили бы не перегон США (как это делает т. Ковалевский), а догон ее в важнейших разрезах индустрии. К каким бы ставкам это нас могло привести? По черному металлу нам надо было бы взять ставку около 50 млн. *т*. По районным станциям нам надо было бы давать ежегодный прирост их мощности от 40 до 50% с тем, чтобы получить в последнем итоге нынешнюю мощность районных станций США, т. е. около 30 млн. *квт*. В таком случае, делая максимальный нажим на рационализацию топливоиспользования, нам следовало бы иметь общую угледобычу, доведенную к концу генерального плана до 500 млн. *т* (против 600 млн. *т* США).

Как в свете этих прикидок, конечно, чрезвычайно грубых, должен быть ориентирован наш общий топливный баланс?

Допустим, что мы в пять раз форсируем торфодобычу по сравнению с нашей пятилеткой, т. е. дадим задание примерно в 100 млн. *т*. Допустим, что мы дадим гигантское развитие нашему сланцевому делу: до 35 млн. *т*. Тогда, придерживая подъем дровоснабжения с 60 млн. до 85 млн. $м^3$, мы должны будем наметить для нефти и газа задание примерно в 100 млн. *т*. Для Донбасса и Кузбасса — примерно 300 млн. *т* и для всех прочих угольных районов — около 200 млн. *т*. Мы не можем здесь останавливаться на детализации этой прикидки. Отметим только, что в ней дан напряженный максимум всем видам местных топлив, и все же на поверку выходит, что основными колоссами нашего топливного хозяйства остаются Донбасс и Кузбасс. Распределение добычи между ними целиком будет зависеть от дальнейшей политики расселения промышленности и установления транспортных межрайонных и магистральных связей. Приведенные нами расчеты взяты из тех работ наших энергетиков, которые подготовляются к ближайшей топливной конференции[1]. Здесь подытожена работа большого коллектива, и если этот коллектив не ошибается, то, на мой взгляд, сразу снимается целый ряд спорных вопросов и о магистрализации транспорта и о вытеснении чудесами химии и теплотехники дальнепривозного топлива топливом местного значения.

Но, быть может, путем газопроводов возможна широкая замена железнодорожного транспорта и такое вклинивание местного топлива, которое обойдено нами в предшествовавших расчетах? Для того чтобы ответить на этот вопрос, осветим некоторые относящиеся сюда технико-экономические показатели. Расчеты энергетической группы наших работников таковы:

Капитальные затраты (полные, с добычей топлива и его переработкой на газ) составляют на 1 *т* заменяемого привозного высокосортного топлива: а) при газопроводах — 175—200 руб.; б) при железнодорожных перевозках (с затратами на магистраль и добычу) — 50—60 руб., т. е. в первом случае — примерно в 3—3½ раза больше.

При этом затраты только на транспорт составят на 1 *т* привозного топлива: а) в газе (на 150—200 *км*) — 80—90 руб.; б) привозный уголь (1 100 *км*) с учетом затрат на сверхмагистраль — 20 руб.

Стоимость 1 *т*: а) привоз топлива в Москве у потребителя — 25 руб.; б) эквивалентного количества тепла в газе — 60—65 руб.

Общий энергетический коэфициент полезно использованного тепла в топке в виде: а) газа с дальней передачей равен 0,39; б) непосредственного сжигания каменноугольного топлива равен 0,52.

Из этих цифр видно, что идея сплошной газификации и передачи газа по трубам для таких районов, как Московско-Промышленной и Северо-западной областей, требует специальной дискуссии.

Примерно на 10 млн. *т* привозного топлива затраты (со сверхмагистрали) составят около 500 млн. руб., а при газовой обширной сети — 1 500—2 000 млн. руб. Эти расчеты носят, конечно, грубо ориентировочный, предварительный характер. На предстоящей топливной конференции мы их продискуссируем. Однако не подлежит сомнению, что порядок учитываемых величин и общие установки выдержат любую дискуссию. Вероятно, и топливной конференции придется признать вслед за нами, что идею широкого использования местных топлив нужно проводить путем их непосредственного использования на месте или вблизи места добычи, так как низкосортное топливо не выдерживает дальних железнодорожных перевозок и современные методы их облагораживания и придания им транспортабельности еще более

[1] Речь идет о Всесоюзной топливной конференции, состоявшейся в марте 1930 г.

резко ухудшают экономику. Сами того не замечая, борцы против сверхмагистрализации железнодорожного транспорта фактически предлагают нам громадные перерасходы на местный транспорт и извращают, таким образом, генеральные линии нашего транспортного строительства. Эти расчеты еще раз показывают, вместе с тем, каким образом технико-экономический анализ тех величин, которые я отнес к «частной энергетике», дает нам правильный ключ к уразумению спорных вопросов нашего генерального строительства.

Теперь коснемся еще одного момента, к которому нередко прибегают противники энергетического подхода к проблемам планового строительства. В самом деле, не правильнее ли сделать нажим вообще на машиностроение, ибо в последнем счете ведь мы именно приходим к вооружению человека стальными рабами. Но делать так — значит, останавливаться в анализе на полдороге. Чтобы не быть голословным, возьмем такой документ, каким является отчет комиссии Гувера о новейших изменениях в экономике США. Нужно полагать, что никто не сомневается в том, что как раз эта страна является классической страной по машинному вооружению труда. И, однако, уже в вводной статье этого интереснейшего документа резко подчеркивается громадное значение электрической энергии, как основного качественного показателя в новейших сдвигах американской индустриализации. Вот что говорит специальный исследователь относительно этапов в машинной культуре, пройденных этой страной:

«Изменение, выразившееся в том, что мощность энергии собственного производства в промышленности несколько снизилась с 1919 г. при значительном росте снабжения предприятий покупной энергией при помощи электромоторов, указывает на перемену, которую часто характеризуют, как «переход от машинной культуры, созданной паровой энергией, к машинной культуре, осуществляемой электрической энергией». Д-р Гленн Франк, президент университета в Висконсине, отмечает следующий контраст: «При машинной культуре, созданной путем паровой энергии, рабочий должен итти к источнику двигательной энергии; при машинной культуре, созданной путем электрической энергии, двигательная энергия, наоборот, может быть подведена к рабочему. А это означает «революционный факт в том смысле, что если мы говорим о «машинной культуре» в терминах 1950 г., то эта машинная культура может совершенно невообразимо отличаться от той машинной культуры, которая началась в момент, когда Джемс Уатт впервые использовал энергию расширения пара для производственных процессов» (доклад на энергетической конференции Среднего Запада, Чикаго, 14—17 февраля 1928 г.) [1].

Не подлежит сомнению, что электрификация является лишь звеном нашего общего плана индустриализации — одно другому отнюдь не противополагается. Однако задачей нашего анализа является установление диалектической связи между факторами индустриализации, а установление этой связи приводит к тому непреложному выводу, что энергетика является основным ведущим звеном и для того, что мы называем царством крупной машинной индустрии.

Совершенно неправильно было бы при этом ссылаться на известный анализ К. Маркса, трактующий роль машин. В нем, как известно, К. Маркс обратил сугубое внимание на исполнительный механизм машин, правильно подчеркивая, что при переходе от мануфактурного способа производства к капиталистической машинерии решающую роль играл именно этот исполнительный механизм, который позволил заменить стальным автоматом изощренное искусство цеховых ремесленников. Этот круг уже пройден. Техника XX века совершила новую революцию в другой части машин —

[1] «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов», т. I, ГИЗ, 1930, стр. 187.

в их энергетической установке. Она может быть прежде всего характеризована во всем разрезе тепломеханической технологии, как эпоха грандиозных турбогенераторов. Чрезвычайно характерно при этом, что переход от паровых машин к паровым турбинам был проделан как раз под влиянием нужд электротехники, но дело на этом не остановилось.

На наших глазах электричество все более и более вторгается в конструкцию исполнительного механизма. Электрическое реле становится здесь гегемоном положения. Сама автоматизация получает новые качественные сдвиги, ибо электрический автомат и видит, и осязает, и слышит лучше живого человека. Именно на электрической основе происходит замыкание всего круга машинных трансформаций. Именно этот момент с особой тщательностью должен быть учитываем нами в наших наметках по генеральному плану.

Сказанного достаточно, чтобы видеть основные черты работ по генеральному плану. Делая энергетическое звено этого плана ведущим началом, мы сразу придадим необходимую целостность всем нашим основным ставкам по линии индустриализации. Эти ставки должны быть в теснейшей смычке с некоторой общей экономической концепцией генерального плана, в которой мы должны дать марксистский подход к нашей конкретной экономике, охватывающей специфические особенности не просто переходного времени, а переходного времени в наших конкретных условиях. В этом деле мы должны призвать себе на помощь прежде всего Институт экономических исследований Госплана. Положение этого Института выгодно прежде всего потому, что он вырос из работы Госплана и тесно связан с этой работой. Если он сумеет исполнить свою основную задачу, задачу создания ассоциации всех наших органов, работающих в том же направлении, то именно, опираясь на работы Госплана, он сможет придать теоретическим работам наших экономистов ту необходимую конкретность, ту связь с фактическим построением социалистического хозяйства, дефициты которой в настоящее время более чем ощутительны.

Таким образом для предстоящей компановки генерального плана нашим экономистам придется сделать еще значительный шаг вперед по самой непосредственной увязке этих работ с тем спросом, который предъявляется к ним по линии генерального плана. Это, во-первых. Но кроме этого придется предпринять еще две серии работ. В тех материалах, которые имеются в распоряжении наших работников по генеральному плану, эти серии работ уже начаты. Хотелось бы только несколько более определенно наметить ход работ в этом направлении.

Тов. Ковалевский делает в своем докладе уже некоторое сопоставление структур нашего хозяйства и хозяйства его главных соперников. На первом месте здесь следует поставить США. Не расточая своего внимания на частностях, надо представить себе некоторую грубую модель рационализации хозяйства США и на этом конкретном примере, пользуясь богатым материалом американской литературы, попробовать отдать себе отчет, как мог бы справиться этот живой механизм США с задачами такой рационализации. При удачном выполнении этой задачи мы могли бы получить драгоценнейший материал для строительных вех нашего собственного генерального плана. Если анализ хозяйственной структуры других передовых индустриальных стран сможет дать некоторые коррективы к американской модели, то, конечно, работы такого рода могут оказаться чрезвычайно полезными. Такие материалы, как материалы комиссии Гувера или работы американского экономиста Стюарта Чеза [1], помогут нам для всего цикла этих работ. Быть может, оказалось бы полезным связаться в этих целях с некоторыми американскими инсти-

[1] Стюарт Чез, автор известных работ «Трагедия расточительства», «Как растрачиваются деньги потребителя» и других работ.

тутами или отдельными группами работников, но это уже вехи рабочей программы, а не того комплекса вопросов, который сейчас стоит перед нами.

В портфеле работ по генеральному плану имеется еще серия работ, направленных к выяснению стандартных норм производства и потребления в разных странах. Это — очень хорошее начало. Дальнейшая проработка этих материалов позволит нам в нашем генеральном плане провести ту серию работ, которая в свое время исчерпывала весь план Атлантикуса[1] в его «Государстве будущего». Для нас эти прикидки будут играть только подсобный характер.

Итак, модернизуя и уточняя энергетическую ось нашего генерального плана по вехам плана Гоэлро, используя всю серию синтетических работ по вопросам нашей общей экономики, обобщая эти синтетические работы основными концепциями марксистского анализа экономики переходного времени, учитывая живой пример крупнейших индустриальных стран и проверяя общие расчеты производства и потребления жизненными стандартными нормами, — вот в каких направлениях должны будем мы итти в нашем построении генерального плана.

По той же дороге должны будут пойти наши основные помощники в этой работе — работники наших экономических районов. Они должны заранее считаться с тем обстоятельством, что готовых лимитов для этой грандиозной работы им получать не придется. Думается, что для нас выгоднее некоторое соревнование между районами по вопросам технологического разделения труда всего Союза, по вопросам о той или другой роли конкретного района в осуществлении всесоюзных задач. В результате такой проектировки, конечно, получится перекрытие районных планов, такое же, какое получалось в свое время в работах плана Гоэлро. Но наличность такого материала — превосходное средство для борьбы с бюрократизмом в планировании.

Мы получим в последнем счете, как говорят, ряд черновых «кальк», дающих каждая с своей специфической точки зрения абрисы генерального плана. Путем умелого наложения одной кальки на другую нам придется выявить истинный скелет генерального плана, вот почему совершенно правильна мысль, что нам не миновать метода последовательных вариантных приближений. Мне кажется, что т. Ковалевский прав, когда пытается нащупать своими основными показателями те синтетические величины, которые с точки зрения всей практики наших плановых работ являются наиболее ведущими. Но делать это надо иначе, чем делает он, — живая конкретизация не должна перекрываться экстраполяционным математическим оформлением.

Мы сделали попытку в беглых чертах набросать основные моменты предстоящей нам грандиозной работы по генеральному плану — труднейшей, ответственнейшей работы. Прежде всего мы должны отрешиться от всяких установок, идущих под лозунгом «шапками закидаем», апеллирующих к утопическим построениям того или другого рода. Генеральный план должен отметить новый этап нашей великой хозяйственной работы — борьбы. В нем действительно вырастают перед нами задачи специфического строительства второй программы партии. Наше социалистическое строительство неотделимо от культурного строительства, от таких сдвигов в этом направлении, которые в сумме своей должны осуществить в жизни подлинную культурную революцию. В таком случае самый генеральный план должен явиться мощным рычагом этой культурной революции. Значение его как для нас, так и для всего Коммунистического интернационала будет гораздо большим, чем значение нашей пятилетки. А в последнем счете это будет

[1] Атлантикус — псевдоним Карла Баллода.

лишь расшифровка гениального провидения Ленина: «Коммунизм — советская власть плюс электрификация».

В работе над генеральным планом всегда должна быть перед нами гигантская фигура Ленина как диалектика-марксиста, глубокого ученого и гениального политика, основоположника нашего социалистического планирования. В работе над генеральным планом мы пойдем вперед испытанными ленинскими путями для того, чтобы прочно вооружить весь наш актив подлинными марксистско-ленинскими знаниями. Мобилизуем для работы по генеральному плану сплоченный фронт наших работников в области науки и техники. Тщательно блюдя основной ленинский завет о смычке деревенского и городского актива, развернем новую мобилизацию сил для создания специального многомиллионного актива по борьбе за основные вехи нашего планового социалистического строительства.

Когда-то, на заре нашей революции, мы любили цитировать слова рабочего Алексеева, бросившего на царском суде свое пророческое предсказание: «Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего класса, и ярмо царского деспотизма разлетится в прах»...

Наш генеральный план должен быть написан таким образом, чтобы ковать новое огромное единство сотен миллионов мускулистых рук, чтобы в результате победы этого плана капиталистические рубежи, сковывающие нашу страну, разлетались в прах.

ОСНОВЫ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СССР[1]

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В УСЛОВИЯХ НЫНЕШНЕГО ЭТАПА ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Хозяйственный план третьего, решающего года пятилетки с особой наглядностью показывает, почему мы считаем весь пятилетний план планом великих работ и развернутого социалистического наступления. Об импозантности этой программы наилучшим образом свидетельствует тот испуг, которым охвачен мир наших классовых врагов под впечатлением размаха работ, развернутых нами в нашем хозяйственно-политическом строительстве с особой силой именно в этом третьем году пятилетки.

Возможность такого масштаба работ обусловлена теми предпосылками глубокой реконструкции как техники, так и экономики нашей страны, которыми мы овладели, преодолев препятствия, стоявшие на нашем пути за предшествовавшие десять послеоктябрьских лет. Лишь сильно перевалив за довоенный хозяйственный уровень и значительно преобразовав самую структуру нашего хозяйства, могли мы подойти к пятилетию четко выраженного периода реконструкции. Таким образом план технико-экономической реконструкции СССР по существу является не чем иным, как планом развертывания нашего хозяйства в его конкретных условиях. И говоря об основах такого технико-экономического плана реконструкции, мы, по сути дела, должны возвращаться к темам, связанным с основами планирования социалистического хозяйства в таких условиях, когда это планирование является все более и более крепкой и решающей силой в самом оперативном ходе социалистического строительства.

В чем наша основная сила? Мы окружены целым сонмом врагов, стихии природы еще далеко не подчинены нашей воле. Немудрено, что взвешивая шансы нашей великой борьбы, Владимир Ильич главную нашу силу видел в нашей организованности. План нашего социалистического строительства сам по себе является могучей организационной силой. Чем более этот план связан с научным познанием, тем более эффективно его воздействие на волю и ум воспринимающего его человеческого массива.

Ход реконструктивного периода показывает нам, в какой все более и более тесной связи находится наша плановая работа с оперативной хозяйственной деятельностью. Неоднократно приходилось нам подчеркивать, что наш план, по сути дела, должен явиться результатом спайки научной теории с опытом миллионов трудящихся. Ныне мы видим, как создается такое единство путем смычки прямого и встречных планов. Тем самым мощно нарастают моменты, наиболее эффективно кующие нашу организованность.

Один из докладчиков на последней мировой энергетической конферен-

---

[1] Доклад на Первой всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы, состоявшейся весной 1931 г. Доклад был издан отдельной брошюрой «Основы технико-экономического плана реконструкции СССР», Соцэкгиз, 1931. Печатается по тексту брошюры.

ции, расценивая силы машин как культурный фактор, подчеркивал, что нарастающее соприкосновение новых поколений с миром машин естественным образом будит пытливость ума, создает свои особые приемы и методы мышления. На нашей молодежи мы наблюдаем не только те положительные сдвиги, которые обеспечены в ее облике все более и более мощной спайкой учебы и производственной практики, не только те сдвиги, которые идут по линии индустриализации, но и те сдвиги, которые получаются вследствие того, что миллионные отряды нашей молодежи одновременно являются борцами за социалистический план хозяйства.

Самое наше продвижение по этапам реконструктивного периода служит наилучшей пропагандой действием, ибо по мере этого продвижения, являющегося школой борьбы, не только закаляются борцы нашего стана, но они же одновременно становятся свидетелями таких рекордных достижений, которых до сего времени не знал мир. Тем не менее, мы не можем создавать себе иллюзий относительно легкости дальнейшего подъема.

Все с большей и большей наглядностью видим мы, как раскалывается весь мир на два определенных стана — борцов советского и антисоветского лагеря. Отсюда — величайшая историческая ответственность, падающая на наши плечи, отсюда — особая забота о том, чтобы крепить все и всяческие элементы, содействующие нашей социалистической организованности, целостному единству нашего советского лагеря, и в особенности — те из них, которые являются основами самого плана социалистического строительства или, что то же самое, основами плана нашей технико-экономической реконструкции. Отсюда — необходимость величайшей осмотрительности при выборе этих основ, необходимость борьбы на два фронта с искажением этих основ направо и налево, необходимость борьбы с эклектиками и оппортунистами.

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Ожесточенность борьбы с коммунистическими партиями, которую во всем мире ведут защитники капиталистического строя, показывает, что враги наши отдают себе ясный отчет в том историческом значении, которое имеет партия коммунистов как борец и организатор нового мира.

Мы вели и ведем строительство первого в мире социалистического хозяйства под непосредственным руководством коммунистической партии, по тем четким и многоразличным вехам, которые в своей совокупности объемлются понятием генеральной линии коммунистической партии.

Наиболее широким обобщением такой генеральной линии нашего социалистического строительства является известная формула т. Ленина:

«Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Недаром эта формула встречает ожесточенные нападки со стороны различных представителей оппортунистического лагеря. Недаром Троцкий доходил даже до отрицания принадлежности этой формулы Владимиру Ильичу. В самом деле, как это может быть, чтобы коммунизм в своем развернутом виде, отрицающий всякую власть как форму насилия и принуждения, имел в качестве своего составного элемента прямую апелляцию к советской власти — власти, как известно, прокладывающей свои исторические пути под знаком суровой пролетарской диктатуры? Но стоит только подойти к трем элементам этой ленинской формулы не в их статическом состоянии, а в их движении, как все противоречия исчезают, как немедленно выявляются глубокие исторические основы этой ленинской концепции.

Анализируя основы нашего плана технико-экономической реконструкции СССР, мы неизбежно возвращаемся к трем основным элементам этой формулы: к тем основам, которые связаны с понятиями коммунизма,

советской власти и электрификации. Нетрудно показать, что только с учетом этих трех координат мы можем находить все те отправные величины, которые нам необходимы в таком анализе.

Характеризуя тип нашего строительства, мы называем это строительство социалистическим. Однако уже К. Марксу в его «Коммунистическом манифесте» пришлось резко отгораживаться от фальсификаций, связанных с лозунгом социализма. Для нас социалистическое строительство неотрывно от борьбы за такой плановый режим хозяйства, при котором воля пролетариата становится высшим законом. Фактический ход борьбы за план в СССР является лучшим историческим документом в защиту тех предвидений этапов революционной борьбы, которые были в свое время развиты К. Марксом и Ф. Энгельсом. Этапы нашего социалистического строительства — это этапы труднейшего подъема человечества через диктатуру пролетариата к бесклассовому обществу, функционирующему на основах известной формулы Фурье: «От каждого — по его способностям и каждому — по его потребностям».

Коммунизм таким образом — конечный этап целой исторической полосы. Битвы, участниками которых мы являлись, являемся и будем являться, показывают нам, какое напряжение необходимо, чтобы обеспечить завоевания, дающие возможность перейти от организации на принудительной основе к свободной ассоциации, от условий диктатуры — к бесклассовому единству, от строжайшего режима экономии и борьбы с потерями — к практически неограниченному материальному изобилию.

Но как бы то ни было, маяк коммунизма — это прежде всего маяк грандиозного движения вперед, движения, в процессе которого изменяются не только общественные формы, не только материальные условия, служащие базой этих общественных форм, но и сам носитель этого движения — человек. Таким образом статический подход к понятию коммунизма исключается самим существом этого понятия.

Второй элемент этой формулы — советская власть — в своем историческом выявлении отнюдь не представляет застывшей раз навсегда величины. Что имел здесь в виду Владимир Ильич, когда подчеркивал, что одна из предпосылок коммунистического движения вперед — это советская власть? Конечно, прежде всего — то обстоятельство, что советская власть есть власть трудящихся, и, для того чтобы расчистить пути к коммунизму, необходимо каждой нации, каждой стране пройти через свой победоносный Октябрь.

Но в нашем анализе здесь нужно сделать и еще один дальнейший шаг. Говоря об энергетической базе индустриализации, мы должны иметь в своем аспекте как ту энергетику, которая относится к живой силе самих трудящихся, так и ту ее преобладающую долю, которая относится к материальной природной энергии. Конечно, равенство счета здесь носит весьма и весьма условный характер. С известным приближением мы можем утверждать, что механический эквивалент среднего полноценного работника равен примерно $^1/_{25}$ *л. с.* Но как быть с расходами умственной энергии? Можем ли мы перевести эти расходы безоговорочно на трату тех же калорий, которые могут быть положены в основу нашего общего энергетического учета? Ясно, что таким путем мы легко могли бы поскользнуться в механистическое болото. Говоря об энергетике живого труда в объеме государственного народнохозяйственного плана, мы прежде всего должны иметь в виду учет тех своеобразных показателей этой живой энергетики, которые обусловлены наличием советской власти.

Мы не можем пожаловаться, чтобы при наличии различных школ экономистов в общем и целом недооценивалась роль организации живого труда. Но до сих пор все искания в этом направлении ограничивались поисками

наиболее эффективных форм тех или иных видов принудительного труда. Сами трудящиеся являлись объектами, а не субъектами таких исканий. Не приходится доказывать, что при капиталистическом строе хозяйства рабочий, привлекаемый к процессу производства по так называемому вольному найму, фактически находится в рубрике того вещного ассортимента, который всецело подчинен абсолютной власти капитала. Нетрудно проследить это начало принудительности и в учении Тэйлора и в различных поисках буржуазными экономистами форм так называемой научной организации труда. Припомним, что Тэйлор проводил свою рационализацию в такой борьбе с рабочим окружением, что по временам самая жизнь его была в опасности. Вспомним обстановку работы непрерывным потоком в условиях капиталистической эксплоатации, обстановку, которая по своей потогонной системе может поспорить с темным прошлым этой системы у самых истоков полосы первоначального накопления. Отнюдь не случайно, что в современной Америке практически предельным рабочим возрастом является 40-летний возраст. Судите сами, чего стоят вопли возмущения нынешних апологетов капитализма по поводу якобы принудительных форм труда в СССР!

Наличие советской власти, т. е. власти самих трудящихся, впервые разрывает прежний порочный круг исканий таких новых форм организации живого труда, при которых сумма положительных количественных сдвигов давала бы уже новое качество труда. Сложным и трудным путем, проходя через своеобразный кризис кадров, выражающийся в отходе от социалистического строительства значительных слоев прежней квалифицированной головки трудовых отрядов, выражающийся в моральном износе прежних квалификаций, советская власть творит на наших глазах колоссальный переворот не только в структуре материальных производственных процессов, но и в организации и в профиле самих трудящихся. И прежде всего организация трудящихся становится делом самих трудящихся. Плуги самокритики и социалистического соревнования поднимают в этом смысле еще исторически нетронутую целину. На наших глазах вырастают совершенно новые и необычные формы организации труда, в последнем счете превращающие работников города и деревни в единый грандиозный коллектив сквозной бригады социалистического соревнования. Многосменная работа с быстро сокращающимся рабочим днем, непрерывная производственная работа, встречные планы, общественный буксир, рационализаторские и изобретательские рабочие ячейки, наконец, все более растущее участие рабочих в административно-управленческих организациях — все это на голову опрокидывает прежние производственные отношения, превращавшие отношения людей в отношения вещей.

Вместе с тем разбиваются те клетки, в которых неизбежно оказывалось само научное познание в условиях эксплоататорского общественного процесса труда. Научное творчество все более охватывается целевым социалистическим планом строительства, победоносное движение которого вперед одновременно знаменует все большее изживание грани между физическим и умственным трудом.

Великий анализ К. Маркса научно вскрыл и расшифровал то, что он характеризовал, как тайну прибавочной стоимости. Великий показ, который творит ныне в своем хозяйственно-политическом строительстве советская власть, вскрывает тайники, гарантирующие дальнейший бескризисный ход мировой экономики в условиях величественного подъема ко все большему и большему материальному изобилию в условиях все большего и большего подчинения стихии вещей и стихии людей научно-продуманному социалистическому плану.

На наших глазах рабочий класс выдвигает из своего авангарда все большее количество борцов за социалистический план. На наших глазах наши предприятия все в растущей степени становятся не только ареной производственного труда, но и ареной учебы. Вслед за этим авангардом движутся и соответствующие им массивы. Отношение науки к массе трудящихся и этой массы трудящихся к науке вступает в новую высшую фазу, гарантирующую одновременно и небывалый расцвет знания, и небывалый расцвет эффективности труда. Советская власть не только революционизирует самые формы организации труда его простейших категорий — она неизбежно отводит максимально эффективную роль работникам техники и науки, одновременно с железной последовательностью замещая героизм одиночек героическими достижениями творчества миллионов трудящихся масс.

Достаточно поставить так вопрос, чтобы видеть, что такая работа советской власти представляет своеобразный и длительный процесс, что таким образом должен быть со всей решительностью исключен статический подход к содержанию тех элементов, которыми в ней гарантируются новые высшие формы живой энергетики.

Переходим теперь к третьему элементу ленинской формулы — к понятию «электрификации всей страны».

В каких бы формах и в какие бы календарные сроки ни совершалось движение вперед к «открытию ключей материального изобилия», ясно, что на всем этом пути сохранит свое значение формула В. Петти:

«Труд есть отец всякого богатства, а земля — его мать».

Однако и эта формула справедлива только в своем движении. Учение физиократов как раз соответствовало тогдашнему соотношению сил между индустрией и сельским хозяйством. Победоносный ход капиталистической индустриализации произвел свою переоценку ценностей и со все большей и большей силой ограничивает то абсолютное начало, которое связано с понятием «земля». Но движение на этом не останавливается. Отнюдь не случайность, что такой признанный представитель капиталистического царства машин, как Генри Форд, утверждает, что мы неправильно характеризуем наш век как век машин:

«На самом деле, наш век, — говорит он, — век энергии. За спиною машин стоит энергия, в особенности гидроэлектрическая».

М-р Форд в данном случае попадает в точку. В условиях XX века именно энергетическое хозяйство служит той базой, которая обеспечивает максимальные возможности обладания «землей», трактуя этот термин в широком смысле природных стихий.

Наиболее рациональное использование имеющихся в нашем распоряжении сил природы, наиболее выгодное трансформирование природных видов энергии в те формы, которые для нас наиболее эффективны, наиболее экономная транспортировка этих видов энергии к местам потребления, и наконец, рациональное использование этих видов энергии в производственных процессах — такова основная база энергетического хозяйства. Опираясь на постулаты этого энергетического хозяйства, совокупностью которых обеспечивается максимальный результат производственной деятельности при наименьших энергетических расходах,

мы должны по-новому выявить свое отношение и к основному функциональному отраслевому подразделению общественного труда по великим разделам промышленности, транспорта и сельского хозяйства и к охвату земли со всеми ее натуральными ценностями в территориальном разрезе. Отсюда — подход на энергетической основе к задачам экономического районирования, к выявлению тех основных боевых единиц нашего социалистического строительства, наших экономических районов, ставка на которые гигантски облегчает «счет на миллионы», — а лишь овладев этим счетом, мы можем справиться с колоссальными организационными задачами нашего социалистического строительства.

Достаточно поставить так вопрос, чтобы видеть, какую громадную роль в выполнении этих задач энергетики должна сыграть электроэнергетика, или, что то же самое, ставка на электрификацию.

Этот беглый набросок уже показывает, что надлежащее уразумение ленинской ставки на электрификацию всей страны возможно лишь путем анализа той подлинной диалектики событий на хозяйственном поле труда, которая представляет специфическую особенность XX века.

Мы остановились с некоторой подробностью на формулировке этого ленинского постулата потому, что четкое его уразумение в наибольшей степени гарантирует неискривленные линии всего нашего хозяйственного строительства и небольшую эффективность того заказа по линии социалистического плана, который должен выпасть на долю научно-исследовательских работ. В дальнейшем мы остановимся на сдвигах мировой энергетической мысли, которые еще и еще раз свидетельствуют о правильности тех вех, которые намечены ленинской триединой формулой утверждения коммунизма. Но прежде чем перейти к этой теме, я считаю нелишним напомнить те строки письма Владимира Ильича в Академию наук, которые с особой яркостью свидетельствуют об основах задуманного Лениным великого плана технико-экономической реконструкции нашей страны. Ввиду громадного значения этого исторического документа я привожу его здесь дословно. Этот наказ Владимира Ильича носит подзаголовок: «Набросок плана научно-технических работ» и относится к 6 апреля 1918 г. Вот что в нем говорится:

«Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил * России, следует немедленно дать от ВСНХ поручение:

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности, и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской Республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности.

* Надо ускорить издание этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию»[1].

Мы видим, что здесь в основных чертах, в совершенно целостном виде уже дана та концепция хозяйственного строительства, вернее, основа его, которая затем в более развернутом виде по тем же ленинским вехам развивалась нами и в плане Гоэлро и в нашей пятилетке. Не подлежит сомнению, что по тем же вехам пойдет и дальнейшее развертывание перспективных планов нашего строительства.

Резюмируем. Выше мы старались показать, что основы плана технико-экономической реконструкции СССР являются одновременно основами плана всего нашего социалистического строительства в его целом. Лишь располагая линию научно-исследовательских работ по основным рубрикам нашего социалистического планирования, сможем выдержать мы и в этой области основной постулат энергетики: при минимуме затрат максимум результатов.

Рабочий класс уже двинул свой авангард на знаменательные пути встречного планирования. Мы ждем от работников науки и техники аналогичного массового движения. Так и только так может быть с наибольшей эффективностью осуществлен тот союз науки и труда, который составлял уже с давних пор заветную мечту лучших умов человечества. Создавая великое социалистическое единство энергетики нашей страны, не будем ни на минуту упускать из виду, что это единство в наибольшей степени обеспечивается красной строительной линией электрификации. Здесь — основа основ нашего плана технико-экономической реконструкции.

Следя за событиями на мировом поле хозяйственного труда, прослеживая творческие пути современной научной мысли, мы с каждым этапом нашего строительства все с большей и большей наглядностью убеждаемся в том, какие громадные силы мировой научной мысли и мировой практики стоят за нас в этой борьбе под знаменем Ленина за коммунистическое преобразование мира.

ПОЗДНЕЙШИЕ СДВИГИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

На Берлинской международной энергетической конференции[2] цитировался подсчет, по которому выходило, что если бы современное население США должно было добывать энергию, потребную для удовлетворения его нынешних потребностей, методами стародавних времен, то пришлось бы на каждую голову населения располагать не менее чем 125 рабами. Докладчик Энштрем сообщал при этом, что если выразить годичное производство энергии всеми стационарными и подвижными машинами и двигателями мира, то мы получим в киловаттчасах примерно такое же число, которым выражается в килограммах мировой сбор главнейших зерновых хлебов[3]. Таким образом на каждый килограмм потребляемого хлеба современное человечество расходует один киловаттчас механической или электрической энергии в параллельных производственных процессах. Это ли не живая иллюстрация

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXII, изд. 3-е, стр. 434.
[2] Она состоялась в 1930 г.
[3] A. F. Enström, Maschinenkraft als Kulturfaktor, «Gesamtbericht Zweite Weltkraftkonferenz», B. XIX, S. 65.

к тому положению, по которому наш век является по преимуществу веком энергии!

Однако напрасно стали бы мы искать в двадцатитомнике трудов 2-й Международной энергетической конференции, в выступлениях иностранных энергетиков, прямых указаний на те глубокие противоречия, в которые вступает современная энергетика передовых капиталистических индустриальных стран с общественно-политической структурой этих стран. Только социалистический анализ может дать выход из тех тупиков, в которых находится мысль современных, даже наиболее передовых, буржуазных техников и экономистов. В этом отношении наши техники и экономисты работают уже со значительным опережением, как этого и следовало ожидать в силу наличия наших октябрьских предпосылок.

Я пользуюсь случаем, чтобы напомнить здесь работникам науки и техники об интересном анализе, который в свое время развивал по основным вопросам энергетики, к сожалению, безвременно скончавшийся т. Иосиф Иванов. Я остановлюсь только на двух его статьях, из которых одна называется «Материальный базис коммунистического общества» и была напечатана в 4-й книге «Вестника социалистической академии» (1923 г.), а другая была посвящена теме «Мировое хозяйство, как единый производственный организм» и помещена в том самом органе, в книге 6-й за 1923 г.

К. Маркс в своей «Критике Готской программы» проводит разграничение между коммунистическим обществом в тех его стадиях, которые идут от непосредственных трансформаций капиталистического строя, и таким коммунистическим обществом, которое развивается «на своей собственной основе». Лишь установив, что надо понимать под собственной основой коммунистического общества, — говорит т. Иванов, — можем научно подойти к вопросу о содержании понятия «коммунистическое общество». Далее т. Иванов подчеркивает те строки из «Капитала», в которых говорится, что «Дарвин сосредоточил свой интерес на истории естественной технологии, т. е. на образовании растительных и животных органов, которые играют роль орудия производства в жизни растений и животных». В дальнейшем он спрашивает словами К. Маркса:

> «Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации?»

Чем же отличается материальный базис коммунистического общества от материального базиса капиталистического общества?

> «Исходя из монизма хозяйственной структуры, — пишет т. Иванов, — необходимо рассуждать так: в основе распыленного управления хозяйственной жизнью лежат распыленные орудия труда; в основе более концентрированных форм хозяйственного управления лежат более концентрированные орудия труда; следовательно, в основе единого управления хозяйственной жизнью и единой системы орудий труда — технически единый материальный базис».

Тов. Иванов подчеркивает, что эта мысль не столько утопична, какой она кажется с первого взгляда. Уже в 1914 г. Ратенау заявлял, что технически было бы возможно производить нужную для Европы электрическую энергию в одном месте и распределять этот электрический ток по всей Европе и даже дальше. С своей стороны отметим, что на последней энергетической конференции одним из наиболее сенсационных докладов был доклад инж. Оливена относительно сооружения общеевропейской сети электропередач. Эта сеть должна была бы охватить пространство от Лиссабона до Ростова в широтном направлении и от водопадов Норвегии до юга Дал-

мации и Италии в направлении меридиональном. По расчетам автора, сооружение 10 тыс. *км* этих электропередач будет стоить около 2 млрд. марок и должно быть реализовано на основе вольтажа примерно в 400 *кв*.

Автор живо описывает, каким образом это сооружение будет высокорентабельным и как оно даст возможность Европе поднять свое потребление электрической энергии с нынешних 80 млрд. *квтч* до 100 млрд. *квтч*, т. е. до уровня нынешней выработки электроэнергии в США. Этот громадный единый электрический котел, преодолевая национальные границы и объединяя водную энергию Норвегии и Италии, бурые угли Германии, уголь Польши, угли Донецкого бассейна и водную энергию Днепра, наряду с энергетическими установками Испании и Португалии создает целый ряд чрезвычайных преимуществ такого гигантского электрического хозяйства. Пусть на путях осуществления этого проекта капиталистический мир поставил непреодолимые рогатки, — тем не менее, самое появление такого проекта в высокой степени показательно: оно все же говорит не о мнимых, а о действительных потенциях современной электроэнергетики.

Но последуем по дальнейшим путям анализа, даваемого т. Ивановым. Иванов напоминает, что в марксовом анализе машин характерна разбивка машин на три существенно различные части: двигательный механизм, передаточный механизм и, наконец, исполнительный механизм, или собственно рабочая машина. К. Маркс подчеркивает, что

> «в расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточного механизма лишь от одного центрального автомата, машинное производство приобретает наиболее развитую форму».

Не приходится отрицать, что в борьбе за концентрацию производства и укрупнение действующих промышленных агрегатов капитализм совершил большую работу. После 150-летнего процесса централизации фабрики насчитываются десятками тысяч. На более низком уровне стоит сельское хозяйство; однако процесс концентрации и здесь в полном ходу. Однако количество переходит в качество лишь при наличии того переворота, который дается электрификацией передаточного механизма. Если при старом передаточном механизме машина могла «растягиваться» на десятки метров, то при электропередачах она «растягивается» на десятки и сотни километров. В Пруссии в 1914 г. средняя мощность стационарных паровых машин была около 75 *л. с.*, теперь наши двигатели перевалили за мощность в 200 тыс. *л. с.*

Новая форма вырывает из фабрики двигатели и электропередачу, превращая усеченную фабрику в свой рабочий орган, подобно тому, как инструменты сделались органом рабочей машины, а рабочая машина — органом вполне развитой машины. Новая форма универсальна. Она втягивает в свои недра предприятия не одной какой-либо отрасли промышленности, а всех отраслей, и не только промышленности, но и торговли, и транспорта, и сельского, и домашнего хозяйства. Единая коммунистическая форма средств труда ложится в основу хозяйственной жизни районов, провинций, государств, готовится охватить целые материки. Основная тенденция ее — техническое единство всей хозяйственной жизни, устранение множественности и распыленности, уничтожение индивидуальной ограниченности предприятий и универсализм.

Резко схематизируя свое изложение, т. Иванов утверждает, что если капиталистическая форма представляет фабрику с расчлененной систе-

мой рабочих машин, получающих через посредство передаточного механизма движение от одного центрального автомата, то коммунистическая форма представляет р а й о н, п р о в и н ц и ю, ц е л о е г о с у д а р с т в о, в которых расчлененная система рабочих машин получает энергию через единый для всей территории передаточный механизм от одной централизованной системы автоматов.

Старая форма даже в виде крупнейших фабрик занимает каких-нибудь 5 *км*², новая уже теперь в капиталистическом хозяйстве добирается до 500 тыс. *км*², пространства, равного величиной Германии. В Северной Америке — в Северной и Южной Каролине, Георгии, Алабаме и Тенесси, пространством в 500 тыс. *км*², — слились в одну сеть семь электрических кампаний, располагающих центральными станциями общей мощностью свыше миллиона лошадиных сил. Однако дальнейший процесс объединения натыкается на границы капиталистической собственности, которые должны быть взорваны пролетарской революцией.

Иванов подсчитывает, что для современной Германии при общей мощности ее силового аппарата в 30 млн. *л. с.* и при средней величине двигателя в 100 *л. с.* число двигателей должно быть равно около 300 тыс. единиц. Если принять мощность центральных силовых станций в 100 тыс. *л. с.*, то всего потребовалось бы 300 таких станций. Легко показать, что при современной мощности районных централей Германия могла бы обойтись всего 50 центральными станциями.

Чего мы достигаем путем такого развития? — спрашивает т. Иванов. Громадной замены мускульного труда машиной:

> «У д е ш е в л е н и е э н е р г и и, д о с т у п н о с т ь и г и б к о с т ь е е — о с н о в н а я п р у ж и н а р о с т а н о в о й ф о р м ы, п е р е в о р а ч и в а ю щ а я в т о ж е в р е м я в е с ь с т р о й т р у д а, д а ю щ а я м о г у ч и й т о л ч о к в е р т и к а л ь н о й м и г р а ц и и р а б о ч е г о к л а с с а в в ы с ш и е с ф е р ы т р у д а м а ш и н н о г о и у м с т в е н н о г о.

Не менее интересны мысли т. Иванова по основным проблемам мирового хозяйства. Его цифровые справки в настоящее время устарели, но основной ход его соображений можно поддерживать почти безоговорочно. Рост силового аппарата мира он считает наиболее универсальным показателем состояния техники. Анализируя топливный мировой баланс, он показывает, что каменный уголь поистине является мировым гегемоном энергетики. История металлургии свидетельствует, по его словам, что руда идет к углю, а не уголь к руде. Подъем металлодобычи уже потому не может угнаться за подъемом угледобычи, что с каждым годом уменьшается та доля переработанного железа, которая всецело выбрасывается из производственного круга. Запасы лома с течением времени будут требовать сравнительно небольших добавлений и пополнений нового металла. Спрос на волокнистые, кожевенные и прочие сырые материалы не имеет и тени универсализма каменного угля и железной руды. С развитием индустрии и культурных потребностей, — говорит т. Иванов, — давление сырьевого голода усиливается, но громадное пространство неиспользованных, свободных земель держит это давление в известных пределах. Индустриализация земледелия, вытеснение машинами рабочего скота, потребляющего около $^1/_3$ всех зерновых продуктов и около $^1/_2$ всего сена, значительно увеличивают питательные ресурсы человечества, ослабляя давление этого фактора.

Чрезвычайно любопытно сопоставить наметки т. Иванова, относящиеся к 1923 г., с интересной статьей т. Рубинштейна (напечатанной в № 4 «Большевика» за 1931 г.) на трактуемую нами тему — о вопросах технической реконструкции в перспективном плане.

В своем анализе сдвигов в области электрификации и энергетического хозяйства за последнее десятилетие т. Рубинштейн исходит, совершенно так же, как т. Иванов, из данной К. Марксом разбивки машины на три ее основных элемента. Он последовательно разбирает те достижения, которые имеются налицо при соответственной разбивке мирового производства на три рубрики: 1) получение электрической энергии; 2) передача электрического тока; 3) использование электричества в разных отраслях хозяйства. Но какой уже новый мощный ассортимент сдвигов за эти немногие годы дает мировая энергетика!

Основным источником получения электрической энергии остается твердое топливо, но мы научились сжигать эффективно в пылевидном состоянии самые низкосортные виды каменных углей. Однако рядом идет совершенствование цепных решеток и стокеров. Экранирование топок в свою очередь является основой реконструкции современных котлов, работающих уже на давлении до 100 и свыше атмосфер, вырастающих до колоссальных единиц и позволяющих выполнить задачу: одна мощная турбина — один мощный котел. Наряду с этим многовальные турбогенераторы уже перешагивают через мощность в 200 тыс. *л. с.*, а стандарты электрических станций тяготеют к мощности от полумиллиона до одного миллиона установленных киловатт. Растущая механизация и автоматизация управления корреспондирует поискам новых типов и паровых котлов и паровых турбин, причем уже никого не удивляет работа на так называемых ртутных турбинах и применение новых удивительных сплавов легких металлов для целей турбостроения.

Интересно подобранными примерами т. Рубинштейн характеризует новейшие достижения и в области электропередач и в области воздействия электрификации на производственные процессы. Но в то время, как т. Иванов мог сослаться на единственный пример охвата электрическими сетями в Соединенных штатах пространств в 500 тыс. *км*², т. Рубинштейн может уже засвидетельствовать, что соединение сетей достигает в США таких степеней, когда все основные крупные станции, расположенные на пространстве от реки Миссисипи на западе до Атлантического океана на востоке и от Мексиканского залива на юге и до границ Канады на севере, могут обмениваться электрической энергией. Эта территория охватывает около 900 тыс. кв. миль, т. е. вдвое больше Германии, Франции и Англии, вместе взятых.

Тов. М. Ситников и А. Чернышев в докладе о современном состоянии передачи энергии постоянным током и перспективах дальнейшего развития приводят подробные расчеты, доказывающие, что:

> «при затрате одного и того же количества меди при трехфазном токе и при постоянном с возвратом тока через землю — расстояние, на которое может быть передана мощность, при постоянном токе в четыре раза больше, чем при трехфазном; при равном же расстоянии очевидно, что передаваемая мощность будет в четыре раза выше.
>
> С точки зрения потерь, короны, изоляции и т. п. передача энергии постоянным током при напряжении до 600 *кв* не представляет каких-нибудь серьезных технических трудностей и является очень экономической по сравнению с передачей энергии трехфазным током».

Это ли не большевистские приемы борьбы с колоссальными пространствами как нашего, так и мирового поля труда!

Я вспоминаю, какой интерес проявлял Владимир Ильич в свое время к вопросам централизованного руководства путем электрификации на об-

ширном поле труда. Но современная техника автоматизации управления, роль современных диспетчеров, из своей рубки управляющих при помощи послушной кнопочной клавиатуры левиафанами энергетического хозяйства на пространстве многих и многих сотен квадратных километров, конечно, превзошла все те ожидания, которые мы могли питать в этом отношении еще сравнительно недавно. Электроэнергетическое единство громадных хозяйственных комплексов, — то единство, которое покойный т. Иванов справедливо считал решающим материальным базисом коммунистического общества, — со стремительной быстротой реализуется на наших глазах.

Заслушанный на конференции доклад проф. И. Г. Александрова развернул картину социалистического строительства путем комбинирования его в огромных хозяйственных сочетаниях на пространстве от Днепростроевского узла до границ нашего Дальнего Востока — сочетания энергетического порядка. Акад. Иоффе в своих построениях смело раздвигает завесу, отделяющую от нас новые чудеса электроэнергетики. Осуществление его предвидений, несомненно, подведет нас к преодолению таких энергетических порогов, которые знаменуют новые глубочайшие перевороты положительного характера во всей культуре человечества. Однако наш акад. Иоффе отнюдь не является фантазером, и аналогичные голоса мы слышим со стороны целого ряда ученых и техников, участников современных мировых энергетических конференций. Напомним, что не кто иной, как известный химик Оствальд[1] в свое время определенно заявил о грядущих решающих потенциях в области энергетики фото-химических процессов. А вот что, например, говорил на Берлинской конференции проф. Валлаури в своем докладе «Электричество и энергия»[2]:

> «Другой способ получения электрической энергии, который по времени предшествует нынешним методам превращения механической энергии в энергию электрическую, хотя он ныне и имеет второстепенное значение, но отнюдь не исчез из техники, — это именно способ, открытый в свое время Вольта. Здесь мы имеем превращение химического энергетического потенциала посредством реакций, используемых в так называемых вольтовых элементах. Характер этих реакций не позволяет конкурировать с нынешней электромеханической продукцией, но дело обстояло бы по-другому, если бы электрохимические превращения могли быть осуществлены практически и в крупных масштабах при использовании химической потенциальной энергии других веществ, в особенности топлива».

Таким образом проф. Валлаури с своей стороны выдвигает, как он выражается, «мечту об элементе из угля и кислорода», отмечая вместе с тем, что этой мечте предстоят уже не столь отдаленные воплощения в действительность.

Тот же самый докладчик указывает:

> «Никто не может отрицать возможность наступления такого дня, когда осуществится то, что ныне является утопией, т. е. что все пространство, являющееся обиталищем человеческих существ, будет пронизано электромагнитным полем, из которого каждый будет черпать необходимую ему энергию совершенно так же, как в наши дни наши легкие получают необходимый для них воздух из окружающей нас атмосферы».

---

[1] В. Оствальд (р. 1863 г.), известный физик-химик и натурфилософ. Глава обширной школы физиков. Главнейшие работы Оствальда связаны с его учением о химическом сродстве, электрохимии, теории катализа.

[2] Vallaurie, Elektrisität und Energie, «Gesamtbericht Zweite Weltkraftkonferenz», B. XIX.

Мы видим, что почтенный итальянский профессор в данном случае уже является нашим попутчиком в исканиях быстрейшего единства всей мировой энергетики. И он не одинок среди зарубежных работников энергетического лагеря. На второй энергетической конференции, между прочим, были приняты в основе предложения венгерского инж. Хайдеггера касательно статистических методов составления энергетических балансов, в которых почетное место отводится коэфициентам энергификации и электрификации. По методу Хайдеггера[1] коэфициент электрификации для каждой страны определяется соотношением между количеством электрической энергии, произведенной этой страной и выраженной в калориях, ко всей ее потребности в энергии, выраженной также в калориях.

Не мешает подчеркнуть некоторые любопытные выводы из сопоставления отдельных показателей мировой энергетики, к которым пришел тот же Хайдеггер. Он разбивает энергетические расходы на две группы: во-первых, на такую группу, которая служит возмещением расходов органической энергии, т. е. возмещающую расходы человеческой мускульной и духовной энергии, и, во-вторых, на такую группу, которая балансирует расходы всевозможных видов энергии, поглощаемых совокупностью технологических процессов, обусловливающих всю механику общественного производства, — энергии неорганического порядка.

Хайдеггер приводит следующие расчеты:

Общая мировая потребность в энергии

Годовая потребность общего народонаселения в 1 864 млн. чел.

а) в органической энергии:

ежедневно и на душу от 2 000 *кал*, следовательно, всего 1 360 биллионов *кал* (10^{12} *кал*)

б) в неорганической энергии:

1 400 млн.	*т*	угля с содержанием энергии	. . . . .	8 400	биллионов *кал*
170	»	» нефти	» »	1 700	» »
35 000	»	$м^3$ прир. газа	» »	350	» »
400	»	*т* дров	» »	1 600	» »
28,8	»	*л. с.* водн. силы	» »	4 200	» »

16 250 биллионов *кал* (10^{12} *кал*)

Следовательно, на душу за год приходится:

а) органической энергии	. . . . .	0,73 млн. *кал* (10^6)
б) неорганической »	. . . . .	8,72 » » »
Всего	. . . . .	94,5 · 10,6 *кал*

Таким образом по подсчетам Хайдеггера все человечество численностью 1 864 млн. индивидуумов расходует: «органической» энергии — 1 360 биллионов *кал*, а по линии «неорганической» энергии — 16 250 биллионов *кал*. На каждого человека в год приходится по линии «органической энергии» 0,73 млн. *кал*, по линии «неорганической» — 8,72 млн. *кал*.

Принимая механический эквивалент человека в $^1/_{25}$ лошадиной силы, Хайдеггер высчитывает, что в среднем на каждого человека приходится как бы 80 рабов. Само собой разумеется, что этот подсчет — совершенно отвлеченного порядка, ибо современные нации диференцируются на резко отличающиеся между собой группы в смысле этой обеспеченности механическими рабами. Однако как бы ни был груб этот подсчет, уже отсюда видно, какую огромную роль играет материально-энергетическая база и именно та доля ее,

[1] Die Energiewirtschaft Mitteleuropas fon Dipl. Ing. Ernst Haidegger, Wien 1930.

Энергобаланс среднеевропейских государств

Государства	Потребность 10^{12} *кал*	Продукция 10^{12} *кал*	Дефицит 10^{12} *кал*	Избыток 10^{12} *кал*	Ввоз (в млн. марок)	Вывоз (в млн. марок)	Сальдо (в млн. марок)	Удельная потребность энергии 10^6 *кал* на душу	% электрификации
Германия	1 261,81	1 572,40	—	310,59	296,00	923,53	— 627,59	19,93	14,64
Франция	583,89	373,74	210,15	—	930,58	1,29	929,29	14,42	15,10
Бельгия	224,38	179,42	44,96	—	227,26	0,50	226,76	28,97	12,07
Польша	165,06	271,12	—	106,06	—	397,10	— 397,10	5,71	11,45
Чехо-Словакия	156,33	178,46	—	22,13	59,13	59,31	— 0,18	11,05	7,77
Италия	142,01	48,11	93,90	—	397,78	—	397,78	3,60	47,60
Голландия	112,62	63,29	49,33	—	335,18	—	335,18	16,53	12,78
Австрия	62,58	25,22	37,36	—	147,01	0,53	146,48	9,48	34,29
Румыния	54,68	71,98	—	17,30	3,24	389,20	385,96	3,16	5,70
Венгрия	44,27	26,57	77,70	—	82,60	—	82,60	5,38	9,66
Швейцария	41,80	31,93	9,87	—	84,94	42,50	42,44	10,65	88,27
Югославия	28,20	27,61	0,59	—	25,31	2,64	22,67	2,23	8,94
Болгария	15,74	15,76	—	0,02	8,13	0,50	7,63	3,18	1,41
	2 893,37	2 885,61	463,86	456,10	2 598,16	1 817,16	781,00 млн. мар.	11,38	16,63
	Дефицит: $0{,}25\% = 7{,}76 \times 10^{12}$ *кал*				Разница $\approx 30\%$		набыток ввоза	в среднем	

Германия

471 371 км², населения 63 302 000 чел. Ввоз 13 146 млн. германских марок; вывоз 8 888 млн. германских марок

Источник энергии	Потребность		Продукция		Дефицит (ввоз)		Ввоз	Вывоз
	тыс. *т*	10^{12} *кал*	тыс. *т*	10^{12} *кал*	тыс. *т*	10^{12} *кал*	млн. марок	
Каменный уголь . .	109 697,5	767,88	145 363,0	1 017,54	35 665,5	249,65		
Бурый уголь (лигнит) .	141 814,0	496,35	139 877,5	489,57	1 936,5	6,78	—	922,80
Торф . . .	680,0	1,36	700,0	1,40	20,0	0,04		
Кокс . . .	11 242,4	78,70	—	—	11 242,4	78,70		
Дрова . . .	12 168,0	48,65	12 293,0	49,17	130,0	0,52		
Древесный уголь . .	2,0	0,01	—	—	2,0	0,01	—	0,79
Нефть . . .	306,7	3,07	95,4	0,95	211,3	2,12		
Дизельная нефть . .	309,9	3,10	—	—	399,9	3,10	284,50	—
Бензин . .	427,2	4,27	—	—	427,2	4,27		
Водная энергия (1,1 млн. *л. с*) . . .	1 530 млн. *квтч*	13,77	1 530 млн. *квтч*	13,75	—	—	11,50	—
Электроэнергия .	230 млн. *квтч*	2,07	—	—	230 млн. *квтч*	2,07		
Общая выработка электроэнергии .	1 261,81	—	1 572,40	—	—310,59		Ввоз 627,59 млн. марок	
В %	100	—	145,36	—	— 45,36			

20 500 млн. *квтч* в год, что = $184{,}50 \cdot 10^{12}$ *кал*
% электрификации — 14,64
Удельная потребность в энергии — $19{,}93 \cdot 10^{6}$ *кал* на душу

которая относится к использованию природных энергий для достижения нынешнего этапа индустриализации.

На примере так называемой Средней Европы и ее энергетических показателей по таблицам того же самого Хайдеггера нетрудно иллюстрировать, до какой степени энергетический узел событий на производственном поле труда является вообще решающей инстанцией. Разрешите привести ряд разработанных Хайдеггером энергетических балансов стран Средней Европы.

Решающая роль энергетической базы становится все более ясной даже и для буржуазных техников и экономистов. В качестве иллюстрации приведу здесь нижеследующее кредо того же инж. Хайдеггера:

«Хозяйственное развитие не только отдельных наций или государств, но целых материков, как известно, зависит от подъема и рационализации производства. С политико-экономической точки зрения производственными факторами являются: природа, труд и капитал. Природа со своей стороны участвует в производстве в двух формах, в двух факторах: как материал и как сила или энергия. Исследуя значение

этих четырех производственных факторов с точки зрения нынешнего хозяйственного режима, мы можем установить, что:

1) относительно труда, под которым мы разумеем всю сознательно направленную на производство человеческую деятельность, повсюду, и в особенности на европейском континенте, налицо избыток предложения; безработица по существу является отрицательным показателем рациональной хозяйственной политики отдельных государств;

2) капитал практически обладает неограниченными возможностями перемещения, сам разыскивает себе свое место в условиях рационального производства, является по своей природе исследователем конъюнктуры и сверх того подлежит учету лишь как производственный фактор второго порядка, ибо и сам он возникает лишь из других производственных факторов;

3) материал является одним из важнейших производственных факторов, но его значение весьма понизилось с тех пор, как, главным образом, вследствие хозяйственного кризиса, последовавшего в результате мировой войны, все более и более имеет место взаимозамещаемость сырых материалов, как результат быстрого развития техники с поистине необъятными дальнейшими перспективами в этом направлении;

4) сила, совокупность располагаемых сил природы, составляет, таким образом, решающий, наиболее важный и незаменимый производственный фактор в современной структуре хозяйства в его целом».

Если наряду с этим рассуждением мы припомним соображения, развитые в работах известной комиссии Гувера относительно экономики США — касательно прямой зависимости самой машинной культуры от ее энергетической базы, то позиция современных буржуазных энергетиков этими документами выясняется с достаточной ясностью.

Междугосударственный энергетический обмен в Средней Европе

Государства	Ввоз	Вывоз	Удельный расход электроэнергии (*квтч* на душу)
	в млн. *квтч*		
Германия	320	90	330
Франция	330	20	240
Бельгия	—	10	420
Чехо-Словакия	7	—	95
Италия	340	—	190
Польша	—	10	75
Голландия	3	—	235
Австрия	—	20	360
Румыния	—	—	20
Венгрия	—	—	58
Швейцария	—	850	1 000
Югославия	—	—	22
Болгария	—	—	4
	1 000	1 000	210 в среднем

Нетрудно показать, что лишь решительное обобществление всех средств производства прокладывает пути для развернутого фронта энергетики, уничтожая все те тупики, в которых блуждают современные работники энергетики, замыкающие свою мысль в круг возможностей, связанных с капита-

листическим строем. В этом смысле особенно характерны попытки некоторых работников европейского Запада найти выход из экономического кризиса Средней Европы путем развертывания международного обмена электрической энергией. Хайдеггер, констатируя, что преобладающее значение США на мировом рынке (которое он иллюстрирует сбором зерновых в 12 млн. вагонов, сбором хлопка в 57% мировой продукции, добычей нефти в 73%, меди в 58%, свинца в 42% и черного металла в 61% от мировой продукции) является прямой угрозой для нынешней Средней Европы, поверженной в хаос Версальским договором, очень недалек от признания бессилия предлагаемых им рецептов уничтожения таможенных застав для торговли электрической энергией.

По данным инж. Н. Келлена мировое производство электроэнергии в млн. *квтч* выражается таким образом:

1925 г.	186 595	1927 г.	233 407
1926 г.	204 836	1928 г.	255 622

Мы видим таким образом весьма значительный ежегодный подъем мировой электрификации. И тем не менее, исследователи вынуждены констатировать, что движение еще далеко не достигло своего зенита, причем четыре фактора в особенности должны форсировать это движение, а именно: 1) производство азота для искусственного удобрения; 2) производство алюминия; 3) производство электростали; 4) электрификация железных дорог.

Легко показать, что в условиях социалистического хозяйства все эти четыре элемента должны быть особенно действенными толкачами.

Наряду с этим нижеследующая таблица с особой наглядностью показывает нам, насколько грандиозен разрыв в уровнях электрификации нашей страны и передовых капиталистических держав.

Не подлежит сомнению, что единый государственный план народного хозяйства при любом его варианте по неизбежности должен представлять чрезвычайное многоразличие строительных линий. Отыскивая основы такого плана, мы по сути дела ищем единства в этом многоразличии. Наше изло-

Страна	Год	Мощность в тыс. *квт*	Годов. производство		Длительн. использ. в часах	Коэфициент нагрузки (%)	Доля централей (%)	
			в млн. *квтч*	на душу населения *квтч*			водных	тепловых
Норвегия	1929	1 579	8 000	2 859	5 066	57,8	ок. 100	—
Канада	1928	4 320	17 531	1 815	4 031	46,1	98,6	1,4
Швейцария	1928	1 577	5 300	1 317	3 361	38,4	95,0	5,0
Япония	1928	3 467	10 559	172	3 046	34,8	88,0	12,0
США	1928	29 630	87 850	942	2 955	33,9	39,5	60,5
Франция	1928	4 500	13 100	319	2 911	33,3	41,6	58,4
Швеция	1928	1 540	4 410	724	2 861	32,7	ок. 75	ок. 25

Страна	Год	Мощность в тыс. квт	Годов. производство		Длительн. использ. в часах	Коэффициент нагрузки (%)	Доля централей %	
			в млн. квтч	на душу населения в квтч			водных	тепловых
Италия	1928	3 850	10 000	244	2 597	29,6	97,9	2,1
Германия	1929	12 416	30 661	480	2 469	28,2	11,6	88,4
Великобритания . .	1928	8 860	14 960	337	1 688	19,3	—	ок. 100
СССР *)	1929	2 204	6 000[1]	40	2 730	31,3	3,5	96,5

жение показывает, какое решающее значение будут иметь в этих исканиях линии энергетики.

Здесь мы неизбежно имеем как бы два этажа таких исканий. Новое зреет в старом. Мы должны тщательно проследить тот элементарный зенит общественной техники, который дается нам уже нынешним достижением этой техники в условиях капиталистического способа производства. Это, так сказать, первый этаж. Здесь нет места загаду, выдумке. Поле исканий ограничено тем, что уже дано мировой технологической практикой. Каждая отрасль технологии вливается здесь своей особой струей, и мы можем ограничиться только тем, чтобы нащупать подлинный, решающий фарватер этой струи. В таком же положении находится и экономика общественного производства. Здесь также есть свой первый этаж элементарной рационализации. Он дается явными и неоспоримыми преимуществами массовой концентрированной продукции, специализации производства, стандартизации и типизации.

Социалистический «загад» начинается с момента сочетания технологических процессов, с новой группировки, с нового экономического единства производственных организаций.

Отсюда — особая роль тех разделов нашего строительства, которые составляют службу связи.

Анализ работ Гоэлро и тех наметок, которые даны в проекте нашей пятилетки, уже позволяет выделить те особенности своеобразного социалистического единства техники и экономики, которые обеспечивают рекордные темпы количественного и качественного продвижения вперед на базе развернутой электрификации.

Комбинирование промышленных производств на основе наиболее выгодного энергетического баланса, разбивка всей страны на специальные энергетические районы, объединенные общегосударственной сетью электропередач, модернизация индустрии на электрической основе, технико-экономическая реконструкция сельского хозяйства на основе тракторизации, с одновременным все более и более глубоким внедрением и в эту область электрификации, наконец, реконструкция транспорта на основе все более решительной электри-

---

* Строчка по СССР добавлена нами и взята по данным Энергоцентра. *Г. К.*

[1] По плану 1936 г., утвержденному 2-й сессией ЦИК Союза ССР VII созыва (январь 1936 г.), выработка электроэнергии установлена в размере 32 млрд. квтч, что на 24% превышает выработку 1935 г.

фикации его,—таковы те линии, к которым должна неизбежно двигаться в дальнейшем технико-экономическая реконструкция СССР в условиях максимального сбережения наших энергетических ресурсов при осуществлении социалистических заданий.

Буржуазный мир намечает свои ставки индустриализации и электрификации. Но подъем всей машинной культуры на электрическую базу может быть осуществлен в наиболее совершенной и развернутой форме только в условиях социалистического хозяйства.

Ни о какой смене испытанных ленинских вех электрификации нам думать не приходится.

Огромным фронтом встанем на борьбу за новый генеральный план народного хозяйства, который сумеет силой героического коллектива нашей страны, коллектива спаянных небывалым единством работников физического и умственного труда, по-новому разложить многоразличие предстоящих грандиозных трудовых процессов в ведущие целостные социалистические единства новых энергетических серий.

Так и только так может быть дорисован незаконченный рисунок моего доклада.

ВЫСШАЯ ШКОЛА НА НОВОМ ЭТАПЕ[1]

Разбираясь в вопросах высшего технического образования, мы, по сути дела, подходим к трактовке задач культурной революции на самом ее ответственном этапе. Не подлежит сомнению, что эта культурная революция теснейшим образом связана с этапами нашего хозяйственного строительства.

Известно, что последнее постановление ЦИК о высшей школе[2] трактуется нашими заграничными недругами как прямой отказ от занятых нами позиций в деле постановки высших форм нашего просвещения, причем эти зарубежные недруги не устают пророчествовать, что вот здесь-то, в борьбе за высшие технические кадры, мы непременно сломаем себе голову. Но нам не привыкать стать к таким пророчествам. Великая Октябрьская революция может быть подразделена в своем развертывании на целый ряд этапов, причем каждый из этих этапов имел свои определенные задачи и трудности. Была определенная полоса военной борьбы за советскую власть, за утверждение диктатуры огнем и мечом. Была следующая полоса — полоса элементарной борьбы с широчайшей послевоенной разрухой. Потом наступили особые задачи и трудности так называемого восстановительного периода. Затем наступил период борьбы за осуществление первой пятилетки, развернутой борьбы за социалистическую реконструкцию нашего хозяйства. Наши классовые враги последовательно возлагали все свои упования то на силы интервенции, то на костлявую руку голода, то на внутренние противоречия между плановой системой и системой денежного хозяйства, то на наше неминуемое крушение от разрыва между гигантскими ставками первой пятилетки и затруднениями нашей действительности.

Мы видим, однако, что на каждом из этих этапов выпады наших врагов оказывались попросту клеветническими выпадами. На каждом из этих этапов специфические трудности порождали и соответствующую живую силу для преодоления этих трудностей. Каждый из этих этапов заканчивался совершенно не так, как на то рассчитывали наши классовые враги.

Каковы же особенности того периода, в который мы вступаем в настоящее время. Вы слышали на этом съезде интересную речь т. Межлаука, подводящую общие итоги первой пятилетки, и мне достаточно только подчеркнуть некоторые основные выводы этой речи. Первая пятилетка дала нам прежде всего достаточно мощную индустриальную базу для развертывания всего нашего хозяйства и в особенности для закрепления наших достижений в области сельского хозяйства, для организационно-технического укрепления нашей колхозно-совхозной системы. Мы теперь располагаем достаточно прочной нашей собственной тяжелой индустрией с ее ведущим звеном по машиностроению.

Вы слышали, что в важнейшем деле укрепления нашей обороноспособ-

---

[1] Доклад на 2-й Всесоюзной конференции ВАРНИТСО (декабрь 1932 г.). Напечатан в журнале «Фронт науки и техники» № 1, 1933 г.

[2] Имеется в виду постановление ЦИК Союза от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах».

ности как раз за последний год мы сделали громадный шаг вперед. Мы теперь уже можем с гораздо большей уверенностью в собственных силах смотреть на ту бурю, связанную с мировым кризисом, которая развертывается за нашим рубежом. Мы теперь подкреплены своими собственными ресурсами и подкреплены в достаточной степени, чтобы уже не быть легкой мишенью для коварных замыслов наших врагов как в борьбе экономической, так и в военно-политической. «Орудием» их замыслов, да еще «безвольным», мы никогда не были. Лишь на такой базе для нас оказалось возможным поставить в качестве основных задач второго пятилетия борьбу за завершение технической реконструкции нашего хозяйства и за построение бесклассового общества. Именно из великих задач вытекает огромность значения нашей борьбы за технические кадры высшей квалификации.

Вы слышали, что пафос строительный теперь должен быть дополнен пафосом освоения новой техники, работой громадных пролетарских армий строителей первой пятилетки на целом ряде первоклассных по своей технике фабрик и заводов. А раз это так, то поход за освоение этой новой техники является центральной кампанией всей второй пятилетки. Припомним, как в свое время Владимир Ильич подчеркивал теснейшую связь подъема нашей хозяйственной работы с задачами просвещенческого дела, с задачами культурного подъема трудящихся.

Не подлежит сомнению, что гигантский плуг первой пятилетки преобразовал весь массив наших трудящихся, поднял в нем огромную новину, создал своих героев социалистического соревнования и ударничества. Тем самым созданы чрезвычайно благоприятные предпосылки для нашей новой кампании по борьбе за подъем производительности нашего труда, за совершенствование самого качества этого труда во всех его подразделениях. И только слепые по расчету люди могут трактовать всю постановку наших очередных задач как какой-то откат назад к старым, пережившим себя ценностям. Именно сейчас наступила пора с подкрепленными силами подойти к разрешению проблем создания необходимых высших технических кадров в прочной опоре на те великие октябрьские позиции, которые завоеваны нами по всей линии нашей хозяйственной работы.

КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕМУ ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

Постановлением ЦИК общее руководство всем высшим техническим образованием возложено на Комитет по высшей технической школе. Под его руководством, таким образом, оказывается около 12 ведомств: Наркомтяжпром, Наркомлегпром, Наркомлес, Наркомзем, Наркомсовхозов, НКПС, Наркомснаб, Наркомвод, Наркомсвязь, коммунальное хозяйство, управление гражданского воздушного флота, кооперация и т. д.

Основное кредо Комитета по высшей технической школе с достаточной подробностью развито в постановлении ЦИК от 19 сентября 1932 г. в документе, каждый основной раздел которого представляет целую совокупность крупнейших очередных задач. Задачи Комитета прежде всего заключаются в выработке совершенно конкретного плана как календарного, так и в смысле очередности тем для предстоящих работ, которые прежде всего по своим темпам должны соответствовать темпам нашей хозяйственной работы.

Не подлежит сомнению, что начинать придется прежде всего с упорядочения того, что мы называем номенклатурой специальной. Достаточно разобраться в этом основном вопросе, чтобы немедленно полу-

чить прочную опору и для всей сетки высших учебных заведений, и для учебных планов, и для учебных программ.

Однако, прежде чем перейти к трактовке этого вопроса, я остановлюсь на более общем вопросе — на вопросе о самом типе инженера и техника, который соответствовал бы высокому званию красного инженера и красного техника. Отметим прежде всего, что за время войны и в послевоенный период мировая техника совершила гигантский подъем. Чрезвычайно возрос как круг научных дисциплин, так и объем и содержание каждой из них. Теперь уже не может быть того техника-универсала, техника-всезнайки, которого готовили в предвоенное время высшие технические заведения России. Это — с одной стороны.

С другой стороны, вся эта новая техника опирается на подлинную революцию, происходящую в области научного знания. На наших глазах происходит подлинная переоценка ценностей во всех областях этого знания. Сметаются прежние границы между такими прочно установившимися дисциплинами, как физика и химия, — мы с одинаковым успехом можем говорить как о физической химии, так и о химической физике. Электроэнергетические концепции вещества чреваты новыми революционными сдвигами в установившихся научных дисциплинах. Даже такая область, как математика, по-новому диференцируется в своих подразделениях и по-новому слагается в интегральные комплексы. Наряду с этим мы говорим о технической физике, технической химии, биотехнике, демонстрируя таким образом связь современных сдвигов в области научного и технического знания с нарастающими переворотами в мировом хозяйстве. Эти нарастающие перевороты, которые в последнем счете создают новое отношение человека к системе машин, все далее и далее отводят нас от той техники, которая базировалась на элементарном использовании элементарной силы рабочего, апеллируя к политехническим навыкам, политехническому знанию.

Итак, надо диалектически разрешить то противоречие, которое вытекает из этого анализа: с одной стороны, громадная трудность по освоению того, что идет со всего гигантского поля техники, необходимость специализации, а с другой стороны, явная необходимость учета и при создании специалистов необходимость усвоения всего того, что идет от директив известной политехнизации.

Таким образом, говоря о типе нашего инженера и техника, мы неизбежно приходим к тому выводу, что, считаясь с необходимостью двух профилей в этом типе — профиля широкого и профиля узкого, мы, тем не менее, должны иметь и в том и в другом типе некоторый общий, своеобразный, мы бы сказали, бронированный минимум. Этот бронированный минимум один только может обеспечить знак равенства между тем и другим типом, обеспечить возможность приложения как к тому, так и к другому профилю звания красного инженера.

Какие бы учебные планы мы ни развивали, как бы мы ни развивали профили наших инженеров, одного не надо забывать: не надо смешивать инженера с таким ремесленником, который может пользоваться только готовой рецептурой технологических процессов, без критического подхода к ней. Инженер должен настолько овладеть сущностью ведущих дисциплин в своей профессии, чтобы стоять не под ними, а над ними, чтобы иметь возможность быть хозяином положения, не растеряться в трудных обстоятельствах своей практики, которые как раз и являются пробным камнем для его профессиональной деятельности.

Каким же образом можно достигнуть этого в системе нашего образования? Не подлежит сомнению, что здесь приходится итти двумя путями. Во-первых, надо, как это уже отмечено в постановлении ЦИК от 19 сентября 1932 г., твердо обеспечить для всего нашего инженерства действительное

освоение тех математических, физических и химических дисциплин, а в соответствующем случае и дисциплин биологических, которые составляют то, что я назвал выше бронированным минимумом; лишь в опоре на них можно создать ту динамическую сущность инженера, которая даст ему возможность всю жизнь итти вперед с минимумом потерь и максимумом положительных результатов.

Во-вторых, преподавание специальных дисциплин должно быть пронизано диалектическим методом, опираясь на который, можно и в самых узких специальностях проложить дорогу для широкого общего развития. Это — большая и трудная задача. Готовых рецептов здесь дать нельзя. Нельзя забывать, что мы готовим не просто инженера, а нашего советского красного инженера. Нельзя забывать указаний Владимира Ильича, что представители различных профессий по-своему подходят к освоению коммунизма, что своей дорогой идет доктор, идет агроном, идет инженер той или другой специальности.

Полоса первой пятилетки называлась полосой великих работ и развернутого социалистического наступления. Но разве наше знамя и в том и в другом направлении мы не поднимаем во вторую пятилетку еще выше? Наше молодое инженерство, несмотря на все дефекты своей подготовки, имеет уже почетный стаж, заработанный в великих боях первой пятилетки. Мы видим теперь, какое громадное международное значение имеет вся наша работа в период первой пятилетки. И не приходится сомневаться, что в недалеком будущем звание красного инженера приобретет особый почет в глазах всего мира. Эту высокую цель мы ни на минуту не должны упускать из виду.

В своем превосходном докладе на V Съезде ИТР т. Молотов охарактеризовал те задачи, которые стоят перед нашими инженерами и агрономами, те существенные отличия, которые создаются в нашей стране для всех слоев наших инженерно-технических работников. Он резко подчеркнул, что в то время, как за нашим рубежом работники этого рода всячески отвлекаются от политики, в то время как там всячески искривляют их общественно-политическое сознание, мы делаем как раз обратное: мы стараемся вовлечь наших инженеров и агрономов в политику, всемерно стараемся развивать их общественно-политическое сознание.

Подобно тому как пролетарские революции являются прежде всего движением огромных масс трудящихся, все наше хозяйственное строительство является процессом не только борьбы за лучшую технику, но и борьбы за высшую организованность этих миллионов трудящихся, и мы не добьемся ожидаемого технического эффекта, если наши инженеры и агрономы не будут одновременно искусными организаторами труда, освобожденного от капиталистических цепей.

Все эти элементы должны быть заботливо учтены в работах Комитета по типизированию и профилированию инженерно-технических работников.

Достаточно поставить так вопрос, чтобы сразу отвести ту методологию, которая до сих пор нередко наблюдалась при выработке тем или другим ведомством номенклатуры специальностей и профилей. Наши кадровики попробовали здесь пойти чрезвычайно элементарным путем, так сказать, по линии наименьшего сопротивления.

Они идут от так называемого рабочего места и пытаются подменить простым перечислением элементарных функций последнего трудную работу по систематике подготовки инженера, которая должна сделать его действительным хозяином данной области труда.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые примеры. Вот передо мной книга «Методология, методы и образцы профилей специальностей

социалистической промышленности СССР»[1]. В этой книге почти 600 страниц. На 252-й странице этой книги дан профиль мастера цеха «зубчатка» механосборочного отдела автозавода им. Сталина (б. АМО). Как видим, авторы идут от совершенно конкретного рабочего места конкретного завода. Вначале так и сказано: «Пролет по изготовлению цилиндрических, конических зубчаток автомобиля «АЗ» является рабочим местом мастера». Но чего только не нагромождено в списке умений, навыков, основных функций и необходимых знаний для инженера этого рода. Здесь даже есть и специальный психо-физиологический анализ деятельности мастера цеха «зубчатка». А затем идут оперативно-технические функции мастера, инструктивно-педагогические функции мастера, завершающиеся общественно-политической стороной профиля мастера. Тут и марксистско-ленинское овладение техникой и наукой, и соцреконструкция сельского хозяйства, и большевистское наступление по всему фронту, и марксистско-ленинское воспитание рабочих, и борьба за мировую социалистическую революцию.

В этом последнем наставлении для мастера цеха «зубчатка» имеются такие семь пунктов:

«1. Непосредственное участие в деле мировой пролетарской революции путем активного строительства социализма в СССР.

2. Пропаганда интернационального значения социалистического строительства СССР как базы для победы пролетарской революции во всех странах.

3. Активное участие в поднятии обороноспособности СССР путем выполнения и перевыполнения промфинплана завода, участия в группах противовоздушной обороны, обучения военному делу, шефства над Красной армией и флотом.

4. Борьба за генеральную линию Коминтерна против оппортунизма в братских компартиях и революционных профсоюзах.

5. Укрепление братской связи и солидарности с рабочими и трудящимися капиталистических стран. Освещение наших достижений и трудностей нашего строительства, культурного роста.

6. Борьба за правильное проведение в жизнь национальной политики партии, борьба против великодержавного шовинизма и местного национализма, антисемитизма.

7. Участие в проведении международных политических кампаний (1 мая, Октябрь, МЮД. Международный женский день)».

Что же можно сказать по поводу такого нагромождения и такой схоластики? Можно только удивляться, как просвещенные люди могут докатиться до уровня таких документов. Уж не потому ли случился такой казус, что в составлении таких профилей приложили руки психо-физиологи и психо-техники, как это документирует трактуемый нами компендиум?

Распоряжением директора научно-исследовательского института этот сборник «научных» работ изъят из общего обращения и рекомендован для закрытых научных библиотек, но «снявши голову, по волосам не плачут». Советская общественность не может пройти хладнокровно мимо документов с такими установками, хотя бы они и предназначались для закрытых библиотек и для специального критического обследования. Мы очень хотим, чтобы наши красные инженеры были по возможности зубастыми инженерами, но зачитанный нами профиль мастера «зубчатки» как раз наиболее яркий документ того, чего нужно избегать, преследуя такую цель.

Вот перед нами другой, уже не забракованный документ, именуемый: «Профиль специалистов социалистической промышленности — рабочих

[1] Научно-исследовательский институт промышленных кадров НКТП СССР. Москва, 1932.

(ФЗУ), техников (техникумы) и инженеров (втузы)», выпущенный под редакцией А. И. Подгорного. То же солидная книга в 216 страниц. Возьмем такой ответственный профиль, как профиль инженера-сталеплавильщика. Здесь перечислены орудия труда, начиная от печи для варки стали, и совершенно опущена (если вообще нужно перечислять орудия труда) контрольно-измерительная аппаратура, которая, несомненно, занимает и должна занимать большое место в процессах сталеварения. Перечислены все функции, которые могут быть внесены в правила внутреннего распорядка в мартеновском цехе, как-то: «а) лично устраивать периодические проверки цеховых весов, наличия цеховых запасов сырых материалов, топлива и готовой продукции; б) проверять отчеты десятников, весовщиков, монтеров и техников, вести свой инженерный журнал, где вносить все свои соображения о мерах рационализации производства и учета; в) давать сводки израсходованных и полученных материалов». Вся эта рецептура, как видим, запроектирована не на инженера — творца и борца, а на инженера — беспомощного ремесленника.

Наряду с этим ничего не сказано о явно наступающих количественных и качественных сдвигах советской металлургии, о выявившихся тенденциях коренной реконструкции этой металлургии. Ведь мы стоим накануне внедоменного получения железа, внедрения электропроцесса, автоматизации управления агрегатами и т. д.

Уже первый подход к изучению литературы наших кадровиков показывает, что под основой этих документов нередко скрывается чувство безответственности, поощряемое бригадным методом их выработки. Комитет считает себя обязанным повести решительную борьбу с такого рода методологией, но он должен вести свою работу таким образом, чтобы вместе с тем не подменять своей деятельностью работу соответствующих управлений наркоматов и отнюдь не снимать с них той ответственности, которая лежит на них в этом великом деле правильного воспитания и подготовки красных технических кадров.

Комитет начал свою работу с того, что вызвал на специальное совещание представителей кадровых управлений основных наркоматов. Всего у нас имеется в настоящее время 535 вузов и втузов. На этом совещании мы заслушали представителей 470 вузов и втузов. Постановление ЦИК от 19 сентября 1932 г., конечно, заставило наших кадровиков сильно пошевелиться. Вот какая картина представилась нам. Наркомтяжпром имеет 170 вузов, он имел профили: в 1930 г. — 500, в 1931 г. — 535. Под давлением постановления от 19 сентября он при первом приближении к этому вопросу сокращает число этих профилей до 288 и надеется сократить до 130. Контингент студентов в настоящее время — 132 тыс. чел. Наркомзем имеет 157 втузов. Профилей имел 76. Сократил число их до 43 и хочет довести это число до 38. Число студентов — 162 тыс. чел. НКПС имеет 20 втузов. Число профилей было 46, но наркомат надеется сократить до 26. Имеет 26 тыс. студентов и т. д.

Быстрый отказ от дробных специальностей показывает, какую шаткую почву имели наши ведомства под своими ногами в профилировании с установкой на «рабочие места». Можно себе представить, какие отсюда следствия шли и по линии учебных планов и по линии самой сети наших втузов. Комитет включился в работу НК РКИ по первому пересмотру этой сети для уничтожения карликовых и параллельных втузов. Достаточно было нескольких недель работы, чтобы, например, сократить в Наркомземе из 82 втузов целых 25. Достаточно было свести представителей секторов кадров в Комитете, чтобы видеть, как они нуждаются в таком едином центре для обмена опытом и насколько назрела нужда в решительной борьбе с системой замкнутого хозяйства отдельных наркоматов, которая сводится к тому, что

каждый наркомат желает готовить самостоятельно себе специалистов по всем специальностям. НКПС, например, готовит в своих втузах специалистов по связи, по энергетике, по теплотехнике, не обращая внимания на то, что такая подготовка сопровождается нередко совершенным уродованием самого профиля специалиста.

Чтобы дополнить характеристику положения с номенклатурой специальностей, продемонстрирую перед вами перечень этой номенклатуры специальностей по сельскохозяйственным вузам на 1932 г. Здесь мы имели такое количество названий: по зерну — 19, по овощам — 13, по техническим культурам — 30, по механизации и электрификации — 85, по коневодству — 18, по птицеводству — 15, по кролиководству — 11, а в общем счете — целых 298 названий. Если же сюда присоединить 350 названий средней квалификации, то мы получим специалистов, распыленных по 650 рубрикам! По совести говоря, даже трудно себе представить, как можно было додуматься до такой системы.

В таких условиях, естественно, неблагополучно было не только с самой сетью втузов, но и с профессорским персоналом. Работая таким рассыпным фронтом для удовлетворения нашей нужды в многочисленных преподавательских кадрах, мы неизбежно должны были находиться в своеобразном тупике.

Упорядочение номенклатур специальностей, упорядочение сети втузов и контроль профессорского персонала — это работа большая и трудная и она отнюдь не должна подменяться механическим упрощенством. В одной из комиссий директорского совещания Наркомтяжпрома, между прочим, предложено было ликвидировать доменные специальности в Московском и Ленинградском металлургических институтах, так как в районе расположения этих институтов доменное производство пока что развито слабо. Внося эти предложения, авторы их совершенно упустили из виду специальную роль Москвы и Ленинграда как всесоюзных центров нашей квалифицированной научной мысли, а также и то обстоятельство, что этими специальностями здесь руководит академик М. А. Павлов — мировой ученый, который в результате такой наметки остался бы «безработным». Совершенно очевидно, что ко всем этим вопросам правильно подойти можно только путем совместной работы Комитета и Управлений кадров наркоматов. Ясно, что конечная и правильная номенклатура специальностей может быть создана только при сведении воедино работы всех ведомств и при учете мощности продукции втузов по удовлетворению их суммарной работой народнохозяйственного спроса на специалистов разных категорий.

Итак, первая основная задача Комитета — это установление единства подхода к номенклатуре специальностей и выработка надлежащего кадастра этих специальностей.

Чтобы покончить с основной установкой в этом вопросе, считаю нелишним отметить следующее: в одном из последних номеров центрального органа Союза немецких инженеров «VDI» мы читаем интересные соображения относительно тех факторов, которые необходимо учесть, чтобы содействовать прогрессу машинной техники в этой стране. Здесь, между прочим, отмечается, что существует известный разрыв в успехах Германии по приоритету ее работников в области химии по сравнению с работниками в области машинной техники. Вывод таков: работа химика по существу связана с научно-исследовательской работой. В этом-де и был главный залог успеха немецких химиков. Для того чтобы выравнять фронт работников машинной техники с химическим фронтом, необходимо следовать этому примеру, необходимо и в этих областях сочетать научную и учебную работу. Надо держаться подальше от эмпирических навыков, от профессиональной замкнутости. Недаром один из крупнейших работников в этой

области, проф. Р. Планк, создает целую школу под лозунгом: «Внимание к пограничным дисциплинам». Техническая физика, техническая химия, биотехника, широкая подготовка по математическим и естественно-историческим дисциплинам, по мнению Планка, необходимы для правильной постановки всей школы машинной техники. Этот опыт нашего соседа нам ни в коем случае не следует упускать из вида.

Для рассмотрения учебных планов и учебных программ постановлением ЦИК даны определенные жесткие сроки. Но все ведомства так запаздывают с представлением необходимого материала, что к 1 января 1933 г. эта работа явным образом не будет закончена. Чтобы справиться с работой, нам в свою очередь придется вести этот пересмотр параллельно с пересмотром номенклатур. Кстати, такая работа полезна и для проверки номенклатурных наметок.

Комитет самым своим существованием кладет конец «персимфансу» наркоматских управлений кадров. Действенное вмешательство Комитета в этот оперативный «персимфанс» должно быть, однако, таково, чтобы все руководство Комитета отнюдь не подвергалось бюрократическим извращениям. Установление живой связи с вузами и втузами, живой, не бумажный контроль действительности — таковы должны быть отправные начала работы Комитета. Лишь при конкретном знакомстве с практикой учебного дела в конкретных втузах, лишь при живом контакте с преподавательской и студенческой массой возможно будет разрешить правильно очередные задачи, стоящие перед Комитетом.

Рационализация всей сети вузов, разработка перспектив развертывания этой сети, выявление действительных запросов на специалистов разного оружия в связи с перспективами нашего дальнейшего хозяйственного строительства — таковы основные задачи планового отдела Комитета. Единство системы учебных программ и планов, правильная методика и режим преподавания, определенность целевых установок учебы — таковы существеннейшие задачи Высшего учебно-методического совета (ВУМС) Комитета. Организация надлежащего штата инспекторов-инструкторов — основное орудие живого контакта Комитета с практикой учебы.

Мы с особой настороженностью относимся к попыткам создания специальных научно-исследовательских органов по техническим кадрам, ибо практика институтов наглядно показывает, какие опасности отрыва от действительности подстерегают нас на этом пути. Комитет во всяком случае на первое время предпочитает иметь опору непосредственно в некоторых втузах, где при концентрации лучших сил и возможного максимума средств можно с большим успехом нащупать методы подъема дела обучения до уровня показательных образцов.

Вся работа Комитета должна вестись таким образом, чтобы она планомерно и систематически освещалась в печати. Комитет во всей перспективе своих работ рассчитывает на помощь нашей советской общественности. Подобно тому как правильный подход к улучшению материально-бытовых условий студенчества возможен лишь при внимательном изучении его культурно-бытовых запросов, так и упорядочение профессорского и преподавательского состава наилучшим путем может быть достигнуто лишь в непосредственном контакте и сотрудничестве с этим составом.

Особую роль будет играть деятельное вмешательство Комитета в работу по составлению и быстрейшему опубликованию необходимых у ч е б н и к о в для сети наших втузов. Быстрейшее накопление основного капитала этих, по возможности стабильных, максимально приближающихся к классическим образцам учебников — наиболее крепкое орудие в борьбе со всяческой халтурой в области преподавания.

Я здесь не останавливаюсь ни на специальных задачах по урегулирова-

нию производственной практики, ни на целом ряде других моментов преподавательского дела, которые с достаточной полнотой обрисованы в постановлении ЦИК. Надо только с особой силой подчеркнуть необходимость нажима, и умелого нажима, на отбор в каждой области ведущих дисциплин. Не надо при этом забывать, что многие из этих дисциплин имеют свои особые показатели во времени для возможности их действительного освоения, а также то, что между ними есть своя внутренняя связь, при нарушении которой все дело преподавания немедленно испытывает существеннейшие пробоины.

Система специальных совещаний с необходимым кругом специалистов и соответствующих представителей нашей общественности, конечно, должна быть одним из основных методов работы Комитета. Наш Комитет должен быть, по сути дела, лишь головным отрядом всей той научно-технической интеллигенции, которой мы вверяем учебное дело в наших вузах и втузах. Вне связи с этой научно-технической интеллигенцией Комитет легко может выродиться в громоздкое, дорогое и бесполезное учреждение.

В частности, Комитет должен рассчитывать на представителей ВАРНИТСО как на особо надежный авангард нашей научно-технической интеллигенции. Именно работников ВАРНИТСО вам особенно важно привлечь к тесному сотрудничеству с Комитетом.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ

Наши классовые враги не перестают клеветать на нас, утверждая, что в нашей реконструкции высшей технической школы мы уничтожили старые ценности и не создали никаких новых. Некий С. фон-Когельген в газете «Hamburger Fremdenblatt» пишет, что «мы нарушили все законы» религии, морали и разума из упрямства, бессовестно уничтожили все основы народного просвещения и воспитания». Что можно сказать в ответ на такие выпады? Действительно, все законы религии, морали и разума буржуазных эксплоататоров мы уничтожили и от этого наследства мы отказываемся. Небезызвестный белогвардейский профессор Б. Бруцкус пишет: «Пока существовал известный кадр специалистов, получивших подготовку в дореволюционной школе, дело могло еще кое-как итти. Как известно, советское правительство не сберегло этот ценный духовный капитал страны, и число старых специалистов быстро сократилось».

Да, конечно, господ Бруцкусов мы должны были выслать из пределов СССР. Мы убеждены в том, что развернутый фронт нашего социалистического строительства неразрывнейшим образом связан с развернутым фронтом науки и техники. Однако процессы вредителей наглядно нам показали, какие опасности для социалистического строительства нередко покрываются профессорскими мантиями. Посмотрите кстати, как проблема научных кадров еще в 1926 г. освещалась одним таким ученым мужем, носящим фамилию Филипиченко: «Всякий ученый — от ученого, всякая интеллигентность — от интеллигентных предков...».

«Таким образом мы видим из этих таблиц, что как сами ученые, так и их супруги в громадном большинстве происходят из интеллигентной среды» («Известия Бюро по евгенике» за 1925 г., № 1, стр. 13).

«Жены академиков, — пишет далее проф. Филипиченко, — происходят, как и сами академики, из высококультурной среды, почему мы вправе ожидать у них выдающихся родственников...».

От такой семейки, от такой благостыни наследства мы тоже отказываемся.

Вот передо мной любопытный трактат о высшем техническом образовании в Западной Европе, сочинение А. Ершова (Москва, 1857 г.). Документ этот относится к кануну шестидесятых годов, и я жалею, что недостаток времени мне не позволяет противопоставить идеологам нынешней буржуазии

ее собственных идеологов первого, так сказать, весеннего периода этой буржуазии. В начальном абзаце автор пишет: «Недостаточно указывать государству, что ему нужно делать для развития своих производительных сил; недостаточно предлагать различные финансовые средства для получения капиталов: нужны еще л ю д и; а потому в число непременных условий развития народного благосостояния помещается многими политико-экономами специальное техническое образование. Но, чтобы влияние его было благотворно, необходимы прежде всего некоторые экономические преобразования, которые расширили бы поприще труда и поставили бы его в лучшие условия».

В заключении Ершов пишет: «Главное — побольше уважения к труду и знанию, побольше сочувствия ко всем нуждам общественным». И вот, стоя на такой точке зрения, правильно отмечая, что «промышленный народ должен иметь перевес над всяким другим, менее промышленным», он поражается, что в тогдашней России было немало людей «кончивших курс высших учебных заведений и ничего не делавших... Сколько юношей, окончивших университетский курс, отстает от всего живого, вдали от науки и искусства; нужда приковывает их часто к сухому и мертвому делу, сколько у нас искателей самого незначительного места...».

Наша старая высшая техническая школа с ничтожным, тщательно отобранным студенческим контингентом расходовала громадные средства, использовывала крупные научные авторитеты, а в последнем счете работала на холостом ходу. Каждый из нас по личному опыту знает, как велик был процент среди нашего инженерства так называемых «холодных инженеров», применявших свои технические познания целиком для отправления тех или других чиновных бюрократических функций.

Выше мы отмечали, как давление рабочих мест, реализованных нашим строительством, сопровождалось отрицательными последствиями в поисках нормальных номенклатур наших специалистов, но в этом деле есть и другая сторона. Она говорит о том, что наша гигантская стройка, ликвидировавшая безработицу, раз навсегда порвала путы холостого хода наших образовательных учреждений, покончила с этим, как мы видим, исконным злом всей нашей образовательной системы. Эти «холодные инженеры» — не что иное, как одно из проявлений буржуазного разрыва между теорией и практикой, того разрыва, который в свое время Владимир Ильич правильно характеризовал в качестве «проклятого разрыва, связанного с самим существом буржуазного строя». Лишь завоевания Октября позволяют нам по-новому связать все преподавание теоретических дисциплин в наших втузах с живой производственной практикой, по-новому связать наше научно-исследовательское дело и с работой втузов и с работой наших производственных ячеек.

Небесполезно подчеркнуть, что наши нынешние буржуазные критики при своих клеветнических выпадах против нас как будто бы не замечают того, что совершается у них, за нашим рубежом, в поле их собственного зрения, в тех духовных потемках, в той реакции, которая охватила в настоящее время гибнущий капиталистический Запад. Небезызвестный Матчос пишет: «В среднем только около 20% кончающих находят работу по специальности, 10% учащихся учатся дальше, 20% берут какую-либо работу вне своей профессии, а остаток — около 50% — остается без всякого заработка. Дипломированные инженеры, которые почуют в ночлежках, открытых лишь с 10 час. вечера, которые не знают горячей пищи, которые считают себя счастливыми, если они могут заработать хоть несколько марок любой случайной работой. — например, в качестве судомоек, продавцов папирос, наемных танцоров и т. п., — уже не являются редкостью».

Мудрено ли, что мы не щадим никаких «ценностей», приводящих к таким порядкам, и с суровой беспощадностью выметаем из стен наших вузов и втузов все то наследство, которое связано с этими порядками.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

В низшем и среднем звене общего образования мы получили в наследство от царской России школу с 8 млн. учащихся. Теперь мы имеем в этом звене около 25 млн. учащихся. Перед нами целый океан юной энергии. В наследство мы получили в звене низшего и среднего профобразования всякого рода школки для «кухаркиных детей» с контингентом около 270 тыс. чел. Теперь перед нами новый советский тип школ ФЗС, сельхозуча с контингентом свыше 1 млн. учащихся. Перед нами самые разнообразные курсы — от простейших двухнедельных до высших промакадемий для командиров промышленности, с контингентом около 4 млн. чел. Перед нами обширная сеть заочного обучения.

В наследство мы получили 91 вуз со 125 тыс. учащихся, отобранных из дворян и буржуазии, с ничтожным контингентом от беднейших слоев населения. Теперь мы имеем 536 вузов с контингентом в 500 тыс. учащихся, взятых из рабочей семьи, от крестьянского двора и колхоза, от станка, с поля. Вот краткая справка о количестве сельскохозяйственных вузов и учащихся в них:

	1915 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Количество вузов	9	38	40	91	154
Количество учащихся . . .	3300	29550	49550	53900	83060

До революции было сельскохозяйственных вузов: на Украине 2, в Казакстане 0, в Закавказье 0. в 1932 г.: на Украине 26, в Казакстане 4, в Закавказье 10.

Эти цифры не требуют комментариев.

При удовлетворении громадного запроса со стороны хозяйственного строительства мы, тем не менее, ассигнуем громадные средства на школу. В 1932 г. мы расходовали на просвещение свыше 3 600 млн. руб. Эти цифры означали прирост против 1931 г. на 40%. На будущий год намечается около 5 млрд. руб., прирост снова больше чем на 35%. На одну подготовку кадров мы расходуем свыше 3 млрд. руб. При этом по общесоюзному бюджету отпускается около 1 млрд. руб. против 660 млн., израсходованных в 1932 г., т. е. больше чем в полтора раза.

Достаточно привести эту общую справку, чтобы видеть, какое благодарное поле труда развертывается перед нами. Не следует забывать, что вся наша средняя школа идет под знаком политехнизации, а правильное внедрение начал политехнизации должно дать нам такие кадры студентов, которые будут на целую голову выше своих предшественников по сознательному выбору такой профессиональной деятельности, в которой они окажутся наиболее продуктивными. Немудрено, что при таких условиях и за нашим рубежом начинают слышаться голоса, которые весьма положительно расценивают наши шансы в борьбе за высшую квалификацию наших технических кадров. Эти наблюдатели констатируют, что еще никогда ни одна страна не была охвачена такой тягой к знаниям, такой гигантской учебой, как СССР.

В заключение считаю необходимым остановиться на одной чрезвычайно интересной теме. Предо мной брошюра проф. С. Г. Струмилина (ныне академика) на тему «Хозяйственное значение народного образования». Написана она в 1924 г. Проф. Струмилин вместе с проф. Бабыниным дал чрезвычайно оригинальный подход методами математической статистики к разработке темы этой брошюры. Вот некоторые основные выводы этого исследования:

Проф. Струмилин пробует установить значение года школьного обра-

зования по сравнению с годом заводского стажа, учитывая материал, относящийся к первой ступени образования. Оказывается, что год школьного образования дает примерно в 2,6 раза большую прибавку квалификации, чем год заводского стажа. Чрезвычайно убедительными расчетами он показывает, что выгоды от повышения продуктивности труда путем школьного образования превышают соответствующие затраты государства на обучение в 27,6 раза. «При этом капитальные затраты окупаются с лихвой уже в первые же полтора года, а в течение следующих 35,5 лет государство получает ежегодно чистые барыши на этот капитал в размере 73% годовых».

Проф. Струмилин делает подробные расчеты эффективности всеобщего обучения по десятилетнему плану реформы в РСФСР и приходит к тому выводу, что «затраты на осуществление реформы превысят за десятилетие 1 600 млн. руб., но эффект этих затрат, повышающий капитальную оценку живой рабочей силы страны, надо оценивать за то же время по меньшей мере в 69 млрд. руб., т. е. в 43 раза». В дальнейшем он доказывает, что «даже при нынешней (1924 г. — *Г. К.*), далеко не блестящей, организации учебного дела на производство каждого окончившего высшую школу работника затрачивается в процессе обучения не свыше 13,2 года простого труда, чем повышается продуктивность этого работника — из расчета за весь его рабочий век — на 148 лет простого труда первого разряда, т. е. в 11 раз больше трудовых затрат по обучению». Колоссальность значения такого рода выводов ясна сама собой.

В настоящее время мы, конечно, можем подойти к уточнению расчетов С. Г. Струмилина, располагая гораздо более обширным материалом, чем тот, который мог быть им положен в основу его в условиях 1924 г. И вряд ли можно сомневаться, чтобы эти выводы в основе могли быть поколеблены. А если это так, то мы можем предвидеть весь масштаб тех сил, которые являются мощным фундаментом всей нашей просвещенческой работы. Не подлежит сомнению, что вся наша работа во вторую пятилетку все яснее и яснее будет демонстрировать перед нами громадную роль борьбы за высшие технические кадры в это второе, решающее для всей динамики мира, пятилетие. И не приходится сомневаться, что и на этом фронте нас ждет такая же победа, какая Страной советов под руководством большевистской партии во главе с тов. Сталиным была реализована по всем линиям нашего хозяйственного строительства, на каждом из его ответственных этапов.

МАРКС О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОГРЕССЕ ТЕХНИКИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ[1]

Ленин, терминология которого всегда отличалась строгой точностью, недаром характеризовал учение Маркса как всесильное. Каждый из технико-марксистов на собственном опыте убеждался во всесильности этого учения не только в анализе общественного развития, но и в области технических проблем. Иначе и не могло быть.

Гений Маркса выявил себя не только в области историко-философских наук, но с равной силой и в области наук технических. Легко показать, что самое существо исторического материализма, идущего от Маркса, требовало глубокого освоения начал техники.

Маркс утверждает, что бытие определяет сознание. В основе бытия лежит полезная работа, труд, являющийся «естественной необходимостью». В процессе борьбы с природой человек не только изменяет лицо природы, но и самого себя. В этом процессе, охватывающем тысячелетия, человек и приобрел те особые качества, которые подняли его над остальным органическим миром. Не подлежит сомнению, что и здесь качественные сдвиги диалектически получились на основе предшествовавшего накопления сдвигов количественных.

Дарвин изгоняет мистическое начало из истории органического мира; такую же роль в истории человека играет Маркс. Лишь исторический материализм превращает историю, как описательное повествование о событиях, в историю наук, устанавливающую их законы. Прослеживая всю историю человеческого труда, Маркс показывает, откуда идет легенда о труде, как о проклятии небес, и какими путями «сыны человеческие» могут превратить это проклятие в благословение.

Тайны исчезают, и перед человечеством развертывается широкая подъемная дорога в прямой опоре лишь на самого себя и лишь на те силы природы, неотрывным звеном которых является и сам человек. Базисом истории человека, таким образом, является история развития производственных сил, история его труда. Отсюда огромная роль технологии. К. Маркс характеризует Дарвина как основоположника «естественной технологии» — науки, трактующей «развитие органов растений и животных, играющих роль орудий производства для поддержания их существования». Наиболее сжатую характеристику своих взглядов на историческую роль технологии он дает в формуле:

«Технология разоблачает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства, которым он поддерживает свое существование,

---

[1] Настоящая работа была опубликована под тем же названием в журнале «Большевик» № 5, 1933 г. и в «Известиях энергетического института Академии наук СССР», т. I, 1933.

а с тем вместе также способ формирования его общественных отношений и вытекающих из них умственных представлений»[1].

С предельной ясностью это основное положение исторического материализма развито Ф. Энгельсом в его речи на похоронах К. Маркса:

«Люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться прежде, чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством и т. д.... Следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей, и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это делалось до сих пор»[2].

Причина и следствие меняются своими местами. В отрыве от изучения общего исторического процесса нельзя уразуметь и исторического развития технологии. В отрыве от вечно зеленого дерева жизни всякая теория становится серой. На огромном полотне «Капитала» Маркс прослеживает роль техники с изумительной глубиной и ясностью именно потому, что здесь техника облечена в плоть и кровь самой жизни. Анализ К. Маркса начинается как раз с той грани, с которой человек начал подниматься от мира животных в качестве животного, «делающего орудия», и «животного общественного». Первое определение он берет от Франклина, во втором — «реконструирует положение Аристотеля, утверждавшего, что человек есть животное политическое. Он делает при этом глубокое замечание, ярко обрисовывающее связь техники с общественным строем.

«Определение Аристотеля, собственно говоря, таково, что человек, по самой природе своей, — гражданин. Это определение также характерно для классической древности, как характерно для мира американских янки определение Франклина, который говорит, что человек, по природе своей есть изготовитель различных орудий»[3].

Непосредственный процесс производства и общественные отношения людей в своей совокупности представляют как раз то неразрывное «единство в многообразии», которое мы именуем жизнью. Резко подчеркивая историческую роль орудий труда, Маркс говорит, что можно судить по остаткам этих орудий труда, средств производства о любой исчезнувшей исторической формации человеческого общества с такой же примерно точностью, с какой Кювье мог характеризовать и воссоздавать целые типы палеонтологических существ по их частичным остаткам[4]. Критической истории технологии Маркс придавал громадное значение. Высоко оценивая «естественную технологию» Дарвина, он наряду с этим говорил:

«Неужели же история развития производительных органов общественного человека, этих материальных базисов каждой особенной общественной организации, не заслуживает такого же внимания»[5].

И до наших дней мы еще не имеем такой исчерпывающей критической истории технологии, о которой здесь говорит Маркс.

Описательная история прошлого уже дает нам представление и о первобытном родовом строе, и о судьбах древнеобщинного уклада, она рассказывает нам о рабовладельческих государствах Востока, Греции и Рима, о крепостнически-феодальном строе с его цехами и мануфактурой и, наконец,

---

[1] «Капитал», т. I, изд. 1898 г., стр. 323.

[2] Ф. Энгельс, 14 марта 1883 г. ИМЭЛ, Партиздат, 1933, стр. 7

[3] «Капитал», т. I, изд. 1898 г., стр. 279.

[4] Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производятся, какими орудиями труда («Капитал», т. I, гл. VI).

[5] «Капитал», т. I, стр. 323.

с пришедшем на смену его царстве капитала. Однако истинные законы этих поворотов мировой истории и самое закрепление в науке этих исторических этапов в качестве таких поворотных пунктов впервые даны учением Маркса. «Капитал» до наших дней является величайшим образчиком использования диалектического метода для выяснения сложнейших исторических проблем. Само собой разумеется, что в центре анализа здесь находится сама проблема капитала, но она взята во всех своих опосредствованиях и связях, во всей диалектике своего бытия.

Отмечая в своей речи на похоронах Маркса значение открытого Марксом закона развития человеческой истории, Энгельс одновременно подчеркивал, что Маркс открыл также «специальный закон движения современного капиталистического способа производства». Блуждание в потемках в этой области заканчивалось с открытия Марксом тайны прибавочной стоимости.

Известно, однако, что в одном из своих писем к Энгельсу Маркс писал, что своей важнейшей заслугой наряду с постулатом прибавочной стоимости он считает установление двойственного характера труда. «На этой теории о двойственном характере труда, — говорит он, — покоится все понимание фактов». Вещество природы и полезный труд дают нам потребительную стоимость, т. е. определенный вещественный характер товара, делающий его пригодным для людских потребностей. Человек при этом может поступать только так, «как поступает сама природа, стало быть, он может только изменять форму вещества». В этом изменении формы вещества человек непрерывно пользуется силами самой природы. Вещественное богатство имеет, следовательно, двойственный источник: «Труд есть его отец, а земля — его мать». Труд является производителем потребительной стоимости в качестве конкретного труда определенного назначения. Но в качестве абстрактного труда он является субстанцией стоимости. Маркс дает исчерпывающий анализ выявления в меновой стоимости общественного характера труда в условиях товарного хозяйства.

Таким образом с самого начала своего фундаментального исследования Маркс выдвигает три вехи: природа — человек — общество. Проследить диалектическую связь этих элементов в их движении и взаимодействии, выяснить конкретные формы их сочетания на том или ином историческом этапе — это и означает следовать методу Маркса. А так как все «факты» любой исторической формации исчерпываются таким триединым сочетанием, то отсюда становится ясным, почему Маркс придавал такое большое значение своему учению о двойственном характере труда. Этот анализ немедленно ставит на свое место и технику. И орудия труда, и силы природы, т. е., по сути дела, вся техника, берутся в неотрывной связи с тем общественным агрегатом, в котором они выросли.

Итак, еще раз: «Орудия труда есть предмет или комплекс предметов, которые рабочий помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет». В процессе труда человек «пользуется механическими, химическими, физическими свойствами тел для того, чтобы в соответствии с своей целью заставить их, как силы, действовать на другие тела». Отметим это.

Останавливаясь на том же вопросе, Ленин в своих заметках о гегелевской «Науке логики» пишет: «формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека... цели человека сначала кажутся чуждыми («иными») по отношению к природе».

«Техника механическая и химическая поэтому и служат целям человека, что ее характер (состав) состоит в определении ее внешними усло-

виями». В последнем счете, говорит Ленин, «в своих орудиях человек обладает силой над внешней природой, тогда как в своих целях он, скорее, подчинен ей» (подчеркнуто нами. — *Г. К.*). Итак, орудия труда и утилизация силы природы — вот что толкает человека вверх, дает ему силы над внешней природой. В дальнейшем мы с большей ясностью увидим, каким глубоким является замечание Ленина, идущее от Маркса, о том, что в своих целях человек «скорее подчинен природе».

Анализ Маркса, таким образом, четко ставит на свои места и орудия непосредственного производства и энергетику природы. Отметим кстати, что энергетическая роль человека весьма интересовала и Маркса и Энгельса, что видно из переписки Маркса и Энгельса по поводу работ галицийского социалиста Подолинского[1]. Подолинский нашел свой ключ к построению социалистического общества. Он утверждал, что главной опорой здесь является то обстоятельство, что человек — не в пример другим существам животного мира — располагает особыми возможностями накоплять солнечную энергию для своих утилитарных целей. Энгельс живо заинтересовался этим «открытием». Он подверг тщательному анализу работы Подолинского и пришел к такому выводу, что, во-первых, Подолинский пытается подменить экономику физикой и что, во-вторых, он упускает из виду, что в своей практике человек, по существу, является прежде всего расточителем природных запасов солнечной энергии. Тем не менее, эта переписка наглядно показывает, каким образом в наши дни, следуя методу Маркса и Энгельса, мы должны подвергать сугубому учету современные достижения электроэнергетики.

Мы видим, что первые абстрактные положения вступительных глав «Капитала» исполнены глубокого жизненного смысла. Шаг за шагом ведет Маркс своего читателя к центральной цитадели «Капитала». Перед вами попутно развертывается картина предшествовавших общественных формаций, причем, чем ближе к этой цитадели, тем характеристика становится все более и более исчерпывающей. Напомним, что «Капитал» Маркса как бы обрамлен серией попутных работ как самого Маркса, так и его друга Энгельса. В совокупности мы получаем четкую характеристику всех важнейших исторических поворотов, пережитых человечеством. Оба великих исследователя озабочены прежде всего исследованием отношений между людьми, создающихся на поле труда. Общественное разделение труда становится одним из основных ключей к уразумению человеческой истории. Вне этого нельзя понять ни изменения лица природы, ни лица человека, ни изменения общественных связей.

В тяжких муках и глубочайших противоречиях двигалась до наших дней вся человеческая история. Первая заря человечества, давшая нам в греческой классике величайшие произведения науки и искусства и своеобразный тип полнокровного человека-гражданина, базировалась на гигантском прямом порабощении масс трудящихся. Примитив рабского труда сочетался с примитивом орудий труда, с первыми шагами по использованию природных стихий огня, ветра и воды, с элементарной кооперацией, с элементарным разделением производственного труда. В результате наблюдался подчеркнутый самим Марксом своеобразный разрыв между расцветом сознания руководящего верха и примитивом его производственной базы. Рок полетше навис над этим миром, и он должен был сурово поплатиться за свои внутренние противоречия.

Буйная волна развивающихся новых народностей, прокатившаяся с вос-

[1] См. письма Энгельса Марксу 19 и 22 декабря 1882 г. (К. Маркс и Энгельс, «Письма», изд. «Московский рабочий», М., 1923, стр. 256—259).

тока до известных тогда пределов запада и северо-запада, как бы похоронила классику древнего мира и начала напластовывать тяжкие массивы средневековья. Однако переход от рабства к крепостничеству и от городов древней Эллады и Рима к ремесленным и торговым городам средних веков представлял хотя и трудный, но несомненный экономический подъем. На базе этого производственного подъема мы наблюдаем новый расцвет науки и искусства, связанный с эпохой возрождения и в значительной степени опирающийся в своих положительных достижениях на фундамент древней классики. На этот раз социальная верхушка качественно менее различна с своей производственной опорой, но количественно она уже более мощна. Так, по волнам бытия, «то поднимаясь, то опускаясь», и вплотную через порог мануфактуры мы подходим к капиталистической цитадели с ее важнейшими опорами на машины и крупную промышленность, на «свободного от рабства и крепостнических цепей «вольнонаемного рабочего», на новые разнообразнейшие формы разделения общественного труда и, наконец, на новые соотношения между практикой и теорией, между техникой и наукой.

В записной книжке Маркса от 1845 г. намечена в основных чертах та литература, которую он счел необходимым приобрести и прочитать. В списке около 200 книг. Там имеются книги Юра[1], Бабеджа[2] и Росси[3] об экономике промышленности и о технике. В своей «Нищете философии», вышедшей в 1846 г., т. е. еще накануне революции 1848 г., Маркс уже широко использует этот материал для выяснения всего хода развития машин. Он начинает с положения Бабеджа:

«Когда каждая отдельная операция приведена разделением труда к употреблению одного простого инструмента, тогда соединение этих инструментов, приводимых в действие одним двигателем, образует машину»[4]. И далее Маркс дает свою знаменитую схему:

«Простые орудия; собрание простых орудий; сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем — руками человека; приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматический двигатель — вот ход развития машин»[5]. Эта схема и в настоящее время является исчерпывающей. Она является подлинным костяком истории. Однако наиболее совершенное вплетение в ткань самой жизни она получает в 13-й главе «Капитала», специально посвященной вопросам машины и крупной промышленности. Именно здесь Маркс устанавливает классическое подразделение машины на три части: двигательный механизм (первичная рабочая машина), передаточный механизм (трансмиссия) и исполнительный механизм (рабочая машина) *. Маркс прослеживает генезис каждой из этих частей и осторожно взвешивает их социальные роли. Прослеживая судьбы мануфактурного периода и показывая, каким образом сложное разделение труда подводит к такому разложению всех его процессов, которое выдвигает ряд сравнительно простых и элементарных для механизирования задач, он раскрывает те пути, по которым шел Бабедж в своей характеристике машины. Мануфактура, расцветшая на богатейшем использовании ремесленных навыков искусных рабочих-специалистов, погибает от того самого оружия,

[1] Юр, Эндрью (1778—1857), английский химик и писатель.

[2] Бабедж, Чарльз (1792—1871), английский математик и экономист.

[3] Росси, Пелегрино-Луиджи (1787—1848), итальянский государственный деятель, профессор уголовного права и политической экономии.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 387.

[5] Там же.

* В дальнейшем мы увидим, что Маркс останавливается на 4-членом подразделении машин, учитывая первичный силовой элемент природы отдельно.

которое обеспечило ему успех. Привилегии цехов уже не укладывались в рамки тех возможностей на поле труда, которые обусловлены новыми формами его разделения в сложной кооперации.

Первая промышленная революция XVIII века, — показывает Маркс, — идет как раз от исполнительной части машины, которая вытесняет ремесленного рабочего, использовывая ту механическую элементарность частичных функций труда, на которые распался прежний сложный труд работника простой кооперации.

Таким образом самая постановка задачи построения машины обусловлена всем ходом диалектики мануфактурного перехода. Рабочая машина в качестве элементарного двигательного механизма, использовывавшего энергию ветра или воды и даже первые паровые двигатели, еще не создавала сама по себе технологического переворота. Таковой нарастал в борьбе человека с человеком и реализовался лишь тогда, когда стальной автомат выхватил орудия труда из рук искусного работника, отстаивавшего до тех пор свои права в опоре на свои профессиональные навыки. Как только операции труда приобретают характер простого двигательного или передаточного механизма, немедленно «облачение этой функции в человеческие мускулы представляется уже случайным обстоятельством, — они уже могут быть заменены ветром, водой, паром и т. д.».

При этом возможно, что такая замена потребует больших технических изменений в исполнительном механизме, который первоначально был построен в расчете исключительно на человеческую двигательную силу. Таковы были истоки первой промышленной революции, вышвырнувшей за борт мануфактурный период.

В известном письме к Анненкову, дающем яркую концепцию исторического материализма, Маркс пишет:

«До 1825 г., эпохи первого кризиса... потребности потребления вообще росли быстрее производства, и развитие машин было неизбежным последствием потребности рынка. Начиная с 1825 г., изобретение и применение машин были только результатом войны между рабочими и предпринимателями»[1].

Эта выдержка наглядно показывает, каким образом схема Маркса о ходе развития машины вырастала из конкретной действительности. Этот пример уже иллюстрирует, почему все определения машины, дававшиеся механиками и математиками, являлись по его мнению недостаточными по той простой причине, что в них отсутствовал исторический элемент. Учет этого исторического элемента немедленно приводит к выдвижению на первый план в оценке роли машин на известном историческом этапе уже не исполнительного механизма, а двигательного — первичной рабочей паровой машины. Одновременно с ростом стального автомата исполнительной части машины, одновременно с комбинацией такого рода механизмов во все более и более сложные и мощные агрегаты все более и более вырастает потребность в мощном паровом двигателе. Одновременно с ростом кооперации машин, создающим всю более и более величественную систему машин, крупная промышленность все более и более начинает нуждаться в концентрации самой рабочей силы. Паровая машина становится настоящим сердцем громадного организма, сочетающего стальные автоматы с целыми армиями труда. В мануфактурном периоде, где значительные преимущества давала опора на гидравлический двигатель, поневоле приходилось мириться в погоне за этим естественным двигателем с территориальной разбросанностью, с некоторым деревенским колоритом мануфактурной промышлен-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 10.

ности. Капиталистический город мог оторваться от своих локальных связей и превратиться в железную пяту капитала, попирающую отсталую деревню, лишь в опоре на то основное свойство паровой машины, которое вытекает из возможности ее питания привозным топливом.

«Паровая машина — это мать промышленных городов», — цитирует Маркс один из отчетов английской фабрично-заводской инспекции. Великий гений Уатта он видит, между прочим, в самой спецификации его патента, «в котором он изображает свою машину не только, как изобретение, служащее для известных специальных целей, но как всеобщий деятель крупной промышленности». Эта «всеобщность» парового двигателя немедленно изменила прежнее равновесие в трех основных подразделениях машин, обосновывавшихся на ручной движущей силе:

«Как только инструменты превратились из ручных инструментов человека в инструменты механического аппарата, т. е. в рабочую машину, двигательный механизм также получает самостоятельную форму, совершенно независимую от пределов человеческой силы. А с этим вместе отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Один и тот же двигательный механизм может теперь приводить в движение несколько рабочих машин одновременно. С увеличением же числа одновременно приводимых в движение машин, исполнительных механизмов увеличивается и двигательный механизм, а передаточный механизм разрастается мало-помалу в обширный и сложный аппарат.

При рассмотрении машинного производства следует различать кооперацию многих одинаковых машин и систему машин» (подчеркнуто нами. — *Г. К.*[1]).

Итак, самостоятельное бытие парового двигателя немедленно сказалось целым рядом революционных сдвигов и в исполнительном механизме (рабочая машина) и в трансмиссии. Пропорционально мощности первичного двигателя поле механизации растет и в ширину и в глубину.

Клокочущая в гигантских котлах энергия пара с демонической силой приступает к своему делу. Вторая промышленная революция начинается. Появившись на свет в качестве выразителя первой промышленной революции, стальной автомат базировал свою силу на своем превосходстве в мощности и искусстве над энергией и искусством человека. Эта первая промышленная революция в своих начальных стадиях — лишь пролог грядущих революций. На этот раз стальной автомат снова вытесняет человека, но замещает его своеобразным по качеству автоматом, персонифицирующим уже не человека, а одну из мощных стихий природы — тепловую энергию в ее прирученном состоянии. Человечество начинает проходить наглядную школу обучения в деле широкого использования молекулярных сил. Тысячами разнообразных путей оно начинает убеждаться в том, что мириады крохотных материальных частиц являются носителями неслыханных сил, достаточных для любого циклопического производства. В одной из своих бесед с В. Либкнехтом Маркс недаром упоминал об «его величестве-паре, который в прошлом столетии все перевернул вверх дном».

Итак, «его величество-пар» начинает предписывать свои законы и исполнительным механизмам и механизмам передачи, но, как и следовало ожидать, такой персоне пределы отдельных, индивидуальных машин оказываются тесными, она рвется на простор. «Его величество» разбрасывает послушных подданных — исполнительные механизмы — по залам своих обширных фабрик, но цепко держит их в своем подданстве когтями своих стальных передач. Таким образом развертывается широкое поле для ком-

[1] «Капитал», т. I, стр. 329.

бинированной системы машин — этого венца капиталистической крупной промышленности.

Читая бессмертные строки «Капитала», посвященные обрисовке этого процесса, вы не перестаете изумляться пророческим силам гения, предвосхитившим ставки современной новейшей индустриальной техники и на конвейер, и на комбайн, и на автоматизацию.

Паровая машина является тем центральным автоматом, от которого идут властные тенденции в сторону упрочения автоматизма всей системы машин. Единство воли будет обеспечено лишь тогда, когда центральный автомат будет вливать свою энергию в систему автоматических машин:

«На место отдельных машин выступает при этом огромное механическое чудовище, громадное тело которого наполняет все фабричное здание, и демоническая сила, скрытая вначале в почти торжественно размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов «исполнительных механизмов»[1].

Упрочив свою власть в своей основной цитадели — фабричном корпусе — «его величество-пар» начинает с беспокойством оглядываться по сторонам:

«Как отдельная машина остается карликовой машиной, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животные, ветер и даже вода — не выступила паровая машина, так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока ее характерное средство производства — сама машина была обязана своим существованием индивидуальной силе, индивидуальному искусству, т. е. пока она зависела от тех мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий мануфактуры или ремесленник оперирует своим карликовым инструментом»[2].

На очередь ставится вопрос о машинном производстве средств производства. Анализируя этот вопрос, Маркс выявляет себя подлинным хозяином в разнообразных областях техники. Здесь пошли ему на пользу и многочисленные выдержки из тех тысяч технических книг, которые он наметил себе для своего чтения, и лекции английских профессоров, за которыми он неустанно следил, и та норма десятичасового рабочего дня для его работы в Британском музее, которую он считал для себя приличествующей.

В немногих сжатых тезисах он подводит точные итоги целого исторического процесса и синтезирует в них целые кипы писанных материалов. Учитывая, что век пара одновременно является веком черного металла, а в одном из своих высказываний он называет уголь и железо нервами и мускулами индустрии, — отмечая, что для построения машин приходилось пускать в обработку огромные глыбы металла, он быстро приходит к тому выводу, что первым опорным пунктом и здесь, в деле производства машин машинами, была сама паровая машина.

«Существеннейшим производственным условием для машинной фабрикации был двигатель, способный развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчинявшийся контролю. Он уже существовал в виде паровой машины»[3].

Однако этого было мало. Надо было еще иметь возможность придавать любому резцу математический закон движения, обеспечивающий очертание основных геометрических фигур машиностроения: плоскости, круга, ци-

[1] «Капитал», т. I, стр. 333.
[2] «Капитал», т. I, изд. 1930 г., стр. 289.
[3] Там же, стр. 291.

линдра, конуса и шара. Эту задачу разрешал Selfactor — самодействующий аппарат, с совершенством заменяющий руку наиболее искусного работника. Само собой разумеется, что комбинированная система машин, непрерывный процесс производства, автоматизация и производство машин машинами требуют соответствующего сдвига и в теоретическом знании. «Орудия труда в виде машин делают необходимым, — говорит Маркс, — замену человеческой силы силами природы и рутинных приемов — сознательным приложением науки». Или в другом месте: «При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно в зависимости от его собственного характера на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического приложения механики, химии и т. д., причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше, накоплением обширного практического опыта» [1].

Капитализм, однако, уже позаботился о том, чтобы тщательно и многообразно подготовить тот опыт, который является источником знания. Циклопическая система машин, находящаяся в его распоряжении, бешено увеличивает продукцию. Производственные сдвиги в той или иной области на этот раз отражаются мощными ударами на соседних областях. Все растет и растет потребность опереть систему машин, нашедшую твердую базу в отдельных производственных ячейках, на соответственно организованную разнообразную хозяйственную периферию. Индустриализация становится ведущим началом не только отдельных стран или районов, но и целой системы государств. И параллельно с ростом владений капитала в той же пропорции растет и практический опыт человеческих коллективов — эта истинная родина точного человеческого знания. Прослеживая этот опыт, Маркс устанавливает самые истоки технологии:

«Характерно, что до XVIII века отдельные ремесла назывались мистериями (тайнами), в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный, — говорит Маркс. — Крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению к другой и даже для посвященного в каждую отрасль. Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы — создал всю современную науку технологии. Пестрые, повидимому, лишенные внутренней связности и застывшие формы общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные в зависимости от желательного полезного эффекта применения естествознания. Точно так же технология открыла те немногие группы основных форм движения, в которых неизменно движется вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — совершенно так же, как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют постоянное повторение элементарных механических средств» [2].

За год до своей смерти Энгельс в письме к Штаркенбергу еще раз в сжатом виде дает характеристику экономических отношений как общественного базиса, характеризуя при этом роль техники и роль технического знания. Он, между прочим, пишет:

[1] «Капитал», т. I, изд. 1930 г., стр. 287.
[2] «Капитал», т. I, стр. 467.

«Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов»[1].

Как раз в эти годы Энгельс заканчивал свою работу по опубликованию и приведению в порядок великого наследства своего друга, и он мог бы привести в доказательство развитой им здесь мысли целый ряд изумительных страниц из той систематики, в которой Маркс демонстрировал параллелизм великих научных открытий и изобретений промышленной революции XVIII века. С изумительной зоркостью связывая историю часового дела, историю мельницы с историей физики и механики, блестяще иллюстрируя, каким образом преимущества непрерывного производственного процесса находят себе наиболее яркое отражение в бумажных машинах, Маркс вместе с тем сурово ограничил себя в использовании на страницах «Капитала» того огромного материала по технике, который мы находим в оставленных им конспектах подготовительных материалов к этому труду. Эти работы так обширны, что для своего использования потребуют труда целых коллективов. Но это будет самый благодарный труд: перед нами наброски исключительного интереса, раскрывающие истоки знаний, в последнем счете являющихся лишь специальным обобщающим «отбором» человеческой практики.

Итак, на первый взгляд, казалось бы, все обстоит благополучно во владениях капитала. Автоматическая система машин, отрешившаяся от субъективного базиса разделения труда, т. е. от человека, как такового, апеллирующая к приученным стихиям природы, обеспечивает смирение человека перед этой системой. Наука послушна и явно идет на поводу у промышленной конъюнктуры. Машинный базис самого машиностроения обеспечен. Вслед за паровым двигателем на фабрике паровой транспорт становится гегемоном и на суше и на водных путях. Сельскохозяйственная продукция, добывающая промышленность — все спешит на помощь гигантски растущему капиталистическому городу. Старые производственные темпы сломаны. Перелистайте летопись и вы увидите, что *десятилетия* первого победного марша крупной капиталистической промышленности по своим производственным эффектам соответствуют *векам* предшествовавших эпох.

В замечательном письме Энгельсу в январе 1863 г. Маркс пишет:

«Перечитав вторично свои технологически-исторические выдержки, я пришел к выводу, что если оставить в стороне изобретение пороха, компаса и книгопечатания — эти необходимые предпосылки буржуазного развития, — то за все время от XVI до середины XVII века, т. е. за весь период развившейся из ремесла мануфактуры до подлинно крупной промышленности, двумя материальными основами, на которых внутри мануфактуры строилась подготовительная работа для машинной индустрии, были часы и мельница (сначала зерновая мельница, в частности, водяная), и оба эти механизма переняты у древности. (Водяная мельница была занесена из Малой Азии в Рим во время Юлия Цезаря.) Часы являются первым автоматом, созданным для практических целей: на них развилась вся теория о производстве равномерных движений. По своему характеру они сами построены на сочетании полухудожественного ремесла с прямой теорией. Так, например, Кардан писал (и давал практические советы) об устройстве часов. «Ученое (нецеховое) ремесло», — так немецкие писатели XVI века называли часовое ремесло, и на развитии часового дела можно было бы проследить, насколько соотношение между ученостью и практикой в эпоху

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, «Письма», стр. 314.

ремесла разнится, например, от этого соотношения в период крупного производства. Не подлежит также ни малейшему сомнению, что в XVIII веке часы впервые подали мысль применить автоматы (и в частности, заводные, пружинные) к производству. Можно исторически доказать, что попытки Вокансона в этом отношении оказали большое влияние на фантазию английских изобретателей» [1].

Замечание Маркса о связи часового дела с дальнейшей ставкой машинизации на максимум автоматичности мы можем легко оценить, если вспомним, что и до наших дней мы привыкли характеризовать всякий правильно отрегулированный процесс в качестве «идущего, как часы». В дальнейшем Маркс в этом же письме пишет:

«Что касается, с другой стороны, мельницы, то в ней, с самого начала, т. е. с тех пор, как была создана водяная мельница, имелись все различные существенные составные части организма машины (механическая движущая сила). Во-первых, двигатель, которого она ждет; передаточный механизм, и наконец, рабочая машина, захватывающая обрабатываемый материал (подчеркнуто нами.— *Г. К.* *); каждая из этих частей существует независимо друг от друга. Все учение о трении, а стало быть, и все исследования о математических формах системы зубчатой передачи, зубцов и т. д. произведены над мельницей. Здесь же впервые было разработано учение об изменении степени движущей силы, о лучших способах ее применения и т. д. Почти все великие математики, начиная с середины XVII столетия, исходят, поскольку они занимаются практической механикой и пытаются ее теоретизировать, из простой водяной мельницы для зерна. Отсюда и название: «мельница», mill, возникшее в эпоху мануфактуры, применяемое ко всякому механизму, употребляемому для практических целей» [2].

Но по общему закону диалектики количественное нарастание продукции на известном этапе является источником качественного переворота всей хозяйственной структуры. Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную, поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был, по существу, консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постепенно производит перевороты в техническом базисе производства и вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую.

Капиталу есть над чем призадуматься. Он с удовольствием прислушивается к голосу своих Пиндаров, повествующих об его автократической силе. С гордостью констатирует он, что в этом автократическом подданстве уже «мириады» существ. Но этот автократ сам — дитя революции, и его подданные не могут не учесть этого обстоятельства. Недаром они прошли школу не только промышленных революций XVIII века, но и школу революций политических. Нет, «не все благополучно в Датском государстве». И капитал не может не видеть, что весь созданный им мощный хозяйственный организм насквозь пронизан противоречиями: «Несомненно, что машины сами по себе не ответственны за «освобождение» рабочих от средств существования. Они удешевляют и увеличивают производство в той отрасли, которую охватывают, оставляя пока неизменной ту массу средств существования,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 131.

* Выше мы уже отмечали это 4-членное деление машины Марксом.

[2] К. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIII, стр. 131—132.

какая производится другими отраслями промышленности... Машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем, в руках капитала она удлиняет рабочий день; сама по себе — облегчает труд, в капиталистическом приложении — повышает его напряжение; сама по себе — есть победа человека над силами природы, в капиталистическом же приложении — подчиняет человека силам природы; в первом случае умножает благосостояние производителя, во втором же — отнимает последние средства существования»[1]. Машина становится благословением для капиталиста и проклятием для работника — раба. А что, если раб скинет свои цепи. Зорко и беспощадно приходится капиталисту охранять свои владения.

Маркс развертывает громадную картину страдания рабочего класса, используя по преимуществу подлинники отчетов английской фабричной инспекции, и откровенные признания современников, и разнообразные художественные иллюстрации. Беспощадная эксплоатация детского и женского труда, голодный резерв армии безработных, наглые лакеи в священнических и профессорских облачениях, колониальное рабство и крепостничество, грязная пресса, расправы шпионов, жандармерии, полиции и войск — вот подлинная картина положения рабочего класса при капитализме.

Зияющие противоречия капиталистической действительности обнажены во всей своей неприглядности. Эти образы со страниц «Капитала» прочно врезываются в наше сознание: «Всемирная история не представляет другого такого возмутительного зрелища, как постепенная гибель английских мануфактурных хлопчатобумажных тканей, тянувшаяся целые десятилетия»... «Равнины Индии белеют костями тканей хлопчатой бумаги»... «Сбережение общественных средств производства, которое достигает тепличной зрелости только в фабричной системе, обращается в руках капитала в то же время в систематическое лишение того, что необходимо для жизни рабочего во время работы, — лишение его простора, света, воздуха и средств защиты его личности против опасных для жизни и вредных для здоровья процессов производства, уже совершенно не говоря о лишении всяких приспособлений для удобства рабочих». «Чахотка и другие болезни легких у рабочих представляют необходимые условия для существования капитала». «Женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин!» «На фабрике мертвый механизм существует независимо от рабочих и они присоединены к нему как живые придатки... Машинный труд до крайности захватывает нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности... благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему, как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Частичное искусство отдельного подвергшегося опустошению машинного рабочего исчезает, как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь, перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенным в системе машин и создающим вместе с последним власть «хозяина».

Эти невыносимые условия труда на фабриках, это зверское уродование человеческой личности являются тем более вопиющими, что они идут, как мы видели выше, в вопиющем противоречии с теми основными тенденциями, которые по существу своему несет процесс машинизации. Автоматическая фабрика, по сути дела, подрывает основы такой специализации, которая несет с собой, по выражению Маркса, «идиотизм специалистов». Возмущение рабочего класса зреет.

С тех пор как Марксом были написаны центральные главы первого тома

[1] «Капитал», т. I, изд. 1898 г., стр. 386.

«Капитала», прошло уже три четверти века. Мы видим, каким пророком был Маркс, когда говорил, что «крот истории роет на славу». Резцом наиболее мощного художника, самой жизни, отчеканены такие иллюстрации «Капитала», с которыми не может состязаться никакой гений изобразительного искусства. И все эти иллюстрации говорят только о великой правде его прогноза, о той исключительной силе, с которой он впервые поднимал историческую новину. И он не знал соперников в своем искусстве властно отдергивать завесу будущего.

Для нас, работников страны строящегося социализма, сжатая сводка его основных положений неизменно является лучшим строительным средством в нашей борьбе за новый строй. Если мы хотим отточить наш технико-экономический анализ и получить для него мощную опору, мы неизменно обращаемся к Марксу. Наши шансы в борьбе мы неизменно взвешиваем, опираясь на достижения его мысли.

«Машины служат до тех пор средством удешевления продукта, пока на их собственное производство тратится труда менее того, который вытесняет их приложение, для капиталиста же пределы эти еще более ограничены: так как он оплачивает не употребленный труд, а стоимость употребленной рабочей силы, то приложение машин для него ограничивается разницей между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ими рабочей силы» [1].

Итак, капитализм, создавший машины в борьбе человека с человеком в сложном процессе, противополагающем власть хозяина воле и законам бытия рабочего, логикой капиталистических отношений осужден на ограниченное использование машин. И Маркс яркими примерами показывает, как в Англии первое успешное наступление капитала, развалившее весь предшествовавший общественный строй и усеявшее поле своего продвижения трупами и полутрупами, низвело оплату рабочей силы, разжиженной громадным включением беспомощных подростков и беззащитных женщин, до такого ничтожного минимума, что массе открытий и изобретений, облегчающих человеческий труд, суждено было долгие годы пребывать втуне. Вот почему, — пишет он, — «нигде не расточается человеческая сила на всякий вздор так бессовестно, как именно в Англии, этой стране машин» [2]. Мы читаем эти строки и подкрепляем себя в нашей борьбе за крупную машинную социалистическую промышленность, исходя из железной уверенности, что здесь перед нами открывается такой простор, которого не знают и не могут знать капиталистические нации.

Основоположник естественной технологии Дарвин доказал нам непосредственную связь человеческого рода с человекообразными обезьянами. Энгельс писал интересную работу о роли орудий труда в процессе очеловечивания обезьяны. Во всяком случае, нет сомнений, что генезис человека надо искать в той специфической обстановке, в которой шла борьба первых человекообразных с окружающей их природой. Родина обезьян — теплый и жаркий климат, обильный дарами природы. Первые жалкие орудия труда могли оказаться эффективными на первых порах лишь в исключительно благоприятной географической среде. Выходит так, что три элемента, а именно: общественность, которую на этих ступенях следует назвать стадностью; умение использовать для своих целей посторонний предмет в виде тех или иных орудий труда и благоприятная географическая среда, были мощной основой первых ростков челове-

[1] «Капитал», т. I, изд. 1898 г., стр. 343.

[2] Конечно, то же самое расточение человеческой силы произошло и происходит во всех развитых капиталистических странах.

ческого интеллекта. Все это с лихвой перекрыло тот недостаток вооруженности естественными орудиями борьбы по сравнению с окружением хищников, «царей природы», которым эта форма животных как бы расплачивалась за превосходство своего интеллекта.

Заметим, однако, что даровая сила природы с самого начала нашего бытия являлась опорным пунктом всей диалектики дальнейшего подъема.

Маркс устанавливает, что «внешние естественные условия экономически распадаются на два большие класса: естественные богатства средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественные богатства средствами труда, каковы действующие водопады, судоходные реки, лес, металл, уголь и т. д. На низших ступенях культуры первый род, на высших — второй род естественного богатства имеет решающее значение»[1]. Прослеживая историю капитала, Маркс констатирует:

«Не абсолютное плодородие почвы, а ее диференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда и смену тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-нибудь силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности»[2] (подчеркнуто нами. — *Г. К.*).

В этих строках дана прекрасная основа для оценки роли труда в экономическом развитии. Из даровых сил природы решающими на известной стадии оказываются те, которые даются не в готовом виде из лаборатории природы, а требуют мощной практики труда. Работоспособность, энергетика являются истинным мерилом культуры. Маркс предвосхищает здесь те тенденции, которые в дальнейшем должны были повести к отчаянной борьбе за уголь, за металл, за водопады, за такие территориальные пункты, где практикой огромных сооружений можно было реализовать громадный результат.

Так или иначе, но и здесь элемент «даровых сил природы» не скинешь со счетов.

Исследуя передачу стоимости машин продукции (из переписки его по этому вопросу с Энгельсом мы видим, какую массу технической отчетности он учел для этой цели), Маркс устанавливает:

«Чем больше производительная сфера действия машины (подчеркнуто нами. — *Г. К.*) сравнительно с инструментами, тем больше и количество безвозмездной услуги ее сравнительно с последними. Только в крупной промышленности человек научается заставлять действовать даром в больших размерах, подобно силам природы, продукт своего прошлого, воплощенного труда»[3] (подчеркнуто нами. — *Г. К.*).

Социалистический строй, — а Маркс и Энгельс прямо подчеркивают, что коммунистическое общество будет несравненно больше нуждаться в машинах, чем общество капиталистическое, что явствует уже из вышеизложенного, — и обеспечивает максимум «сферы действия машин». Эта сфера действия к тому же не зависит от случайностей рыночной конъюнктуры и не подвержена колебаниям кризисов. Спрос здесь непрерывно возрастает, здесь

[1] «Капитал», т. I, изд. 1923 г., стр. 493.
[2] Там же, стр. 494 и 495.
[3] «Капитал», т. I, изд. 1898 г., стр. 339.

отсутствует тот специальный капиталистический механизм, который создает внутренние противоречия между стремлением капиталиста к замене работников машиной, к вытеснению постоянным капиталом капитала переменного и в то же время в общем котле стоимостей продукции единственную опору находит все же лишь в тратах живого человеческого труда, труда наемных рабочих, создающих прибавочную стоимость.

Таким образом капиталистический мир, стремясь к возможно более мощной продукции, все углубляет свои противоречия, мчится к своему собственному отрицанию. Глубочайший современный кризис капиталистического общества наглядно показывает, как покорен этот мир нависшему над ним року. Социалистический строй стряхивает цепи позорного наемного рабства, сковывающего не только человека, но и мир машин.

В одном из своих высказываний Маркс определяет важнейшее отличие человека от животных тем, что он обладает свойством неограниченного расширения своих потребностей. Это свойство получает свой развернутый вид лишь в условиях планомерного общественного хозяйства, лишь в условиях социализма. Социалистическое наступление поэтому неразрывно связано как с полосой «великих работ», так и с полосой «неслыханного ускорения» во всем процессе воспроизводства. Прошлое по всей линии отступает перед настоящим и грядущим.

Расцвет техники и расцвет науки и судьбы того общества, в котором они выросли, как это доказал нам Маркс, представляет строгое единство. Современный капиталистический кризис показывает, какие губительные воздействия идут от него по линии техники и по линии науки. Колоссальная сфера действия машин в условиях социализма означает одновременно колоссальный рост того практического опыта, который одновременно развивает и науку. Социализм снимает цепи не только с человека и машины, но и с самой науки. Продукция человеческого труда растет не только от того, что высвобождена сфера действия машин от ограничивающих ее капиталистических условий, не только от того, что растет потребность человека, предопределяющая спрос на эту продукцию, на этот раз не искаженный цепями общественных антагонизмов, но и потому, что с расцветом человеческого знания растет и коллективный разум человека.

Можно ли сомневаться, что в таких условиях общественная продукция начинает соперничать по своей мощности с даровыми силами природы?

Так называемая техника «высоких сооружений» дала себя знать в мировом масштабе уже накануне мирового кризиса. Мы знаем, что технически вполне оправдываются уже такие проекты, как известный проект «Панропы», в котором имеется в виду использовать течение Атлантического океана, идущее в Средиземное море, понизить уровень этого моря, мощно увеличить запас благословенных земель юга Франции, Испании, Италии и всего Средиземного побережья, получая при этом путем использования гидравлической энергии этого потока миллионы и миллионы лошадиных сил от приручения на этот раз стихии океана. Характерно в этом проекте то, что человек в нем ставит целью такую реконструкцию, которая противоборствует геологическому перевороту, когда-то опустившему этот земельный массив в бездну вод.

Но это лишь первый росчерк пера в великих работах грядущего. Перегородки капиталистического строя, не только отделяющие фабрику от фабрики, но и промышленность от сельского хозяйства, транспорт от индустрии и от сельского хозяйства, создающие групповые интересы не только внутри отдельных стран, но и между различными странами и между различными группами этих стран, обрекают на полнейшую неудачу такой размах общественных работ, который требует полноты человеческого интернационала.

Долголетние, добросовестные труды Маркса показали, как бессилен капитализм в борьбе с этими созданными им самим перегородками. Маркс по-

казал, каким образом внутренние противоречия капиталистического производства вынуждают капиталистов к непрерывному расширению рынка, каким путем капитализм шел к созданию мирового рынка. Но этим же путем капитализм пришел и к «огромным бурям» всемирного рынка, воспроизводящим его внутренние противоречия в еще более обширном масштабе. Открытый Марксом закон лежащего здесь основного противоречия, противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением, — роста производительных сил с одновременным сужением базы, на которой покоится потребление, является для капитализма чертой, которую он никак не может перейти.

Мы теперь знаем, как будет построен действительный интернационал человечества, мы знаем, какой мощный научный фундамент лежит в призывах Маркса к первому интернациональному объединению рабочих и какая историческая сила заложена в его лозунге: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Вот этот-то интернационал человечества, рождаемый победоносной мировой пролетарской революцией, и сможет развернуть новую эру отношений человека к природе.

До тех пор пока движение вперед является лишь результатом разрешения накапливающихся противоречий, судьба всех Моисеев, знаменосцев этого движения, одинакова: войти в землю обетованную они не могут.

«Капиталистический способ производства окончательно разрывает ту связь, которая соединяет земледелие и обрабатывающую промышленность в их младенчестве. Но в то же время он создает материальные условия нового высшего синтеза, т. е. соединения промышленности и земледелия, имеющих в основании те формы, которые они приобрели в продолжение того времени, пока были совершенно разъединены. С постоянно возрастающим перевесом городского населения, которое капиталистическое производство собирает в крупных центрах, оно накопляет, с одной стороны, историческую прогрессивную силу общества, а с другой — не только разрушает физическое здоровье городских работников и духовную жизнь сельских, но вместе с тем нарушает обмен веществ между человеком и землей, т. е. возвращение человеком составных частей почвы, потребленных им в виде одежды и пищи, обратно почве нарушает, следовательно, вечные естественные условия постоянства плодородия почвы. Но, разрушая условия этого обмена веществ, которое отсталое общество выполняет почти стихийно, оно (капиталистическое производство. — *Г. К.*) тем самым заставляет установить его систематически в виде закона, регулирующего общественное производство, при том в форме, соответствующей полному человеческому развитию»[1].

Мы теперь знаем, что это и дает как раз научно выработанный план народного хозяйства. Но мы знаем также, что самим идеологам капитализма приходится расписываться в своем бессилии перешагнуть ту роковую грань, которая отделяет защищаемое ими общество, созданное на частном интересе, от того строя, который защищает общественный интерес, в опоре на научный план народного хозяйства.

Изучая работы первоклассного агронома Фрааса, Маркс писал, что Фраас доказывает, что «с развитием культуры — и соответственно ее степени — исчезает столь желанная для крестьян влажность (отсюда переселение растений с юга на север) и под конец образуется степь. Первоначальное влияние культуры полезно, а в конце она действует опустошающим образом, вызывая обезлесение и пр.».

В заключительных строках знаменитой XIII главы «Капитала», посвященной машинам и крупной промышленности, Маркс пишет:

---

[1] «Капитал», т. I, стр. 441. Разрядка наша. — **Г. К.**

«...Всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве эксплоатировать работника, но в то же время и в искусстве истощать почву: каждый шаг на пути увеличения ее плодородия, для данного периода времени, есть в то же время шаг к разрушению на долгое время источника этого плодородия. Чем более развитие какой-нибудь страны, например, САСШ, основывается на крупной промышленности, тем быстрее происходит этот процесс разрушения. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинирует различные процессы производства в одно общественное целое, но в то же время истощает источник происхождения всех богатств: земл ю и работника»[1]. Прослеживая мысли Маркса, мы видим, каким образом намечает он пути революционного выхода из всех тех противоречий, которыми пронизан капиталистический строй. Самый строгий судья — время — показал, что диагноз Маркса безупречен. Уничтожение противоположности между городом и деревней — одна из основных ставок социалистического строя. Уже Оуэн и Фурье видели в этом уничтожении основу для нового разделения труда, для такого сочетания труда сельскохозяйственного и индустриального, которое одновременно гарантирует и неискаженное лицо человека и неискаженное лицо природы. И выходит так, что, поднявшись в долгой практике суровой борьбы с природой, слагавшей в самые разнообразные варианты человеческие коллективы, но всякий раз создавая внутренне антагонистическо-противоречивое целое, человек нащупывает, наконец, такие пути, когда мощное создание его рук включается в природу лишь как облагораживающий ее элемент.

Как мы видели с самого начала своего исследования, Маркс нигде не забывает человека как производительную силу. Наоборот, с величайшей энергией он подчеркивает, что это главная производственная сила, но целые века эта сила бредет и в цепях природы и в цепях антагонистического общественного строя. На плечах классовой борьбы пролетариата она вырастает в несокрушимую силу, соревнующуюся с силой природных стихий. Пока эти цепи на месте, «целеполагающая» роль человека ограничена. Теперь перед нами с особой ясностью выступает вышеприведенное замечание В. И. Ленина о том, что человек в своих целях «скорее, подчинен природе» и лишь в своих орудиях человек обладает «силой над внешней природой». Роль технического прогресса выступает перед нами в своем всеоружии, и не кто иной, как Маркс впервые выявил это оружие во всем его величественном масштабе. Технический базис попрежнему остается основой нашего бытия на всех стадиях его преобразований. Но на известной высоте общественного развития, приводящего через пролетарскую революцию к пролетарской диктатуре, строящей социализм, он так высвобождает «целеполагающую роль» человека, что научный народнохозяйственный план становится достижимой ставкой человечества. Прометей похищает огонь с небес и на этот раз безнаказанно. Все то, что удается ему похитить со вчера еще недосягаемых высот непознанного, немедленно обращается на пользу всего коллектива, не знающего празднолюбцев. Каждое изобретение, каждое открытие поэтому является праздничным событием для всего коллектива как раз в меру своего удельного веса для поступательного прогресса человечества.

Человек — самое гармоническое дитя природы, труд для него не тяжелая обуза, а естественная потребность для всестороннего развития его организма. Проклятие становится благословением.

Эти результаты третьей промышленной и корреспондирующей ей политической революции, могучей пролетарской революции, раскрывающей огромный простор развитию производительных сил, однако, теснейшим обра-

[1] «Капитал», т. I, стр. 442.

зом связаны и с прямым «похищением огня с небес». Вторая промышленная революция, как мы видели выше, шла на плечах пара, на плечах той практики революционного подъема процесса непосредственного производства, которая базисом своим имела паровое хозяйство, т. е. использование мощных молекулярных сил, связанных с тепловой энергией.

Но, подобно тому, как уже в буржуазных революциях на их последующих ступенях все более и более явственно слышался революционный гул пролетарских стихий, подобно этому уже в период господства пара на его последующих по времени ступенях все яснее и яснее прорывалась мощь громового голоса электроэнергетики. И если бы Марксу и Энгельсу в наши дни пришлось писать манифест коммунистической партии, то им пришлось бы говорить уже не о вызове буржуазией подземных духов, с которыми она не может справиться, а о посягательстве на прямой «огонь небес», на электрическую искру, приведшем к роковым для буржуазии последствиям. И в этом манифесте пришлось бы сказать так же, как сказал великий Ленин, что «коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация».

Мы не находим в творениях Маркса, Энгельса такого блестящего и разработанного во всех своих частностях трактата о значении электроэнергетики в материальном базисе нашего бытия, какой развит ими в их трактатах о паровом хозяйстве с его машинами и крупной промышленностью. Ни Маркс, ни Энгельс не дали нам развернутого трактата о том, как на этот раз электричество ударит и по исполнительным механизмам, и по «трансмиссиям», и по самым первичным рабочим машинам. Великие сдвиги в этом направлении демонстрируются лишь победоносным ходом электрификации в XX веке. Это и не могло быть иначе. Важнейшие работы Маркса охватывают сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы прошлого столетия. Лишь с конца XIX столетия и начала XX века начинается резкий подъем практической электротехники. Лишь новейшая послевоенная техника делает колоссы районных станций центральной фигурой не только хозяйств этих районов, но и хозяйств целых государств. Лишь на наших глазах на энергетических конференциях мира начинают появляться доклады об интернациональном объединении электрических сетей, говорящие яснее многих политических трактатов о том, как назрели уже материальные элементы для интернационала человечества.

Основоположник современной электротехники Михаил Фарадей лишь 29 августа 1831 г. открывает закон электромагнитной индукции, явившийся впоследствии основой для победоносного шествия электромотора. Он кончает свои дни как раз в 1867 г., т. е. во время выхода в свет первого тома «Капитала». Первая электрическая станция мощностью всего в 125 *л. с.* была пущена в ход лишь в сентябре 1882 г. в Нью-Йорке, т. е. меньше, чем за год до смерти Маркса.

Развитая техника токов высокого напряжения, передача электрической энергии на расстояние, этот главный рычаг электроэнергетики, ведут свое начало от гениальных опытов французского инженера и физика Марселя Депре (1843—1918). Первый практический опыт такой электропередачи на расстояние 57 *км* из Мисбаха на Мюнхенскую выставку был реализован в 1882 г., но лишь с 1887 г., с момента сооружения близ Генуи успешно работающей гидроустановки с электропередачами на расстояние 30 *км* и после работ Доливо-Добровольского, относящихся к началу 90-х годов, начинается быстрый рост электростанций и электросетей.

В 1925 г. Американская академия политических и социальных наук выпускает специальный сборник, посвященный социальной и экономической роли электрификации. В эти годы американского «просперити» группа авторов этого сборника вынуждена констатировать, что на смену парового хозяйства грядет мощная сила, несущая свои перевороты во все стороны жизни

человечества. Пар, — утверждают они, — не достоин развязать и ремня обуви у этого вновь надвигающегося колосса электроэнергетики. Они полны предчувствий, что этот колосс грозен для капиталистических порядков, что он уподобляется «бешеному слону на воле». Учитывая все эти хронологические даты, мы можем лишь гордиться гениальной прозорливостью Маркса и его друга Энгельса, в своих высказываниях сумевших предвосхитить существо колоссальных социальных сдвигов, связанных с веком электрификации. В 1851 г. Маркс запрашивает Энгельса об одном английском опыте, в котором была сделана попытка использовать атмосферное электричество в агрикультурных целях. Он дает подробную схему устройства с воздушной и подземной проводкой, запрашивая своего друга о возможностях, связанных с этим опытом. Это письмо — один из многих документов, свидетельствующих об его громадном интересе к открытиям и усовершенствованиям. Припомним, однако, свидетельство Энгельса:

«Наука была для Маркса исторически движущей революционной силой, ему доставляло чистейшую радость всякое новое открытие в любой теоретической области, о практическом применении которого пока еще не было и речи, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за открытиями Марселя Депре» [1].

Из этих слов мы видим, что Маркс и Энгельс относились к тем немногим современникам Депре, которые сумели расшифровать великое значение его дела в самой начальной стадии. Напомним, что по поводу первого доклада Депре на первом мировом электротехническом конгрессе, приуроченном к Парижской выставке 1881 г., большинство тогдашних ученых негодовало на Депре за легкомысленность его утверждения, что по тонким проводам электропередач возможно будет передавать любую силу на любое расстояние.

Из переписки Маркса и Энгельса мы видим, с какой ясностью они предвидели значение этих опытов. В позднейшее время, развивая мысли своего друга Маркса, Энгельс дал классическую формулировку этого грядущего переворота промышленных устоев общественной продукции, связанного с электроэнергетикой. Ныне уже широко известно знаменитое письмо Энгельса к Бернштейну, в котором резко подчеркивается то особое свойство электричества, что оно «замыкает круг» полезных трансформаций энергии, что оно делает возможным использование отдаленных гидравлических источников энергии и тем самым предопределяет как новое расселение промышленности по странам, так и новое отношение города к деревне, давая могучее орудие для уничтожения противоположности между последними. Энгельс предвидит, что производительные силы уже не будут в состоянии мириться с рамками буржуазного уклада и что социальный взрыв на этот раз получает новую мощную опору в материальном базисе.

Во время наших работ над планом Гоэлро нам еще были неизвестны эти откровения гениев социализма; однако не подлежит сомнению, что лишь, следуя их учению, их методам, мы правильно нащупывали пути развертывания нашего социалистического строительства в полном согласии именно с их установками.

Припомним знаменательные слова Маркса:

«Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими стычками — ничтожными щелями в твердой коре европейского общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, обнаружился необъятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разбить на части целые материки из твердых скал. Шумно и беспорядочно

[1] Ф. Энгельс, 14 марта 1883 г., изд. 1933 г., стр. 8.

возвестили они освобождение пролетариата, эту тайну XIX столетия и его революций.

Правда, эта социальная революция не была изобретением 1848 г. Пар, электричество и автоматические станки были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки» (подчеркнуто нами. — *Г. К.*)[1].

Выше мы видели, какую решающую роль Маркс и Энгельс придавали пару и электричеству. Между прочим, Энгельс в целом ряде высказываний со своей стороны с особой силой говорил о революционной силе пара. Вот, например, одно из таких наиболее ярких высказываний в статье Энгельса «Начало конца Австрии»:

«Меня и Меттерниха она (Австрия) еще выдержит», — сказал покойный император Франц... Да, она выдержала даже Французскую революцию, Наполеона, июльские бури. Но пара она выдержать не может. Пар проложил себе путь сквозь Альпы и Богемский лес, пар лишил Дунай его роли; пар разорвал в клочки австрийское варварство и тем самым вырвал почву из-под ног Габсбургского дома.

Европейская и американская публика имеет удовольствие видеть, как Меттерних и весь Габсбургский дом раздавливается между колесами паровой машины, как австрийская монархия разрезается на куски ее собственными локомотивами. Это весьма веселое зрелище»[2].

Этому предсказанию суждено было целиком осуществиться лишь в событиях великой мировой войны, этом наиболее грандиозном мировом конфликте, выросшем на тех глубинных противоречиях капиталистического мира, которые дошли до такого предела лишь в совместной игре паровой и электрической энергетики. Мы знаем, однако, что это мировая война была лишь прологом той полосы войн и гражданских бурь, в которую мы вступили уже в тот период мирового хозяйства, когда силы электроэнергетики начинают превалировать над силами парового хозяйства и когда с поразительной ясностью мир начинает видеть неизбежность крушения капиталистического строя. Но все это уже более 80 лет тому назад предвидел К. Маркс. Вот что пишет Либкнехт о своем разговоре с ним, относящемся к 1850 г.:

«Мы как-то коснулись области естествознания; Маркс иронически говорил о победоносно царящей в Европе реакции, которая воображает, что раздавила революцию, не подозревая, что успехи естествознания подготовляют мировую революцию. «Его величество»-пар, который в прошлом столетии все на свете перевернул вверх дном, сходит теперь со сцены и уступает свое место несравненно более сильному революционеру — электрической искре; при этом Маркс, весь охваченный пламенем энтузиазма, рассказал мне, что вот уже несколько дней в Регентстрите выставлена модель электрической машины, приводящей в движение поезд железной дороги». Теперь проблема решена; результаты неисчислимы. За экономической революцией должна неизбежно последовать политическая, так как вторая только служит выражением первой»[3].

Идя путями, намеченными Марксом, Энгельс уже отметил особую всепроникающую роль электричества. Он уже ставил вопрос о «химически точной генеральной ревизии» всех традиционных представлений об электричестве. Он предвидел, что таким путем мы придем к единому началу всех материальных явлений. Учитывая позднейшие теории, трактующие электрическое разложение материи, Ленин пишет: «Естествознание ведет, сле-

[1] «Революция 1848 г. и пролетариат». Речь Маркса на юбилее, Сочинения, т. V, стр. 5.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 250—255.
[3] В. Либкнехт, Воспоминания о Марксе, М., изд. 1919, стр. 5.

довательно, к «единству материи»... — вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих»[1]. Ленин показывает, что в действительности современная наука лишь демонстрирует: «ограничение механических законов движения только одной областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений».

Современная путаница понятий в этом коренном научном вопросе лишний раз свидетельствует о тех цепях, которые лежат на научном знании, пока оно движется вперед в капиталистической оболочке. Но оно все же движется вперед. На плечах электроэнергетики мы подходим уже к использованию сил не молекулярной энергии, а сил энергии внутриатомной. Научные расчеты показывают, что в одной капле воды достаточно энергии этих внутриатомных сил для того, чтобы в течение года поддерживать в работе 50-сильный мотор. С этой точки зрения паровые котлы наших нынешних электростанций со временем должны будут казаться своего рода геологическими чудищами по своему несовершенству в использовании наиболее мощных стихий природы. Победа революционных пролетарских колонн во всем мире будет семимильными шагами приближать нас к той новой цивилизации, которая будет основана на богатом использовании развернутой электроэнергетической базы, совпадающей с использованием наиболее глубинных тайников природы. Наше современное знание покажется людям той эпохи лишь элементарным приближением к подлинным научным истинам. Однако методы и законы наиболее быстрого движения к «сияющим вершинам научного знания» останутся и для той поры закрепленными за гением Маркса. И недалеко то время, когда на грядущих энергетических конференциях действительного интернационала человечества память о Марксе будет чтиться как память величайшего энергетика всех времен и всех народов.

* * *

Говоря об отношении Маркса к технике, нельзя обойти молчанием его взглядов и указаний относительно грядущих трансформаций технических кадров.

В «Нищете философии» Маркс дает яркую характеристику грядущих глубоких изменений в научной методологии и в самом облике ее представителей. Здесь он подчеркивает, что теории утопистов-социалистов являлись прямым результатом недостаточно развитых материальных условий в смысле их базиса для социалистического общества. Теоретикам этого времени, задавшимся целью удовлетворить нужды угнетенных классов, приходилось измышлять системы и отыскивать «какую-то все возрождающуюся науку».

«С другой стороны, когда с прогрессом истории будет все более и более выясняться самая борьба пролетариата, им уже не надо будет отыскивать науку в голове своей; им надо будет только дать себе отчет во всем, что совершается перед их глазами, и обратить себя в орудие действительности. Пока они отыскивают «науку» и создают только системы, пока присутствуют лишь при начале борьбы, они и в нищете будут видеть только нищету и не заметят в ней той революционной преобразовательной стороны, которая призвана радикально изменить старое общество. Только тогда наука обратится в сознательный продукт исторического движения и из науки доктринеров сделается наукой революционеров»[2] (подчеркнуто нами. — *Г. К.*).

Над этими строками не мешало бы крепко призадуматься кое-кому из доктринеров нашего времени, которые и в наши дни схоластически воспри-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XIII, изд. 3-е, стр. 213.
[2] К. Маркс, Нищета философии, Сочинения, т. V, стр. 121.

нимают действительность. Даже и теперь, в разгаре великой борьбы, имеется не мало людей чересчур сердобольных к бедствиям, являющимся прямым наследством уходящего прошлого, и чересчур слепых в положительных достижениях рождающегося «в тяжких родовых муках» великого будущего.

Диалектический подход к действительности с особо яркой силой сказался в Марксе при оценке влияния фабричной системы на человека. Мы видели, какими красками самой жизни оценил он бедствия рабочего в этой системе, характеризуя ее словами Фурье, как «умеренную каторгу». Однако эта каторга прежде всего покончила с тем крайним разделением труда, свойственным мануфактурному периоду, которое доводило рабочих этого периода до профессионального идиотизма.

Маркс показал, каким образом и при машинном производстве рабочий превращается в придаток машины, каким образом машина превращается в вампира, высасывающего рабочего. Он подчеркнул, что без отпора рабочего класса капиталисты и при этой системе могут ставить отдельные категории рабочих в положение бессрочных каторжников, на всю жизнь прикованных цепями для выполнения весьма несложных операций, опустошающих и интелект и организм рабочего. Но он не замедлил подчеркнуть, что, по существу, машина облегчает труд рабочего и что при системе, в которой человек обслуживает самодействующие механизмы, включенные в технологический процесс, базирующийся на научном применении теоретического знания, фабрика является великолепной школой для развития и физических и умственных способностей человека. Он подчеркивает, что в самой системе смен, в переброске рабочего с фабрики на фабрику при сравнительно легком обучении операциям надзора над самыми разнообразными машинами все более и более нарастает потребность в политехнических навыках, во всестороннем умственном развитии рабочих. Это именно он подхватил мысли великих утопистов о необходимости других, еще более глубоких смен, смен труда в закрытых помещениях трудом на вольном воздухе, труда земледельческого и труда индустриального.

«Автоматическая фабрика стирает специальности и свойственный им профессиональный идиотизм», — говорит Маркс и немедленно подчеркивает: «Но как только прекращается всякое специальное развитие, является потребность в универсальности, чувствуется стремление индивидуума ко всестороннему развитию»[1].

Тем самым Маркс дает мощный фундамент для соответствующей линии борьбы рабочего класса с искажающим влиянием капиталистической фабричной системы:

«Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, — говорит Маркс в «Капитале», — являются политехнические и сельскохозяйственные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологическим и практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школе рабочих и технологическому обучению как теоретическому, так и практическому»[2]. В наши дни мы воочию видим, как выполняется этот прогноз Маркса. Ни в одной стране мира нет такой спайки между теоретическим обучением и практической производственной работой, как в Стране советов. Разнообраз-

[1] К. Маркс, Нищета философии, Сочинения, т. V, стр. 391—392.
[2] «Капитал», т. I, изд. 1927, стр. 379.

новейшие типы наших фабрично-заводских школ, широкая волна «безотрывников», смена жалких ремесленных школ времен царизма с их назначением быть убогими пристанищами «кухаркиных детей», разворот колоссального профтехнического обучения миллионов и миллионов детей рабочих и крестьян, наконец, провозглашение т. Сталиным решающего лозунга, гласящего, что в период социалистической реконструкции «техника решает все», — все это демонстрирует пути пролетарской диктатуры, соответствующие заветам Маркса.

В «Критике Готской программы» Маркс пишет следующие выразительные строки: «При строгом регулировании рабочего времени детей сообразно с их возрастом и при прочих мерах защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества» [1].

В резолюции Женевского конгресса I Интернационала мы читаем:

«Под образованием мы понимаем три вещи: во-первых, умственное образование. Во-вторых, физическое образование, как оно дается в школах гимнастикой и военными упражнениями, в-третьих, техническое образование, включающее знакомство с общими принципами всех процессов производства и в то же время дающее детям практические наставления для употребления различных рабочих инструментов, ... соединение оплачиваемого производительного труда с умственным образованием, физическими упражнениями и технической выучкой поднимает рабочий класс выше уровня средних и высших классов» [2].

Достаточно прочесть эти строки, чтобы видеть, как вся система образования в Стране советов пронизана этими великими руководящими указаниями К. Маркса. Не подлежит сомнению, что вся наша средняя школа идет под знаком решающего лозунга политехнизации. В наших высших школах лозунг непрерывной производственной практики, успехи которой мы должны учитывать с такой же тщательностью, как и успехи в деле усвоения теоретических знаний, не что иное, как продолжение той же линии, которая намечена для наших средних школ.

Как известно, враги наши делают свою последнюю ставку на те громадные трудности, которые мы испытываем в настоящее время от острого недостатка самых разнообразных, хорошо обученных технических кадров. А мы проникнуты спокойной уверенностью, что там, где за нас стоят решающие тенденции самого материального базиса, там, где мы воспринимали эти тенденции в охвате их железной логикой гениального ума Маркса, там мы непобедимы.

Здесь невольно приходят на память слова Энгельса по поводу специальных перерасходов, которые будут неизбежны в социалистическом обществе в связи с его практикой дальних перевозок, связанной с мощным вовлечением в производственный оборот громадных народнохозяйственных территорий:

«Порождая новые поколения всесторонне развитых производителей, понимающих научные основы всего промышленного производства и изучающих практически, каждый в отдельности, весь ряд отраслей производства от начала до конца, оно (общество. — *Г. К.*) может создать новую производительную силу, которая с избытком покроет расход по перевозке из самых отдаленных пунктов сырья и горючих материалов» [3]. Таким путем мы и идем. Уже из этих слов ясно, почему В. И. Ленин придавал такое огромное значение социалистическому народнохозяйственному плану и именно научному

[1] «Критика Готской программы», Сочинения, т. XI, стр. 286.
[2] Материалы к истории I и II Интернационалов. «Новая Москва», 1925, стр. 49.
[3] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 282.

народнохозяйственному плану, в условиях которого трудно переоценить историческую значимость «главной производственной силы — человека», действующего на этот раз при всестороннем развитии своих сил и способностей.

* * *

Широко известно, что Маркс и Энгельс весьма интересовались судьбами тогдашней России и придавали огромное значение русской революции. Тем не менее, они никак не ожидали того обстоятельства, что первый иностранный перевод «Капитала» появился на русском языке, и были приятно удивлены этим фактом. Мы знаем, как высоко ставил Маркс выдающегося русского ученого Чернышевского, в каких дружеских отношениях он состоял с одним из героев Народной воли Лопатиным и какое значение придавал Энгельс ознакомлению революционного отряда тогдашней России с сокровищницей истин научного социализма. И вышло так, что в настоящее время ни в одной стране мира не изучаются с такой тщательностью великие творения Маркса и Энгельса, в качестве подлинного ведущего начала всего творческого преобразования жизни, как в Стране советов. Социалистическое строительство, наша борьба за научный социалистический план научили нас по-новому взвешивать те громадные ценности, которые заключены в капитальных работах Маркса и Энгельса, и отыскивать порой в небольших замечаниях, в отдельных гениальных бросках мысли целые снопы ярких лучей, правдивым светом озаряющих всю нашу действительность.

В свете наших работ по построению социалистического хозяйственного плана нашей страны мы теперь по-новому воспринимаем многие отдельные замечания по вопросу о плане, высказанные Марксом и Энгельсом; даже самый краткий экскурс в эту область немедленно показывает, как много сделано было ими и в этом направлении.

Уже в «Коммунистическом манифесте», в тех пунктах, которые посвящены первоначальным мероприятиям пролетариата, организованного в качестве господствующего класса, в 7-м пункте говорится: «Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану». А так как рядом 5-м и 6-м пунктами проектируется централизация кредита и централизация транспорта, то неизбежность широкого народнохозяйственного плана в таких условиях является достаточно очевидной.

Анализируя те пути, которыми капитал пытается выйти из своих внутренних противоречий в опоре на все растущий рынок, Маркс сразу нащупывает тот решающий момент, который является роковым препятствием для превращения капитализма в какую бы то ни было высшую форму «организованного капитализма». Он пишет: «Условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые — пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, а потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения»[1].

Естественно, что при таких условиях тщетной окажется и самая искусная «теория вероятности», как это, между прочим, показывают судьбы разнообразных ученых и ученейших конъюнктурных бюро различных капиталистических государств в дни нынешнего мирового кризиса. Тем не менее, характер использования машин крупной капиталистической промышлен-

[1] «Капитал», т. III, ч. 1, изд. 1923 г., стр. 225.

ностью таков, что «кооперативный характер процессов труда становится теперь технической необходимостью, вынуждаемой природой самих орудий труда». Тем не менее, «обмен веществ» между капиталистическим городом и капиталистической деревней таков, что необходим закон, «регулирующий общественное производство, притом в форме, соответствующей полному человеческому развитию».

Пляска современных идеологов гибнущего капитализма около идей хозяйственного планирования, тщетность их надежд на своеобразную «функциональную» организацию капиталистического хозяйства, банкротство каутскианских идей относительно перерастания трестов и картелей в мировой, правильно организованный сверхтрест — тщетность всех этих поползновений уже давным давно была обличена в работах Маркса и Энгельса.

В III томе «Капитала» Маркс пишет: «Всякая мысль о совместном решительном и дальновидном контроле над производством сырого материала, — контроле, который в общем и целом совершенно не совместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается исключительно совместными действиями капиталистов в моменты большой, непосредственной опасности и беспомощности, — уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга» [1].

Из нашего прошлого мы знаем, что контроль производственного процесса был лишь первым этапом пролетарской диктатуры в нашей стране. Вслед за этим этапом последовал нажим на план, т. е. движение вперед, а не вспять, как это констатирует Маркс, как правило, для капиталистических попыток контролировать производство в момент большой и непосредственной опасности. Примеры государственного контроля производства в Германии, Англии и США в период мировой войны и последующий затем разгром всякого рода плановых органов в этих странах в период наступившего затем мира наглядно свидетельствует о правильности этого замечания Маркса. Фридрих Энгельс делает к этому положению в III томе «Капитала» следующее интересное добавление:

«После того, как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на мировом рынке значительно усилилась, благодаря быстрому развитию промышленности во всех культурных странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которого они должны функционировать, — факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это проявляется в двух симптомах. Во-первых, в теперешней всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится охранять как раз продукты, способные к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных отраслей промышленности, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что, хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно, не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем это было раньше» [2].

Читая эти строки, наглядно видишь, как ничто не ново под капитали-

[1] «Капитал», т. III, ч. 1, гл. VI, изд. 1927 г., стр. 81.
[2] «Капитал», т. III, ч. 1, гл. VI, изд. 1927 г., стр. 81 (примечание).

стической луной. Уже на первых стадиях переживаемого в наши дни мирового капиталистического кризиса господа-капиталисты всех стран бросились искать спасения в яростном протекционизме и именно по тому рецепту, который предвиден здесь Энгельсом. А затем в Центральной Европе они уже обращаются к фашизму, т. е. готовы прибегнуть к любому бандитизму, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое существование в полосу явно надвигающихся социальных бурь. Однако мы слишком далеки от давней эпохи первоначального капиталистического накопления, чтобы принимать «всерьез и надолго» подобные ставки на корсарские набеги. Невольно при этом вспоминаются другие вещие слова Маркса: «Судно, наполненное глупцами, может, пожалуй, плыть некоторое время по воле ветра, но оно будет плыть навстречу своей судьбе именно потому, что глупцы не подозревают этого. И эта судьба — предстоящая нам революция»[1] (подчеркнуто нами. — *Г. К.*).

Не такие ставки воспевал в свое время капитализм, когда он был преисполнен юношеских сил:

«... То же самое буржуазное сознание, которое прославляет как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства, как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указания, что такая организация превратила бы все общество в фабрику»[2].

Из вышеприведенных цитат отнюдь, конечно, не следует, что Маркс и Энгельс недооценивали исторической роли картелей и трестов. Маркс неоднократно отмечал, что для пролетариата выгодно все то, что централизует буржуазию. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал:

«В трестах конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством вторгающегося социалистического общества. Правда, сначала только в пользу и к выгоде капиталистов. Но в новой своей форме эксплоатация настолько бросается в глаза, что она должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, регулируемым трестами, с неприкрытой эксплоатацией всего общества маленькой бандой купоновладельцев»[3].

Современное лицемерное законодательство США, направленное против легального бытия наиболее крупных трестовых объединений, является ярким примером меткости замечания Энгельса.

Производственная статистика капиталистических стран полна данных, обрисовывающих постоянный и весьма значительный средний недогруз производственных предприятий. Не имея опоры в рациональном общем плане хозяйства, капиталисты таким путем естественным образом страхуют себя на случай благоприятной хозяйственной конъюнктуры. Зато в периоды кризисов им приходится жестко расплачиваться за такого рода страховку. Недаром идеологи-экономисты периода настоящего кризиса изощряются в своих доказательствах, что наступает пора заблаговременно исходить из учета та-

[1] Переписка 1843 г. Письмо Маркса к Руге.
[2] «Капитал», т. I, изд. 1927 г., стр. 269.
[3] Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», изд. 1928 г., стр. 262.

кого рода недогрузов и самые типы машин приспособить работать с одинаковым коэфициентом полезного действия как при больших, так и при малых нагрузках. Как должны скорбеть они, что «перешерстить» в таком новом капиталистическом стиле основные законы техники и машиностроения не представляется возможным.

Огромное расточение производительных сил, отсюда проистекающее, уже давно было выяснено Марксом: «При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, а с другой стороны, при постепенном расширении дела наблюдается много случаев такого рода нецелесообразного расширения в стороны... Причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, но все находится в зависимости от бесконечно различных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Из этого вытекает огромное расточение производительных сил» [1].

Совершенно очевидно, что те иероглифы сложнейших банковских и кредитных операций, без которых не может обойтись финансовый капитал, разнообразные денежные маневры этого капитала в немалой степени запутывают те оздоровляющие течения, которые могли бы пойти от решающих фундаментов самого производства и целесообразных форм распределения. В том же II томе «Капитала» Маркс пишет, уже вплотную подходя к проблеме плана в коммунистическом обществе:

«Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно, отпадают и все переодевания, которые осуществляются в сделках благодаря денежному капиталу. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства, средств существования оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования» [1].

Здесь с абсолютной ясностью поставлена перед нами проблема плановых долгосрочных вложений, т. е. коренная проблема всего социалистического строительства. Подытоживая антитезы между капиталистическим и коммунистическим обществом в III томе «Капитала», Маркс пишет:

«Лишь в том случае, если производство совершается по заранее намеченному плану под действительным контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемого на производство определенного продукта, и размерами общественной потребности, подлежащими удовлетворению при помощи этого продукта» [3].

Мы видим, как здесь «заранее намеченный план» по мысли Маркса сочетается с действительным контролем общества. Другая замечательная мысль, развитая в этом положении Маркса, говорит о той прозрачности в отношениях непосредственного производства и распределения, которая достигается в плановом социалистическом хозяйстве новыми взаимоотношениями между потребительной и меновой стоимостями.

В своей замечательной «Критике Готской программы» Маркс возвращается к этому вопросу, показывая, как в условиях социалистического строя известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой, причем «принцип и практика не ссорятся более.

---

[1] «Капитал», т. II, изд. 1927 г., гл. VIII, стр. 112.
[2] Там же, гл. XVI, стр. 221.
[3] «Капитал», т. III, ч. I, глава VII, стр. 137.

тогда как при товарном обмене обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае». Таким образом труд, как измеритель меновой стоимости, выступает уже с такой прозрачностью, что людям этого строя покажутся забавными те ухищрения господ-экономистов из ученого буржуазного лагеря, с которыми они старались показать противоречия между I и III томами «Капитала». В той же замечательной брошюре Маркс оставляет драгоценные заветы работникам планового социалистического дела относительно того, как им необходимо оперировать с расчетами общественного валового продукта. Он показывает, что возможный потребительный фонд в каждом отдельном случае получается после целого ряда специальных вычетов. В эти вычеты входят:

«В о-п е р в ы х: расходы по возмещению потребленных средств производства.

В о-в т о р ы х: добавочная часть для расширения производства.

В-т р е т ь и х: резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и пр.

Эти вычеты... — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятностей, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости»[1].

Каждый из работавших в плановом деле нашей страны не потребует комментариев для оценки глубочайшего значения заветов Маркса, здесь высказанных.

На ту же тему мы читаем следующие яркие слова у Энгельса в его «Анти-Дюринг»:

«Общество должно знать, сколько труда требует каждый предмет потребления для своего производства. Оно должно будет выработать план производства, сообразуясь со средствами производства, к которым, в частности, принадлежат также и рабочие силы. Степень полезности различных предметов потребления, сопоставленных друг с другом и с необходимыми для их произведения количествами труда, определит окончательно этот план»[2].

Философ Кант, как известно, в свое время обмолвился издевательским изречением относительно суетности и плановиков-мудрецов, старающихся-де показом ложной мудрости зашифровать свою жизненную никчемность. Характеристика плановых заданий, данная здесь Энгельсом, является превосходной отповедью для всех «кантианцев» вышеотмеченной марки. Мы теперь по собственному опыту знаем, какой великой, преисполненной жертв борьбой за план можно воплотить в жизнь те поистине мудрые указания, которые исходят в этом положении от наших первоучителей. Эту беглую сводку высказываний Маркса и Энгельса нам кажется естественным закончить следующими бессмертными словами Энгельса из того же «Анти-Дюринга»:

«С переходом средств производства в общественную собственность устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями. Анархия общественного производства заменится организацией его по заранее обдуманному плану... Низменные условия, окружающие человечество и до сих пор над ним господствовавшие, попадут под власть и контроль людей, которые впервые станут действительными и сознательными повелителями природы и именно в той мере, в какой они станут господами своих собственных общественных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям, до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству. Обществен-

[1] К. Маркс, Критика Готской программы, Сочинения, т. XV, стр. 273.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 295.

ный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным свободным делом. Объективные внешние силы, господствовавшие над историей, поступают под контроль человека.

Только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемое действие. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы»[1].

Вот каковы те сияющие вершины знания, к которым вели нас наши первоучители — Маркс и Энгельс. И именно следуя их великим заветам, дали мы миру наш 15-летний показ великого социалистического строительства, наш первый план народного хозяйства на базе электрификации и нашу пятилетку, победоносно выполненную в четыре года, всемирно-историческое значение которой трудно переоценить.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. стр. 269.

ГЕНИЙ ПРОЛЕТАРИАТА [1]

Среди гениев человечества Карл Маркс занимает совершенно исключительное место. Это не трудно видеть. Бытие определяет и ту часть сознания, которая занята поисками лучшего. Социальные тупики приводят заблудившихся к поискам потустороннего начала, своеобразному «боготворчеству». И в этом творчестве иногда с поразительной ясностью выявляется социальная сущность целой исторической эпохи. Грозный, карающий властитель земли и неба Востока — как ярко отражает он в себе существо древневосточных автократий. Их военно-феодальная власть естественно вырастала из нужд огромных народных массивов, огнем и мечом отвоевывавших друг у друга земельные территории. Ведь эти территории делались оплотом бытия народов в условиях растущего значения оседлого сельского хозяйства.

Искания гения носят аналогичный характер. Легенды о Христе и Магомете наглядно об этом свидетельствуют. При нужде гений создавался из «ничего», причем самая грань между гением и «божеством» стиралась. «Гельвеций говорит, что каждая общественная эпоха требует своих великих людей, а когда таковых не находит, то она изобретает их» (К. Маркс, «Борьба классов во Франции», стр. 82).

«Чистоган расчета», который несет с собой буржуазия, по сути дела, уже начинает рвать связи с потусторонним началом. Религия становится лицемерием, пригодным лишь для одурманивания трудящихся низов. Буржуазия вынуждена маскироваться и прятаться в прихотливом убранстве идеализма разного покроя. Натур-философы буржуазии уже ищут божество в космосе самой природы, а ее гении приобретают определенно земной характер.

Уже многие тысячелетия, начиная от дальних времен разложения первобытного общинного строя, история людей пошла под знаком борьбы классов, и каждый из классов искал себе гения по своему образу и подобию. Но, поскольку преходящи были судьбы классов, была преходящей и судьба их гениев.

Всемирно-историческая роль пролетариата не только как могильщика капитализма, но и как созидателя социалистического общества была открыта и научно обоснована впервые К. Марксом. И ныне, подводя итоги жизненного пути этого гиганта среди людей, мы прежде всего констатируем, что в его лице мы чтим первого наиболее гениального и последовательного борца за освобождение всего человечества от тягчайших пут всей и всяческой эксплоатации.

Это он научил нас считать всю мировую историю, протекавшую под знаком необходимости, под знаком превращения человека в одну из вещей стихийно-анархического процесса борьбы человека с природой, своего рода предисторией.

---

[1] Статья, напечатанная в «Правде» 13 марта 1933 г.

Маркс предвидел, что продолжительный период гражданских бурь и военных потрясений необходим будет пролетариату не только для того, чтобы завоевать политическую власть, но и для того, чтобы в процессе этой борьбы изменить самого себя, сделаться достойным носителем этой власти. Ныне мы видим, как сбывается это предсказание Маркса, какими путями врывается пролетарская диктатура в решающую практику классовой борьбы нашего времени.

К. Маркс был и остается учителем целых поколений борцов этого всемирно-исторического перелома от предистории к истории, от человека-вещи к человеку-творцу своих судеб.

В самом образе Маркса мы находим своеобразное отражение тех особых положительных черт и качеств, которые характеризуют пролетария-борца, Организаторские способности и практическая осмотрительность в выборе средств борьбы сочетались в нем с непреклонной волей революционера, не знающего компромиссов, идущего против всех и всяческих соглашательств, раз они хоть сколько-нибудь извращают генеральные установки в борьбе.

Маркс был величайшим врагом всякой фразы и позы, бесстрашным искателем правды, каковой она вырастает в суровой житейской обстановке, без всякой мишуры и прикрас. И весь его моральный облик становится понятен лишь на фоне той дисциплины ума и воли, которая вырастала в непрестанных «долголетних и добросовестных» трудах, наполнявших его жизнь. А это как раз то, что придает железную поступь пролетарским колоннам, идущим на свои исторические бои.

Жизнь Маркса совпала с самым трудным, значительным периодом этих боев. Впервые в истории человечества путь борьбы угнетенных классов на этот раз заранее освещался изумительным документом, в котором не было ни слова неправды, в котором страстная сила чувства сочеталась с величайшим совершенством научного анализа. Таким документом являлся «Коммунистический манифест», написанный К. Марксом и его ближайшим другом и соратником Ф. Энгельсом, тот манифест, который и до наших дней остается программой пролетарских борцов, штурмующих старый мир. И до наших дней среди аналогичных документов всех веков и всех народов нет равного ему по тесноте слов и простору мысли, по сгустку мудрости вековых исканий как в области теории, так и на путях практики.

Какие бы испытания еще ни предстояли пролетариату в дальнейших боях, мы знаем, что никто из его противников не сможет написать на своих знаменах чего-либо более действенного, чем краткий, но исчерпывающий лозунг Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Ф. Энгельс свидетельствует, что К. Маркс был совершенно лишен одного свойства: он никогда не мог притти в отчаяние. Пролетарские революции, как это прекрасно освещено самим К. Марксом, имеют как раз ту особенность, что в них нет простой повторности побед и поражений, что они движутся вперед с неудержимо стихийной силой. Самые поражения пролетариата служат источником его новых побед, и его мученики идут на смерть с уверенными лозунгами грядущих побед.

Не случайно, что по отношению к этому человеку самый термин гения теряет свою условность. Покойный Плеханов определял гениальность, как своеобразный «добавок» к исключительной талантливости, как яркий пример превращения количества в качество. Вот перед вами ряд талантливых людей, но среди них есть некто, обладающий по сравнению с другими этим добавком положительных качеств интеллекта. Вы осознаете, что перед вами

человек, который на голову выше остальных. Такой человек и является гением. Этот критерий гениальности Маркс перекрывает. С его кончиной пришлось констатировать, что человечество стало ниже на целую голову и притом «самую мудрую».

Мудрейшие из людей всех последующих поколений продолжали и продолжают учиться у этого человека, продолжали и продолжают видеть в нем наиболее совершенное выражение и «правды-истины», и «правды-справедливости».

Некоторые определяют гениальность, как исключительную талантливость, выросшую на расходах целесообразно направленного гигантского труда. Но всякий, ознакомившийся с грандиозным наследством Маркса, если он попытается разложить это наследство по ежедневным возможным упряжкам труда, будет прежде всего поражен колоссальной величиной этих упряжек. Он был поистине сверхмощным трудолюбцем. Тайна гения здесь совпадает с тайной возможности таких норм труда.

На нашу обычную мерку выходит, что в одной этой человеческой жизни как бы вмещался ряд жизней.

Пламенный темперамент этого человека — недаром «мавр» по облику — сочетался с удивительным по своей универсальности мыслительным аппаратом.

В положениях научного социализма он дает исчерпывающий синтез всего ценного, вмещавшегося в громадном наследии немецкой философии, в пристальных изысканиях английских классиков политэкономии и в гениальных бросках мысли великих французских материалистов и социалистов-утопистов.

Широкое знание древних и новых языков — читал в подлиннике и Щедрина и Чернышевского, энциклопедическая осведомленность в событиях любой исторической эпохи, изыскания в области высшей математики, живые иллюстрации из классиков мировой художественной литературы — какой жизненной силой создавал он единство этого многообразия в своих бессмертных творениях.

Л. Берне, владевший особым искусством писать «кровью своего сердца и соком своих нервов», красочно отметил особое значение гениев, умевших добывать из первозданных пород драгоценную руду знания. Изыскания Маркса всегда базировались только на первозданных породах, только на подлинных первоисточниках. Он предостерегал: «К науке ведет не широкая военная дорога, и лишь тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто не страшась трудов, карабкается по ее каменистым тропам». И личным примером Маркс дал рекордный образчик такого восхождения к сияющим вершинам знания, многозначительно подчеркивая, что Прометей, похитивший огонь с небес, был «самый благородный святой и мученик в философском календаре».

С этих высот, «обнимая моря и земли», века и поколения, он обозревал дали прошлого и настоящего, намечая пути грядущего, порой по незаметным, находящимся лишь в стадии возникновения, тончайшим приметам. Неукротимая страсть к знанию била ключом в его интеллекте, и без преувеличения можно сказать, что в сфере знания не было для него запретных границ. Удовлетворение этой страсти давало ему высокое счастье. Но это счастье отнюдь не было эгоистическим. С гордостью и по праву мог он говорить, удаляясь в свой рабочий кабинет, что он идет «работать для «мира», рекомендуя тем «счастливцам, которые могут всецело посвятить себя науке», не забывать «первыми отдать свое знание на служение человечеству».

Он не боялся каменистых троп в своем изложении, сурово дисциплинируя мысль своего читателя, но зато вознаграждал его за труды исключи-

тельной радостью громадных достижений. Всякий, изучавший его «Капитал», знает, что комментарии здесь были бы излишни. Да, Маркс мог сделать девизом этого великого творения лозунг мудреца: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что им угодно». Да, он мог сказать об этой работе, что он хотел дать в ней «тщательно обработанное сочинение..., чтобы поднять партию на возможно более высокую ступень и чтобы способом изложения обезоружить даже пошлость».

И партия коммунистов поистине вправе гордиться, что гением первоклассной величины освещены все командные высоты ее великих боев.

В редких случаях афоризмы индивидуальных авторов могут спорить с творчеством коллектива. Лишь исключительно большие люди могут позволить себе соперничество с коллективом в этом отношении. Суждения Маркса нередко оформлялись в лаконические афоризмы, крепко и действенно западавшие в сознание.

Они всегда были верны подлинной правде жизни, и отсюда их вечно юная сила.

Какое море книг посвящено тем бурным сдвигам в человеческом бытии, которые мы именуем революциями! Но лишь исторический материализм, идущий от Маркса, научно обосновывает и выясняет истинные законы таких скачков исторических событий, метко подчеркивая их действенную силу формулой, что «Революция — это локомотивы истории», что они развивают «вихрь, отметающий всех сопротивляющихся».

«Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами», — утверждал К. Маркс, отбрасывая этим кратким афоризмом всех клеветников, обвинявших его в фаталистическом преклонении перед действительностью.

«Пролетариат — революционен, или он — ничто», — что более сильное можно бросить по адресу всех и всяческих оппортунистов?

«Предоставим мертвым хоронить и оплакивать своих мертвецов. Завидна зато участь тех, кто раньше других с живыми силами начинает новую жизнь: пусть это выпадет нам на долю», — что более зовущее вперед можно сказать всем активистам?

«Наше звание представителей пролетарской партии мы имеем от самих себя и ни от кого другого. Но полномочие это подкреплено исключительной и всеобщей ненавистью, какую питают к нам все фракции и партии старого мира» — разве это не своего рода исчерпывающий тактический завет?

Такими чеканными сгустками его мысли можно было бы заполнить целый том.

Он щедро рассыпал их в своих творениях, но никогда эта щедрость не была в ущерб глубине замысла.

Неуклонно следуя правилам диалектической логики, мощно охватывая поле своего исследования в его широчайших связях и опосредствованиях, глубоко прослеживая движущие силы в их саморазвитии, проверяя себя практикой векового опыта, брезгливо чуждаясь всяких выхолощенных абстракций, Маркс давал громадные полотна сущности нашего бытия в его многообразнейших проявлениях. Срывая покровы со всех и всяческих тайн, беспощадно разоблачая любую искусную маскировку, бичуя недругов трудящихся, Маркс никогда не погрешал против исторической действительности. События и люди, материальная обстановка и энергетика, производственный фундамент и сложнейшая идеологическая надстройка, свобода и необходимость, свет и тени — все было на своих местах, все было охвачено вечным движением неустанного потока жизни.

Эти огромные полотна отнюдь не были простой летописью:

«Философы лишь объясняли мир, так или иначе, — говорил он, — но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Всему и каждому воздавал он должное и по заслугам, и горькая судьба ожидала фарисеев буржуазии, пытавшихся внести свои поправки к Марксу, пригладить, пригнать к своему убогому ранжиру его бунтующие мир строки.

В результате выходило так, что огромные жизни Аристотеля и Гегеля, Моргана и Дарвина, жизни целой плеяды великих мыслителей мира размещались в качестве естественных элементов в мощном здании его, марксовой, науки, ставшей основным кодексом жизни, труда и борьбы поколений трудящихся.

Разуметь, чтобы действовать; действовать, чтобы достигать; достигать, чтобы волю человека поставить над стихией вещей, — вот основной завет, следуя которому, его последователи приобретали железную уверенность в борьбе за социализм.

Устами своего друга и ближайшего соратника Ф. Энгельса он характеризовал историю, как «пожалуй, самую жестокую из богинь, влекущую свою триумфальную колесницу через кучу трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития». И никто в мировой литературе не может соперничать с Марксом и Энгельсом по количеству и удельному весу основных фактов, приведенных ими в качестве иллюстраций положения трудящихся под железной пятой капитала.

Но против гигантского исторического зла, как бы в меру скорби и мук всех униженных и угнетенных, Маркс выдвинул гигантские орудия классовой борьбы, созданные по последнему слову человеческого знания, и метко направил их огонь в самые источники этого зла.

На путях жестокой необходимости он нащупал для человечества исходы в действенной воле пролетариата, ведущей все человечество в светлое царство подлинной свободы.

Полвека со дня кончины Маркса — сплошной триумф его великих прогнозов. Кто из зрячих не видит в наши дни преходящих судеб капитализма? Какое более яркое свидетельство правильности теории Маркса, предсказавшей роковое значение для капитализма его кризисов, может дать еще история, чем тот кризис гниения и распада, который переживает в настоящее время весь капиталистический мир?

Взвесьте тяжкое наследие, выпавшее нам на долю от всего прошлого нашей страны, расставьте события и людей этих лет нашего великого перелома по методу Маркса на их подлинные места, не грешите в оценке света и теней против подлинной действительности и прикиньте возможности других стран — вам сразу станет ясно, почему наша великая социалистическая Октябрьская революция является наиболее ярким торжеством идеи Маркса.

Смертельно раненое чудовище капитализма продолжает набрасываться на нас с бешеной хулой.

Но наш ответ уже четко сформулирован Марксом в его отповеди врагам Парижской коммуны:

«Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей, и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества.

Вполне сознавая свое историческое призвание, полный героической решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить

презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают свои невежественные общие места и преподносят свои высиженные рецепты».

И если бы Марксу суждено было подводить итоги нашей великой эпохи, ему ничего не пришлось бы добавлять к своим вещим словам:

«Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается.

Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Мы поистине в преддверии нового мира, нового лица земли и человека. Мы не переоцениваем положения и знаем, что полоса войн и гражданских бурь еще далеко не исчерпана, еще предстоит, но мы также знаем, что наших врагов история приговорила «к тому позорному столбу, от которого никто не в силах будет их оторвать». И мы вправе гордиться, что именно на долю нашей страны, на долю ее героического коллектива трудящихся выпал величайший в мировой истории показ творческих сил победоносной пролетарской диктатуры, этой основной ставки первого мирового вождя пролетариев — Маркса.

Мы гордимся, что дали миру таких великих продолжателей его дела, его верных учеников гениальных вождей и мастеров революции, как Ленин и Сталин, приобщивших свое имя к славным именам Маркса и Энгельса. Мы гордимся тем обстоятельством, что, следуя Марксу, мы научились быть наиболее мощными толкачами пробудившегося сознания нарастающего многомиллионного актива трудящихся мира. На наших глазах оно поднимается в стремительных темпах от темных низин к сияющим вершинам того действенного знания, которое идет от Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина и преобразует весь мир.

С новым миром и новыми людьми придет и новая наука. Маркс знал это. «Только тогда, когда радикально изменятся основы старого общества... только тогда наука обратится в сознательный продукт исторического движения и из науки доктринеров сделается наукой революционеров», — говорил он.

Такое время уже наступило. Собственными глазами мы видим, в каких потемках реакции блуждают жрецы буржуазной науки. Собственными глазами мы видим, как необходимо работникам научного знания сочетать свои силы с силами сокрушающих старый мир пролетарских революций для того, чтобы теория могла по-настоящему опережать практику, для того чтобы наука делалась подлинной наукой, т. е. подлинно ведущим началом.

Маркс говаривал, что нельзя дать чего-либо значительного без некоторого законного ограничения поля своего исследования. И, тем не менее, универсальность его гения поразительна. Это потому, что в его гении наиболее ярко отразился гений самого рабочего класса, универсального представителя не только интересов всех угнетенных, но и интересов всего человечества.

Современники Маркса свидетельствуют, что обаяние его личности было неотразимо и что он сам знал меру своих исполинских сил. Его политические противники могли питать к нему, и действительно питали, бешеную ненависть, но они не могли одновременно не отдать ему дань самого высокого персонального уважения.

Мы знаем, что он нисколько не преувеличивал положения, когда писал о своих работах над «Капиталом», что, быть может, «ни одна книга не со-

здавалась при более трудных обстоятельствах». Мы знаем, что десятки лет его жизни прошли под гнетом политических гонений и большой материальной нужды и что без великодушной поддержки и помощи своего друга Ф. Энгельса он не смог бы подарить миру то наследство, которое обессмертило не только его имя, но и составляет наиболее великое достояние целой исторической эпохи.

Мы знаем, что Маркс правильно характеризовал себя, когда написал в своем ответе на анкету дочери: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Великий, простой, бурногневный и страстнолюбящий, он четко отражал в своем образе привлекательные черты идущих нам на смену поколений. Эти поколения создали и еще создадут своих исполинов, но и среди них будет вечно блистать гений Маркса, и ему обеспечено особо прочное место «в великом сердце рабочего класса».

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ОСВОЕНИЯ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА [1]

Проблема социалистической реконструкции громадного Волжского района охватывает целый ряд крупнейших народнохозяйственных вопросов. Особенность подхода к этим вопросам в настоящее время заключается, однако, не только в объеме этих задач, но и в той особой обстановке, которая будет окружать нас при их осуществлении.

Мы только-что закончили первую пятилетку. С второй пятилеткой мы, как известно, связываем разрешение двух основных задач: завершение технической реконструкции нашей страны и построение бесклассового социалистического общества. Этим все сказано. Этим отмечается, что уже вторая пятилетка даст в значительной степени развернутую форму социализма. А что же сказать об этапах третьей и четвертой пятилеток, которые мы неизбежно так или иначе должны охарактеризовать, когда мы подходим к реализации задач такого объема, как проблема Большой Волги?

Ясно, что самые критерии, самая качественная постановка вопроса должны значительно отличаться от качественного подхода и методов разработки вопросов, имевших место в первой пятилетке или в еще более раннюю эпоху нашего хозяйства, тогда, как мы закладывали еще только фундамент нашей социалистической стройки. Мы должны быть очень строгими и в постановке и в разработке вопроса; мы должны быть очень придирчивыми судьями, потому что в перспективе этих лет нам много дано, и наша страна и весь мир вправе от нас много требовать.

Если вкратце охарактеризовать ту основную проблему, которую мы охватываем в комплексе, имеющем наименование Большой Волги, то, пожалуй надо будет иметь в виду такой порядок отдельных задач: это прежде всего ряд вопросов, связанных с возможностями своеобразной организации нашего сельского хозяйства, вопросов, связанных с громадными ирригационными работами в Заволжье. Это — не только вопросы «благоустройства» сельского хозяйства, это — развернутая система социалистического сельского хозяйства, долженствующая использовать все орудия техники, которыми располагает современный мир.

Следующая проблема, не менее грандиозная, — это проблема рационального включения огромного волжского потока в нашу транспортную сеть: создание своеобразной электроводной сверхмагистрали, как основного звена будущей единой водно-транспортной системы страны. Мы увидим, что этот вопрос имеет тоже целый ряд дискуссионных моментов, на которых нам придется сосредоточить свое внимание.

Третий вопрос — это использование Волги как могучего энергетического источника, как могучей энергетической базы. Мы имеем в виду рациональ-

[1] Вступительный доклад на ноябрьской сессии Академии наук СССР (25 ноября 1933 г.).

ное использование этого энергетического источника и включение его в ту энергетическую систему, которая будет развертываться в дальнейшем в наших работах по электрификации страны.

И наконец, необходим учет всех моментов, связанных с индустриализацией этого огромного края, использующей рационализированную сельскохозяйственную базу и обширные природные ресурсы, которые в своей совокупности являются мощной подпорой нашей энергетической стройки.

Вот четыре линии наших работ, на которых, по существу, в дальнейшем нам и нужно будет сосредоточить все свое внимание.

Уже первое знакомство с проблемами такого масштаба говорит за то, что завершение их будет происходить на протяжении второй, третьей и четвертой пятилеток, т. е. в течение 10—15 лет.

Известно, что 15 лет — это срок, к которому мы приурочиваем не наши отдельные пятилетки, а то, что мы называем генеральным планом народного хозяйства, причем легко показать, что то или другое решение этой проблемы имеет огромную значимость для всего нашего народного хозяйства в целом.

Проблема Большой Волги — это поистине одна из центральных проблем генерального плана народного хозяйства. Те вопросы, которые поставлены на настоящей сессии Академии наук, имеют уже историческую давность. Они отнюдь не являются кабинетной выдумкой; наоборот, исторические корни их чрезвычайно глубоки. Напомню, что наш первый генеральный план, план Государственной комиссии по электрификации России (Гоэлро), который был разработан нами в 1920 г., уже тогда отмечал, что важнейшие работы первой очереди по электрификации России должны быть сосредоточены именно в Поволжье. Мы писали в этом плане буквально следующее: «Волга как бы представляет из себя меридиональную линию, пересекаемую целым рядом широтных железных дорог. Резкое понижение стоимости транспорта должно экономически сблизить центры электрификации, усилить между ними продуктообмен и оживить районы, окружающие эти центры, а также местности, прилегающие к магистралям, связывающие центры». Так писали мы еще в 1920 г.

В плане Гоэлро мы подчеркивали, что в будущем именно Волжский район будет служить житницей центральной России, что мелиоративные работы, которые позволили бы применять в нужный период искусственное орошение почвы, оказали бы громадную услугу всему сельскому хозяйству, придали бы ему гораздо большую устойчивость как в смысле увеличения урожайности, так и в отношении меньших вероятий недородов. И с тех пор в течение целого ряда последующих лет, каждый раз, когда мы подсчитывали баланс нашей сельскохозяйственной продукции, эти волжские районы попрежнему выдвигались на первый план и попрежнему являлись решающими.

Когда в 1921 г. разразился великий неурожай, когда он ударил больно по Поволжью, по Северному Кавказу и Украине, Владимир Ильич поручил Государственной комиссии по электрификации разработать специальный трактат по вопросам борьбы с этим бедствием, с этим злокачественным нарывом на сельскохозяйственном организме нашей страны. Я помню, что мы тогда опирались, главным образом, на труды проф. Костякова, ныне члена-корреспондента нашей Академии, а также на расчеты о наших ресурсах, которыми мы тогда располагали. Мы написали тогда специальный труд, являвшийся широким планом ирригации и электрификации Поволжья [1].

---

[1] Речь идет о сборнике «Восстановление хозяйства Юго-востока», изданном в 1921 г. Этот сборник был переведен на ряд европейских языков, в частности, на английский, и в свое время произвел за границей большое впечатление.

В этом сборнике мы доказывали, что социалистическая реконструкция Волги имеет в виду целый переворот в методах нашей борьбы с периодическими неурожаями, переворот, который мы должны назвать прямой лобовой атакой. Мы тогда же сделали расчет, как электрический рычаг может модернизировать наш подход к вопросам ирригации, и мы пришли к выводу, что быстрая и решительная атака в этом направлении не только спасла бы эти районы от периодических неурожаев, но вообще придала бы всему нашему сельскому хозяйству определенно большую устойчивость и прежде всего гарантировала бы для него громадный запасный фонд, который дал бы нашей стране необходимые маневренные способности при разрешении продовольственных задач.

Я не стану здесь дальше входить в историю вопроса. Скажу только, что эта проблема вызвала огромную дискуссию. Целый ряд лет сторонники такой лобовой атаки в борьбе с засухой были оттеснены многочисленной группой наших агрономов, защищавших систему засухоустойчивого земледелия, доказывавших, что именно таким путем они разрешат вопросы борьбы с засухой. Но теперь мы наблюдаем возвращение к тем позициям, которые мы оставили еще в 1920/21 г. Во всяком случае наша сельскохозяйственная секция в предстоящих прениях должна будет уделить внимание и этому вопросу, еще раз свести баланс этих претензий, предъявляемых друг к другу сторонниками двух различных методов в вопросе борьбы с засухой.

В плане Государственной комиссии по борьбе с засухой рисовалась тройная — транспортная, ирригационная и энергетическая — проблема. Надо сказать, что необходимость постановки этой проблемы в комплексном виде ясна и не требует особых доказательств.

Мы знаем, какие громадные усилия нам приходится употреблять, чтобы выровнять сельскохозяйственную базу при огромном развороте нашего индустриального хозяйства, и в какой степени пшеничный вопрос является для нас ударным вопросом. С другой стороны, мы ясно представляем себе по тем трудностям, с которыми связан товарооборот в нашей стране при нашей нынешней транспортной сети, какую острую форму приобретает транспортный вопрос.

Не так давно мы делали попытку привлечь внимание Академии наук к транспортному вопросу. И эта первая попытка показывает, насколько эти вопросы сложны и трудны и насколько Академия наук пока оказалась мало способной мобилизовать силы в этом направлении. А транспортный вопрос в связи с проблемой Волги приобретает особое значение. Огромный Волжский бассейн, разветвляющаяся сеть Волги, меридиональное направление этого гигантского потока, водные магистрали со всеми морями, с подходом сети европейских рек к рекам, идущим в Сибири, — все это многосторонне разрешает вопросы связи, проблему нашей рациональной транспортной сети.

В завершение я хотел бы еще раз подчеркнуть, что такому гениальному уму, как Владимир Ильич, уже давно ясно рисовались всесторонние гигантские возможности, связанные с проблемой Волги. Выступая в одном заседании в 1918 г., он подчеркнул, что Волго-Донской канал является могучим транспортным рычагом, призванным повернуть экономику отсталых областей юго-восточной России. Наша дискуссия может и должна иллюстрировать всю глубину этого замечания.

Вот, товарищи, совокупность тех основных комплексных задач, которые стоят перед нами, когда мы приступаем к трактовке огромной проблемы Большой Волги.

Огромность проблемы Большой Волги вытекает прежде всего из основных природных ресурсов и того особого географического положения, кото-

рое занимают приволжские районы. Эти районы лежат, как бы прижимаясь с востока к Уралу, к границам Европы. И когда начинаешь вдумываться в возможный разворот народного хозяйства в ближайшее пятилетие (если он будет происходить в благоприятных условиях мирного строительства), то ясно, что подъем в этих районах как сельского хозяйства, так и транспорта и индустрии уже приведет в движение такие силы, которые будут иметь значение не только для Приволжского района, но и для всего Союза.

Когда мы начинаем думать об этой проблеме, то Волга рисуется нам не простой рекой наших равнин, а рекой Евразии — рекой двух могучих, решающих судьбы человечества, материков.

Нужно помнить, что волжские районы естественным образом включаются в систему наших старых основных и важнейших промышленных районов. Северо-запад Приволжья непосредственно внедряется в Центрально-Промышленный район; с востока Приволжье примыкает к промышленному Уралу, и наконец, мы не можем отделить от него при наличии Волго-Донского канала восточной части Донецкого бассейна. Вот совокупность тех районов, которые должна охватить рассматриваемая нами проблема Большой Волги.

Природные ресурсы Волжского бассейна, несмотря на недостаточную его изученность, имеют выдающееся значение. В общем все Поволжье представляет собой богатейший район по самым разнообразным полезным ископаемым. Присоединяя сюда восточную область Донецкого бассейна, мы можем сказать, что имеем здесь 5,6% каменного угля всех запасов СССР, горючих сланцев свыше 75%, торфа около 52%, железа около 23%, меди около 2%, никеля около 35%, фосфоритов около 85%, известняков около 41%. Но главное богатство этих районов — это, конечно, их особые сельскохозяйственные резервы. Здесь громадные фонды пашни, исчисляемые цифрой порядка 64 млн. *га*, т. е. 20,5% от всех ресурсов пашни СССР; здесь огромная площадь кормовых угодий — почти 9 млн. *га* сенокоса, 9,6 млн. *га* выгонов, крупные лесные площади — около 67 млн. *га*, или 12% от общих запасов СССР. Наконец, рыбные богатства Волго-Каспия дают ежегодно на 100 млн. руб. продукции, занимают 150 тыс. человек и составляют около $^1/_3$ от общей рыбной продукции СССР.

Одно из самых почетных мест Волжский район занимает и в нашей гидроэнергетической системе.

Дело дальнейшего углубления расчета уточнить, какую мощность могут иметь волжские установки, какая серия явится оптимальной и какова будет себестоимость электрической энергии при эксплоатации. Уже сейчас мы можем сказать, что при громадной мощности волжских станций энергия их все же будет не особенно дешевой: по теперешним расчетам выходит, что она будет стоить от 1 до 1½ коп. за киловаттчас.

Тем не менее, энергия волжских станций явится для нас особенно высоко ценной по тому географическому положению, с которым магистраль Волги и волжское хозяйство рисуются нам включенными в общий народнохозяйственный план.

Я когда-то высказывал такую мысль, что, вероятно, будущие историки нашей электроэнергетики не откажутся от заманчивой задачи — связать ее характерные этапы с разворотом нашего гидроэлектрического строительства. Можно сказать, например, что, начиная с приступа к постройке Волховской станции, ряд последующих лет, в течение которых производилась эта постройка, характеризовался совершенно определенным этапом первоначального подъема нашей индустриально-социалистической страны и ее электрификационной базы. Переход к твердыне Днепра и осуществление ДнепроГЭС является чрезвычайно характерным моментом для оценки следующего

подъема. С такой же уверенностью можно сказать, что переход от Днепра к Волге принесет новый еще более решающий подъем.

Однако если бы мы в Академии наук сосредоточили свое внимание только на круге электроэнергетических задач и, отправляясь от них, попытались бы решить общие вопросы, связанные с проблемой Большой Волги, то мы почувствовали бы себя явно неудовлетворенными.

Существуют различные варианты осуществления Волжского проекта, связанные с Большой Волгой. Эти варианты говорят, что решение комплекса задач связано с расходами порядка 16 млрд. руб. в ценах 1932 г. Другие же работники утверждают, что реализация этого комплекса задач потребует от 20 до 25 млрд руб. в ценах 1932 г. Это такие цифры и такие величины, что подойти к ним можно, только исходя из общих ресурсов народнохозяйственного плана.

Прежде чем приступить к дальнейшему изложению, мне хочется сказать несколько слов о том, как мы можем подойти сейчас к этой труднейшей задаче. Если бы проблема Большой Волги требовала сосредоточить свое внимание в круге строительств, связанных только со второй пятилеткой, то положение было бы облегчено. Мы имеем здесь ряд величин, связанных со второй пятилеткой, но в проблеме Большой Волги мы обязаны иметь в виду еще третью и четвертую пятилетки. Расчетов на третью и четвертую пятилетки мы не имеем. Вот почему ряд работников, которым правительство и партия поручили проработку проблемы Большой Волги, обратился в Академию наук с просьбой помочь им в этом деле. Мы услышим на этой сессии специальные доклады, в которых будет нарисована народнохозяйственная гипотеза трех уровней народнохозяйственного плана, соответствующих второй и условно третьей и четвертой пятилеткам.

Первый этап, или первый уровень, т. е. период до 1937 г., уже разработан. Работники Академии наук, 200 научно-исследовательских институтов и свыше 300 специалистов по различным отраслям науки и техники уже сделали свой вклад в это дело. Материалы эти нам известны, хотя они пока еще не получили окончательного утверждения. Все же и в таком виде они имеют огромную научную ценность, и мы можем смело опираться на эти материалы. Мы можем сказать, что вряд ли процесс утверждения плана поколеблет эти материалы и намеченный порядок цифр, поскольку эта работа представляет собой документ действительного научного значения.

Второй пятилетний план проектирует общий объем капиталовложений 132 млрд. руб. в ценах 1933 г. Это более чем в два с половиной раза превышает капиталовложения первой пятилетки (50 млрд. руб.). Отсюда вы видите, что если мы первую пятилетку назвали полосой великих работ, то вторая пятилетка при всей концентрации огня в этой пятилетке на освоении того, что уже построено, тем не менее, по размаху своих строительных предположений представляет собой не просто великие работы, а уже величайшие.

Важно подчеркнуть, что в качестве одной из центральных установок второго пятилетнего плана попрежнему является положение, что важнейшим звеном технической реконструкции народного хозяйства, как и ранее, остается электрификация народного хозяйства. Мощность электростанций по проекту второй пятилетки удваивается. По отпуску электроэнергии при выполнении этого плана СССР, несомненно, опередит все страны Европы и вплотную будет стоять лицом к лицу с США [1].

[1] По производству энергии СССР в 1935 г. занял третье место в мире, уступая лишь США и Германии. В 1925 г. Советский союз в этой области занимал 11-е место и находился позади Швейцарии, Швеции, Италии, Японии, Канады и других стран.

В материалах второго пятилетнего плана резко подчеркивается, что дальнейшее развитие электросетей, кольцевание этих электросетей, межрайонное кольцевание станций, является одним из непременных постулатов. Создается восемь гигантских узлов электроснабжения, которые по своим технико-экономическим показателям являются мировыми гигантами. Из них, например, такой узел, как сочетание Днепровского и Донбассовского колец, по отпуску электрической энергии равняющееся 8 млрд. *квтч* в год, уже опережает гиганты США.

Если уже первая пятилетка ярко нам показала, как Днепровская станция является опорным базисом для своеобразного индустриального комбината, то нет сомнения, что вторая пятилетка будет нас толкать с особой силой в том же направлении: Волга явится более мощной опорой комбинирования производства на базе гидроэлектроэнергии.

Если уже в первую пятилетку мы сделали решительные шаги в области теплофикации, то вторая пятилетка закрепляет СССР на этом важнейшем участке на первом месте в мире. Точно так же и по протяженности сетей электропередач с напряжением в 110 *кв* и выше СССР резко приближается к уровню США и идет впереди всех европейских стран. По показателю электровооруженности на одного рабочего СССР выходит на первое место в Европе и стоит непосредственно рядом с показателями США.

Какие же волжские станции намечены ко второй пятилетке? Определенно намечается Ярославская станция[1], Балахнинская, Пермская и те верхневолжские станции — Угличская и Вальковская, которые связаны с волжским каналом. По проекту пятилетнего плана на волжское строительство уже назначается сумма, приближающаяся к 1 млрд. руб.

На производство какой продукции расходуется первый миллиард?

Я не могу распространяться насчет цифр потому, что они еще не уточнены. Я могу только сказать, что по промышленной продукции, по производству чугуна, стали, общему и сельскохозяйственному машиностроению СССР займет первое место в Европе, уступая только США. По добыче торфа СССР будет продолжать занимать первое место в мире, по каменному углю он займет третье место в Европе и четвертое — в мировом масштабе[2]. Вы видите, какой огромный подъем предполагается во второй пятилетке. Вы видите, что лозунг догона и перегона, который Ленин характеризовал так: «не догоните — погибнете в той мировой борьбе, которая развертывается», — этот лозунг мы выполняем успешно.

В дополнение к этим общим характеристикам я хотел бы показать некоторые предварительные расчеты Энергетического института Академии наук СССР, иллюстрирующие его рабочую гипотезу о трех уровнях народного хозяйства. Чтобы представить себе задачи и условия, в которых будет протекать огромное волжское строительство, мы просили Энергетический институт рассчитать главнейшие народнохозяйственные показатели по трем уровням: первый уровень — то, что соответствует концу второй пятилетки, второй уровень — третьей пятилетке (1942 г.) и третий уровень соответствует четвертой пятилетке (1947 г.). Эти расчеты, разумеется, очень приблизительны. Конечно, картина нашего строительства будет одна, если она будет протекать в мирной обстановке, и совершенно другой, если будет иметь место полоса бурь и потрясений, которые сейчас надвигаются на нас. Но важно соотношение величин, важна рабочая гипотеза, связывающая осуществление этих

[1] По соображениям, связанным с сооружением канала Волга — Москва, Ярославская станция заменена Рыбинской.

[2] По выплавке чугуна СССР уже в 1935 г. оспаривал второе место у Германии, включая Саар; по выплавке стали — третье место; по добыче угля — четвертое место (после Германии, Англии и США); по тракторам — первое место в мире.

гигантских задач с предпосылками того уровня, при котором можно приступить к их осуществлению. Если такие уровни наступят ранее срока, тем лучше для нас. Однако ориентирующие расчеты не теряют попрежнему своего значения. Вот цифровые наметки того, что мы будем иметь в районах Волжского бассейна:

	I уровень	II уровень	III уровень
Каменный уголь (в млн. *т*) .	16,5	40	60
в % от СССР	11	13	14
Чугун (в млн. *т*)	1,6	7	10
в % от СССР	9	22	20
Машиностроение (в млрд. руб.)	4,7	13	25
в % от СССР	47	53	51
Химия (в млрд. руб.)	2,1	5.9	11,8
в % от СССР	7,0	59	59
Электрическая энергия (в млрд. *квтч*)	—	73	125
в % от СССР	—	71	69

Как бы ни был приблизителен этот расчет, он все же говорит о масштабе возможного строительства в бассейне Волги.

Все рабочие гипотезы, которые касаются такого прогноза, как прогноз генерального плана, все они, разумеется, очень трудны. Однако ни одна страна в мире не имеет такого опыта в этом отношении, какой имеем мы. Я особенно хочу подчеркнуть этот момент.

Когда мы составляли первый народнохозяйственный план, мы со всех сторон слушали упреки, что это «фантазия», «дикие расчеты» и что научная мысль отказывается слушать наши выкладки и наши расчеты. Действительность показала, что этот народнохозяйственный план был выполнен в более короткий срок. Порядок цифр, связанных со второй пятилеткой, является результатом гораздо более точного расчета и уже огромного исторического опыта. Те приблизительные расчеты, которые мы делаем в рабочей гипотезе Энергетического института Академии наук, — во всяком случае материал, к которому мы должны отнестись с глубочайшим вниманием. Огромные задачи, которые мы ставим перед собой в настоящей сессии, налагают на нас особую ответственность и прежде всего в том направлении, чтобы мобилизовать все доступные нам силы науки и техники.

По расчетам, которые мы здесь видели, уже совершенно ясно, какую огромную роль будут играть волжские сооружения и как велики те подъемы от этапа к этапу, которые мы намечаем на трех уровнях народного хозяйства. Но могут сказать таким образом: если бы иметь в виду расходы от 10 до 15 млрд. руб., то эта сумма уже сама по себе так велика, что бросайте вы ее в любых самых разнообразных направлениях (разумеется, при условии, что вы ее бросите с некоторым толком), результаты уже будут огромные. А вот нужно доказать, что именно эти направления являются решающими, наиболее эффективными. Это и есть задача нашей дискуссии.

Дело нашей дальнейшей работы посмотреть, что именно конкурирует, что в этих проектах является только вариантом, посмотреть и отдать себе отчет в степени риска при категорическом решении вопроса. Одно можно сказать, что если мы хотим израсходовать сумму в 15—20 млрд. руб. для гармоничного решения трех важнейших вопросов — сельскохозяйственного, транспортного и энергетического, то уже грубые подсчеты показывают, что эти расходы окупит в течение 10—12 лет одна только эксплоатационная экономия во всех отраслях — энергетической, транспортной и сельскохозяйственной. И если это так, если одна экономия в эксплоатационных расходах позволяет нам сократить амортизацию этих расходов до 10—12-летнего

срока, то это уже большой плюс: для амортизации такого рода вложений нужно всегда предвидеть срок не меньше, чем в 15—20 лет.

Вместе с тем становится совершенно ясным, что реализация проектов Большой Волги подразумевает известный нажим на юг и на юго-восток, гарантирующий некоторое опережение ими старых промышленных районов. Но это то, что вытекает из прямых слов гениального вождя нашей партии тов. Сталина, из его известного положения относительно того, что построить социалистический строй в СССР, создать разворот народного хозяйства, соответствующий нашей социалистической стройке, только опираясь на старые районы, мы не можем. Мы должны думать о более равномерном размещении промышленности по всей стране. Все это говорит о том, что такой нажим на разворот сил в юго-восточных и восточных районах совершенно закономерен.

Таковы общие предпосылки.

Теперь сосредоточим внимание на общей постановке вопроса о р е к о н с т р у к ц и и с е л ь с к о г о х о з я й с т в а. В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 22/V 1932 г. о борьбе с засухой и орошении Заволжья указывается, что для того, чтобы уничтожить засуху в Заволжье, нужно создать орошение с устойчивой пшеничной зоной на поливных землях. Была поставлена задача соорудить гидростанцию в районе Камышина с отметкой не выше 23—24 *м*, обеспечивающей орошение машинным способом площади в 4,3 млн. *га* в Средневолжском и Нижневолжском краях с захватом района от Самары на севере до параллели Камышина на юге.

Интересно проследить, какой в этом отношении мы имеем порядок цифр. Мы стоим на четвертом месте по количеству орошаемых земель. Китай имеет орошаемых земель 34 млн. *га*, Индия — 21 млн. *га*, США — 8,5 млн. *га* и СССР — 5—6 млн. *га*. Между тем, вся наша засушливая зона представляет около ¼ всей территории, в том числе свыше 60 млн. *га* у нас приходится на резко засушливый юго-восток. Население засушливой зоны составляет 31% всего населения СССР, а посев пшеницы — 46% от всей засеваемой пшеницы в СССР. Отсюда мы видим, что вопрос затрагивает судьбу почти половины пшеницы, производимой во всей нашей стране.

Наши общие перспективы орошения предусматривают цифру в 28 млн. *га*, причем на Заволжье падает всего 14% из этого фонда, но эти 14% земли наиболее ценны по своему географическому положению.

Уже Всесоюзная конференция по борьбе с засухой в 1931 г. установила, что на каждый день человеко-труда на орошаемых полях приходится в четыре раза больше продукции, чем на землях неорошаемых. Урожай на орошаемых землях, повидимому, будет составлять от 22 до 35 *ц* с гектара, общий сбор Заволжья составит 5 млн. *т* товарной пшеницы.

Наряду с этим правильное решение вопроса одновременно преобразит пустыню, которая тянется к нам от Азии через Волго-Каспий и наносит нам громадный ущерб.

Одним из центральных вопросов является вопрос о методах, которыми мы будем производить ирригацию. Будет ли это повторение длительной истории орошения нашей Средней Азии, где мы шли прежними способами, модернизируя только старую систему, или правы те, которые говорят, что эта система уже отошла в прошлое и что теперь мы должны итти по линии дождевания. А если это так, то не потребуют ли эти земли электрокультуры?

Перед нами целый ряд вопросов, разработка которых потребует работы наших опытных станций. Если мы имеем в виду орошение земель в ближайшую же очередь в количестве свыше 4 млн. *га*, то спрашивается, какие земли нужно иметь в виду и где, в каком районе, употребление народнохозяйственных средств будет наиболее благонадежным? Будут ли это земли, которые расположены ближе к Камышину, или же, если мы пойдем от мощ-

ных электрических станций, как Самарская и волго-донские, притом с электродождеванием, подходящей для орошения будет прибрежная полоса более черноземных земель, которой засуха приносит наибольший имущественный ущерб? Или, быть может, это будут каштановые земли, которые лежат в районах, более удаленных от Волги, спускающихся к югу? Наконец, может быть все эти предположения неверны и надо приближаться как можно ближе к пустыне, т. е. начать работу в наиболее отдаленных районах.

Экспедиции, которые организовала Академия наук, несомненно, дадут многое для решения этого вопроса; однако совершенно очевидно, что для уточнения его нам предстоит еще много и много поработать.

Теперь несколько слов относительно тех специальных задач, которые стоят перед нами при решении транспортной проблемы Большой Волги.

Подходя к проблеме транспорта, мы всегда ставим один вопрос: какие же идеи конструктивного порядка необходимо вложить в конфигурацию огромной транспортной сети, где на первом плане мы имеем сплетение железнодорожных и водных путей. Я должен сказать, что эта часть до сих пор страдает именно отсутствием устойчивого конструктивного подхода; тем не менее, становится все более и более ясным, что одна идея является доминирующей. Это — концепция *могучего транспорта в широтном направлении от Москвы до Владивостока — преобразование великой Сибирской магистрали в мощную железнодорожную сверхмагистраль*. Возможно это будет не одна нить, возможно (по крайней мере, материалы второй пятилетки об этом уже говорят) это — двойная нить, к которой на побережье Тихого океана примкнет и третья.

Основная идея транспортной концепции — прорезать всю страну, прорезать Евразию, которая так удалена от морских границ, так страдает от того, что ее северные очертания неудобны для морского транспорта, а на юге отсутствует примыкание к морям, прорезать ее в одном из центральных направлений мощной широтной железнодорожной сверхмагистралью или рядом сверхмагистралей. Если эта идея верна, то ей-то как раз вполне корреспондирует и соответствует реконструкция водного транспорта, который своими меридиональными линиями рек примыкает к этим широтным сверхмагистралям. Трудно с этой точки зрения переоценить значение огромных меридиональных линий, которые мы имеем в этой транспортной системе: и в Волге и за Уральским хребтом, в системе Оби и Иртыша, в Енисее и Лене.

Какие же масштабы транспортных услуг предвидим мы от этой магистрали? Проф. Ризенкампф, доклад которого нам предстоит заслушать, оценивает пропускную способность (грузооборот) по волжской водной магистрали в 150 млн. — 200 млн. *т*. Кто знаком с расчетами грузопотоков, тому эта мощная цифра говорит сама за себя. Другие расчеты, которые сейчас еще очень приблизительны, говорят нам о том, что по этой волжской магистрали на первых порах попрежнему будут прежде всего курсировать лесные грузы и нефть. К 1942 г. ниже устья Камы должно сосредоточиваться около 19 млн. *т* лесных грузов, из которых подавляющая масса — 18 млн. *т* — идет с Камы. Нефтяной поток в связи с распределением нефтеперегонных заводов на Волге в количестве примерно 19 млн. *т* с лишним сосредоточится у устья Камы, причем в Астрахани этот поток будет достигать 28 млн. *т*.

Эти два потока наряду с хлебом, солью, рыбой и местными минеральными и строительными материалами образуют устойчивые грузы Волги, составляющие основной фонд ее работы.

Еще есть один момент, имеющий громадное значение. При рассмотрении второй пятилетки мы видим, как нужды железнодорожного транспорта заставляют нас вновь и вновь рассматривать вопросы переброски угля из Донецкого бассейна на север, в такие центры, как Ленинград и Москва.

Ленинградцы на своем опыте знают, что означает дефицит таких грузов, как уголь. Новая магистраль, которая идет через Воронеж, подкрепит этот угольный транспорт. Известен ряд проектов реконструкции наших железнодорожных линий в целях поддержки снабжения донецким углем наших старых промышленных районов. Изыскания в Донецком бассейне и дальнейшее развертывание связи Волги с Доном, включение в эту транспортную сеть движения угольного потока к Волге, подъем волжских городов и их индустриализация — все это находится в теснейшей связи. Это говорит о том, что наряду с перечисленными грузами уголь приобретает особые права.

Будучи первой страной по производству торфа, мы имеем перебои с торфом и вынуждены были смешивать торф с углем; но, быть может, это будет правильнее делать не в виде заплат при нужде, а заранее проводить расчет на некоторое смешение угля и торфа.

Подходя к вопросам реконструкции волжского транспорта, необходимо исходить из известной глубины фарватера. Здесь борются различные точки зрения. Однако большинство работников утверждает, что примерно 3,5 *м* глубины дают возможность обеспечить грузоподъемность нефтяных судов в размере 17—18 тыс. *т*, а для сухогрузов — от 4 до 8 тыс. *т* и тем самым экономически устраивают нас, ибо дают возможность иметь тариф для далеких расстояний от 0,1 до 0,2 коп. за тоннокилометр в ценах 1932 г.

Однако помимо приведенных соображений следует принять во внимание и ряд других моментов, диктующих необходимость ориентироваться на большую глубину — от 4 до 4,5 *м*.

По транспортной магистрали Волги во всех наших работах с самого начала мы имели в виду развитие электрической сети и электрических станций. Если вы возьмете старый проект Гоэлро, то увидите, что по всему течению Волги была предположена специальная электрическая сеть. Ныне мы видим, как транспортное строительство Волги сочетается в одно неразрывное целое с постройкой огромных индустриально-энергетических центров. В среднем и нижнем течении Волги намечается шесть основных узлов — Ярославль, Горький, Казань, Самара, Саратов, Сталинград.

Ярославль, Горький и Самара играют вместе с тем особенную роль, как гидроэнергетические опорные пункты[1].

Особое внимание нам придется обратить на позицию Самарского центра по совершенно ясным соображениям. Во-первых, транспортная ситуация его исключительна: близость к северному Уралу и непосредственное соседство с южным Уралом. Вспомните, какие ресурсы дает Орско-Халиловский район. Акад. Губкин подробно ознакомит вас с тем, что представляет собой восточная нефть Эмбинской базы, находящаяся в прямой связи со всем Орским строительством. Широкая связь Самары с Уралом, Казахстаном, возможность передавать продукцию по железнодорожным линиям Самара — Рязань — Москва, Самара — Пенза — Тамбов с дальнейшими выходами на Орел — Брянск — Курск — Киев и на Харьков, а также по водным и железнодорожным путям и в другие точки Союза — все это рисует исключительное транспортное положение Самары. Во-вторых, огромное значение приобретает совершенно исключительный гигант — Самарская гидроцентраль с ежегодным производством от 8 до 9 млрд. *квтч*, плотина которой так прорезает магистраль Волги, что волжский путь сокращается на 150 *км*.

Надо нам также поставить вопрос о том, выгодно ли сульфидные руды Урала обрабатывать на Урале или широкую переработку железистых огарков сульфидных руд Урала с широким производством черного металла и серной

[1] Кроме этих опорных пунктов, из которых Ярославль, как уже указывалось выше, заменен Рыбинском, в верховьях Волги и на Оке запроектирован ряд более мелких станций (Вальковская, Угличская и др.).

кислоты следует поставить именно в Самаре. В Самаре же налицо естественная база для размещения электроемких производств — алюминия, синтетического каучука и электролиз меди. Таким путем здесь создается одновременно и база для квалифицированного машиностроения. Сланцевая промышленность, нефтеперегонка и химическое использование газов — также несомненные составные элементы будущего мощного самарского машиностроительного и химического индустриального центра.

При подходе к чисто энергетическим, вернее, транспортно-энергетическим, вопросам Волги вам придется вникнуть в дискуссию особого порядка. Есть два направления в этом отношении. Система свободной Волги или система преграждения Волги рядом плотин, превращение ее в ряд озер — таковы возможности. В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на один момент. У нас имеется хотя и небольшой, но очень существенный доклад проф. Вознесенского. При рассмотрении вопросов Большой Волги мы все-таки первоочередной задачей ставим борьбу с засухой, борьбу с суховеем, борьбу с языком пустыни. Проф. Вознесенский говорит, что лучшим борцом с этим языком пустыни является Каспийское море. Если бы мы понизили уровень Каспийского моря примерно на 3 м, то, по мнению проф. Вознесенского, мы не только не защитили бы сельское хозяйство от ударов суховея со стороны Азии, но открыли бы ему ворота на все равнины Северного Кавказа и Украины. Эта проблема заслуживает еще большего внимания, чем тот удар по рыбоводству, который мы делаем, если сократим размеры весенних волжских паводков и понизим уровень Каспийского моря настолько, что питание рыбы на мелких местах (это является одной из основ каспийского рыбного дела) будет исключено.

Так или иначе мы имеем два подхода к транспортно-энергетическим вопросам Большой Волги.

Работники, защищающие в интересах энергетики систему озерных звеньев Волги, систему элементарного плотинного подхода к реконструкции, признают положение, что через ряд лет зеркало Каспия действительно понизится. Но они считают, что это произойдет через 50—100 лет; но тогда ведь будут другие общие условия, и об этом в настоящее время не стоит думать.

Проект создания такой Волги, когда в верховьях реки и ее важнейших притоков будет сооружен ряд плотин, частично перекрывающих водоразделы этого бассейна и соседних с ним, будет сооружен Волго-Донской канал не только для транспортных целей с устройством большого водохранилища на Дону, но и для целей энергетических с мощной гидроэлектроцентралью у волжского конца канала, предполагает освобождение от плотин потока Волги на всем протяжении ниже Балахны и на Каме — ниже Перми.

Другие говорят, что нужно расположить электрические станции в крупнейших городах и превратить Волгу в систему озер.

Преимущества свободной Волги, по мнению сторонников первого варианта, — создание связей между ее бассейном и соседними речными бассейнами, связь этой реки с морями во всех направлениях, сохранение всей воды Волги, понижение расхода воды, которое вредит уровню Каспия, большая обеспеченность рыбного хозяйства в низовьях Волги, относительно меньший ущерб от затопления, большие возможности использования ценных земель. При этом возникает необходимость построения целого ряда станций не только гидроэнергетических, но и тепловых в различных точках будущей единой высоковольтной сети, притом не по одной линии Волги, что также имеет свои преимущества.

Что говорят сторонники другого варианта? Они утверждают, что система высоких водохранилищ на водоразделах очень тяжела, трудна и очень дорого будет стоить (никто этого еще не подсчитал). Они утверждают также, что построение Волго-Донского канала для целей энергетики очень дорого

обойдется, Камышинская станция будет стоить дешевле. По их мнению, поток электрической энергии, получаемый при системе плотин, гораздо больше, чем в системе свободной Волги. Они, наконец, утверждают, что водный путь при озерных звеньях может иметь большие глубины.

Как видим, налицо определенная дискуссия.

Энергетический институт Академии наук СССР защищает позицию комбинированного варианта. Он считает, что необходимо строительство водохранилищ на Верхней Волге и ее притоках. Необходимо так называемое «северное питание» и сверх того строительство крупных плотин ниже Горького — на Волге и ниже Перми — на Каме. Этот вариант значительно повышает эффективность гидроэлектростанций на Волге, увеличивая их отдачу энергии за счет отпусков из верхних водохранилищ, и одновременно увеличивает возможность маневрирования мощностями агрегатов, устанавливаемых на гидроэлектростанциях.

Мы перехватываем тот поток вод, который несется в Северный океан по пространствам, страдающим от избытка влаги, и эту драгоценную влагу бросаем на юго-восток Волги. При этом мы не только не понижаем уровня Каспийского моря, но будет иметь возможность маневрировать водными запасами.

Итак, вопросы, выдвигаемые проблемой Большой Волги, очень сложны, и над ними надо много подумать, прежде чем высказать окончательное коллективное мнение.

Мне остается еще сказать немного. Наши крупные электротехники, когда они думают о волжских гидроэлектрических станциях, утверждают, что подобно тому, как в наше сознание со все большей и большей ясностью внедряется необходимость огромного транспортного строительства от Москвы до Владивостока, также все яснее и яснее становится необходимость разворота гигантской электрической сверхмагистрали от Москвы по всем линиям Волги со всеми разветвлениями на Урал и прилегающие районы. Эта огромная сверхмагистраль на первых порах может вполне удовольствоваться напряжением в 220 *кв*. Тогда же, когда будет включен Южный Урал, это напряжение нужно будет поднять до 380 *кв*.

Капиталистический мир сейчас находится в этом отношении в состоянии отступления. В то время как фашисты насильственно изменяют направление германской науки и техники, строивших всю электросеть на районных станциях, не стесняющихся порой национальными границами, и стараются замкнуться в узкие рамки локального электроснабжения, мы продолжаем итти неуклонно вперед, попрежнему делая ставку на создание огромных межрайонных узлов.

Итак, мы за единую высоковольтную сеть страны, мы за создание в этой сети могучих электропередач. Среди этих межрайонных узлов в концепции Большой Волги резко выделяются три узла с высоким народнохозяйственным значением. Это, во-первых, узлы, которыми создается мощный гидроэнергетический резерв энергии на станциях Московской и Ленинградской энергетической системы — группа валдайских электроцентралей.

Следующий узел, конкурирующий по своему народнохозяйственному значению с первым, — это узел самарской централи на стыке электроэнергетических систем Центрально-Промышленного района, Поволжья и Урала. Наконец, третий узел — это узел волго-донских станций, находящийся на стыке электроэнергетических систем Поволжья и Донбасса.

По мере того, как дальше идет строительство социалистической страны, по мере того, как человек подходит все с большей и большей заботой к судьбам грядущих поколений, для него все возрастающую ценность приобретает та энергия, которая получается из вечных ее потоков, из возобновляемых энергетических источников.

У нас сейчас фактически имеется два таких энергетических крыла —

то, что мы получаем от водных потоков, и то, что мы получаем от ветра. Наше строительство должно показать, что именно в наших условиях и ветроэнергетика и гидроэнергетика получают новые возможности для своего рационального разворота.

Придется подумать относительно еще одного момента. До сих пор мы шли вперед путем тепловых конденсационных станций. Гидроэлектрическое строительство внедрилось в нашей стране, когда конденсационная турбина была доминирующим фактором. Первый шаг в области теплофикации уже сделан, и сейчас мы идем широким фронтом по этой линии. В наших огромных промышленных комбинатах мы должны эту линию теплофикации всемерно поддерживать, потому что это есть экономия решающих ресурсов — прежде всего экономия транспорта в перевозках топлива, это линия защиты от транспортного срыва и вместе с тем это [illegible] линия рационализации использования наших топливных ресурсов. Поэтому мы утверждаем, что должны строить гидроэлектрические станции так, чтобы киловатт последней замещал киловатт конденсационной турбины. Таковы линии энергетической политики, которая стоит перед нами.

В заключение я хочу сказать, что если бы нам немногие годы тому назад стали докладывать перспективы расходования 15—20 млрд. руб. и оратор стал бы говорить о таких станциях, как Самарская, Камышинская, о транспортных заданиях, при которых мы предполагаем весь поток Волги превратить в магистраль глубиной свыше 4 *м*, о перспективах сверхмощной волжской энергетики, то ему, вероятно, сказали бы: «Славны бубны за горами» — все это мечтания. Но я надеюсь, что в результате серьезного научного изучения этого вопроса вы увидите, что это не сказка, а быль, что мы, наоборот, в первой оценке, вероятно, преуменьшаем те силы, которыми располагаем.

Мы полны неуклонной уверенности, что такой подъем, такой разворот Большой Волги, который намечается, приличествует нашей стране, которая, опираясь на все завоевания науки, исполняет заветы величайших вождей пролетариата и всего человечества Ленина и Сталина.

ПРОБЛЕМА БОЛЬШОЙ ВОЛГИ [1]

«Эх ты, Волга-мать река,
Широка и глубока...
Эй, ухнем!».

Увы, я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет; густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою.
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Некрасов.

Ноябрьская сессия Академии наук была целиком посвящена вопросам социалистической реконструкции огромных приволжских районов. Основная сила нашей Всесоюзной Академии — сочетание в ней крупнейших научных сил в самых разнообразных областях знания. Основная трудность при выработке общего плана социалистической реконструкции Поволжья — чрезвычайная сложность привходящих сюда вопросов. Постановления правительства и партии, выдвинувшие задачу механизированного поливного земледелия в Заволжье, сооружение в ближайшие годы целого ряда крупных гидроэлектрических станций на Волге, предопределившие пятиметровую глубину для судоходного тракта наших важнейших волжских артерий, уже ясно намечают основные контуры волжской проблемы. Энергетика, транспорт, ирригация — это как бы три основные координаты, формирующие основную сущность всего переустройства Поволжья. Но при научном обследовании каждого из этих трех направлений мы немедленно наталкиваемся на многочисленнейший ряд факторов, и трудно сказать, какая из областей науки и техники может оказаться в стороне при решении проблемы такого масштаба и такого качества, какой является проблема Большой Волги. Вот почему и Академии наук — учреждению, которое по своей научной вооруженности является наиболее подходящим для комплексного выяснения сложнейших народнохозяйственных проблем, для наметки плана

[1] Статья, напечатанная в журнале «Большевик» № 23, 1933 г.

своих работ по реконструкции Поволжья тотчас же пришлось искать подкрепления. На этом пути она немедленно встретила горячий отклик всей нашей советской общественности. В ноябрьской сессии кроме самых разнообразных добровольцев, отдельных научных работников, пожелавших принять участие в ее работах, кроме отдельных работников, приехавших защищать близкие им интересы различных поволжских районов, широко были представлены также делегаты от стотысячной армии организаций НИТО, т. е. от научно-инженерно-технических обществ, и десятки самых разнообразных учреждений и организаций. Отчеты секций показывают, что нередко в обсуждении отдельных задач принимали участие представители от 20 и 30 таких организаций.

Неделя напряженной работы, проходившей даже и в секционных специальных заседаниях нередко с большим подъемом, позволила определить лишь основные контуры предстоящих нам в Поволжье задач, подойти к великой проблеме Большой Волги *лишь в порядке первого приближения*. И, тем не менее, нельзя не признать, что значение ноябрьской сессии Академии наук исключительно. Вся обстановка сессии свидетельствует не только о наличии у нас крупнейшего актива научно-исследовательских сил, но и о его подъемном настроении. С таким активом мы можем развернуть любое наступление по самым разнообразнейшим заданиям нашей великой социалистической стройки. Умелое использование такого актива обеспечивает нам свою полосу великих работ — *полосу великих работ в области науки и техники*. Сбывается предвидение тов. *Сталина* о том, что ни одна из стран мира не обладает такими положительными данными для научного и технического творчества, как СССР.

Нет никакой возможности исчерпать в краткой статье, хотя бы и бегло, сущность тех 69 докладов, которые были представлены на ноябрьской сессии. Мы намерены здесь остановиться на самом существенном и первоочередном.

В. И. Ленин предвидел, что наша великая пролетарская революция повлечет за собой резкий перелом в жизни необъятных сибирских пространств. Он предвидел, что хозяйственный подъем Сибири последует в таком случае американскими темпами. За 10 лет без Ленина мы сделали огромный бросок наших сил на Урал, как в преддверие Сибири, и на самую Сибирь. Перед нами — уже готовые цитадели индустриализации на Урале: от ее основных гнезд на севере Камы, в Свердловске, и до Челябинска. Разворот наших работ по гигантским линиям Урало-Кузбасского комбината известен всему миру. И, взглянув на карту европейской части России, сосредоточивая свое внимание на ленте Волги, величайшей реки Европы, мы сразу же видим, что подобно тому, как в старые годы Днепр был историческим путем «из варягов в греки», Волга в наши дни является *величайшей артерией социалистической индустриализации нашего гигантского Востока*.

Дело не только в том, что приволжские районы охватывают 14,3% территории СССР и что здесь сосредоточено 49% населения Союза. Суть в том, что само географическое положение Волжского бассейна так же исключительно, как *исключительны его транспортные, энергетические и основные хозяйственные показатели*. На северо-западе — тесная смычка и прямое врастание в наши ударные, решающие индустриальные центры: Ленинградский и Московский старопромышленные районы. На обрыве верхнего звена — мощная опора на быстро развивающиеся новые колоссы СССР — индустриальные гнезда Ярославля и Горького. Таким образом верховья Волги в индустриальном отношении вооружены максимально. Через Каму Волга получает мощнейшую меридиональную смычку с районами Урала. Зигзаг Самарской луки с примыкающим к нему громадным узлом железнодорожного транспорта невольно приковывает наше

внимание к самарскому центру, этому сердцу Поволжья, с возможностями его исключительного, командного положения как в направлении Среднего и Южного Урала, так и в направлении Средней Азии, а на запад и северо-запад — к центру страны. Наконец, как раз у мощной новоиндустриальной цитадели — Сталинграда — непосредственная смычка с многообещающим восточно-антрацитовым районом Донбасса. Недаром Ленин считал Волго-Донской канал «могучим транспортным рычагом, который перевернет всю экономику отсталых районов нашего юго-востока». Далее, Астрахань с ее знаменитыми рыбными промыслами, дающими 1/3 всей рыбной продукции СССР, но исключительную по своему качеству треть, занимающими полуторастотысячную армию трудящихся и обеспечивающими уже на нынешнем этапе ежегодный доход порядка не ниже 100 млн. руб. И наконец, — гигант Каспий.

Можем ли мы сказать, что нам доподлинно известны природные ресурсы районов, примыкающих и явно тяготеющих к могучей Волге? Конечно, нет.

На ноябрьской сессии Энергетический институт Академии наук демонстрировал специальную карту природных ресурсов Поволжья, подводящую итоги всему тому, что нам известно в этом отношении. Мы имеем здесь прежде всего громадные фонды пашни, исчисляемые цифрой порядка 64,6 млн. *га*, что дает около 20,5% от СССР. Здесь же налицо значительные площади кормовых угодий: сенокосов 8,9 млн. *га* (17,1% всех сенокосов СССР), выгонов 9,6 млн. *га* (19,6% от СССР), крупных лесных площадей около 67 млн. *га* (11,9% от СССР). Наконец, мы имеем право считать, что здесь сосредоточены примерно 3/4 залегания горючих сланцев всей нашей страны, около половины торфяных угодий, около 1/4 железных руд, свыше 85% фосфоритов и весьма значительные доли общесоюзных богатств меди, никеля, серы, разнообразных запасов солей, не считая примыкающих сюда каменноугольных сокровищ восточного Донбасса.

Однако о чем свидетельствует наша недавняя разведка железных и полиметаллических руд Орско-Халиловского района? Она говорит прежде всего о том, что мы еще очень мало знаем подлинную мощность таких природных ресурсов нашей страны, которые находятся в непосредственной близости с обжитыми районами. О чем свидетельствуют наши нынешние данные об исключительных по своей мощности и высококачественности железорудных залеганиях в районе так называемой Курской аномалии? Или происшедшая на наших глазах переоценка наших нефтяных ценностей? Разве не говорит все это, что мы находимся здесь лишь на первых этапах нашего социалистического наступления на тайны природы?

Академиком И. М. Губкиным был сделан на сессии интереснейший доклад о промышленном освоении Урало-Эмбенского нефтеносного района в связи с проблемой Большой Волги. Тов. Губкин свидетельствует нам, что огромный Урало-Эмбенский нефтеносный район и новые нефтеносные районы западного склона Урала (Стерлитамакский, Чусовской, Карповский и др.) в связи с новейшими данными, нащупавшими уже в Сызрано-Ставропольском районе два нефтяных пласта, гарантируют нам возможность создания мощной нефтедобывающей базы для всего востока Союза ССР. Значение этого фактора трудно переоценить.

Во всяком случае мы не сделаем никакой ошибки, сказав, что если Волга в прошлом была могучей «крестьянской рекой», то Волга завтрашнего дня, оставаясь осевой линией колхозов и совхозов европейской части СССР, имеет особые «качества» для такого подъема своих совхозов и колхозов, который фактически превращает само сельское хозяйство в специальную разновидность индустрии, ликвидируя тем самым основные разрывы между городом и деревней. И любопытно было видеть, как самые разнообразные доклады ноябрьской сессии, представленные энергетиками, гидротехни-

ками, транспортниками, геофизиками и геохимиками, и как трактовка самых специальных вопросов в сельскохозяйственной секции сессии различными путями приводили к этой центральной позиции.

ВОЛГА И ТРАНСПОРТ

Уже Энгельс отмечал в свое время неизбежность иного подхода к проблемам транспорта для общества, живущего по социалистическому плану, по сравнению с обществом капиталистическим. Он предвидел, что если при капиталистическом строе особого транспортного размаха достигает морской водный путь, то при строе социалистическом не менее величественный размах приобретут и железнодорожные пути. Социалистическое наступление на Сибирь на наших глазах заставляет крепить наши связи с Дальним Востоком развитием гигантских широтных железнодорожных линий.

В настоящее время мы уже вынуждены форсировать Арктику в борьбе с дефектами полярных морей и отсутствием свободного мореплавания к Берингову проливу. Известно, что технико-экономический анализ гарантирует при такой обстановке исключительные преимущества мощной широтной железнодорожной магистрали при превращении ее в электрифицированный транспорт. Во всяком случае бассейны Волги, Обь — Иртыша и Енисея уже и в настоящее время скрещиваются с существующим широтным железнодорожным транспортом Великой сибирской магистрали. Значение такой смычки железнодорожного и водного транспорта прямо пропорционально мощности грузопотоков, характеризующих тот и другой в данный момент. С этой точки зрения значение меридионального водного пути Волги при перекресте его широтными железнодорожными линиями исключительно.

Исключительное географическое положение волжского потока обеспечивает ему сравнительно легкую прямую смычку со всеми морями, омывающими Союз ССР. История гидростроительства на Волге пронизана исканиями такого рода. Мариинская система обеспечивает смычку Волги с Балтийским морем. Многовековая история уже связана с поисками Волго-Донского соединения, дающего смычку Каспийско-Волжского бассейна с Черным и Азовским морями. С такой же четкостью намечено соединение Балтийского моря с полярными морями. Система Исети и Чусовой преодолевает Урал. Таким образом рационализация речного волжского транспорта теснейшим образом связана с его трансформацией в комбинированный вид морского и речного транспорта с совершенно исключительными возможностями широчайших транспортных связей.

На сессии были демонстрированы карты, составленные соединенными усилиями работников Энергетического института Академии наук и Гидроэлектропроекта, характеризующие грядущую динамику грузопотоков на Волге. С громадной вероятностью можно утверждать, что в период ближайших двух пятилеток транспортная работа Волги может быть исчислена цифрой в 100 млрд. *ткм*, по мощности своей устанавливающая мировой рекорд. И этому не приходится удивляться. Уже в настоящее время по своей транспортной работе Волга является первой рекой мира.

Напомним, что пропускная способность Сибирской магистрали определялась при ее сооружении в 32 млн. *т*. Пропускную способность реконструированной Волги можно оценить цифрой порядка 200 млн. *т*. Германия по праву гордится своим рациональным речным водным транспортом, который приводился в порядок трудами целых веков. Вся германская система рек характеризуется в настоящее время суммарной работой, исчисляемой в 24—25 млрд. *ткм*. Уже нынешняя Волга, искалеченная перекатами,

с нормирующими глубинами на своих различных звеньях всего в 1,5—2 *м*, совершает работу в 26—27 млрд. *ткм*, т. е. перекрывает всю суммарную работу германских цивилизованных рек. Нынешние нефтеналивные суда на Волге со своим тоннажем в 12 тыс. *т* уже являются величайшими судами мирового речного транспорта.

Доклады работников Гидроэлектропроекта и Наркомвода, дававших первую наметку основных линий транспортной реконструкции Волги, наглядно показали сессии всю сложность разрешаемых задач и всю громадную ответственность перед страной при наметке здесь твердого строительного плана. Во всяком случае здесь прежде всего приходится решительно отбросить всякого рода рассуждения относительно явного отступления позиций водного транспорта перед позициями транспорта железнодорожного, якобы первенствующего по своему постоянству и по своим скоростным показателям. Ссылки на пример Америки здесь совершенно неубедительны по двум обстоятельствам: во-первых, железнодорожная сеть Америки со своим колоссальным параллелизмом, по свидетельству самих американцев, является разительной иллюстрацией хищнического расточительства народных ресурсов, рожденного капиталистической анархией и конкуренцией; во-вторых, анализ судеб водного американского транспорта при ближайшем рассмотрении отнюдь не приводит к отрицательному выводу о его дальнейших перспективах.

Совершенно ясно, что центр тяжести транспортной проблемы находится в рациональном комбинировании и правильной сложной кооперации всех видов транспорта, т. е. железнодорожного, водного, шоссейного и воздушного. Громоздкие и малоценные грузы — незаменимая специфика водного транспорта. В «полосу великих работ» трудно переоценить значение таких грузов, а следовательно, и значение волжского транспорта. Комбинированная железнодорожная и речная система может превосходно справиться с зимовкой наших рек.

Наш нынешний подход к сезонной нагрузке электрических станций, к включению разнообразных сезонных производств в общий технологический котел страны наглядно показывает, какой дорогой мы здесь пойдем. И подобно тому, как гидроэлектрические станции незаменимы по своей энергетической роли и по своим эксплоатационным преимуществам в сотрудничестве с разнообразными типами тепловых станций, подобно этому незаменим и водный транспорт в комплексе разнообразных видов транспорта. А транспортные показатели Волги таковы, что на долгий срок ей обеспечена первенствующая роль не только среди европейских рек, но и для всей Евразии.

В материалах ноябрьской сессии мы имеем богатейшие цифровые иллюстрации такого положения, на которых мы здесь не имеем возможности останавливаться.

Существует ряд факторов, предопределяющих линии рационализации речной транспортной системы. Эти факторы: увеличение глубин, выпрямление фарватера и др. Несомненно, что особо доминирующее значение имеет первый фактор, ибо он бьет в данном случае по основному недугу Волги. В атаку в этом направлении мы можем итти также тремя путями: форсированием землечерпания, устройством плотин и регулярными попусками воды из специальных водохранилищ, сооруженных в верховьях реки и ее важнейших притоках. Нормирующая глубина предопределяет предельную мощность соответствующего судостроения, а следовательно, и основные показатели экономической эффективности речного флота. Расчет усложняется исключительным оборонным значением волжской оси, целым рядом особых требований, идущих с этой стороны.

Доклады, которые мы выслушали на сессии Академии наук, показали нам, что здесь приходится итти путем сопоставления самых разнообразных

вариантов, причем на первом туре дискуссии выяснилось, что к глубине волжского фарватера в 5 *м* (таких нормирующих глубин не знает ни одна река мира) мы можем подойти, лишь предварительно обеспечив себе этап с нормирующей глубиной волжского пути в 3½ *м*. Уже эта глубина превращает Волжскую магистраль в подлинно мировую сверхмагистраль и обеспечивает себестоимость волжских перевозок для основных массовых грузов, перевозимых на далекие расстояния, в ценах 1932 г., всего от 0,1 до 0,2 коп. за тоннокилометр, т. е. побивает по своей дешевизне и электрифицированный железнодорожный транспорт. Можно доказать, что такая глубина могла бы быть обеспечена системой так называемой свободной Волги при отсутствии плотин с помощью попусков воды из специальных водохранилищ в верховья реки при умеренном вмешательстве землечерпания. Можно доказать, что по капитальным затратам такой путь был бы особо дешевым и что со своей технической стороны он не представляет особых технических затруднений. Однако мы не можем отказаться от Волги, как от гиганта гидроэлектроэнергетики, и отказаться от дальнейшего увеличения ее глубин.

Американская практика неряшливого сооружения гидростанций в русле больших рек наглядно показывает, с какой осторожностью надо итти по этому пути. Дискуссия ноябрьской сессии показала, что система «озерной» Волги, которая может получиться при неосмотрительном перегораживании реки рядом мощных плотин, чревата своими бедами. Прежде всего здесь надо иметь в виду, что обстоятельства ледостава и ледохода на Волге при наличности таких предплотинных озер резко изменятся и изменятся в отрицательную для транспорта сторону, значительно сокращая сроки судоходства. Тем не менее, основной вывод таков, что рациональная транспортная реконструкция Волги с наибольшим совершенством разрешается лишь правильным комбинированием водохранилищных попусков, плотинных устройств и землечерпания. Наметить правильные вехи такого комбинированного строительства под силу лишь мощному коллективу транспортников, гидротехников, энергетиков и экономистов, который должен в этом направлении срочно мобилизовать свои силы.

ИРРИГАЦИЯ ЗАВОЛЖЬЯ

Уже в первом генеральном плане, созданном под непосредственным руководством Ленина, мы отмечали, что сельское хозяйство волжских районов является одновременно и нашей основной житницей и основной базой нашего животноводства. В специальном трактате (выпущенном еще при Ленине и переведенном на иностранные языки[1]), посвященном нашим методам борьбы с засухой, мы доказывали, что ирригация Заволжья может сделать этот край не только житницей СССР, но и житницей мира. Постановлением правительства и партии от 22 мая 1932 г., наметившим орошение машинным способом площади в 4—4,3 млн. *га* в Заволжье с охватом районов от Кинель — Самарка на севере и до параллели Камышина на юге, открывается наш великий ирригационный поход. По количеству орошаемых земель СССР стоит на четвертом месте в мире: Китай — 34 млн. *га*; Индия — 22 млн. *га*; США — 8,5 млн. *га*; СССР — около 5 млн. *га*. Засушливая зона составляет около 25% всей территории СССР — 546 млн. *га*. Из этого количества около 62 млн. *га* приходится на резко-засушливый юго-восток. Население этой зоны составляет 31% населения СССР, а засушливая площадь — 28% всей посевной площади. Что же касается пшеницы, то ее посевы в засушливой области составляют 46% пшеничных посевов СССР. Уже один

[1] Речь идет о сборнике «Восстановление хозяйства Юго-востока», Москва, 1921.

этот факт показывает, какую роль играет ирригация Заволжья в обеспечении прочного пшеничного фонда.

Мы все знаем, как бьет нас «язык пустыни» — убийственный суховей из Арало-Каспийской низменности, роковым образом снижающий весь наш хлебный баланс. Ирригация Заволжья — первая лобовая атака на этого нашего векового врага. Ни на минуту не надо упускать из виду, что самые рациональные системы так называемого сухого земледелия как раз пасуют перед сильным натиском суховея. Они являются лишь необходимыми методами борьбы со средними нормами засушливости. От засухи так называемых голодных лет они не спасают. В эти годы нет возможности накопить снеговую влагу, ибо таковой недостаточно. Выполнение заданий партии и правительства сразу удваивает фонд наших поливных земель и ставит нас по этому фонду в мировом счете выше США. Без орошения мы имеем на землях Заволжья среднюю урожайность в 6,5 *ц* с гектара; с орошением мы вправе уже рассчитывать на урожай до 20—25 *ц*, т. е. более, чем на учетверенный сбор. На сельскохозяйственной секции ноябрьской сессии, привлекшей к себе особо многолюдное участие самых разнообразных организаций и учреждений, работающих в области сельскохозяйственных задач, вопросы, связанные с орошением Заволжья, были предметом многосторонних дискуссий.

В докладе академика Келлера[1] подводились итоги обширной экспедиции Академии наук в Заволжье по изучению ее растительного покрова и почвенных свойств. Эта экспедиция констатировала, что Каспийская низменность находится в процессе рассоления, в свою очередь находящегося в разных стадиях на различных участках этой низменности в зависимости от характера почв. Опасность обратного процесса засоления почв, на которую мы наталкивались неоднократно, при нынешней практике ирригации с ее стародавним арычным способом должна быть здесь сугубо учтена. Современные методы полива путем механизированного дождевания сконцентрировали около себя группу горячих защитников. Выяснилось, однако, что решение спора возможно только путем постановки специальных долгосрочных опытов.

Исключительный интерес вызывают основные положения доклада А. В. Вознесенского, анализирующего причины недостатка насыщения воздуха влажностью на побережьях Каспийского моря. «Большой язык усиленного недостатка влажности, вытянутый на запад, отмечает на северном берегу Каспия иссушающее действие азиатских пустынь. Он протягивается по низовьям Волги и затем далеко по Черноморскому побережью на Украину. Этот выступ недостатка насыщения указывает путь суховеев, весенних пыльных бурь и пр.». А. В. Вознесенский утверждает, что «будущее Нижневолжского края, северокаспийских и донских степей охраняется Каспием. Но северная часть его мелководна и уже в настоящее время заметно мелеет год от года. При дальнейшем обеднении воздуха влагой и при всяком, даже ничтожном, понижении уровня Каспия влияние азиатских пустынь скажется еще более резко».

Водный баланс Каспийского моря в связи с Большой Волгой был подвергнут специальному разбору в докладах Брегмана, Михалевского и Ризенкампфа. Речной сток в Каспийское море дает примерно 70,7% его водного актива. Среди всех этих рек Волга имеет решающее значение, ибо слой ее стока на зеркало моря составляет 57,6% от всего суммарного речного стока. Между тем, по подсчетам Гидроэлектропроекта для создания зерновой базы в 5 млн. *т* товарной пшеницы и для создания животноводческой базы, а также для увлажнения и облесения песков и создания лесных противо-

[1] Б. А. Келлер (р. 1874 т.), директор Почвенного и Ботанического институтов Академии наук СССР.

суховейных защитных полос потребуется всего 16,71 млрд. $м^3$ воды и 4 млрд. *квтч* от корреспондирующей электроустановки. А если учесть и других законных претендентов на волжскую воду, то ежегодный объем этой воды должен составить величину порядка 20—22 млрд. $м^3$. Гидрологи утверждают, что такой объем волжской воды уже в ближайшие десятилетия скажется заметным понижением уровня Каспийского моря, что сразу ударит и по Каспийскому транспорту, и по тем пастбищам для рыб на мелководьях Волго-Каспийского побережья, которые являются основой здешних исключительных рыбных промыслов, и, что самое важное, заметно сократит зеркало Каспийского моря за счет увеличения прибрежных солончаковых пустынь. Защищаясь от засухи путем неосмотрительно спроектированной ирригации, мы можем, таким образом, помочь языку пустыни ударить на нас с другого фронта.

Уже этого беглого перечня тем достаточно, чтобы видеть, как злободневна была дискуссия ноябрьской сессии по основным вопросам сельского хозяйства Поволжья.

ВОЛГА И ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА

Значение Волги для судеб нашей электрификации исключительно велико. На примерах Волхова, Свири и Днепра и других сооружений первой пятилетки мы ясно видим, насколько этапы наших гидроэлектроцентралей показательны и для количественной и для качественной стороны всей нашей электрификации. Не подлежит сомнению, что с дальнейшим разворотом нашей социалистической стройки роль гидроэлектроцентрали будет прогрессивно возрастать прежде всего по той причине, что здесь мы имеем дело с вечным источником энергии, возобновляемой самим стихийным процессом природы. К этому следует добавить несравненные преимущества эксплоатационного обслуживания гидроэлектроцентралей и их высокие эксплоатационные качества: особую устойчивость производственного процесса и полную возможность предвидеть весь будущий электробаланс этого источника энергии. Можно даже утверждать, что принципиально в силу гиганских успехов автоматизации мы должны смотреть на гидроэлектроцентраль как на механизм, который требует столь малого эксплоатационного обслуживания, что его можно при широком народнохозяйственном учете совершенно сбрасывать со счетов.

Обстоятельный доклад одного из строителей Днепровской станции акад. Веденеева развернул перед нами всю обстановку предстоящих гидротехнических работ на Волге. Несомненно, что эта обстановка связана с особыми трудностями. Здесь прежде всего приходится работать в русле реки, являющейся уже и теперь настолько важной транспортной артерией, что разворот гидротехнических работ отнюдь не должен затруднять ее транспортной работоспособности. Необычайная многоводность реки и мощность ее весенних и осенних паводков исключительны. Наконец, дно реки отнюдь не представляет такой солидной скальной опоры, какую мы имели на Днепре. Доклады геологов призывали нас к особой осторожности при плотинных сооружениях на песках и смешанных аллювиальных породах, преобладающих на Волге.

Однако резюмирующие выводы нашего крупнейшего эксперта по гидротехническим сооружениям акад. Павловского свидетельствуют, что здесь мы отнюдь не стоим перед лицом непреодолимых трудностей. Споры гидротехников, повидимому, придется разрешить опытным путем. Работы, которые мы в настоящее время производим в верховьях Волги по соединению специальным каналом Москвы и Волги, вполне обеспечивают серьезную постановку такого опыта. Должна быть поставлена, повидимому, двойная задача: отыскать экономически эффективный и технически надежный новый тип плотинных сооружений на Волге с непосредственной опорой на ее обычный

аллювиальный грунт и одновременно широко обеспечить возможно полную автоматизацию работы такой гидроэлектроцентрали.

Ставки гидроэлектростроительства на Волге необычайно велики. Как показали доложенные на сессии работы Энергетического института Академии наук, при различных вариантах сооружений гидроцентралей на Волге здесь может получаться ежегодно от 16 до 39 млрд. *квтч*. Первая цифра соответствует выработке электроэнергии во всем СССР в первые годы второй пятилетки. Вторая уже сама по себе побивает германский рекорд по выработке электрической энергии, ибо Германия в свои лучшие годы суммарно вырабатывала на своих электрических станциях всего около 36 млрд. *квтч*.

По расчетам Энергетического института можно предвидеть три очереди сооружения гидроэлектроцентралей в Волжском бассейне. Первая очередь включает станции: Иваньковскую, Угличскую, Ярославскую, Балахнинскую, Пермскую и волго-донские суммарной мощностью в 1 430 тыс. *квт* и с отпуском электрической энергии около 6 млрд. *квтч*. Вторая очередь состоит из станций: Шекснинской, Демьянских, Верхне-Мстинской, Коломенской, Калужской, Пентюжинской, Колвинской и Самарской суммарной мощностью 2,4 млн. *квт* и с годичным отпуском энергии в 12,4 млрд. *квтч*. Наконец, третью очередь составляют станции: на Чусовой, Вишере, в Криушах, на Каме и как последнее звено — Камышинская станция. Общая совокупность этих станций дает мощность минимум 7 млн. *квт* при отпуске электрической энергии минимум около 38 млрд. *квтч*.

Особо дискуссионным является вопрос о Камышинской электростанции, с которой в целях ирригационного обслуживания конкурируют и волго-донские станции и Самарская гидроцентраль и которая для транспортных заданий является излишней. К этому надо добавить, что противники Камышинской станции совершенно отрицательно относятся к масштабу тех затоплений, которые предвидятся по нынешнему проекту, а наши ихтиологи, к слову сказать, утверждают, что сооружение камышинской плотины было бы особо тяжелым ударом для тех особо ценных пород Волго-Каспийского бассейна, которым для их нереста по расчетам ихтиологов надо обеспечить проход, по крайней мере, до Самары. Вопросы гидрологии Каспийского моря и влияния проектируемых гидроэлектрических сооружений на реках на рыбное дело морей Каспийского и Азовского были развиты во всей полноте как в докладах проф. Книповича, так и проф. Тихого.

Камышинская и Самарская гидростанции — это уже такие мировые гиганты, которые во многом превосходят только что сооруженную нами одну из первенствующих в мире Днепровскую гидростанцию. Мощность Днепровской станции имени Ленина определяется в 558 тыс. *квт*. Мощность Самарской станции, как это явствовало из обстоятельного доклада проф. Чаплыгина, должна быть оценена в 1 680 тыс. *квт*, а ее годичный отпуск превышает 9 млрд. *квтч*. Мощность Камышинской станции определяется в 1 200 тыс. *квт* с годичным отпуском энергии свыше 8 млрд. *квтч*. К сожалению, отсутствие на сессии работников Нижневолгопроекта лишило нас возможности выслушать защиту позиций этой станции со стороны ее проектировщиков. Гигантский размах гидросооружений на Волге, который суммарно (в ценах 1932 г.) потребует от нас затраты около 9 млрд. руб., таков, что он выходит за уровень ближайшей пятилетки и мы имеем полную возможность уточнить возникшую на почве этих проектов дискуссию, чтобы наша страна шла здесь вперед, твердо опираясь на научно-обоснованные положения.

Технико-экономический анализ показывает, что работа волжских станций явится особо выгодной при том условии, если они будут работать как единое целое со станциями тепловыми, если все волжские районы будут покрыты объединяющей сетью высоковольтных передач. Эта сеть в свою очередь должна составлять неразрывное целое с электросетями всего СССР. Так

как мир еще не знает таких огромных объединений электрических станций, то предстояло проанализировать вопрос о степени возможности таких сооружений у нас и прочности такой системы. Доклад на эту тему акад. Чернышева, весьма оригинальный по своим установкам, был предметом специальной дискуссии. В специальной же дискуссии были проработаны вопросы о параллельной работе гидроэлектрических станций и станций тепловых, что было обстоятельно освещено в докладах проф. Кукель-Краевского и проф. Болотова.

Основной вывод дискуссии: несмотря на грандиозность гидроэлектроцентралей на Волге и необычный масштаб сетевого объединения, мы можем итти здесь вперед совершенно уверенным шагом. Это возможно лишь на основании того гигантского сдвига в области электроэнергетики, которого страна наша добилась уже в период первой пятилетки. И как только вдумываешься во всестороннюю связь такой электроэнергетики с реконструкцией Волжского бассейна по линиям транспорта, энергетики, индустрии и сельского хозяйства, становится особенно ясной гениальная прозорливость Ленина, утверждавшего, что «коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

КОМПЛЕКСНЫЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОЙ ВОЛГИ

Главнейшие достоинства проекта гидроэлектросооружений, выработанного работниками Гидроэлектропроекта и доложенного проф. Ризенкампфом, — в его целостном подходе ко всей совокупности вопросов, связанных с проблемой Большой Волги. Проблема Большой Волги трактуется здесь, как некоторое единство транспортных, энергетических, индустриальных и сельскохозяйственных задач. В основе проекта лежит возможно полный учет прихода и расхода волжской воды, необходимость поддержки уровня Каспийского моря и вся огромная диспозиция наших народнохозяйственных планов по линиям транспорта, индустрии, сельского хозяйства и энергетики в прямой связи с четкими директивами партии и правительства.

Проект опирается не только на теоретический подсчет, но и на целый ряд гидротехнических изысканий, накопившихся к настоящему времени в нашем советском портфеле. Центральным звеном этого проекта является интересная идея так называемого северного питания Волги. Не подлежит сомнению, что веками происходившее на наших равнинах истребление лесов теснейшим образом связано и с изменением климата в нашей стране и с громадным весенним половодьем наших рек. Вернуться в этом отношении к прошлому невозможно. Отвоевание посевных площадей у лесных зарослей — вполне закономерный процесс. К тому же борьба путем облесения — во всяком случае весьма многолетняя борьба. Волжские мелководья в значительной степени связаны с особо сильным истреблением лесов в бассейне Волги. Но мы можем произвести здесь лобовую атаку на весеннее половодье путем задержки весенних вод в верховьях Волги и ее важнейших притоков, устраивая там специальные водохранилища.

Водоразделы Волжского бассейна невысоки, сложены из мягких грунтов и по топографическим условиям сравнительно легко могут быть перерезаны каналами, через которые часть стока северных рек может быть сброшена в Волжский бассейн. Не забудем, что северные реки обладают средним годовым расходом около 250 млрд. $м^3$, почти равным расходам Волги. Мы, таким образом, повернем игру природы в желательном нам направлении. У многоводного, страдающего от избытка влаги, севера мы сделаем заем и пошлем эту влагу по волжскому потоку как раз в направлении засушливой зоны.

Инж. Никольский подсчитал, что использование части стока северных рек значительно улучшит судоходные условия и обеспечит глубины от 3,5 м

и выше на всем протяжении Камы, Нижней и Средней Волги даже без устройства плотин ниже Ярославля и Перми. Кроме того, такие регулярные попуски воды из мощных водохранилищ на водораздельных системах чрезвычайно эффективно отразятся на работе всех будущих волжских гидростанций. По предварительным расчетам инж. Никольского выходит, что переброска 40 млрд. $м^3$ даст добавочную энергию до 14 млрд. *квтч*, т. е. не менее 40% намечаемой отдачи волжских станций. Тем самым будет обеспечена устойчивость уровня Каспийского моря и будет создана возможность глубоких магистральных водных путей, связывающих Волгу с Балтийским морем и Северной Двиной и Онегой, а также Каму с Вычегдой и Печорой. Инж. Никольский показывает, что первоочередной задачей переброски вод северного склона является «сброс части стока рек Онеги и Сухоны в бассейн Верхней Волги путем аккумулирования в северных озерах Лаче и Воже (бассейн р. Онеги) и в озере Кубенском (бассейн р. Сухоны) до 10 $км^3$ воды, которая затем может быть сброшена в бассейн р. Волги или по р. Шексне или по р. Костроме». Уже эти водохранилища обеспечивают судоходную глубину в 3,5 *м* до г. Горького и увеличивают отдачу Ярославской станции на 200 млн. *квтч* и Балахнинской станции на 300 млн. *квтч*. По подсчетам проф. Ризенкампфа выходит, что для покрытия дефицита Каспия необходима подача по Волге с севера дополнительно 17,5 млрд. $м^3$. Около 8—9 млрд. $м^3$ могут дать Онега и Сухона и не менее 6 млрд. $м^3$ можно будет получить с восточного водораздела из системы Печоры и Вычегды. Значительную помощь окажут водохранилища и в верховьях Оки и в целом ряде других крупнейших волжских притоков.

Следующим интересным звеном предложения Гидроэлектропроекта является реконструкция всех прежних наметок по Волго-Донскому каналу. Опираясь на ныне уже достаточно освоенную нами по опыту первой пятилетки высокую технику гидросооружений, авторы проекта предлагают нам, устроив мощную, но элементарную плотину на Дону, пустить избыточную паводочную воду Дона в виде зарегулированного расхода самотеком через водораздельный канал в Волгу у Сарепты при предварительном пропуске этой воды через турбины гидростанций с обеспеченной высотой падения в Волгу около 42 *м*. Это обеспечивает водный актив на Волге пополнением водой Дона в размере около 12,5 млрд. $м^3$ с одновременным обеспечением мощностей гидростанций у самого Сталинграда примерно в 575 000 *квт* и с отпуском годичной энергии около 2,5 млрд. *квтч*. Эта мощная станция на Волге устраняет необходимость сооружения на ближайший срок плотинных устройств в ее низовьях.

Мы здесь не имеем возможности входить в подробности проекта, доложенного проф. Ризенкампфом, который он иллюстрировал сопоставлением самых разнообразных вариантов гидротехнических сооружений на Волге, по-разному сочетавших игру попусков из системы водохранилищ и плотинных устройств.

Крайне интересными оказались также соображения проф. Ризенкампфа и профессоров Чаплыгина и Костякова в пользу такой системы полива засушливых площадей, которая приводит не просто к механическому дождеванию, а к электродождеванию. Напрашивается вывод: если глубоководная Волга превращается в мощное электроводное звено единой транспортной системы всего Союза, то рядом с этим процессом устройство механизированного орошения Заволжья при наличности дешевой электрической энергии немедленно ставит вопрос о поднятии уровня электрификации сельского хозяйства в заволжских равнинах.

Гидроэлектропроект, по существу, предвидит те же очередности общей электрификации Поволжья, которые нами отмечены выше. Первая очередь

всех сооружений по этому проекту оценивается в ценах 1932 г. примерно в 10 млрд. руб. Эти цифры не должны пугать нас, потому что здесь перед нами такой комплекс строительства, который охватывает несколько пятилеток. Проблема Большой Волги, несомненно, является одним из центральных звеньев генерального плана нашего народного хозяйства. Подсчеты экономистов-энергетиков, пытавшихся создать необходимую рабочую гипотезу наших грядущих подъемов по пятилетиям, были достаточно осторожны. Тем не менее, эти расчеты показали, что если техники не сомневаются в возможности осуществления проекта Большой Волги с технической стороны, то мы можем столь же достоверно считать, что в масштабе генерального плана такие экономические ресурсы могут быть отвоеваны прямым продолжением нашего социалистического наступления. Само собой разумеется, что уточнение такого рода расчетов возможно лишь соединенными силами работников Госплана и нашего академического штаба.

Мы далеко не исчерпали тех докладов, которые были заслушаны на ноябрьской сессии. Мы совершенно не коснулись чрезвычайно существенного для всей Волги вопроса о том немедленном заказе, который должны дать работники Большой Волги строителям тепловых станций на волжских сланцах, а им, повидимому, предстоит и в будущем сыграть немалую роль в волжском хозяйстве, как уверяют нас их горячие защитники. Эти защитники утверждают, что комплексное использование волжских горючих сланцев может обеспечить громадную продукцию строительных материалов, причем производство электрической энергии на таких сланцево-индустриальных комбинатах как бы получает побочный характер. Однако и из сказанного ясно, какой размах и какие всесторонние последствия для нашего народного хозяйства связаны с проблемой Большой Волги.

Исключительное оборонное значение волжской строительной оси очевидно. Подобно тому, как события на Дальнем Востоке вынуждают нас сосредоточить наше внимание на Енисейско-Ангарском бассейне и на всем Прибайкалье, как на основном тыловом участке этой линии нашей обороны, подобно этому Поволжье должно явиться основным оборонным плацдармом для европейской части Союза. Уже царское правительство должно было думать о переносе на Волгу целого ряда предприятий, непосредственно связанных с обороной. Не приходится доказывать, что в наши дни мы нуждаемся в таком глубоком тыле еще в большей степени. Крепкая связь Камы и ее притоков с Уралом, нынешнее индустриальное значение Урала и в особенности значение его оборонных ячеек — прямой аргумент в том же направлении.

Мы уже отмечали, что в результате работ первой пятилетки Волга перестала быть великой «крестьянской» рекой. Красноречивее всего об этом говорит индустриальная мощь таких волжских центров, какими являются Горький и Сталинград. А разве это не прямые вехи на путях дальнейшего индустриального строительства по всему волжскому потоку? В особенности, если представить себе, что вся Волга превращена в крупнейшую водную магистраль с нормирующими пятиметровыми глубинами, с грузооборотом, превосходящим грузооборот доброго десятка мощных железных дорог, и с рядом громадных гидроэлектрических станций на всех ее решающих узлах.

Трудно переоценить значение для военного тылового плацдарма его транспортных связей. Значение транспортных связей Волги нами уже охарактеризовано. Значение волжского транспорта чрезвычайно усиливается вследствие того обстоятельства, что прежние искания соединений со всеми морями в условиях нынешней техники гидросооружений приобретают ныне совершенно иной и вполне реальный характер. Уже несколько лет тому назад работы кавказских инженеров показали, как велик может быть масштаб таких водных перераспределительных возможностей в кавказском мас-

сиве. Волга в этом отношении представляет, повидимому, линию меньшего сопротивления.

Наряду с транспортными связями мощность военно-тыловой базы прямо пропорциональна мощности ее собственных производственных ресурсов. В этом направлении мы имеем для всей волжской оси самый благоприятный прогноз. Вслед за Московским районом к верховьям Волги тяготеет прежде всего Ивановская промышленная область. Не приходится сомневаться, что этой области предстоит мощное развитие по линии химии и машиностроения. Горьковский край и Татарская АССР и в дальнейшем будут продолжать специализироваться по различным отраслям машиностроения и химической промышленности. Средневолжский край при своей опоре на Урал и на Орско-Халиловский район неизбежно будет крупным центром черной и цветной металлургии, производства легких металлов, разнообразных туков и химических производств, связанных с нефтеперегонкой. Нижневолжский край будет продолжать специализацию по разнообразным видам сельскохозяйственного машиностроения и судостроения с собственной базой черной металлургии. Здесь уже заложен фундамент для подлинной цитадели пищевкусовой промышленности и, в частности, для ее консервно-холодильной ветви. Нетрудно видеть, как эти ведущие линии волжской индустриализации находятся в прямой связи с делом обороны. Не менее велико, как мы видели, значение Поволжья в смысле создания здесь мощных хлебных резервов.

Уже первая ставка ирригации Заволжья — 4—4,3 млн. *га* — не только удваивает весь фонд орошаемых земель СССР, но и дает такой единый сельскохозяйственный массив для пшеничного фонда, который не знает себе конкурентов в мире. Уже первый тур дискуссии Академии наук по вопросам ирригации Заволжья показал, что обеспечение 300 млн. пуд. ежегодного сбора товарной пшеницы с этого массива является вполне реальной ставкой. Такой сбор уже сам по себе — резерв чрезвычайной мощности.

Узлы крупнейших волжских городов одновременно являются естественными узлами железнодорожных и водных путей. Растущая индустриализация этих центров, естественно, вызывает необходимость дальнейшего роста и укрепления их транспортных связей. Однако для всех становится ясным, что основа нашей транспортной реконструкции теснейшим образом связана с таким сдвигом транспортного фонда, который позволил бы ему в возможно краткий срок занять позицию некоторого опережения во всей линии нашей индустриальной стройки. В таком случае причина и следствие будут меняться местами. Дальнейший подъем комбинированного волжского транспорта явится сам по себе толчком индустриального подъема волжских центров. Но сезонность водного транспорта и самый характер перегрузочных операций естественным образом вызывает рост складского дела, требует создания разнообразных производственных резервов. Волжская ось, таким образом, является естественной осью самых разнообразных резервных фондов, как это, между прочим, и в настоящее время мы замечаем, например, в такой важной области, какой являются наши нефтебазы. Уже этих беглых замечаний достаточно, чтобы видеть, как исключительно велико значение волжской оборонной базы.

От пятилетки к пятилетке в социалистической стране мы идем на все более и более высокие подъемы, открывающие перед нами поистине необъятные горизонты. Язык цифр, технических прикидок и экономического анализа открывает перед нами перспективу неслыханной власти человека над силами природы. И в горниле этой величайшей борьбы создается не только новый облик нашей страны, но и новый облик человека-коммунара, переходящего из царства слепой необходимости в царство разума и свободы.

ЭНЕРГЕТИКА ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ [1]

Госпланом СССР только что выпущена из печати книга, посвященная итогам первой пятилетки [2]. Не подлежит сомнению, что эти итоги будут настольной книгой каждого сознательного участника нашей великой социалистической стройки. Точными цифрами и фактами здесь запечатлен тот громадный технический, экономический и социальный подъем, который совершил СССР в период первой пятилетки.

Мы знаем, что в капиталистических странах дело идет как раз в обратном порядке. Неслыханный кризис ввергнул эти страны в злейшие потемки всесторонней реакции. Натолкнувшись на те бури мирового рынка периода кризиса, которые своевременно были предсказаны К. Марксом, капиталистический мир стоит перед неразрешимой дилеммой: необходимо примирить дальнейший подъем современной техники с бытием капиталистического строя в таких условиях, когда само острие этой техники направлено против основ бытия капитализма.

Немудрено, что идеологам капитализма сегодня приходится отказываться от таких построений, которые еще вчера казались незыблемыми. Приходится оспаривать преимущества производственной концентрации и отказываться от такого масштаба продукции, который не размещается в национальных границах. На этой почве лихо произрастают всевозможные гнилые фашистские построения, возвращающие хозяйственную структуру к порядкам средневековья с присущими ему ограниченными возможностями производства и распределения.

Положение обязывает. Подводя итоги своего прошлого, господа фашисты с особым осуждением должны останавливаться как раз на таких достижениях современной техники, которые являются наиболее властным толкачом вперед. Поэтому особенно типичны рассуждения фашистского лагеря, посвященные вопросам электрификации. Здесь мы наблюдаем целый поход против сооружения крупных районных электрических станций, против развитых высоковольтных сетей, что не мешает тем же авторам заявлять о необходимости построения всего хозяйственного здания Третьей империи на благодетельных основах той же самой электроэнергетики. Они не жалеют красок для обрисовки тех ужасов, которые связаны с капиталистическим индустриализмом, с современными крупными городами, с современной концентрацией капиталов. Все это-де идет от тех тенденций техники, которые связаны с паровым хозяйством. Именно-де разумное применение электрификации позволит господам фашистам развязать запутавшиеся здесь узлы и благополучно вернуть «матушку-Европу» на добрые 200—300 лет назад. Судите сами, какие проклятия приходится посылать этим авторам тем самым своим техническим и экономическим достижениям, которые вчера превозносились ими до небес.

Совсем в другом положении находимся мы. Огромность достижений на пройденном пути и все более манящие перспективы грядущего позволяют

[1] Статья, напечатанная в журнале «Фронт науки и техники» № 6, 1933.

[2] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», М., 1933.

нам смело вскрывать наши ошибки, учиться на таковых и уверенно двигаться вперед и вперед. Несомненно, что блестящий подъем нашей электроэнергетики за первое пятилетие является особо ободряющим моментом. Краткая, но весьма поучительная сводка этого подъема характеризуется Госпланом СССР таким образом:

«СССР добился величайших успехов на важнейшем участке технической реконструкции народного хозяйства — электрификации. Мощность всех электростанций выросла с 1 874 тыс. *квт* в 1928 г. до 4 567 тыс. *квт* в 1932 г. От мелких и мельчайших станций царской России через Волховстрой СССР пришел к таким гигантам, как Днепрострой. В 1928 г. в СССР работали 18 районных станций общей мощностью в 610 тыс. *квт*; к концу 1932 г. работают уже 43 районные станции общей мощностью в 2 624 тыс. *квт*. К концу пятилетки в СССР насчитывается 10 станций, каждая мощностью в 100 тыс. *квт* и выше. Вместе с тем достигнут более высокий коэфициент использования оборудования электростанций. Для СССР он составляет 3 570 час. в 1932 г. против 3 тыс. в США (1929 г.), 1 800 для центральных и 2 200 для электростанций предприятий Германии (1931 г.) и 1 700 для Англии (1928 г.).

В СССР создан ряд электрических скольцованных систем напряжением в 100 тыс. *в*. Днепровское кольцо имеет 160 тыс. *в*, соединение Ленинграда со Свирской гидроэлектростанцией осуществляется при напряжении в 220 тыс. *в*. По степени электрификации промышленности мы уже далеко обогнали Англию и близко подошли к самым передовым капиталистическим странам. Так, коэфициент электрификации промышленности составил в СССР в 1932 г. 71,2%, в Англии 49% (1929 г.), в Германии 64,6% (1925 г.) и в США 78,3% (1929 г.)»[1].

Эта сводка говорит прежде всего о том, что мы приступаем к выполнению ответственнейших задач нашего хозяйственного строительства во вторую пятилетку, мощно подкрепив электроэнергетическую базу нашего хозяйства. Нынешняя выработка электрической энергии в СССР возросла по сравнению с 1913 г. в 6,7 раза, а в сравнении с начальным годом первой пятилетки — с 1928 г. — в 2,6 раза. Мы, несомненно, выровняли наш электроэнергетический фронт по сравнению с передовыми индустриальными странами капиталистического Запада уже настолько, что в обстоятельствах «догона и перегона» нам приходится останавливать свое внимание по преимуществу лишь на двух колоссах индустриализма и электроэнергетики — на США и на Германии.

Это положение становится совершенно ясным, если мы проиллюстрируем уровень нашего подъема не средними цифрами, а нашими крупнейшими электросистемами. К числу таковых прежде всего следует отнести наши Московский и Ленинградский электрические узлы. На 1/I 1933 г. установленная мощность в Мосэнерго определялась в 548 тыс. *квт*. Аналогичная мощность Ленэнерго — 308 тыс. *квт*. Выработка в миллиардах киловатт-часов за 1932 г. составляла: для Мосэнерго 2,42, для Ленэнерго 1,53. Крупнейшие европейские электросистемы находятся в Германии. По данным, относящимся к докризисному 1929 г., три крупнейшие системы Германии характеризуются такими показателями:

	Установленная мощность (в тыс. *квт*)	Выработанная электроэнергия (в млрд. *квтч*)
Электроверке	736	2,33
Беваг	644	1,12
Рейнско-Вестфальская .	770	2,6 (выработка + покупка со стороны)

[1] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 18, 19.

Таким образом по отпуску электрической энергии мы выровняли наш фронт с этими электрическими колоссами, несмотря на то, что продолжаем еще уступать им по установленным электрическим мощностям. Это всецело объясняется высоким коэфициентом использования установленной среднегодовой мощности наших электроцентралей. Отметим кстати, что в этом важнейшем показателе народнохозяйственной эффективности наших капитальных вложений в электроэнергетику мы уже решительно перегнали Запад и продолжаем быстро двигаться вверх. Годичное число часов использования для наших крупнейших систем было таково:

	1931 г.	1932 г.
Мосэнерго	4 220	4 530
Ленэнерго	4 450	4 712

По признанию нынешней фашиствующей верхушки германских электротехников основная беда экономики крупных районных электроцентралей Германии заключается в том, что среднегодичный уровень использования оборудования, установленного на этих станциях, колеблется от 25 до 33%, т. е. по общему правилу $^3/_4$ или $^2/_3$ установленной мощности *остается неиспользованной*, что и является главной причиной, препятствующей привлечению в капиталистической обстановке в эту важнейшую отрасль народного хозяйства новых капиталовложений. Ведь общеизвестно, например, подчеркивают германские идеологи фашистского толка, что даже для таких устойчивых по своему обороту предприятий, какими являются предприятия горнодобывающей промышленности, 10% недогруз их производственных мощностей выбивает их из колеи рентабельности.

Таковы обстоятельства, которые объясняют, почему каждый установленный нами в условиях нашего планового социалистического хозяйства киловатт производственной мощности является величиной, резко отличной от своего западного капиталистического аналога. Поэтому и оказалось возможным догнать электроэнергетические колоссы Германии по отпуску электрической энергии, несмотря на нашу значительную отсталость от тех же колоссов по установленным мощностям.

Экономический анализ показывает, что *годичное число часов использования установленной на электрических станциях мощности является решающим показателем для всего их экономического бытия*. Не приходится доказывать, что дешевизна электрической энергии является основной предпосылкой для широты размаха электрификации, а эта дешевизна в первую очередь зависит от коэфициента использования установленных мощностей: Hic Rhodus, hic salta!

Перспективы электрификации теснейшим образом связаны с достижением максимальных успехов прежде всего по увеличению коэфициента использования мощностей. Здесь перед нами целый ряд перекрещивающихся влияний. Наряду с тепловыми электроцентралями, базирующимися попрежнему на работе конденсационных турбин обычного типа, все более и более заметными величинами в нашем электроснабжении выступают теплоэлектроцентрали и гидроэлектроцентрали.

Реконструкция энергетического хозяйства ряда отраслей промышленности в период первой пятилетки осуществлялась путем сооружения крупных теплоэлектроцентралей. Общая мощность теплоцентралей промышленности с 55 тыс. *квт* в 1928 г. поднялась к 1933 г. до 300 тыс. *квт*. Наряду с вступлением в работу величайшей в мире гидростанции — Днепровской им. Ленина мощностью в 558 тыс. *квт* (из них в работе на 1/I 1933 г. 310 тыс. *квт*) — вступили или вступают в работу в Закавказье Дзорагетская

гидростанция (22 тыс. *квт*), Рионская гидростанция (48 тыс. *квт*), а в Средней Азии — гидростанция Кадырья (12 тыс. *квт*), и приближаются к окончанию сооружения мощной Свирской станции и ряда других. В итоге мощность гидроэлектрических станций, составлявшая к началу первой пятилетки 112 тыс. *квт*, к началу 1933 г. достигла 437 тыс. *квт*. Однако как раз теплоэлектроцентрали, работающие по специальному тепловому графику, и гидроцентрали, использование мощностей которых находится в особо резкой зависимости от сезона года, влияют понижающим образом на годичное число часов использования установленных мощностей. Тем не менее, мы не можем отказаться от максимального нажима как в том, так и в другом направлении: коэфициент полезного действия теплоцентралей более чем в два раза превосходит коэфициент полезного действия конденсационных централей, а гидроцентрали помимо своих несравненных преимуществ по эксплоатации резко выделяются на всем фронте электроснабжения тем, что работа их основана на постоянно возобновляющемся источнике природной энергии.

Таким образом в борьбе за повышенный коэфициент использования мы должны нащупывать другие пути. Здесь первым и основным фактором является максимальная концентрация устанавливаемых мощностей. Чем более велика мощность установок, связанных в одно общее единство электроэнергетической системы, тем больший простор для маневров, для комбинирования самых разнообразных нагрузок, идущих с разнородных отраслей общественного поля труда, чтобы получить по возможности равномерную нагрузку для этих мощностей в течение целого года. Эти благоприятные возможности маневрирования усугубляются теми прямыми преимуществами укрупнения масштаба электроснабжения, которые влекут за собой возможность применения крупнейших агрегатов с максимальным коэфициентом полезного действия и резким снижением накладных расходов. Если к этому прибавить выгоды взаимной перестраховки станций, влекущие за собой уменьшение коэфициента резерва, возможность использования специальных графиков для гидроцентралей и общее понижение строительных расходов (по сравнению с базировкой на мелких обособленных электрических станциях), то в общем картина становится ясной. Однако следует со всей энергией подчеркнуть, что при оценке выгодности той или иной электроэнергетической системы нам в условиях планового социалистического хозяйства никак нельзя исходить из элементарных расчетов рентабельности, на которых воспитываются экономисты, выросшие в условиях капиталистического строя. Никакие хитроумные математические выкладки подобного рода экономистов не могут прикрыть их основной беды: за деревьями частных интересов им частенько не видно основных и решающих направлений подлинной гущи интересов народнохозяйственных. Совсем не в таком положении находимся мы. Простые, ясные, четкие показатели наших народнохозяйственных планов служат нам надежнейшим руководством при разрешении самых сложных экономических проблем.

Проблемы второй пятилетки прежде всего вплотную подводят нас к наиболее острым в грядущее пятилетие транспортным вопросам. Во что бы то ни стало мы должны добиться в это пятилетие такого опережения в наших работах по транспорту, чтобы на долгий период оградить себя от всяких лимитирующих воздействий с этой стороны. Отсюда сугубая значимость для нас тех выгод, которые связаны с освобождением транспорта от крупных топливных перевозок, тех преимуществ, которые в таких условиях создает приближение энергетических ресурсов к местам потребления вследствие наличия разветвленной системы электропередач, и тех возможностей, которые идут от повышенного коэфициента электрификации основных отраслей народного хозяйства.

Острота вопроса с нашими техническими кадрами и резко нарастающая необходимость быстрейшим образом обеспечить максимальную устойчивость электроснабжения — все это склоняет чашу весов в пользу крупных и крупнейших электрических станций, мощных и сверхмощных электросистем. В условиях второй пятилетки мы являемся страной, имеющей исключительные шансы для защиты наиболее широко разветвленной системы электропередач, для защиты громадной эффективности для нас передачи огромных мощностей на далекие расстояния. Мы здесь не имеем возможности входить в детали изложения и по необходимости должны ограничиться лишь некоторым грубым подчеркиванием. Весьма не трудно было бы показать, что и на предстоящее пятилетие средний отпускной тариф в 2 коп. за 1 *квтч* (американский цент) в достаточной степени обеспечил бы наши экономические интересы. Достаточно точные расчеты, основанные на весьма скромных предположениях дальнейшего подъема и рационализации нашей электропромышленности, показывают, что в условиях второй пятилетки при тех стандартах вольтажа, которые мы предвидим в настоящее время (110—220 *кв*), передача электрической энергии на расстояния порядка 400 *км* примерно удваивает себестоимость энергии по сравнению с ее себестоимостью на месте выработки. Если эти расчеты правильны, то, например, Самарская гидроэлектрическая станция (центральная гидростанция в будущей системе Большой Волги), себестоимость 1 *квтч* которой в Самарском районе будет обходиться примерно в 0,8 коп., подойдет с ценой на 1 *квтч* примерно около 2 коп. почти вплотную к Горьковскому району. Если мы наряду с этим отметим, что наши крупнейшие электрические станции, базирующиеся на конденсационных турбинах, еще и по сию пору не понизили свой средний тариф до 4-копеечного уровня, то такая справка явится достаточно наглядной для оценки громадности и благонадежности поля работ по развертыванию наших электропередач.

Наши работы в первую пятилетку дают нам достаточно надежные предпосылки для дальнейшего укрепления наших позиций по созданию мощных энергосистем. По данным Госплана десять наших крупнейших электрических гигантов уже в 1932 г. дали 1/3 выработки электрической энергии всей страны. До первой пятилетки наиболее распространенным агрегатом районных станций был турбогенератор в 10 тыс. *квт*. Вначале пятилетки электростроительство СССР широко применяло агрегаты в 24 тыс. *квт*, а к концу пятилетки мы остановились на типе турбогенератора мощностью в 50 тыс. *квт*. До первой пятилетки наиболее распространенным давлением в котельных агрегатах было давление в 13—18 *ат*. К концу пятилетки давление в 33 *ат* стало преобладать, а наши теплоэлектроцентрали уже перешли на давление в 60 *ат*; заканчиваемая же постройкой в Москве теплоцентраль Всесоюзного теплотехнического института является по своему техническому уровню первой в мире станцией. Высоковольтная сеть уже объединяет свыше полумиллиона мощностей московских электрических станций, перекрывает расстояние свыше 300 *км* между электроузлами Ивановского и Горьковского краев, реализуется в Донбассе громадной системой электропередач, преобразовавших все электроснабжение нашей всесоюзной кочегарки.

По данным Госплана всего в пятилетку вступило в эксплоатацию около 7 тыс. *км* высоковольтных линий передач (напряжение от 22 тыс. *в* и выше), в то время как к началу пятилетки таких линий было только 3 тыс. *км*. И подобно тому как на наших полях мощный трактор становится все более и более доминирующей фигурой сельскохозяйственной энергетики, наши мощные индустриальные районы все более и более перекрываются линиями воздушных электропередач.

Наша электропромышленность выполнила пятилетку в два с половиной года. Ее продукция возросла за четыре года в пять раз. Еще в 1931 г. советская электротехника заняла по объему продукции третье место в мире — после США и Германии. Мощность всех первичных двигателей, произведенных в 1931 г., достигает 1,3 млн *л. с.*, что равняется 95% мощности всех электрических станций дореволюционной России. Производство первичных двигателей в СССР в 1931 г. уже равнялось 45% выпуска США в 1927 г. Таковы опорные пункты в самых основах нашего электроснабжения.

В условиях нынешней эксплоатации наших электросистем мы идем впереди других стран по годичному использованию установленных мощностей. Однако мы еще в далекой степени не использовали тех преимуществ планового хозяйства, которыми мы располагаем в условиях все более и более развертывающейся социалистической стройки *.

Мы здесь ограничимся подчеркиванием лишь некоторых основных выводов. Тот сдвиг часовой стрелки, который создал у нас в условиях СССР своеобразное «гражданское время», который является наиболее эффективным мероприятием, может и должен быть дифференцирован по разным районам, в результате чего последует гораздо более радикальное снижение «пиков» на станции, являющихся основным источником неравномерности использования установленных мощностей.

В интересах электроснабжения должна быть продолжена работа по выработке соответствующего распорядка рабочего дня (начало работы смен, междусменных и обеденных перерывов), что также явится надежным средством по перетасовке отрицательной концентрации нагрузок к одному и тому же времени. Заметим, кстати, что дальнейшее сокращение рабочего дня, дающее предпосылки для большего количества смен, и особенно сильное сокращение работы смены в условиях напряженного или вредного для здоровья труда — все это обеспечивает богатые возможности маневрирования.

Не подлежит также сомнению, что дальнейшее изучение разнообразных технологических процессов в разрезе потребления ими электрической энергии дает нам в условиях централизованного тарифа и прямого централизованного регулирования потребителей такие громадные рычаги для своеобразной борьбы с «пиками» нагрузок, которыми не обладает ни одна страна в мире.

Здесь же следует подчеркнуть, что мы в особенности заинтересованы в тех шансах новейшей светотехники, которые позволяют нам до минимума свести энергетические расходы по выработке световой энергии при максимальных осветительных эффектах. Это огромное дело находится у нас еще в чрезвычайно зачаточном состоянии. Между тем, не только одни лампы так называемого «интенсивного горения», вдвое более экономичные по сравнению со всеми предшествовавшими типами, но и самая рационализация монтировки и ухода за осветительными системами, в особенности при наличии таких колоссальных осветительных систем, которые представлены или еще возникнут в недалеком будущем в результате полосы великих работ и наших пятилеток, представляют такое благодатное поле рационализации, которое трудно переоценить. Не будем забывать, что борьба за культурную революцию, которая является нашей очередной ставкой, в значительной степени является борьбой за лучшую освещаемость трудящихся как в условиях их производственной обстановки, так и в условиях их быта.

Однако наиболее решительные сдвиги в нашей борьбе за дешевизну эле-

---

* Читателей, желающих детально ознакомиться с этим вопросом, мы отсылаем к сборнику статей под редакцией проф. С. А. Кукель-Краевского и инж. Б. А. Гуревича под названием «Выравнивание графиков нагрузки», выпущенному Энертоиздатом в 1933 г. — Г. К.

ктроэнергии, — что в значительной степени совпадает с борьбой за высокий коэфициент использования установленных электромощностей, — более всего предопределяется дальнейшим углублением процесса электрификации трех величайших подразделений нашего хозяйственного труда: промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Не подлежит сомнению, что вторая пятилетка даст нам решительный сдвиг как в области электрификации транспорта, так и в области электрификации сельского хозяйства. За годы первой пятилетки электрификация железных дорог была проведена на пригородных участках с наиболее развитым пассажирским движением и на горных участках Закавказских железных дорог (Сталинири—Зестафони). По данным Госплана уже развернуты работы по электрификации более 1 400 *км* на наиболее трудных и грузонапряженных участках железных дорог Урала, Кавказа, Донбасса.

Наряду с постройкой новых мощных паровозов освоено производство тепловозов и электровозов. На опыте Сурамского перевала уже практически проверены возможности превращения мотора электровоза в генератор, отсылающий в электросеть при движении электропоезда под уклон значительную часть расходов той энергии, которую он потребил при подъеме, — обстоятельство, на которое мы обращали внимание еще в плане Гоэлро. В мировом опыте электрификации транспорта уже накоплен громаднейший материал, детально обрисовывающий все выгоды этого рода транспорта. Становится очевидным, что в наших первых наметках электрификации транспорта мы в далекой степени недооценивали его фактических преимуществ. Но мы были правы, когда уже более десятка лет назад предвидели, что в условиях капиталистического строя широкая электрификация транспорта возможна лишь в порядке исключения. Капиталовложения прошлого, мощные капиталовложения на такого рода сети парового транспорта, которые, по сути дела, уже достроены до своих предельных величин стоят резким отрицательным моментом на путях дальнейшего технического прогресса. Наше положение диаметрально противоположно. Преобладающие капиталовложения в транспорт перед нами еще впереди, не говоря уже о том, что всю нагрузку, идущую от нашего прошлого, мы воспринимаем совершенно иным образом, чем это возможно в условиях частнохозяйственных порядков.

По линии сельскохозяйственной электрификации мы должны ожидать не менее решительного подъема. Окончательная победа совхозно-колхозного строя прочно закрепляет лицо новой сельскохозяйственной энергетики. Укрупнение сельскохозяйственных единиц, широкая индустриализация сельского хозяйства, проведение во всей области сельскохозяйственных работ планового режима — все это является не только опорой для широкого использования трактора и двигателей внутреннего сгорания вообще в этой области, но и для глубокой электрификации сельского хозяйства.

Основная ставка второй пятилетки на бесклассовую общественную структуру, по сути дела, является прежде всего ставкой на уничтожение основных противоположностей между городом и деревней. А это невозможно провести в жизнь вне дальнейшего резкого подъема таких форм нашего агро-индустриального строительства, которые находят свою наиболее естественную основу во всестороннем использовании современных возможностей электрификации. Мировой опыт сельскохозяйственной электрификации явственно обрисовывает те тупики, в которых находится это великое дело в условиях капиталистических порядков. Анализ этих тупиков наглядно показывает, какими путями мы должны будем итти в условиях нашей социалистической стройки. Здесь мы прежде всего натыкаемся на относительные перерасходы по неизбежному строительству обширных сетей электропередач, которое не может быть рентабельным в том случае, когда потребление

электрической энергии ограничивается по преимуществу скромными осветительными возможностями. Лишь глубокая коллективизация сельского хозяйства и его широкая механизация и индустриализация, а в наших условиях новое расселение промышленности по стране, впервые создают благоприятнейшую почву для проникновения в сельскохозяйственную гущу электропровода и электропривода.

«Ключ к электрификации, — пишет трактующий эту тему Гозебрух,[1] — дают распределительные электрические сети. Практический опыт показывает, что на каждый гектар надо ввести прикидку примерно в расчете на 30 *м* проводов и что километр сельскохозяйственной линии со включением расходов на трансформаторные устройства обходится примерно в 3 тыс. марок». Эта справка отнюдь не является какой-нибудь устойчивой средней нормой, ибо в зависимости от глубины индустриализации сельского хозяйства, плотности сельскохозяйственного населения и степени интенсификации сельскохозяйственных работ мы будем иметь резкие отклонения не только по отдельным странам, но и по отдельным районам такой огромной страны, какой является СССР. Тем не менее, эти цифры уже бросают некоторый свет в область предстоящих нам работ. Тот же Гозебрух приводит несколько интересных статистических справок о ходе сельскохозяйственной электрификации в капиталистических странах. Вот, например, как шла сельскохозяйственная электрификация в США. Число ферм, присоединенных к районным станциям, составляло в 1923 г. 177 500, в 1924 г. — 205 тыс., в 1925 г. — 246 тыс., в 1926 г. — 309 тыс., в 1927 г. — 392 тыс., в 1928 г. — 506 тыс., в 1929 г. — 576 тыс., в 1930 г. — 650 тыс., в 1931 г. — 698 786, и, наконец, в 1932 г. — 707 тыс. Общее число ферм в США в 1930 г. исчислялось в 6 288 544. Из них 841 333 имели электрическое освещение, причем 256 656 пользовались собственными мелкими станциями, следовательно, снабжались электрическим освещением всего 13,4%, а к станциям общего пользования были присоединены 9,1% общего числа ферм. Сельскохозяйственная электрификация Калифорнии достигала уже 63,8%.

Гораздо более высок коэфициент сельскохозяйственной электрификации в Италии. Здесь в 1917 г. электроснабжение охватывало уже 53% сельских поселений, в 1923 г. — 63,5%, в 1931 г. — 91%. Громадную роль в этом процессе играли широко поставленные предприятия для осушения и обводнения, являющиеся главными потребителями энергии в итальянской деревне. У того же Гозебруха можно найти любопытные справки относительно сельскохозяйственной электрификации в других странах, причем везде и всюду основным препятствием является рассыпной фронт мелких сельскохозяйственных ячеек и те права земельных собственников, которые тормозят рациональное строительство электропередач.

Исследователи приходят к выводу, что для дальнейшего прогресса сельскохозяйственной электрификации необходимо широко пропагандировать сельскохозяйственное кооперирование и домогаться законодательных прав для беспрепятственного сооружения электропередач. Мы знаем, однако, на какие рогатки натыкается движение в этих обоих направлениях и как неустойчивы судьбы крестьянских кооперации в условиях капитализма вообще и нынешнего кризиса капиталистического хозяйства в особенности. Тем не менее, мы видим, что вопреки этим отрицательным моментам сельскохозяйственная электрификация, хотя и медленно, прокладывает свои пути. Еще более благоприятные перспективы должны ожидать мы для судеб нашей сельскохозяйственной электрификации в грядущее пятилетие.

Сельскохозяйственные силовые нагрузки, выпадающие по преимуществу на такой сезон года, когда на освещение приходится расходовать минимум,

[1] Гозебрух, Электрификация сельскохозяйственных производств, «ETZ» № 20, 1933

являются особо мощным средством для общего выравнивания графика нагрузки. Несомненно, что дешевизна сельскохозяйственного тарифа должна быть главной опорой в этом деле. Очень крупную роль здесь будут играть прежде всего массовое стандартизированное производство соответствующего электрооборудования и максимально автоматизированная система обслуживания электроустройства. Но как в том, так и в другом направлениях прогресс практической электротехники является чрезвычайно многообещающим; нынешняя гидроцентраль находится в стадии решительного перехода на стопроцентную автоматизацию, а гигантские успехи по электроавтоматизации сложнейших систем электропередач чрезвычайно облегчают наш нажим в сторону смелой проектировки богато разветвленных электрических сетей.

Чрезвычайно благоприятные виды открываются нынешними успехами мировой электротехники и для широкого использования ветровой энергии. Наши дедовские деревенские ветряки бесповоротно отошли в прошлое. Однако не подлежит сомнению, что они явятся вехами, вслед за которыми вглубь наших сельскохозяйственных просторов наряду с стройными мачтами воздушных электропередач пойдут и изящные конструкции высоких ветросиловых установок. Все необходимые предпосылки для правильного решения относящихся сюда чисто конструктивных проблем уже имеются налицо. Весь нынешний ход научно-исследовательской мысли, направленной на использование ветросиловой энергии, еще и еще раз свидетельствует, что мы были правы, когда указывали на богатое развитие электропередач, как на решающий момент в деле борьбы с непостоянством этого вида энергии. Практически неограниченная мощность природной ветросиловой энергии при ее широком использовании явится поистине революционизирующим началом во всей работе наших электросистем, но за отсутствием надлежащего опыта в этом громадном деле мы лишены возможности наметить здесь, хотя бы приблизительно, грядущие в этом направлении сдвиги.

Роль транспортной нагрузки в деле выравнивания графика ясна прежде всего по той простой причине, что здесь открывается значительный простор для таких графиков поездов, которые в разнообразных формах могут корреспондировать нуждам нашего районного электроснабжения. Правильность решения задачи будет, конечно, зависеть от осмотрительного взвешивания нужд транспортных и нужд энергоснабжения, взятых в их взаимной связи.

Уже эти беглые заметки показывают, какой простор открывается для нашей научно-исследовательской мысли в области электроэнергетики на предстоящее пятилетие. Однако следует немедленно подчеркнуть, что для стопроцентного использования установленных электромощностей возможна и прямая, так сказать, лобовая атака. Ясно, что каждая электроустановка могла бы обеспечить себе идеальный график, если бы была удачно разрешена проблема энергетического аккумулирования. Всем известно, что нынешние электрические аккумуляторы и дороги и мало устойчивы, что громоздкостью отличается система гидросилового аккумулирования и что еще большим несовершенством страдают паровые аккумуляторы.

Многосторонние признаки, однако, свидетельствуют, что в едином котле социалистического хозяйства, вырастающем на базе громадных централизованных электросистем, целый ряд производств, весьма разнообразных по своей технологической сущности, может играть со значительной народнохозяйственной эффективностью роль специальных регуляторов потребления электрической энергии. В особенности благоприятные перспективы

дают здесь энергоемкие производственные процессы, связанные с растущей ролью химизации нашего хозяйства. Не надо забывать, что каждая наша тепловая станция, по сути дела, является специальной аппаратурой для химико-электрической игры кислорода, водорода и углерода. На наших глазах те же элементы предопределяют своей игрой все мощное здание наших химических технологий.

Не подлежит сомнению, что вторая пятилетка уже завершает конструирование наших электросистем на базе элементарных конденсационных станций и сочетание таковых путем простой электрической увязки с работой теплоэлектроцентралей и гидроэлектроцентралей. Электрохимические комбинаты выступают, несомненно, на первый план. Это тем более вероятно, что уже во второй пятилетке вся структура нашего электроснабжения получает новый громадный сдвиг как по своим мощностям, так и по качеству. Если мы предположим, что объем нашей продукции на второе пятилетие примерно удвоится, — предположение, скромность которого немедленно выясняется при сопоставлении шансов продукции в первую и во вторую пятилетку, — то наши главнейшие энергосистемы по грубым предварительным расчетам будут выявлять цифры приблизительно такого порядка:

	Установленная мощность к концу 1937 г. (в тыс. *квт*)	Выработка электрической энергии в 1937 г. (в млрд *квтч*)	Коэфициент использования среднегодовой установленной мощности (в час)
Московская электросистема	980	4,6	около 4 600
Горьковская электросистема	250	1,0	„ 4 200
Ивановская электросистема	300	1,0	„ 4 200
Донбасс	900	4	„ 5 500
Приднепровье	800	3	„ 3 750
Ленэнерго	690	3	„ 5 000
Южный Урал	400	1,8	„ 5 000
Средний Урал	350	1,7	„ 5 000
Северный Урал	275	1,5	„ 5 000

Московский, Горьковский и Ивановский узлы будут соединены в одну электросистему с суммарной мощностью в 1,5 млн. *квт* и выработкой в 7 млрд. *квтч*. Объединенная система Донбасса и Приднепровья даст мощность порядка 1,7 млн. *квт* с выработкой в 8—9 млрд. *квтч*. Объединенный Урал представит систему в 1 млн. *квт* мощности с выработкой электроэнергии в 5,5 млрд. *квтч*. Не мешает припомнить, что крупнейшие электросистемы мира давали такие показатели (накануне кризиса):

Ниагаро-Гудзоновская система, в которую входят крупнейшие в мире гидроэлектрические станции (общее число гидростанций 23) и шесть крупных тепловых станций, имеет установленную мощность в 1,5 млн. *квт* при суммарной выработке в 5,7 млрд. *квтч*. Коэфициент использования установленных мощностей 3 700 час.

Нью-Йоркская электросистема (восемь тепловых станций, из которых некоторые являются крупнейшими в мире тепловыми станциями). Суммарная мощность 2,36 млн. *квт*, производство электроэнергии 5 млрд. *квт*. Коэфициент использования установленных мощностей 2 100 час.

Тихоокеанская электросистема. Суммарная установленная мощность 1,12 млн. *квт*, суммарная выработка энергии 3,7 млрд. *квтч*. Коэфициент использования 3 300 час.

Эта справка показывает, что основные электросистемы СССР в конце второй пятилетки уже будут превосходить крупнейшие в мире американские системы. Отсюда прямой вывод, что вся разнообразная сеть электрохимических производств во второй пятилетке может и должна приблизиться к американскому размаху. Отсюда — наши громадные шансы на лобовую атаку неравномерностей нашего графика нагрузок по линии энергохимических комбинатов, базирующихся по преимуществу на технике водорода и кислорода. Здесь мы видим поистине ведущее звено в перспективах нашей электрификации.

ЗАДАЧИ НАУЧНОГО ФРОНТА ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ [1]

I

Широко известно, что еще в 1918 г. В. И. Ленин предлагал Академии наук приступить к разработке народнохозяйственного плана на базе электрификации. Владимир Ильич рассчитывал, что группа ученых академиков, ведущая работы по изучению природных ресурсов страны, могла бы оказаться основным рычагом в этом большом деле. Известно, что Академия в целом не выполнила этого задания. Отдельные работники Академии приняли посильное участие и в работах по составлению плана Гоэлро и в дальнейших работах Госплана, но они выступали в качестве одиночек-кустарей, а роли Академии как коллектива в наших первых народнохозяйственных планах мы заметно не ощущали.

Далеко не случайно, что до 1929 г., года обновления Академии по ее составу и решительного сдвига в самой установке ее работ, проблемы плановой электрификации в стенах Академии не трактовались. Мы тщетно стали бы искать постановки таких проблем в любой из академий мира. Развернутый научный фронт электроэнергетики может явиться только на базе великих Октябрьских дней и побед социализма.

И по мере того, как нарастает разворот социалистической стройки, нужда в таком фронте становится все более и более явственной. Если разуметь под Академией специальную организацию наиболее высококвалифицированных творческих сил теоретического знания, то теснейшая связь судеб такой организации с судьбами самой науки совершенно ясна. Уже первые декреты советской власти говорили о крайней необходимости создания для нас *единого научного народнохозяйственного плана*. Поучительная история нашего планирования, весь ход нашей социалистической стройки и в особенности события, связанные с первой пятилеткой, с годами «великого перелома», показывают нам, какой трудной борьбой этап за этапом завоевывается действительно плановый социалистический хозяйственный режим. Тем не менее, мы знаем, что нами с успехом пройден целый ряд таких этапов, что наши завоевания в этой области относятся как раз к числу таких, которые уже не сможет у нас отнять никто.

Потемки научной реакции, властно царящие в наши дни за рубежом Советского союза, огромный подъем теоретической мысли в СССР свидетельствуют нам лучше всяких многотомных трактатов о прямой связи судеб теоретического анализа с базисом хозяйственных отношений.

Пророческому предвидению Маркса, что в свое время *наука доктринеров* будет заменена *наукой революционеров*, суждено сбыться как раз на глазах ныне живущих поколений.

---

[1] Статья, напечатанная в «Правде» 22 июля 1933 г. Печатается по тексту газеты. Заключительная глава, посвященная практическим вопросам организации энергетического музея при Энергетическом институте Академии наук СССР, опущена.

Громадное ускорение, которое мы наблюдаем на ответственнейших фронтах нашего хозяйственного строительства, является основной гарантией для достижения в кратчайший исторический срок соответствующих ускорений и в области научного творчества. Отсюда — огромная грядущая роль умелой организации академического штаба научных работников и особая историческая ответственность, падающая на этих работников в наши дни.

Нам думается, что в таких условиях трудно переоценить значение правильно поставленных работ Академии в области электроэнергетики. Колоссальная роль электрификации в выполнении величайших хозяйственных и политических задач второй пятилетки ясна без особых доказательств.

Громадные районные электроцентрали поистине уподобляются мощному сердцу целых хозяйственных систем, и если это сердце работает без перебоев, то самые разнообразные заболевания хозяйственного порядка являются поддающимися рациональному лечению. Обратно: аварийная работа любой крупной электроцентрали бьет сразу по обширнейшей хозяйственной периферии, нарушая первоосновы всякой хозяйственной рационализации. Вот почему здоровая энергетическая система является основной предпосылкой для быстрейшей нормализации, а следовательно, для облегченного самым существенным образом подхода к громадному делу освоения всевозможных технологических процессов.

Завершение технической реконструкции в свою очередь теснейшим образом связано с дальнейшим ростом электрификации как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства и транспорта. Современные способы механизации, химизации, современные методы борьбы с пространством неотрывны от методов электрификации, и творческая мысль во всех этих направлениях неизменно опирается на электрическое звено.

И, наконец, вся производственная и бытовая обстановка трудящихся, самые формы разделения труда, решительное высвобождение от тяжелого физического труда — все это находится в прямой зависимости от того так называемого «коэфициента электрификации», которым мы измеряем внедрение электроэнергетики в нашу хозяйственную практику. Отсюда облегчающие моменты для того, чтобы были сметены окончательно в корзину истории все те тяжкие разрывы, которые связаны с разрывом между трудом женщин и мужчин, между трудом физическим и умственным или между городом и деревней. Построение бесклассового социалистического общества находится, таким образом, в теснейшей связи с ростом электрификации вширь и вглубь, что в свое время уже превосходно было сформулировано В. И. Лениным в его известном положении, гласящем, что «коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны».

II

Значительность поля работ в области электроэнергетики естественным образом вытекает уже из объема работ в этой области, проделанного в первую пятилетку, и наметок, принятых на следующее пятилетие. В 1928 г. в СССР работали 18 районных станций общей мощностью в 610 тыс. *квт*. К концу 1932 г. работают уже 43 районных станции общей мощностью в 2 624 тыс. *квт*. Мощность всех электрических станций нашего Союза выросла с 1 874 тыс. *квт* в 1928 г. до 4 567 тыс. *квт* в 1932 г. В электроэнергетике мы уже достигли весьма мощной концентрации наших установок. 10 наших крупнейших электрических станций мощностью в 100 тыс. *квт* и выше дают треть электроснабжения всей страны. От мелких станций царской России через этапы Волховстроя, «Шатурки», «Штеровки», Зуевской станции и целого ряда столь же солидных электроцентралей мы подошли к такому мировому колоссу, каким является Днепровская гидроцентраль-

Известно, что обычная нагрузка крупных электрических станций далеко неравномерна. Совпадение максимума световой нагрузки с нагрузкой силовой в вечерний и ночной периоды зимнего времени создает острые годовые «пики» таких нагрузок. Для того чтобы удовлетворить спрос своих потребителей, электрическая станция должна быть рассчитана по своей мощности с учетом такого максимального «пика» нагрузки, да, кроме того, она должна еще обладать некоторым запасом, резервом своей мощности на случай выпада своих действующих агрегатов из работы. В результате выходит так, что средняя годовая действующая мощность резко отличается от той мощности машинных агрегатов, которые установлены на станции. Ясно, что чем более равномерно в году используется оборудование на станции, тем более экономно работает вся станция. Предельно выгодная работа была бы в том случае, если бы станция могла работать с полной нагрузкой в течение всех 8 760 час. годового периода.

На практике мы имеем громадные отступления от этой нормы. Однако условия планового хозяйства уже в настоящее время позволяют нам итти с наиболее высоким коэфициентом использования нашего электрооборудования. По данным Госплана этот коэфициент для СССР составлял в 1932. г. 3 570 годовых часов против 3 000 час. для США и 1 700 час. для Англии (1928 г.). В Германии в условиях докризисного ее хозяйства среднее использование установленных мощностей — всего 25%. Таким образом в этой передовой индустриальной капиталистической стране установленная мощность на электрических станциях по годовому расчету на ¾ остается неиспользованной. Этот элементарный расчет довольно наглядно показывает, каким образом самая структура электроэнергетических предприятий развивается в антагонизме с капиталистическим хозяйственным строем.

Чем более разнообразен круг предприятий, вовлекаемых в орбиту действия электроцентралей, чем более велика ее мощность, а следовательно, и весь размах ее возможной работы, тем больше шансов для выравнивания графика нагрузки, для более экономной работы станции. Чем более мощна электроэнергетическая система, тем больше возможностей опоры на крупные и крупнейшие агрегаты, тем более растет эффективность всех ее технико-экономических показателей, падает доля накладных расходов и обеспечивается относительная дешевизна всего капитального строительства. Движение в сторону крупных и крупнейших электрических станций, мощных и сверхмощных электросистем считалось за весь докризисный период капитализма неоспоримой генеральной линией развертывания хозяйства и лишь после кризиса начали раздаваться голоса (особенно редеют в этом отношении техники и идеологи фашизма) против победоносного шествия районных электрических станций с их гигантским разворотом сетей электропередач, перехлестывающих не только границы отдельных городских поселений и целых экономических районов, но и границы государств.

Здесь в особом разрезе мы имеем, по существу, те же основные противоречия между техническим прогрессом и невозможностью освоения капиталистическим строем завоеваний техники, противоречия, имеющиеся налицо во всем капиталистическом хозяйстве в его целом.

Подводя итоги нашего строительства, мы не имеем никаких оснований для смены вех в этом строительстве и для переоценки ценностей генеральных линий технического прогресса. Уже первая пятилетка выравняла наш фронт по электроэнергетике с крупнейшими электроэнергетическими системами Европы.

На 1 января 1933 г. наши наиболее мощные электрические узлы — Мосэнерго и Ленэнерго — характеризуются такими показателями: установленная мощность Мосэнерго в тысячах киловатт выражается в 548 единиц, Ленэнерго — 308 единиц. Выработка электрической энергии в миллиардах

киловаттчасов для 1932 г. составляла: для Мосэнерго — 2,42 для Ленэнерго — 1,53. Те же показатели для крупнейших германских систем Европы по данным, относящимся к докризисному 1929 г., составляют: узел Электроверке при 736 тыс. *квт* установленной мощности характеризовался отпуском энергии 2,33 млрд. *квтч*, для группы берлинских станций Беваг — 664 и 1,12 и, наконец, для Рейнско-Вестфальской системы — 770 тыс. *квт* установленной мощности с общим электробалансом (энергия, выработанная и купленная на стороне) — 2,6 млрд. *квтч*.

Мы видим, что при меньшей установленной мощности мы уже конкурируем с этими системами по суммарному отпуску электрической энергии. Это уже прямой результат нашей плановой электрификации, позволяющий нам сильно итти вверх по коэфициенту использования среднегодовой мощности установленного оборудования. Годичное число часов использования этого оборудования составляло для Мосэнерго в 1932 г. 4 530, для Ленэнерго — 4 712. Таким образом по сравнению с средним коэфициентом использования английских электрических станций мы идем более чем в 2,5 раза выше именно в этих крупнейших наших электроэнергетических узлах. Таким образом каждый установленный в сетях Московского и Ленинградского районов киловатт по своей хозяйственной эффективности равен примерно 2,5 *квт* мощности общего электрического хозяйства современной Англии.

Выработка электрической энергии в СССР, по данным Госплана, возросла по сравнению с 1913 г. в 6,7 раза, а по сравнению с 1928 г. — в 2,6 раза. По коэфициенту электрификации промышленности, т. е. по доле участия электрической силовой энергии во всем балансе механической энергии в промышленности, мы уже являемся второй после США страной мира. Этот коэфициент электрификации промышленности, по данным Госплана, составлял для СССР в 1932 г. 71,2% против 78,3% для США в 1929 г., 64,6% для Германии 1925 г. и 49% для Англии 1929 г.

Крупнейшими станциями мира обладают США. Ниагаро-Гудзоновская система включает в себя 23 гидростанции с крупнейшими единицами и шесть тепловых станций. Накануне кризиса суммарная установленная мощность этой системы была 1,5 млн. *квт*. Выработка электрической энергии составляла 5,7 млрд. *квтч*. Коэфициент использования установленной мощности 3 700 час. Еще более мощная Нью-Йоркская система состоит из восьми тепловых станций, среди которых числятся крупнейшие в мире единицы. Суммарная установленная мощность этой системы 2,36 млн. *квт*. Производство электрической энергии 5 млрд. *квтч*. Коэфициент использования установленной мощности 2 100 час. Наряду с ними Тихоокеанская система дает мощность в 1,12 млн. *квт* с суммарной выработкой 3,7 млрд. *квтч* и коэфициентом использования в 3 300 час.

Мы можем определенно утверждать, что в итоге выполнения второй пятилетки или во всяком случае в конце 30-х годов XX века СССР своими основными электросистемами, охватывающими Центрально-Промышленный район и комбинат Донбасса и Приднепровья, будет превосходить крупнейшие мировые американские системы.

Это мощное движение в области нашей электрификации будет прочно подковано базой своей собственной электропромышленности. Уже в 1931 г. производство первичных двигателей в СССР равнялось 45% выпуска США в 1927 г. Мощность первичных двигателей выпуска этого года достигла 1,3 млн. *л. с.*, что равняется 95% мощности всех электрических станций в дореволюционной России. Продукция электропромышленности возросла за четыре года в пять раз. Уже в 1931 г. советская электротехника, по данным Госплана, заняла третье место в мире после США и Германии. Тип и стандарт наших котлов и турбогенераторов подняты до крупнейших мировых

единиц. Наш Харьковский турбинный завод по своему оборудованию позволяет освоить производство генераторов в 160 тыс. *квт* в одном агрегате. Это уже мировой рекорд.

Первая пятилетка дала резкий сдвиг в области использования гидроэнергетических ресурсов. К началу первой пятилетки в СССР мощность гидроэлектрических станций составляла 112 тыс. *квт*. Из них районных — 72,8 тыс. *квт* (Волховская и ЗАГЭС). К началу 1933 г. действующая мощность гидростанций достигла 437 тыс. *квт*. Одна Днепровская имеет уже установленную мощность в 310 тыс. *квт* при полной мощности в 558 тыс. *квт*. В течение 1933 г. вводится в работу ряд крупных гидростанций: Свирская — 96 тыс. *квт*, Рионская — 48 тыс. *квт*, Дзорагетская — 22 тыс. *квт*, 2-я очередь ЗАГЭС и др. Однако это лишь начало нового тура крупнейших гидроэлектрических сооружений. Значение их с разворотом нашей социалистической стройки трудно переоценить. Пример Волховстроя показывает, какими неоценимыми преимуществами в эксплоатации обладает этот род станций.

Сооружая эти станции, мы, по сути дела, следуем указанию Маркса, что социалистический строй пойдет по линии «очеловечивания» природы. Комбинированное гидроэлектрическое использование мощных водных артерий в целом ряде случаев приводит к решению тройной задачи: энергетической, транспортной и ирригационной. Водный поток изменяет свои глубины и скорость своего течения сообразно нуждам человека. Его живительная влага регулирует прорывы атмосферного увлажнения в строгом соответствии с потребностями того же человека. Его мощная энергетическая зарядка снимает ярмо силовых расходов с миллионов и миллионов людей. Это ли не «очеловечивание» природы?

Современные электрические станции представляют комбинированное действие приручennых «очеловеченных» сил тепловой и электрической энергии. Так называемые теплоэлектроцентрали, работающие для комбинированного снабжения тепловой и электрической энергией широкого круга потребителей, особенно наглядно расшифровывают энергетическую структуру такого рода сооружения. Известно, что по энергетическому расчету коэфициент полезного действия обычной электрической станции, работающей на типовых турбинах конденсационного типа, не превосходит 20 с небольшим процентов. Обычный практический коэфициент полезного действия далеко ниже. Теплоэлектроцентрали дают уже коэфициент полезного действия примерно в 2½ раза больший. Общая мощность теплоцентралей промышленности составляла в 1928 г. всего 55 тыс. *квт*. К 1933 г. она поднялась до 300 тыс. *квт*. Заканчиваемая сооружением теплоэлектроцентраль при Всесоюзном теплотехническом институте в Москве является величайшей в мире, причем ее оборудование основано на последнем слове теплотехники.

Уже Энгельс подчеркивал, что особое значение электрической энергии состоит в том, что в опоре на электрическую энергию мы как бы завершаем круг полезных трансформаций разного вида энергий. Каждая развитая энергосистема ярко демонстрирует такой трансформационный круг. Энергосистемы второй пятилетки будут объединять действия конденсационных электрических станций, теплоэлектроцентралей и гидроэлектрических станций. В ближайшем будущем в эти системы вольется громадная волна электрической энергии от еще более мощного природного и вечного источника энергии — от ветросиловой энергии. Механическая энергия падающей воды или движущихся воздушных струй, тепловая энергия сожженного топлива в последнем счете претворяется в волны электрической энергии, несущейся по сетям электропередач. Но каждая тепловая станция, по сути дела, представляет специальную аппаратуру, дающую в результате бешеной игры угля, воздуха и воды, а в последнем счете кислорода, водорода и углерода

осуществление целевой ставки на киловаттчасы наиболее гибкой и наиболее дробимой из всех видов энергий — энергии электрической.

И план Гоэлро и первая пятилетка главнейший свой упор делали по громадной линии механизации всех и всяческих технологических процессов. Царство крупной машинной индустрии на базе электрификации — вот к чему они стремились. Однако уже Марксом было подчеркнуто, что по мере общетехнологической рационализации на первый план все более и более явственно выступает рядом с рычагом механизации рычаг химизации. Наряду с вопросами трансформации энергий все более и более явственно начинают выступать вопросы трансформации самого вещества.

И Маркс и Ленин — последний с особой отчетливостью — подчеркивали, что рациональное, поставленное на научной основе, производство представляет стройное целое, каждая отдельная стадия которого является завершением предшествовавшей стадии и подготовкой новой производственной фазы. В таком рациональном производственном круге отбросы сводятся к минимуму, ибо и вещество и энергия по всей своей целостности охвачены полезными трансформациями как вещества, так и энергии.

Даже беглый обзор показывает нам, как уже велик пройденный нами путь по осуществлению ленинских планов по электрификации. Уже из этого обзора видно, что наиболее богатые перспективы еще впереди и что они связаны с новейшими достижениями науки и техники в области электроэнергетики.

III

Уже уральская и сибирская поездки Академии наук наглядно показали, что общественные выступления Академии приобретают особую эффективность лишь в том случае, когда Академия выступает как коллектив работников, целеустремленно работающих хотя и в самых разнообразных областях научных знаний, но с прямой опорой на такой разворот нашей социалистической стройки, который документирован в наших перспективных народнохозяйственных планах. Этот опыт показал нам, как прав был Ленин, когда он в свое время возлагал такие большие надежды на работу Академии по исследованию производительных ресурсов страны и по использованию базы электрификации. Огромная аудитория участников особенно живо реагировала на доклады Академии, идущие из этих областей. Нынешний Совет по изучению производительных ресурсов Академии и ее Энергетический институт являются как раз такими органами, которые помогают Академии наук занять необходимые позиции в ее работе по ленинским заданиям.

Еще более поучителен тот опыт обновленной Академии во всей своей совокупности, который проделан за период с 1929 г. Физико-математическая и химическая ассоциации Академии наук концентрируют в себе лучшие теоретические силы страны по этим дисциплинам. Имена академиков, входящих в геологическую ассоциацию и в биологическую ассоциацию, пользуются широкой популярностью в нашей стране. Наши востоковеды и другие академики отделения общественных наук также концентрируют в своей среде крупнейших по своему авторитету работников. 25 корпусов Академии наук и ее институтов занимают обширную территорию около 20 *га*. Число только одних научных сотрудников составляет коллектив свыше 1 200 чел. Квалификация основных работников нашей всесоюзной Академии наук и их многолетняя работа обеспечивают этому учреждению широкую популярность не только в пределах нашей страны, но и за ее рубежом. Без экспертизы наших виднейших академиков не обходится почти ни одно наше крупное хозяйственное начинание послеоктябрьского времени. Достаточно напомнить работы акад. Губкина в области нефти, работы академиков

Байкова и Павлова в области металлургии, академиков Курнакова и Ипатьева по химии и многочисленные работы других академиков по геохимии, минералогии, ботанике и другим биологическим дисциплинам, чтобы видеть, как широк размах общеакадемических работ. И тем не менее, если посмотреть на современное оборудование лабораторий и научных кабинетов Академии и на состояние ее общегражданских сооружений, то бросается в глаза их сравнительная отсталость от того кипучего строительства, которым охвачена вся страна. Научно-исследовательские институты нашей индустрии и сельского хозяйства по богатству своего оборудования оттеснили Академию на задний план. Это и не могло быть иначе при том новом соотношении между теорией и практикой, которое возникло на пройденных первых этапах нашего послеоктябрьского строительства. Громоздкий, выросший путем исторических напластований, научный аппарат Академии не мог успевать за быстрорастущими нуждами нашей индустрии и сельского хозяйства. Ни одно учреждение нашей страны не имеет столько ценных и разнообразных по своей специализации научных работников для самого всестороннего комплексного изучения любой хозяйственной проблемы, как Академия наук СССР. Но стройная организация работ именно такого учреждения, несомненно, сопряжена с особыми трудностями.

Время, однако, не терпит. Весь характер работ второго пятилетия с его основной ставкой на улучшение качества нашего общественного труда властно апеллирует к углубленной научной обработке всех вопросов, связанных с грандиозными заданиями второй пятилетки. Академия прежнего типа не может угоняться за тем строительством по научно-исследовательской линии, которое в наших условиях, естественно, приурочивается зачастую к самым исполинским ячейкам этого строительства. Многие из наших заводских лабораторий по необходимости становятся богатейшими учреждениями для научно-исследовательской работы. Дальнейшая рационализация наших втузов и вузов в свою очередь предопределяет крепкую связь учебно-педагогической работы профессорских коллективов с их научно-исследовательскими работами. Наши вузы и втузы должны обрасти сетью своих собственных научно-исследовательских органов. При таких условиях Академия наук должна превратиться в своего рода головной институт страны, эффективность действия которого будет прежде всего обусловлена органической увязкой работы его основных учреждений с многочисленными учреждениями такого же рода всей страны. Лишь тогда она сыграет свою исключительную роль как главного научного штаба СССР.

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ [1]

5 лет тому назад мы понесли громадную и незаменимую потерю: от нас ушел И. И. Скворцов-Степанов. Если вообще трудно мириться со смертью человека, роль которого в коллективе незабываема, то мириться со смертью такого человека, как Иван Иванович, особенно трудно.

Всем нам, знавшим его, прежде всего бросалась в глаза его исключительная жизнерадостность. Он, можно сказать, воспринимал жизнь как-то особенно глубоко, особенно эффективно. Жизнь в нем самом била ключом.

В лице И. И. Скворцова-Степанова мы потеряли старого большевика, крупного литератора, коммуниста-историка. Но все эти определения не перекрывают образа Ивана Ивановича, живущего в нашем сознании. Правильнее сказать, что в его лице ушел исключительно типичный борец-ленинец, исключительно типичный представитель нашей старой гвардии. И чувство потери особенно обостряется тем, что он был как раз из породы таких людей, которые крепко пускают корни, которые с годами как бы превращаются в мощный исполинский дуб, имеющий свою особую красоту и в старости.

Проследим его жизненный путь. Имеется превосходная статья т. Мещерякова, которая обрисовывает нам достаточно художественно образ Ивана Ивановича. Н. Л. Мещеряков подчеркивает два обстоятельства, выявившиеся в И. И. Скворцове-Степанове особенно ярко. Во-первых, он был «самоучкой»: сам, своим неустанно продолжавшимся всю жизнь трудом выковывал, звено за звеном, весь свой интеллект и рос, непрестанно рос. Во-вторых, он был необычайно жизнерадостен. Иван Иванович — и это очень характерно для его жизнерадостной фигуры, для его жизнерадостной философии — даже отрицал для большевика самое понятие смерти. Он утверждал вслед за эллинами: пока мы живы — смерти нет, а когда приходит смерть — нас нет. К этому он добавлял, что лицо, связавшее себя с жизнью такого класса, как пролетариат, по сути дела, не умирает, ибо идеалы этого класса вечны.

Уход такого человека, как И. И. Скворцов-Степанов, особенно тяжел. Стоит только представить себе Ивана Ивановича в наши дни, представить его многогранные дарования, сразу становится ясным, какое растущее поле для применения деятельности именно такого человека было бы теперь и как много мы в нем потеряли.

Он за свою «самонауку» расплачивался. Мы знаем, что у него были ошибки. Но именно благодаря тому, что эта «самонаука» имела прочные корни в основах нашего ленинского миропонимания, именно потому, что он сам своей жизнью демонстрировал диалектический разворот интеллекта борца, исправление этих ошибок было для него весьма легко. Он рос, креп в партии. И по мере того, как росла наша партия, он и сам приподнимался в своем интеллекте, рос и превращался в кряжистый дуб. И этот дуб был

---

[1] Выступление на вечере, посвященном пятилетию со дня смерти И. И. Скворцова-Степанова, состоявшемся 13 октября 1933 г. Вечер был организован президиумом Коммунистической академии, Институтом Маркса-Энгельса-Ленина и редакцией газеты «Известия».

на наших глазах вырван совершенно случайно. Быть может, он и сломан был лишь потому, что в болезни своей держался как человек, слишком уверенный в своих силах.

Я хочу с самого начала подчеркнуть, что для Коммунистической академии смерть Ивана Ивановича была особенно тяжелой потерей. Иван Иванович крепко связал свою жизнь с работой Коммунистической академии. С самого начала ее образования и до конца своего он был ее членом. Теперь, когда роль Коммунистической академии должна расти в прямой связи с новым разворотом наших работ на культурном фронте, мы с особой остротой чувствуем здесь его отсутствие.

Когда думаешь об Иване Ивановиче, то даже в этом сочетании слов имени и фамилии — Иван Иванович Скворцов-Степанов — ощущаешь нечто такое, что чрезвычайно подходило к ушедшему товарищу.

Я бы сказал, что в нем бросались в глаза три момента: его чрезвычайная простота (он никогда не был на ходулях, всегда был сам собой), его прямота, его особая «кряжистость». В этом сказывалась сила борца, уверенного, закаленного. Эти три элемента в моем сознании как-то невольно связываются с тем, что характеризует собою черты миллионов трудящихся, прошедших особую историческую закалку в центре нашей страны.

Вспоминаю характеристику особенностей «великорусской» складки, которую давал проф. Ключевский. Иван Иванович своей простотой — он был несколько крестьянски, неладно скроен, но крепко сшит — дает повод для такого воспоминания. Припомните, как Ключевский связывает тип крестьянина «великоруса» с борьбой с нашей суровой природой. Веками приходилось пробивать просеки в той синеве лесов, которая была столь характерна для всей нашей центральной полосы, опоры будущей Страны советов. Надо было бороться с суровым климатом, с неблагодарной почвой, которую нужно было выкорчевывать, отвоевывать у того же леса, поливая ее трудовым потом. И вот вырастало племя, такое кряжистое, сильное.

Не все вынесли эту школу. Шел огромный исторический отбор. Черты этого исторического отбора в этой фигуре, простой, сильной, кряжистой фигуре Ивана Ивановича были отлиты с большой яркостью. Иван Иванович носил в себе черты именно такого закаленного труженика, не боявшегося никакого труда, как и все это племя. Он имел «привычку, — как выражался Некрасов, — к труду благородную». И какие он себе каждый раз ставил задачи, каков был масштаб этих задач!

Если Иван Иванович берется переводить, то все три тома «Капитала». Каждый из нас знает, какова эта задача — переводить «Капитал». Посмотрите серию его переводных работ. Вы увидите, что каждый раз он брал преимущественно классические, фундаментальные работы, требующие упорного труда. Посмотрите, какое разнообразие этих работ.

Мне долгое время приходилось об Иване Ивановиче слышать, но непосредственно с ним не встречаться. В 90-е годы, в первое десятилетие девятисотых годов мне приходилось работать преимущественно в Ленинграде, тогдашнем Петербурге. Там у всех нас было уже тогда ясное представление о фигуре Ивана Ивановича, как о москвиче, коренном, кряжистом москвиче. Мы твердо были уверены, что если дело попадает в его руки, оно будет исполнено в смысле трудовой выдержанности, заправки в него недюжинной энергии, на все 100%. С его работами всегда связывалось что-то фундаментальное, прямое и сильное.

Достаточно бегло просмотреть биографию Ивана Ивановича, чтобы убедиться, как он сросся с Москвой, Московским центром, с Московской областью. Он кончает Московский учительский институт, вступает в связь с тогдашними революционными народническими кружками, арестовывается в Москве и высылается в Тулу. Здесь он попадает в кружок Базарова-

Богданова. Возвращается опять в Москву и немедленно приступает к работе в рядах социал-демократии. В 1901 г. его вновь арестовывают и высылают на три года в Восточную Сибирь. В 1905 г. Иван Иванович возвращается из ссылки и опять работает в Московском центре, возглавляя известную московскую литературную группу. В 1906 г. он в числе участников IV Съезда РСДРП. В 1911 г. выдвигается большевиками в третью государственную думу. Затем следует новая ссылка. В общей сложности получается 8-летний период тюрьмы и ссылки.

Из ссылки Иван Иванович опять возвращается в Москву, играет крупную роль в Февральской революции, играет крупнейшую роль в октябрьские дни, как раз в самый трудный период. К этому периоду относятся его работа в «Известиях» Московского совета и непрерывные, по мере разворота пролетарской революции, бои со всеми колеблющимися, со всяческими оттенками меньшевизма.

Москвичи вправе гордиться всей той суммой революционной активности, которая имеется за ними в этом великом фонде трех революций, участником которых в рядах московских работников все время был Иван Иванович Скворцов-Степанов. Многое идет от них из того, что сделало из старой Москвы красную Москву, являющуюся уже не только столицей СССР, но и столицей пролетариата всего мира. В первых рядах борцов, на которых выпала почетная роль создания красной Москвы, неизменно был Иван Иванович Скворцов-Степанов.

Не буду подробно останавливаться на его биографии. Я хочу выделить один наиболее близкий момент его жизни. Известно, что по поручению Владимира Ильича на него выпала огромная работа по составлению первой популярной работы об электрификации нашей страны. Нужно сказать, что многие были очень удивлены таким выбором Владимира Ильича.

В прошлом Иван Иванович никогда не занимался электрификацией, а ведь были работники, которые за это время очень много работали в этой области. Известно, что Владимир Ильич придавал огромное значение такой постановке вопроса об электрификации, которая сделала бы базу последней боевым знаменем в нашей хозяйственно-политической работе. Всем известно также, какое огромное значение Владимир Ильич придавал популяризации электрификации, как огромного государственного культурно-политического дела. И вот выбор Владимира Ильича пал на Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, не техника по профессии, не электротехника, и, как будто, стоящего все время в стороне от специфических вопросов энергетики, для решения которых в первом приближении мы собрали больше 200 крупнейших ученых тогдашнего времени. Тем не менее, более удачного выбора нельзя было сделать.

Я невольно вспоминаю эти первые его рукописи по электрификации, которые он прислал мне для просмотра, самую внешность их: остроугольный почерк, буквы, стоящие плотно одна возле другой, — очень характерный почерк и очень характерная манера писания. Почерк показывает, что здесь словам тесно, а мысли просторно. А острые буквы были настоящим выражением той остроты Ивана Ивановича, той резкости, свойственной ему, которые действительно сильно кололи его противников всевозможных мастей.

Когда у меня впервые появился Иван Иванович Скворцов-Степанов, Владимир Ильич меня предупредил, что нужно всячески помочь ему в этой работе. Естественно было обратиться ко мне: тогда вокруг меня группировались необходимые работники. Мы начали с ним обсуждать работу. Меня поразил прежде всего диапазон его запросов. Он подверг меня многочасовой исповеди насчет того, какие темы мы считаем в плане Гоэлро, в плане Государственной комиссии по электрификации, наиболее важными, какой круг работников связан с Комиссией, какие темы они разрабатывают, в чем эта

разработка выразилась, какие литературные материалы остались. Но он этим не ограничился.

— Вы мне еще укажите, — говорил он, — какие имеются иностранные источники, по которым я мог бы проследить установки темы и сам проверить, продумать все то, над чем тут необходимо подумать.

Диапазон, размах у Ивана Ивановича был огромный, времени на составление этой работы ему дано было мало, и я на первых порах, признаться, думал, что он перебарщивает. Однако мы хотели сделать из этой книги совершенно оригинальное произведение, которое совсем не повторяло бы то, что написала Государственная комиссия по электрификации, а давала бы по возможности всякому свежему читателю еще и физические и общеэкономические основы для уразумения всей концепции.

Мы условились таким образом, что по мере работы он будет непрерывно доставлять мне свои рукописи для просмотра, для того, чтобы уже после вторичного обсуждения подготовлять их к печати. Но я должен засвидетельствовать, что еще никогда я не имел такого соратника, такого работника, прочтение рукописей которого не только не предполагало дополнительную работу по переделке, а доставляло истинное удовольствие тому, у которого он по специальности учился.

На книжке, которую он мне преподнес после окончания, он сделал такую надпись: «Дорогому т. Кржижановскому, бесконечно обиравшемуся мною, но попрежнему богатому идеями. — Автор». Я должен сказать, что не знаю, кто кого обирал. Я должен сказать, что самое приятное ощущение испытываешь, если происходит такое «обирание». Быть обираемым таким образом — большая радость. Мы работаем не для себя, а для того, чтобы необходимые мысли вросли в массу. И такой человек, который мог бы мысль спаять с массой, исключительно дорог для всякого коммуниста. Все мы, я и мои ближайшие сотрудники, испытывали огромное удовольствие, просматривая рукописи Ивана Ивановича.

Я хочу здесь отметить одно обстоятельство. Прочтите предисловие Владимира Ильича, как он хотел, чтобы эта книга была в каждой школе, и посмотрите на судьбу этой книги сейчас, на слабые попытки сделать новое издание этой книги и реконструировать ее. А ведь это такой вопрос, который никак нельзя оставлять в застывшем состоянии, как бы талантлив ни был автор, как бы ни был велик диапазон охвата, проявленного в этой работе, техника так быстро идет вперед, наше строительство так быстро идет от этапа к этапу, что эта книга требует огромной работы для своего переиздания.

Нужно думать, что сейчас мы это обстоятельство подправим и сделаем все, чтобы соединенными силами проделать эту работу. А нужны соединенные силы, ибо легкие попытки после ухода Ивана Ивановича подновить эту книгу были сделаны, но это оказалось таким орешком, который индивидуальными усилиями не раскусишь. Нужно, чтобы большой коллектив взялся за это дело. Нужно, чтобы ответственность за эту работу взяло на себя такое учреждение, как Коммунистическая академия.

Вспоминаю, что мне было особенно приятно убедиться в основательной проработке Иваном Ивановичем вопросов электрификации по сумме тех отзывов и того критического материала, который я слышал от него на основании изучения им двух немецких журналов. Он изучил за много лет журнал «Elektrotechnische Zeitung», важнейший орган немецких электротехников и VDY. Было чрезвычайно радостно видеть, как Иван Иванович самостоятельно, свежо, подойдя к огромному материалу с оружием марксистской критики, быстро и правильно расценивал работавшие здесь силы и самостоятельно пришел к выводам, к которым пришли и мы на основании многих лет работы.

В упомянутой уже статье Н. Л. Мещеряков, пытаясь дать характеристику, как он выражается «эскиз углем» образа И. И. Скворцова-Степанова, очень правильно подчеркивает, что Иван Иванович имел в себе черты нового ученого. Это не ученый, представитель касты, которую мы знали в прошлом. В прошлом в высших учебных заведениях нам прямо говорили, что наука для посвященных, если вы хотите быть командирами в области производства, так накидывайте на науку мантию, чтобы она (наука) для непосвященных (читай: для рабочего класса) была совершенно скрыта. Ученым новой формации, ученым раскрепощенной науки, той, у которой мускулы крепнут в живом практическом деле служения миллионным массам, ярким, типичным представителем такой науки и был Иван Иванович. Этим и объясняется его изумительнейшая многосторонность.

Существуют различные попытки классификации научных дисциплин, группировки их в естественные комплексы. Маркс подчеркивал, что для того, чтобы достигнуть крупных результатов в научно-исследовательской работе, надо ограничить себе поле зрения. И в практической жизни мы знаем, что диференцнация знания, специализация — необходимы.

Но как же быть с другим обстоятельством? До великой Октябрьской революции наука в нашей стране ведь была за семью печатями; до социалистического Октября она служила только известным целям шайки захребетников, на ней была «торжественная мантия», прикрывавшая ее тайны от массы трудящихся. Сейчас все это опрокинуто. Какое море запросов обращается к науке, в самых различных ее сферах, какая накопилась гигантская масса ее материала, могущего оплодотворить жизнь! Попробуйте здесь предписать «воздержаться» человеку с темпераментом бойца! И мы видим диапазон работы Ивана Ивановича: экономист, историк, воинствующий безбожник, переводчик Маркса, Кунова и т. д. и т. п.

Я сделал бы большую ошибку, если бы не подчеркнул еще один определенный момент, очень характерный для Ивана Ивановича, — его тип как партийца. Если попробовать представить образ ортодоксального ленинца-марксиста, я думаю, что превосходным типом такого ортодокса-марксиста будет как раз этот нередко ошибавшийся Иван Иванович. Смотрите, как в этом направлении он все шел и шел вперед. Вспомните, как отзываются о его деятельности ленинградцы в период борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Мне недавно пришлось встретиться с товарищами, которые имели счастье работать в то время. Это, — говорят они, — был Иван Иванович лучших дней, такой веселый, с всегдашней зарядкой боевой энергии, который всех подбадривал, воодушевлял.

И то, что подчеркнуто на эту тему в недавней, небольшой, но очень яркой заметке, напечатанной в «Правде», весьма характерно. Вот подлинные слова Ивана Ивановича: «Нужно ли объяснять ленинской партии, что съезд — верховный идеолог? Нужно ли говорить ленинской партии, что решения съезда подлежат не обсуждению, а уяснению и затем большевистскому исполнению? Нужно ли говорить ленинской партии, что постановления съезда не подлежат оспариванию, не могут ставиться на дискуссию? Сказал съезд партии — сказала партия». Вот он, Иван Иванович, последнего периода своей работы, прошедший громадную трудовую школу исканий, этот человек самонауки, заплативший за эту самонауку, но выправивший свой курс, потому что в корне, в основе он был ортодокс, ленинец, боец.

С И. И. Скворцовым-Степановым было любопытно встретиться не только на поле брани, борьбы, совместной работы, он был любопытен и во время отдыха. Кто-то из товарищей подчеркивал и Н. Л. Мещеряков тоже правильно отметил, что своеобразные, в лучшем случае чудаки, ученые прежнего типа с аскетическим началом, оторванностью от жизни, начетчики, — это такой тип ученых, который ничего общего с породой, представленной

Иваном Ивановичем, не имеет. Он защищал интересы класса, который хочет дать счастье, воплотить в жизнь счастье для всех. Ничего аскетического. Он был жадный к жизни человек, умевший ценить и природу во всех проявлениях, и шутливый, умелый разговор, и дружескую беседу, и все то, что составляет краски в жизни. В основе людей такой складки лежит нечто общее — это непрерывная прямая линия упорного труда с прочной укладкой одного звена к другому, с непрестанным подъемом научной квалификации.

Он был обаятельный, простой человек. Мне с ним приходилось неоднократно встречаться во время отдыха, и вот уже можно сказать — человек, который никогда не скучал и с которым никогда не было скучно. Он самим собой демонстрировал, что для тех, кто связал свою жизнь прочно, неизменно с жизнью великого класса, для тех смерти нет. Он ушел, но я уверен, что для всех, кто сейчас будет вспоминать о нем, будет видеть перед собой с совершенной яркостью его образ, который перетолковать нельзя — неизбежны повторения. Мы будем здесь в своих выступлениях повторяться, ибо слишком отчеканен, ярок этот образ, который согревает нас всех, он будет нас согревать, пока жив наш интеллект, а после нашего исчезновения останется целый ряд неумирающих произведений Ивана Ивановича, до сих пор свежих, живых, юношеских, посвященных самым разнообразным боевым темам. Во всех них особенно яркая черта: они никогда не были оторваны от жизни, они всегда проникались ее глубочайшими интересами, они всегда были ярким отзвуком жизни в ее высших звеньях, звеньях борьбы, в ее стремительном движении вперед.

Сейчас мы вступаем в новую эпоху, когда на наших глазах начинают с особой яркостью сказываться результаты исполинского ленинского дела. Каждая пятилетка демонстрирует нам с особой яркостью, что мы на предшествующих этапах, оценивая величие этого дела, его поистине всемирно историческую роль, каждый раз недооценивали его подлинно-исполинских масштабов. И в сознании нашем в первых рядах борцов, творивших это дело в рядах ленинской старой гвардии, фигура И. И. Скворцова-Степанова не умрет никогда.

ПО ЛЕНИНСКИМ ВЕХАМ [1]

Во всех наших делах мы идем под испытанным руководством ленинской партии и каждую годовщину ухода от нас Владимира Ильича мы используем для того, чтобы, вспоминая о нем, о его наказах, дать себе ясный отчет: каков был пройденный этап, действительно ли мы шли под ленинскими знаменами?

Что при этом невольно вспоминаешь из той поры, когда приходилось работать под руководством Владимира Ильича? Бывало, какой-нибудь трудный вопрос ставит тебя втупик. Напрягаешь мысль. Приходишь к такому выводу, что непременно надо посоветоваться с Владимиром Ильичом. И вот случалось, что как раз на пороге его кабинета вдруг чувствуешь, что вопрос решен. Почему так? Потому, что тот, кто знал Ленина, видел в нем человека, который не имеет себе равного по эффективной насыщенности трудового дня. Поэтому по-особому расценивалось его рабочее время, и прежде чем отнимать у него это время, старательно взвешиваешь шансы собственного решения. Бывало так, что это напряжение как раз перед приходом к нему и давало ответ на стоящую перед вами задачу.

Мне бы хотелось, чтобы сейчас, когда в эти памятные дни мы проводим по всей стране ряд собраний, такое же чувство великой ответственности перед ним ощущалось всеми нами, чтобы мы, так же как и он, никогда не боялись смело глядеть действительности в глаза.

Владимир Ильич сам дал нам пример отношения к великим людям. У него, как и для всего нашего поколения, был свой первоучитель. Этим первоучителем был Карл Маркс. Можно только пожелать, чтобы мы так же относились к Владимиру Ильичу, как Владимир Ильич относился к Карлу Марксу. Пусть то особое чувство требовательности к себе, которое вызывал образ Маркса во Владимире Ильиче, пусть оно живет в нас при воспоминании о последнем. Пусть это чувство явится преобладающим в настоящие ленинские дни, когда мы стараемся по-ленински прощупать нашу действительность на пороге второй пятилетки.

Каждый новый год нам наглядно показывает, каким великим рубежом была великая Октябрьская революция. За эти послеоктябрьские годы мы прошли невиданный в истории путь действительного разворота социалистической стройки. Каждый такой год — год новых громадных количественных и качественных сдвигов. И с каждым годом становится все более и более ясным, что подъем нашей страны имеет поистине мировое значение. В этом расшифровка и особого величия и особых трудностей переживаемой эпохи. Все более и более ясно мы видим, что коммунизм пришел в мир для его творческого преобразования.

Маркс имел полное право, уходя в свой рабочий кабинет, говорить, что он работает для мира. Он подчеркивал, что своей важнейшей задачей он считал задачу воспитывать людей, которые после него должны будут продол-

[1] Доклад в обществе педагогов-марксистов 19 февраля 1933 г. Печатается по тексту сборника: Г. М. Кржижановский, О Владимире Ильиче, ИМЭЛ-Партиздат, 1933.

жать коммунистическую пропаганду. Под этими же основными лозунгами шел Ленин и идут ленинцы.

На истекшем январском пленуме ЦК и ЦКК наш гениальный вождь т. Сталин, подводя итоги первой пятилетки, четко наметил, что мировое значение этой пятилетки «неизмеримо». Это ли не работа для мира? И вся эта работа основана на ленинских коммунистических вехах.

Когда на V Съезде советов мне пришлось строить первый широкий доклад о пятилетке, вся установка этого доклада базировалась на том, чтобы доказать обоснованность пятилетнего плана на подлинных ленинских вехах [1]. И весь доклад заканчивался такими словами:

«Творческая мысль рабочих и крестьян поднимется по ленинским вехам на огромную высоту, и оттуда, как могучий энергетический поток, она будет мчаться по гигантскому полю нашего труда наподобие великой энергетической установки, своей организованной работой сокрушая все препятствия. Она доведет дело строительства социализма до победоносного конца».

По ленинским вехам строила партия и самую пятилетку и вела борьбу за ее осуществление. И ныне, на пороге второй пятилетки, мы прежде всего констатируем, — в этом центр тяжести резолюций январского пленума, — что действительно основные препятствия на наших путях сокрушены, что вырос громадный ленинский актив, борющийся за творческое, коммунистическое преобразование мира. Победоносный конец всецело зависит от дальнейшего правильного воспитания коммунистических армий. Резолюции пленума прежде всего показывают, в чем очередная направленность этого воспитания. Припомните, как в свое время т. Сталин с исключительной силой и яркостью охарактеризовал в своей известной речи о заветах Ленина нашу партию, источники ее кадров и великую ответственность, падающую на нас, как на членов ленинской партии.

В исключительной мировой обстановке подводил январский пленум итоги первой пятилетки. Кризис капиталистического мира принял небывалые размеры. Наше социалистическое строительство подводит нас вплотную к новому громадному подъему. Цифры и факты этого строительства приобретают исторический по своей значимости характер. Отсюда исключительное значение пленума. Документы его войдут в историю, как решающие документы торжества идей Ленина, мировой победы ленинизма. Попробуем хотя бы в основном подчеркнуть выдающиеся моменты этих исключительных материалов пленума.

Попробуем проследить доклады пленума по прямым ленинским вехам. Возьмем первые основные доклады пленума — доклады тт. Сталина и Молотова — и возобновим в своей памяти те цитаты из работ Ленина, которыми докладчики пользовались. Вот передо мной ряд цитат из доклада т. Сталина. О чем говорит первая цитата? Она говорит о том, что хозяйственная работа в Стране советов приобретает особый характер. Именно на нее смотрит весь мир. Решим эту задачу — выиграем в международном масштабе.

Во второй цитате ставится вопрос о выравнивании нашего экономического фронта с фронтом политическим. Политически мы находимся в авангарде мира. Если в нашем экономическом строительстве мы сможем на всех парах устремиться вперед — мы одержим победу, не сумеем — погибнем. Таким образом вопрос о темпах нашего хозяйственного строительства поставлен здесь с величайшей остротой.

Третья цитата говорит о том, что мы живем в преобладающем окружении мелкого крестьянства.

---

[1] V Съезд советов происходил 20—28 мая 1929 г. Доклад Г. М. Кржижановского был 23 мая 1929 г.

В ряде дальнейших цитат подчеркивается, что основным звеном нашей хозяйственной работы является тяжелая промышленность. Если мы не поднимем эту промышленность — мы погибли не только как социалистическое государство, но и вообще как государство. Владимир Ильич решительно подчеркивает, что мы должны соблюдать величайшую экономию в расходовании средств и что накопление их должно итти прежде всего для ассигновок по линии тяжелой индустрии. Он видит, что таким направлением средств мы с особой силой подкрепляем боевой союз рабочих и крестьян. Дальнейшие цитаты характеризуют тупик мелкого крестьянства, если бы оно ограничилось одним лозунгом вольной земли, и показывают, что единственным выходом из положения является переход к крупному образцовому сельскому хозяйству, переход к артельной, товарищеской форме обработки земли. Достаточно отметить эти цитаты, чтобы видеть, как яркий доклад тов. Сталина пронизан подлинными ленинскими вехами и в какой степени этими вехами была пронизана вся работа по планам первой пятилетки.

Второй доклад — т. Молотова — был сосредоточен на задачах первого года второй пятилетки. В этом докладе использованы цитаты из Ленина, в которых, во-первых, решительно выдвигается на первый план показатель производительности труда. Эта производительность труда ставится в прямую зависимость от новой социалистической постановки труда. С величайшей отчетливостью отмечает Владимир Ильич, что коммунистические ростки этой новой производительности труда начинаются с заботы рядового рабочего об охране каждого пуда хлеба, угля и железа, причем не с тем, чтобы пользоваться этими продуктами самому, а с тем, чтобы использовать их для «дальних»[1].

Здесь перед нами цитата, резко отмечающая такие звенья нашего хозяйственного строительства, как топливо, железо, машиностроение, химическая промышленность. С неменьшей решительностью Владимир Ильич подчеркивает связь подъема производительности труда с образовательно-культурным подъемом широчайших масс населения. Припомните вдобавок резкую цитату из Ленина против киселеобразной власти, цитату, указывающую как соревнование и сознательный труд должны сочетаться с суровой дисциплиной. Достаточно продумать эти цитаты, чтобы возобновить в памяти всю основную аргументацию докладчика.

Я не имею в виду воспроизводить перед вами основные доклады пленума. Эти доклады таковы, что пересказ их может только испортить. Каждый сознательный гражданин нашей страны должен изучать эти доклады в их подлинниках. Но я в особенности рекомендую вам итти при этом тем путем, который я здесь намечал. Продумайте, в какой связи были высказаны цитированные мысли Владимира Ильича, и вам станет ясно, на какую огромную научную высоту поднимают наше сознание эти ленинские вехи.

Не меньшее значение, чем эти опорные пункты из подлинной аргументации Ленина, имеет и цифровой материал, прошедший перед участниками январского пленума.

Вспоминаю, что в своем докладе о пятилетке перед V Съездом советов я весьма затруднялся ассортиментом тех чисел, которые надо было демонстрировать перед широкой аудиторией. Я вынужден был тогда выделить в особые группы те решающие численные показатели задания пятилетки, которые были сгруппированы в первой части доклада. Я подчеркивал, что рабочие и крестьяне должны крепко запомнить эти основные задания в 75 млн. *т* ежегодной продукции каменного угля, 22 млн. *т* нефти, 10 млн. *т* черного металла, 22 млрд. *квтч* производства электрической энергии, 8 млн. *т*

[1] «Великий почин», Сочинения, т. XXIV, стр. 342.

химических туков, продукцию общего машиностроения на 2 млрд. руб. и производство сельскохозяйственных машин на 610 млн. руб.

Однако по ходу доклада я убедился, что аудитория была крайне заинтересована цифровыми материалами доклада и отнюдь не переутомлялась ростом цифровой информации. Есть цифры и цифры. Очевидно, что цифры, знаменующие вехи нашего громадного хозяйственного строительства, бывают красноречивее слов. А ведь тогда дело шло лишь о проектных наметках, самый актив борцов за пятилетку еще только созидался. Эти первые цифровые наметки должны были быть подвергнуты суровому практическому испытанию, но когда вслед за мной на кафедру вышли рабочие и крестьяне и стали говорить относительно доложенного плана, что это «наша пятилетка», мне стало ясно, что фактически наши цифровые наметки пойдут вверх.

Припомните, как Владимир Ильич рассчитывал, что наши планы явятся мобилизующим началом для рабоче-крестьянской трудовой армии, и отметьте в своем сознании тот факт, что именно в борьбе за первую пятилетку во всей нашей стране разлилась огромная волна воодушевленного энтузиазма, волна ударничества и соцсоревнования. Мне думается, что не меньшее мобилизационное значение имеют и те итоговые цифры и те наметки новых цифр, которые были оглашены на январском пленуме. Ведь эти цифры являются теперь уже не проектными; они являются четкими символами действительных побед. И мне хочется сказать вам, что вы сами должны позаботиться, чтобы ряд этих цифр и вся их система прочно отчеканились в вашей памяти.

Трудно переоценить значение тех достижений, которые знаменуют эти цифры. За годы пятилетки удельный вес промышленности возрос от 48 до 70%, т. е. страна наша стала действительно индустриальной страной; наша деревня снабжена за это время 120 тыс. новых тракторов мощностью почти в 2 млн. *л. с.*; крестьянство получило сельскохозяйственных машин на сумму 1 600 млн. руб.; созданы почти 2,5 тыс. МТС, 200 тыс. колхозов, 5 000 совхозов; коллективизацией охвачено 60% крестьянских хозяйств и свыше 75% посевной площади. Наши хлебозаготовки поднялись с 11,6 млн. до 23,2 млн. *т* и почти целиком стали зависимы от обобществленного сектора сельского хозяйства. Я не буду останавливаться на дальнейшем перечислении. Ваша прямая обязанность — самим изучить все эти цифры, ибо нет цифр, более знаменательных для всего мира трудящихся.

Вспоминаю, какой подъемный момент был на V Съезде советов, когда наряду с огнями электрических станций на огромном полотне, демонстрировавшем перед съездом строительство первой пятилетки, загорелись звездочки грядущих МТС, а затем блеснула линия огней нашего совхозно-колхозного строительства от западных границ до берегов Тихого океана. Тогда еще многим казалось, что это лишь увлекательная мечта, а теперь перед нами это сама действительность.

Представьте себе, какую бы силу имела аргументация докладчика на этом съезде, если бы он мог предвидеть те сдвиги в производительности колхозного труда, которые отметил цифрами т. Молотов. Припомните, что, говоря об итогах прошлой посевной кампании, он констатировал, что уже 7 млн. колхозников обслужены МТС, что ими засеяно 35 млн. *га*, так что на каждого колхозника приходится по 5 *га*; 8 млн. хозяйств колхозников, не обслуженных МТС, засеяли около 31 млн. *га*, что дает 4 *га* на каждое хозяйство, а рядом 10 млн. единоличников посеяли всего 19 млн. *га*, причем на каждое хозяйство приходится по 2 *га*.

Тов. Молотов констатировал, что производительность труда колхозников, работающих без помощи МТС, в два раза выше производительности труда единоличников, а работающих с помощью МТС — превосходит в 2,5 раза. А ведь эти сдвиги относятся к первоначальной работе колхозов, положение

которых т. Сталин правильно сопоставил с положением нашего строительства фабрик и заводов в первые, переломные годы восстановительного периода.

Значение таких цифр переоценить поистине трудно.

Трудно исчерпать в кратком докладе богатейшее содержание январского пленума. Эта тема нисколько не суживается от того обстоятельства, что в нашу задачу входит лишь рассмотрение материалов этого пленума под углом зрения ленинских дней. Выше мы видели, что все работы этого пленума пронизаны ленинскими вехами и что такая установка придает особую значительность и фактам и цифрам, трактовавшимся на пленуме. Выше мы видели, что в известном смысле подлинные доклады пленума являются незаменимыми. Поэтому я свожу свой доклад лишь к некоторому подчеркиванию.

Если спросить себя, где же был фокус работ пленума, то на этот вопрос приходится отвечать вполне положительно. В этом нетрудно убедиться, прослеживая ход революционной мысли в нашей стране. В свое время Владимир Ильич обстоятельно показал, в какой неразрывной связи шла работа нашей революционной мысли с тем мировым наследством, которым мы располагаем в этой области. Социализм является борьбой за высвобождение человека из-под власти стихий.

Одной из грозных и мощных стихий является стихия «власти земли». История крестьянства показывает, что за многие и многие столетия и до наших дней еще никогда и ни в одной стране не удалось побороть эту власть земли. Аграрный вопрос до сих пор является поистине вопросом вопросов. Январский пленум подводит, таким образом, итоги вековой борьбы, фактами и цифрами устанавливая, каким образом человечество решает и должно решать борьбу с крестьянским тупиком. Несомненно, что здесь-то и лежит фокус работ всего пленума.

Мы с вами знаем, что развернутая фаза коммунизма совпадает, по выражению Маркса, с ключами материального изобилия. Наше великое послеоктябрьское строительство наглядно показывает, в какой прямой зависимости находится это материальное изобилие с преодолением власти земли.

Прослеживая материалы пленума, вы видите, что эту широкую формулу ныне мы на законном основании сводим к четкой постановке единственного вопроса, вопроса о той системе мероприятий, которая даст нам возможность овладеть организационно-техническим строительством наших совхозов и колхозов. Мы с вами знаем, какой великий путь борьбы и испытаний должны мы были пройти для того, чтобы дойти до наших нынешних позиций в аграрном вопросе. Вот почему кульминационным пунктом всего пленума было второе выступление т. Сталина, где и этот вопрос подвергся ясной и точной расшифровке. Речь т. Сталина показала, что теоретизировать на эту тему больше не приходится, что центр тяжести сводится к разумной практике, в которой наши судьбы мы поистине держим в наших собственных руках.

Вторая завершительная часть пленума по преимуществу была посвящена нашему колхозно-совхозному строительству. Материалы пленума показывают, что если практика наших совхозов и колхозов находится еще на первом строительном этапе, то подведение итогов этой практики в той форме, которая демонстрировалась работами пленума, позволяет нам считать этот этап уже пройденным. Нет никаких сомнений, что вторая пятилетка должна и может быть тем великим показом миру окончательного подчинения власти земли воле коммунистов, о котором мы говорили выше. С этой точки зрения этот показ не только окончательно подрывает корни капитализма в нашей стране, он подрывает их во всем мире.

Роль Владимира Ильича на этих путях исключительна. В огромной энциклопедии его знаний изучение крестьянского вопроса заняло особо почетное место. По его работам можно проследить, как сумел он связать все то ценное, что шло от прошлого нашей революционной мысли, с научным социализмом Маркса и Энгельса.

Я позволю себе обратить ваше внимание на материалы переписки К. Маркса с В. И. Засулич по вопросу о возможной роли русской общины[1]. Вы увидите, какую работу должен был проделать К. Маркс для составления того коротенького письма, которым он решил в конце концов ограничиться. Он составил целых четыре черновика, и интересно проследить по этим документам, как шел ход мысли нашего первоучителя. Эти материалы прежде всего показывают, каким сложным является аграрный вопрос и какой огромный исторический материал нужно охватить для того, чтобы конкретизировать его правильное решение для определенной страны. Маркс прослеживает весь переплет тех исторических напластований, через которые прошла сельская община, и предостерегает от всяких опрометчивых ставок на общий механизм капиталистической костоломки. Учитывая с беспощадным реализмом все то, что идет от прорывов частновладельческого хозяйства, он, тем не менее, предвидит огромные исторические возможности в опоре на те навыки, которые в русском крестьянстве идут от формации артельного труда. Этот документ в свете переживаемой нами действительности приобретает сугубую ценность и находится в прямой непосредственной связи со всей установкой Ленина в аграрном вопросе.

Невольно вспоминаю я при этом первые встречи с Владимиром Ильичом в Петербурге в начале 90-х годов. Наш кружок, по преимуществу состоявший из студентов-технологов, считал, что представители его — недурные марксисты, но Владимир Ильич резко выделялся среди нас не только тем, что он был первоклассным марксистом, но и особым умением применять положения Маркса к конкретной русской действительности. Он уже и тогда был большим знатоком земской статистики и той части статистики, которая относилась вообще к нашему хозяйственному учету. Свою классическую работу о развитии капитализма в России, как известно, он начал писать еще в период своего тюремного заключения. Эта работа по преимуществу посвящена детальному изучению той дифференциации крестьянства, которая явилась результатом нашего капиталистического довоенного прошлого.

Таким образом, товарищи, вы видите, что наш январский пленум в этом разрезе подытоживает огромный исторический путь. Большевики с гордостью могут сказать, что именно здесь, в этом важнейшем вопросе, они идут в авангарде, и фактические сдвиги в строительстве сельскохозяйственной коллективизации, отмеченные в материалах пленума точными цифрами и фактами, имеют такую значимость, которая позволяет поставить их рядом с теми величайшими достижениями научного анализа, которые мы имеем в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. С законной гордостью можем мы сказать здесь вслед за Марксом: «Hic Rhodus, hic salta», что можно в данном случае перевести так:

«Прочь с дороги — здесь наше место!»

Я говорю здесь перед обществом педагогов-марксистов, и поэтому мне здесь нечего доказывать, в какой степени связаны наши судьбы с нашими кадрами. Каковы те силы, которые обеспечивают нам прочную опору на возможные кадры? Этот решающий вопрос был поставлен и в докладе тов. Сталина. Он спрашивает: «Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу, несмотря ни на что? — и отвечает:

[1] Переписка опубликована в Архиве Маркса и Энгельса, т. I, стр. 270—286.

«Это прежде всего активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это, наконец, особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР».

Вы видите, товарищи, на какой прочной базе стоит наше социалистическое строительство. Те из вас, которые побывали на наших великих стройках, представляют себе, какое неизгладимое впечатление они производят. Если наши слова «советы», «пятилетка» вошли в международный обиход, то можно не сомневаться, что в такой же обиход войдут наименования наших крупнейших строительств. Здесь, в этом гигантском поле труда, создаются не только командные высоты нашего хозяйства, создается новый человек, растет новый ленинский актив. Пользуясь этой трибуной в эти торжественные дни, невольно хочется послать большевистский привет этим героическим коллективам, этим многим тысячам тружеников, имена которых большей частью остаются безвестными. И невольно скорбишь, что зоркий глаз Владимира Ильича уже не может видеть этот гигантский разворот его начинаний.

Партия ставит перед нами задачу сочетать пафос строительства с равноценным пафосом по освоению уже созданного, по овладению, прочному, фактическому, сложной современной техникой этих командных высот. Не подлежит сомнению, что основным залогом наших дальнейших побед остается единственный залог: быть твердыми ленинцами. Тогда все остальное приложится. А чтобы прочно стоять на этом пути, надо не забывать учиться не только по Ленину, но и по основным работам Маркса и Энгельса, у которых Владимир Ильич не уставал всю жизнь учиться.

Маркс дал нам целый ряд классических исторических работ. Он был большим знатоком и великой буржуазной революции во Франции. Говоря о Конвенте этой революции, он утверждает, что: «Конвент был максимумом политической энергии, политического могущества, политической мудрости».

Краткая формула — «ВКП(б)» — по своему мировому значению едва ли может найти во всей истории прошлого что-либо равнозначимое. И едва ли человечество и переживало когда-либо такой переворот, какой оно переживает в наши великие дни. Великое время должно создавать великих людей. Однако причины и следствия меняются местами. В последнем счете история творится руками людей, и трудно сказать, как пошла бы вся наша действительность, если бы она не была сплетена с великим образом Ленина.

Большое счастье для нашей партии, что во главе ее стоит верный ученик В. И. Ленина и гениальный продолжатель его дела тов. Сталин. Я вспоминаю, что, характеризуя тов. Сталина, Владимир Ильич неоднократно подчеркивал мне одну его особенность — его совершенно исключительную твердость и настойчивость в достижении намеченной цели. Быть действительным фокусом воли миллионов — какое качество может быть более драгоценным в эпоху решающих этапов пролетарской революции.

Владимир Ильич любил цитировать дантовский лозунг: «Смелость, смелость и еще раз смелость». Тов Сталин неустанно демонстрирует перед нами решающую роль революционного дерзания, обоснованного на научно-продуманном расчете. Чеканная ясность формулировок тов. Сталина,

верность его ленинским заветам закреплена в целом ряде исторических документов, показывающих, как надо отстаивать правильную ленинскую генеральную линию партии. Трудно переоценить величайшее значение тов. Сталина на этих путях. Январский пленум завершает окончательный разгром оппозиции, и вы, вероятно, сами уже прочли в газетах заявление лидеров правой оппозиции, расписывающихся в своем поражении.

На январском пленуме был еще один момент громадного подъема настроения всех его участников. Этот подъем создался докладом т. Ворошилова относительно наших достижений по военной обороне.

Величайшей трагедией буржуазных революций прошлого была кратковременность их эффекта, связанного с быстро наступавшими волнами реакции. Маркс учил нас в свое время особенностям пролетарских революций, их своеобразным путям. Мы знаем, однако, что Владимир Ильич неустанно предупреждал нас о временности наших мирных передышек, о том, что враги нас подкарауливают со всех сторон.

Яркий доклад т. Ворошилова показал нам, как много сделано за последние годы для обеспечения нашей обороноспособности, для исполнения одного из основных ленинских заветов, чтобы быть на-чеку и беречь обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока. Легко можно было бы показать, что без этой громадной военной нагрузки наши достижения и в области легкой промышленности и вообще по линии индустрии и сельского хозяйства были бы гораздо большими, но разве мы могли допустить в этом деле какой-нибудь риск?

В заключение своего доклада т. Ворошилов отметил исключительные заслуги нашего великого вождя т. Сталина и здесь, на этом важнейшем сторожевом посту Республики советов. Да, товарищи, мы можем гордиться составом нашего партийного руководства, его умением в сложнейшей обстановке выделить важнейшее и решающее и с железной решимостью проводить свои директивы в жизнь. А для этого руководства высшим критерием была проверка своих дел ленинским наказом.

Наша социалистическая индустриализация характеризуется не только тем, что она проводится в жизнь ленинской партией, опирающейся на многомиллионный актив трудящихся, освобожденных от цепей прошлого великой Октябрьской революцией, но и своеобразной диалектикой своего развития. Формула Ленина, что коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, становится все более и более популярной не только в пределах нашей страны, но и за ее рубежом. В настоящем докладе я могу лишь весьма кратко коснуться этой темы, но она как нельзя более уместна, ибо мы знаем, какие надежды возлагал Владимир Ильич на крупную промышленность нашей страны, вырастающую на базе плановой электрификации.

Вы знаете, что многие наши крупнейшие заводы могут в настоящее время конкурировать по своим масштабам и по своей технике с лучшими американскими образцами. На ближайшем этапе мы ставим себе задачей прежде всего овладеть организацией и техникой этих колоссов. Однако уже и в настоящее время выясняется, что неминуем и следующий этап работы, что в наших условиях кооперация фабрик и заводов предъявляет к нам такие требования, которых не знает западный капиталистический мир.

Аналогичные сдвиги мы наблюдаем и в нашем электростроительстве. Мы уже начинаем недовольствоваться кооперированием электрических станций путем объединения их электрическими сетями. Мы начинаем в каждой станции видеть своеобразный энерго-химический комбинат. Одновременно в обширнейшей области химической технологии мы все яснее и яснее видим, какую громадную роль играет техника водорода, кислорода

и углерода в главенствующих отраслях этой технологии. А ведь каждая тепловая станция по сути дела не что иное, как своеобразная аппаратура, увязывающая бешеную игру водорода, кислорода и углерода, в результате которой получается электрическая энергия. Еще вчера мы смотрели на электрическую энергию лишь как на завершающее звено превращения другого вида энергии. Завтра мы будем иметь в ней силу, властно распоряжающуюся самим веществом.

В свете этих беглых соображений уже становится ясно, что мы до сих пор еще в недостаточной степени оцениваем великое значение формулы Ленина о связи коммунизма с электрификацией. Диалектика нашей социалистической индустриализации показывает, что именно таким путем мы наиболее надежным способом приближаемся к овладению всеми и всяческими источниками материального изобилия, совершая, таким образом, кратчайший путь к фазе развернутого коммунизма.

* * *

Известно, что великие люди прошлого особенно плохо оценивались их ближайшим окружением, которое с особой легкостью могло подмечать слабые стороны их человеческой сущности. Это, однако, не применимо к образу Владимира Ильича. По отношению к этому человеку все его близко знавшие могут подтвердить как раз обратное: чем больше его знаешь, тем больше ценишь и любишь. Он был великим человеком уже нового мира, того мира, героическое начало которого связано с героическими действиями многомиллионного коллектива. Его величие шло от этой проникновенной связи его личности с заветными думами и рвущейся из цепей прошлого волей этих миллионов. В нем не было никакой фразы, никакой позы, как нет таковых в великом развороте пролетарских революций.

И тем не менее он был крупнейшим колоссом нашего века. Каждый прошедший год удаляет нас все более от него. Но подобно тому, как колоссы горных цепей познаются не в непосредственном соседстве, а только по мере известного удаления, так и образ Владимира Ильича с каждым отдаляющим его ныне от нас годом только выигрывает в своей монументальности.

Прошедший перед нами январский пленум является, таким образом, прежде всего исключительно ярким документом ленинизма, мирового торжества ленинских идей. Таким он и отойдет в историю, таким и сохранится на долгие и долгие годы в сознании и памяти миллионов трудящихся всего мира.

ЛЕНИН, ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА [1]

ЛЕНИН И ПУТЬ ДИКТАТУРЫ

10 лет назад страну нашу и весь мир трудящихся постиг удар: безвозвратно ушел Ленин. И сколько раз за эти годы исключительной борьбы и великих испытаний мы мысленно обращались к нему, снова и снова ощущая тяжесть этой потери! Но, мужаясь, мы шли вперед и вперед, неся его знамя и гордясь им, как лучшим залогом наших побед. Знамя это стало на наших глазах великим символом борьбы пролетариев мира, а облик Ленина и все величие его дел неизменно служили и служат светоносным маяком в борьбе революционного пролетариата.

Таков суд времени. И какого времени! Каждый послеоктябрьский год — большая историческая полоса, ибо еще не было в истории эпохи, насыщенной столь динамическим содержанием, как эти годы после нашего великого Октября, который во всей исторической летописи является наиболее решающим переломным моментом в судьбах всех трудящихся.

16 лет пролетарская диктатура творит свое великое дело построения социализма на огромных пространствах нашей страны. Что можно сделать больше для пробуждения революционного сознания пролетариев мира?

Какой водоворот событий, какая явная и скрытая борьба всех сил старого мира бушевала за эти годы около ленинского маяка! А маяк разгорался все сильнее и сильнее.

Сколько праздных речей отзвучало, сколько громких репутаций померкло, сколько вскрыто этой наиболее критической из эпох фальши, лицемерия, лжи и измен! А облик В. И. Ульянова-Ленина все также ярко горит в умах и сердцах растущих миллионов его последователей, неустанно идущих к своим последним боям. Идеи Ленина со все большей силой на наших глазах продолжают завоевывать сознание трудящихся. И все его мысли, изложенные таким исключительно простым, ясным и точным языком, только выигрывают перед судом времени, продолжая поражать нас, по мере углубленного изучения его наследства силой своего научного предвидения.

Так случилось, что само время превратилось для Ленина из орудия суда в орудие апофеоза. И в грядущих поколениях этот апофеоз Ленина будет расти и расти, а имя его никогда не померкнет в веках. Не может этого быть, ибо, что бы ни случилось с нами, никогда не померкнет слава нашего великого Октября, а с ней вместе и слава этого человека, которому великая пролетарская революция обязана более, чем кому-либо из всей плеяды пролетарских борцов.

Но почему же вышло так, почему слава величайшей победы трудя-

---

[1] Статья, напечатанная в журнале «Большевик» № 1 и 2 за 1934 г. Вошла также в сборник Академии наук СССР, посвященный В. И. Ленину. Печатается по тексту журнала «Большевик».

щихся так неотрывно связана с именем Владимира Ильича Ульянова-Ленина?

Владимир Ильич как-то рассказывал об одном жутком моменте своих выступлений в ранний период Смольного. Был он приглашен сделать доклад о текущих злобах дня на большом митинге фронтовиков в громадном здании Петроградского манежа.

Пробираясь к кафедре, он уже почувствовал, что аудитория вражески подобрана. В самом начале речи он был окружен подозрительной ватагой, вооруженной с ног до головы и готовой на все. Владимир Ильич говорил, как в острых местах выступления нарастала около него грозовая атмосфера: еще один момент, и он будет растерзан. Но он умалчивал о том, каким образом все закончилось для него бурной овацией. Однако нам легко себе представить, как это могло и должно было произойти. Теперь в нашем распоряжении имеются многочисленные документы, многосторонне характеризующие неотразимую силу ленинских выступлений.

Ленин не был оратором в шаблонном смысле этого слова, он был величайшим народным трибуном. Таким трибуном может быть только человек громадного ума, воли и чувства. Пламенный интеллект Ленина весь был соткан из чувств величайшей преданности лучшим интересам низов всесветной социальной пирамиды дооктябрьских дней. Его универсальный ум, ум редкого по своей энциклопедичности ученого, одинаково сильный и в анализе и в синтезе, обладавший даром поразительно широких обобщений и расчленения любого сложного целого на тончайшие детали, *никогда не знал покоя*. Это был ум *гения*, ибо для него не было такого груза учености, который мог бы задавить его своей инерцией и держать в плену уже пройденных этапов. Этим гениальным умом он проследил в веках все перипетии борьбы человека с человеком, не щадя своих усилий, самостоятельно взбираясь на те кручи, которые, по завету его первоучителя К. Маркса, способны были вскрыть наиболее широкие горизонты. И на этом гранитном фундаменте мирового опыта неустанным и предельным напряжением такого ума было воздвигнуто грандиозное здание ленинской тактики и стратегии пролетарских боев. Таким путем Ленин сделался конгениальным Марксу вождем мирового пролетариата, только *на других, еще более ответственных этапах пролетарской борьбы и научного социализма, охватывающих еще большие массивы людей, еще более сложные переплеты отношений человека с человеком, еще более обширные материалы человеческих дел и человеческих усилий*.

И Маркс и Ленин дали совершеннейшие образчики учета классовой расстановки сил и шансов победы эксплоатируемых в сложнейшей исторической обстановке. С пламенной энергией убеждали они мир обездоленных, что *пролетарский молот* уже налицо, что его сокрушающие и творческие силы гигантски велики, надо лишь разумно направить его, и победа обеспечена, на этот раз *решающая, конечная победа*. При их жизни не было равных им по глубине и жизненности оценок боевых позиций пролетариата, а после их смерти для борцов за пролетарскую диктатуру осталось огромное наследство. От него идет бурная, боевая отвага вождей пролетариата, не знающая сомнений и колебаний, умеющая удивительно сочетать хладнокровие расчета с боевым энтузиазмом.

Наиболее великие истины оформляются в простых и ясных положениях. Величайший из классов истории — пролетариат, сын нужды и труда, которому не до аффектации. А ведь как раз этим классом написаны лучшие страницы истории, преисполненные предельного героизма.

Недаром, по вещему слову К. Маркса, пролетарские революции чужды

феерического блеска бенгальских огней. Однако только этим революциям под силу поднять очередную историческую новину.

Простота, ясность, точность и деловой разум высказываний — вот что нужно в первую очередь, чтобы *убеждать* пролетарскую аудиторию. Тогда слово превращается в дело, ибо у людей честного труда от теории к практике только один шаг. Но чтобы окончательно *победить* такую аудиторию, нужно еще кое-что. Нужно, чтобы она почувствовала вас своим, родным и близким, радующимся ее радостями и скорбящим ее скорбями.

Пролетарская аудитория — самая требовательная из аудиторий, и на законном основании. Драгоценно время людей честного, созидательного труда и не подлежит безнаказанно расточению.

Пролетарская аудитория — аудитория людей наиболее сплоченного коллектива — отличается максимальным единством. Люди класса, надежно устремленного вперед, — пролетарии — являются естественными врагами фразы и всякой затушевки действительности. Они не боятся правды, как бы горька она ни была, ибо в их коллективном сознании не может не жить всепобеждающая уверенность в победе. Но эта требовательная аудитория — самая благодарная аудитория. По собственному опыту пролетарии знают, каким трудом дается не только хлеб насущный, но и хлеб истины. В них воспитано великолепное чутье великого класса, черпающего силу в самих поражениях, класса, который может искать и заблуждаться, но которого «всерьез и надолго» нельзя ни обмануть, ни обморочить. Они превосходно отличают ученика и подмастерья от мастера не только в цехе, но и на трибуне. И нет границ для их беззаветной преданности, если трибуна становится их трибуной, *трибуной высокой любви, мощного гнева и великих дел*.

Достаточно было Ленину предстать перед любой аудиторией пролетариев, чтобы в кратчайший срок такая аудитория почувствовала в нем и своего близкого, родного человека и своего мощного трибуна-вождя. Идя на ответственные собрания пролетариев, Владимир Ильич неизменно тщательно готовился и всегда не без волнения всходил на кафедру. Ведь и для него это была *своя* и наиболее *высокая* из аудиторий, непосредственно держащая в своих руках и судьбы пролетарской борьбы и судьбы его жизни, целиком отданной интересам этой борьбы. Невольно вспоминаешь при этом, как один из его противников в парижский период ленинской эмиграции злобно жаловался: «Как можно справиться с этим человеком? Ведь мы думаем о пролетарской революции лишь по временам, а он все 24 часа, потому что даже тогда, когда спит, он видит во сне лишь одну эту революцию».

По моей профессиональной деятельности приходилось мне встречаться ряд лет на работе с одним ветераном-электрокабельщиком, честным немецким тружеником, величайшим мастером своего дела. Меня всегда поражало и трогало, когда я видел, с каким волнением и заботой этот старик-пролетарий, имевший за своими плечами 20 лет кабельной практики, изо дня в день укладывал очередные километры кабеля в их земляное ложе, как заботливая мать детей в колыбель.

30 лет Владимир Ильич изо дня в день с несравненной заботой укладывал свое огневое слово — живой провод его ведущих мир мыслей — в колыбель пролетарского сознания. И никогда, никогда не допускал он при этом ни малейшего неряшества, ни унизительной для обеих сторон вульгаризации и ни иоты отклонений даже от самой неприглядной действительности. Вот почему любая аудитория пролетариев убеждалась и побеждалась гением этого человека.

Но класс пролетариев войдет в историю как *могильщик клас-*

сового общества. Разрывая свои цепи, он одновременно рвет цепи, которые держат в плену весь человеческий труд от его низших звеньев до самых высоких, какие представляет изощренная квалификация. Он даст новый разворот и царству машин, и высокой технике, и всему миру наук и искусств. Он не постесняется и с самыми стихиями природы, грозными для человека-раба, но бессильными перед державной коллективной волей трудящихся. Он «очеловечит» и леса, и горы, и речные потоки, и стихии ветров. На гранях *второй* пятилетки нам все это видно более ясно, чем кому-либо и когда-либо.

Для того чтобы быть гением такого класса, надо быть властелином знания. Надо уметь сочетать частичные интересы с интересами великого целого, надо уметь считать на миллионы и одновременно зорко учитывать доли процентов. Надо бдительно держать вахту на генеральных путях строительства, надо уметь брать дальний прицел и одновременно неустанно зондировать ближайшую обстановку. И надо непрерывно сокрушать оружие врага своим еще более остро отточенным оружием. Маркс и Ленин — лучшие представители таких гегемонов теории и практики пролетарской борьбы.

Владимиру Ильичу не раз случалось победоносно выходить из схватки с целой фалангой противников на самых широких собраниях. Здесь помогала не только железная логика его аргументации. Никто не мог соперничать с ним в меткости удара по уязвимым звеньям враждебной аргументации и в поразительной по широте охвата оценке самого существа общей ситуации. Однако большую роль в таких случаях играло и то обстоятельство, что, отстаивая с предельной зоркостью интересы пролетарской революции, он тем самым прокладывал пути для освобождения всего человечества.

И все же случай в Петроградском манеже имел исключительный характер.

Кто были те фронтовики, которые штурмовали трибуну Владимира Ильича в манеже? Здесь мы подходим к величайшему вопросу мировой борьбы труда — к вопросу крестьянскому. Фронтовики были по преимуществу крестьянами. Население довоенной России было подлинным крестьянским морем. И достаточно беглого обзора путей российской революционной мысли, чтобы видеть, что тайны этого моря были тайнами для многих поколений.

Почти во всех странах мира крестьянское движение, крестьянские восстания были предтечами движения пролетариата. Всюду деревня в последнем счете представляла и громадную резервную армию труда и громадный резервный фонд злейшей эксплоатации человека человеком. А там, где капиталистическая индустриализация запаздывала, там и до наших дней аграрный вопрос является наиболее острым социальным вопросом.

Однако и при любом социальном строе земля — это наиболее мощное орудие для использования наиболее могущественного источника энергии, солнечной энергии, — останется производственным фактором первенствующего значения. Паруса индустриализации, по меткому выражению т. Сталина, бессильно заполощут, если они будут оторваны от грузной барки сельского хозяйства; одним из наиболее проклятых для капитализма вопросов является именно вопрос о глубоком и неизлечимом в капиталистических условиях разрыве между городом и деревней. Современный тупик дикой реакции фашизма, воскрешающего дикие времена средневековья, является иллюстрацией безнадежности капиталистического крестьянского тупика.

Вековое горе приниженной и задавленной крепостнической и полукрепостнической русской деревни нашло яркое отражение и в лучших произведениях наших писателей и во всей истории российского революционного

движения. Все народническое движение нашей страны, преемственная связь революционных идей от декабристов к передовикам сороковых годов и до великого страдальца Чернышевского, а от него к славному периоду «Земли и воли», «Народной воли», развитие вековой борьбы с самодержавием, все это показывает, насколько фигура русского крестьянина являлась одной из центральных фигур во всем невероятно трудном процессе революционных исканий путей победы.

Вспоминаю, что в одном из сибирских разговоров со мной Владимир Ильич как-то развивал оригинальную мысль, что даже в индивидуальном развитии отдельных людей можно наблюдать весьма часто революционные сдвиги в их интеллекте. Преисполненная внутренних противоречий общественная среда не может гарантировать индивидууму безмятежное движение к его духовному расцвету. Скорее наоборот, высокоодаренный и динамически крепкий интеллект быстрее трансформирует «количество в качество», нередко переживая при этом мучительные переломные моменты — скачки кризисов.

Владимир Ильич говорил о себе, что ему самому пришлось переживать такой критический период в самой ранней юности, на одном из предпоследних курсов гимназии. Этот кризис юных лет Владимира Ильича сопровождался резким разрывом с религией. Можно предположить, что и казнь любимого брата была для него новым моментом резкого перелома. В исключительно тяжкой обстановке, в удушливых условиях «безвременья» 80-х годов, приходилось искать юному Владимиру Ильичу своих путей в жизни. Но «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Владимир Ильич вышел победителем и нашел свои, ведущие мир, пути.

Герои «Народной воли» не переставали оставаться героями и в глазах революционных марксистов 90-х годов, несмотря на то, что им ясны были ошибки этих героев в оценке методов и орудий революционной борьбы. Переход от народовольчества к революционному марксизму был неизбежно связан с переоценкой всех ценностей, идущих от революционного народничества. Такая переоценка была отнюдь не легкой задачей. Еще велись бесконечные споры о самой возможности развития капитализма в такой отсталой аграрной стране, какой была тогдашняя Россия. Недостаточное знакомство с великим наследством Маркса в те времена нередко приводило к опрометчивым выводам.

Черновики письма К. Маркса к В. И. Засулич наглядно показывают, с какой осторожностью подходил великий ученый к разрешению вопроса о судьбах русской земельной общины. В тогдашней семье марксистов немало было и таких упрощенцев, относительно которых иронически предупреждал и сам К. Маркс, подчеркивая, с одной стороны, что анатомия классического капитализма Англии еще отнюдь не дает готового представления о конкретной социально-экономической эволюции любой из стран, а с другой — он отмежевывался от вульгаризаторов марксизма. С точки зрения этих упрощенцев основной массив крестьянской России тогдашних времен был лишь своего рода мертвым историческим грузом, часть которого могла перевариться в спасительном котле капитализма. Народнический лагерь после разгрома революционного народничества ясно скатывался к гнилому компромиссу с крепостнической верхушкой, тщательно прикрывая это свое грехопадение либерально-демократическими иллюзиями. За нашим рубежом все выше и выше поднимали голову ревизионистские течения в тогдашней социал-демократии. А разрозненные отряды российского рабочего класса еще находились на подступах к сознательным политическим боям, проходя школу стихийных и полустихийных забастовок.

Трудно переоценить значение борьбы Владимира Ильича с эпигонами

народничества, с легальным марксизмом, со всем ревизионистским охвостьем, как трудно переоценить и все его зачинательство в строительстве крепкого фундамента монолитной российской коммунистической партии.

Первое, что бросилось нам в глаза при встрече с Владимиром Ильичом в 90-х годах в Петербурге, — это его исключительное умение во всеоружии цифр и фактов подходить к марксистскому разрешению сложнейших вопросов нашей действительности. Перед нами был не только выдающийся знаток Маркса и Энгельса, но и большой знаток нашей статистики, в особенности земской. И крестьянское море тогдашней России уже не было для него обезличенной стихией. Уже будучи юношей, он ясно видел, на какие действующие отряды разбивается этот многомиллионный массив. Он уже тогда знал специфику крестьянских нужд в различных районах крестьянской России, перековывая сырую руду многотомников статистики в несокрушимый металл марксистского анализа.

Открывая первый том сочинений Ленина, миллионы читателей наших дней сами могут видеть удивительную зрелость марксистской мысли этого гиганта-юноши. Но лишь немногие читатели отдают себе отчет в том труде, который должен был затратить Владимир Ильич для своих мастерских, сжатых статистических итогов анализа крестьянской жизни. Этот всесторонний анализ аграрного вопроса с мировым его охватом пронизывает и последующие творения Владимира Ильича. В его лице мы имели величайшего знатока крестьянского движения, и если он проявил предельное искусство в руководстве пролетарским молотом, то неменьшее искусство он проявил в решении запутанного в веках аграрного вопроса, в победоносном учете исторических нужд крестьянского серпа. Это глубокое знание конкретной российской крестьянской действительности немедленно давало себя знать, когда Владимир Ильич выступал перед крестьянской аудиторией. Крестьянские ходоки были весьма частыми посетителями Владимира Ильича, причем не было случая, чтобы такая делегация уходила от него, не унося с собой самых благодарных воспоминаний о нем, как о своем мощном друге и защитнике. Вот это обстоятельство наряду с многочисленными документами его непосредственных выступлений перед воинскими частями перед отправкой их на фронт в военную полосу великой Октябрьской революции в достаточной степени уясняет нам, почему враждебная стихия петроградских фронтовиков знаменательного митинга в манеже не могла устоять перед ним.

Серп и молот — законная эмблема Страны советов — является поистине ленинской эмблемой.

* * *

Нынешний общественный актив СССР поставлен в исключительно благоприятные условия в смысле возможностей и темпов для своего политического и культурно-технического подъема. Многосторонний показ нашей социалистической действительности, с одной стороны, и углубляющийся развал капиталистических стран — с другой, быстро кончают со всеми тайнами стихийных отношений человека к человеку. Решающие слова уже сказаны, итоги подведены, и общественные отношения стали обнаженными и прозрачно ясными. «Боевой союз рабочих и крестьян» — это основное звено ленинского стратегического плана — представляется активу наших дней чем-то почти само собой разумеющимся. А между тем, трудно себе представить формулу большей исторической сложности и насыщенности и положение более действенное для судеб практической социалистической стройки. Десятки и десятки работ Владимира Ильича посвящены расшифровке этой формулы в ее самых широких «опосредствованиях и связях». Отнюдь не случайно, что как раз в этом ленин-

ском стратегическом звене и был наиболее гибельный момент как для «правого», так и для «левого» уклона. Если теперь, когда наши совхозы и колхозы стали почти всеобщей формой организации сельскохозяйственного труда, нам становится совершенно ясной вся связь «неслыханного ускорения» нашей социалистической хозяйственной стройки с «10—20 годами» «правильных взаимоотношений с крестьянством», с основным массивом крестьянства, то еще немногие годы тому назад даже в рядах нашей партии как раз в этом направлении наблюдались опасные шатания. И то обстоятельство, что партия наша не сдала как раз в этом ответственном звене ленинского стратегического плана, в чем мы в наибольшей степени обязаны лучшему ученику и продолжателю дела Ленина — т. Сталину — быть может, является наиболее ярким документом исторически действенного значения «опережающей» теории.

Правильное решение вопросов «серпа», и отсюда уже один шаг до правильного решения следующей и не менее тупиковой для всех эксплоататорских укладов проблемы — до решения национального вопроса.

Братство народов не может быть осуществлено вне победы рабочего интернационала. Подобно тому как победа пролетарской революции имеет своим побочным продуктом действительную реализацию таких демократических лозунгов, которые остаются только благими пожеланиями при движении верхушечных классов, подобно этому действенное проведение в жизнь лозунга о самоопределении национальностей может быть обеспечено только пролетарской диктатурой.

Кровавый опыт мировой войны, как показывают нынешние военные подготовки капиталистических стран, еще не оказался последним и решающим для выявления всей безнадежности позиций радетелей капитализма в национальной проблеме. А шествие финансового монополистического капитализма только окончательно заводит эту проблему в ряд кровавых тупиков.

Революционная работа Ленина неотрывно связана с его напряженной борьбой против разжигания национальной розни и против угнетающих национальностей. На разных этапах своей революционной работы он дал исключительные образчики политики революционного пролетариата в этом сложном и трудном вопросе. Он завершил свою деятельность в этом направлении громадным показом стройки межнациональных отношений в Стране советов, показом всемирно-исторического значения.

Можно смело утверждать, что судьбы отсталых национальностей в семье народов СССР являются одним из наиболее движущих начал для исторических сдвигов в мировой политике.

Не приходится подчеркивать, что эта отсталость является прямым отображением культивируемого империалистами отсталого аграрного типа экономики таких национальностей. Ленин неустанно подчеркивал, что в национальном вопросе во главу угла надо ставить «не абстрактные и не формальные принципы», а в первую очередь точный учет исторически конкретной и «прежде всего экономической обстановки». Для отсталых народностей переход экономики в политику на первых порах идет по линии отстаивания конкретных крестьянских нужд, находя свое конечное развернутое выражение в плановом хозяйственном социалистическом строительстве, в котором экономика и политика представляют неразрывное единство.

Итак, ключом к пониманию ленинской национальной политики является то обстоятельство, что он был величайшим знатоком и защитником ведущих интересов рабочих и крестьян. Вот почему, когда скорбная весть о кончине Ленина пронеслась по нашим городам и бескрайным

крестьянским полям, она нашла здесь себе такой поразивший весь мир, беспримерный отклик неподдельного горя миллионов. И этому горю знаменательно вторило эхо скорби колониальных и полуколониальных стран отдаленнейших уголков мира.

Еще при жизни Ленина в широчайших слоях трудящихся мира творилась о нем красочная и многоязычная легенда, как о волшебно-всесильном защитнике всех угнетенных и всех униженных. Но еще никогда исторически действенное значение «творимой легенды» в такой степени не нуждалось в каком бы то ни было прихорашивании своего объекта.

* * *

От беспомощных размышлений на тему о «язве пролетариата», через долгие стадии борьбы рабочего класса для элементарной защиты его прав на бытие, через первые взлеты социалистических исканий у социалистов-утопистов до светоносных установок теории и практики революционной борьбы пролетариата, данных Марксом и Лениным, какой длительный и трудный путь исторического подтема! Этот подъем еще далеко не завершен. Весь мир находится в полосе новых гражданских битв и военных потрясений. Теоретическое «преодоление» действительности еще не означает ее практического преобразования. Недаром Маркс бросил как-то знаменательное замечание, что человечество реализует только разрешимые задачи: дело здесь прежде слов.

Разрыв между теорией и практикой Ленин относил к числу самых проклятых разрывов, свойственных капитализму. Причины такого разрыва ясны. Основным агентом истории является человек, «преследующий свои цели». Но перекрест индивидуальных и групповых воль в перегородочном классовом обществе таков, что равнодействующая остается скрытой величиной. В этом смысле власть стихии вещей стоит над разумом и волей человека. Для ее преодоления необходим переход из царства необходимости в царство свободы, необходимо построение социализма. А на этих путях «каждый шаг действительного движения дороже дюжины программ».

Отсюда отнюдь не следует, что мы должны быть сторонниками ползучего эмпиризма. Ни на минуту нельзя упускать из виду, что борьба за социализм одновременно есть «последняя и решительная» борьба за уничтожение разрыва между теорией и практикой по всей линии такого разрыва. По меткому замечанию т. Сталина, практика без теории слепа, а теория без практики беспредметна.

Уже у Маркса и Энгельса мы находим прямые указания о необходимости на другой день после низвержения капитализма найти опору в хозяйственном плане. Однако для них вопрос о создании планового социалистического хозяйственного режима практически не стоял и не мог стоять ребром так, как он встал перед Лениным после Октябрьской революции.

Изучение советского строительства показывает, что у нас вопрос о едином народнохозяйственном плане был поставлен на очередь не сразу. Лишь с завершением военной полосы нашей пролетарской революции, в 1920 г., партия и правительство впервые постановили приступить к выработке научного единого общегосударственного хозяйственного плана. В основу этого плана легла, как известно, «электрификация всей страны». Таков был прямой наказ Ленина, и легко показать его исключительную роль во всем великом и ответственнейшем деле созидания в нашей стране действительно планового социалистического хозяйственного режима. Победы на этом пути не только увенчивают целые века исканий, но и с особой непосредственностью и полнотой подводят нас к нашим конечным целям. И, быть может, на этих путях нам с особой наглядностью

видно, как глубоко было предвидение Маркса, утверждавшего, что с победой социализма неминуемо связана победа науки революционеров над наукой доктринеров.

Самозамыкание науки в себе, научное доктринерство, дающее себя знать под ходкими лозунгами чистой науки, «науки для науки», абсолютного «примата науки» и т. д., — лишь особо яркий образчик всеобщего разрыва теории и практики при капитализме. По мере углубления пропасти между общественным характером производства и частнохозяйственным присвоением этот разрыв принимает особо вопиющие формы. Покорному слуге капиталистических порядков наших дней ничего не остается, как или цинично прокламировать свое бессилие справиться с господствующей «стихией вещей», все более и более беззастенчиво апеллировать к религии, или торжественно заявить, что общество животных и человеческое общество принципиально едины суть. Как известно, иронии истории угодно было увенчать перед глазами ныне живущих поколений стремительное вырождение желтого социализма (социал-демократии) в социал-фашизме в особую разновидность «зоологического» социализма (национал-социализма).

Какая разница с эллинской зарей культуры, когда ее пышный расцвет так перекрывал ограниченный примитив тогдашнего материального базиса!

Неслыханные завоевания новейшей техники, система разнообразнейших машин с их взаимной тончайшей автоматической увязкой, победа над самим пространством и фашистская проповедь, рекомендующая человечеству ходить на четвереньках. Однако подземные силы клокочут. Фашизм — это наиболее карикатурная смесь злобной демагогии и доктринерства как орудие реакционнейших элементов финансового капитала — лишь поучительный документ агонии старого мира.

Квази-электрификацию и плановый бред фашистов Ленину уже не довелось видеть. Не пришлось ему познакомиться и с мечтаниями нынешней технократии и с потугами на общегосударственный хозяйственный план в условиях капитализма, которые ныне под ударами кризиса произрастают в разных странах, как грибы в дождливую осень. Однако ему уже отлично были известны и судьбы предложений К. Баллода (Атлантикуса) и многие из тех документов по «социалистическому» планированию, которые выдвинуты в особенности немецкой социал-демократией. Эти документы — яркий образчик доктринерски-безжизненного восприятия действительности, «науки», целью которой является увековечение капиталистической системы наемного рабства. А документы, идущие от Ленина, — это как раз то, что идет от мыслителя-борца и что намечает пути для ряда поколений, знаменуя с особой силой победу науки революционеров над наукой доктринеров.

Мы уже видели, каковы были пути Ленина к социалистическому плану. Надо было прежде всего организовать пролетарскую волю к победе и для этого затратить десятки лет на организацию революционного авангарда рабочего класса — партии коммунистов-большевиков. Счет на «миллионы» немедленно приводил к боевому союзу рабочих и крестьян. Надо было дать этому союзу боевое крещение в несчетных битвах в условиях многонациональной страны и при бешеной атаке всех сил старого мира. И, лишь закрепив огнем и мечом величайшую в мире победу труда, Ленин сосредоточил свои усилия на новом поле борьбы — борьбы за социалистический хозяйственный план строительства нового общества.

Пути Ленина к социалистическому плану — пути победы пролетарской диктатуры. 17 апреля 1871 г. Маркс писал Кугельману: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, благодаря Парижской коммуне, вступила в новую фазу. Как

бы ни кончилось дело непосредственно, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»[1].

В условиях тягчайшей голодной разрухи 1921 г., критикуя завершение в основном первой, военной, полосы великой Октябрьской революции и обосновывая новую экономическую политику, Ленин на IX Съезде советов говорил, что «в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох. Какие бы мучения нам ни пришлось еще выдержать, у нас этого никто назад взять не может. Из империалистической войны и из наших бедствий мы вышли только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю»[2].

Двухмесячное бытие Парижской коммуны завершилось кровавой расправой «стай псов и палачей». Но еще долгие и долгие годы мир будет изумляться гениальному творению Маркса, посвященному судьбам Парижской коммуны, пламенные строки которого так волнуют и так ведут вперед. Но еще более будет изумляться мир величию дел Ленина, давших миру такой развернутый показ пролетарских методов убеждения и принуждения, показ подлинного лица пролетарской диктатуры, перед исторически движущей силой которого меркнут все документы прошлого.

Сила этого показа немедленно встанет между нами во всех своих мощных очертаниях, как только мы сосредоточим свое внимание хотя бы на основных моментах ленинской стратегии и тактики в хозяйственном строительстве. Она еще более документируется в годы «великого перелома» всем арсеналом живых цифр и непоколебимых фактов, относящихся к решающей для мира трудящихся эпохе, десятилетию после смерти Ленина. Но прежде чем перейти к этим разделам настоящей статьи, нам хотелось бы подчеркнуть еще один момент, резко отличающий шансы коммунаров XX века от шансов борцов Парижской коммуны.

В упомянутом уже письме от 17 апреля 1871 г. к Кугельману Маркс пишет: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (подчеркнуто нами. — *Г. К.*)[3].

Послеоктябрьские годы — это такая историческая полоса, когда, по ленинскому выражению, иной месяц идет за год, а в годе концентрируется сила событий, которых в иное время хватило бы на добрые 10—20 лет. Если можно сказать, что все историческое движение как бы напоминает движение по восходящей спирали, исключающей возвращение к ситуациям пройденного пути, то не надо забывать, что в послеоктябрьскую полосу эта «спираль истории» была охвачена неслыханным революционным вихрем. И трудно переоценить роль кормчего, который стоял у руля после смерти Ленина, в период такой бури, которая поистине низвергает последние глубочайшие остатки и погребает обломки старого мира.

Не подлежит сомнению, что наши пятилетки, наши полосы великих социалистических работ и развернутого социалистического наступления» —

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 108.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, стр. 136—137.
[3] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 109.

лишь этапы неминуемо смыкающейся с ним аналогичной борьбы и аналогичных дел мирового пролетариата. Мы первые, но мы не последние. В этом смысле все содеянное нами есть лишь начало еще более великого начала. С разворотом мирового наступательного движения социализма, с вовлечением в революционный вихрь все новых и новых стран и все новых и новых миллионов людей все более и более отходит на задний план, вернее — отпадает самая возможность какой бы то ни было установки на «непогрешимо благоприятные шансы». Но тем самым возрастает в своем удельном историческом весе тот шанс, тот «случай», который мы имеем налицо в характере людей, стоящих вначале во главе движения».

И то обстоятельство, что на наших глазах к великим именам Маркса, Энгельса и Ленина голосами многомиллионных масс всех народов и их авангарда — Коммунистического интернационала — приобщается имя их величайшего преемника — т. Сталина является крепчайшим залогом грядущих побед нашей пролетарской диктатуры, какие бы исторические испытания еще ни стояли на нашем пути.

ЛЕНИН И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Литературное наследство В. И. Ленина — прямое продолжение учения величайших революционеров Маркса и Энгельса. Гений Владимира Ильича, прямо смыкаясь с гением Маркса и Энгельса, развивая и углубляя их учение, реализует для всего человечества дальнейшую генеральную линию марксизма, этой величайшей науки, неразрывно связанной с практикой, этой поистине «науки из наук» о классовой борьбе, о человеческом обществе, о человеке.

Коммунизм пришел в мир для творческого преобразования жизни. Вчитываясь в работы В. И. Ленина, прежде всего поражаешься их глубокими жизненными корнями. Здесь нет ни лишних слов, ни бесплодных умствований. Работа его громадного ума всегда сочетается с ярким огнем революционного чувства, а то и другое вырастают на проникновенном охвате самой действительности. А так как историческая действительность наших дней такова, что именно на плечи нашей страны выпала почетная и трудная обязанность сделать решающий для мира шаг от теории социализма к его фактическому построению, то этим в особенности дается ключ к уразумению всемирно-исторического значения трудов В. И. Ленина.

В XXV томе сочинений В. И. Ленина имеется замечательный набросок плана брошюры, посвященной диктатуре пролетариата. Здесь Владимир Ильич подчеркивает что «диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. В этом гвоздь, этого не понимают.

Пролетариат, как особый класс, один продолжает вести свою классовую борьбу» [1].

Достаточно вдуматься в эти строки, чтобы понять, какими боевыми путями должно итти воплощение социализма в жизнь. Ни на минуту не должны мы упускать из виду, что каждый этап построения социализма есть этап классовой борьбы пролетариата, меняющей свои формы, но не прекращающейся вплоть до завершающего момента — коммунистического построения общества.

Опыт Парижской коммуны показал миру, в какой неразрывной связи находится борьба пролетариата с творчеством новой жизни. За двухмесячное существование коммуны ее деятели должны были развить кипучую работу, декретируя новые пролетарские законы, властно врывающиеся во

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, изд. 3-е, стр. 5.

все отрасли жизненного обихода. Уже опыт коммуны показал, что пролетариат не может попросту использовать готовый государственный механизм прошлого, как это в широкой мере всегда оказывалось возможным при буржуазных революциях. Ломка всего управленческого аппарата, всех норм и связей прежней хозяйственной структуры неизбежна, а это чрезвычайно усложняет новое хозяйственное строительство, немедленно присоединяя к ряду растущих в обстановке борьбы хозяйственных прорывов и острейшую проблему кадров.

Получается своего рода «порочный круг»: чем глубже революционные сдвиги, тем выше целевые ставки, но тем больше, резче по всей линии приходится отказываться от связей, созданных прошлым. А это немедленно ведет к прорывам хозяйственного фронта в его текущем дне, который не может безболезненно отрываться от своего вчерашнего дня. Таким образом получается временный, но острый разрыв между великой перспективой и текущим моментом, сеющий колебания и сомнения в рядах некоторых борцов. Отсюда величайшие трудности, ожидающие пролетарскую диктатуру при развороте ее работ на хозяйственном фронте, отсюда необходимость особой стратегии и тактики борьбы на этом фронте.

Ленинский стратегический план «наступление социализма» превосходно учитывал эти обстоятельства. Основное отличие от военно-полевой обстановки в том, что самый элемент времени здесь определяется порядком величин, гораздо больших, чем в случаях «политических и военных» боев. Непонимание этого обстоятельства, между прочим, и приводило некоторых к совершенно неверному восприятию того, что Ленин называл новой экономической политикой. Говоря о необходимости проводить нэп «всерьез и надолго», Ленин отнюдь не отбрасывал общего плана социалистического наступления. Недаром в своем тогдашнем письме ко мне Ленин подчеркивал, что «новая экономическая политика, по существу, ничего не изменяет» в нашем хозяйственном плане.

Более неусыпного стража драгоценного пролетарского революционного времени, чем Ленин, история революционной борьбы пролетариата не знает. Уже 1 октября 1917 г. в своей известной статье «Удержат ли большевики государственную власть» Владимир Ильич наносит смертельный удар всему болотному лагерю меньшевиков, полуменьшевиков и доктринеров, ютившихся около «Новой жизни». Среди других вещих строк этой статьи мы читаем:

«Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но...но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно в интересах трудящихся.

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план пролетарского государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплоатируемых, против эксплоататоров. Под «общегосударственным» мы согласны понимать лишь то, что сламывает сопротивление капиталистов, что дает всю полноту власти большинству народа, т. е. пролетариям и полупролетариям, рабочим и беднейшим крестьянам» [1].

Когда читаешь эти строки, столь характерные для всего ленинского ли-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXI, изд. 3-е, стр. 269—270.

тературного стиля, как будто слышишь его голос, его речь, которые завоевывали аудиторию своей исключительной, идущей из глубин существа правдивостью, как будто видишь его зоркие глаза, которым дано было видеть то, чего не могли видеть другие.

В проекте резолюции для Чрезвычайного съезда советов крестьянских депутатов в конце ноября 1917 г. Ленин предлагает: «...Правильное и планомерное распределение между областями и жителями государства продуктов земледелия и продуктов промышленности и господство над банками...». В начале января 1918 г. он пишет специальную статью на тему «Как организовать соревнование?»[1]. Здесь он подчеркивает, что «Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также кроме «военных» мер подавления сопротивления эксплоататоров — громадных организационных, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства». Отмечая затем, что рабочие и крестьяне не сразу освоятся со своим положением господствующих классов, но что ход Октябрьской революции будет рвать обветшавшие путы и выводить «трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни», Ленин весь огонь аргументации сосредоточивает на том положении, что «учет и контроль — вот главная экономическая задача каждого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще». На почве организации практического учета и контроля он рекомендует развивать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. «...Наступил именно тот исторический момент, — указывает Ленин, — когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...». Он преисполнен твердой уверенности, что организаторские таланты среди рабочих и крестьян найдутся: «Их много в народе. Они только придавлены. Им надо помочь развернуться. Они и только они при поддержке масс смогут спасти Россию и спасти дело социализма».

Великий пролетарский Октябрь находится на своем начальном этапе. Россия тех дней — это бурно вздымающаяся революционная стихия, бросающая волю людей по своему, а не по их произволу. Но воля Ленина уже стоит над этой стихией. Еще придется ждать несколько лет, пока знамя социалистического соревнования развернется с могучей силой над многочисленной армией строителей социализма. Но Ленин это предвидит. И он не хочет терять ни минуты драгоценного времени. Безошибочный теоретический расчет подкрепляется в нем глубокой страстной убежденностью в творческой энергии мозолистых рук. Рабочие и крестьяне нашей страны никогда не забудут этой пламенной статьи, в которой В. И. Ленин, вверяя именно им судьбы своего дела, великого дела революции, формулировал один из своих основных заветов: «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»[2].

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXII, изд. 3-е, стр. 165—167.
[2] Там же, стр. 158.

Послеоктябрьские события продолжают нарастать. Триумфальное шествие социалистического Октября как бы приостанавливается. Бурная демобилизация военных частей наносит конечный удар уже и без того полуразрушенному войной транспорту: поезда управляются не расписанием, а штыками. Послевоенное разложение в полном разгаре. Мелкобуржуазная стихия грозно дает себя знать наличием огромного количества элементов, «которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее, что можно». Немудрено, что иным Брестский мир в таких условиях представлялся роковым ударом для всего дела пролетарской революции. Смятение врывается в ряды непосредственных соратников Владимира Ильича. На VII Съезде РКП(б) В. И. Ленин выступает с яркой программной речью. Яснее других он видит, «что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачами». Только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть нарастающее кругом разложение. Военная методика действий «на-ура» здесь не поможет. Пролетарская советская власть в задачах своей внутренней организации наталкивается на специфические недуги недоразвитого российского капитализма. А между тем, надо сделать ставку на нечто гораздо более крупное, чем то, на что посягал и высоко индустриальный капитализм: «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи». Одновременно Ленин отдает себе полный отчет в том, что нельзя полагаться и на военную передышку после Бреста: «Мы не знаем, какова будет передышка, — будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать...». Может статься, — говорит он, — что придется отдать и Москву... Судите сами, каковы были плечи этого богатыря, какова была его уверенность в творческих силах пролетарской революции, если при таких условиях он утверждал:

«Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить... Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим». Эти слова проверены великой послеоктябрьской историей и не требуют комментариев.

Начало марта 1918 г. VII Съезд РКП(б) закончился. Брестский мир был принят. Резолюции VII Съезда намечают целый ряд мероприятий по социалистической организации производства. Перечитывая эти резолюции в настоящее время, мы видим, что в них намечаются лишь общие линии работы в области хозяйственно-экономической, так как практически самое поле работы далеко не прощупано. И вот в такой-то обстановке, ровно через месяц после этого съезда, 6 апреля 1918 г. Владимир Ильич пишет свое поразительное письмо в Академию наук, развивающее «набросок плана научно-технических работ». Это письмо впервые было опубликовано лишь после смерти Владимира Ильича — 4 марта 1924 г. Никогда с нами, работниками комиссии Гоэлро, Владимир Ильич о нем не говорил. В этом случае у него была своя обдуманная тактика по отношению к коллективу техников и экономистов, собранных в комиссии Гоэлро. В конце декабря 1921 г. на IX Съезде советов, обращая внимание съезда на мою брошюру, являющуюся отчетом о деятельности Госплана, Владимир Ильич говорит:

«Вы увидите, как, с точки зрения коллективной мысли инженеров и

агрономов, ставится вопрос о нашем государственном плане вообще. Вы увидите, как подходят к делу... с точки зрения коллективного опыта, инженеры и агрономы, рассчитывая, между прочим, до каких пределов мы можем отступать»[1]. И Владимир Ильич не имел оснований вмешиваться в эту часть теоретической работы, поскольку он видел, что выводы обширного круга практических работников, по сути дела, лишь развивают те положения, к которым он сам уже давно пришел. В своей известной отповеди критикам плана Гоэлро он, между прочим, советовал гнать таких коммунистов, которые не умеют сотрудничать с беспартийными специалистами и внимательно прислушиваться к честному голосу зрелого опыта.

Несомненно, что мы можем судить о глубине и высоком качестве обобщающего теоретического положения в прямой пропорциональности с размером того о п е р е ж е н и я, которое им дается, по сравнению с тем, что до него являлось общепринятым. За 15 лет, которые истекли для Академии наук с того времени, как Ленин написал это письмо, работниками Академии было сделано немало ценных вкладов в наше социалистическое строительство. Однако когда в наши дни работники Академии обсуждают новую перспективу своих работ в связи с осуществляемой по инициативе т. Сталина более тесной смычкой Академии наук с хозяйственными наркоматами, с Госпланом и с Совнаркомом, они единодушно приходят к тому выводу, что основные пути предстоящей работы уже четко намечены Владимиром Ильичом в цитируемом документе. Послеоктябрьский период — это не одна, а целый ряд исторических эпох. Такое опережение действительности — исключительное достояние гения!

Итак, мы видим, что, несмотря на кратковременность первой послебрестской мирной передышки, Владимир Ильич не теряет ни минуты в смысле развертывания целого арсенала мероприятий борьбы и работы на экономическом фронте. Мы видим, что основной упор делается здесь на организацию хозяйственного учета и контроля с новым разворотом самодеятельности рабоче-крестьянских масс. Однако документы свидетельствуют, что полет его мыслей уже перекрывает эту установку. У Ленина уже имеется совершенно зрелая схема государственного плана хозяйственного строительства в целом. Он пробует поручить часть этих работ тогдашним скромным силам Академии наук, но бурная военная полоса событий преграждает это русло его работ. Приходится провозгласить решающий лозунг: «Все для победы!».

Наступает полоса так называемого военного коммунизма; в 1919 г. мы ходим на острие ножа, но уже в начале 1920 г. он засаживает работников Гоэлро за выработку первого плана нашего народного хозяйства на базе электрификации. Новый поворот событий — новая тактика. На IX Съезде РКП(б) (29 марта — 4 апреля 1920 г.) Ленин выступает с новой программной речью. «Историческое чудо» — победу слабой, обессиленной, отсталой страны над сильнейшими странами мира — он анализирует до глубочайших корней. Откуда, — спрашивает он, — те «централизации, дисциплина и неслыханное самопожертвование», благодаря которым мы победили? и отвечает: собственность разъединяет, социализм объединяет. Международный союз пролетариата еще не оформлен никакой писаной инструкцией, но, тем не менее, он уже решающая мировая сила, и в нем ключ нашей победы. Период Брестского мира, «когда царил хаос и энтузиазм», отходит в прошлое. Теперь наши враги рассчитывают, что пролетарская власть погибнет в хозяйственной разрухе, и зоркий стратег предупреждает:

«Перед нами теперь очень сложная задача: победив на кровавом фронте, победить на фронте бескровном. Это война более трудная. Этот

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 131.

фронт самый тяжелый. Это мы открыто говорим всем сознательным рабочим»[1]. Что же явится решающим в этой борьбе, — спрашивает Ленин. И отвечает «Тут решают сознательность и твердость рабочего класса. Если он готов к самопожертвованию, если он доказал, что он умеет напрячь все свои силы, то это решает задачу. Все для решения этой задачи». Вся эта речь проникнута и осмотрительной осторожностью и боевым воодушевлением, под которым так и слышится лозунг героического французского пролетариата: «Жить, работая, или умереть сражаясь».

В конце своего выступления Владимир Ильич останавливается с большим одобрением на брошюре т. Гусева, выдвинувшего вопрос о хозяйственном плане:

«Мы можем при помощи специалистов еще детальнее разработать этот основной хозяйственный план. Мы должны помнить, что этот план рассчитан на много лет. Мы не обещаем сразу избавить страну от голода. Мы говорим, что борьба будет более трудной, чем на боевом фронте, но она нас более интересует, она составляет более близкий подход к нашим настоящим, основным, задачам, она требует максимального напряжения сил, *того единства воли*, которое мы проявили раньше и которое мы должны проявить теперь. Если мы эту задачу решим, тогда мы одержим не меньшую победу на фронте бескровном, чем на фронте гражданской войны» (Разрядка моя. — *Г. К.*)[2].

Вот в какой обстановке рождалась система нашего социалистического планирования и закладывались краеугольные камни тех наших хозяйственных планов, которые впоследствии завоевали себе столь почетную мировую известность! Мы видим, что Владимир Ильич, а с ним и вся страна наша могла делать ставки на эти планы только в меру того героического резерва, который они имели *в живой силе самих трудящихся*. Техника и наука здесь учтены в полной мере, но поставлены на свои места. Причина и следствие меняются местами. Хозяйственный план, мощное орудие диктатуры пролетариата, правильно опирающийся на разум и единство воли рабочего класса, сам становится действенной силой для исторически действенной мобилизации, для поддержки железной дисциплины, для выковывания стальной, единой воли миллионов.

Исчерпывающую трактовку роли хозяйственного плана В. И. Ленин дает лишь на VIII Съезде советов. Незабываемо выступление Владимира Ильича на этом съезде. От исчерпывающей характеристики наших военно-политических успехов Владимир Ильич быстро переходит к задачам нашей хозяйственной работы. Напоминая, что уже в 1918 г. мы пробовали развернуть этот фронт наших работ, что теперь приходится во многом повторяться, он указывает на наличие разницы «между тем провозглашением отвлеченных принципов, которое сделано в 1918 г., и той хозяйственной работой, которая практически уже начата».

Обращаясь к широкой рабоче-крестьянской аудитории, он сосредоточивается на таких моментах, которые могут обеспечить быстрейшее включение в хозяйственный актив десятков миллионов людей. Центр тяжести, говорит он, в «создании единого хозяйственного плана, переорганизации самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства. Это — задачи, требующие втягивания поголовно всех членов профсоюзов, и это совершенно новое дело, которое при капитализме было им чуждо»[3]. И продолжает: «Надо добиться, чтобы все поняли, что нам принадлежит Россия, что мы, рабочие и крестьянские массы, своей дел-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, изд. 3-е, стр. 107.
[2] Там же, стр. 108.
[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 33.

тельностью, своей строгой трудовой дисциплиной, только мы можем пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план»[1]. Весь гвоздь удачного перехода от военных успехов к успехам хозяйственного строительства заключается в том, чтобы массы поняли, что «война на хозяйственном фронте будет более трудной и более долгой; чтобы победить на этом фронте, надо будет большее число рабочих и крестьян сделать самодеятельными, активными и преданными»[2]. Отсюда прямая необходимость «всю агитацию и всю пропаганду перевести на рельсы хозяйственного строительства»[3]. Он предупреждает, что за первой полосой войн неминуемо наступит вторая полоса, и чтобы не погибнуть в этой второй полосе, нужно великое напряжение сил для хозяйственного восстановления.

Конечно, когда речь идет о необходимости опоры на десятки и десятки миллионов, особую роль приобретает позиция крестьянства. «Мы были и остались страной мелкокрестьянской и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях. Для того, чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в десять раз больше, чем в войне[4] (разрядка наша. — *Г. К.*). Диктатура пролетариата осуществлялась успешно, потому что умела сочетать принуждение и убеждение. Раз крестьяне поймут, что по-старому жить нельзя, они поймут, что вне пролетарской диктатуры для них нет спасения. Очевидна истина: «трудящиеся середняк и бедняк — друзья Советской власти, лодыри же — ее враги».

Ленин призывает к немедленной работе над улучшением хозяйства мелкого крестьянина: «... Без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство и какие бы то ни было великие планы — ничто»[5]. Но, зная свою аудиторию, Ленин тотчас же предупреждает: «... Когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, находятся нередко скептики, которые говорят: «где уж нам на много лет рассчитывать; дай бог сделать и то, что нужно сейчас». Товарищи, нужно уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех»[6].

В этих ярких словах Ленина выражена суть стратегии и тактики социалистического наступления.

«Следя за опытами науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того, чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство, и тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем. Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение...

Все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся»[7].

Что может прибавить к этим вещим словам тринадцатилетний опыт

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 34.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 35.
[4] Там же, стр. 37.
[5] Там же, стр. 38.
[6] Там же, стр. 42—43.
[7] Там же, стр. 43.

нашей работы с того времени, когда были они сказаны? Наш опыт только подтверждает несокрушимость тех вех, которые поставлены мощной ленинской рукой.

Мы видим, каким величайшим организатором рабоче-крестьянской трудовой армии выступал Ленин. Но он, конечно, не мог обойти молчанием и третьего элемента «живой силы» социалистического хозяйственного плана — ее инженерно-технического отряда. Переходя к плану электрификации, Ленин указывает:

«На трибуне всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы. Чтобы настоящим образом перейти к делу хозяйственного строительства, надо этот обычай начать с Всероссийского съезда советов и провести сверху донизу по всем советам и организациям, по всем газетам, по всем органам пропаганды и агитации, по всем учреждениям»[1].

Мы знаем, что капиталистический строй вековой работой укреплял свои позиции. Мы знаем также, с какими неисчислимыми жертвами было связано движение колесницы капитализма, как разнообразны те методы принуждения, которыми располагает капитал. Начиная от голода, безработицы, через жалкое прозябание сотен миллионов колониальных и полуколониальных рабов, через огромный аппарат государственной власти с ее судами, полицейщиной, жандармерией и войсками, через дурман буржуазного парламентаризма, демократических иллюзий и лживой буржуазной прессы, через опиум религии и лженауки — такими путями утверждала свой гнет железная пята капитала.

И вот против этой железной пяты мировой бунт поднимает неслыханно разоренная войной промышленно-отсталая страна, страна голода, нищеты, уже понесшая утраты своих лучших сынов в песчетных битвах. Изумленному миру она бросает не только план своего всестороннего хозяйственного преобразования, но и план, открывающий грядущие пути мировой истории. Где же тот таинственный ключ, который может реализовать такое всемирно-историческое чудо?

Уже на IX Съезде РКП(б) Ленин раскрыл этот основной секрет наших решающих послеоктябрьских успехов. Кроме писаных конституций и установившегося соотношения сил существуют еще неписаные законы самой действительности, ее неотвратимая революционная динамика. За немногими миллионами нашего собственного актива согласно этой неписаной конституции, идя по неотвратимым этапам несокрушимых пролетарских революций XX века строятся бесчисленные колонны трудящихся мира. На этот раз уже не призрак коммунизма бродит по Европе, а грядет его девятый вал. Законы, направляющие эту могучую поступь, сформулированы в великой программе партии коммунистов.

На арене нашей страны происходит состязание мировых сил. Военная полоса великой социалистической Октябрьской революции демонстрировала это с такой ясностью, что не видеть этого могут только слепые. Но так же будет и при развороте боев коммунизма на хозяйственном фронте. Отсюда тот завет Ленина, который впервые прозвучал на VIII Съезде советов: «Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 45.

всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем. Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане. Мы должны притти к тому, чтобы принять известный план; конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения. Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа партии, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться. Она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше, чем на десять лет, и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма»[1].

Сознание великой опасности сплачивало рабочих и крестьян на полях битв. Но не менее велика опасность, подкарауливающая нас на хозяйственном фронте. И Ленин произносит свои исторические слова о том, что в мелкокрестьянской стране для капитализма более прочная экономическая база, чем для коммунизма.

Мы знаем, что из этого первого ленинского наброска хозяйственного плана выросли наши пятилетки. Написаны целые горы книг, в которых ученые, так сказать, разных видов вооружения углубляют ленинскую науку об электрификации всей страны. Но нет такой формулы, которая могла бы перекрыть брошенный Лениным с трибуны VIII Съезда советов лозунг:

«Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Заключая свою речь, Ленин настаивает, чтобы план Гоэлро — «эта программа партии» — стал основной книжкой, которая должна пойти во все школы. И под бурные аплодисменты участников съезда он указывает: «Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»[2].

Пройдут десятилетия, пройдут века, а эта речь Ленина не забудется, ибо счастливая действительность тех дней и все великое грядущее строительство социализма будет покоиться на том фундаменте, который он в ней закладывал.

Вихрь великой пролетарской революции продолжался. Развертывались грозные силы революции. Как это и предвидел Владимир Ильич, переход коммунаров к широкому хозяйственному переустройству был равнозначен объявлению новой, особо трудной и затяжной войны. С переходом к «мирному» строительству, по-новому складывались отношения пролетариата и крестьянства, нужно было укрепить экономическую смычку.

Загремели пушки Кронштадта. В марте 1921 г. собрался X Съезд РКП(б). На этом съезде Владимир Ильич выступил со своими тезисами о новой экономической политике. Это был такой же поворотный пункт в жизни нашей партии, каким были апрельские тезисы Владимира Ильича по его приезде из эмиграции, прокламировавшие позицию грядущего великого Октябрьского наступления, и каким были его предложения, доказывающие необходимость заключить Брестский мир.

Многим коммунистам-боевикам, воспитанным на традициях военной по-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 45—46.
[2] Там же, стр. 48.

лосы социалистической Октябрьской революции, то, что предлагал Владимир Ильич на этот раз, показалось еще более ошеломляющим, чем необходимость принять «похабный» Брестский мир. В такой обстановке в декабре 1921 г. собрался IX Съезд советов. Едва ли какое-либо выступление Ленина имело такой грандиозный успех, такой непосредственный бурный отклик громадного собрания. Перечитывая в наши дни эту речь Владимира Ильича, видим его как живого. Как живой стоит он перед нашими глазами, отбросив папку материалов на трибуну, и сойдя с этой трибуны с небольшим листком в руке, Ленин бросал свои пламенные слова, лицом к лицу с аудиторией, стоя у пределов авансцены. В глаза бросалась бледность его лица, но какой-то особой гордой силой веяло от него. Эта сила зачаровала, увлекла за собой. IX Съезд советов сам по себе есть великолепный исторический документ, показывающий, как надо действовать, чтобы теория становилась материальной силой, овладевающей массами.

Констатируя, что мы можем думать о довольно прочной ликвидации военной полосы, Владимир Ильич подчеркивал, что события здесь не пошли тем прямым путем, на который мы прежде рассчитывали; он сделал свое знаменательное указание, что, быть может, нам этот урок пригодится и для нашей войны на хозяйственном фронте. Интервенция затруднена, потому что капитализм разлагается, потому что экономический кризис невыносим, потому что растет число революционеров-пролетариев в зарубежных странах капитала. Но растет и бешеная ненависть к нам мира капиталистов. Надо быть всегда на-чеку. И Ленин дает нам великий завет нашей внешней политики, который особенно важно припомнить сегодня, когда на нашем военно-политическом горизонте вновь нависли грозовые тучи:

«Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные... Есть предел, дальше которого итти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушить нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование» [1].

Нам бы хотелось, чтобы нынешние зарубежные военные клики воспроизвели в своем сознании тот бурный взрыв аплодисментов, которым ответили рабочие и крестьяне великого IX Съезда советов на эти слова своего вождя, ответили в пору величайшей разрухи нашей промышленности, в пору неслыханного голода и холода. Этот обзор событий на внешнем фронте Владимир Ильич закончил не менее знаменательным выводом: «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз» (разрядка наша. — *Г. К.*) [2].

С сокрушающей силой железной логики В. И. Ленин приводит в непосредственную связь необходимость новой экономической политики с основ-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 117—119.
[2] Там же, стр. 120.

ным вопросом «всей нашей революции и всех будущих социалистических революций», с вопросом об отношении рабочего класса к крестьянству:

«Союз рабочего класса с крестьянством, это — умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать, — а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем, — только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов» [1]. Подчеркнув этот момент, Владимир Ильич отмечает, что задача эта была бы весьма легко разрешима, если бы в нашем распоряжении была мощная промышленность. Но такой промышленности мы не имеем и построить ее можно лишь в долгий срок. Построить ее мы можем только соединенными усилиями рабочих и крестьян, только продолжая всерьез и надолго крепить этот союз. Отсюда прямая необходимость подумать о новых формах отношений города к деревне, о постепенном поднятии земледелия и промышленности над их теперешним состоянием уже не на основе лобовых атак, которые мы сочетали с полосой военного коммунизма, а на основе замены продразверстки продналогом, на основе умения вести весь торговый оборот страны на новых началах.

«На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие».

17 марта 1921 г. закончился беспримерный ледовой штурм Кронштадта. Политическая атмосфера тех дней была насыщена порохом только что отгоревших битв. Герои сражений этой полосы великой Октябрьской революции — непосредственные участники IX Съезда советов. И вот с трибуны этого съезда их предостерегают, что продолжение их военных достоинств превратится в порок, грозящий неисчислимыми бедами тому делу, за которое они проливали свою кровь. Им резко бросают в глаза, что если они будут останавливаться на пройденном этапе, они превратятся в своем чванстве в тех простачков-гусей, которые гордились, что их предки спасли Рим. Им дается совет «поучиться торговать». Судите сами, какова должна была быть сила убеждения, чтобы при таких условиях, в такую эпоху вызвать таким предложением бурный подъем, воодушевление громадного съезда рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов!

Только гений Владимира Ильича, гений стратега, великого и на поле войны и на поле хозяйственного строительства, мог справиться с такой задачей и справиться таким образом, чтобы немедленно застраховать свое дело, обеспечив будущее ленинскими резервами и в решающем партийном звене и во всех его приводных ремнях — к государственному аппарату, к армии, профессиональным союзам, к рабочим и крестьянским массам, к живой смене, ко всей пролетарской общественности и к великому интернационалу всего трудящегося человечества.

Оглядываясь теперь назад, оценивая все трудности подъема, пройденного за истекшие годы, мы еще и еще раз убеждаемся, как велико наследство, оставленное нам гением Ленина, и какой гигантской прочностью обладали эти ленинские резервы, прочностью, документированной великими испытаниями того неслыханного исторического подъема, который мы совершили за этот период.

* * *

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 123.

Несмотря на историческую кратковременность нашего строительного, хозяйственного опыта, мы по этапам наших пятилеток, учитывая итоги нашего хозяйственного подъема, уже ясно видим, что коммунизм не мечта, не утопия благородных мечтателей, а естественный и уже относительно недалекий результат осуществления прямых ленинских заветов. Труднейшие начальные этапы уже пройдены.

Наиболее грозный признак для современного капитализма — это возрастающая гангрена кризисов. Наиболее грозная опасность, опасность гибели, подстерегала нас в 1921—1922 гг. на дне экономической разрухи. Ленин характеризовал ее на X Съезде РКП(б) как опасность пустоты. Важнейший народнохозяйственный показатель — это производительность труда: «здесь смысл философии всей».

Великие планы — ничто, если нет хлеба для людей и нет угля — этого хлеба для промышленности. На VIII Съезде советов Ленин характеризует ход хлебозаготовок Компрода и, приведя ряд показателей, говорит следующее:

«Эти цифры... дают основу хозяйственной истории советской власти. работы советской власти в хозяйственной области, подготовку того фундамента, овладев которым, мы начинаем настоящим образом наше строительство» [1].

На IX Съезде советов он указывает, что нам нужно не меньше чем 230 млн. пуд. хлеба, и подсчитывает, что более или менее твердо мы можем обеспечить лишь сбор 215 млн. пуд. Борьба за хлеб — борьба за социализм, этому учит нас вся дальнейшая история хозяйственного строительства СССР.

В итогах нашей первой пятилетки мы читаем:

«Государственные заготовки зерновых хлебов возросли с 12,1 млн. *т* в 1928/29 г. до 23 млн. *т* в 1931/32 г., т. е. почти в два раза. При этом 75% заготовок 1931/32 г. дал социалистический (совхозный и колхозный) сектор сельского хозяйства» [2].

Итак, к концу первой пятилетки мы в шесть раз увеличили тот минимум продовольственной базы, о котором говорил Ленин в декабре 1921 г. И все же такая характеристика нашего продовольственного подъема недостаточна. Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что увеличение хлебозаготовок на ¾ обеспечивается совхозно-колхозным сектором сельского хозяйства. Это означает, что к концу первой пятилетки все политические и индустриальные ресурсы пролетарской диктатуры, все то, что двигает хозяйство и ведет его вперед, имеет такую тесную смычку с тем, что еще вчера называлось «сельскохозяйственным промыслом», которая и не снилась мудрецам старого мира.

Чтобы знать, что означает на ближайший срок такая смычка, надо вникнуть в соответствующие разделы победной программы нашей второй пятилетки.

«Сельское хозяйство за годы второго пятилетия завершит процесс социалистической реконструкции. Сельское хозяйство СССР, ставшее за годы первой пятилетки самым крупным во всем мире, за второе пятилетие выдвинется на первое место в мире также и по объему производства основных отраслей, по степени механизации и техническому уровню.

Полная и окончательная победа социализма в деревне, завершение коллективизации и окончательная ликвидация кулачества как класса, пре-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVI, изд. 3-е, стр. 39.

[2] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана народного хозяйства СССР», М., 1933, стр. 218—219.

вращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, огромный рост производительности социалистического земледелия, превращение всех колхозников в зажиточных, подъем культурного уровня деревни, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей — обеспечат превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества и создание всех условий для полной ликвидации противоположности между городом и деревней».

На VIII Съезде советов Ленин констатирует, что донецкого угля мы ежемесячно получаем до 50 млн. пуд. На IX Съезде советов он еще подробнее останавливается на борьбе с топливным голодом. Весь наш топливный баланс в 1921 г. сводился к 234 млн. пуд. условного топлива. Производительность Донбасса исчислялась в 1920 г. в 272 млн. пуд., в 1921 г. — 350 млн. пуд. Как на том, так и на другом съезде Ленин в особенности останавливается на необходимости поднять торфодобычу.

«Добыча торфа у нас в 1920 г. достигла 93 млн. пуд., в 1921 г. — 139 млн. пуд. — единственная, пожалуй область, где мы довоенную норму далеко обогнали» [1] — говорил он.

В итогах первой пятилетки читаем:

«Общий размер добычи топлива (без самозаготовок дров и торфа населением) составил в 1932 г. 100,6 млн. *т* условного топлива против 56,8 млн. *т* в 1927/28 г.» [2]. Добыча донецкого угля в 1927/28 г. составляла 27,3 млн. т, а в 1932 г. — 43,9 млн. *т*. Общая добыча промышленного торфа составила в 1932 г. 13,8 млн. *т*. Итак, наш общий топливный баланс увеличен за первую пятилетку в 21 раз, донецкая угледобыча — в 7,5 раз и добыча торфа почти в 6 раз по сравнению с уровнем 1921 г. Однако и в этой решающей области важен не абсолют цифр, а та хозяйственная динамика, в которую они включены. По данным проекта второй пятилетки, мы, закрепляя за собой первенствующее место в мировом списке по количеству торфодобычи и по механизации приемов добычи, по уровню концентрации каменноугольной промышленности уже перегоняем США и Францию. Но быть может еще более решающее значение имеет то обстоятельство, что в географическом центре нашей евразийской страны за это время вышел из стадии детских болезней и мощно поднял свою продукцию величайший монолит угольных запасов мира — Кузбасс.

Мы знаем, сколько надежд связывал Ленин с реализацией своего плана электрификации страны. Мы знаем, сколько раз ему приходилось говорить о тех «мучительных трудностях», с которыми это дело могло подвигаться вперед в те дни. С прискорбием сообщает Владимир Ильич IX Съезду советов, что открытие первой производственной ячейки Каширской станции мощностью в 6 тыс. *квт*, которое ожидалось к съезду, запаздывает. А ведь оно так нужно было для электроснабжения красной столицы, Москвы, располагавшей в 1921 г. всего 18 тыс. *квт* действующей мощности. И вслед за инж. Леви он заботливо подсчитывает мелкие и мельчайшие установки, считая большим успехом, что за 1920 и 1921 гг. было сооружено более 200 таких станций общей мощностью в 12 тыс. *квт*. В наши дни величественный подъем электрификации Страны советов является предметом неусыпного внимания всего мира.

В год смерти Ленина вся выработка электрической энергии в нашей стране составляла 1,56 млрд. *квтч*. В первый год пятилетки, в 1928 г., она поднялась до 5,1 млрд. *квтч*. В 1934 г., через 10 лет после смерти Ленина,

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXVII, изд. 3-е, стр. 135.
[2] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», стр. 108.

она поднимается до 19 млрд. *квтч.* Таким образом за это десятилетие выработка электрической энергии возрастает более чем в 12 раз. В последующие три года мы ожидаем удвоения этой нормы выработки. В мировом списке мы становимся непосредственно после США. Таких темпов электрификации не может знать капиталистический мир!

Однако еще более глубоки и знаменательны решающие качественные показатели электроструктуры нашего хозяйства.

Каждый из районов нашей страны на собственном опыте убедился, в какой степени судьбы электроэнергетики районов предрешают его хозяйственные судьбы. Вторая пятилетка — это пятилетка, завершающая техническую реконструкцию нашей страны. Пути этой технической реконструкции, ключом которой является машиностроение, теснейшим образом связаны с путями электроэнергетики. Не имеют соперников электрический рычаг и электрическая сеть в смысле подъема и концентрации производственных мощностей. Нет соперника у электрической энергии по возможности наиболее рационального комбинирования производств. Нет более мощного рычага для радикальной реконструкции самих форм общественного разделения труда, для наиболее мощной экономии живой силы, для создания такой обстановки труда и быта, которая предписывается нуждами бесклассового строя. Наш десятилетний опыт показал миру, что лишь в условиях социалистического хозяйства могут полностью развернуться великие технические возможности электрификации, реализующие гениальное предвидение Маркса о неизбежности третьей промышленной революции, о грядущих «чудесах электрической искры». Вот основная причина того, что через 10 лет после смерти Ленина наша красная столица, изнемогавшая в его дни от электрического голода, становится одним из первенствующих гигантов мира по своим электро- и теплоцентралям. Вот почему красная звезда, горевшая на колоссальном строительстве Днепростроя, знаменует такой великий поход наших пролетариев, такой штурм всех стихий, сопротивляющихся человеческой воле, которого еще не знал мир и успешное завершение которого действительно раскрывает для человечества все ключи материального изобилия.

Выше мы видели, как многозначительны были выступления Ленина на VIII и IX Съездах советов. На X Съезде советов ему уже не пришлось выступать: помешала развитие роковой болезни. К счастью, сохранился конспект речи, которую он готовил для этого съезда, опубликованный в «Правде» от 27/IX 1925 г. Конспект относится к декабрю 1922 г. Крайне интересно, что Владимир Ильич ведет счет по пятилеткам, подводя итоги первого пятилетия за период 1917—1922 гг. и заглядывая в грядущее пятилетие с 1922 по 1927 г. Уже одно это обстоятельство придает исключительный интерес к этому конспекту (Собр. соч., т. XXVII, стр. 383—384).

Несмотря на лаконичность конспект дышит необычайной энергией и обычной для Ленина чеканной ясностью установок. Итоги первого пятилетия, 1917—1922 гг. исчерпаны краткими замечаниями. Гражданская война спаяла рабочий класс и крестьянство, и в этом залог непобедимой силы. Война была хорошей школой не только в военном смысле. Все наши лучшие хозяйственные работники недаром прошли эту школу. Припомним, какие надежды возлагали, какие ставки делали наши враги в 1922 г. на костлявую руку голода. Как бы отвечая им, Владимир Ильич говорит: «Голод прошлого года тоже преодолели». Что же дальше? «Теперь, — пишет он, — *всецело за экономику*: как (NB) *подойти к социализму?*» Какой изумительный отпор дается этой чеканной установкой паникерам всех времен. Вся страна — еще на самом дне экономической разрухи, а он коротко и ясно намечает путь, «как подойти к социализму». и указывает: «Не иначе, как через *нэп*». Останавливается на финансах:

«Малый шаг вперед». Нам пришлось еще целых два года напряженно бороться, чтобы добраться до твердой валюты, но он уже предвидит это движение. Останавливается на вопросах промышленности и отмечает, что легкая индустрия улучшается. Относительно тяжелой промышленности пишет: «Трудно, но небезнадежно: шажок есть вперед». Затем он переходит к оценке ситуации следующего пятилетия. Предстоит «работа многих лет». В скобках поясняет: «Мы одни, мы везем, а надо бы, чтобы нас везли». Оценивая темпы хозяйственного строительства в следующее пятилетие, 1922—1927 гг., Ленин предвидит, что эти темпы будут замедлены, но как раз около 1927 г. два больших вопросительных знака, такие типичные для его рукописей знаки с нажимом. Можно догадываться, что здесь он размышлял, не будет ли конец этого пятилетия концом замедленных темпов. Эта мысль тем более напрашивается, что в заключение конспекта Владимир Ильич выдвигает положение: «Шефство городских ячеек над деревенскими и vice versa». А ведь этот момент тесного сотрудничества советского города и советской деревни В. И. и клал в основу своих расчетов, говоря о том неслыханном ускорении темпов нашей хозяйственной работы, «о котором мы и не мечтали».

Таков изумительный по своей сжатой силе и проницательности конспект его несостоявшейся речи. Она была сказана за него нашей великой действительностью. 1927 г. действительно был годом завершения восстановительного процесса нашего хозяйства. С 1928 г. ведет свое начало наша первая пятилетка, пятилетка развернутого социалистического наступления и великих хозяйственных работ.

Успехи нашей тяжелой промышленности, подмеченные зорким глазом Ленина, еще накануне наших больших подъемных темпов, превратились в гигантские сдвиги, поразившие весь мир и признаваемые ныне даже заклятыми врагами Страны советов. Первая пятилетка взяла старт на уровне промышленной продукции, не доходившем и до половины довоенного уровня. Итоги выполнения пятилетнего плана свидетельствуют, что СССР увеличил промышленную продукцию до 334,5% в 1932 г. по сравнению с 1913.

Огромное значение этого факта становится особенно велико, если учесть, что в 1920 г. продукция промышленности СССР составляла всего лишь 13,8% продукции 1913 г.

За годы пятилетки наша промышленность в целом возрастала в среднем на 21,6% в год при среднем росте группы «А» на 26,8% и группы «Б» на 17%.

Сопоставляя движение общего индекса нашей промышленной продукции за годы пятилетки с индексами зарубежных стран, мы видим, что промышленность СССР побила мировые рекорды по темпам своего движения вперед, превосходя все страны более чем в три раза. Можно ли требовать большего доказательства действительного воплощения в жизнь тех неслыханных темпов ускорения, на которые рассчитывал Ленин.

Однако наряду с быстротой и крутизной подъема индустриализации особое значение имеют качественные сдвиги в ее внутренней структуре. В итогах пятилетнего плана мы читаем: «Такие отрасли производства, как станкостроение, автотракторная промышленность, производство горно-металлургического и энергетического оборудования и др., или отсутствовали, или находились в зачаточном состоянии к началу пятилетки». За четыре года пятилетки продукция машиностроения возросла в 4 раза; СССР выдвинулся в первые ряды мирового машиностроения.

Само собой разумеется, что это оказалось возможным лишь при резком подъеме и нашей металлургической базы. Бои пролетариата СССР за черный металл эквивалентны боям за черный уголь. Гигантская

техническая реконструкция всей нашей южной металлургической базы, домны Магнитогорска и Кузбасса, Днепра, Криворожья и Южного Урала — все это исключительные памятники героической борьбы большевиков за черный металл. Лишь теперь, оглядываясь назад и видя, как в этих металлургических и угольных центрах преобразовалось все индустриальное лицо страны, как в пустынях выросли громадные города, мы осознаем, как дерзновенны были наши усилия.

Припомним, с каким подъемом говорил Владимир Ильич о первых 20 млн. руб., которые нам удалось сэкономить для нужд нашей тяжелой индустрии, говорил, оповещая об этом мировой пролетариат. За десятилетие после смерти Ленина наши капитальные вложения в тяжелую индустрию поднялись с 20 млн. до 9 слишком млрд. руб. От 20 млн. почти до уровня 10 млрд. за десятилетний срок — такого стремительного прорыва в «царство крупной машинной индустрии» не знает ни одна страна!

Мы уже говорили, что наша электроэнергетика обладает особо высокими качественными показателями. Годовое число часов использования наших электрических станций в расчете на среднегодовую мощность примерно в два раза выше среднеевропейского уровня. Другими словами, каждый установленный на наших электрических станциях киловатт мощности примерно в два раза производительнее своего зарубежного собрата. В этом с особой силой сказываются преимущества единого социалистического котла. Однако может быть еще более разительна увязка сельскохозяйственной энергетики с ее социальной структурой. Производство тракторов в 1928 г. составляло 1421 шт., в 1932 г. оно поднялось до 50 тыс. По заданиям 1934 г. эта норма должна по меньшей мере удвоиться.

Припомним, как в критический момент военной полосы революции мы должны были посадить наших пролетариев на коня и бросить их в атаку против белогвардейских полчищ. Белогвардейские полчища были разбиты, потому что боевому воодушевлению рабочих, шедших в бой под заветным знаменем Ленина, не могло противостоять никакое профессиональное военное искусство. Посадить крестьянина на трактора — задача еще более трудного и еще более решающего штурма. Однако мы видим, что этот штурм увенчался полным успехом, ибо и он шел под победоносным знаменем Ленина, предсказывающего, что если мы сумеем дать крестьянству хотя бы только 100 тыс. тракторов, но в такой обстановке, что эксплоатация их будет налажена, крестьянство пойдет за нами.

Подсчитывая наличность человеческого актива революции и взвешивая судьбы грядущих боев на хозяйственном фронте, Владимир Ильич говорил, что если к этому активу присоединятся десятки миллионов крестьян, наша победа «абсолютно и окончательно обеспечена». Мы знаем, что наиболее существенным итогом первой пятилетки каждый сознательный гражданин нашей страны считает то обстоятельство, что колхозник стал центральной фигурой нашего сельского хозяйства. Это означает, что многие десятки миллионов крестьян бесповоротно закреплены за пролетарским авангардом. Это означает, что внутри нашей страны вопрос «кто — кого» окончательно решен: социализм победил и победил окончательно и бесповоротно.

Оглядываясь назад на весь пройденный путь, мы смело можем сказать: сделали все, что смогли, пусть другие сделают больше. Знамя нашей пятилетки стало знаменем штурмовых пролетарских колонн всего мира, наши рабоче-крестьянские отряды стали ударными бригадами бойцов за мировой социализм, страна наша — истинной родиной и великой надеждой всех угнетенных и всех обездоленных. Издевательства и насмешки над перспективами нашего строительства уже прекратились и в зарубежном

лагере. Наши противники вынуждены признать, что в социалистических планах скрыта какая-то внутренняя динамическая сила, которую они проглядели. Эта сила прекрасно расшифрована нашим гениальным вождем т. Сталиным в его словах о том, что «реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, это наши воля к труду и победе». Вспомним чеканную установку Ленина относительно главного условия реализации побед пролетарской диктатуры как на военно-политическом, так и на хозяйственном фронте. Это условие — единство воли. Такое стальное единство воли могли обеспечить лишь сплоченные ряды великой ленинской коммунистической партии и монолитность ее Центрального комитета — верховного штаба этой партии. В этом величайшем из великих дел трудно переоценить исключительную роль т. Сталина. Именно ему мы обязаны монолитностью нашего Центрального комитета, и недаром в наши дни каждый сознательный борец нашей страны, говоря о Центральном комитете ВКП(б), с законной гордостью подчеркивает, что во главе его стоит величайший продолжатель Ленина т. Сталин.

Мне вспоминаются тяжелые минуты прощания с Лениным в Горках. Подавленные и растерянные, стояли мы у гроба нашего любимого вождя и учителя. Только один т. Сталин был выше той душевной депрессии, которая охватила всех нас. Только он один крепкой рукой приподнял голову учителя и друга, поцеловал в холодный лоб, и его слово «прощай» звучало какой-то особой решимостью.

Кто в нашей стране не знает слов огненной клятвы блюсти заветы Ленина, произнесенные т. Сталиным в не менее скорбные минуты на торжественном траурном заседании II Съезда советов, когда прощальное слово т. Крупской завершилось таким взрывом рыданий в многолюдном зале... Я не знаю, какой исторический документ можно поставить рядом с этими формулировками т. Сталина по изумительному охвату всех глубин ленинских ведущих мыслей, ленинских заветов интернационалу трудящихся.

Мы уже отмечали выше, какое значение придавал Маркс характеру людей, стоящих на грани эпох. Жизнь и работа т. Сталина за эти десять лет без Ленина — наилучшая иллюстрация этих предвидений Маркса. Гвоздь понимания пролетарской диктатуры, как говорил Ленин, в том, что ее шествие — непрерывный разворот классовой борьбы. Центр тяжести здесь в том же, в чем находил его Маркс, утверждавший, что «пролетариат — революционен, или он — ничто». Но для вождя партии недостаточно только одной логики рассудка для уразумения этой истины.

Мы знаем, что по железной логике своих умозаключений т. Сталин не знает соперников. Мы знаем, что в своих «Основах ленинизма» не только по силе такой логики, но и по своему теоретическому размаху мысли, т. Сталин сделал такой богатый вклад в классическую литературу марксизма и ленинизма, который делает эту работу первоклассным научным трудом. И однако и в этих произведениях не весь Сталин, как не весь Маркс и не весь Ленин в их великих творениях. Можно прекрасно знать теорию иностранного языка и не уметь говорить на этом языке.

Для того чтобы после Маркса и Ленина быть вождем пролетариата, надо, чтобы самая сущность марксизма и ленинизма пронизывала все существо вождя и как бы исходила из его внутренних сокровенных глубин. Это не дается только из книг, а это дается прежде всего самой жизнью. Мы видели, какой решающей исторической полосой было десятилетие после Ленина. И на всех поворотных пунктах этой полосы, в разгаре ее решающих боев впереди всех бойцов мы всегда видели гигантскую фигуру т. Сталина.

Писать историю этих дней — это значит писать историю жизни и борьбы нашей партии под водительством т. Сталина. Никогда так доподлинно не узнается человек, как в острейшие моменты боя, как в бурю и непогоду. Вот в такие-то моменты бессильно одно книжное знание, и решение должно итти из творческих глубин борца. Если великая наука Маркса, Энгельса и Ленина еще не сделалась самой органикой этого борца — горе ему! И каждый сознательный боец нашей страны знает, какой молниеносный и блестящий отпор дал т. Сталин всем посягавшим на самое драгоценное наследие Ленина — на крепость и монолитность стальных рядов ленинской партии.

На наших глазах выросла та огромная армия работников на хозяйственном фронте, многомиллионная армия, включающая в свои ряды все квалификации человеческого труда — от академиков и профессоров до рядовых бойцов. И каждый из работников этой армии знает, что не было такого ответственного участка работ, на котором не чувствовались бы гениальная мысль, железная воля, организаторский талант и зоркий глаз т. Сталина.

Это от него идут те сдвиги нашей первой пятилетки, которые резко изменили и приподняли ее темпы, это его крепкая рука с особой силой выдвигала на первый план основные цитадели нашей тяжелой промышленности. Это ему принадлежит честь решающего социалистического похода на наши поля и нивы и честь такого закрепления крестьянского тыла пролетарской диктатуры и такого подъема обороноспособности нашей страны, полновесное значение которых мы в состоянии оценить только теперь, когда мы видим, какие грозовые тучи военной непогоды сгустились над нашей страной. Его шесть исторических условий успеха нашей хозяйственной работы, его глубокие лозунги о труде в СССР как о деле чести, деле славы, деле доблести и геройства, об освоении техники, его ежедневные организаторские наказы — новые исключительные образчики ленинского умения претворять революционную теорию в великое историческое дело.

Говоря о Марксе и Ленине, мы уже отмечали, что Ленину пришлось действовать в такую эпоху, когда его действия немедленно отражались на судьбах гораздо большего и гораздо более сложного по своей внутренней структуре массива людей, чем это могло быть во времена Маркса. Но с еще большим массивом людей, с еще большим переплетом человеческих воль пришлось считаться нашему великому вождю т. Сталину. Таковы законы последовательных этапов пролетарских революций: число их участников нарастает во времени в стремительной геометрической прогрессии. Каждый из нас по опыту знает, как требовательна к нам наша быстро несущаяся жизнь, как апеллирует она к новым, прежде невиданным качествам нашей работы, как много творческих усилий она требует от каждого из нас, напрягая и наш разум, и нашу волю, и наше чувство. Что же сказать о ее нажиме на разум, волю и чувства вождя? Что сказать о том неслыханном напряжении, которое должно явиться в результате обращений к нему миллионов и миллионов человеческих существ, обращений непосредственно к его разуму, к его воле и к его чувству? Мы знаем, что непререкаемый авторитет т. Сталина есть законный результат его исполинской работы, являющейся прямым ответом на запросы миллионов.

Великие достижения не могут быть реализованы без огромных жертв. Великие годы послеленинского подъема неизбежно должны были быть тернистой дорогой, и много-много безвестных героев пало на этих путях.

Невольно вспоминается ленинское слово: «мы одни, мы везем, а надо бы, чтобы нас везли». Мы знаем, какие тяготы выпадали на плечи миллионов отважных борцов в нашем социалистическом стане. И они никогда не забудут, что в лице т. Сталина они имели во все это великое и трудное время мощного стратега, и искусного вождя, и исключительно гениального провидца наших побед. Вот почему ныне, в дни XVII Съезда партии, неслись к этому человеку приветствия нашей страны и всего трудящегося человечества, выражающие не только безошибочный суд коллективного разума, но и неподкупный голос чувства великой привязанности миллионов. И если на наших глазах творится новое всемирно-историческое чудо, если новая, со всех сторон угрожающая нам, кровавая бойня народов все отсрочивается и отсрочивается, то каждый из нас знает, как много сделал и делает в этом отношении для всего человечества т. Сталин.

А если грянет буря? Пусть грянет буря! Со спокойной уверенностью пойдут миллионы за своим испытанным пролетарским вождем, и знамя Маркса-Энгельса-Ленина, подхваченное мощной рукой нашего великого вождя Сталина, будет победоносно развеваться над всем миром.

НА ВТОРОМ ТУРЕ [1]

Почти два года истекло со времени знаменательного постановления партии и правительства о реформе высшей технической школы (19 сентября 1932 г.). Большой положительный сдвиг в жизни этой школы несомненен. Основные массы студенчества крепко взялись за учебу. Авангард ударников этой учебы уже представляет многотысячный отряд. Первый тур наших работ по упорядочению номенклатур специальностей, учебных планов, программ, изданию учебников, сети втузов, самой их структуры и основ учебно-методического дела уже пройден. Но это только первый тур.

Сентябрьское постановление ЦИК СССР представляет широко задуманный план коренного преобразования всей методики высшей технической учебы. Осуществляя этот план, мы на каждом шагу убеждались, что каждая из его ставок — программа больших дел. Самое поле работы чрезвычайно велико. Передача высшего технического образования и непосредственное руководство хозяйственных наркоматов сопровождалась бурным ростом сети учебных заведений. Общее число вузов и втузов индустрии и транспорта возросло с 38 единиц в 1929 г. до 248 единиц в 1930 г. Общее число сельскохозяйственных втузов в 1930 г. было 96, а вузов социально-экономических — 50. Всего к 1930 г. — 394 втуза и вуза. К концу 1933 г. индустриальных втузов было 205, сельскохозяйственных вузов — 111, социально экономических — 45, всего — 361 высшее учебное заведение. Зенит количественного роста сети уже позади.

Сопоставление наше показывает приближение сети к некоторой устойчивости за счет сокращения втузов маломощных, причем движение запаздывает лишь на сельскохозяйственном участке.

Бурный рост нашей втузовской сети сопровождался еще более мощным ростом контингента учащихся. Напомним, что в области высшего технического и сельскохозяйственного образования царская Россия оставила нам весьма жалкое наследство — 34 втуза с общим количеством учащихся около 30 тыс. чел. Количество учащихся в вузах и втузах СССР к концу 1933 г. превышает 400 тыс. чел. и ежегодное количество выпускников — свыше 30 тыс. чел., т. е. выше той нормы, которая составляла весь контингент учащихся в высших технических и сельскохозяйственных школах царской России. Небезынтересно сопоставить рост контингента втузов одной тяжелой промышленности в СССР с ростом контингента в США по всем индустриальным втузам. В 1913/14 г. для нужд тяжелой промышленности России годичный контингент составлял 17 тыс. учащихся. В 1923 г. — 26,9 тыс. учащихся, в 1928 г. — 40,57 тыс. учащихся, в 1932 г. — 127,7 тыс. учащихся.

---

[1] Статья, напечатанная в журнале «Высшая техническая школа» № 1, 1934 г.

Число всех студентов втузов в США на основании общих переписей[1] росло таким образом:

1910 г.	30 337
1920 г.	51 908
1930 г.	58 853

Наконец по данным Федерального бюро по образованию (учреждение, примерно соответствующее нашему Комитету по высшему техническому образованию)[2] число студентов в 143 втузах США в 1932/33 г. составляло всего 67 509 чел., из них около 4 тыс. аспирантов. Эта справка показывает, что темпы развития высшей школы СССР рекордны. Не приходится доказывать, что колоссальная индустриализация США давала максимальный разворот высшему индустриальному образованию именно в этой стране. Однако за целых 20 лет кадры студентов втузов только удвоились. В СССР при гораздо более крупных абсолютных цифрах эти кадры за одну последнюю четырехлетку утроились.

Однако уже американские темпы роста втузов наряду с относительно слабой постановкой дела в средней школе[3] привели к значительному разрыву между высшей и средней школами США. Давая общую характеристику степени подготовки молодежи, поступающей во втузы, Общество развития инженерного образования в США в своем докладе отмечает следующее:

«Тот факт, что один из пяти студентов, поступивших осенью 1924 г., не удовлетворяет требованиям для поступления, хотя они и не трудны, и что один из восьми студентов явился «условным» по математике, является показателем неудовлетворительной подготовки, полученной студентами. Более того, даже качество подготовки студентов, отвечающих формальным требованиям, далеко от удовлетворительного. Многие втузы находят необходимым выделять с каждым годом все увеличивающееся число первокурсников в особые секции по математике и другим предметам и посвящать полгода и больше на дальнейшую их подготовку, что собственно не относится ко втузовскому образованию»[4].

Естественно, что наша средняя школа, перед которой прежде всего стояли задачи нового громадного количественного прироста, по своему качеству оказалась в еще большем разрыве с потребностями нашего сверхамериканского разворота втузов, чем это имело место в США. Отсюда новое осложнение во всей методике научно-учебного дела вузов. К этому надо добавить учет еще двух своеобразных моментов нашей послеоктябрьской конъюнктуры в области подготовки высших технических кадров. Нарастающий кризис капитализма в послевоенный период привел на первом своем этапе к лихорадочному техническому перевооружению всех индустриальных стран мира. Наступила пора иллюзорных благ американского «просперити», неслыханной технической рационализации, связанной с потенциями мощного движения вперед всей новейшей техники. Сообразно с этим небывало оттачивалось острие всех базисных общетехнических и общенаучных дисциплин.

Совершенству математического анализа соответствовали поистине революционные перевороты в познании сущности вещества и энергии. Гигантски разрослось многоветвистое дерево специальных технических дисциплин. В преддверии предстоящего социального переворота человечество как бы запасалось драгоценнейшим грузом подлинного технического знания, посевы которого могли дать надлежащую всхожесть лишь на другой день

[1] См. «Are the professions crowded?», by D. L. Fiske, «Civil Engineering», January 1934.
[2] Это бюро не имеет непосредственных административных функций.
[3] См. например, The Briggs, The greatinvestment N. Y., 1930.
[4] «Bulletin», № 1, p. 68.

после этого переворота. В последнем счете лицо новой техники было одновременно лицом новой науки, отплывшей на грандиозные дистанции от тихих академических затонов недавнего прошлого. Уже одно это обстоятельство требовало громадной творческой инициативы и подлинных революционных сдвигов во всей методике мировой высшей технической школы. Однако на путях подобного рода исканий уже грянул гром мирового капиталистического кризиса, немедленно выявившего, что острие новейшей техники направлено против самого базиса капитализма. Задача приспособления новых втузов к новой технике, большая и трудная, осталась за рубежом неразрешенной: изучение соответствующей иностранной литературы приводит к выводу, что некоторые частичные элементы решения нащупаны, но не само решение.

Вторым моментом является то обстоятельство, что наши социальные ставки в борьбе за необходимые для нас технические кадры диаметрально противоположны ставкам капиталистического мира. Решающая, чеканная установка т. Сталина гласит: «Наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса».

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) (1929 г.) резко подчеркивает направление специализаций подготовляемых технических кадров:

«Эти кадры должны обладать достаточно глубокими специально техническими и экономическими знаниями, широким общественно-политическим кругозором и качествами, необходимыми для организатора производственной активности широких масс трудящихся».

Эти задачи диаметрально противоположны ставкам США на «новый» строй капиталистической системы с его утопическими расчетами на «робота» (человек-автомат), технократа и надклассовое государство. Наши пятилетки, развертывающие на наших глазах монументальные полосы «великих работ и социалистического наступления», преобразуют и лицо нашей страны и лицо советского гражданина. Трудно переоценить то значение, которое приобретает в такой обстановке все наше дело подготовки высших технических кадров. Удачное разрешение этой проблемы — величайший ускоритель победоносного социалистического строительства. Однако, самый масштаб этой задачи — задачи создания техников-активистов по организации творческой энергии широких масс трудящихся — свидетельствует уже о немалых трудностях, предстоящих нам на этом пути. И стоит только присмотреться поближе к нынешним нашим наметкам программ, долженствующим дать научные начала производственной организации, чтобы видеть, как много еще предстоит сделать впереди. Оторванность этих программ от всего социально-экономического цикла, броски в сторону богдановщины с ее «всеобщей организационной наукой», с одной стороны, и деляческий эмпиризм, с другой стороны, немедленно бросаются в глаза.

Эта обрисовка уже достаточна, чтобы видеть, как огромно то поле работ, которые предстоят нам на ближайшем втором туре разворота реконструкции нашей высшей технической школы. Однако, весь опыт первого тура на основе сентябрьского постановления ЦИК уже в значительной степени нас перевооружил для дальнейшего бодрого движения вперед. Этот опыт свидетельствует, что пути для всякого прожектерства закрыты, реконструкция высшей технической школы вступила в свой органический период, когда от руководителей требуется прежде всего и больше всего конкретное изучение действительности нашей уже в основном реформированной школы и вдумчивое отношение к тем сигналам, которые идут из

недр ее уже в достаточно степени сложившегося нового актива. Более чем когда-либо требуется на этом этапе действительный упор руководящих органов на опыт выделенной нами семьи опорных втузов и решительная борьба с заседательской суетней и с подменой всяческими искусственными комиссиями и бригадной кухней правильно организованной работы самого коллектива наших втузов.

Сопоставляя участок высшей технической школы с другими участками нашего социалистического строительства, нам приходится констатировать его значительное отставание. Пафос освоения с пафосом строительства здесь находятся в одинаковых правах. Мы должны признать, что полоса великих строительных работ здесь еще в значительной степени впереди. Сеть наших важнейших втузов находится еще в весьма неблагоустроенном состоянии, их научно-учебное оборудование еще в далекой степени не стоит на плановых рельсах, материально-бытовое обеспечение студенчества еще не подошло к своему стандарту. Но развернутая реализация культурной революции, теснейшим образом связанной со всем социалистическим строительством, возможна лишь на том этапе, который открывается успешной реализацией наших первых пятилеток.

Громадный хозяйственный подъем нашей страны и самый факт опубликования сентябрьского постановления ЦИК о высшей технической школе, а также то внимание, которое привлекает к себе эта школа со стороны партии, правительства и всей пролетарской общественности, свидетельствуют, что и для этого участка нашего культурного фронта уже наступили годы великого перелома. Работникам нашего Комитета приходится сталкиваться с нашей нынешней студенческой средой и ее профессорско-преподавательским коллективом в самой разнообразной обстановке. Мы можем единодушно засвидетельствовать, что исключительно бодрое настроение студенчества, растущая воля к напряженному и правильно организованному труду по освоению новейшей техники, подъемное настроение профессорско-преподавательского состава и растущая здоровая спайка в академических «треугольниках» являются преобладающими. Таким образом создается общий фон, на котором, в этом не может быть ни малейшего сомнения, в ближайший срок дадут себя мощно чувствовать те несравненные социалистические рычаги руководства высшей школой, которыми она располагает.

Стоит только присмотреться к высшему техническому образованию США, — это особенно необходимо, потому что, бесспорно, американская высшая техническая школа является для нас наиболее интересной, — чтобы видеть, как много теряет эта школа от отсутствия плановости, единой системы и соответствующих стандартов. У нас же налицо как раз все эти наиболее мощные орудия всякой широко задуманной действительной рационализации. Суметь заполнить конкретным содержанием эти основные линии нашей работы в области технического просвещения, т. е. линии плана, единства системы и стандарта, — это значит наиболее организованным порядком поставить диагноз существа всей нашей работы на этом фронте. А ведь известно, что правильный диагноз ситуации уже сам по себе обеспечивает добрую половину успеха. На основе указаний т. Сталина и решений партии и правительства о кадрах эти три основные вехи по сути дела должны явиться директивными, направляющими для редакции настоящего журнала.

Уже беглое ознакомление с итогами первого тура показывает нам ряд таких дефектов в планировании работы высшей школы, которые подлежат быстрейшему изживанию на развертывающемся перед нами втором этапе. Мы не останавливаемся на том обстоятельстве, что статистика наших технических кадров и высшей технической школы еще до сих пор отличается

шаткостью, что статистики еще до сих пор не сделались теми нашими помощниками, которых желал в них видеть в свое время т. Ленин. Сильнее приходится подчеркнуть то обстоятельство, что именно здесь мы с особыми трудностями преодолеваем нажим конъюнктуры. До самого последнего времени под влиянием этого нажима вся методическая сторона втузов подвергалась немалой качке, т. е. как раз получались удары в самом опасном для правильной организации дела направлении.

Свое наиболее острое выражение эта «конъюнктурная качка» находила в том, что студентов последних курсов порой приходилось спешно переквалифицировать сообразно наступавшим вплотную производственным нуждам, нередко в самом резком разрыве со всей их предшествовавшей подготовкой. В персонально смягченной форме, но с рядом своих отрицательных последствий это засилие конъюнктуры над планом давало себя чувствовать в шаткости наших позиций относительно самой номенклатуры специальностей. Не следует забывать, что наша работа по подготовке кадров явным образом относится к числу «долгосрочных капитальных сооружений». Каждый из наших последующих пятилетних планов неизбежно должен будет отводить пятилетке кадров все большее и большее место. Однако преобладающий в наших вузах и втузах пятилетний срок обучения предопределяет то обстоятельство, что прием во втузы первого года пятилетки вступит в производственный актив лишь в следующей пятилетке. Отсюда прямая необходимость при расчете кадровых контингентов на данную пятилетку руководствоваться определенной рабочей гипотезой для оценки потребности в технических кадрах в последующей пятилетке. (На этом примере, между прочим, с особой наглядностью видно, насколько нам необходимо при составлении пятилеток принимать во внимание известный ряд рабочих гипотез, по существу относящихся к генеральному планированию.) Несомненно, в этом направлении мы стоим перед задачами большой трудности. Однако от разрешения самой задачи отойти нельзя.

Вслед за обеспечением потребных для нас контингентов технических кадров высшей квалификации более рациональным расчетом необходимо пересмотреть и расчеты контингентов средней школы и рабфаков. Итоги двухлетнего опыта ВКВТО показывают, что наши ставки на отборочные испытания во время приема во втузы терпят пробоины прежде всего вследствие недостаточной увязки контингентов средней и высшей школы. Суррогатная система всяких подготовительных курсов, обеспечение приемочного контингента своеобразной контрактацией втузами отдельных рабфаков не только извращают в корне возможности конкурсного отбора контингентов, но неизбежно ведут и к большим отсевам на первых курсах, подрывая, таким образом, эффективность всей продукции втузов, и заставляют приспособлять всю методику учебно-педагогического процесса к слабейшему звену, что, конечно, не может не отразиться на снижении качества этой методики.

Известно, что такой развитой капиталистической стране, какой являются США, приходится дорого расплачиваться за расточительство народнохозяйственных ресурсов, идущее от анархии капиталистического способа производства. Американское общество развития инженерного образования, обследовав 25 втузов со студенческим контингентом в 5 338 чел., дает следующую картину американского отсева: «Из 100 поступивших остается в конце первого года 60,6%, второго года — 42,1%, третьего — 33,8% и четвертого — 28,1%». По данным годовых отчетов НКТП средний процент отсева за 1933 г. колеблется во втузах тяжелой промышленности СССР от 16 до 19 и составляет в среднем 16—18. Практика Комитета свидетельствует, что в наших втузах-передовиках, которые занимают привилегированное положение по исключительному наплыву желающих поступить

в них, отсев на первом курсе нередко сводится всего к 7—8%. Мы видим, что цифры нашего отсева значительно ниже, чем те, которыми щеголяют американские втузы. Однако радикальное исправление этого явного дефекта возможно лишь при более тщательной плановой увязке контингентов средней и высшей школы.

Разрывы в единстве всей нашей системы вузов и втузов, конечно, не идут ни в какое сравнение с той рассыпанной храминой конкурирующих друг с другом втузов, имеющейся в США. Однако кому много дано, с того много и спросится. Прежде всего следует подчеркнуть, что далеко не в одинаковом положении находятся после первого тура наших работ три законных ветви нашей втузовской системы: отрывники, безотрывники и заочники. Наиболее упорядоченной системой является система нормальных втузов с контингентом постоянных студентов, целиком занятых учебой. Система заочного обучения является до сих пор наиболее неупорядоченной. Возможные линии связи и специфические отличия учебно-методического дела в этих системах еще в далекой степени не выявлены нами до конца. Система дальнейшей квалификации оканчивающего инженерства пока еще не завершена своим академическим верхом. На втором туре работ также придется вести борьбу с теми извращениями правильного распределения втузов по хозяйственным наркоматам, которые выражаются в желании некоторых наркоматов обеспечить себя всеми видами специалистов, не прибегая к необходимому разделению труда с соответствующими наркоматами. Если на первом туре эта борьба сводилась, главным образом, к тому, что мы старались выявить для каждого хозяйственного наркомата ту специфику учебы, для которой он по сути своих хозяйственных операций должен быть ведущим началом, и обеспечить, таким образом, более правильную организованность внутринаркоматского дела подготовки технических кадров, то на втором туре мы должны позаботиться о том, чтобы в сумме своей эти наркоматские втузы представляли действительно стройное единство, являясь единой социалистической семьей втузов.

Стройная единая система втузов нам нужна отнюдь не ради голого принципа. Нас толкают в эту сторону очередные чисто практические интересы. Обобществленное крупное хозяйство и в нашем просвещенческом деле является лучшим залогом экономии сил. Мы можем говорить с грубым округлением, что на целый ряд ближайших лет нам придется думать об умелом оперативном руководстве над семьей втузов численностью в 300—400 единиц со студенческим контингентом численностью в 400—500 тыс. чел. В этом огромном культурном хозяйстве с особой остротой будет чувствоваться на всем втором туре нужда в профессорско-преподавательских кадрах. Ясно, с другой стороны, что в сложном комплексе условий, обеспечивающих в своей совокупности нормальную работоспособность втуза, наличность достаточного ядра квалифицированного профессорско-преподавательского состава должна быть поставлена на первое место.

Погоня наркоматов за кадровой самостийностью, стремление обеспечить себя целиком в пределах своего наркоматского хозяйства своими собственными, хотя бы карликовыми и маломощными, втузами для выработки всех и всяческих специалистов, несомненно, были бы главным препятствием на путях рационального использования нынешних, столь еще недостаточных, профессорско-преподавательских кадров. Подготовка «кадров для кадров» является, конечно, особо ответственной, особо трудной и неизбежно затягивающейся во времени задачей. Поэтому уже в первом туре наших работ мы должны были обратить особое внимание на дело нашей аспирантуры. Проведенные через наши законодательные инстанции постановления об аспирантуре свидетельствуют, в какой мере количественный размах этого дела ограничивается необходимостью строгого отбора.

ставками на индивидуальные планы учебы и весьма небольшую численность самих опорных пунктов, пригодных для правильной организации подготовки аспирантов. Небезынтересно будет подчеркнуть нижеследующую характеристику преподавательского персонала в США по данным Американского общества развития инженерного образования.

«Две трети профессорско-преподавательского персонала американских втузов черпаются из аспирантуры или из педагогического персонала. Около 20% профессоров являются инженерами с практическим профессиональным стажем, с таким же стажем имеется около трети преподавателей. Примерно половина ректоров, профессоров и их помощников определенного втуза берется из недр самого втуза (подчеркнуто нами. — *Г. К.*). Что касается инспекторов и их помощников, то несколько больший их процент приходит после практической инженерной деятельности. Около 25% преподавательского персонала совмещают педагогическую работу с работой в индустрии. Часть преподавателей (около 14%) инженерных предметов не имеет даже первой ученой степени, чаще всего — это преподаватели черчения и в мастерских».

Эта справка свидетельствует, что даже в американских условиях нормальная насыщенность втузов специализировавшимися в педагогическом деле техническими кадрами далеко не обеспечена, что и там приходится прибегать к займам со стороны. Справка говорит также о том, в какой степени постановка аспирантского дела в наших лучших втузах является ответственнейшей перед страной задачей. Ведь эти втузы должны будут явиться нашими главнейшими опорами во всем деле выработки «кадров для кадров».

Объединенное крупное хозяйство — важнейшая опора для широкой стандартизации продукции. А эта стандартизация, как известно, в свою очередь является одним из важнейших рычагов в экономии общественного труда. В первом туре работ на нашем участке мы лишь сделали первые шаги в этом направлении. Выработанные нами положения о структуре и режиме типового втуза, вся серия наших постановлений о типовых учебных планах с их установками на определенную классификацию дисциплин, как и ряд постановлений об основных нормах учебно-педагогического процесса, а также такие акты, как известное постановление об ученых степенях и званиях, — все это не что иное, как известный путь к стандарту высшей школы, ее педагога и ее методики.

Борьба за стандартизацию, которая уже немалое число лет ведется в СССР в самых разнообразных разделах хозяйственного поля работ, напоминает нам об особых трудностях на этом пути. Успех здесь в значительной степени зависит от общего культурного подъема всего хозяйства в целом, т. е. относится с неизбежностью к завершающему успеху. И уже само собой разумеется, что стандартизация на просвещенческом фронте должна проводиться с сугубой осторожностью. Как раз в этом направлении основные сентябрьские постановления ЦИК являются особо надежными плановыми рельсами для нашего последующего движения вперед. Именно этими постановлениями обеспечиваются основные стандартные вехи для всего дела строительства наших втузов, и достаточно хотя бы бегло присмотреться к американской системе втузов, чтобы видеть, как сказывается в их работе это отсутствие основных директив по стандартности.

Мы привыкли смотреть на США, как на страну сугубого практицизма, а между тем система американского инженерного образования прежде всего поражает своей пестротой. «Академическая» постановка этой системы немедленно бросается в глаза. Теоретическая часть и лабораторная работа

явно преобладают; требования относительно производственной практики носят черты случайных конъюнктурных связей. Лишь около 10% американских втузов применяют так называемый «кооперативный» метод, при котором втуз кооперируется с промышленностью, причем производственная практика приобретает большое значение, занимая до 50% времени в общем учебном плане. Эту «кооперативную» систему не следует смешивать с нашей непрерывной производственной практикой: она, скорее, родственна известным исканиям проф. Каган-Шабшая. Несмотря на то, что эта система приобрела в США некоторые права гражданства, она подвергалась и подвергается до настоящего времени большой дискуссии. Стандартные учебные кооперативные планы страдают еще большей пестротой, чем планы академической системы. Преподавательский персонал американских втузов сравнительно мало занят исследовательской работой. Из общего количества 150 американских инженерных втузов лишь в 58 ведется более или менее организованная исследовательско-испытательская работа. По приблизительным подсчетам из общей суммы в 30 млн. долларов, затрачиваемых ежегодно американскими втузами на четырехлетнее обучение инженеров-студентов, лишь около 5% расходов связаны с исследовательской работой (эти данные относятся к отчетности за 1924/25 г.).

Таким образом, сопоставляя систему американских втузов с нашей, приходится ограничиваться по отношению к первым выявлением лишь некоторых наиболее заметных т е н д е н ц и й. Небесполезно будет отметить, что США пережили свою полосу увлечения дробной специализацией инженерства. Первый американский политехнический институт был основан в 1824 г. Вначале все втузы носили инженерно-строительный характер. Подготовка горняков и механиков началась впервые в 60-х годах прошлого столетия, электриков — в 80-х годах прошлого столетия и химиков — в 1888 г. Увеличение числа втузов шло медленно: в 1870 г. их было 21, в 1880 г. — около 85, в 1893 г. — около 100 и в настоящее время — около 150[1]. Перелом в росте специализации начался уже в 1915 г. Вместе с ее понижением увеличивается удельный вес общенаучных и общетехнических дисциплин. В последнее время увеличились требования по английскому языку и экономике. Увеличение технических инженерных предметов выросло за счет сокращения работы в мастерских и черчения. В настоящее время все сильнее растет тенденция общей и общеинженерной подготовки во втузах и последующей специальной тренировки в течение первых лет после окончания[2].

Мы видим, что уже на нашем первом этапе борьбы за стандартизацию втузов, несмотря на краткий период этого этапа, мы все же ближе подвинулись к разрешению этой задачи, чем это имеет место в уже многолетней практике американских втузов.

Какие же основные элементы для быстрейшего продвижения к желательным стандартам подлежат нашему сугубому учету на втором туре наших работ?

На первый план надо будет поставить все то, что в максимальной мере нам может обеспечить устойчивый учебный процесс: у с т о й ч и в ы е у ч е б н ы е п л а н ы, у с т о й ч и в у ю с е т ь в т у з о в, у с т о й ч и в ы й у ч е б н и к. Опираясь в наших исканиях на опыт основных опорных втузов, мы, тем не менее, каждый эксперимент в этих втузах должны проводить таким образом, чтобы такое экспериментирование отнюдь не сопровождалось качкой всей учебной методики в ее основных линиях.

[1] Как видим, возникновение втузов в США носит своеобразно конъюнктурный характер.

[2] Мы здесь используем материалы, полученные нами от инженера Г. П. Вранло (Автора), препроводившего специальный доклад с многочисленными документами относительно постановки всего дела технического образования в США.

Основное, ведущее звено — улучшение педагогического процесса, его «изюминка» попрежнему заключается в том, чтобы наши втузы выпускали не техника, а инженера. Весь учебно-методический процесс поэтому должен быть направлен таким образом, чтобы наиболее эффективно приучать студента к самостоятельной работе. Отсюда — борьба с «ученичеством», с натаскиванием студента методами средней школы: решительный переход от пассивного, механического восприятия учебного материала к самостоятельному планированию своего времени, к самостоятельной работе над книгой, к активному искательству боевой вооруженности инженера. Известно, что в американских втузах создана целая своеобразная «персональная система» изучения и обслуживания студентов, включая время и после окончания втуза. Вот как характеризует эту систему тот же обзор американских втузов, который мы используем в настоящей статье:

«Развитие личности студента является главной задачей персональной системы. Предполагается, что это достигается следующими способами:

а) После того как студенту разрешено поступление в университет, перед регистрацией собирается информация относительно него, его семьи, его участия в школьной жизни, о его привычках, практических навыках, любимых занятиях; самого студента просят дать детальный самоанализ, для того чтобы сконцентрировать его внимание на этом вопросе.

б) В середине первого семестра студенту объясняются цели и методы персональной системы. Студента просят указать около 15 лиц, которые могут дать его личную характеристику... В течение второго года повторяется такая же анкета, в третьем же году дают оценку лишь преподаватели. Персональная система обращает внимание студента на важность работы над его личным развитем.

Профессиональная информация студентов состоит в том, что путем лекций и конференций они знакомятся с разнообразными отраслями промышленности, с их общими тенденциями и необходимой технической тренировкой. Подчеркивается тот факт, что инженер должен и по своим личным качествам подходить к той специальной профессии, которую он желает избрать».

Мы привели эту длинную выписку для того, чтобы показать роль установки на самодеятельность в американских втузах. Само собой разумеется, что наши пути исканий в этом направлении лишь соседствуют с американскими и отнюдь не должны быть направлены по методам такого оголенного индивидуализма. Считаясь с уровнем нынешней средней школы, мы должны будем на первых двух курсах иметь методологию учебного дела, несколько отличную от последующих курсов. Это необходимо и с той точки зрения, что именно на этих двух курсах закладывается тот мощный базис общенаучных и общетехнических дисциплин, без освоения которого нельзя формировать полноценного инженера-специалиста.

Без железной дисциплины, без настойчивой и организованной тренировки в учебном процессе рубикон этих первых двух курсов не может быть перейден. Проблема первых двух общетехнических курсов для наших многофакультетных втузов уже достаточно назрела. Соответствующий опыт в некоторых наших основных втузах покажет, в какой степени созрел уже вопрос о своеобразной «первой ступени» из этих двух курсов для всей системы наших втузов. Центр тяжести здесь в том, что наличие такой ступени в условиях нашего обобществленного хозяйства дает нам колоссальные преимущества для последующего правильного распределения студенческого массива, для завершающих специализаций в системе остальных трех курсов.

Само собой разумеется, что наши нынешние учебные планы этих первых двух курсов еще весьма далеки от совершенства. Мы ставим ряд

опытов в наших опорных втузах, производя новую расценку дисциплин, делая для ряда дисциплин исключительный нажим на лекционный метод, а для ряда других дисциплин — на метод лабораторных и групповых занятий, усиливая удельный вес факультативных дисциплин и т. д. Мы рассчитываем, что во всех этих исканиях значительную помощь может оказать поощряемая нами связь втузов с оканчивающим в них инженерством: ясно, что живой опыт их производственной деятельности с особой наглядностью показывает молодому инженерству дефекты той высшей школы, в которой оно подготавливается. Эта связь необходима еще и по той причине, что наши втузы не могут выпускать из своих стен готового законченного инженера. Перегиб палки в этом направлении как раз и приводил к подмене инженера техником. Небесполезно подчеркнуть, что как раз в этом направлении нам будет весьма полезен американский опыт, широко практикующий систему сотрудничества втузов с оканчивающим инженерством.

Уже содержание настоящего номера журнала «Высшая техническая школа» показывает, с какой остротой стоит перед нами вопрос о форсировании мероприятий для нужд повышения квалификации массового преподавательского состава[1] (создание стимулов для руководителей кафедры в деле подготовки аспирантов, вовлечение в научно-исследовательскую работу широких кругов кафедр, проведение на кафедрах научных и методических семинаров и т. д.).

Подобно тому, как американскому капиталистическому чистогану ставок в борьбе «каждого против всех» на остро отточенное индивидуальное приспособленчество мы противопоставляем нашу дружную семью пролетарского студенчества, выковывающего свой индивидуальный расцвет на железной спайке своих рядов и проявляющего подлинный героизм в своем штурме командных высот знания, подобно этому на совершенно иной основе растет и быстро движется вперед семья наших втузов. Плановый режим нашего хозяйства, уничтожение перегородок между производственной и учебной жизнью, дальнейшая спайка научно-исследовательского и педагогического дела — все это в сумме обеспечивает превращение наших втузов в подлинные командные высоты не только для подготовки наших высших технических кадров, но и для нового культурного расцвета на всем поле нашей социалистической стройки.

---

[1] Г. М. Кржижановский имеет в виду статьи («Кадры на проверке», «Пути повышения квалификации преподавателей» и др.), напечатанные в № 1 журнала «Высшая техническая школа» за 1934 г.

НАУКА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ [1]

В центре дискуссии на майской сессии Академии наук [2] стоял громадной важности вопрос о путях теснейшей связи научного творчества с практикой социалистического сельского хозяйства. Лишь победившему пролетариату СССР удалось вырвать из капиталистического тупика сельское хозяйство и развернуть перед ним невиданные горизонты. Однако ясно, что это движение вперед к «преображенной земле» в значительной степени зависит от эффективной смычки теории и практики.

Колхозы и совхозы, покончившие с отсталостью, ограниченностью, нищетой мелкого крестьянского хозяйства, предъявляют к научно-исследовательским учреждениям страны огромные требования по вопросам техники сельского хозяйства.

Созданы исключительные возможности мобилизации миллионов сознательных тружеников совхозных и колхозных полей. Сотни тысяч колхозников включаются в борьбу с силами природы за удвоение и утроение продуктивности сельского хозяйства. Майская сессия Академии наук делает первую попытку создания широкого встречного движения отрядов научно-исследовательских работников, и в этом ее особый интерес.

Однако мобилизация научно-исследовательских сил и на этот раз еще далека от совершенства. Предстоит сделать очень многое на путях к смычке науки с новыми формами победного социалистического сельскохозяйственного труда. Важнейшие достижения еще впереди.

Кому много дано — с того много и спросится. Эта мысль по сути дела была доминирующей во всех основных докладах майской сессии Академии наук. Об этом говорилось и в обстоятельном докладе «Химизация промышленности СССР, ее уровень и потенции развития» акад. С. Г. Струмилина, та же мысль звучала в горячем слове акад. Б. А. Келлера на тему «Роль почвоведения в земледелии Советского союза», таков же основной фон интересного доклада акад. Д. Н. Прянишникова: «Значение химизации в поднятии наших урожаев и придания им устойчивости» и всех последующих, наиболее крупных выступлений участников сессии.

Тов. Струмилин в своем докладе осветил вопрос о современном уровне нашей земледельческой химии и механики. Он утверждает, что «благодаря успехам индустриализации наша автотракторная промышленность уже довольно успешно выполняет задания хозяйственного плана по линии механизации сельскохозяйственного труда. В результате механизации, по заданию второй пятилетки, затраты труда на 1 *га* посевов должны сократиться по меньшей мере в четыре раза против нормы индивидуального крестьянского хозяйства. На долю химизации земледелия в этой пятилетке возложены гораздо более скромные задания: урожайность зерновых должна быть поднята с 7—8 до 10 *ц* с 1 *га*, т. е. всего на 33%. Но эти 33% составят в общем итоге прибавку примерно в 300 млн. *ц* хлебов по всему СССР,

[1] Статья, напечатанная в журнале «Большевик» № 13, 1935 г.
[2] Майская сессия 1935 г.

т. е. пудов по 10 на душу всего населения страны, а это — уже величина достаточно осязательная по пути советских граждан к зажиточной жизни».

Известно, что последние три года второй пятилетки должны дать огромный подъем производства химических удобрений в СССР. Тов. Струмилин, однако, констатирует, что по сравнению с той потребностью в удобрениях, которая необходима для нашей страны, по подсчетам Наркомзема, нам придется уровень продукции химических удобрений в 1942 г. увеличить примерно в 20 раз.

«Задача грандиозная, — говорит акад. Струмилин, — даже при наших темпах роста химической индустрии. Для ее разрешения нам придется, скажем, по суперфосфату раз в пять превзойти американский рекорд продукции 1929 г. (3 896 тыс. *т*), по азотным удобрениям — раз в 10, по калийным — перекрыть продукцию Германии и Франции, вместе взятых. Такая задача, конечно, далеко выходит за рамки второй пятилетки. Но ее нельзя слишком долго откладывать. Достаточно лишь вспомнить, что каждая тонна суперфосфата, доставленная на советские поля, обратится там в 1,5—2 *т* чистого, полновесного зерна, каждая тонна сульфат-аммония даст там 4 *т* пшеницы, или 23 *т* картофеля, или 40 *т* сахарной свеклы и т. д.

Возможно полная химизация наших полей — это совершенно неотложная задача наших дней».

Не менее яркие перспективы рисует и акад. Б. А. Келлер в своем выступлении:

«Мне бы хотелось подчеркнуть один момент, которому я придаю исключительное значение, а именно без всякого преувеличения можно сказать, что для сельскохозяйственной науки наступает новая великая историческая эпоха, когда вся страна покрывается сельскохозяйственными исследовательскими ячейками.

Навстречу Академии сверху растет академия снизу. Наряду с рабочим изобретательством, как широкое море, скоро разольется крестьянское изобретательство».

Акад. Келлер возлагает огромные надежды на деятельность хат-лабораторий при условии их правильного кооперирования со всей сельскохозяйственной научно-исследовательской сетью.

Акад. Д. Н. Прянишников заявил:

«Были голоса, что мы слишком быстро размножаемся, что у нас ежегодно прибавляется 3 млн. населения, т. е. целая Швейцария или Дания, и как, мол, будет с поднятием продукции?

Так я подсчитал, что за те 50 лет, когда население удвоится, можно поднять продукцию на всем пространстве Союза в восемь раз».

Этот расчет акад. Прянишникова весьма прост и понятен и нисколько не преувеличен. Культурная площадь наших полей составляет примерно 7% всей территории Союза. На капиталистическом Западе культурная площадь достигает 60%. Если мы добьемся увеличения культурной площади всего до 20%, т. е. в три раза меньше, чем на Западе, — это будет почти утроением нашей нынешней посевной площади. Таким образом резервы для расширения посевных площадей у нас колоссальны. Нынешние 136 млн. *га* пашни составляют всего около 1 *га* на душу сельскохозяйственного населения в СССР. В США, Канаде и Аргентине на душу населения приходится 5 *га* посевной площади; в Германии и Франции — 1,5 *га*. Отсюда тот вывод, что в течение грядущих пятилеток нам, несомненно, придется сильно двинуться и в этом направлении. Во всяком случае в течение 50-летия мы, если потребуется, имеем полную возможность проектировать не только удвоение, но даже утроение посевной площади. А удвоение этой площади

при прочих равных условиях уже обеспечивает двойной урожай. Это — во-первых.

Исследуя изменения урожайности в связи с применением химических удобрений для большого периода времени (с 1850 по 1925 г.) для таких стран, как Бельгия, Голландия и Германия, Д. Н. Прянишников констатирует, что можно различать два этапа подъема урожайности. Первый этап связан с введением клеверосеяния и правильным унавоживанием, второй — с широким внедрением минеральных удобрений. Первый этап дал для Бельгии подъем урожайности на гектар с 7 до 15 *ц*, а второй — с 15 до 28 *ц*, т. е. в общей сложности получилось учетверение первоначальной урожайности. Для СССР аналогичный четверной подъем урожайности в течение полувека является более чем скромным предположением. Это — во-вторых.

В сумме, таким образом, наряду с удвоением населения мы получили бы восьмикратную продукцию зерновых хлебов. А ведь эти расчеты акад. Прянишникова архиосторожны; имеется в виду лишь старый арсенал агрохимических средств, вне учета всего того нового, что мы вправе ожидать от стремительно развивающегося мирового сельскохозяйственного знания.

Уже беглый просмотр докладов майской сессии Академии наук свидетельствует о том, как сложен организм сельскохозяйственных явлений, как многообразна производственная структура сельского хозяйства нашей великой родины. Каждый советский гражданин с достаточной отчетливостью представляет себе то значение, которое имеют и будут иметь в росте продукции сельского хозяйства рычаги химии и рычаги механики. Недаром мы уже вступили в зрелый фазис развертывания автотракторной промышленности и недаром на очереди стоит крупный подъем производства химических удобрений. Тем не менее, найдется лишь весьма ограниченный круг ученых, которые смогли бы с достаточной полнотой дать подлинный синтез тех дисциплин, учет и кооперация которых, сложнейшие и взаимопроникающие, уже в недалеком будущем дадут человечеству то, что может быть с полным правом названо в ы с о к и м з е м л е д е л и е м с о ц и а л и с т и ч е с к о г о п о р я д к а.

Маркс дал бичующую характеристику капиталистических методов ведения сельского хозяйства, которые, с одной стороны, в своей вековой практике дают в качестве отбросов хищнически истощенную землю, а с другой — не менее хищнически использованного и деградирующего производителя. Это не мешало Марксу предвидеть, что «по мере овладения человечеством химическими методами и реакциями механическая обработка будет все более и более уступать место химическому воздействию». Это не мешало Марксу утверждать, что промышленность опирается на более старую науку — механику, а сельское хозяйство — на наиболее молодые науки: химию, геологию и биологию. Стоит только беспристрастно взвесить и сравнить социальные и технические факторы капиталистического сельского хозяйства, прошедшего через горнило веков, с еще несложившимся юношеским механизмом социалистических форм сельского хозяйства нашей страны, чтобы немедленно увидеть гигантские преимущества последнего.

Уже в настоящее время СССР является по концентрации сельского хозяйства, а в преобладающем числе случаев и по мощной механизации его авангардной страной мира. Нетрудно было бы показать, что к а ч е с т в е н н о энергетика нашего сельского хозяйства за последние годы сделала уже громадный скачок вверх. Стоит только сделать прикидку по показателям эффективности труда в наших лучших совхозах и колхозах, чтобы видеть, в какой степени достижение материального изобилия в нашей стране находится в прямой зависимости от дальнейшей популяризации методов работы этих героических передовиков социалистической сельско-

хозяйственной армии. Во многих случаях мы подходим к таким методам воздействия на стихийные факторы природы, которым может позавидовать любая область индустрии. Нет сомнения, что на заманчивых путях того «очеловечивания природы», о котором в свое время размышлял Маркс, колоссальную роль будет играть дальнейший расцвет именно тех наук, совокупность которых дает нам комплекс сельскохозяйственного знания.

В одном из своих высказываний т. Сталин подчеркнул, что наше колхозное и совхозное строительство представляет такой социальный переворот, который по своей исторической значимости превосходит все то, о чем могли мечтать предшествовавшие поколения. И именно в соответствии с величием этого переворота мы вправе ожидать такого же перелома в работе научно-исследовательских отрядов, которые понесут знание науки и техники на наши совхозные и колхозные поля. Мы тем более должны ожидать этого перелома, что в Советском союзе наука переживает расцвет, которого не знала ни одна страна.

Всем известны блестящие успехи русской школы почвоведения. Достаточно указать имя Гедройца и целый ряд других имен, чтобы убедиться в этих успехах.

Нетрудно видеть, что при разрешении научно-исследовательских вопросов, имеющих своей целью подъем научного строительства сельского хозяйства, приходится считаться с чрезвычайной комплексностью этих вопросов, их многогранностью. Но основная сила Академии наук и состоит в сложной кооперации живых научных сил самых разнообразных специализаций. Уже сейчас в структуре Академии имеются институты: почвенный, ботанический, зоологический, физиологии, микробиологии, биохимии и генетики. Кроме того, наша Академия может и должна быть сильна своими периферическими связями со всей цепью научно-исследовательских органов страны, от их высшего звена — Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина — до низших звеньев — многочисленных хат-лабораторий.

Тесная связь теории и практики означает одновременно и продуманность тематики научно-исследовательских работ широким кругом производственных работников и проверку исполнения соответствующими оперативными органами. Не подлежит сомнению, что производственный рост сельского хозяйства будет со все большей и большей решительностью требовать налаживания научно-исследовательских работ. Рост практического опыта огромных масс трудящихся будет предъявлять со своей стороны все больший спрос в отношении теоретических проблем, требуя их высококачественного разрешения. Тов. Муралов говорил на сессии, что при всех заслугах нашего почвоведения оно в прошлом носило несколько абстрактный характер, либо ударяясь в географическую описательность, либо ограничиваясь химико-генетическим направлением, тогда как мы, по его мнению, более всего нуждаемся в направлении агрономическом.

В докладе почвоведа Полынова этот вопрос был подвергнут исчерпывающему разбору.

Проф. Полынов подчеркнул, что суть дела не в отсутствии классификации почв, а в отсутствии н у ж н о й нам классификации, которая была бы приложима к задачам нашего строительства.

Отсюда, по мнению Полынова, и разрыв с практикой. Проф. Полынов указывает:

«В почвообразовании наряду с более длительными процессами выветривания протекает и быстротекущий процесс превращения и органических, и минеральных, и органо-минеральных соединений, не говоря уже о микробиологических процессах и их сезонной смене».

Стоит вдуматься в эти строки, чтобы видеть, какого универсализма

требует в настоящее время такая, казалось бы, опытно-элементарная дисциплина, какой является почвоведение.

Однако мы уже настолько продвинулись вперед и в этой сфере знания, что можем пытаться в лабораторной обстановке, устанавливая время, потребное для наблюдений, воспроизводить те явления, которые в природных условиях требуют длительнейших сроков.

Здесь требуется непрерывная и углубленная аналитическая и синтетическая работа. Проф. Полынов свидетельствует, что давно пошло на-нет прежнее учение об исчерпывающей роли десяти определенных известных элементов в жизни растений. Приходится признать, что громадное значение для растений имеют и такие редкие элементы, как ванадий и бор, и такие сравнительно не часто встречающиеся в природе элементы, как медь и марганец. Оказывается, что наряду с тем массивом удобрений, которые выявляют свое действие при значительных дозировках, приходится думать и о своеобразной «гомеопатии» удобрений: действие таких элементов, как бор, дает себя знать, например, при внесении их в почву в самых ограниченных количествах.

В. Р. Вильямс уже с давних времен настаивает на специальном синтезе длительного геологического цикла, дающего свой результат в почвенной коре выветривания, и неизмеримо более скоротечного биологического цикла. Этот синтез, по словам проф. Полынова, в учении почвоведения еще далеко не завершен. Особый нажим, — говорит проф. Полынов, — предстоит сделать на те элементы почвообразования, которые составляют существенную связь между почвоведением и физиологией растений. В одном биологическом цикле намечается по меньшей мере пять элементов: синтез органических соединений в растениях, разложение этих соединений, специфические процессы, создающие гумус, минерализация органических соединений и, наконец, питание растений этим минеральным продуктом распада.

Нынешнее учение о почвах более или менее удовлетворительно справляется лишь с двумя процессами: образования гумуса и разложения органических остатков. В особенности мало изучен, по словам проф. Полынова, оборот минеральных элементов. Между тем, наблюдения показывают, что растительность сама по себе является значительным фактором в почвообразовательных процессах и что, например, почва, получающаяся в результате работы той или другой породы деревьев со свойственным этим деревьям оборотами минеральных веществ, обладает бросающимися в глаза специфическими особенностями.

В последнем счете проф. Полынов приходит к тому выводу, что мы нуждаемся не только в повороте имеющейся теории сельскохозяйственных процессов к практике, но и в усиленной работе над дальнейшим усовершенствованием самой теории.

Доклад проф. Полынова был посвящен командным теоретическим высотам почвоведения. Связанный с той же темой доклад акад. Прасолова «Почвенная карта СССР и ее применение в социалистическом земледелии» имел сугубо практическую цель. О значении научной картографии почв для нужд нашего социалистического планового хозяйства спорить не приходится: наличие такой карты, которая не только дает научно-выработанные показатели почвенных разностей, но дает их в таком контексте, который является прямой опорой для агронома, — это уже определенный ключ к плановому использованию наших земель.

Трудности, стоящие на этом пути, заключаются не только в масштабе работ. Почвовед-картограф фиксирует на своих картах типы почв, как нечто постоянное, территориально застывшее; однако с точки зрения нынешних методов исследования и новых представлений о развитии почвенных процессов сама почва как часть биосферы весьма динамична и измен-

чива во времени и пространстве. «Почва, — говорит акад. Прасолов, — постоянно то расширяется, то сжимается, изменяет свой объем и агрегатное состояние, она, как говорят, «дышит». В ней идут, развивая громадную энергию, биохимические процессы. Ее солевое равновесие постоянно меняется». Самые типы почвы скорее являются не *типами*, а *состояниями*, где самое понятие о границах, отделяющих один тип от другого, весьма относительно. Отсюда неизбежная приближенность почвенных карт и известная условность самого картографирования.

Новая академическая почвенная карта в настоящее время частью уже печатается, а частью оформляется для печати на 20 листах, охватывая территорию европейской части Союза — от 60° северной широты до Кавказа.

«При выработке легенды[1] нашей новой карты, — говорит Прасолов, — мы стремились отойти от чисто географического принципа в разделении почв, сокращая число зональных подразделений и устраняя их условности путем замены географических подразделений группировками определенного количественно-качественного характера».

В итоге на карте Прасолова для европейской части СССР, от 60° северной широты до Кавказа, получается до 125 подразделений, не считая их комплексов и сочетаний.

«Развертывая значение всех подразделений, можно видеть, что в содержание карты входит длинный ряд важнейших и основных свойств почвенных масс и моментов их генезиса, которые имеют существенное значение для земледелия и без учета которых невозможно управлять важнейшими факторами сельскохозяйственного производства».

Такая карта, конечно, еще не дает всей полноты агрохимических и агрофизических показателей, необходимой для нужд практического хозяйства. Однако от нее до таких показателей — один шаг. Этот шаг должен быть сделан обрамлением основной карты соответственно детализированными картами районов.

Остановимся на некоторых итогах этого беспримерного по размаху картографического труда. Первый вывод, который напрашивается сам собой, — это тот, что наша атака на естественный земельный фонд еще мало изменила природное распределение угодий: три четверти наших культурных земель падают на черноземно-степную полосу. Подвигаясь далее на юг, мы отвоевали от первобытных пастбищ и пустынь всего около 5% культурной площади. Северная зона подзола и болот после многовековой борьбы завоевана земледелием не более чем на 7—8%, причем большая часть этих завоеваний приходится на южные и западные части лесной зоны. В Ленинградской области по последним подсчетам под пашней находится не более 12,6% общей площади. Четверть Ленинградской области занята болотами. В более северных районах освоенность падает до немногих долей процента. Всю северную зону можно назвать зоной, подлежащей освоению. Здесь необъятное поле работ по расчистке лесов и лугов, по осушению, по тепловым мелиорациям, по путям сообщения и т. д. Общий северный фонд колоссален — 10.5 млн. *км*². Южная часть северной лесной зоны в значительной степени освоена земледелием. Вместе с переходной полосой лесостепи она составляет 1 100 тыс. *км*², что дает около 20 или 30 млн. *га* пашни. Здесь на первом плане — проблема химизации земледелия и, в частности, усиленное известкование. Изучение почв и картирование здесь продвинулись достаточно далеко. Для Ленинградской области без Мурманского края закончено агропочвенное картирование на площади около 20 млн. *га* в масштабе 3—5-верстном по отдельным районам

[1] Легенда — пояснительная часть карты.

и составлена сводная карта области в 10-верстном масштабе. Экспликации к таким районным картам даются в виде популярных очерков и в таком виде вполне удовлетворяют живым потребностям районных организаций. Зона лесостепи приближается уже к степной черноземной полосе и постепенно в нее переходит. Эта зона более обеспечена влагой и занимает широкую полосу площадью около 800 тыс. *км*². Здесь мы имеем наилучший земельный фонд для интенсивных форм земледелия.

Южная часть лесостепи и черноземно-степная полоса характеризуются преобладанием черноземов, богатых органическим веществом. Здесь на переднем плане активизация природного богатства почв путем такой их обработки, чтобы надлежащим образом регулировался воздушно-водный режим при усиленной борьбе с сорняками. Это — зона механизации земледелия по преимуществу. Преобладание спокойного рельефа здесь в немалой степени содействует хозяйству с опорой на тракторы. Общая территория этого района до ближайшей зоны черноземных степей, нуждающихся в оросительных мелиорациях, — 1 млн. *км*².

Акад. Прасолов находит, что общая площадь степных зон (почв черноземных, каштановых и сероземных) немного более 6,2 млн. *км*². Если отделить тучные и выщелоченные черноземы, то в увлажнении будет нуждаться несколько более 4,8 млн. *км*². Из этого фонда безусловно годных для культуры и, следовательно, ждущих ирригации земель окажется: черноземов около 100 млн. *га*, каштановых почв 50 млн. *га*, сероземов от 20 до 30 млн. *га*.

Эти данные последних сводок академической карты свидетельствуют о грандиозности тех возможных походов высшего агрикультурного порядка, которые предстоят грядущим поколениям. Проблемы продвижения сельского хозяйства на север будут конкурировать с менее актуальными проблемами завоевания южных площадей.

Не подлежит сомнению, что последующие наши карты будут отличаться не только более крупными масштабами: они станут необходимыми справочниками и для таких непосредственных процессов производства, как установление сроков сева, глубин вспашки и т. д., говорит акад. Прасолов. Эти карты будут давать прямой ответ на самые разнообразные вопросы земледелия по всему широкому полю агротехники. Еще предстоит выработать самую систему агрохимических и агрофизических показателей, необходимых для таких карт. Приходится думать сразу же и о работе центра и о работе местных организаций и специальных институтов. Детальные съемки и детальный анализ — дело местных организаций. Чтобы материалы периферии могли быть надлежащим образом использованы при составлении сводных карт, необходимо установить единство методики всего дела картографирования.

В таком огромном деле всякая организационная расхлябанность является самым злейшим врагом. Несмотря на все дефекты нынешнего нашего картографирования, оно все же и на нынешнем своем этапе занимает почетное место в мировом реестре аналогичных работ, еще раз свидетельствуя, что развернутый фронт почвенной географии и картографии теснейшим образом связан с развернутым фронтом всего социалистического строительства. Таков конечный вывод акад. Прасолова.

* * *

Не меньший интерес представлял и обширный доклад акад. Прянишникова, всесторонне обрисовавший значение агрохимии. Д. Н. Прянишни-

ков прежде всего напоминает, что ставки второй пятилетки по производству химических удобрений по своим абсолютным величинам громадны. В 1937 г. производство азотных удобрений в переводе на сульфат-аммоний должно дать 1 750 тыс. *т*, производство фосфатов — 4 500 тыс. *т*, калийных солей — 3 млн. *т*. Таким образом по абсолютному производству туков мы должны будем догнать Германию. На этом, однако, останавливаться не приходится, если мы вспомним, что 136 млн. *га* посевной площади СССР в семь раз превосходят посевную площадь Германии. Однако можем ли мы с абсолютной уверенностью говорить об эффективной силе химических удобрений в нашей стране? Акад. Прянишников познакомил сессию с целым рядом интереснейших картограмм и диаграмм, красноречиво свидетельствующих о том, что в мировом масштабе кривая урожайности в разных странах находилась в прямой зависимости от роста применения минеральных удобрений в этих странах.

Прослеживая подъем урожайности на Западе за многие десятки лет, акад. Прянишников отмечает два типа в поднятии урожаев: «один — удвоение от клеверосеяния, увеличения количества навоза и азота в нем; второй этап — новый толчок под влиянием минеральных удобрений».

Огромное значение такого азотособирателя, каким является клевер, заключается в том, что он одновременно форсирует и действие таких удобрений, как калий и фосфор. Опыты наших сельскохозяйственных станций во всяком случае опровергли то заблуждение, что будто бы на наших почвах размеры действия удобрений ниже, чем на Западе. Но можно ли притти на основании изложенного к тому выводу, что нам предстоит создать азотную промышленность, в семь раз большую, чем в Германии?

Легко показать, что такой элементарный расчет непригоден. В азотных удобрениях нуждаются прежде всего технические культуры, затем такие интенсивные культуры, как сады и огороды. Если взять технические культуры (включая картофель), то мы получим посевную площадь примерно в 20 млн. *га*, а с садами и огородами — в 23 млн. *га*. Считая по $^1/_3$ *т* сульфат-аммония на гектар, мы найдем, что всего потребуется 8 млн. *т* сульфат-аммония, что в пять раз превышает план азотной промышленности на 1937 г. Прянишников подчеркивает, что ни одна страна Запада не решает азотного вопроса целиком с помощью одной только азотной промышленности, что всегда имеют место и другие источники. Германский азотный баланс носит такой характер:

«Немецкие урожаи уносят в сумме 1 775 тыс. *т* азота, а промышленность дает в год 350 тыс. *т*, т. е. 23%, остальной азот сельское хозяйство находит в других источниках... 600 тыс. *т* дает навоз... Кроме того, в образовании урожаев принимает участие 825 тыс. *т* азота биологического происхождения — это чистый приход, получаемый за счет азота, фиксируемого бобовыми с помощью клубеньковых бактерий (частью играют роль и другие бактерии)».

Со всей нашей посевной площади при современных урожаях, по расчетам Прянишникова, ежегодно уносится в этих урожаях в грубых цифрах 5 млн. *т* азота. Считая, что в конце второй пятилетки продукция полеводства поднимется на 60%, найдем, что вынос азота с полей возрастет еще на 3 млн. *т* и в общей сложности будет составлять ежегодно около 8 млн. *т*. Но чтобы компенсировать это, надо иметь в качестве ежегодных свободных ресурсов количество связанного азота, значительно большее чем 8 млн. *т*, ибо опыт показывает, что если почва растений удобряется раствором азотных солей, то, как правило, растение поглощает $^2/_3$ вносимого азота. При навозном удобрении эффективность использования вносимого азота еще меньшая: в первом году азот навоза используется всего на $^1/_3$. Вспомним, что, несмотря на стремительный подъем

производства азотистых удобрений во второй пятилетке, мы будем располагать недостаточным количеством азота. Мы видим, что грубая прикидка статей нашего азотного баланса немедленно приводит к практическим выводам громадного значения. Ясно, что кроме азота, получаемого индустриальным путем, в нашей стране надо искать самым энергичным образом пути биологического производства азота. Ясно, что в деле подъема урожайности для нашей страны клеверосеяние имеет с этой точки зрения исключительное значение.

По данным акад. Прянишникова, наш масштаб клеверосеяния ни в какой степени не удовлетворяет нуждам нашего азотного баланса. Под клевером во Франции находится 20% посевной площади, в Дании — 32%, в Германии — 10%, а у нас — всего 2%. Нам нужно иметь не 2—3 млн. *га* посевов таких азотособирателей, как бобовые, а не менее 13—14 млн. *га*. По подсчетам Прянишникова, при хорошем развитии клевер может дать за год 160 *кг* азота на гектар.

«Это значит, — говорит он, — 200 тыс. *га* клевера эквивалентны по продукции крупнейшему химкомбинату. Люцерна может дать 300—340 *кг* на гектар. Люпин — около 160 *кг*. Это — азот дешевый. Если клевер и люцерна оплачиваются животноводством, то этот азот ничего не стоит, но нужны большие площади».

Акад. Прянишников считает, что в отличие от Германии мы имеем широкие возможности расширять клеверосеяние, отнюдь не сокращая культуры зерновых хлебов. При обычном у нас 2—3-летнем пользовании клевером улучшающее действие клевера на почву сказывается на 3—4-й год после его посева. Мероприятия по клеверному семеноводству также требуют времени. Таким образом планирование по клеверу уже в настоящее время не может ограничиваться рамками 1937 г., а должно учитывать и период третьей пятилетки. Не надо также забывать, что успешная культура клевера возможна лишь при удобрении его фосфатами и калийными солями.

Чтобы при таких новых ставках на фосфорные удобрения оставаться в рамках реальных возможностей, по расчетам Прянишникова, приходится вновь форсировать производство фосфоритной муки, которое было передано местной промышленности и не может похвастать своим нынешним уровнем. Вообще правильный расчет статей азотного баланса немедленно заставляет сделать «переоценку ценностей» и во всех ставках продукции других наших химических удобрений. Диаграммы Прянишникова и вообще богатейший опыт наших агрохимиков учат нас прежде всего тому, что наиболее надежными видами удобрений являются комплексные удобрения, в которых статьи азота, фосфора и калия комбинируются и сочетаются по-разному, в зависимости от конкретного характера почв. Производство фосфатов и калийных солей должно, таким образом, рассчитываться не только в связи с возможной продукцией индустриального производства связанного азота, но и с прямым расчетом на азот биологический.

Как только мы ставим вопрос таким образом, немедленно приходится переоценивать и значение навозоудобрения. Удобренные навозом ранние пары накопляют больше растворимых азотистых соединений, чем пары поздние, что особенно заметно на черноземных почвах и что может выразиться примерно в 50 *кг* азота на гектар. При наличии 20 млн. *га* удобренных навозом ранних паров мы могли бы таким путем получать ежегодно около 1 млн. *т* столь необходимого для нас азота. Одностороннее увлечение производством одних лишь индустриальных ин-

мических удобрений также ошибочно, как была ошибочна левацкая ставка на трактор при игнорировании рабочей лошади. Навозное удобрение для нас имеет специфическую значимость не только вследствие напряженности статей нашего азотного баланса, но и в силу того специального значения, которое имеет для наших подзолистых почв, для наших северных серозёмов обогащение органическим веществом, заставляющее нас особо ценить рациональное хранение навоза, своевременный вывоз его на поля, правильную его запашку, а также прибегать к широким методам зеленого удобрения (сидерация).

Не менее интересна была вторая часть доклада акад. Прянишникова, посвященная методам борьбы за устойчивость наших урожаев.

Акад. Прянишников подчеркнул необходимость нового наступления на подзолистые почвы севера, тем более, что теперь мы вооружены и арсеналом тракторов и сельскохозяйственных орудий разного рода и прогрессирующим арсеналом агрохимических ресурсов, которые обеспечивают нам победоносность этого «северного наступления».

Наряду с клевером акад. Прянишников особенно защищает расширение на севере культуры картофеля. По выходу сухого питательного вещества картофель бьет всех своих конкурентов, и опора на большие ресурсы картофельной продукции обеспечивает легкость маневрирования то в сторону превращения картофеля в кормовой фонд для скота, то в сторону подкрепления продовольственных запасов.

Таковы в главных чертах основные положения доклада Прянишникова, которыми он старался доказать, что правильная обеспеченность азотного баланса и географическая реконструкция посевных площадей Союза явным образом намечают в нашей нынешней благоприятной обстановке надежнейший «путь к зажиточной жизни для деревни, а вместе с тем и для всего Союза».

Интересно отметить, что еще во времена Маркса в вопросах агротехники «физическая школа противостояла химической». В наши дни происходит гораздо более широкий натиск физики на химию. Этот натиск вполне естественен, если мы вспомним, как на наших глазах стремительно развивается та новая научная дисциплина, которую мы именуем физической химией. Если в лице акад. Прянишникова мы имеем яркого представителя нашей агрохимической науки, то в лице акад. В. Р. Вильямса мы имеем ветерана продуманной, широкой физико-химической концепции подхода к разрешению задач агротехники. Недаром еще в 1898 г. В. Р. Вильямс писал, что в одинаковой степени надо изучать и химические и физические свойства почвы, как равносильные звенья одного неразрывного целого, каким представляется все в нашем мироздании. Еще недавно учение Вильямса встречало значительную оппозицию в довольно изрядном кругу наших профессоров и агрономов. Поэтому участники майской сессии с особым интересом наблюдали за дальнейшим течением спора между этими двумя сторонами. На этот раз дискуссия носила уже гораздо более мирный характер, и в практических предложениях таких корифеев нашей сельскохозяйственной науки, какими являются академики Прянишников и Вильямс, по крайней мере, в основном наблюдается поразительное единство. Отметим прежде всего, что на центральный пункт учения Вильямса о положительном значении того, что называется структурностью почвы, никакой атаки не велось. Структурообразователями, по Вильямсу, являются многолетние травы, и поэтому система земледелия, защищаемая Вильямсом, носит характер травопольной системы. Эти многолетние травы являются, по Вильямсу, наиболее искусными естественными пахарями. Их богато разветвленная корневая система, которая не отмирает

в одногодичный период, способствует комковатому строению всего пахотного слоя. Стоит выдернуть такое растение из почвы и обратить внимание на крупчатый характер всей массы земли, прихватываемой клубком корневой системы таких растений, чтобы наглядно в этом убедиться. Устойчивость этих отдельных комочков зависит от пропитывания их специальным органическим веществом — тем видом перегноя, который акад. Вильямс называет ульмином. Само собой разумеется, что если бы комочки такой почвенной системы или, как мы говорим, такой структурной земли не были пропитаны устойчивым цементирующим веществом, то весенняя и дождевая влага легко превращала бы их в распыленное аморфное состояние. Однако почему же такая комковатая структура благоприятна для жизни растений? По учению Вильямса, благодаря процессам структурообразования в почвенной массе создаются различные категории пор: между агрегатами почвы, между комочками и внутри таких агрегатов почвы, внутри таких комочков. Внутрикомковая структура, пропитанная специальным коллоидным веществом, поглощающим влагу, вся пронизана капиллярами, в которых вода под действием капиллярных сил с неизбежностью вытесняет воздух. Таким образом внутри комков воздух имеется в минимуме. Для междукомковой структуры будет характерен как раз обратный режим: гораздо более широкие поры. Налицо два режима для бактериальной жизни: внутри комков обеспечены процессы, нуждающиеся в отсутствии воздуха, а между комками режим будет благоприятен для процессов, нуждающихся в присутствии воздуха, или, как это принято говорить, почва будет одинаково благоприятна и для жизни бактерий анаэробных (не нуждающихся в присутствии воздуха) и аэробных (нуждающихся в присутствии воздуха). Такой двойственный режим, как это доказывается всем арсеналом науки, именуемой физиологией растений, особенно благоприятен для жизни растений.

Акад. Вильямс по нездоровью не мог принять участия в работах сессии, и его доклад был прочтен его учеником, аспирантом Академии наук, т. Бушем. В изложении т. Буша учение Вильямса о структурности почвы было обрисовано, исходя из того своеобразного антагонизма, в котором находятся вода и питательные вещества почвенной среды по отношению к жизни растений. При наличии минимума влаги, когда почва перенасыщена воздухом, в ней будет богатый простор для аэробных процессов разложения. В таких условиях органическое вещество будет минерализовано до конца, и поскольку именно минеральными продуктами питаются растения, в почве будет максимум питательных веществ. Однако для того, чтобы растение могло питаться минеральным веществом, надо, чтобы это минеральное вещество было в растворенном состоянии, а для этого требуется известное количество влаги, иначе растение будет голодать. При минимуме влаги такого раствора не будет и голод растений неизбежен. Но совершенно также неблагоприятна для жизни растений избыточная влажность: в этом случае мы также получим нуль усвояемой растением пищи.

Точка оптимума для урожайности будет где-то между тем и другим пределом — около 50% влагоемкости. Каким же образом бороться с обрисованным нами выше антагонизмом воды и пищи? Докладчик говорит:

«В структурной почве антагонизм воды и пищи переносится внутрь комка и ограничивается его внутренней сферой. Все отрицательные моменты локализуются в нем. В комке весь водный режим строится на капиллярных силах. Заполнение капилляров комка водой означает полное вытеснение воздуха и установление анаэробиозиса. Но на поверхности комков и в пространстве между ними предоставляется полная свобода аэробному процессу. Больше того, в комковатой почве изменяется значение самого анаэробиозиса: из вредного процесса, вредного потому, что он

там был единственным господствующим процессом, анаэробиозис становится процессом полезным, ибо он теперь сдерживает быстроту аэробиозиса, текущего рядом с ним и стремящегося перевести все элементы зольной пищи в окисленные, водорастворимые формы, что чревато опасностью их выщелачивания и что в производственных условиях бывает весьма нежелательно».

Таково новейшее изложение знаменитой теории Вильямса о структурности почвы. По учению Вильямса, эффективность всех мероприятий в земледелии — как механизации, так и химизации — находится в прямой зависимости от степени структурности почвы, причем особо опасной он считает такую обработку почвы, которая шла бы в разрез с требованиями комковатости.

По учению Вильямса, наши плуги непременно должны быть снабжены предплужниками. Эти предплужники снимают верхний слой почвы, наиболее пострадавший по своей структуре. Перевернутый предплужником слой покрывается структурной землей во время работы самого плуга. Плуг идет глубже и поднимает структурную землю, вынося на поверхность ту тонкую, комковатую структуру, которая особенно важна для жизни посаженных в нее растений. Конечно, тот же эффект может получиться при системе двух плугов, включенных последовательно. К такой системе двух последовательных плугов во многих местах приходят стихийно, не отдавая себе отчета в сути происходящих процессов.

Прочность комков почвы, по учению Вильямса, обеспечивается перегноем.

«Но перегной в почве может накопиться только при анаэробном бактериальном процессе разложения органических остатков. Особенностью противоположного ему аэробного процесса является полное прогрессивное разрушение всех органических остатков — сырья для образования перегноя почв. Особенностью же анаэробного процесса является неминуемое, неизбежное накопление аморфного перегноя в виде так называемого ульмина».

Анаэробный процесс в почве и образование бактериями ульминовой кислоты могут протекать, главным образом, под покровом многолетних луговых формаций растений. «Под однолетними растениями так называемой степной формации не может установиться анаэробный процесс, ибо они всегда отмирают и их остатки разлагаются летом, когда почва... совершенно доступна воздуху и развитию аэробных бактерий. В почве под многолетними луговыми растениями и летом не может установиться преобладание аэробного процесса, потому что кислород перехватывается аэробными бактериями на поверхности почвы».

Мы видим, что явление структурообразования носит весьма сложный характер. Надо хорошо знать коллоидную химию и микробиологию, чтобы охватить сущность этих процессов. Небесполезно здесь подчеркнуть еще раз, что к числу тех многолетних трав, которые акад. Вильямс называет борцами за структурность почвы, относятся и такие растения, как люцерна и клевер, которые играют, таким образом, роль и азотособирателей и структурообразователей. Известно, что зола бобовых отличается значительным содержанием кальция. А это опять-таки имеет особо положительное значение в структурообразовании. По наблюдениям Вильямса, первоначальным продуктом перегноя является особое вещество, называемое ульминовой кислотой. Но для того, чтобы эта ульминовая кислота сыграла свою роль как структурообразователь, необходимо, чтобы она перешла в нерастворимое нейтральное состояние. Поглощение частичками перегноя соединений кальция как раз и содействует переходу в такое нерастворимое состояние, превращению ульминовой кислоты в особый почвенный цемент — ульмин.

Этот ход рассуждений вместе с тем показывает, что и агрохимики и

сторонники Вильямса, исходя из различных точек зрения, одновременно являются горячими защитниками мелиорирования почв путем известкования, а в некоторых случаях и гипсования. Мы видели, что также положительно они в конце концов оценивают и роль многолетних трав.

Между тем, по данным Наркомзема, в специальном докладе VII Съезду советов показано, что площадь многолетних трав в СССР, начиная с 1931 г., неуклонно сокращается. А это недопустимо не только с точки зрения интересов дальнейшей рационализации нашего полеводства, но и с точки зрения разворота животноводства, о котором говорил т. Сталин. Ведь такие многолетние травы, как клевер, люцерна — из бобовых, житняк и тимофеевка — из луговых злаков, играют громадную роль в кормовом животноводческом фонде.

Преобразованная социальная база нашего сельского хозяйства — наши совхозы и колхозы — дает возможность нашим ученым исследователям вместо сухой теоретической дискуссии непрерывно оплодотворять свои теоретические искания проверкой их в необычайно благоприятной обстановке гигантским опытом миллионов сознательных тружеников.

В связи с большим производственным значением структуры почв совершенно необходимо, чтобы изучение приемов сохранения, создания и восстановления такой структуры было включено в программу работ всей сети исследовательских институтов и сельскохозяйственных опытных учреждений Наркомзема. Но работа этих научно-исследовательских органов должна быть предметом делового обсуждения и практики наших колхозов и совхозов. Эти выводы с особой энергией подчеркивались в резолютивной части работ майской сессии.

Немалый интерес имел доклад украинского академика Соколовского на тему «Предпосылки для установления наиболее эффективной глубины вспашки».

Акад. Соколовский прежде всего анализирует корни затяжной дискуссии между сторонниками мелкой и глубокой вспашки. Еще в старинных агрономических руководствах при перечислении шести основных факторов сельского хозяйства наряду с водой и воздухом в почве, с питательными веществами в почве, с температурными условиями и отсутствием вредных веществ фигурирует необходимость известного простора для корней растений, т. е. намечается прямой подход к научному разрешению вопроса о глубине вспашки. Еще в 1871 г. Стебут, профессор Петровско-Разумовской академии, учил, что глубину вспашки необходимо сообразовать с наличием в почве питательных веществ и с теми запасами химических удобрений, которые находятся в нашем распоряжении.

Какое же значение имеет объем пахотного слоя, дающий известный простор для корней? Достаточно ли сказать, что этим обеспечивается лучшее развитие корней и что таким образом создается более мощный воспринимающий аппарат как по отношению к физико-химическим, так и к биологическим процессам? Корни травянистых растений, как это показали работы акад. Вильямса, сосредотачиваются в слоях, более близких к поверхности: корневая система таких растений представляет собой конус, опрокинутый вверх основанием. Таким образом главная масса корней находится в пределах пахотного слоя, и, следовательно, разрыхленность его должна иметь явно положительное значение. Однако вопрос этот оказывается гораздо более сложным. Верно ли соображение проф. Стебута, что, чем легче механический состав почвы, тем на большую глубину ее полезно обрабатывать? Чем объясняется тот факт, что по многим опытам глубокая вспашка супеси дает, несомненно, хороший результат? Песок сам по себе уже является рыхлым, почему же именно на него так положительно влияет глубокая пахота?

Переходя к развернутому анализу факторов, обусловливающих эффективность вспашки, и иллюстрируя свои соображения рядом диаграмм, акад. Соколовский прежде всего обращает внимание на большое значение в этом вопросе подпахотного слоя:

«Подпахотный слой может отличаться или бедностью питательными веществами или плохими физическими свойствами, наличием неблагоприятных химических и биологических условий, слой может представлять чисто механическое препятствие для роста корней, промачивания, аэрации».

Подняв горизонт такого подпахотного слоя, приходится думать о повышении его качеств, каждый раз при этом учитывая и химические, и физико-химические, и структурные, и микробиологические свойства вовлекаемых в работу почвенных горизонтов. Если такой учет будет произведен надлежащим образом и будут приняты соответствующие меры по мелиорации, то увеличение глубины вспашки, как правило, даст явное увеличение продуктивности почвы. При этом глубокая вспашка сама по себе является могучим средством в борьбе с сорняками и, несомненно, сказывается положительно в периоды засухи. Докладчик приходит к выводу, что с ростом нашей технической вооруженности мы будем обеспечивать эффективность обработки почвы на большую глубину.

По докладу акад. Соколовского сессия приняла специальную резолюцию, в которой подчеркивалось, что углубление пахоты является особо целесообразным на таких почвах, где нет резкой разницы в плодородии пахотных и подпахотных горизонтов. Сессия подчеркнула, что при непременном сочетании углубленной вспашки с физическим, химическим и биологическим улучшением захватываемого слоя путем внесения органических и минеральных удобрений, бактериальных удобрений, культуры бобовых трав, а также известкования и гипсования углубление пахоты может быть эффективным и может иметь прямое положительное значение даже для солонцеватых почв.

* * *

В предыдущих строках мы старались дать читателю по возможности полное представление о прочитанных на майской сессии докладах. Не приходится скрывать от себя, что организованность сельскохозяйственного научного фронта еще в громадной степени отстает от потребностей нашего быстро развивающегося совхозно-колхозного сельского хозяйства. Отдельные научные дисциплины еще продолжают в этой области вести свою линию работ в качестве самостийных потоков знания. Анализ в значительной степени опережает синтез. Эти недостатки теоретической мысли находятся в кричащем противоречии с тем обобществляющим началом, которое мощно декретируется гигантской практикой нашего социалистического хозяйства. А отсюда разрыв не только между теорией и практикой в том или другом частном случае, но и разрыв между теми темпами фактического подъема нашего сельского хозяйства, которые мы наблюдаем в нынешнее время, и теми темпами, которые были бы возможны в том случае, если бы разрыва между теорией и практикой в сельском хозяйстве не наблюдалось. Отсюда и относительно случайный состав как научно-исследовательских учреждений самой Академии, так и той тематики, которая в тот или другой период выдвигается на первый план.

Ясно, что упорядочить всю структуру научной работы в таком сложном органе, каким является Академия наук, можно только в том случае, когда каждый из научных работников этого органа будет проникнут великим чувством ответственности. Ясно, что наличность этой ответственности обязывает немедленно кончить со всякой кустарщиной и самозамыканием и что великие цели могут быть достигнуты на всех путях научно-исследо-

вательской работы только в том случае, когда каждый из работников будет себя чувствовать определенным звеном коллективных сил, движущихся вперед уже не стихийно, а по разумному, социалистическому общему плану.

Ясно, что в таких условиях организационное переустройство научно-исследовательской работы в самой Академии в данной области должно начинаться с установления новых, определенных междуведомственных связей и выработки социального заказа работ, идущего к Академии наук и от наркоматов и от Госплана.

Установив и упрочив эти взаимоотношения, надо перейти ко второму этапу необходимой организационной работы как по огромной периферии самых разнообразных научно-исследовательских органов, так и по линии главенствующих вузов и втузов. В великом вопросе о кадрах, столь ярко и действенно выдвинутом на авансцену мощной мыслью нашего мудрого вождя т. Сталина, Академии наук еще надлежит выявить свою роль и занять соответствующее место. Она призвана быть учителем учителей, и в этом смысле самые разнообразные академии учебного типа являются лишь опорными звеньями ее воспитательной работы. Наши трудящиеся массы выявляют неслыханную жажду знания. На этот раз спрос опережает предложение. Воля народных масс не может не быть высшим законом для всех категорий научных работников. А надежная, спаянная армия советских ученых в деле преобразования сельского хозяйства, как мы видели, обещает одарить нас и весь мир такими достижениями, которые и не снились мудрецам старого мира.

СОРОК ЛЕТ КИНО [1]

1

Сорокалетний юбилей кинематографа принадлежит к числу совершенно исключительных юбилеев. От двадцатиминутного сеанса первой примитивной кинофильмы, имевшего место 28 декабря 1895 г. в небольшом помещении Гранд-Кафе на Бульваре Капуцинов в Париже, до нынешних мировых кинофестивалей — какой удивительный, какой победоносный подъем! Свершить такой подъем в такой исторически короткий срок могло только такое искусство, которое находится в совершенно особой близости к основным тайникам, питающим всякое подлинное искусство.

Каковы же эти тайники? В чем успех искусства, где причины его «заражающей» силы?

Невольно вспоминаются стихи Гете:

«Такие драмы нам давайте,
Жизнь настоящую хватайте,
Не знаем мы ее,
Хоть ею все живем».

(Фауст)

Каков бы ни был род искусства, творчество, к нему относящееся, только в том случае будет стоять на правильном пути, когда оно не будет удаляться от правды жизни. Это отнюдь не означает, что в любом искусстве можно ограничиться простой копировкой жизни. Художник Кацман в разговоре со мной был прав, когда утверждал, что для художника-портретиста фотографическая карточка изображаемого лица не столько друг, сколько враг.

Известный французский писатель Виктор Маргерит утверждает:

«Задача писателя — не только изображать повседневную действительность, он должен смотреть вперед, вести, увлекать. Искусство является творческим только при условии слияния реализма и поэзии...

Жизнь!

Неизбежная и меняющаяся модель, приближаться к которой — для каждого на свой лад — должно быть предметом стремлений всех художников» («Вавилон»).

Задача, как видим, не из легких: великий поток жизни слишком многосторонен, слишком комплексен, слишком неподатлив для воспроизводства его каким-нибудь односторонним методом, какой-либо отдельной тропой изобразительных средств. Если вы идете такой тропой, для вас неизбежен своего рода маневр: слишком скупы средства, слишком грандиозен объект!

---

[1] Доклад на юбилейном заседании, состоявшемся 16 декабря 1935 г. в Колонном зале Дома союзов. Печатается по рукописи.

«Кто в многозвучном хоре том находит
Склад благозвучный и размер живой,
Кто частное до общего возводит
И облекает дивной красотой?»

(Фауст)

Так характеризует Гете поэта, подчеркивая, что известная способность к синтезу — необходимая предпосылка победоносного художественного творчества.

Для того чтобы собственные имена героев художественной литературы превратились в имена нарицательные, приходится проделать огромную синтетическую работу обратного порядка, приходится из аморфного нарицательного выкристаллизовывать типы, побеждающие в своем единстве многоличие жизни, концентрирующие в себе мысли и чувства миллионов существований.

Какая пристальная наблюдательность необходима для такого «маневра», вместе с тем требующего от художника слова, чтобы он был не меньшим реалистом, чем любой ученый.

Но голого реализма мало. Мы поднимаем на щит не просто реализм, а реализм социалистический. На этом стоит остановиться с некоторой подробностью.

В своей знаменитой диссертации на тему «Об эстетическом отношении искусства к действительности» Ник. Гавр. Чернышевский утверждал, что «прекрасное — есть жизнь». Ясно, что грош цена такому искусству, которое не поднимает нас до высот своего «прекрасного». Однако восприятие жизни пестро преломляется в различных индивидуумах, являющихся носителями жизни, и потому такой критерий прекрасного весьма относителен. В своей диссертации Чернышевский это превосходно обрисовывает. Продолжим линию его анализа дальше, и мы придем к тому выводу, что эстетический успех искусства находится в прямой зависимости от правдивого изображения жизни в ее победоносном движении вперед, в ее движении к несомненным командным высотам. Итти таким путем, значит, думается нам, как раз итти путем социалистического реализма, обеспечивая максимальную полноценность художественного творчества.

Настоящая, наивысшая полнота и красота жизни — не в ее прошлом, а в ее грядущем. За предисторией человека начинается переход от необходимости к свободе, начинает строиться социалистическое общество. Жизнь человеческого коллектива вступает в свои новые права. Движение вперед становится бескризисным. Перекрест человеческих воль превращается в их параллелизм. Эффективность индивидуальных существований находится в прямой связи с ростом и укреплением социалистического коллектива. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее», — говорит т. Сталин.

От роста такой коллективности как бы у п л о т н я е т с я само время, и на опыте нашей собственной послеоктябрьской истории мы наглядно видим, к а к и м п о л н о ц е н н ы м является наше время по сравнению с временами всех предшествовавших исторических эпох. Движение вперед человеческого коллектива, вовлеченного в водоворот социалистического строительства, становится неслыханно стремительным, а самые события, характеризующие это строительство, приобретают такое ускорение, о котором не могли и мечтать люди исторического прошлого.

Течение событий социалистической действительности имеет за собой еще одну особенность — впереди перед нами уже не тайна, не находящийся вне нашей воли результат столкновений стихийных сил, не туманный мечтательный идеал, а совершенно ясно поставленная цель, научный расчет, научное предвидение. В этом смысле как бы стирается резкая

грань между настоящим и грядущим, и полет времени приобретает оттого как бы еще более стремительный характер.

Писатели-реалисты прошлого времени пытались по-своему изобразить окружающий их поток жизни в его движении. Мы расцениваем величие созданного ими постольку, поскольку обрисованные ими типы так или иначе врастали в тайники этого движения жизни вперед, поскольку они были верными выразителями борьбы за такое движение, и там, где за судьбой индивидуальных существований мы с большей или меньшей яркостью видим весь драматизм классовой борьбы, там нам и приходится читать поистине бессмертные страницы, трактующие о непрестанном подъеме человеческого коллектива, о прогрессивной смене человеческих поколений.

Но если такой писатель-реалист пытался перекрыть свой реалистический синтез идеалистическим предвосхищением грядущего, он обычно оказывался, в лучшем случае, в положении одного из тех социалистов-утопистов, которые были предтечами провозвестников научного социализма. Это не мешает нам ценить во всей полноте тех гениев художественных исканий, которые по-своему честно шли своей дорогой и которые порой своими гениальными догадками и опережали действительность и освещали ее темные пути.

Мы находимся в несравненно более благоприятных условиях. Наша правда через правду передового класса становится поистине вселенской правдой, наш идеал становится логическим выводом из нашей действительности, выводом, доступным уже не только гению, но и всякой нормальной единице многомиллионного коллектива, приобретая, таким образом, характер материальной движущей силы. И различие между великими реалистами прошлого и носителями социалистического реализма наших дней столь же глубоко, как между социалистами-утопистами и представителями научного социализма.

Итак, заметим: чем более комплексно искусство по составу своих изобразительных средств, тем легче ему реалистически приближаться к правде жизни. Это приближение для своей полноценности должно охватывать жизнь в ее развитии, должно стоять на базе социалистического реализма. Стоит только поставить так вопрос, чтобы немедленно видеть, какие связи существуют между общим широким фронтом достижений по линии художественного творчества на базе социалистического реализма и достижениями в борьбе за социалистическую кинофильму.

II

«Движущиеся картины» — так было охарактеризовано первое кино при своем появлении в свет. Таким образом изображению жизни в ее движении соответствует самая сущность кинематографа. Но мы имеем здесь нечто большее, притом как раз в этом пункте, пункте движения. Беря это движение из самой жизни, мы отнюдь не обязаны ему подчиняться. Мы можем по своему произволу придать этому движению любые темпы — и ускоренные и замедленные. Наконец, мы можем комбинировать движение изображаемых нами объектов вовсе не в той последовательности, в какой они имеют место в действительности, опять-таки по своему произволу. Другими словами, мы можем быть и научными исследователями и художниками-мастерами фактора движения, взятого самим по себе. Нельзя недооценивать этого обстоятельства. Нет ни материи, ни энергии, а следовательно, нет действительности, ее бытия, ее жизни вне фактора движения. Кино нас подводит вплотную к этому тайнику жизни.

Выше мы говорили о скупости изобразительных средств любого из художественных искусств: краскам недостает слова и звуков, звучанию — красок, слову — непосредственных зрительных восприятий и т. д. и т. п. Наиболее комплексным из искусств является кино. Особенно это верно, если мы возьмем кино в его движении.

Еще вчера кино не было озвученным, ныне оно озвучено — и человеческим словом и любым музыкальным ассортиментом, оно уже стало и цветным и объемным.

По своей комплексности к кино наиболее близко подходит театр. Однако средства театра явно не могут соревноваться со средствами кино. Самая искусная декорация может лишь приближаться к действительности, но всегда будет уступать таковой. Кино может использовать преимущества любых комбинаций действительности и декоративного искусства, опять таки не подчиняясь им, а стоя над ними. Гигантскими ресурсами современной оптической техники оно может заострить восприятие любой действительности в любом желательном для него направлении: игра света и тени, искусство Рембрандта здесь может быть доведено до своего высочайшего совершенства. Здесь, между прочим, — особые карающие и бичующие возможности кино.

Предтечей кинофильмы, как известно, является сценарий. Этот сценарий предъявляет максимум требований к художнику слова, но вслед за этим художником слова идет художник-режиссер, который переводит это слово в действительность совершенно своеобразными приемами, где достижение дается путем зоркого наблюдения за образами самой жизни, с одновременным использованием ресурсов театрального искусства. Наконец, здесь налицо самая широкая возможность опытного подхода к удачному решению вопроса: результат по дороге к его конечному завершению может быть подвергнут критическому просмотру любого коллектива с любым вкраплением в ряды этого коллектива представителей искусств, науки и техники. Таким образом по комплексности изобразительных средств, по сочетанию всех муз со всем тем, что прихотливо изощряет и оттеняет их восприятие, при умелом вкраплении в их игру самой действительности, т. е. по сочетанию прозы и поэзии, — ни одно из известных нам искусств не может спорить с кино.

Без всякого преувеличения можно сказать, что по комплексности тех средств, которыми располагает кино, оно даже превосходит комплексность самой жизни, и мы не видим никаких пределов движению кино в этом направлении. Но мы должны еще добавить к этому следующее: нет ни одного такого рода искусства, в котором его собственные ресурсы в такой степени переплетались с ресурсами науки и техники, как это имеет место в кино. В этом смысле кино отображает жизнь во всей ее сложности. Не будучи рабом жизни, но и не отрываясь от нее, кино всегда стоит над ней. Вот почему конечные высоты творчества в области кино теснейшим образом связаны с таким социальным строем, который вообще делает людей творцами своей собственной жизни, а не рабами жизненных стихий, т. е. со строем социалистическим. Вот почему величайшие достижения кинотворчества возможны лишь на платформе социалистического реализма и прочно обеспечиваются лишь такими достижениями, которыми закрепляется развернутый социалистический строй. Вот почему, между прочим, такие великаны социалистического строительства, какими являются Ленин и Сталин, так высоко ценят орудие кино, как особо острое орудие борьбы за новый мир, мир истинного содружества в стране человечества.

Мы знаем, каким гигантом стала на наших глазах мировая кинематография. От этого мирового гиганта в некоторых отношениях, прежде всего со стороны техники, мы еще отстаем. Наше годичное фильмовое производ-

ство выражается в 100 фильмов в год против 160 фильмов в Германии и 800 фильмов США. Но по башмакам нашего кинематографического ребенка видно, что он будет гигант. Мировая кинематография ворочает миллиардными средствами, в ее подразделениях заняты целые сотни тысяч трудящихся. Язык кино был и остается одним из наиболее распространенных средств интернационального общения миллионов. И несмотря на это, вершины расцвета кино еще впереди: оно будет расти и крепнуть вместе с будущим нашей страны. Оно полностью развернется в грядущем мировом интернационале.

Так ли это? Не парадоксально ли такое утверждение? Ведь по кинотехнике, по наличности кинотеатров мы еще занимаем весьма скромное место. Тем не менее, в соревновании за первенство по кинематографии мы обладаем оружием совершенно особой, совершенно исключительной силы. Это потому, что мы располагаем особо благоприятной средой для массовой агитации, для действительного роста единства воль миллионных народных масс.

Припомним, что подтолкнуло Луи Люмьера в расцвете его сил (в пору изобретения кинематографа ему было всего 31 г.) к его гениальному изобретению. В 1893 г. знаменитым Эдисоном был изобретен кинетоскоп, аппарат, также дававший движущиеся изображения. Но живые картины кинетоскопа наблюдались в плохо освещенном ящике, сеанс кинетоскопа длился всего полминуты, и картины этого аппарата мог видеть только один человек. Луи Люмьер поставил себе задачей перейти от кинетоскопа к такому аппарату, который давал бы возможность показывать на экране целому собранию людей живые картины, точно отображающие предметы и людей в движении.

Итак, изобретение кинематографа с самого начала делало ставку на более или менее значительный коллектив зрителей, на массу. Эта ставка как раз соответствовала нуждам времени. Огромный успех кинематографа расшифровывается именно тем обстоятельством, что он (кинематограф) является незаменимым средством определенного целевого использования времени и внимания широких масс.

Кинематограф, увидевший свет в конце XIX века, с вулканической силой пробивал свои пути, побивая всех своих конкурентов, именно потому, что отвечал социальному заказу своей эпохи. В этом смысле он — истинное дитя конца XIX века с его шумным ростом гигантов-городов с их миллионными массами пролетариата и мелкой буржуазией, живших в условиях явного торжества капитализма.

Одновременно конец XIX века является как раз периодом великих научных открытий и громадных технических достижений. Пойнтинг, Герц и Рентген говорят свои пророческие слова в науке; Попов и Маркони создают современное радио; зарево электросвета становится все более и более ярким над столицами мира, и в воздухе уже чувствуется канун XX века, являющегося и веком электричества и веком неслыханных социальных бурь. В такую эпоху тем, кто стоит у руля жизни, как раз в пору призадуматься над досугом миллионных народных масс, которые проявляют все большую и большую охоту самим стать у руля жизни, охоту, вытекающую из того простого обстоятельства, что она необходимым образом идет от самых корней их собственного бытия. Как же не ухватиться при таких условиях за такое мощное орудие воздействия на миллионные массы, каким по самому своему существу является кинематограф?

Эпоха настоящих социальных гроз занимает длинный ряд многозначительных лет. После первых потрясений еще целые поколения людей будут держаться за старое, будут продолжать верить в его вековые силы. Однако «великие переломы» будут наступать со все более возрастающей силой и

по все более возрастающему мировому фронту. С мировым кризисом будет переживать свой кризис и мировое кино. В поисках подходящих зрелищ для опасных низов будут пущены в ход все и всяческие средства: и особая пышность, и блеск постановок, и головокружительность трюков, наряду с утрированным жанром, с ужасами пыток средневековья; с утробным смехом удачника над неудачником, наряду со всяческими потугами вымысла и с дешевой бутафорией для спешного приукрашивания безрадостной действительности. Все это для того, чтобы отвлечь массового зрителя от опасных мыслей и от «миллиона терзаний», стоящих на его собственных жизненных путях.

Но тем тягостнее пробуждение от похмелья, и не такими средствами может прочно утвердиться в жизни потенциально исключительный художник и исключительный правдоискатель — кино. Болезни и недуги его носят временный характер. Под гнетом кризиса и депрессий человеческий коллектив не гибнет, а пробивает свои новые пути. Трудные годы отнюдь не пройдут и для кино бесследно. Нередко будет случаться так, что истинное искусство, подлинный крик борца, трагизм действительных положений, вдохновение гениального артиста, наряду с непрекращающимся совершенством техники, позволяющим наиболее совершенный охват действительности, будут давать себя знать и в фильмах этого времени вопреки всем его внутренним разрывам и противоречиям. Тем не менее, бескризисное подъемное киносворчество неотделимо от бескризисного подъемного хода всего общественного окружения. Кино, являющееся наиболее ведущим искусством, может во всей полноте развить свои потенции и быть истинным водителем масс только там, только в таких странах, где этих масс не боятся и где, наоборот, на их росте строится рост всего социального целого. В условиях подлинной демократии великий художник и воспитатель — кино — живет как бы двойной жизнью: оно и обращается к массам и исходит от масс. Здесь как бы с особой наглядностью причина и следствие меняются местами, как бы стираются грани между самой жизнью и ее художественным воспроизведением, и недаром наш колхозник, наблюдая белогвардейскую ночную атаку сонного лагеря чапаевцев, с глубоким волнением обращается к экрану: «Петька, Чапаев, что же вы спите?!»...

В чем основной секрет, в чем тайна необычного влияния на массу таких вождей народов, как Ленин и Сталин? Простым и чеканно-точным языком, бесстрашно глядя в лицо любой правде жизни, безбоязненно и с математической точностью учитывая весь свет и все тени этой жизни в своих удивительно метких обращениях к миллионным массам, они вскрывают перед ними подлинный механизм жизни этих масс, самую жизнь в ее движении, озаряя, таким образом, ярким ведущим светом пути этих миллионов. И только там, где маг и волшебник — кино — может итти такой же прямой дорогой, оно является оружием особой силы.

Страна советов и является как раз такой страной, где можно действительно безоговорочно говорить о единстве народных масс, о народе в его великом целом, о народных вождях и о народном искусстве. Вот почему наше кино является оружием особой силы, ибо оно может бестрепетно говорить о всей правде жизни, бестрепетно заглядывая в грядущее, вращивая все лучшее, все достижения веков прошлого, могущие украсить это грядущее, силы которого за нас и против наших врагов. Именно в этом обстоятельстве весь секрет особого влияния наших фильмов на мирового зрителя.

От «Путевки в жизнь» до «Чапаева» мы уже дали миру ряд фильмов, прочно отвоевавших в мировом соревновании свое особо почетное место. Это киносворчество находится на непрекращающемся подъеме. Оно со все большим успехом развивает свои особые приемы реализации доступными

ему средствами на базе социалистического реализма такого воспроизводства жизни в ее движении к командным высотам этой жизни, которое не знает себе соперников. Не в этом ли секрет того обстоятельства, что игра наших лучших киноактеров на наших глазах приобретает такие изумительные черты исключительно правдивого воспроизводства самой жизни?

Научный анализ истории искусств немедленно показывает, в какой степени периоды подъема и упадка этих искусств находятся в теснейшей связи с приливами и отливами к командным высотам жизни того народного моря, которое их создало. Действительное приближение к жизни миллионов, к их нуждам и стремлениям, к их горю и радости — вот что всегда было в основе подъемного движения искусств. Пушкин, прислушивающийся к сказкам Арины Родионовны, — как многозначительно сочетание этих образов. Кинотворчество — это наиболее массовое и зависимое от массы искусство — будет подтверждать в своих судьбах этот общий закон с исключительной силой. Вот почему Страна советов так бодро смотрит на будущее своего кино и в такой особой степени ценит гениальное изобретение Люмьера.

III

Бесспорно ли Луи Люмьер является творцом кинематографа? Попытки получить движущееся изображение имеют свою весьма длительную историю. Проф. Голдовский правильно замечает, что о предшественниках Луи Люмьера можно было бы написать целую книгу. Тем не менее, опытные конструктора находят, что уже пункт первый патентной заявки братьев Люмьер на их аппарат от 13 февраля 1895 г. раз навсегда предрешил всю дальнейшую историю кинематографии.

Учет патентных заявок, относящихся к кинематографии до изобретения Люмьера и после него, с несомненной ясностью показывает, какой решающий переломный момент был связан с этим открытием. Во Франции число патентных заявок такого рода до 1895 г. насчитывалось единицами, а после этого года стало насчитываться десятками, доходя порой даже до сотен.

Известно, что над изобретением кинематографа работали оба брата Люмьер, такие близнецы по навыкам жизни и интеллекта. Не является ли кинематограф их совместным изобретением? Август Люмьер, однако, свидетельствует:

«Однажды, когда мой брат Луи из-за легкого недомогания должен был оставаться в постели, я зашел к нему в комнату. Он сообщил мне, что во время бессонницы, в ночной тишине, он нашел точные условия, позволяющие достигнуть поставленной нами цели. Это было для меня откровением, и я понял сейчас же, что мне остается только забыть о моем собственном решении, над которым я сидел. Мой брат в одну ночь изобрел кинематограф!».

Известно, что Марэй и Демени во Франции, Складановский в Германии, Поуль в Англии и Эдисон в Америке были ближайшими по своим вкладам в кинематографию соратниками Луи Люмьера. Но что же это доказывает? Это лишь доказывает правильность известного соображения К. Маркса, что великие изобретения, нужда в которых явным образом созрела для человечества, при своем появлении в мир стучатся в целый ряд дверей.

Приоритет, однако, следует закрепить за той дверью, которая распахнулась с особой широтой и прочностью. И ныне уже не приходится спорить о том, что действительным изобретателем кинематографа был именно Луи Люмьер. С 1919 г. Луи Люмьер — член французской Академии наук и член 40 различных ученых обществ. За свою жизнь он написал целых

20 томов чисто научных работ и представил в различные академии около 600 научных докладов. Изыскания Луи Люмьера идут в различных областях физики и химии — от фотографии до учения о звуке. Но, конечно, особенно велик его вклад именно в области фотографии, причем известно, что в последние годы он вплотную подошел к удачному разрешению проблемы объемного кинематографа.

Скромность знаменитого ученого, в течение полувека производящего ряд плодотворнейших изысканий, исключительна. Имя Люмьера мало известно широким массам капиталистических стран, это славное имя, так своеобразно оправдавшее свое речевое содержание (Люмьер по-французски свет...). Ведь случилось же, что в 1920 г. на международном съезде кинематографистов собравшиеся с удивлением констатировали, что находящийся на этом съезде и незнакомый большинству присутствующих пожилой мужчина как раз и есть изобретатель кинематографа — Луи Люмьер. А между тем, многие из состава этого съезда были убеждены в том, что изобретатель кинематографа уже давно умер. Вот уж поистине «человека забыли»...

Страна советов знает, помнит и чтит Люмьера. Она видит в нем одного из блестящих сынов Франции, одного из гениев человечества. Она ценит весь гигантский труд его жизни, всю глубину замысла, все остроумие конструктора, которым отмечено его гениальное изобретение.

Интеллектуальные пути великой Франции сыграли немалую роль в наших собственных исканиях. Французские просветители-энциклопедисты XVIII века внесли свою долю положительного материала в мощное здание современного научного социализма. Школа великих французских революций была своего рода классической школой и для целых поколений наших революционеров. Живой и остроумный, математически точный и бурно рвущийся вперед, изящно-эффективный, чрезвычайно богатый изобретательством гений трудовой Франции многое дал миру и еще далеко не сказал своего последнего слова.

Мне невольно вспоминаются те парижские впечатления, о которых сообщал нам Владимир Ильич при своем возвращении из первой своей поездки в Париж в 1893 г. Он с особым увлечением отмечал те несравненные качества исключительно живой восприимчивости и коллективной сплоченности, которые бросались ему в глаза при наблюдениях французского «демоса» на рабочих собраниях. Луи Люмьеру в его ранней молодости приходилось поддерживать свою семью тяжелым трудом кустаря-химика. Свои трудовые навыки он, несомненно, вынес из рядов этого парижского «демоса». Быть может, от тех же корней идут и те его симпатии к Советскому союзу, о которых он открыто говорит.

Каковы бы ни были те исторические испытания, которые предстоят дружбе народов СССР и Франции, мы твердо знаем, — в трудовых толщах той и другой страны крепнет такая взаимная тяга, которой не страшны никакие испытания.

Пройдут известные, и на этот раз уже весьма ограниченные, исторические сроки, и народы мира сольются в одну дружную братскую семью. И будут тогда бойцы этих народов отмечать битвы прошлых лет, даря бессмертием тех из них, которые прокладывали для всего человечества пути к лучшей жизни. Но такое же бессмертие они будут дарить и тем достижениям науки, техники и искусства, которые мощно облегчали поколениям людей трудности их исторических подъемов. И среди деятелей этого рода бессмертным будет и имя Луи Люмьера, подарившего миру «наиболее мощное средство массовой агитации», а следовательно, и сплочения человечества на великом пути борьбы и подъема от мира старого к новому миру.

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ ПЛАНА ГОЭЛРО [1]

Истекло пятнадцать лет со времени VIII Всероссийского съезда советов, которым заканчивалась первая военная полоса Октябрьской революции и начиналась полоса громадных хозяйственных работ по восстановлению и реконструкции народного хозяйства. На VIII Съезде советов В. И. Ленин в своем историческом выступлении дал исчерпывающую характеристику тех особых трудностей, которые ожидали нас при хозяйственной перестройке, и глубоко обосновал программу электрификации страны. Лишь благодаря мощной поддержке В. И. Ленина на этом же съезде был заслушан самый план электрификации всего народного хозяйства, и коллективная работа представителей науки и техники того времени, работавших над этим планом, смогла быть поставлена на правильные рельсы и своевременно закончена. Таким образом ровно 15 лет назад на VIII Съезде советов впервые был оглашен генеральный план развития народного хозяйства России на базе электрификации, составленный Государственной комиссией по электрификации, или, сокращенно, Гоэлро.

Отмечая 15-летний юбилей плана Гоэлро, мы тем самым отмечаем начинание, имеющее совершенно исключительное значение. В самом деле, разве не впервые в человеческой истории огромная страна, занимающая 1/6 часть земной суши, в совершенно исключительной обстановке вступала на путь такого совершенно исключительного строительства? Военные события довели эту страну до состояния крайней разрухи, настроение к ней всех окружающих ее государств продолжало быть отнюдь не дружеским. А дело шло не о разрешении теоретического вопроса о том, можно ли построить социализм в одной стране, дело шло о фактическом построении социализма в нищей, в конец разоренной стране.

Накануне мировой войны, еще задолго до ее губительных ударов, хозяйственный организм довоенной России являл собой весьма жалкую картину. Чтобы справиться с обременительным государственным бюджетом, приходилось и форсировать рост государственных долгов и придерживаться политики «не доедим, а вывезем». Недаром К. Маркс в свое время иронизировал над тогдашней диспропорцией внешней, показной силы царской России и ее гнилым хозяйственным фундаментом. По нищете и обездоленности русское крестьянство конкурировало с злосчастным крестьянством азиатского Востока.

Все производство крупной фабричной промышленности в 1913 г. исчислялось около 6 млрд. руб., причем командные высоты этой индустрии находились в руках иностранного капитала. По грамотности по любым показателям культуры довоенная Россия представляла собой, по выражению, однажды проскользнувшему в тогдашней прессе, «пятно невежества» на европейской карте. Понятно, что в таких условиях все то, что было чест-

[1] Статья, напечатанная в журнале «Плановое хозяйство» №1, 1936 г. Печатается по тексту журнала.

ного в стране, либо прямо находилось в стане революции, либо в определенной степени тяготело к нему. Едва ли на долю революционеров какой-либо нации выпадала столь трудная задача, какая десятками лет стояла перед революционерами довоенной России. Если в своей внешней политике царская Россия играла роль мирового жандарма, то по отношению к своим собственным гражданам, по умению держать всю общественность под гнетом лютого жандармского застенка, гнать лучших людей страны в тюрьмы, на каторгу, в холодную Сибирь, не жалеть казацких плетей, солдатских патронов и виселиц — довоенная Россия была своего рода классической страной.

Политический строй довоенной России был пронизан крепостническими остатками, и многомиллионный трудящийся массив этой страны одновременно страдал и от недоразвитых и развитых форм капитализма. Накануне войны численность промышленного пролетариата в круглых числах определялась в 3,5 млн. единиц, и на плечи героического актива этого класса выпали все испытания гражданских битв. В такой исключительно трудной обстановке и разразились события грандиозной военной полосы Октябрьской революции.

1920 и 1921 тг. были годами голодных неурожаев. К кризисам топлива, транспорта, рабочей силы и валюты присоединился еще продовольственный кризис. Городская промышленность страны, казалось, находилась в состоянии конечного распада. Ее средний уровень едва дотягивал до $^1/_5$ довоенного уровня. Особенно плохо дело обстояло с такими решающими статьями, как с хлебом промышленности — каменным углем, как с ее костяком — черным металлом. Каменный уголь и железо — это родина электроэнергии. Немудрено, что в условиях тогдашней разрухи все электроснабжение страны находилось под тяжким ударом. И в таких условиях с трибуны Всероссийского съезда советов прокламируется план Гоэлро, прокламируется необходимость в кратчайший срок догнать передовые индустриальные страны по их электровооруженности, являющейся основой всей современной техники крупной машинной индустрии и таким образом решающей статьей мирового соревнования. Как можно было бросать столь смелый вызов такой суровой действительности?

Работники Гоэлро были превосходно знакомы с тогдашней проповедью известного проф. Гриневецкого, одного из крупнейших техников того времени, в его книге, посвященной послевоенным перспективам русской промышленности. В этой книге Гриневецкий утверждал, что для спасения страны необходимо сохранить основы буржуазного строя и пойти на поклон к иностранному капиталу. По расчетам Гриневецкого выходило, что Россию можно вывести из ее тяжкого кризиса лишь путем немедленного займа в 15—20 млрд. руб. золотом и вливания этих капиталов на добычу сырья, в промышленность и в транспорт, причем восстановительная работа должна была занять период 10—12 лет. Не так думали работники Гоэлро. Для них было ясно, что шаблонные пути выхода из гигантского кризиса, охватившего всю страну, были заказаны. На этих путях никакие займы не могли выручить. Мировая война ребром поставила вопрос о новом переделе мира, события в котором продолжали развиваться под лозунгом: «горе побежденным». Лишь стоя на почве Октябрьской революции, лишь ища спасения именно на ее путях, взывая против сил старого мира к силам мира нового, так и только так могла спасти свои судьбы страна, вырвавшаяся из стихии войны революционным путем.

Перед глазами миллионов только что прошли события военной полосы Октябрьской революции. Надо было быть слепым, чтобы не видеть в этих событиях той могучей энергии, тех новых сил, которые давали себя знать в славных боях такими бессмертными подвигами, таким героизмом. Ставка

на героический коллектив трудящихся масс нашей страны, на их выдержку, закаленность в борьбе и преданность общему великому делу — вот что было основной ставкой плана Гоэлро, противопоставлявшейся всему стану врагов и маловеров.

Наряду с этой социально-политической установкой плана Гоэлро такую же решительность должна была проявлять его технико-экономическая установка. На счастье трудящихся нашей страны, столь обездоленной по всему ее прошлому, власть находилась в руках у героической, закаленной в боях партии, причем во главе этой партии стоял величайший гений — Ленин. Именно по его плану была организована вся группа работников Гоэлро, и он зорко следил, чтобы она не сбивалась с тех рельс для движения вперед, прокладку которых он творил с таким изумительным сочетанием глубокого научного расчета и пламенной революционной энергии.

План электрификации нужен, — писал в своем письме ко мне Ленин, — для того, «чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную, и земледельческую, сделаем электрической...».

«Повторяю, — надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет» (Соч., т. XXIX, стр. 432).

Вдумайтесь в эти строки, и вы поймете, что именно в них, в этой ставке на творческую энергию сплоченных революционных масс пролетариата и крестьянства — весь ключ к уразумению основной позиции плана Гоэлро.

В другом месте В. И. Ленин писал: «Единственный выход... может быть только в восстановлении производительных сил, но не на старой, нищенской, мелкой основе, а на основе новой крупной промышленности и электрификации».

Накануне VIII Съезда советов, выступая в конце ноября 1920 г. на Московской губпартконференции, Ильич сказал: «На Съезде советов поставлен доклад по электрификации России для того, чтобы единый хозяйственный план восстановления народного хозяйства, о котором мы говорили, установить со стороны техники. Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть и речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно» (Соч., т. XXV, стр. 490—491).

В этих словах с достаточной ясностью подчеркнуто, что и в технико-экономическом разрезе плана Гоэлро проводился резкий разрыв между хозяйственным строем старой полукрепостнической России и Россией послеоктябрьского переворота. Лозунг электрификации означал перевод всего хозяйства на базу новой техники, на базу крупной машинной индустрии, концентрации производственных мощностей и решительного переворота в организации и эффективности живого человеческого труда. Революционная энергия проснувшихся к новой жизни миллионных масс трудящихся должна была быть подкреплена соответствующим техническим вооружением. Это вооружение и должна была дать электрификация. План утверждал, что электрификация является основной идеей нашего хозяйственного строительства, потому что она оказывается наиболее надежной опорой для интенсификации, рационализации и механизации производства.

Исторический VIII Съезд советов в основной массе своих делегатов воодушевленно приветствовал план Гоэлро. Он встретил этот план, как бодрящую весть о грядущих победах в труднейших битвах за новый строй хозяйства. А между тем В. И. Ленин в своем выступлении на этом съезде

энергично предостерегал собравшихся от трудностей предстоящего им хозяйственного строительства. Такое строительство требовало мобилизации сил, многократно превышавшей ту мобилизацию, которая требовалась для военной полосы Октябрьской революции.

Весть о новом дерзновенном начинании большевиков быстро разнеслась по всему миру. За нашим рубежом этот опыт считали простым блефом, покушением с явно негодными средствами. И вместе с тем не могли не удивляться, как громадное собрание представителей рабочих и крестьян, собрание, в рядах которого находилось столь много лиц, еще вчера ставивших на полях сражений свою собственную жизнь на карту, т. е. борцов, по собственному опыту знавших все трудности окружающей их обстановки, как такое собрание могло увлечься планом Гоэлро. Последний был пригоден, казалось бы, только для исключительно передовых в индустриальном отношении, для исключительно богатых стран. И наши и заграничные маловеры никак не могли правильно оценить мощных творческих резервов Октябрьской революции, а также уразуметь значение того обстоятельства, что в лице работников Гоэлро значительная группа представителей науки и техники включалась в советское строительство. Ведь в этом плане добросовестно подытоживался хозяйственный, технический и научный опыт авангарда целого поколения технической интеллигенции того времени. Но те бойцы Красного Октября, которые присутствовали на этом съезде, превосходно это понимали, и когда В. И. Ленин в своем выступлении заявил, что наступят такие времена, когда чисто политические дебаты отойдут на задний план, когда на трибунах съездов все чаще и чаще будут появляться инженеры, агрономы и профессора, — съезд ответил ему на этот тезис громом аплодисментов.

Ныне, через 15 лет после прокламирования плана Гоэлро, мы с особенной ясностью видим, что правда жизни была на нашей стороне. Жизнь пошла по твердым ленинским вехам этого плана. Жизнь оправдала Ленина, основоположника и вдохновителя этого плана. Жизнь оправдала Сталина, который немедленно по прочтении плана заявил, что он мастерски составлен и что надо бросить пустые разговоры и немедленно приступить к его реализации. Жизнь оправдала тех, кто верил в победоносную энергию миллионов трудящихся, сбросивших с себя эксплоататорские цепи, и тех, кто в самом составлении плана, несущего резервам народной армии недостающие для них знания, видел знаменательный симптом великого времени.

* * *

План Гоэлро намечал строительство 30 районных электрических станций мощностью в 1 750 тыс. *квт*, а это требовало капиталовложения в сумме около 1,2 млрд. руб. золотом. План был рассчитан на 10—15 лет. Срок оптимального варианта, следовательно, истекал в начале 1932 г. В соответствии с этой программой электрификации предполагалось, что выплавка чугуна будет поднята несколько выше 8 млн. *т* годичного производства, что добыча нефти будет доведена до 15 млн. *т*, добыча каменного угля — до 58 млн. *т*. Наряду с широкой электрификацией транспорта план проектировал приведение в порядок всей железнодорожной сети и постройку 20—30 тыс. *км* новых железных дорог. Общий размах промышленной продукции намечалось поднять на 80—100% по сравнению с довоенным временем, а вся сумма расходов по плану исчислялась грубо в 17 млрд. руб. золотом.

В золотом исчислении, следовательно, восстановительный фонд работниками Гоэлро и проф. Гриневецким определялся примерно одной и той же величиной. Об электрификации и даже о теплофикации говорил в своей книге и проф. Гриневецкий. Но как диаметрально противоположна была позиция, политическая и хозяйственная, работников Гоэлро и проф. Грине-

вецкого: первые видели свои идеалы впереди, в грядущем, второй — целиком базировался на строе уходящем.

Кто же оказался прав? Известно, что последним годом первой пятилетки должен был быть 1932/33 хозяйственный год. Подводя итоги этой пятилетки, мы, таким образом, подводим итоги того времени, в которое, в лучшем случае, должно было бы уложиться выполнение плана Гоэлро. Первая пятилетка в ее реализации является ответом на план Гоэлро, ответом не на словах, а на деле. Каков же этот ответ? Недаром т. Сталин называет годы первой пятилетки годами великого перелома. В эти годы великого перелома мы не только выполнили, но и перевыполнили основные наметки плана Гоэлро. Мы построили не 30, а 40 электрических станций районного значения. Программа выработки черного металла почти в точности совпадает с программой черного металла плана Гоэлро. Такое же совпадение — по линии угледобычи, по линии торфа. Что же касается социальной и технической реконструкции сельского хозяйства, то грузная баржа сельского хозяйства отплыла от своих прежних полуазиатских берегов гораздо дальше, чем это предполагалось по плану Гоэлро. Колхозное и совхозное строительство, сотни тысяч тракторов, брошенных в деревню, превращение этой деревни, представлявшей прежде всего мелкое и мельчайшее и отсталое крестьянское хозяйство, в хозяйство крупнейшее и передовое по концентрации хозяйственных мощностей и по механизации, уничтожение кулачества как класса и окончательная победа коллективных форм хозяйства в деревне, — все это по своим фактическим масштабам далеко перекрыло не только наметки плана Гоэлро, но и плана первой пятилетки. В этом пункте, быть может, мы имеем наиболее красноречивый ответ самой действительности на те великие предвидения, которые связаны у В. И. Ленина и его соратников с реализацией нерушимого, крепнущего с самым ходом времени боевого и хозяйственного союза рабочих и крестьян.

Ныне страна оставила позади не только первую пятилетку, но и уже большую половину второй пятилетки. Действительность подводит под первые планы социалистического строительства уже гораздо более глубокие, более решительные итоги. Далекими представляются те времена, когда масштабы электростроительства на передовом Западе многократно превосходили возможные для нас масштабы и когда по выработке электрической энергии в мировом счете мы занимали одно из последних мест. В 1935 г. выработка в нашей стране электрической энергии поднялась почти до 26 млрд. *квтч* годичного производства. По масштабу выработки энергии мы идем непосредственно за США и Германией, т. е. занимаем третье место в мире. Однако у нас имеются все основания в 1936 г. вступить в соревнование с Германией за второе место в мире по выработке электроэнергии. Ныне только две районных электроцентрали Московской электросистемы — Шатура и Кашира — производят ежегодно свыше 2 млрд. *квтч*, т. е. больше, чем все электрические станции довоенной России вместе взятые.

Мощно развилась одна из крупнейших ветвей тяжелой индустрии — электропромышленность. Достаточно сказать, что продукция нашей электро- и энергопромышленности такова, что удовлетворение спроса на ежегодное новое электростроительство в 700—800 тыс. *квт* (около половины всего плана электростроительства по Гоэлро) для нее не представляет особых затруднений. Однако общий рост индустриализации и культурно-бытового спроса на электрическую энергию настолько велик, что нас уже не удовлетворяет и нынешняя база электропромышленности. Другими словами, страна наша окрепла на тех путях, которыми ее вел Ленин и которыми ее ведет ныне т. Сталин, настолько, что по своему хозяйственному строительному масштабу она многократно превосходит тот масштаб, который в свое время удивил весь мир в плане Гоэлро.

Однако такое количественное сравнение отнюдь не является исчерпывающим. От оценки количественной надо перейти к оценке качественной. Технико-экономические показатели наших электростанций резко отличаются от западных капиталистических норм, и это отнюдь не потому, что техника наших станций выше западноевропейской и американской техники. Удвоенное и утроенное число годичных часов использования мощностей, установленных на станции, по сравнению с западноевропейскими нормами, громадная концентрация электромощностей, увеличенная глубина проникновения электрического привода и электроэнергии во все производства, — все это идет не за счет нашего технического превосходства, а за счет тех преимуществ, которыми мы располагаем в силу планового социалистического режима нашего хозяйства. В положительной характеристике такой хозяйственной базы, которой является электрификация, мы имеем прямые побеги того успеха по реализации научного социалистического плана хозяйства, первоосновы которого были заложены планом Гоэлро.

К 18-й годовщине революции советская электроэнергетика уже располагала шестью ведущими электросистемами с годовой производительностью каждая свыше 1 млрд. *квтч*, и в том числе четыре с производительностью свыше 2 млрд. *квтч* (Московская, Ленинградская, Донбассовская, Днепровская), Московская же электросистема с ее 4-миллиардным электробалансом в нынешнем году заняла первое место в Европе, уступая лишь первым в мире трем американским электросистемам (Ниагарская, Нью-Йоркская и Тихоокеанская). Именно наша электроэнергетика с особой решительностью выдвинула преимущества комбинированной выработки тепловой и электрической энергии, т. е. сооружения не просто электроцентралей, а теплоэлектроцентралей.

К восемнадцатому году революции СССР по масштабу теплофикации бесспорно занял первое место в мировой энергетике. Около 1 млн. *квтч* теплофикационных агрегатов, свыше 200 *км* тепловых сетей — таковы нынешние итоги нашего централизованного теплоснабжения, обеспечивающего стране гигантскую экономию топлива. Многие из наших станций уже широко известны миру, как крупные вехи качественных достижений в борьбе человека со стихиями природы. Однако развернутый строй электроэнергетики мы ожидаем лишь в результате работ третьей и, быть может, даже четвертой пятилетки. Недаром Владимир Ильич говорил о 10—20 годах совместной работы пролетариата и крестьянства. К тому времени наши энергосистемы станут крупнейшими мировыми энергосистемами.

Электросети будут пересекать все обширные пространства нашей страны и создавать во всем нашем хозяйстве неслыханное единство. Эта энергосистема будет подкреплена мощными природными энергоресурсами нашей страны, более близкое знакомство с которыми показало, что во всех своих основных разделах — и по линии нефти, и по линии гидроэнергии, и по линии угля и торфа — мы можем претендовать на мировое первенство. Однако решающий переход от количества к качеству во всей нашей охваченной небывалым энтузиазмом учебы и строительства стране отнюдь не исчерпывается анализом судеб его электроэнергетической базы. Еще более крепкий залог нашего успешного движения вперед, наших грядущих побед мы имеем в тех изменениях самого лица трудящихся, начало которых мы наблюдали уже в годы первой и второй пятилеток. Вспомним слова К. Маркса о том, как в процессе труда, изменяя лицо природы, изменяется и сам человек. Вспомним, какое огромное значение придавал В. И. Ленин тому первому почину коммунистических форм труда, которые он видел в скромных субботниках того времени.

Вспомним первые сдвиги по линии ударничества и социалистического соревнования, которыми страна наша ответила на призывы первой пяти-

летки. Вдумаемся в вещие слова т. Сталина, вернейшего ученика Ленина и великого вождя народов нашей страны, о труде, ставшем у нас делом чести, делом доблести и геройства. И, подведя итоги во всех этих направлениях, еще раз продумаем то, что было с такой глубиной сказано т. Сталиным относительно развертывающегося на наших глазах героического народного стахановского движения.

Именно в этом решающий ключ тех новых качественных перемен, которыми будет по праву гордиться наша страна, развертывая фронт великих работ в своих новых пятилетках. И не может быть иначе, чтобы на этот прилив новой творческой энергии миллионных масс не последовала новая ответная волна подъемных работ представителей нашей науки и нашей техники. Отмечая 15-летие Гоэлро, мы уже подчеркивали, что известный почин в этом направлении представляла сама выработка этого плана. Мы, однако, имеем все основания предполагать, что в ближайшем грядущем боевое и творческое единство работников наших полей, фабрик и всего нашего просвещенческого фронта будет гораздо более глубоким и решающим.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аксельрод П. Б. 53, 60
Александров И. Г., акад. 309
Алексеев Петр (ткач) 297
Анненков 336
Аристотель 332, 364
Арсеньев К. И. 13
Атлантикус (К. Баллод) 116, 124, 296, 434

Б

Бабедж Ч. 335
Базаров (Руднев) В. А. 412
Байков А. Н., акад. 410
Баллод К. (см. Атлантикус)
Барбес 350
Бердников А. И. 8
Берне Людвиг 362
Бернштейн Эдуард 349
Бланки О. 350
Богданов А. А. 249, 413
Болотов, проф. 389
Бонч-Бруевич М. А. 88
Бонч-Бруевич Н. 97
Брайло Г. П. 462
Браславский И. Я. 8
Бремган 396
Бруснев 244
Брукус В., проф. 7, 325
Вухгейм Э. 94
Буш 475

В

Вокансон 341
Ваглаури, проф. 309
Ванеев А. А. 60, 65
Варга Е. 116
Веденеев, акад. 387
Вейц В. И. 288
Вильямс В. Р. 469, 474, 476
Винчер А. В., акад. 96
Витте С. Ю. 63
Вознесенский А. В., проф. 377, 386
Вольт 309
Ворошилов К. Е. 424

Г

Гегель 364
Гедройц, проф. 468
Гете 480, 481
Гинзбург (скульптор) 47
Гленн Франк 294
Голдовский, проф. 486
Горбунов Н. П. 88
Гозебрух 400
Гриневецкий В. И. 131, 145, 489, 491
Губкин И. М. 382, 409
Гувер Г. 113, 281, 295, 313
Гуревич Б. А. 400
Гуревич, д-р 27
Гусев С. И. 441

Д

Дан Ф. 61
Дарвин Чарльз 86, 122, 305, 331, 332, 343, 364
Дауэс Чарльз 129
Двайт Теодор 15
Демини (Франция) 486
Депре Марсель 269, 348, 349
Дессауэр, проф. 115
Дзержинский Ф. Э. 141—150, 245
Доливо-Добровольский 348

Е

Ершов А. 325

З

Запорожец П. К. 50, 55
Засулич В. И. 53, 60, 424, 430

И

Иванов Иосиф 305—309
Иоффе А. Ф., акад. 309
Ипатьев, акад. 410

К

Каган-Шашбай, проф. 462
Камо (Петросян) 244
Кат Э. 358
Кардан 340
Квиринг Э. И. 9
Келен Н. 314
Келлер Б., акад. 386, 465, 466
Классон Р. Э. 90, 93
Ключевский, проф. 412
Книпович, проф. 388
Ковалевский Н. А. 285—287, 292, 295, 296
Костяков, проф. 390
Красин Л. Б. 50, 97, 243—250
Крестинский Н. Н. 248
Круг К. А. 98
Крупская Н. К. 50, 52, 235, 452

Кугельман 434, 435
Кукель-Краевский С. А. 389, 398
Кунов Г. 415
Курнаков Н. С., акад. 410
Кускова Е. Д. 59
Кучинский Ю. 233
Кювье 332
Кютельтен С. 325

Л

Лавров П. Л. 50
Леви, инж. 448
Ленин В. И. 7, 8, 20, 30—35, 46—49, 51—65, 86—100, 108, 111, 114, 117, 123, 133, 141, 145, 217, 219, 221, 223, 224, 241, 243—247, 249, 266, 267, 271—273, 275, 276, 283, 285, 287, 297—300, 303, 304, 308, 318, 320, 326, 333, 334, 347, 350, 351, 353, 365, 368, 379, 381, 382, 385, 404, 405, 409, 413, 417—454, 483, 485, 488—494
Либкнехт В. 337, 350
Липпарт (Германия) 238
Литвинов М. М. 248
Ломоносов, проф. 142
Лопатин Г. 354
Люмьер Август 486
Люмьер Луи 484, 486, 487
Лиховский, д-р 53

М

Малченко 50
Маргерит Виктор 480
Маркони 484
Маркс Карл 5, 6, 33, 47, 49, 51, 58, 65, 86, 87, 99, 104—111, 115, 122, 227, 267, 270, 277, 283, 284, 286, 290, 294, 300, 301, 305, 306, 308, 331—365, 393, 404, 408, 409, 411, 415, 417, 421—424, 427, 429—431, 433—436, 449, 452, 453, 467, 474, 488, 493
Мартенс Л. К. 90
Мартов Ю. О. 53, 59, 60
Мартынов (Пиккер) 95
Межлаук В. И. 29, 317
Меттерних 350
Мещеряков Н. Л. 411, 415
Микоян А. И. 236
Милютин В. П. 229
Михайловский Н. К. 50
Михалевский 356
Молотов В. М. 320, 419, 420
Монроэ 112
Морган 364

Н

Названов М. К. 50
Наполеон 350
Невзорова З. П. 50, 51
Невзорова С. П. 50
Некрасов Н. А. 57, 380, 412
Николай-он 270

О

Оствальд В. 309
Оуэн Р. 347

П

Павлов И. П., акад. 410
Павлов М. А., акад. 323
Павловский, акад. 387
Панина 64
Петти Вильям 302
Планк Р. 324
Плеханов Г. В. 53, 60, 61, 361
Подгорный А. И. 322
Подолинский С. 334
Пойнтинг 484
Полынов, проф. 468, 469
Попов А. С. 484
Потресов А. Н. 59, 60
Поуль 486
Прасолов, акад. 469—471
Прянишников Д. Н. 465, 466, 471—474

Р

Радченко С. И. 50, 56
Распайль 350
Ратенау Вальтер 238, 305
Рентген 484
Ризенкампф, проф. 375, 386, 390
Роллан Ромен 246
Росси П. Л. 335
Рубинштейн Модест 307, 308
Руте 356

С

Салтыков-Щедрин 50, 362
Свечин 16
Сильвин М. А. 50
Ситников М. 308
Скворцов-Степанов 411—416
Складановский 486
Соколовский, акад. 477, 478
Сократ 47
Сталин И. В. 7, 8, 229, 236, 272, 273, 328, 353, 365, 379, 418, 419, 421—424, 429, 433, 436, 440, 452—454, 457, 468, 477, 479, 481 483, 485, 491, 492, 494
Старков В. В. 50, 57
Стебут, проф. 477
Струве П. Б. 53
Струмилин С. Г. 16—18, 20, 44, 138, 238 239, 327, 328
Стомоняков (НКИД) 248

Т

Тейлор У. 301
Тихий, проф. 368
Толстой Л. Н. 48
Торричелли 286
Тургенев И. С. 55

У

Уатт Джемс 294
Ульянов В. И. (см. Ленин В. И.)
Ульянов А. И. 51
Уэльс Г. 47, 98

Ф

Фалькнер С. А. 79, 116
Филиппченко, проф. 326
Фраас 346
Франклин 332
Франс Анатоль 246

Фурье Шарль 347, 352

Х

Хайдеггер, инж. 310, 312, 314

Ц

Цезарь Юлий 340
Цивинский 244
Цюрупа А. Д. 90

Ч

Чапаев В. И. 485
Чаплыгин А. Н., проф. 390
Чез Стюарт 295
Чейко, инж. 88
Чернышов А. 308
Чернышевский Н. Г. 354, 362, 430, 481
Чубарь В. Я. 88

Ш

Шелгунов Н. В. 243
Шелест А. И. 142, 249
Шмидт Конрад 284
Штаркенберг 286, 339
Штейнмец Карл 114

Щ

Щедрин (см. Салтыков-Щедрин)

Э

Эдисон 484, 486
Энгельс Ф. 33, 49, 65, 87, 106—110, 267, 270, 277, 283, 284, 286, 290, 332, 336, 339, 341, 344, 348—350, 353—356, 358, 359, 361, 364—366, 422, 423, 433, 435, 436, 454
Энштрем А. Ф. 304

Ю

Юр Э. 335

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Стр.

Предисловие 5

1922—1925 гг.

Вопросы районирования 11
Техника и перспективы нашего хозяйства 14
В. И. Ленин и работы по электрификации 30
Великий, неповторимый 33
Проблема сбыта и «ножницы» 36
Воспоминания о В. И. Ленине 46
Проблема «ножниц» (доклад на III Сессии ЦИК Союза о «ножницах»). 66
Ленин и техника 86

1926—1928 гг.

К идеологии социалистического строительства 103
Транспорт в перспективном плане народного хозяйства 131
Феликс Дзержинский 141
Десять лет хозяйственного строительства 151
Социалистическая реконструкция и культурное строительство 227
Леонид Красин 243

1929—1932 гг.

Социалистическая реконструкция и стандартизация 253
Организационные вопросы стандартизации 261
Итоги и очередные задачи социалистического строительства 266
Вопросы построения генерального плана 277
Основы технико-экономической конструкции СССР 298
Высшая школа на новом этапе 317

1933—1935 гг.

Маркс о революционном прогрессе техники при социализме 331
Гений пролетариата 360
Проблема социалистической реконструкции и освоения Волго-Каспийского бассейна 367

Проблема Большой Волги 380
Энергетика во второй пятилетке 393
Задачи научного фронта электрификации 404
И. И. Скворцов-Степанов 411
По ленинским вехам 417
Ленин, диктатура пролетариата и построение социализма 426
На втором туре 455
Наука и социалистическое земледелие 465
10 лет кино 480
К 15-летию плана Гоэлро 488
Именной указатель 495